Л650
т1 173

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

1650
173

1550/173

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
А.И.АНДРЕЕВА
I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1947

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

905307V

Н. А. БАКЛАНОВА

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО ЗА ГРАНИЦЕЙ В 1697–1698 ГГ.

(ЕГО ЖИЗНЬ И БЫТ ПО ПРИХОДО-РАСХОДНЫМ КНИГАМ ПОСОЛЬСТВА)

К числу наиболее прозаических, однообразных и сухих по форме исторических источников принадлежат приходо-расходные книги. На их страницах с монотонной последовательностью, день за днем, помещены одна за другой записи о различных расходах, произведенных в том учреждении, из которого вышли данные книги. Однако эти отрывочные записи приходо-расходных книг, при внимательном чтении их, вскрывают перед исследователем подлинную жизнь во всем разнообразии ее ежедневных проявлений. Перед нами постепенно развертывается обстановка, в которой жили и действовали люди прошлого, как будничная, так и создававшаяся какими-либо событиями, выходившими за рамки обычных условий. Мы узнаем их занятия, видим, во что они одевались, чем питались, что занимало их досуг.

Кроме богатства материала, заключающегося в приходо-расходных книгах, они ценны еще тем, что исследователь имеет возможность подходить к ним гораздо проще, чем к большинству исторических источников. Они не нуждаются в предварительном анализе с точки зрения их достоверности. Нет необходимости заподозрить их правдивость, так как в них нет места тенденциозности, извращениям. Единственный недостаток, который может встретиться в них,— это какая-нибудь описка или ошибка переписчика и, самое большее, преувеличение суммы расхода в той или иной записи пытавшегося сплутовать подьячего.

Эти особенности делают приходо-расходные книги одним из ценнейших источников по истории России, дающим материалы в той сфере, которая обходится источниками других категорий, если не считать известий иностранцев, зачастую невежественных и тенденциозных, да немногочисленных записей русских современников, не свободных от субъективного отношения к изображаемой ими русской действительности.

Приходо-расходные документы великого посольства 1697—1698 гг. состоят из двух книг и тетради, из которых издана лишь одна книга. Это значащаяся по описям бывшего Московского Главного архива Министерства иностранных дел книга Австрийского двора № 48, в лист, на 164 листах. Она напечатана как приложение к IX тому „Памятников дипломатических сношений". Ненапечатанными остались хранящиеся в том же архиве: книга Австрийского двора № 47, также в лист, на 316 листах, и „Тетрать записная росходу денгам, которые взяты у агличан торговых людей" (Австрийские дела 1698 г. № 25) на 19 листах. Дополнительным материалом к перечисленным документам является „Роспись, что поставлено на яхту" (Австрийские дела 1698 г. № 28[1]), на 10 листах заключающая перечень вещей, приобретенных посольством за границей и отправленных из Голландии в Россию.

Приходо-расходные книги великого посольства уже не раз привлекали внимание исследователей. Ими пользовались в свое время С. М. Соловьев и Н. Г. Устрялов, затем М. А. Веневитинов.[2] Они многократно цитируются в работе М. М. Богословского.[3] Однако они не были исследованы в целом. С. М. Соловьев и Н. Г. Устрялов прибегали к ним по мере надобности, М. А. Веневитинов — в той части, которая касалась жизни посольства в Голландии, причем его интересовала почти исключительно финансовая сторона; М. М. Богословский подошел к этим книгам вплотную и полностью использовал их материал, относящийся к самому Петру, а также привлекал и другие сведения из них; распо-

---

[1] В окончательной редакции эта роспись вошла в Статейный список великого посольства „Памятники дипломатических сношений" (I), далее ПДС, т. VIII, стр. 1241—1242).

[2] М. А. Веневитинов, Русские в Голландии, Великое посольство, 1697—1698 М., 1897.

[3] М. М. Богословский, Петр I, Материалы для биографии, т. II, 1941.

ложенные в хронологическом порядке, они рассыпаны по всей его работе.

Между тем, этим книгам следует уделить большее внимание, чем то, которым они пользовались до сих пор. В целом приходо-расходные книги могут значительно дополнить те сведения, которые заключаются в статейном списке великого посольства.

Расходы, занесенные в приходо-расходные книги этого посольства, можно разбить на следующие рубрики:

А. Затраты на государственные нужды

1) Покупка предметов военного снаряжения и корабельного оборудования;

2) траты на наем военных и мастеровых людей;

3) расходы на обучение различным специальностям состоящих при посольстве волонтеров;

4) выдача жалованья и кормовых денег членам посольства.

Б. Расходы на удовлетворение личных нужд участников посольства

Деятельность посольства по приобретению предметов военного снаряжения, найму специалистов и обучению волонтеров различным техническим знаниям подробно изображена в работе М. М. Богословского, поэтому данная статья ее не касается. В ней делается попытка проникнуть в другую область и собрать материал, характеризующий преимущественно частную жизнь членов посольства и лиц, состоявших при нем.

Приходо-расходные книги дают материал о внешнем виде членов посольства, обстановке их жилища и их канцелярии, об их питании, знакомстве с западноевропейскими обычаями, о развлечениях, вкусах, сказавшихся в том, какие покупки они делали для себя, и т. д. Наконец, приходо-расходные книги знакомят нас и с тем, насколько участники посольства, разбирались в различных финансовых операциях, производившихся ими в тех учреждениях, с которыми им приходилось иметь дело за границей. Собранные вместе, эти черты дают возможность сделать некоторые наблюдения общего характера: об элементах двух культур, русской и заподноевропейской, проявившихся в деятельности посольства в период пребывания его за границей, и о взаимоотношении этих культур.

I

Посольство выехало из Москвы в начале марта 1697 г. По своей численности оно значительно превосходило прежние русские посольства. При каждом из трех послов состояла свита из дворян, различная в зависимости от ранга посла: при первом — Франце Лефорте — из 14 человек, при втором — Ф. А. Головине — из 8 и при третьем — П. Б. Возницыне — из 2. В посольство входили различные должностные лица: 7 подьячих, 2 переводчика „латинского, немецкого и галанского языков", 3 толмача разных языков из Посольского приказа, 2 золотых и серебряных дел мастера, лекарь, собольщик, священник и дьякон, взятые из дворцовой церкви, и четыре карла. При посольстве „для учения воинского поведения и морского дела" ехал отряд волонтеров, состоявший из 35 человек, во главе с „комендором" кн. А. М. Черкасским. Среди них находился и Петр. Посольство сопровождала охрана из 62 солдат Преображенского полка под командой майора Шмидта (из них 12 человек были „устроены" в гайдуки). При многих участниках посольства ехала их прислуга. Наконец, посольство имело свой хозяйственный штат: стряпчих, подключников, поваров, хлебников и др., большая часть которых сопровождала его частью до Новгорода, частью до Риги.[1] Всего в составе посольства при его отправлении из Москвы находилось, по подсчету М. М. Богословского, более 250 человек.[2] В дальнейшем состав и численность рядовых членов посольства изменялись. С одной стороны, по приходо-расходным книгам можно наблюдать случаи перехода их в волонтеры и обратно, с другой — работа посольства за границей требовала увеличения его штата: принимались вновь переводчики, толмачи, лекари, скороходы, трубачи и др.

Остановимся на одной из групп рядового состава посольства, имевшей ближайшее отношение к приходо-расходным книгам,— на подьячих. Их было семь. Двое, по терминологии XVII в., „старые", т. е. старшие, были взяты из Посольского приказа. Это были Михайло Волков и Михайло Родостамов. О Волкове не сохранилось биографических сведений, но о Родостамове, который, судя по фамилии, был, вероятно, грек, известно, что он поступил в Посольский приказ еще в 1683 г., а до того был подьячим „верхней типографии". В 1688—1689 гг. он был с Возницыным в Польше, а с 1695 г. числился уже „старым подьячим" Посольского приказа. По возвращении из великого посольства он был пожалован в дьяки, в 1700 г. участвовал в воинском походе под шведские города, в 1702 г. был с Петром в Архангельске. Его служебная

[1] ПДС, т. VIII, стр. 751—753.

[2] Указ. соч., стр. 13.

карьера прервалась в 1714 г. пострижением в монастырь. Остальные пять подьячих принадлежали к „середней статье“ и служили ранее: Михайло Ларионов и Никифор Иванов — также в Посольском приказе, (причем Ларионов состоял там уже с 1680 г. и за это время успел побывать в Англии, Голландии, Бранденбурге и Флоренции, проведя за границей полтора года с дьяком Василием Постниковым), Иван Черницов — в Казанском приказе, Федор Буслаев и сын Михаила Ларионова — Петр — в приказе Большой казны.[1] Эти лица ведали посольской канцелярией и являлись хранителями денежных и иных средств великого посольства, черпавшихся при его отъезде из следующих источников:

1. Из приказа Большой казны было взято “на корабельные наймы и на иные посольские расходы“ 15 000 золотых червонных, считая по рублю золотой.

2. Из Сибирского приказа было велено выдать на 70 000 рублей соболей сороками и парами „в поминках и на роздачу от дел“, т. е. в качестве подарков и в вознаграждение за услуги. Однако в Сибирском приказе, повидимому, не оказалось нужного количества соболей. Их выдали только на 50 000 рублей, а на остальную сумму добавили других мехов и материй (в приходо-расходных книгах упоминаются: мех горностайный, овчины серые, камки китайские, лауданы разных цветов, изорбаф персидский, седло китайское, ковер китайский, шпалер китайский шелковый с золотом.[2] Ввиду необходимости особенно тщательного хранения таких предметов, как меха и материи, легко портящихся от моли и сырости, к ним был приставлен специалист — торговый человек собольщик Иван Михайлов.

3. Третьим источником средств посольства была ефимочная казна в количестве 80 761 ефимка (из расчета по полтиннику ефимок), „которые ефимки довелись взять в приказ Большие Казны за продажной поташ на торговых иноземцах на Христофоре Бранте да на Иване Любсе по переводным письмам“. Эти иноземцы вместо денег за купленный ими в Архангельске поташ выдали векселя, по которым посольство получило соответствующую сумму по приезде в Амстердам в несколько приемов (с августа 1697 по март 1698 г.) у девяти голландских торговых людей — должников Бранта и Любса — через посредство амстердамского приятеля Петра — бургомистра Николая Витзена.

Такой способ получения денег представлял для русского правительства двойное удобство: во-первых, он ускорял расчет с московскими торговыми иноземцами, во-вторых, освобождал посольство от необходи-

[1] С. А. Белокуров, О Посольском приказе, М., 1906, стр. 128, 130; ПДС, т. VIII, стр. 752, 610—611.

[2] Там же, стр. 535, 586; книга Австрийского двора № 47, л. 35.

мости везти с собою через всю Европу такой громоздкий и тяжелый груз, как 80 слишком тысяч ефимков. Приходо-расходные книги сохранили в своих записях некоторые подробности приемки ефимков. „Те ефимки бурмистра Витцена у прикащиков принимал и расписывался приказу Большие Казны подьячей Федор Буслаев, а росход держал Посольского приказу подьячей Михайло Ларионов за ево, Федоровым, письмом, не перечитая тех денег вдругоряд, потому что и он, Федор, у того ж дела был по приказу их, великих и полномочных послов". Полученные у приказчиков Витсена ефимки ссыпались в мешки и на подводах перевозились в помещение, занимаемое посольством. Они представляли собой тяжелый груз: из одной записи расходной книги видно, что для перевозки 10 000 ефимков понадобилось совершить две поездки. Это объясняется тем, что значительная часть суммы, по желанию посольства, выдавалась мелкой монетой — „галанскими ходячими шелингами". Для хранения денег 26 августа 1697 г., т. е. через 10 дней по приезде в Амстердам, „по приказу великих и полномочных послов куплен в Амстердаме из ряду железной сундук с нутряным замком, с наружья малеваной, на поклажу великого государя ефимочные казны". Заплачено за него было 11 ефимков 10 алтын 2 деньги. [1]

Перечень расходов этих ефимков был составлен подьячим Михайлом Ларионовым. Впоследствии при проверке оказалось, что у него нехватает 151 слишком ефимка. Ларионову грозили неприятности. „И те деньги, — повествует расходная книга, — учинились знатно во многих приемах и розных больших и мелких дачах в обчете или в скорости забвением в росходе в прописке и о том подьячей Михайло Ларионов по святей непорочной евангельской заповеди господни, еже ей-ей, сказал, что тем деньгам я не корыстен и в том недочете воля великого государя". История с недостачей ефимков закончилась для Ларионова благополучно. Через полтора года по возвращении в Москву „боярин Ф. А. Головин с товарищи, слушав сих книг, приказали по челобитью Посольского приказу подьячего Михайла Ларионова за многую ево, Михайла, работу в бытность во европских государствах в посольстве при великих и полномочных послех... и для нынешней ево царегородцкой посылки, что ево велено послать к турскому салтану с его, великого государя, грамотами в гонцех, ефимков, которые по книгам ево в росходе против приходу в недочете явились, 151 еф. 3 ал. 4 д. на нем, Михайле, не править и впред не спрашивать".[2]

Однако всех этих сумм оказалось недостаточно для покрытия расходов посольства в бытность его за границей. Поэтому был использо-

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 35, 176—177, 178 об., 179.

[2] Там же, лл. 290, 293 об., 294.

ван дополнительный ресурс —20 000 рублей, полученные за предоставленную маркизу Кармартену табачную монополию (отчет в расходовании этой суммы помещен в составленной подьячим Иваном Черцовым, который ездил в Англию вместе с Головиным для заключения „табачного" договора, „Тетрати записной росходу денгам, которые взяты у агличан торговых людей".[1]

К этим 20 000 рублей была присоединена еще 1000 рублей, полученная за проданный корабль, на котором приехало посольство.

Так как и этих средств нехватило, то уже во время пребывания посольства в Амстердаме, 10 декабря 1697 г., в приказ Большой казны был послан указ, подписанный Петром, который предписывал „на покупку фузей, и на карабельные припасы, и на наем начальных людей, и матрозов, и всяких чинов людей, и на наем караблей, взять у торговых иноземцев, которые живут на Москве, векселя, или переводные писма, на восмдесят на две тысячи ефимков да на сорок тысяч золотых червонных, и прислать те векселя к великим и полномочным послом с Москвы в Амстердам чрез почту". В соответствии с этим указом, с февраля 1698 г. в Амстердам стали поступать векселя на голландских купцов (всего 20 векселей) в несколько иной валюте — 101 199 ефимков 14 алтын 4 деньги и 29 999 золотых 24 алтына. Ефимки принимал и расходовал подьячий Михаил Волков, а золотые — Михаил Родостамов. Как и у Ларионова, у Волкова оказался при сдаче отчетности недочет в размере 52 ефимков. Он это объяснил тем, что „мелкие галанские денги для скорости приниманы без перечету, и иноземцом дачи даваны вдруг на день человек по сту и слишком, в скорости знатно переданы, и тот недостаток учинился безхитростно". Объяснение его, повидимому, было найдено удовлетворительным.[2]

Хуже вышло с М. Родостамовым, в ведении которого находились 300 000 золотых. На обратном пути из Голландии в дороге опрокинулась телега, на которой стоял сундук с остававшимися за оплатою расходов золотыми. Сундук упал, разбился, золотые рассыпались и раскатились в стороны. Их подобрали, но при подсчете оказалось, что недостает 33 золотых. Отвечать за них пришлось Родостамову. Он оправдывался тем, что не мог сопровождать сундука с деньгами, так как должен был ехать вместе с послами другой дорогой: „Тот недочет учинился не от нерадения ево, но от небытности и от непрестанные суеты". Расследование дела о недостающих червонцах закончилось лишь через $6^1/_2$ лет по возвращении посольства, в течение которых Родостамова, к этому времени

---

[1] ПДС, т. IX, стр. 946, 960 и сл.

[2] Австрийские дела 1698 г. № 25.

ставшего уже дьяком Посольского приказа, неоднократно тревожили допросами. 12 марта 1704 г. было велено эти 33 золотых из доимки у М. Родостамова выложить „и в расходных ево книгах тое доимку подписать с подлинною очисткою". По листам приложенного к приходо-расходной книге делу стоит рукоприкладство Родостамова: „К сему с выписки списку Михайло Родостамов и руку приложил". Далее через всю страницу сверху донизу идет чрезвычайно замысловатый росчерк, точно перо его нечаянно размахнулось от радостного сознания, что, наконец, благополучно закончилось скучное, неприятное дело.[1]

Вернемся еще раз к суммам, из которых слагались средства великого посольства. Это были:

I. Основные, назначенные при его отправлении из Москвы:

1) 15 000 золотых „на корабельный наем";

2) соболиной казны и камок на 70 000 рублей на подарки;

3) ефимочной казны на 80 761 ефимок по переводным письмам.

II. Дополнительные средства, полученные в период пребывания посольства в Голландии:

1) 20 000 рублей за табачную монополию;

2) 1 000 рублей за проданный корабль;

3) 101 199 ефимков и 29 999 золотых переводными письмами.

Расходование перечисленных сумм (кроме табачных денег, отчет по которым содержится в „тетрати записной") и составляет содержание двух больших приходо-расходных книг посольства: № 48, напечатанной в Памятниках дипломатических сношений и № 47— ненапечатанной.

Первая начинается словами: „1701-го года марта в 26 д. подал таковы книги подьячей Михайло Волков". Далее помещены сведения о получении по векселям ефимков и золотых в Амстердаме в феврале 1698 г., и дается сводный отчет о расходовании ефимков, золотых и соболиной казны. Затем повторяются сведения об их получении, и снова помещается отчет о расходовании средств, полученных по векселям (но только ефимками), уже в хронологическом порядке, за каждый день, начиная с 21 февраля 1698 г. Таким образом, книга № 48 не дает сведений о том, из каких сумм оплачивались расходы великого посольства за все время его путешествия до 21 февраля 1698 г. М. А. Веневитинов, считая, что книга № 48 является единственным отчетным документом посольства, во-первых, преуменьшил его расходы на 80 слишком тысяч ефимков, переведенных в августе 1697 г. и не занесенных в книгу № 48, и, во-вторых, принужден был сознаться: „Как были израсходованы все эти 190 000 рублей (основные средства + табачные деньги и деньги за

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 170—172.

проданный корабль.—*Н. Б.*), мы не в состоянии проследить вполне точно, так как расходные книги посольства дают нам отчет лишь об употреблении 102 000 ефимков, полученных в Амстердаме 24 февраля 1698 г.“ [1]

Это недоразумение устранится, если мы обратимся к ненапечатанной книге № 47, на 316 листах. Эта книга, не имея вступительной части, начинается с подзаголовка: „Книги приходные и расходные 15 000 червонным золотым“. Далее следуют разделы: „Книги приходные и расходные соболиной казне“, „Книги расходные 29 999-ти золотым 24 алтынам“ и „Книга приходная и расходная ефимочной казне которые ефимки... приняты в Амстердаме по переводным писмам за галанцов торговых людей у бурмистра Николая Витцена 205-го и 206-го году“. В этом последнем разделе расходные записи начинаются с августа 1697 г. и заканчиваются мартом следующего года. Из данного перечня видно взаимоотношение книг №№ 47 и 48. Книга № 48, напечатанная в т. IX „Памятников дипломатических сношений“, является началом, в котором, в виде введения, дается систематизированная по отдельным рубрикам сводка расходов ефимочной казны второй присылки и затем, по мысли составителей книги, должна следовать отчетность расходования каждого отдельного поступления. В книге № 47 помещена отчетность в расходовании ефимочной казны второй присылки и золотых той же присылки. Таким образом, книгу № 47 следует считать продолжением напечатанной книги, которая без нее не может быть понята. Следует пожелать, чтобы книга № 47 была напечатана, как необходимое дополнение к книге № 48, с которой она составляет одно целое.

II

Перед выездом посольства из Москвы члены его получили вперед жалованье: первый посол в размере 2 920 рублей, второй — 2 300 и третий — 1 600 рублей; остальные — соответственно занимаемому в посольстве месту, например, дворяне — по 130 рублей, подьячие — от 120 до 80 рублей и т. д. Кроме того, каждому из трех послов было выдано содержание натурой, состоявшее из различных сортов меда, рыбы (осетрины, белорыбицы и лососины) и муки крупичатой. Другие участники посольства получили содержание частью натурой, частью деньгами. С посольством везли платье и вообще личные вещи его членов. Из казны были посланы некоторые предметы обстановки, которыми Посольский приказ счел нужным снабдить отъезжающих: „Два рукомойника с лахан-

[1] Веневитинов, Русские в Голландии, стр. 174.

ми, два шандана серебреные, щипцы, два ковра золотных, два сукна столовых" (скатерти). Наконец, с посольством была отправлена денежная и соболиная казна, материал из делопроизводства Посольского приказа, касающийся предшествовавших посольств, который мог понадобиться для справок, и канцелярские принадлежности, купленные по росписи, составленной Головиным. В ней значатся: золото твореное (для писания грамот), сургуч красный и черный, воск красный (для печатей), чернила сухие и жидкие, бумага писчая и александрийская, пергамент, свечи восковые витые и сальные, счеты, клей, ножницы, шелк красный сученый (для подвешивания печатей), два сундука для дел, два фонаря, сукно красное „на мехи к делам" (род наших портфелей), „ящик для почтовых отправлений и на дела" и др. К ним были присоединены две государственные серебряные печати — большая и малая, специально изготовленные перед отъездом посольства.

Сани, нагруженные продовольствием и личными вещами участников посольства, а также казенным багажом, составили длинный обоз, выехавший из Москвы еще до отъезда посольства. О величине его можно судить по тому, что под весь посольский поезд потребовалось 1 000 подвод.[1]

Независимо от выданных вперед жалованья и кормовых, содержание и обмундирование всего состава посольства оплачивались во время путешествия из казенных сумм, а сами послы и некоторые наиболее видные участники посольства покупали для себя за границей на казенный счет различные вещи для своего личного обихода.

Приходо-расходная книга № 48 выделяет в особые рубрики расходы, производившиеся лично на Петра и на каждого из трех послов. Последуем этой системе и посмотрим, из чего складывались их траты. Веневитинов, согласно итогам расходов ефимочной казны, приведенным в книге № 48, определяет расходы, произведенные лично на Петра, в 1830 ефимков; на первого посла Лефорта с его свитой — в 5 579 ефимков (из этой суммы на него самого — 5 215 ефимков и на свиту — только 364 ефимка), на второго посла — Головина — 1 280 ефимков и на третьего — Возницына — 1 737 ефимков. Последняя цифра превышает цифру расходов Головина, занимавшего в посольстве место, более видное по сравнению с Возницыным, потому что в нее входят крупные суммы, затраченные на представительство во время Карловицкого конгресса, в котором принимал участие Возницын.

Сравнивая приведенные цифры, видим, что самым неэкономным оказался Лефорт: его расходы почти втрое превосходят траты самого

[1] ПДС, т. VIII, стр. 508—512, 525—529, 542, 628, 631, 657—658.

Петра. Следует, конечно, иметь в виду, что эти итоги дают преуменьшенные цифры, так как охватывают только расходы, производившиеся из сумм, полученных по векселям второй партии. Чтобы создать себе полное представление о всех расходах, к ним надо присоединить расходование 15 000 золотых, соболиной казны, табачных денег и денег за проданный корабль, а также средств, полученных по векселям первой партии. Итогов расходования этих сумм по таким рубрикам, как это сделано в книге № 48, книга № 47 не дает. Попытка проделать эту работу в настоящее время дала бы очень шаткие результаты, потому что далеко не всегда представляется возможным совершенно точно установить, на кого именно были сделаны те или иные расходы. Поэтому приходится ограничиться итогами, подведенными подьячим Михаилом Волковым и помещенными в книге № 48, считая, что они, хотя и не являются полными, все же дают возможность установить взаимоотношение расходов виднейших участников посольства, произведенных из части средств великого посольства. Есть все основания предполагать, что это взаимоотношение соблюдается и в расходовании остальных сумм посольства, записи о которых, помещенные на листах книги № 47, также используются нами для характеристики трат, производившихся на Петра и каждого из трех послов.

Петр занимал в посольстве двоякое положение: с одной стороны, это был Петр Михайлов — один из десятников отряда волонтеров, поехавший за границу вместе с остальными молодыми людьми учиться морской науке и попутно знакомиться с европейскими обычаями, с другой — это был государь могущественной страны, руководивший, хотя и неофициально, деятельностью великого посольства и имевший встречи с главами европейских государств. Траты из средств посольства, записанные в расходную книгу под рубрикой: „Про его, великого государя, обиход", можно разделить соответственно двум функциям, выполнявшимся Петром: как царя и как волонтера.

Записи расходов, произведенных на Петра, открываются тратой на изготовление „персоны" — миниатюрного эмалевого изображения царя, скопированного с портрета, только что перед тем написанного с него в Англии, по желанию короля Вильгельма, его придворным живописцем Готфридом Кнеллером. 8 апреля 1698 г., во время пребывания Петра в Англии, было уплачено голландскому торговому человеку Захарию Диксу „за запону алмазную, которую с персоною делал про великого государя, 140 гиней золотых"; 17 апреля ему же „за алмазные персоны, что делал великого государя в Лондоне, за золото и за алмазы дано к прежней дачи и за работу 220 гиней. Всего и с прежнею дачею 360 гиней. И в том числе за работу 10 фунтов аглинским счетом". Из

последней записи можно заключить, что Диксу было заказано несколько миниатюр с изображением Петра. 9 апреля голландскому ювелиру Юрию Нордерману было уплачено „за семнадцать алмазов, которые куплены про его, великого государя, обиход к персоне, семсот шестьдесят ефимков", а 11 мая „дано за ево, великого государя, персону, которая прислана из Англии, за золото и за работу, сорок девять ефимков восемь алтын две денги". Повидимому, первым лицом, которому был пожалован миниатюрный портрет царя, был третий посол—Прокопий Богданович Возницын, после отъезда остальных членов посольства оставшийся в Вене для участия в предстоявшем Карловицком конгрессе. После церемонии подписания перемирия с Турцией, состоявшейся 14 января 1699 г., первый турецкий посол реис-эфенди Рами-Магомет вступил с Возницыным в разговор о Петре. Поводом к этой беседе послужила замеченная турком на груди у русского посла привешенная на маленькой золотой цепочке к большой золотой цепи (полученной Возницыным в подарок от Голландских штатов) „персона великого государя, его царского величества, оправленная в золото и алмазами украшенная".[1] Эта „персона" по приезде посольства в Москву неоднократно воспроизводилась мастерами Оружейной палаты и служила для почетных подарков. Экземпляры ее имеются в Государственном историческом музее.

„Персона" была самой крупной тратой Петра. Другим предметом подобного же рода была медаль с резным изображением царя. „Образец" ее был сначала „написан на меди" живописцем Матеузом Вульфом в Амстердаме (в апреле 1698 г.). Затем по этому образцу в мае было сделано амстердамским медальером Ароном Дойсом „про его, великого государя, обиход 16 серебряных и три золотых метали", а также штемпель. За материал и за работу ему было уплачено 277 ефимков. Еще четыре золотых медали были сделаны Юрием Нордерманом: „отдавал те метали делать бурмистр Николай Витцен". Они обошлись в 89 золотых 2 деньги, и уплата за них была произведена уже на обратном пути посольства в Россию — в городе Клеве. Вскоре как раз в медали представилась надобность: расставаясь в Лейпциге с бранденбургским приставом бароном Беккером, сопровождавшим послов от Клеве, послы вручили ему 80 золотых, и, кроме того, ему была дана „государева персона в 20 золотых".[2]

Во время пребывания посольства в Вене при императорском дворе состоялось традиционное костюмированное празднество, в котором принял участие Петр, явившийся в костюме фрисландского крестьянина в сопровождении трех послов, секретаря посольства Петра Лефорта,

[1] Австрийские дела 1698 г. № 25, лл. 2 об., 3 об.; ПДС, т. IX, стр. 469, 979, 1013.
[2] ПДС, т. IX, стр. 931, 981, 1020; книга Австрийского двора № 47, лл. 34, 87 об.

гонца майора Адама Вейде и двух волонтеров Александра и Гаврилы Меншиковых, одетых в „потешное платье", сделанное им для этого случая. По обычаю, после празднества каждый принимавший в нем участие кавалер должен был поднести даме, с которой он танцовал, подарок. Расходные книги сохранили запись, свидетельствующую, что Петр выполнил это требование: „Куплен перстень с алмазы в подарок девице княжне Туринской Ягане, которая у цесаря на пиршестве танцевала, дано 205 золотых". Вместе с перстнем ей было послано четыре пары соболей общею стоимостью в 120 рублей и пять косяков камки.[1]

Когда Возницын направлялся на Карловицкий конгресс, то в Вене, и тогда уже, очевидно, славившейся своими экипажами, им была куплена для царя карета. К сожалению, приходо-расходные книги очень скупы на подробности в записях об ее покупке. Мы узнаем лишь, что за нее было заплачено 70 золотых, что она была, повидимому, украшена золоченой деревянной резьбой, соответственно моде того времени: „За холстину на обивку и на увертку у государевы кареты золоченых мест и на гвоздья и на веревки тонкие дано золотой 20 алтын". Карета была отделана внутри бахромой, которая была заменена другой, может быть, потому что не понравилась покупателю: „За бахрому, которая куплена в Петрварадыне вместо обрезаной к государеве карете, дано 6 золотых 22 алтына". По этим очень скудным данным все же можно полагать, что карета была предназначена для торжественных выездов русского царя. В расходных книгах есть еще упоминания о покупке, нового сундука и ящика „на государевы шоры". Возможно, что эта упряжь предзначалась именно к только что купленной парадной карете, повтому ее так заботливо упаковывали. Карета и купленные к ней лошади были отправлены в Москву под наблюдением дворянина Владимира Борзого и подьячего Михаила Волкова. На путевые расходы, на корм и наем конюхов им была отпущена крупная сумма — 400 золотых. Однако не всех лошадей удалось доставить до места: „И Михайло Волков подал денгам росходные книги и лошадям, которых продал и что за них взял и которых довел".[2]

Из предметов роскоши для Петра были еще приобретены в Англии бархатные обои: „За обой стенной, что из бархату красного зделан, 10 штук, да два подзора такова ж бархату с круживами золотными заплачено по указу великого государя 26 червонных". Наконец, в приходо-расходных книгах есть запись о покупке для Петра серебряной посуды, но какой именно и за сколько, остается неизвестным. Приходо-расход-

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 99 об., 102 об.

[2] Книга Австрийского двора № 47, лл. 139 об., 143, 140 об., 145 об., 154 об., 157.

ные книги сообщают лишь о том, что был сделан специальный сундук „на государеву серебряную посуду".[1]

В записях расходов Петра-волонтера очень часто встречаются указания на покупку различных инструментов. Так, например, 8 мая 1698 г. было уплачено „маеору Яну Гошке за трубы железные, деланые к пилованью про его, великого государя, обиход, 10 еф. 13 ал. 4 д." Через несколько дней получил вознаграждение ракетный мастер Кашпер Швертнер „за работу ракетных станков, которые посланы с Гумером к Москве". В этой записи сказалась страсть Петра к фейерверкам, проявлявшаяся еще с юношеских лет и сохранившаяся на всю жизнь. Доктору Постникову было выдано 200 ефимков за купленный им для царя в Англии какой-то „философский инструмент антлиа". Особенно много различных инструментов покупалось для Петра в Англии Яковом Брюсом, посланным туда для занятий математикой. 1 апреля 1698 г. было „заплачено по указу за инструменты, что купил Яков Брюс, три гинеи аглинских". 8 апреля ему же „дано за провоз из Лондона в Детфорт (где находился в то время Петр) инструментов математических и что некоторое из них куплено, 2 гинеи золотых". Некоторые из этих инструментов представляли значительную ценность: 18 апреля „за инструменты серебряные" Брюсу было дано шесть с половиною гиней. Иногда расходная книга более точно обозначает род инструмента. Например: „За инструмент восьмьстант 40 гиней дано по указу Якову Брюсу". 10 мая „дано инструментовому майстеру Мицу за квадрант мортирной и за линею, которые взяты про обиход великого государя, 30 золотых", Брюс покупал для царя инструменты целыми партиями по составленному списку: „Якову Брюсу по последней росписи за инструменты по указу дано 4 фунта 18 шеленгов и 6 копеек. Он же взял за квадрант математической Исаку Керверу 10 гиней 14 шеленгов". В другой раз Брюсу было выдано „20 фунтов аглинских и 2 гинеи и 16 шеленгов за взятье инструменту, что у него иманы при бытии государеве в Лондоне". Петр щедро расплачивался за нужные ему инструменты. Так, еще на пути в Голландию, в Кёнигсберге, 5 июня 1697 г. „инженеру и полуполковнику Штнейтеру, которой поднес некоторому волонтеру[2] огнестрелные инструменты, дано 100 золотых".[3] Узнав об интересе Петра к различным инструментам, лица, искавшие сближения с ним, старались обратить на себя его внимание этими предметами. Так

[1] Австрийские дела 1698 г. № 25, л. 17 об.; книга Австрийского двора № 47, лл. 101 об., 142 об.

[2] Так обычно называется в приходо-расходных книгах Петр.

[3] ПДС, т. IX, стр. 931, 1007, 1015, 1016; Австрийские дела 1693 г. № 25, лл. 4, 5 об., 6, 7 об., 11, 12 об.; книга Австрийского двора № 47, лл. 8, 31 об., 61 об.

поступил, например, иезуит патер Вольф, лелеявший мысль о соединении церквей православной и католической. Стремясь получить расположение царя, он поднес ему „инженерские инструменты", за которые был щедро отблагодарен Петром, получив сорок соболей в 260 рублей, сорок — в 200 рублей и четыре косяка камок.

Брюс снабжал Петра не только математическими инструментами. 9 апреля он приобрел для него наряду с 24 циркулями также „малой глобус, что в корпусе". Еще дорогой, в Берлине, за два крейцера были куплены два (в расходной книге по ошибке написано „три") „чертежа — бранденбурской да галанской". Они, видимо, служили для справок в пути.[1] Хотя имя Петра не фигурирует в этой покупке, однако можно предположить, что она была сделана по его распоряжению, так как он, вероятно, больше остальных участников посольства интересовался местностями, по которым приходилось проезжать.

Много внимания было уделено покупке лекарств и различных медицинских инструментов. Еще в самом начале путешествия, 5 июня, лекарю посольства, Ивану Термонту, названному по этому случаю „аптекарем", было дано 6 золотых „за лекарства, которые он, едучи от Риги до Кенихзберха, покупал на свои денги". Такие аптечки для текущих надобностей посольства и своих собственных заводились Петром во все время заграничного путешествия. Во время пребывания его в Англии тому же Термонту было дано три фунта стерлингов „за покупку лекарств про обиход великого государя, что он держал в Англии". В Амстердаме 13 мая было уплачено 15 золотых „за оптечку малую аптекарю Гоудину Дулю... И отдана та оптечка на Остинской двор". Во время обратного путешествия, 11 июля, „лекарю Ивану Термонту на лекарства, на полотно, и на кожи пластырные, и на сковородки к варенью всяких лекарств, которые купил, едучи от Клева до Вены, да в Вене в дорогу венецийскую, дано 35 золотых". Кроме отдельных покупок и приобретения небольших аптечек, делались крупные закупки лекарств: 10 ноября „по указу великого государя лекарю Ивану Термонту на покупку лекарств по росписи с роспискою 50 ефимков". 13 апреля следующего года — „за лекарства по росписи Ивана Еремеева, что держал по указу великого государя, 16 червонных и 6 аглинских шеленгов". В некоторых случаях в расходных книгах прямо указывается, что лекарства покупаются для отправки в Москву. Так, например, 11 мая „по указу великого государя и по приказу великих и полномочных послов дано галанцу торговому иноземцу Христофору Бранту за лекарства, которые куплены про его, великого госу-

[1] Австрийские дела 1698 г. № 25, л. 14; книга Австрийского двора № 47, л. 8.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

даря, обиход, по росписи и по приговору лекаря Ивана Термонта, а ему, Христофору, приняв те лекарства в Амстрадаме, отвесть к Москве и держать до его, великого государя, указу; всего за те лекарства дано 160 ефимков, и роспись тем лекарствам у него, Христофора". Трудно предположить, чтобы в данном случае выражение „про его, великого государя, обиход" означало, что лекарства предназначены для лечения самого Петра, в то время еще совсем молодого и здорового человека. Не следует ли видеть в них аптечку, которой Петр собирался пользоваться как врач для лечения окружающих, подобно тому, как он впоследствии любил выступать в роли дантиста?

По желанию Петра, за границей приобретались также хирургические и другие медицинские инструменты. 18 апреля в Англии „агличанину Андрею Стелсу заплачено заемные денги, что у него займывано в розное время в пребытие великого государя в Лондоне и что платил за лекарские инструменты по росписи Ивана Еремеева 983 фунта и 17 шеленгов". На следующий день было уплачено фунт и три шиллинга „за провоз сундуков лекарю Болдвину Андросову, что отвозил из Детфорта в Лондон с инструментами, которые куплены, 60 скрын к лекарскому делу."[1]

Живя в Голландии, Петр, наряду с другими ремеслами, стал учиться и гравированию у гравера Адриана Шхонебека. Известна только одна гравюра, вырезанная Петром под его руководством, аллегорически изображающая то дело, для котораго посольство отправилось за границу — заключение союза европейских держав против Турции. Сам Петр больше не возвращался к занятию гравированием, но считал нужным развивать его в России и для книжных иллюстраций и для издания отдельных гравюрных листов, которые должны были запечатлевать крупные исторические события: вспомним, например, гравюру „Взятие Азова", сделанную по заказу Петра Шхонебеком, приглашенным им на русскую службу, или составленную в 1713 г. „Марсову книгу". Приходо-расходные книги сохранили для нас сведения о первых заказах, сделанных Петром этому граверу. 13 мая 1698 г. было „дано амстрадамцу Андриану Шхонабеку за резбу досок на огнестрелные вещи и за компасную доску и за книгу алтилерии 123 ефимка 10 алтын".[2]

Мы узнаем из расходных книг и о других покупках книг для Петра. Так, 17 апреля было уплачено Петру Постникову „за анатомическую книгу, что куплено по указу в Лондоне, 7 фунтов аглинского счету стерлянгов дано; да другую книгу, в которой роспись книго-

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 8, 32, 95, 202; Австрийские дела 1698 г. № 25, лл. 6 об., 8, 13 об., 14 об.; ПДС, т. IX, стр. 931, 1012,

[2] ПДС, т. IX, стр. 931, 1019.

хранительнице аксонской, полтора фунта; всего восемь с половиною фунтов". 7 января „дано полковнику Якову Брюсу на покупку книги да инструмента математического 16 ефимков". Хотя название книги не указано, но можно догадываться, что и она имела отношение к математике. Один из членов посольства — Адам Вейде — на обратном пути в Россию купил в Дрездене „про обиход великого государя" книги, за которые ему было уплачено три золотых. К сожалению, ни число книг, ни их названия не указаны. Эти скудные записи, повидимому, лишь отчасти отражают расходы на приобретение книг. Некоторое представление о размерах книжных покупок дает запись в одном из вариантов „росписи, что поставлено на яхту". На первом месте там значится „большой сундук с книгами и с инструментами.[1]

В приходо-расходных книгах есть записи о покупке для Петра различных канцелярских принадлежностей. Его, видимо, очень интересовали химические чернила. С самого начала путешествия он ведет о них переписку с Виниусом и неоднократно обращается к нему с просьбою прислать рецепт для составления этих чернил.[2] Во время пребывания в Амстердаме также принимаются меры к тому, чтобы получить нужный состав. Вскоре по приезде, 23 августа, было выдано 10 золотых и пара соболей в 8 рублей „иноземцу Францу фон Богарту, которой умеет составливать водки, что пишут тайно". Через два месяца он получил еще шесть золотых за то, „что он тайной питательной водки состав показал". Встречаем в расходных книгах записи о покупке для Петра бумаги. Ее должно было выходить много, судя уже по дошедшему до нас количеству писем Петра, относящихся ко времени его заграничного путешествия. Возницын купил для Петра в Вене письменное бюро: 15 февраля 1699 г. „куплена про государев обиход скрыня большая писарская ореховая". Для отправки ее в Россию столяру был заказан специальный ящик, который затем был дан кузнецу для оковки его железом. 3 ноября 1697 г. вслед за записью о покупке стопы писчей бумаги читаем: „Да для скорой и памятной записки книжка костяная, дана 23 ал. 2 д.". Кому предназначалась эта книжка, в записи, к сожалению, не указано, но если вспомним привычку Петра в последующие годы носить с собою всегда записную книжку, то можно предположить, что и эта покупка была сделана для него.

Пройдя практический курс кораблестроения, Петр занялся теорией; ему пришлось учиться черчению. Расходные книги упоминают о покупке пергамента для чертежей и чертежных досок. Под 2 ноября находится

[1] Австрийские дела 1698 г. № 25, л. 3, № 28, л. 1; книга Австрийского двора № 47, лл. 91, 243 об.

[2] М. М. Богословский, указ. соч., стр. 18—19.

запись о приобретении красок: „Куплено красок розных на ефимок и отосланы на Остинской двор". Возможно, что они потребовались для раскраски чертежей. Перед отъездом посольства в Москву, в Вене делались крупные покупки чертежных принадлежностей. Очевидно, они были рассчитаны не на одного Петра, а, может быть, предназначались для будущей „навигацкой" школы, для которой уже были приглашены из Англии учителя. 10 июля „зделано 11 досок ореховых на корабельные чертежи. Дано за дерево и за дело и за оковку железом 9 золотых". 27 июля был оплачен другой заказ: „Карабелных чертежей за ореховые доски одинаких болших за пять, средних паристых за 9 пар да менших за 10 пар, да к ним же приделаны железные петли, да для отвоски к Москве четыре ящика. Дано за доски и за железо и за работу столяру и кузнецу 30 золотых 35 ал. Отданы для отвозу к Москве Ульяну Синявину".[1] 7 сентября Возницыным было куплено в Вене „про государев обиход к корабелным чертежам 200 пергаминов, дано 50 золотых".

Значительные суммы были истрачены на приобретение различных редкостей, среди которых первое место занимают "коркодил" и „рыба свертфиш", т. е. меч-рыба: 9 апреля „куплено в Амстрадаме у торгового человека у Варфоломея Форгагена морской зверь коркодил да морская рыба свертфиш про его, великого государя, обиход, а дано за нее двести ефимков". Из переписки Петра узнаем, что этой покупке предшествовали длительные переговоры с владельцем, так как цена, назначенная им, казалась покупателям слишком высокой.[2] „И отданы тот зверь, — продолжает расходная книга, — и рыба для отвозки к Москве бомбардиру Ивану Гумеру". Среди ящиков с купленным оружием и корабельными принадлежностями на яхту были погружены также „два ящика, а в них коркодил да рыба свертфиш".

К той же группе расходов следует отнести 165 ефимков, уплаченных „торговому человеку Бартелю фон Гагену за покупные товары: за фарфуровые суды и за раковины и плоды морские, которые куплены на Остинской двор". Петр позаботился, чтобы на время его отъезда в Англию все эти предметы были перевезены для лучшей сохранности с Ост-индского двора в помещение, занимаемое послами: 4 января „за провоз с Остинского двора на посолской двор фарфуровых судов и в скляницах всяких вещей дано ефимок". Ко времени отъезда из Голландии таких покупок набралось, вероятно, довольно много. Узнаём, например, что 1 декабря была „куплена на Остинской двор к валентером персонка глиняная остинской работы, дано три золотых".

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 24, 26, 50, 94 об., 97 об., 99 об., 103, 111, 139, 140, 196 об.

[2] М. М. Богословский, указ. соч., стр. 347.

Потребовалось изготовление специальных „деревянных ковчегов" „на стеклянные сосуды, в которых обретаютца разные вещи, принесенные в Остинского двора", и покупка хлопчатой бумаги для их упаковки. Вместе с чучелами крокодила и меч-рыбы они были отправлены на корабле в Россию и положили начало петровской кунсткамере.[1]

Амстердамская гавань с теснившимися в ней судами, свозившими товары со всего мира, должна была своим оживлением и разнообразием зрелища, которое она представляла, захватить внимание такого впечатлительного наблюдателя, каким был Петр. Его поражали и обилие кораблей, и разноязычная толпа людей, и невиданные им ранее „диковинки" колониальных стран, которые ввела в моду Голландия, снабжая ими всю Западную Европу. Понятно увлечение Петра этой экзотикой („от роду таких я на Москве китайских вещей не видал, как здесь",— писал он Виниусу 1 марта 1698 г.)[2] и желание его обзавестись чужеземными диковинками. Записи расходных книг сохранили для нас сведения о сделанных покупках редкостей. 16 ноября по его приказу была куплена на Ост-индский двор обезьяна за 8 ефимков, а в апреле следующего года в Лондоне „часовому мастеру Якову Гасениюсу за малую мартышку, что изволил взять государь, дано 11 гиней." Вероятно, это была та самая мартышка, которая причинила неприятности во время визита, нанесенного Петру английским королем Вильгельмом.[3] Обезьяны вместе с попугаями, о покупке которых не упоминают расходные книги, были посланы на корабле в Архангельск под наблюдением Ивана Гумерта; 13 мая 1698 г. ему было выдано „на дорогу, на корм попугаев и мартышек, на яблоки и на орехи, купленые про его, великого государя, обиход, десять ефимков". В Англии Петром был приобретен и „малый арапченок", за которого было уплачено английскому купцу Стелсу 20 фунтов. Для ухода за ним была нанята „девка", которой при отъезде из Англии выдали гинею. Приходо-расходные книги упоминают о выдаче кормовых денег другому „привозному из Англии" арапу — Рыцерту (или, как он называется в другом месте, Роджеру) Ципио. В штате Лефорта мы находим также „привозного из Англии" арапа Арация, которому выдавался корм „против ево лекаев" (лакеев). На Ост-индском дворе жил еще арап Гендрик Сирин, который, по отъезде Петра в Англию, был прислан вместе с различными редкими вещами в посольство. Наконец, там же находился еще один арап, по имени Ян Тютé-курен, принятый

[1] ПДС, т. IX, стр. 931, 979—980; книга Австрийского двора № 47, лл 28, 225 об., 231, 252 об., 269.

[2] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I, № 230.

[3] М. М. Богословский, указ. соч., стр. 301.

на русскую службу в качестве живописца Оружейной палаты. В ноябре 1697 г. он, по приказу послов, делал стол „остинскою работою". За дерево, ящик, золото, краски, медные пробои и кольца ему было заплачено 44 ефимка. В январе следующего года он был занят уже другой работой: писал на полотне „образ снятия Христа спасителя со креста". Вместе с остальными специалистами, взятыми на русскую службу, он был отправлен на корабле в Россию.[1]

С пребыванием Петра в Англии связано приобретение еще двух вещей. 18 апреля „заплочено в Лондоне за судно, за малую яхту, что куплено на великого государя, а зделана вся ис кипарисного дерева, у агличанина Ивана Калсуна 150 гиней золотых аглинских". На следующий день было „куплено платье аглинских законников черное, дано 8 гиней и с поесом".[2] Может быть, эта покупка была сделана под впечатлением состоявшегося 8 и 9 апреля посещения Оксфордского университета, которым остались „зело довольны".[3]

Довольно много соболиной казны и денег было истрачено в качестве подарков и чаевых в связи с посещением различных культурных учреждений и общественных мест, с такою жадностью и неутомимостью осматривавшихся Петром во все время заграничного путешествия. По размерам выданных сумм мы можем до известной степени судить о величине испытанного Петром удовольствия. Так, например, на другой день по приезде в Амстердам посольство осматривало ратушу; „надзирателям", которые „оказывали все полаты и в них вещи, дано 20 золотых". В январе следующего года, перед отъездом Петра в Англию, были даны соболя „дохтуру Рейсу, которой казал анатомию: пара в 10 руб., две пары по 8 руб.". Эта запись вызвана посещением анатомического музея доктора Рюйша, экспонаты которого, по преданию, вызвали восхищение Петра и отвращение его спутников. Кто-то в Голландии для пополнения коллекции редкостей, собранной Петром, „поднес две доски мух", очевидно две коробки с наколотыми на булавки насекомыми. Подарок так понравился, что дарителю было выдано: пара соболей в 30 рублей и три пары по 10 рублей. На обратном пути, проезжая через Дрезден, Петр пожелал осмотреть дворцовую кунсткамеру. Она так заинтересовала его, что он посетил ее два раза, проводя каждый раз в ней по нескольку часов. Под 2 июня в расходных книгах стоит запись: „В Дрездене смотрели великие послы в покоях курфирста саксонского разных вещей и были на пушечном дворе,

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 202, 205, 235, 237 об.; ПДС, т. IX, стр. 928, 933, 1002—1003, 1012; Австрийские дела 1698 г. № 25, лл. 5, 6 7 об., 8 об.

[2] Книга Австрийского двора № 25, лл. 5, 8 об.

[3] М. М. Богословский, указ. соч., стр. 369—370.

и в оружейных палатах и казана им многая конская збруя стародавных саксонских курфирстов. Служителям дано 30 золотых". [1]

В расходных книгах находим записи о покупке Петру одежды и различных принадлежностей к ней. Его траты очень скромны. Как известно, живя в Голландии, он одевался в костюм плотника, а во время выездов с посольством носил платье „простого дворянина", как с удивлением отмечали очевидцы-иностранцы.[2] Только одна запись расходных книг дает некоторое основание говорить о том, что Петру был сделан за границей и парадный костюм: 22 ноября, во время сборов в Англию, было „куплено материи золотной $28^1/_2$ аршин, дано по три ефимка аршин. Итого $85^1/_2$ ефимков. И ис той материи 12 аршин взято на Остинской двор, а $16^1/_2$ аршин взято ко второму великому и полномочному послу на немецкое платье". Головину, который был очень толст, потребовалось на платье больше материи, чем высокому, но узкоплечему и худощавому Петру. В это же время было сделано несколько покупок одновременно для Петра и для Головина. Например, в тот же день „куплены двои волосы накладные кавалерские: одни на Остинской двор, а другие ему же, великому послу, дано 18 ефимков". Месяц спустя им же „по указу великого государя куплено у галанца торгового человека Абрама Диюнка к немецкому платью два линта золотных с кистми на плеча" (аксельбанты). 23 ноября „куплены к немецкому платью двои моншеты да два галстуга добрые с круживы, дано за все 42 ефимка 3 ал. 2 д. И взяты те моншеты и один галстуг на Остинской двор, а другой галстуг взят ко второму великому и полномочному послу". 9 января, через два дня после отъезда Петра с частью волонтеров в Англию, были оплачены покупки, сделанные, очевидно, перед самым выездом: „Заплачено за покупки, что куплено на Остинской двор, за черной пояс с серебром 96 гулденов, за два пояса к муфтям 18 гулденов 6 алтын, за чулки толстые 6 гулденов..." (далее перечисляются расходы на покупку платья для волонтеров, ехавших вместе с Петром). Толстые чулки, вероятно, предназначались для рабочего костюма Петра в Англии. Под стать им был и „кафтан суконной немецкой," купленный за девять ефимков. Из этих записей видно, что, отправляясь в Англию, Петр обзавелся и парадным костюмом и будничным, рабочим. Кое-какие покупки принадлежностей костюма делались для него и в Лондоне. Например, 9 апреля было уплачено

---

[1] М. М. Богословский, указ. соч., стр. 447—448.

[2] Все посещения подобного рода перечислены в указанной книге М. М. Богословского; поэтому, во избежание повторений, ограничимся лишь ссылкой на эту работу.

[3] М. М. Богословский, указ. соч., стр. 199; ор. стр. 445.

за две шпаги: „Одна з золотом, сталной работы, другая серебреная, за обе 11 фунтов аглинских стерленгов. Да за пояс шпажной 12 шеленгов аглинских, шеленг по 4 алтына. Заплачено по указу и взяты вверх". Последнюю фразу следует понимать в том смысле, что шпаги были куплены по распоряжению Петра и отнесены к нему. В тот же день была сделана еще подобная же покупка: „Того ж числа за шпагу серебреную заплачено по указу и взята вверх четыре фунта и одна крона аглинских". Возможно, что часть этих покупок предназначалась Петром для подарков, так как далее следует запись об уплате денег „за кафтан полуметовой немецкой, что зделан послу (вероятно, Головину) по указу". Но есть запись, в которой прямо указывается, для кого была приобретена вещь: 20 мая в Клеве „на покупку валентеру шпаги дано 7 золотых; взял те золотые Александр Меншиков", бывший личным казначеем Петра во время заграничного путешествия. Видимо, Петр любил оружие. По крайней мере, Возницын купил для него в Вене шесть „фузей" за 150 золотых и две пары пистолей по 30 золотых каждая. Однако одну из этих пар пистолей пришлось подарить турецкому послу Рами-Магомету. Есть еще одна запись, касающаяся гардероба Петра, — она неясна. На обратном пути посольства, в Вене, собольщиком Иваном Михайловым была куплена „про его, великого государя, обиход штука полотна шарамбатного на платки, дано четырнатцать ефимков". Что следует подразумевать под „платками": носовые ли платки или шейные, т. е. галстуки, которые, как мы знаем Петр имел обыкновение носить в последующее время,— решить трудно.[1]

Записи о покупках платья для Петра дают нам представление о необыкновенной занятости этого человека. Ему некогда думать о своей одежде. Его мысли поглощены другим. Поэтому он мало внимания уделяет своему костюму. Его платье часто приобретается заодно то с платьем для Головина, то — для волонтеров, как увидим ниже. По этой же причине Петр довольно бесцеремонно забирает себе вещи, купленные для других, если они ему подходят. Так, например, 22 ноября 1697 г. был „куплен из ряду третьему великому и полномочному послу к немецкому платью пояс золотной..." Далее следует приписка: „Тот пояс взят у него на Ост-инской двор". Возницын должен был уступить свою обновку царю. Подобный же случай произошел во время сборов в Англию, когда пажу Павлу Вуду было заплачено 10 ефимков „за взятую у него лисью шубу, которая взята на Ост-инской двор". В Вене, в июле 1698 г., солдату Петру Крылову было дано ползолотого

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 33 об., 139 об., 204 об., 221, 222, 224 об., 235; Австрийские дела 1698 г. № 25, л. 14; ПДС, т. IX, стр. 1025.

„за башмаки, которые взяты у него к валентером". Такое самовольное распоряжение чужим имуществом можно наблюдать у Петра и в тех случаях, когда вещи нужны были не для него самого, а для какой-нибудь экстренной надобности посольства. Голландское адмиралтейство не желало отпустить капитана Крюйса, которого Петр хотел принять на русскую службу. По сведениям Головина, ведшего эти переговоры, благоприятному исходу их мог содействовать секретарь адмиралтейства Девильде. Головин рекомендовал Петру, бывшему в то время в Англии обратиться к сыну Девильде, который тоже находился там, с просьбой, чтобы он повлиял на отца. Чтобы заручиться содействием „Девиллина сына", ему была подарена шпага, взятая „по указу" у волонтера Ульяна Синявина, который получил впоследствии ее стоимость.[1]

Петр был непритязателен в еде. Но у него были излюбленные кушанья, указания на которые встречаются среди записей расходных книг. Так, уже во время заграничного путешествия обнаруживается его пристрастие, сохранившееся на всю жизнь, к сыру. В „Тетрати записной" находится листок, исписанный рукою Головина, в котором значится: „Господину Кинцыушю[2] на покупку про обиход великого государя купить велено что, и тому дана ему роспись. Да к тому велено купить ему два пуда сыров пармазану самого доброго, и всю ту покупку, что купить велено, до приходу к Москве посолского никому не отдавать... На покупку дано ему 80 червонных". Петр, как известно, любил водку, настоенную на анисе. И эта привычка также восходит к первому заграничному путешествию. В расходной книге под 21 августа записано о выдаче „Александру Кикину для строения водки на покупку трех котлов и на романею и на анис" 33 золотых. Такие грандиозные приготовления были сделаны, по справедливому предположению М. М. Богословского, по случаю празднования новоселья на Ост-индском дворе, куда перебрался накануне этого дня на житье Петр с частью волонтеров.[3] Впоследствии Петр сам приготовлял для себя анисовую водку. В расходных книгах есть еще две записи о покупке продовольствия на Ост-индский двор: 12 декабря туда была куплена „бочка пива доброго да сухарей немецких малой боченок". Перед отъездом из Амстердама, 15 мая, было уплачено „торговому человеку Яну Деонге за масло коровье, за три четверти бочки, и за пошлину, и за провоз, семдесят девять гулденов, да за четыре сарфетки шесть гулденов с полугульденом; всего тридцать четыре ефимка с гривною, даны те деньги Ивану Иовлеву Кобелеву". Трудно сказать, чей вкус они отражают,—самого

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 100 об., 204, 237; ПДС, т. IX, стр. 1006.

[2] Это был торговый агент русского правительства в Голландии.

[3] М. М. Богословский, указ. соч., стр. 154.

Петра или всей компании волонтеров, помещавшихся вместе с ним. На Ост-индском дворе было два повара: Яков Пенюгин и Осип Зюзин. Они сопровождали царя во время его поездки в Англию. Перед отъездом туда им было сделано европейское платье: „Куплено немецкое платье на Ост-инской двор государевым поваром Якову Пенюгину, Осипу Зюзину верхнее да нижнее бостроги[1] и штаны и рубашки и на завесы полотна и шляпы и башмаки и рукавицы. За все по договору дано еф. 7 ал. 2 д.“ Пенюгину через некоторое время была куплена суконная епанча.[2]

К сожалению, значительную часть записей приходо-расходных книг об издержках, произведенных на удовлетворение личных нужд Петра, не удается расшифровать точно вследствие того, что в книгах имеются лишь глухие упоминания о выдаче известных сумм Александру Меншикову, исполнявшему обязанности казначея Петра во время заграничного путешествия. Он производил расходование этих средств по мере надобности, не давая в них отчета. Поэтому многое для нас остается неизвестным.

Денежные выдачи Меншикову из средств посольства производились как крупными, так и мелкими суммами. Например, под 30 ноября 1697 г. в расходной книге выдачи 15 000 червонных золотых помещена запись о выдаче Меншикову 300 золотых; под 13 мая — 100. Крупные выдачи без обозначения их конкретного назначения особенно практиковались перед выездом куда-либо и имели в виду дорожные расходы. Так, 3 января посольством был произведен в Амстердаме обмен ефимков на английские гинеи. За 756 ефимков было получено 157½ гиней. „Те гинеи, — поясняет расходная книга, — куплены для походу в Аглинскую землю и отданы на Остинской двор Александру Меншикову“. 3 июля „на дорожные потребы для пути в Теплицы, — куда Петр ездил из Вены, — дано валентером 100 золотых. Взял те золотые Александр Меншиков“. 15 июля „дано для потребы дорожной в венецкой путь 500 золотых. Взял Александр Меншиков“. Точно так же производилась и выдача соболей. 7 января было „отпущено на роздачу в Аглинскую землю соболей: сорок в 300 руб., сорок в 250 руб., пара в 60 руб., пара в 55 руб., 8 пар по 30 руб. пара и отданы Александру Меншикову“. Наряду с крупными выдачами встречаем и более скромные, предназначавшиеся, очевидно, для оплаты мелких расходов. 29 мая „в городе Копембруке взял Александр Меншиков пятнадцать золотых

---

[1] Куртка без рукавов со сборками сзади.

[2] Австрийские дела 1698 г. № 25, л. 18; книга Австрийского двора № 47, лл. 23 об., 217, 222 об., 232; ПДС, т. IX, стр. 942, 1020.

червонных на мелкие росходы". Иногда для удобства нужная сумма бралась мелкими деньгами: „июня в 9 день взял Александр Меншиков[1] в местечке саксонском в Канцах на мелкой расход крестинками на шесть золотых". Встречаются также мелкие выдачи соболями и камками: 20 мая „валентером на росход две пары соболей — взял Александр Меншиков" 13 сентября на Ост-индский двор было взято два косяка камок.

Эти дефекты в составлении приходо-расходных книг лишают нас возможности представить себе во всех подробностях покупки, делавшиеся для Петра. В отдельных случаях мы знаем о тратах, не значащихся в приходо-расходных книгах и, очевидно, попавших в разряд сумм, выдававшихся Меншикову без указания их точного назначения. Так, например, мы не найдем в приходо-расходных книгах издержек, произведенных на изготовление для Петра маскарадного костюма, в котором он был на празднестве, устроенном при Венском дворе, в то время как соответствующие расходы на других лиц из состава посольства, принимавших в нем участие, указаны. О покупке для Петра серебряной посуды мы узнаем лишь по записи о приобретениии ящика для ее упаковки; точно так же о покупке попугаев становится известным лишь в связи с упоминанием о корме, закупленном для них в дорогу. Наконец, не перечислена большая часть книг, купленных для Петра и уложенных в „большой сундук", отправленный на яхте из Англии в Амстердам. Не встречаем также в приходо-расходных книгах указаний на мелкие расходы Петра: на покупку табака, на уплату в трактире, гд. он любил отдыхать за кружкой пива после работы, и многого другого, известного нам из различных источников.

Все же и при этих недостатках приходо-расходные книги дают ценный материал для характеристики определившихся уже в то время вкусов, наклонностей и привычек Петра: его интереса к различным ремеслам, любовь к фейерверкам, его излюбленных кушаний. В общем, записи приходо-расходных книг создают впечатление чрезвычайной простоты в отношении личных потребностей, одежды и питания, а также необычайной занятости, отчасти отразившейся в покупке костяной книжки „для скорой и памятной записки". Если производились крупные траты, то они были необходимы для поддержания престижа власти русского царя за границей, как, например, эмалевый портрет Петра, окруженный алмазами, медали с его изображением, парадная карета и др.

Наглядной иллюстрацией ограниченности трат Петра на себя может послужить роспись вещей, поставленных на яхту для отправки в Амстер-

---

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 27 об., 32, 41 об., 50 об., 54 об., 93 об., 97, 229; ПДС, т. IX, стр. 1028, 1031.

дам, а оттуда в Россию. В этой росписи „покупок про его царского величества обиход", направлявшихся в Россию под клеймом „П. М.", т. е. Петра Михайлова, только два ящика могут быть отнесены на личный счет самого Петра и 20 с глухим обозначением „разной рухляди" и „мелочи" допускают различные предположения. Остальные 279 ящиков, 14 бочек, 8 сундуков, 57 кип и множество отдельных громоздких предметов заключают в себе оружие, инструменты и корабельное оборудование. Все это нужно было не для удовлетворения личных потребностей Петра, а для снаряжения русской армии, флота, оборудования крупной промышленности и насаждения науки. К этим задачам он обращается по возвращении на родину из заграничного путешествия.

III

Иной характер имеют расходы Лефорта. Легкомысленный первый посол тратил крупные суммы на пышную обстановку своего двора. Еще собираясь в путешествие, он предвкушал удовольствие стоять во главе такого посольства, какого „никогда еще отсюда не отправляли", как он писал брату в Женеву.[1] К сожалению, приходо-расходные книги указывают лишь суммарно расходы на содержание Лефорта, сводя их к двум рубрикам: стол и одежда. По итоговым данным книги № 48 за время с 1 апреля по 13 мая 1698 г., на стол было истрачено 2502 ефимка, а на платье — 2 613; кроме того, деньгами было взято 100 ефимков. В книге № 47 также встречаем записи о подобных расходах. Например, 15 января 1698 г. было уплачено по трем счетам „за съестные кормы и за питья", забранные с 8-го по 14-е числа этого месяца, а также за вина, взятые 29 сентября, 26 и 28 октября, 4 ноября (как видим, с оплатой счетов не торопились). Всего 304 ефимка. За два дня перед этим уплатили 81 ефимок „за конфекты и сахары, которые взяты к первому великому и полномочному послу 8 и 12 декабря". За последнюю неделю декабря было израсходовано на стол с винами 363 ефимка. 28 декабря было выдано трем амстердамским виноторговцам за заграничные вина, поставлявшиеся ими ко двору первого посла 12, 14 и 17 декабря, — 71 ефимок и т. д. Приведенные цифры достаточно внушительны, чтобы видеть, насколько расточителен был Лефорт в своих тратах.[2]

Данные расходных книг дополняются свидетельством современников, посещавших Лефорта за границей. Их поражало обилие у него

[1] М. М. Богословский, указ. соч., т. I, стр. 368.
[2] Книга Австрийского двора № 47, лл. 224 об., 228, 240.

серебряной посуды, дорогое убранство комнат, особенно его великолепная постель, украшенная персидской парчой, с одеялом, опушенным соболями, и, наконец, роскошный костюм самого посла, „вероятно, выписанный из Франции", отличавшийся, впрочем, чрезмерным количеством украшений, начиная с колец на пальцах и кончая какой-то повязкой из изумрудов на его голове, необычной для взгляда обитателя Западной Европы. Хотя Лефорт и любил говорить, что у него ничего нет и что все вещи, его окружающие, принадлежат его государю,[1] однако он не сдерживал своих аппетитов в приобретении предметов роскоши. Достаточно сказать, что среди росписи вещей, отправленных морем из Англии в Голландию, а оттуда в Россию, под клеймом „G. F. L.," т. е. „Господина Франца Лефорта", находим 16 сундуков с серебряной посудой. Кроме того, под его клеймом было отправлено еще 7 сундуков с различными вещами, два малых сундука с „рухлядью", бочка с оружием и продовольствие: четыре бочки сухарей и бочка с сырами.

В расходных книгах имеются еще отдельные записи об издержках Лефорта: о покупке для него лекарств на дорогу в Вену, о приобретении коляски за 21 золотой в Клеве, на обратном пути из Голландии, стеклянной посуды в Вене за 10 золотых, там же — серебряного подсвечника, взамен пропавшего у него из палат, и, наконец, об уплате венскому портному 80 золотых за маскарадный костюм, который был сделан первому послу для участия в придворном празднестве.

Довольно много денег расходовалось при посещениях различных общественных мест, но эти расходы нельзя относить насчет одного Лефорта, так как в них обычно принимали участие и другие члены посольства.

Приведенными записями исчерпываются сведения о расходах Лефорта с указанием их назначения. Кроме них, встречаем глухие записи, например, 11 января 1698 г. „первой великой посол взял на свои расходы 300 золотых." Можем предположить, по аналогии с другими тратами, что и эти были произведены на костюмы, обстановку или столовые расходы.[2]

Первого посла окружал пышный двор. Он был привезен из России, но пополнен за границей. Свита Лефорта состояла из 14 дворян и пажей, среди фамилий которых не встречаем ни одной русской. Все они были иностранцы, принятые на русскую службу. При многих из них находились их „люди," т. е. слуги. Обслуживающий персонал первого посла также состоял преимущественно из иноземцев. Среди лакеев был даже

[1] М. М. Богословский, указ. соч., т. II, стр. 39, 66, 166—167, 251—252.

[2] Австрийские дела 1698 г. № 25, лл. 5, 9; книга Австрийского двора № 47, лл. 29, 85 об., 92, 96, 99 об.

арап Араций, привезенный Петром из Англии; этим была отдана дань европейской моде того времени. На посольской кухне находились три повара; винами заведывал погребщик Гендрик. Всей прислугой управлял дворецкий, капитан Григорий Григорьев. У посла был свой лекарь Триандр. Как кальвинист Лефорт не мог обращаться к православному священнику и дьякону, состоявшим при посольстве, и поэтому при нем находился пастор, может быть, тот самый Илья Федоров, который писал для посольства какую-то книгу о морском плавании и обучал сына подьячего Михайла Ларионова. Во время приемов в посольстве гостей развлекали музыканты и увеселяли четыре маленьких карлика, очень любимые Петром. При выездах посольства впереди шествовали скороходы и трубачи, а по сторонам — гайдуки и солдаты. Вместе с Лефортом жил секретарь посольства — его племянник Петр Лефорт, который в то же время исполнял обязанности казначея при первом после. Посольская канцелярия состояла из семи подьячих, о которых уже говорилось выше. При соболиной казне находился целовальник-собольщик. Для охраны имущества имелся сторож. При первом после состояли еще два золотых и серебряных дел мастера. Их знания, вероятно, требовались для оценки подарков, получавшихся от европейских дворов.[1]

Лефорт делал у себя приемы, о которых мы можем судить косвенным образом по количеству вин, поставлявшихся первому послу, и по расходованию „конфект и сахаров", а также других столовых запасов. Об одном из приемов приходо-расходная книга говорит прямо. 11 декабря 1697 г. было „заплачено по росписям за покупки к первому великому и полномочному послу на росходы красных питей и конфектов и за дачу комедиантом и музыкантом, которые были во время бытия саксонского посла..." Из Статейного списка посольства узнаем, что речь идет об обеде, происходившем в посольстве 17 ноября, на котором был саксонский посол Бозе.[2]

Женевец Лефорт со своей иноземной свитой был как бы связующим звеном между русским посольством и Западной Европой. В помещениях первого посла слышались французская и немецкая речь, там были привычны и западноевропейская одежда и блюда; по религии Лефорт и его свита также стояли ближе к Западу, чем к России.

Лефорт не мог принимать серьезного участия в работе посольства. Он сам писал Петру, находившемуся в Англии: „Что касается до нас (очевидно, имея в виду себя и свой двор), мы живем по старому: один

[1] ПДС, т. VIII, стр. 751; т. IX, стр. 962, 965, 981, 986, 992, 1018; книга Австрийского двора № 47, лл. 25 об., 30 об.

[2] Книга Австрийского двора № 47, л. 216 об.; ПДС, т. VIII, стр. 1103.

спит, другой скучает, третий так и сяк по старому."[1] Но Лефорт был своим человеком на Западе: у него были там личные связи; благодаря своему веселому, общительному характеру он был приятен в обществе. Этим он был полезен посольству. Петр хорошо понимал это. Поэтому сурово экономный в своей личной жизни, он смотрел сквозь пальцы на расточительность Лефорта. Он делал ему поблажки не столько как своему любимцу, сколько как первому послу, представлявшему за границей большую, могущественную страну. В его глазах Лефорт был парадной фигурой, необходимой для поддержания престижа посольства.

Второй посол, общительный „толстый комиссар", как его назвала курфюрстина София-Шарлотта, видевшая его на пути в Берлин, — Федор Алексеевич Головин — пользовался заслуженной славой талантливого, опытного дипломата. Он был главной рабочей силой посольства.

Приходо-расходные книги дают о нем более точные, конкретные сведения, чем о Петре и Лефорте. Глухие записи о его тратах почти отсутствуют. Лишь один раз, в сводке его издержек, встречается указание на то, что он взял „на мелкие расходы" 210 ефимков.[2] Воспользуемся приходо-расходными книгами и постараемся представить себе основные статьи расходов Головина.

Прежде всего, в приходо-расходных книгах встречаем довольно многочисленные сведения о его гардеробе.

За исключением Петра, который уже при свидании с курфюрстинами был одет „по-матросски",[3] и Лефорта с его свитой, члены посольства приехали в Голландию в московском платье и в нем выезжали на аудиенцию у Штатов в Гаагу.[4] Живя в Амстердаме, они начали постепенно переодеваться в западноевропейский костюм. Что касается Головина, то его европейский гардероб пополнялся обычно или вместе с гардеробом Петра, как мы видели выше, или одновременно с гардеробом третьего посла Возницына. Им делалось одинаковое платье. Так, 2 декабря 1697 г. им обоим было куплено „материи золотной на немецкие исподние кафтаны (камзолы) 26 аршин". Материя была очень дорогая: по 13 ефимков за аршин, так что вся покупка обошлась в 338 ефимков. Вслед за этим была приобретена отделка, состоявшая из тяжелых золотных кружев разной ширины: для камзола Головина было куплено 51 аршин широких кружев, которые обошлись в 57 ефимков. У Возницына, соответственно его служебному рангу, отделка была менее роскошной: ему купили 34 аршина широких кружев и 13 узких, всё

[1] М. М. Богословский, указ. соч., стр. 313.
[2] ПДС, т. IX, стр. 933.
[3] М. М. Богословский, указ. соч., стр. 115.
[4] ПДС, т. VIII, стр. 976.

вместе за 47 ефимков. 10 января следующего года к этому платью были приобретены два „золотных больших пояса“ весом в 120 лотов, за 132 ефимка. В следующем месяце было куплено 15 аршин красного сукна на „немецкие епанчи“ для обоих послов. Епанчи шил голландец, „портной мастер“ Абель Фогт. Он же сшил Головину и „серебряное полукафтанье“. Кроме этого парадного камзола из дорогой парчи, обшитого тяжелыми кружевами, и серебряного полукафтанья, Головину, как припомним, вместе с Петром была куплена также на „немецкое“ платье золотная материя, но значительно низшего качества — только по 3 ефимка за аршин. Это платье шил другой портной, тоже голландец, Ефим Девик, сделавшийся постоянным исполнителем заказов посольства. Перечисленными вещами и ограничились заказы платья для Головина зимой 1697/98 г.[1]

Необходимую принадлежность дворянского костюма того времени составляла шпага. 28 декабря, одновременно с шитьем платья, Головину и Возницыну были куплены „шпаги добрые, черенья серебряные“ за 34 ефимка. Еще до этого для Головина в то же время, что и для Петра, были приобретены кружевные галстуки и манжеты. Костюм второго посла был закончен покупкой „линт золотных с кистми“ (аксельбантов), шляпы за 10 ефимков и, одновременно с покупкой для Петра, парика. В декабре было дано 10 ефимков задатку портному за „ево ж, посолское, белое платье,“ т. е. белье.[2]

Таким образом, в течение месяца с небольшим Головин, расставшись с русским платьем, преобразился в западноевропейского дворянина. Его новый костюм состоял из парчевого камзола и кафтана, отделанного тяжелыми золотными кружевами, с кружевными галстуком и манжетами, золотным поясом, к которому была привешена шпага, из красного суконного плаща на плечах и из фетровой шляпы с широкими полями, прикрывавшей длинный, по моде того времени, „кавалерский“ парик. Перед отъездом Головина в Англию было „заплачено золотого дела мастеру Юрью Нордерману“, который выполнял ювелирные работы для посольства, „за кавалерский золотой крест, который делан второму великому и полномочному послу, за золото и за работу 101 еф. 14 ал. 2 д.“ Этот крест, вероятно, имевший значение ордена, должен был украшать грудь облеченного в парадный костюм Головина. Для путешествия в Англию был куплен сундук „на поклажу его ж, посолского, платья.“[3]

Во время этой поездки гардероб второго посла пополнился кафтаном „полуметовым“ (шерстяным) „немецким“, сделанным послу „по указу“, т. е. по распоряжению Петра, и обошедшимся в $7^1/_2$ фунтов. По воз-

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 209 об., 210, 217 об., 222 об., 236, 236 об., 258.
[2] Там же № 47, лл. 210, 222, 222 об.
[3] Там же, л. 280 об., 282.

вращении в Голландию Головину снова был сделан европейский костюм — „немецкий кафтан исподней и штаны", на который пошло 13 аршин золотной материи по 13 ефимков за аршин. Перед самым отъездом в Вену портной Абель Фогт сшил ему „кафтаны суконные верхней и нижней". Наконец, для придворного празднества в Вене ему было сделано „потешное" платье: на опушку ферязи и на шапку пошло пять пар соболей, стоячий воротник был украшен бусами, шесть ниток которых было приобретено для этой цели; спереди было нашито золотное кружево.[1]

По сравнению с расходами на платье, были очень значительны траты на стол, которому Головин, видимо, уделял большое внимание. К его столу покупалось много вин. Приходо-расходные книги называют их сорта — это мускат, ренское, французское ренское, испанское ренское, прямое ренское. Они покупались бочками у голландских виноторговцев с доставкою на дом и уплатой пошлины. В одной из записей говорится о 25 „сулейках", т. е. бутылках, водки. Свита Головина употребляла пиво. При расчете с поставщиками продовольствия перед отъездом из Голландии было уплачено „галанцу винкоперу Герману Гецыку за пиво, которое имано ко второму великому и полномочному послу на расходы и к дворяном ево и к приказным людем с приезду в Амстрадам", с 21 октября по 15 марта следующего года, „всего с пошлинами и с провозом и з бочками $87^1/_2$ ефимков". Кроме того, „за пиво, которое имано бочками в розные времена", было уплачено еще 12 ефимков.

Перед отъездом в Англию Головин запасся продовольствием:[2] 16 марта было „выдано для аглинской поездки второго великого и полномочного посла на всякие харчевые покупки и конфекты 64 ефимка", в том числе и за бочку пива, взятую в дорогу. Через пять дней было „заплачено по росписи винкоперу Гериту Гохейту за два анкерка мушкатного и прямого ренского, и за пошлину, и за бочки, которое куплено в дорогу в Англию второму великому и полномочному послу марта в 16-ой день, 44 еф. 7 ал. 2 д." Когда Головин возвращался в Голландию, для него также покупались в Лондоне запасы на время пути: на 8 крон было куплено „кафе да сахару", и 30 шиллингов 2 кроны было истрачено „на мелочную покупку фруктов, как поехали из Англии".[3]

---

[1] Австрийские дела 1698 г. № 25, л. 14 об.; ПДС, т. IX, стр. 996, 1000, 1024; книга Австрийского двора № 47, лл. 59, 94 об.

[2] Книга Австрийского двора № 47, лл. 238 об., 251 об., 257 об., 262, 274, 276; ПДС, т. IX, стр. 934.

[3] Книга Австрийского двора № 47, лл. 275 об., 281 об.; Австрийские дела 1698 г. № 25, лл. 9, 14 об.

Стол второго посла, видимо, стоял на уровне западноевропейских вкусов. В расходных книгах есть запись о том, что 8 февраля голландскому торговцу Гендрику Янсову было уплачено „за раковины, которые иманы для гостей в стол ко второму великому и полномочному послу, 26 ал. 4 д.“ Головин угощал своих гостей устрицами, которые подьячий, составлявший расходную книгу, затруднился назвать настоящим именем и взамен употребил знакомое русское слово.[1]

Приходо-расходные книги сохранили и другие записи о тратах на стол при приемах гостей. Так, 31 декабря „взято ко второму великому послу на столовые припасы 10 золотых“. Составитель книги тут же дает объяснение такой крупной трате: „В тот день обедали у него валентеры“. Среди них был, конечно, и Петр. 18 января было „дано торговому человеку галанцу Форру Геррату за анкерок ренского да за анкерок вина французского и за бочки и за провоз по росписи 20 ефимков 8 алтын“. Далее в скобках стоит: „То питье куплено ко второму великому и полномочному послу в то время, как ужинали у него прочие великие и полномочные послы и с ними галанской карабельной капитан Креус и фан-дер-Гулст“. Это был дружеский ужин, за которым сидели рядом русские послы, будущий вице-адмирал русского флота Крюйс и голландский капитан Андрей ван дер Гульст, прикомандированный Штатами к великим послам и впоследствии назначенный голландским резидентом в Москву.[2]

Любовь Головина к хорошему столу сказалась в том, что он отправил на корабле, шедшем в Архангельск, „запасов и питей“ на 391 ефимок. В росписи вещей, поставленных на яхту для отправки на корабль под клеймом „F. A. H.“ („Федора Алексеевича Головина“), значились 8 бочек питья и 6 ящиков без обозначения содержимого. Кроме того, туда были поставлены принадлежавшие ему еще 19 ящиков и 8 сундуков, а также отправлявшиеся под его же клеймом 12 ящиков и сундуков других участников посольства.[3]

Приходо-расходные книги содержат ряд записей о приобретении для Головина за границей различных вещей, указывающих на его вкусы. В Англии Головин купил себе двое часов: карманные и столовые заплатив за те и другие 20 фунтов. По возвращении в Голландию он приобрел еще часы: „Дано часовщику Иоакиму Гарнолю за часы которые взяты ко второму послу, 13 еф. 6 ал. 4 д.“ Ювелиру Нордерману было уплачено за ряд предметов, купленных у него Головиным: „за скляницы граненые, за стопер, и за клещи, и за крючки, и за ящи

[1] Книга Австрийского двора № 47, л. 253.

[2] Там же, лл. 29, 242 об.

[3] ПДС, т. IX, стр. 933, 999, 1018; Австрийские дела 1698 г. № 25, л. 10.

к зеркалу" 8 ефимков. Среди покупок были вещи, связанные с религией: „Два ковчежца серебреные золоченые, в которых класть образы", а также четыре „книжки молитвенники" размером в четверть листа, которые Головин отдавал переплетать. По записи от 25 марта узнаем об уплате денег „галанцу портному мастеру Адаму Дерату за дело бархатных обоев второго великого и полномочного посла и за колца, и за линты, и за подкладку, и за иное ево платье" 35 ефимков 7 алтын 2 деньги.

Головин запасся за границей фарфором: под 23 марта записан расход на покупку ящика „на парусливовые суды". Кроме фарфоровой посуды, были приобретены и другие вещи, потребовавшие тщательной упаковки: 21 марта был „куплен сундук большой на поклажу вещей второго великого посла, дан два ефимка, да для перекладки тех вещей хлопья на ефимок".[1]

Перечень покупок Головина оставляет впечатление о нем как о хлебосольном московском боярине, который, попав за границу, не растерялся в новой, необычной обстановке, сумел устроить свой официальный обиход и преобразовать свой внешний вид соответственно требованиям западноевропейских обычаев, но в глубине души остался русским человеком, напоминая этим своих предшественников по работе в Посольском приказе — бояр-западников XVII в.

Свита Головина состояла из восьми дворян, двое из которых, называвшиеся пажами, Томас Книппер и Иван Вейде, были иностранцами, состоявшими на русской службе, остальные шесть человек — русскими. Среди них находились брат и сын второго посла Алексей Алексеевич и Иван Федорович Головины. Но они ехали в составе посольства только до Берлина, где были оставлены для изучения „свободных наук". В расходной книге встречаем под 10 марта 1698 г. запись о выдаче „великого государя жалованья второго великого посла брату Алексею да сыну его Ивану Головиным для учения 400 золотых". Остальные шесть лиц свиты ездили вместе с Головиным в Лондон. В Амстердаме к Головину были взяты в качестве толмачей двое поляков — Станислав Войцеховский и Петр Скоровский. О последнем узнаем из расходной книги, что он был в плену у турок, где прожил около 13 лет, в течение которых изучил несколько языков; освободился он при помощи выкупа. Он был принят на службу в посольство, причем ему было пожаловано 10 ефимков для освобождения брата, все еще находившегося в плену. Оба эти толмача сопровождали второго посла в его

[1] Австрийские дела 1698 г. № 25, л. 15; ПДС, т. IX, стр. 933, 999; книга Австрийского двора № 47, лл. 282, 283 об., 287 об.

английской поездке, а затем вместе с Возницыным были на Карловицком конгрессе.[1]

При Головине находились еще восемь „людей" — слуг. Один из них, Ивашка Абакумов, был поваром, вероятно, знатоком своего дела, как можно думать по тому, что хозяин его был любителем хорошего стола. Среди имен „людей" Головина встречаем такие, как Иван Каргол, Кирилл Маметев, указывающие на восточное происхождение их владельцев. Это наблюдение подтверждается сообщением церемониймейстера Бессера о том, что при торжественном въезде посольства в Кёнигсберг в посольском поезде ехали верхом шестеро татар „со стрелами и прочим их диким вооружением". Если Лефорт щеголял европейским составом своего двора, то Головин привлекал внимание невиданными на Западе представителями восточных народностей. Но его люди не только возбуждали праздное любопытство, а удовлетворяли и научный интерес. Голландский историк Схельтема рассказывает, что Витсен собирал среди них сведения о народах Востока, изучением которых он занимался.[2]

Третий посол — Прокофий Богданович Возницын — высокий, грузный, необщительный человек, „с неприятным цветом лица и важной осанкой", как его описывают иностранцы, уже более 30 лет состоял в Посольском приказе, где им были пройдены все ступени от „молодого" подьячего до думного дьяка. Большая часть его служебной деятельности связана с пребыванием за границей при русских представителях, на посольских съездах, в качестве гонца и т. д. Он успел побывать за это время в Турции, Польше, Австрии и Венеции.[3] Эта дипломатическая подготовка и послужила основанием для назначения его третьим послом великого посольства, а затем русским представителем на Карловицком конгрессе, где он обнаружил недюжинные способности и вышел с честью из трудного положения, в котором там оказался.

Приходо-расходные книги подробно перечисляют траты Возницына, производившиеся, главным образом, на приобретение платья, причем как исключение они описывают не только сорт, но часто и цвет материи, из которой оно делалось. Воспользуемся этими данными и посмотрим на гардероб третьего посла.

---

1 ПДС, т. VIII, стр. 751—753; т. IX, стр. 934—935, 992; книга Австрийского двора № 47, лл. 98, 186, 193; Австрийские дела 1698 г. № 25, лл. 17 об., 19 и др.

2 М. М. Богословский, указ. соч., стр. 147.

3 М. М. Богословский, указ. соч., т. III, стр. 342—343, 395; С. А. Белокуров, О Посольском приказе, стр. 125—126.

Как и другим членам посольства, Возницыну начали шить новое платье в Голландии, по возвращении с конференции в Гааге. 21 ноября было уплачено за купленные ему „аглинские сукна“ на немецкое платье — 25 аршин по рублю 10 алтын за аршин. 8 декабря было куплено „на подбой“, т. е. на подкладку, к нему бархату светловишневого $13^1/_2$ аршин по 5 гульденов 5 алтын за аршин. В то же время ему и второму послу заказано парадное немецкое платье из золотной материи, отделанное кружевами, с золотными пуговицами и поясом. О нем уже упоминалось выше в связи с костюмами Головина. Обоим послам было сшито верхнее платье: по епанче из красного сукна. В январе следующего года Возницыну было сделано еще парадное платье: „на другую перемену“, но уже попроще: для него было приобретено 13 аршин золотной материи по 5 ефимков за аршин. Из расходных книг узнаем некоторые подробности об отделке этого костюма: „За дело ему ж, великому и полномочному послу, исподнего золотного кафтана и штанов и за пугвицы золотные и за золото, которым около пугвиц и петли обшивал и за подкладку камчатую и за карманы дано галанцу портному мастеру 26 еф. 3 ал. 2 д.“ Одновременно было приобретено парадное белье и различные принадлежности к европейскому костюму: „заплачено за полотна на немецкие рубашки, и за галстуги гишпанские, и за кружива, и за моншеты, которые деланы ему ж, третьему великому послу, к немецкому платью. И за дело того всего 103 еф. 15 ал. 2 д. Да ему ж, третьему великому и полномочному послу, куплено: шпага с ременным к ней поясом, дана 6 еф. 10 ал., трость — 26 ал. 4 д., шляпа добрая — 8 еф., 2 пера на шляпы — 8 же ефимков“. Одно из них, вероятно, предназначалось для Головина, которому также была приобретена шляпа, но несколько лучшего качества, судя по цене (10 ефимков). В конце января Возницыну снова шили платье: 24 января „заплачено по росписи за дело немецкого платья третьего великого и полномочного посла портному мастеру Алберту ван Энглу за камизолы и бостоки и за тафтяную к камизолу подкладку и за серебреные пугвицы и за всякой к тому приклад и за дело — 30 еф. 4 ал. 4 д.“. Как и второму послу, Возницыну были куплены к платью аксельбанты: „линты золотные болшие к немецкому платью, одно на плечо, другое к шпаге“.

Есть запись о приобретении ему обуви: 30 декабря „куплены третьему великому и полномочному послу башмаки немецкие, дано 20 ал.“ Эта скромная трата сопровождалась крупным расходом на отделку: „Да за дело пряжек изумрудных к башмакам, — читаем далее в расходной книге, — и за прибавку золота золотого дела мастеру Нордерману дано 33 еф. 10 ал.[1]

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 203 об., 204, 209 об., 210, 214, 222, 223 об., 225, 226 об., 238, 240, 241, 246.

Этим ограничиваются траты на европейское платье для Возницына в Голландии зимою 1697—98 г. Весною 1698 г., перед отъездом посольства в Вену, гардероб третьего посла был пополнен парадным кафтаном, вероятно, в связи с тем, что скоро ему предстояло выступить в качестве представители России на Карловицком конгрессе.

Кафтан был сшит из красного бархата на подкладке из красной же тафты, которой пошло 6 аршин. Отделка состояла из галуна и золотного кружева. Шил кафтан портной Альберт ван Энгл, получивший за работу и за приклад 13 ефимков 10 алтын. В апреле Возницыну было куплено еще „портище (отрез) материи золотно i на кафтан — камки" за 90 ефимков. Расходная книга описывает ее цвет и узор „по осиновой земле травки серебреные". В сводке расходов Возницына, упоминая об этой покупке, расходная книга иначе определяет цвет материи; называя ее „камкой лазоревой серебряной". Через несколько дней есть запись о выдаче „на покупку под золотной кафтан третьему великому послу, подклатки, и снурку, и пугвиц тринатцать ефимков". Еще через несколько дней записано об уплате за „золотное круживо про обиход третьего великого посла"; может быть, оно предназначалось для того же кафтана. Платье продолжало шиться и в Вене, где был заказан „верхний" кафтан. Его шил не местный портной, а свои солдаты. Это единственный случай при шитье посольского платья: „Июля в 9 день дано солдатом, которые были у третьего посла два дни, шили ему кафтан зеленой, два ефимка". Но через два дня было дано „за шолк к верхнему темнозеленому кафтану портному мастеру пол-ефимка, да за обшивку того ж кафтана рукавов шесть алтын четыре деньги". Если речь идет о том же самом кафтане то, очевидно, Возницыну все-таки пришлось прибегнуть к помощи портного. Вместе с Петром и двумя другими послами Возницын принимал участие в венском придворном празднестве, для которого ему было сшито „потешное" платье. 4 июля „на покупку третьему послу на потешной кафтан сукна и на приклад дано 19 золотых". На „потешную" шапку к этому кафтану пошло два соболя. Однако этот костюм почему-то не понравился Петру и был отдан посольскому священнику: „Отдан тот кафтан по указу священнику Иоанну Поборскому". Такая же приписка сделана относительно шапки. Вместо этого было: „... куплено в Вене на старосвецкое платье третьему великому послу, на однорядку сукна, а на ферези — камки, и нашивки золотные, и галуны, и плетешки золотные ж и серебрены, и подложены, и подпушены тафтами и камками, да на шапку старосвецкую болшую бархату зеленого; всего на платье, на покупку и на всякие мелкие расходы изошло, по покупке целовалника соболщика Ивана Михайлова 67 еф. с полуефимком.

... За дело того платья портному мастеру три ефимка, да за шолк и за нитки ефимок дан". Возницын, повидимому, не особенно охотно одевался в „немецкое" платье и предпочитал ему привычное для него русское. По крайней мере, венецианский посол в Вене Рудзини, видевшийся с Возницыным во время Карловицкого конгресса, так описывает его костюм: „В длинной одежде, подбитой серыми соболями. Имеет шесть или семь золотых ожерелий на шее, драгоценное украшение из довольно хороших алмазов на шляпе и много перстней на пальце. В руках пажа пара перчаток с хорошим узором из жемчугов". Под стать этому длинному русскому платью был и кушак, на который пошло семь аршин золотной камки, купленной у амстердамского торгового человека Андрея Тессинга за 32 ефимка. Однако, наряду с этим, встречаем записи о покупке и различных частей западноевропейского костюма: 6 мая было дано торговому человеку Зилоту „за десять аршин тафты чорной, которая куплена третьему великому послу на галзтуки, пять ефимков". Через неделю было уплачено 8 алтын „портному мастеру Алберту Энглю за обшивку галзтуков тафтяных, которые он обшивал про третьяго великого посла". Точно так же приобретались пряжки стальные к башмакам, чулки шелковые и рукавицы кожаные; последних было приобретено в Вене у торгового человека Эзопа Бернора „про обиход третьего великого посла" целых семь пар. У него же Возницын взял парчи серебрянной 13 аршин, очевидно на кафтан, за которую было дано „по торговли" по $7^1/_2$ ефимков за аршин. Как видим, записи расходной книги о тратах, связанных с одеждой Возницына, очень подробны. Они отмечают даже такие мелочи, как ефимок, уплаченный „за мытье белого платья (белья) в разное время". Много внимания уделено сооружению постели третьего посла. В Голландии было куплено камок разных цветов, а также стамеду (шерстяная ткань) „на постелю и на подушки" за 55 ефимков. Портной Альберт ван Энгл взял „за шитье постели, и подушек, и наволок третьего великого посла и за приклад 18 еф." Для отправки в Москву постель была уложена в два сундука, зашитых в холст и увязанных веревками.

Кроме одежды, Возницын приобрел за границей несколько мелких предметов обихода. В мае 1698 г., по его распоряжению, было уплачено голландцу Захарью Диксу „за двои часы, которые он купил про его посолской обиход, по его приказу, в Англии, 120 еф. 6 ал. 4 д." У Возницына еще до этого были часы, но, очевидно, они были неисправны; то надо было чинить ключ от них, то призывался „часовник Форматель", чтобы заводить их, то другой „часовник", „швейцар" Лондр, приглашался „направлять" их. У всегдашнего поставщика посольства Нордермана П. Б. Возницын купил „черенья ножиковы" серебряные позолоченные,

три дюжины пуговиц также серебряных позолоченных, два стекла граненых и какую-то „персону"; вся покупка обошлась в 17 ефимков 14 алтын 4 деньги. Как и Головин, Возницын приобрел себе за границей „два ковчежца серебреные, в которых класть образы", за 12 ефимков.

Вещей перед отъездом из Голландии набралось столько, что потребовалось несколько сундуков и „скрынок" для их укладки. Зашитые в рогожи и увязанные веревками, они были в два приема отвезены на корабль. В росписи вещей, отправленных на яхту, находим под клеймом „P. B. W." „сундук большой, ящик деревяный, еще два ящика, сундучек малой, особо пищаль".[1]

Следует упомянуть еще о покупке кареты для Возницына в Амстердаме в мае 1698 г. „у амстрадамского комисариюса у Ливиса Стрипа" за 450 гульденов, „а в ней обито трипом зеленым, с подушки, и с стеклы, и с колесы коваными". В тот же день было дано барышнику, который „торговал" карету, „за его работу, и за торговлю два ефимка шесть алтын 4 деньги". Перед отправкою карета обшита холстом и рогожами.[2]

Расходы на платье — самая крупная статья трат Возницына. Вещей им было приобретено не особенно много. Невелики издержки и на стол. 14 мая, перед отъездом из Амстердама, производилась расплата с поставщиками посольства. В этот день было „дано амстрадамцу торговому человеку Герриту Гохейту за питья, что у него иманы в розные времена про третьего великого посла, 89 еф. 13 ал. 2 д." и ему же „за водку, за две фляши, что взяты про третьего великого посла, 20 ал." На другой день он взял себе „в дорогу четыре фляши водки". За пиво, „в розное времена иманое бочками", было уплачено 10 ефимков. К столу Возницына подавались фрукты: есть упоминание о покупке ему груш на 8 алтын. Столовый обиход третьего посла был устроен по-европейски: хозяйке гостиницы, в которой он жил в Амстердаме, было уплачено, между прочим, и за „сарфетки". Как и Головин, Возницын курил табак. В расходных книгах есть записи об уплате хозяйке дома, в котором они жили в Амстердаме, за табак и за трубки. Возницын позаботился о том, чтобы запастись для себя заграничным продовольствием: „За запасы и за питье, что посланы к Архангелскому городу", было уплачено более двухсот ефимков.[3]

В приходо-расходных книгах есть несколько записей о расходах на продовольствие, закупавшееся в дорогу из Голландии в Вену. При-

---

[1] ПДС, т. IX, стр. 935, 974, 975, 981—982, 982—983, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 994, 1005, 1012, 1013, 1014, 1019, 1023—1024, 1024—1025 и др.; Австрийские дела 1698 г. № 25, лл. 5, 10, 59, 94, 283 об.

[2] ПДС, т. IX, стр. 1010, 1012.

[3] Там же, стр. 936, 988, 991, 997, 1018, 1020, 1022.

водим их здесь, с оговоркою, что они относятся не только к Возницыну, но и к остальным послам. Еще в марте 1698 г. куплено в Амстердаме „запасов, сыра и масла коровья, на дорогу в Цесарскую землю великим и полномочным послом, генералу адмиралу Францу Яковлевичу Лефорту с товарищи, а за тое покупку по росписи амстрадамцом, торговым людем пятьдесят два ефимка пять алтын". Перед самым отъездом, 15 мая, „по приказу великих и полномочных послов куплено про второго и про третьего великих и полномочных послов в дорогу запасов, окороков ветчинных, сыров, языков, масла галанского, всего на тое покупку и на розную мелочь изошло на дорожные запасы сорок ефимков". Во время пути запасы пополнялись. Так, например, 30 мая „куплен в деревне Малдорте баран, дан два ефимка". Может быть, эту покупку следует поставить в связь с тем, что 30 мая посольство праздновало день рождения Петра: „Да того ж дни, в той же деревне, дано за постоялое, что стояли полторы сутки, и для рождения великого государя, за ествы и питья пять золотых". Для послов покупались фрукты: во время поездки из Амстердама в Утрехт „куплено яблок и иных овощей на золотой на пять алтын". В Голландии посольство получало в подарок фрукты: 27 октября было „дано бурмистра Николая Витцена челяднику, которой великим послом приносил к обеду яблоки и дули, 14 золотых". На Карловицком конгрессе турки угощали Возницына восточными лакомствами. Во время предварительных тайных переговоров „прислал к послу Александр Маврокордато с попом своим два сосуда шербету; слуге — 20 алтын".

После подписания договора турецкие послы сделали визит Возницыну: „Турчанину арапу кафелжибаши, которой в прибытии турских послов был с кафою — золотой".[1]

Небольшой штат третьего посла состоял из двух дворян, его родственников — Андрея и Ивана Возницыных, толмача Давыда Лидерта и четырех „людей" — слуг.[2]

В связи с назначением Возницына русским представителем на Карловицкий конгресс штат его был значительно увеличен. При нем состояло, кроме прежних лиц, несколько переводчиков и толмачей, пять подьячих, три трубача и др. В хозяйственном штате обращает на себя внимание большое количество поваров: их было пять, из которых один был француз, а другой немец.

Возницыну с его людьми предстояло жить в Карловице под открытым небом; поэтому он запасся палатками. Для самого посла был

[1] ПДС, т. IX, стр. 964, 1021, 1028; книга Австрийского двора № 47, лл. 25 об., 26 об., 127, 132 об.

[2] ПДС, т. IX, стр. 937—938.

куплен „намет большой материи полосатой". Для тепла под ним находилась суконная палатка. За него было уплачено 102 золотых. Другой намет, зеленый, также с палаткой, стоил 100 золотых. Кроме того были приобретены два намета холстинных, вероятно для прислуги и стражи, намет для лошадей и намет поваренный. Пришлось обзаводиться мебелью, которая была заказана столяру: „Зделано 12 стулов, да двои кресла, да два стола"; все обошлось в 90 золотых. По московскому обычаю, купили красного сукна, вероятно, для обивки стен, — 40 аршин. Этим ограничились меры по благоустройству жилища. Много внимания уделяли лошадям. Было приобретено три выезда: серый и вороной по шесть лошадей и гнедой — в восемь. Упряжка была шорная: сначала купили шоры на шесть лошадей, а затем маленькие — на пару. Были приобретены уздечки и „хохлы", т. е. султаны из страусовых перьев, которыми украшались лошадиные головы. В расходной книге помещен длинный список различных принадлежностей, связанных с уходом за лошадьми и их лечением, а также хозяйственных инструментов — топоры, лопаты и пр.[1]

На обратном пути в Москву Возницын заболел: „... с самой Сирмии от тамошних злых ветров и стужи и сильной нужи, — писал он Л. К. Нарышкину и Ф. А. Головину, — учинился болен и доселе стражду скорбутикою и ныне лежу недвижим, токмо терплю во всех своих костех и жилах великий лом и нестерпимое грызение и веры нейметца, могу ль доехати жив до Москвы". Вследствие болезни ему пришлось остановиться на три дня в Эльбинге и пригласить врача. 23 апреля Возницын снова двинулся в путь, но в Кёнигсберге ему опять пришлось прибегнуть к медицинской помощи. На этот раз был позван не врач, а цирюльник, вероятно для того, чтобы, по испытанному московскому обычаю, пустить ему кровь. Он состоял при после, повидимому, до его выздоровления. Под 1 мая 1699 г. в расходной книге записано: „Цырюльнику Мелхеру, который взят в Королевце (Кёнигсберге) для вспоможения в болезни посолской, апреля с 27 дня мая по 3 день поденного корму по договору дан золотой".[2]

В приходо-расходных книгах нет записей о приобретении Возницыным для себя каких-либо вещей в то время, когда он находился на Карловицком конгрессе. Но среди коллекции Государственного Исторического музея в Москве есть один предмет, несомненно связанный с этим конгрессом и, может быть, принадлежавший Возницыну. Это небольшая овальная серебряная коробочка длиной $7^1/_2$ и шириной

---

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 106—122.

[2] Книга Австрийского двора № 47, л. 154 об.

$5^1/_4$ см, с отъемной крышкой. Внутри ее сделаны вдоль и поперек две перегородки, разделяющие ее на четыре части. На внешней стороне ее крышки помещено резное изображение плана Карловицкого конгресса, на внутренней — дома для конференций. На дне коробочки на немецком языке сделаны пояснительные надписи к плану, а на верхней стороне крышки имеется надпись на том же языке, в переводе гласящая: „Подлинное изображение лагеря при Карловице, где был заключен мир с турками 16/26 января 1699 г. на 25 лет". Никаких указаний на владельца коробочки нет. Несомненно, что она была сделана на заказ для кого-то из участников конгресса, как воспоминание о нем, так как ни для кого другого планы, помещенные на ней, не представляли интереса. Судя по детальности плана конгресса, можно думать, что коробочка была сделана прямо на месте, а то обстоятельство, что дата конгресса обозначена на ней не только по новому, но и по старому стилю, дает основание предполагать, что она предназначалась для кого-то из состава русского посольства. В расходной книге есть записи, указывающие на то, что Возницын очень интересовался планом расположения посольских станов на конгрессе; на это указывает также и Статейный список. 21 января 1699 г. „присланному от графа Шлыка инженеру, которой принес посолским станом чертеж и за ево услугу, дано пять золотых". Этот чертеж был, по желанию Возницына, выгравирован и отпечатан: 16 февраля „за печатание и резбу чертежа посолских на турской комиссии станов резчику и печатнику дано три золотых". В начале марта печатнику был выдан еще золотой „ к прежнему в прибавку".[1] Видимо, план конгресса очень занимал Возницына, раз он заказал гравюру с его изображением. Легко допустить, что он мог пожелать иметь при себе его воспроизведение на вещи, которую можно было носить в кармане. Это предположение является догадкой, справедливость которой едва ли когда-либо удастся доказать неопровержимо, ввиду недостаточности данных.[2]

---

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 132, 139, 141.

[2] Во время обратного путешествия Возницына через Лифляндию у него были похищены с телеги ящик и сундук с вещами. Он послал рижскому губернатору „о пропалой рухляди лист" с просьбой разыскать похищенные вещи и отослать их во Псков. В приложенной им росписи значились: в сундуке — „пять коробочек с грецким мылом, крушка серебряная, стакан серебряной с кровлею, инструменты чертежные, две пары башмаков, шандан, колокольчик, красного сукна $1^1/_2$ аршина, кафтан суконной красной, полукафтанье камчатое, две шапки соболей, пояс тафтяной, 60 червонцев, 33 ефимки, пара пистолей, чюлки шолковые, цепочка серебряная; в ящике — 80 штук обоев полатных". ПДС, т. IX, стр. 638—640.

IV

Мы видели, что послы, приехав в Голландию, сначала носили русское платье и лишь постепенно обзавелись западноевропейской одеждой. То же явление можно наблюдать и в отношении рядовых членов посольства. Исключение было сделано только для тех лиц, которые имели в посольском поезде преимущественно декоративное значение и, привлекая внимание толпы, способствовали впечатлению пышности посольства, как, например, трубачи, гайдуки, карлики. Их понадобилось экстренно переодеть „для приезду в Гагу к галанским статом на посольство", как объясняет расходная книга. 15 октября были куплены 24 страусовых пера на шапки гайдукам, а на следующий день еще 12 — красных, а также 12 „гнезд серебряных, в которых те перья укрепя, нашиты гайдуком на шапки". Им же были выданы деньги на чулки и башмаки. После возвращения из Гааги им было заказано платье: кафтаны и штаны из сукна, которое предварительно отдавалось для „моченья". Платье делалось на подкладке и было отделано серебряными галунами.

Четырем карлам посольства и трем трубачам было куплено сукно на платье, шляпы и башмаки. 18 сентября была куплена „труба серебряная, местами золочена, с кистьми и с снурами золотными серебряного дела у мастера у амстрадамского жителя Ульяна Сарфанца". За нее было заплачено 132 ефимка. „И отдана та труба в Гааге первого посла новому трубачу иноземцу Якову Фабрициусу".

Костюм карл пополнялся во все время пребывания посольства в Амстердаме. 11 декабря 1697 г. в книгах записан расход на „особливые покупки" — чулки и пуговицы — карлам по случаю приема саксонского посла Бозе. 8 января им были куплены еще чулки, подвязки и башмаки с пряжками, затем — кушаки камчатые и верхняя одежда „для одевания от стужи". Для этого в ноябре было выдано семь ефимков „на покупку для зимнего времени человеку их (т. е. слуге) теплого кафтана". В феврале двум старшим карлам, Денису и Федору Еремеевым, были куплены „две пары ножей с вилками складные". Тогда же карлам опять купили сукна на кафтаны: „Ермолаю да Якиму светлолазоревого пять аршин... Денису да Федору темномакового шесть аршин... Да на исподние кафтаны всем камки красной семнадцать аршин с четвертью". На отделку кафтанов „большим карлам" было куплено золотого шнурку 40 аршин, а „меньшим" — золотого галуну 17 аршин. В марте всем карлам шились камчатые кафтаны на подкладке из полотна, подпушенные тафтой и отделанные серебряным шнурком, камчатые штаны и верхние суконные кафтаны, подпушенные камкой. Был закуп-

лен материал на шапки с тульями: сукно, шелк и шнурок. Платье шил портной Альберт ван Энгл, а шапки — шапочник Григорий Лукьянов, один из тех холмогорцев, которых послы встретили в Голландии. Тогда же карлам были выданы деньги и серебряные пуговицы к их „бострогам" — курткам, на подвязки и на компас, который почему-то понадобился.

После Гаагской конференции началось общее переодевание всего состава посольства в западноевропейское платье. Прежде всех получила новые костюмы свита первого и второго послов. 11 ноября было „заплачено по росписям за платье, которое делано внов первого великого посла пажам, лакеем, трубачем и карлам и второго и полномочного посла четырем человеком". За взятые для этого платья товары: сукна и кружева серебряные была уплачена крупная сумма в 4126 ефимков. Очевидно, вследствие большой стоимости „товары имал и договаривался" сам секретарь посольства Петр Лефорт. Он же принял деньги для расплаты с торговцами.[1]

Этих покупок хватило на время пребывания посольства в Голландии. Но уже с двадцатых чисел декабря начались сборы в Англию, куда вместе с Петром отправлялась часть волонтеров, а также другие лица: полковник Яков Брюс, доктор Петр Постников, лекарь Иван Термонт с учеником Иваном Левкиным, переводчик Петр Шафиров и неразлучные с Петром его повара Яков Пенюгин и Осип Зюзин. Позднее в Англию приехал, вызванный туда Петром, второй посол со своей свитой, священником Иоанном Поборским, подьячим Иваном Черцовым, солдатами и остальными волонтерами.

Отъезжающим шилось платье. 24 декабря „для аглинского походу" шести волонтерам куплено „на немецкое платье верхнее и нижнее сукна добраго $45^1/_2$ аршин по 2 еф. по 10 ал. аршин. И того 95 еф. 9 ал. 2 д". Полный комплект одежды был приобретен для двух царских поваров. О костюмах самого Петра уже было сказано выше. В течение последней недели декабря и первой января для всех участников поездки были закуплены различные принадлежности одежды: шелковые чулки, башмаки, кисейные галстуки и манжеты, пояса, шпаги, аксельбанты, перчатки, перевязи, парики, шляпы с перьями (для одной из них „перье белое") и без перьев, а также, ввиду зимнего времени, муфты, или, как они называются иначе в расходной книге, — „манки", „муфи"; рядом с незнакомым иностранным словом подьячий поставил для пояснения русское — „рукава". Они делались из разных мехов: россомачьи, выд-

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 183 об., 184 об., 185 об., 193, 200 об., 202 об., 216 об., 219 об., 236 об., 237, 257, 257 об., 260, 269, 274 об., 283 об., 286 об., 303.

ровые, бобровые, лисьи, волчьи. Для ношения их приобретались пояса с кольцами, к которым они прикреплялись крючками.

Доктору Постникову было поручено закупить парфюмерию: 4 января „по указу великого государя дохтуру Петру Постникову дано по росписи за масло коришневое, за амбру, за балсамы, за склянки и за коробочки деревянные, всего 200 еф. 5 ал.“

Тем из отъезжающих, которым почему-либо не было сшито платье, выдавались деньги на его покупку Так, например, 30 декабря было выдано „лекарскому ученику Ивану Левкину для аглинской посылки на немецкое платье 10 ефимков, 4 января лекарю Термонту для той же цели было выдано 50 ефимков, 6 января „дано переводчику Петру Шафирову за издершки ево, что он издержал для аглинской себе поездки на немецкое платье и на всякие к тому приналежащие потребы по росписи 85 еф. 1 ал.“ Петр распорядился купить „иноземное“ платье даже посольскому священнику Иоанну Поборскому. Платье, обошедшееся в 23 золотых и один ефимок, „покупал подьячей Иван Черницов“ как записано в „Тетрати записной“. Уже по приезде в Англию выдавались деньги на платье Адаму и Ивану Вейде, Ульяну Синявину, Якову Брюсу, Томасу Книппери и *др.*[1]

Петр и волонтеры ехали в Англию для занятия кораблестроением; некоторые сопровождавшие их лица направлялись туда для работы по своим специальностям. Так, например, Яков Брюс „учился математическому делу у агличанина учителя математики у Ивана Колсуна“. 17 апреля ему было выдано для уплаты учителю 50 гиней. В тот же день „впред для учения дано тому ж мастеру за Якова ж Брюса на шесть месяцев по договору по 8 гиней на месяц, в том же числе за корм и за двор, всего 48 гиней. У Брюса был свой слуга: „Да за малого за корм и за двор, которой с ним оставлен, 10 гиней и 5 шеленго “. Петр щедро снабжал Брюса деньгами. „После учения велено ему ехать к послом, где будут“; на дорогу, на платье и „иные издержки“ ему было выдано 100 гиней. Помимо занятий математикой, он выполнял в Англии различные поручения Петра: закупал для него математические инструменты, посылался „к математикам“ и др.[2]

Другим лицом, ехавшим в Англию со специальным назначением, был „враче-философ“, как его называет расходная книга, Петр Васильевич Постников. Сын дьяка Посольского приказа, имевшего возможность дать ему хорошее по тому времени образование, Постников был по натуре

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 222 об., 223 об., 225 об., 228, 229 об., 230 об., 231, 231 об., 232, 233, 235 об.; Австрийские дела 1698 г. № 25, лл. 5, 11, 12, 13 об., 15, 16.

[2] Австрийские дела 1698 г. № 25, лл. 4 об., 10.

настоящим ученым, любившим науку и видевшим в научных занятиях смысл своей жизни. Поездка за границу имела для него привлекательность постольку, поскольку открывала ему возможность шире удовлетворять свои научные интересы. Петр, собираясь в Англию, включил Постникова в число своих спутников, думая, вероятно, использовать его знания для приобретения медикаментов, хирургических инструментов и медицинских книг (все это Постников покупал для царя за границей). Но сам Постников стремился к другому. В Лондоне он, повидимому, окунулся с головой в научную жизнь. Выполняя поручения Петра, он вращался в обществе врачей, — некоторые из них поступили тогда же на русскую службу. Расходная книга отметила его пребывание во врачебном мире. 18 апреля было дано „дохтуру Христофору Бекерю в годовое жалованье 100 гиней аглинских, русским счетом 264 руб., которой принят в службу в Англии, что с Постниковым". Но Постникову показалось мало времени, проведенного с Петром в Англии. При возвращении остальных путешественников он, очевидно, выпросил разрешение остаться на некоторое время для своих научных занятий: „17 апреля по указу великого государя дохтуру Петру Постникову на платье немецкое дано, будучи в Лондоне и для отставки, что оставлен на невеликое время в Лондоне для осматривания академий, 30 фунтов аглинских". Выражение расходной книги „на невеликое время" показывает, что Петр неохотно согласился на оставление Постникова в Англии. После отъезда посольства в Москву доктор отправился в Италию для занятий анатомией, но скоро был, против своего желания, вызван Возницыным на Карловицкий конгресс, где его знания языков и образованность импонировали во время переговоров турецкому послу Александру Маврокордато, с которым ему приходилось вести беседы. В ноябре 1698 г. ему были куплены некоторые принадлежности одежды, но уже не западного происхождения, а восточного: 22 ноября „куплено два кушака да двои сапоги и башмаки турские — 20 золотых и отданы дохтуру Петру Постникову". Может быть, эти вещи были приобретены как раз в связи с предстоявшими переговорами с турками.[1]

Среди волонтеров, отправившихся с Петром в Англию, выделяется Александр Меншиков. В записях расходной книги заметна установившаяся уже к тому времени его близость к царю. Он был личным казначеем Петра и получал, как мы видели выше, крупные суммы на его расходы. Так, например, перед поездкой в Лондон Меншикову было передано $157^1/_2$ гиней. Перед отъездом из Англии Головиным было

[1] Австрийские дела 1698 г. № 25, лл. 3, 7; книга Австрийского двора № 47, лл. 126, 143 об., 230; ПДС, т. IX, стр. 931, 1030.

„отдано вверх Александру Меншикову 100 гиней для ево, государева, росходу по указу". Некоторые записи расходной книги передают подробности, при которых происходили выдачи денег; они вводят нас в интимную обстановку, среди которой Петр жил в Англии. Например, под 14 мая Головин записал: „Взял Александр Меншиков пять золотых в пребытие великого государя у меня на дачу, где смотрели всяких вещей". Из этой записи видно, что царь вместе с Меншиковым осматривали какие-то достопримечательности Лондона и заехали вместе к Головину, где и были взяты деньги. Петр, видимо, неразлучен с Меншиковым. Вместе с ним в Англию ездил его родственник Гаврила, не игравший, впрочем, заметной роли. Особое положение Александра Меншикова среди других волонтеров и рядовых членов посольства сказалось и в том, что они с Гаврилой принимали участие в празднике, устроенном при венском дворе, где из всего состава посольства присутствовали только Петр, три посла, секретарь посольства Петр Лефорт и гонец Адам Вейде. Им также, как и остальным приглашенным, было сшито „потешное платье", а Александру, кроме того, куплен золотой перстень с алмазами за 15 золотых, очевидно, для подарка его даме на празднике. Особое положение Меншикова заметно и в одной из записей приходо-расходной книги, называющей его почтительно по имени и отчеству без фамилии, как хорошо известное, уважаемое лицо, в то время как остальные волонтеры называются обычно по имени и фамилии. „Июня в 12 день, в неделю святые пятдесятницы, в местечке Велбе, починивана коляска Александра Даниловича; дан за перебор дву колес и за обивку золотой". Меншиков уже тогда умел использовать хорошее отношение к себе Петра для своей выгоды. Среди вещей, поставленных на яхту под клеймом „П. М.", т. е. Петра, находились „13 ящиков и сундуков с разной рухлядью и в том числ Александра Меншикова ящики". Вслед за этим стоит запись, показывающая размеры аппетитов Меншикова: „800 мраморовых камней Александра Меншикова" или, в другой редакции: „800 мармаровых камень чатирьуголных".[1] Вероятно, он задумал строить себе дом, и для этого ему понадобились мраморные плиты, которые он не постеснялся погрузить на корабль вместе с вещами Петра, под его клеймом.

По возвращении из Англии Головин начал обновлять гардероб своей свиты для предстоявшей поездки в Вену; в мае четверо состоящих при нем дворян его свиты получили по 50 золотых на платье „для цесарского посолства". В тот же день было выдано „для цесарского посолства" его пажу Книпперу 40 золотых. Низший состав его

[1] Австрийские дела 1698 г. № 25, лл. 7 об., 16; № 28, лл. 2, 8; книга Австрийского двора № 47, лл. 94 об., 95, 229; ПДС, т. IX, стр. 1031.

двора также получил новое платье: „За люцкое платье, которое зделано для цесарского посолства шести человеком второго посла, заплачено по указу 64 золотых червонных". Платье шилось уже не голландскими портными, а своими — 4 холмогорцами, работой которых, очевидно, остались довольны, так как им было дано „в приказ" за работу по четыре ефимка человеку. В то же приблизительно время было сшито платье и людям Возницына: „по приказу великого и полномочного третьего посла дано за дело трех кафтанов суконных исподних зеленых, которые деланы людем его трем человеком, за приклад и за подкладку портному мастеру 21 еф. 14 ал."

Во время пребывания посольства в Вене его членам готовилось платье для поездки в Венецию, куда собирались отправиться из Вены. Однако, получив известие из Москвы о бунте стрельцов, Петр спешно направился в Россию, и предполагавшееся посещение Венеции пришлось отменить. Отъезд произошел так внезапно, что не успели расплатиться со всеми поставщиками, и это пришлось делать уже во время дороги. Так, 26 июля было „заплачено по трем росписям цесарскому портному мастеру Ягану Мееру за товары и за дело валентерского платья, и за приклад, и за дело ж и за приклад платья скороходцом и лакеем и за переделки и вычистки; всего 65 золотых 30 алтын".

Кроме общей покупки платья для всего посольства или его отдельных групп, делавшейся преимущественно в связи с предстоявшими официальными выездами посольства, отдельным участникам посольства от времени до времени давались деньги на приобретение платья в „приказ", т. е. по специальному распоряжению. Так, например, 30 апреля 1698 г. „дано великого государя жалованья на платье валентеру Фадею Попову в приказ, 50 ефимков". В другой раз такая же выдача и в том же размере была произведена волонтеру Анисиму Моляру и т. д.[1]

Как мы уже видели, платье для членов посольства шилось голландскими или, позднее, венскими портными, причем по записям расходной книги можно видеть, что у посольства были свои постоянные портные: Абель Фогт, Альберт ван Энгл, Адам Дерат и Ян Дегевер. Однако в отдельных случаях платье делалось хозяйственным способом: шили свои собственные „портные мастера", оказавшиеся среди солдат посольства и холмогорцев, попавших в Амстердам в качестве матросов. Так, 25 марта было уплачено солдату Василью Кривенкову и казаку Логину Семенникову за шитье двух кафтанов и двоих штанов для гайдуков. Выше уже упоминалось о том, что холмогорец-шапочник Григорий

[1] Австрийские дела 1698 г. № 25, лл. 17 об., 19; книга Австрийского двора № 47, лл. 1 об.; ПДС, т. IX, стр. 974, 1000, 1001, 1003.

Лукьянов делал шапки всем карлам. К концу пребывания посольства за границей эти доморощенные портные, повидимому, так наловчились в шитье, что им стали давать работу не только для низшего состава посольства, но и для самих послов. Материи и приклад для платья покупались или у кого-либо из местных „торговых людей", или в „рядах". При покупке торговались. Так, например, 6 июля было „куплено в Вене у торгового человека у Эзопа Бернора парчи серебреной 13 аршин, дано за тое парчу по торговли по полосма ефимка цесарских за аршин". Парадное платье рядовых членов посольства тщательно сохранялось в заведенных для этого сундуках: 17 декабря „дано гайдуку Петру Соловьеву за починку казенного сундука, в котором гайдуцкое платье доброе лежит, ефимок". Не только их платье, но и деньги хранились в посольстве: 15 сентября „куплен в Амстердаме из ряду железный сундучек с нутряными замками, снаружья писаной, на поклажу салдацких ефимков, которые приняты у столников в Амстрадаме, дано 6 еф."[1]

V

В каждом из заграничных городов, в которых посольству приходилось останавливаться надолго: в Амстердаме, Гааге и Вене, оно занималось устройством отведенных ему квартир. В Амстердаме послы жили в лучшей гостинице города — „Геерен-Ложемент". Во время переговоров с Голландскими штатами, происходившими в Гааге в сентябре и октябре 1697 г., послы с их свитами занимали так называемый „Дворец принца Маврикия" и гостиницы „Старый" и „Новый Дулен". По возвращении в Амстердам посольство поселилось в снятых им на свой счет квартирах: первый посол — в отеле „Кейзеркрон", а второй и третий — в отеле „Дулен"; каждый из них имел свое особое помещение. Там же находилась „приказная палата", где сидели подьячие, и походная посольская церковь, которая, видимо, привлекала любопытство посторонних — „иноземческое многолюдственное утеснение". Поэтому ее пришлось отгородить занавесами из 12 полотниц, украшенных „живописным письмом".[2]

Петр с теми волонтерами, которые работали вместе с ним на верфях, поселился на так называемом Ост-индском дворе; остальные волонтеры или разъехались по другим городам, где обучались разными прикладным знаниям, или жили в Амстердаме на отдельных квартирах.

---

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 287, 286 об., 284, 219 об., 183; ПДС, т. IX, стр. 1000.

[2] Книга Австрийского двора № 47, лл. 24, 25, 193 об.

На Ост-индском дворе образовалась дружная рабочая семья, трудившаяся над постройкой фрегата, а в свободное время то обозревавшая город, то всей компанией, вместе с послами, отправлявшаяся „в комедию", которая была „строена великим иждивением нарочно для видения им", или смотреть на приведенного „зверовщиком" слона, „которой показывал многие штуки", то, наконец, просто веселиться за пуншем, приготовленным Александром Кикиным с любимыми приправами царя. Петр завел в этой среде демократические порядки, стиравшие разницу общественного положения. Волонтеры, принадлежавшие к крупным фамилиям, должны были, по его собственному примеру, заменить их отчествами. Так, князь Алексей Борисович Голицын назывался Борисовым, брат второго посла Головина Иван — Алексеевым, Семен Григорьевич Нарышкин — Григорьевым и т. д. На Ост-индском дворе жили в равных условиях и потомки старинных боярских родов, и сыновья придворной прислуги, вроде Меншикова; вместе с ними находилось несколько арапов, а также какой-то „малый-француз", специальности которого приходо-расходная книга не указывает. В этой среде складывались дружеские отношения, проскальзывающие иногда в расходных книгах. Например, 14 мая, в Лондоне, „по указу великого государя дано басу [корабельному плотнику], которой был на Ост-инском дворе, 21 червонной; принял Александр Меншиков". На полях книги против этого места написано: „что вместе работали".[1]

Сейчас же по приезде в Амстердам послы начали устраиваться в отведенном им Голландскими штатами помещении. 19 августа была заказана для посольского стола скатерть из красного сукна, обшитого золотой бахромой (столы обычно покрывались красным сукном; когда посольство жило в Вене, то там для столов покупалось красное „амбурское" сукно). Во время пребывания в Гааге послы купили у вдовы Марии Клейне за 240 ефимков „шесть ковров французских для обития стен в церковной и посолских полатах" и „гвоздей на прибитие в посолских полатах шпалер". В остальных комнатах стены были „убиты" сукнами.[2]

Помещения посольства освещались сальными свечами. Лишь в торжественных случаях, а также второму послу ставились восковые свечи. Послы приехали в Амстердам со своим запасом свечей, но затем их пришлось покупать.

Приходо-расходные книги не дают сведений об обстановке жилых комнат посольства, зато в них много записей, которые касаются посоль-

[1] Книга Австрийского двора № 47, л. 93.

[2] Австрийские дела 1698 г. № 25, л. 16; книга Австрийского двора № 47, лл. 23, 103 об., 186 об., 187, 225.

ской канцелярии. Приказная палата была заставлена скрынями, сундуками и сундучками с приказными делами, над которыми сидели семеро подьячих. Часто встречаются записи о покупке писчей бумаги, которая обычно приобреталась стопами, в то время как почтовая покупалась дестями. Она бывала двух сортов: простая и „добрая". В отдельных случаях покупалась более дорогая почтовая бумага — с золотым обрезом. На такой бумаге послы писали письма Петру, находившемуся в Англии. Запас ее был взят Возницыным на Карловицкий конгресс. Чернила покупали и жидкие, и сухие. Писали лебяжьими перьями. Приказные тетради, как и в Москве, сшивались нитками, столбцы склеивались клеем, захваченным из Москвы. К грамотам привешивались на шелковом шнурке печати из красного или черного воска. Для грамот употреблялись александрийская бумага и пергаментные листы, — и то, и другое было привезено посольством из Москвы. Оттуда же было захвачено жидкое („твореное") золото для разрисовки грамот. Посольской канцелярии приходилось рассылать много грамот. Наиболее важные из них разрисовывались от руки, а для остальных решили завести бланки с напечатанными украшениями. Для этой цели в декабре заказали „галанцу-живописцу" „лист, которой писан золотом, на государевы грамоты на образец". Он получил за работу ефимок. Потом по этому образцу были сделаны амстердамским железного дела мастером Яганом ван Беголтом „тиски для печатания государевых грамот". Их привезли в Гаагу к находившимся там послам. Вероятно, они оказались плохими, так как в феврале 1698 г. мастеру Ягану было уплачено „за дело в другой ряд за передел тисков, которые зделаны для печатания великого государя грамоты, 65 еф. 11 ал. 4 д."[1]

При взгляде на сохранившиеся изображения трех- и четырехэтажных каменных домов, в которых жили члены посольства в Голландии, видим в них мало общего с московскими зданиями XVII в. Однако, поселившись в голландском доме и отдавая дань западноевропейской моде, к которой более других участников посольства был склонен, конечно, Лефорт, послы и их свита вносили во внутреннее убранство его и много своего, московского. Стены, обитые шпалерами или „амбурскими" суконами, столы, покрытые красным сукном, свечи в „шанданах", приказная палата, уставленная сундуками и скрынями с делами посольства, — все это напоминало знакомую московскую обстановку, перенесенную в Западную Европу русским посольством. Эти знакомые черты обстановки должны были создавать своеобразный московский уют членам посольства, вероятно, скучавшим за границей по родине. Нехватало только

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 139 об., 187, 187 об., 203 об., 224, 233, 250, 252, 280; ПДС, т. IX, стр. 971, 973, 983, 988, 992, 1006.

привычных для москвичей жарко натопленных в зимнее время печей. Посольские комнаты согревались каминами. В приходо-расходных книгах встречаем записи расходов, произведенных на покупку то „решетки железной для раскладывания огня от стужи", то двоих „мехов для раздувания огня в посолские и в приказную полату". Но, очевидно, камины не давали достаточно тепла, и в посольских палатах пришлось поставить железную печь. За установку ее было дано работникам 13 алтын 2 деньги. Печь и камины отапливались торфом и дровами.[1]

Тяготение к своим обычаям отразилось и в записи расходной книги: 14 апреля 1698 г., во время пребывания Петра с Головиным в Англии, было издержано три гинеи, „как ехали от короля и были в бане — за карету и в бане, и гребцам".[2]

Наконец, оно видно и в той заботливости, с которой оборудовалась посольская церковь. В декабре для нее было куплено „два шандана серебряных малых", „образ распятие Господня, два подсвечника ореховые пред святые иконы" и восковые свечи; в марте — „скамья черная с резью плетеная". В приходо-расходные книги занесена даже такая мелочь, как расход на „починку медного кувшинца, в чем укроп носят". В книгах была заведена особая статья расходов на текущие церковные надобности: покупку восковых свечей, ладану, вина и муки для печения просфор. Например, 29 января „дано на муку для печения просфир 3 ал. 4 д., да хлебнику за печь, в которой просфиры пекли, за прошедшие дни, ефимок".[3]

Но более всего участников посольства переносили на родину праздничные события. Они отмечаются приходо-расходными книгами. Таким событием было, например, празднование рождества в 1697 г. Оно началось с традиционной службы в посольской походной церкви, причт которой получил наградные. Затем волонтеры, среди которых, вероятно, был и Петр, приходили к послам со славлением и получили 90 золотых. Кроме них, „славили Христа" также посольские дворяне и карлы, явившиеся в полном составе. Еще торжественнее была отпразднована пасха, пришедшаяся в 1698 г. на 24 апреля. В этот день получили наградные: священник, отправлявший службу в церкви; 10 солдат, посланных, несмотря на праздник, „на море", вследствие экстренной надобности: „для уйму от своевольства" матросов, нанятых для отправки в Россию; люди первого посла, приходившие с поздравлением ко второму и третьему послам; лекарь и „люди" третьего посла. Награждены были и низшие члены посольства: повара, сторож, двое „людей" Петра

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 214, 216 об., 220 об.

[2] Австрийские дела 1698 г. № 25, л. 14 об.

[3] Книга Австрийского двора № 47, лл. 221, 223 об., 275 и др.

Лефорта. Третьему послу было выдано „к светлому воскресенью на покупку мяс пять ефимков". В этот же день он получил „на мелкие расходы" (вероятно, на раздачу праздничных наградных) еще сто ефимков. Но настоящее празднование было отложено до возвращения Петра, задержавшегося в Англии вследствие плохой погоды и попавшего в Амстердам только 28 апреля. Оно состоялось „на святой неделе в суботу, то есть апреля в 30 день" и происходило у Возницына. В расходной книге записано, что „торговым людем амстрадамцом, за стол третьего посла, за еству, и за питья, и за пряные зелья дано 131 ефимок". „Стол" был грандиозен, если принять во внимание, что кормовые деньги, выданные самому послу на неделю с 8 по 23 апреля, составили сумму всего в 16 ефимков.[1]

Посольством праздновались именины его участников, начиная с царя. 29 июня, день Петра и Павла, посольство проводило в 1698 г. в Вене. Празднование началось, по обычаю, с молебна: „Июня в 29 день священнику Иоанну Поборскому в день государева ангела на молебен дано 10 золотых". За благочестивым началом последовало светское продолжение: днем — парадный обед у Лефорта с участием именинника, а вечером — блестящий праздник в посольстве, на котором присутствовало высшее венское общество и иностранные послы, явившиеся инкогнито. В саду посольства играла музыка, на реке австрийским двором был устроен фейерверк, после которого начался бал. Это празднество описывают иностранные представители. Его отмечает и „Юрнал" Петра: „Была огнестрельная потеха, и народа была у послов с 500 человек; музыка во всех палатах была и веселились до света". Расходные книги знакомят нас с закулисной, будничной стороной праздника: пришлось брать на прокат стулья, подсвечники и шахматные доски. „Дано иноземцу скатертнику Адаму Гамел Гавелю за наем 100 стулов да 75 шанданов стенных и за провоз да за пропалые тавлейные доски в день государева ангела полшеста золотых". 24 музыкантам, игравшим на посольском дворе, было дано по 2 золотых.[2]

8 июля там же, в Вене, были отпразднованы именины третьего посла Прокофья Богдановича Возницына. Во время именинного стола играл „арфинист", а вечером у именинника был устроен ужин также с музыкой: играли на арфах и скрипках. Солдаты и „люди" Возницына получили от него наградные. Вероятно, по случаю именин, послу спешно

---

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 28 об., 224; ПДС, т. IX, стр. 491—492, 942, 990, 1005.

[2] М. М. Богословский, указ. соч., стр. 492—497; книга Австрийского двора № 47, лл. 99, 96; ПДС, т. IX, стр. 1024.

делали новое платье: перед этим днем у него жили двое посольских солдат — „шили ему кафтан зеленой".

Посольство вело оживленную переписку с Москвой и внимательно следило за всем, что происходило на родине. В напряженной обстановке дипломатических переговоров в Голландии послам особенно приятно было узнавать об успехах русского оружия в продолжавшейся войне с Турцией. Понятно поэтому, что получение радостных известий ознаменовывалось празднеством. Так, 25 ноября послы узнали из московских писем „о счастливой победе над турки и татары под Тованским городом", одержанной 10 сентября двумя полками и небольшим гарнизоном Тавани над крупными турецкими и татарскими силами под начальством крымского хана, сераскира и белгородского паши. Известие было ознаменовано большим фейерверком, сожженным перед посольским двором: „Заплачено огнестрелного дела мастеру Моисею Карнбесу за строение фирверка или огнестрелной потехи, которую он делал своими денгами в Амстрадаме по приказу их, великих и полномочных послов, пред их, посолским, двором на славу превысокому имени великого государя, его царского величества, для полученной от войск его царского величества над турки и татары под Таванью победы, 440 ефимков".[1]

VI

Будничная жизнь членов посольства проходила в атмосфере непрестанного труда, созданной Петром, который сам служил примером и требовал постоянной работы от других. Каждый выполнял не только свои прямые обязанности, но и различные поручения совсем не по специальности. Например, подьячие посылались для закупки корабельных принадлежностей, солдаты делали сундуки и ящики для имущества отправлявшихся домой и шили кафтаны участникам посольства, толмач Иван Кропоткин покупал на „Ост-индский двор — к корабельному строению вещи" и т. д. Даже посольский дьякон Тимофей был назначен Петром изучать „фейзельмакельское", или подъемное, искусство. Царь, очевидно, был доволен его успехами, так как его учитель получал наградные.[2]

Для жизни в чужой стране участники посольства нуждались в знании иностранных языков, особенно — голландского; поэтому многие из них занимались с учителями его изучением. 29 ноября была выдана

[1] ПДС, т. VIII, стр. 1114; книга Австрийского двора № 47, л. 220 об.

[2] Книга Австрийского двора № 47, лл. 54, 60, 214 об., 217 об., 242, 245, 247, 261 об. и др.

пара соболей в 7 рублей „иноземцу Индрику, которой учил галанскому языку Семена Нарышкина, князя Осипа Щербатого, Анику Щербакова". В марте следующего года у них был уже другой учитель, также „амстрадамской житель", Павел Романов, учивший их „читать и писать". На зиму в помещении, где происходили занятия, ставилась печь, бравшаяся напрокат. В расходных книгах есть неясная запись, дающая основание думать, что и Петр также учился иностранному языку: 2 октября иноземцу Илье Федорову, которой воинские вещи писал и „учил некоторых волонтеров по немецки", было дано 15 золотых.[1] („Некоторым волонтером" расходная книга обычно называет Петра). По расходным книгам можно видеть, как некоторые иностранные слова вошли в обиход участников посольства: например „фурман", „флот", „триумфальные огни", „векселъ", „комиссия" „фляга"; чаще всего иностранные слова встречаются применительно к питанию и одежде: „конфеты", „кафе", „фрукты", „сарфетка" „материя", „камизол", „бострок", „галстук", „манжеты", „муфь". Однако для некоторых предметов, с которыми пришлось впервые встретиться за границей и для которых не было соответствующего русского названия, иностранное наименование почему-то все-таки не привилось, и они или называются описательно, или другим русским словом, употреблявшимся для обозначения сходного предмета: вместо „парик"— „волосы накладные", вместо „устрицы" — „раковины".

В Статейном списке и расходных книгах упоминается об одном любопытном случае, связанном с изучением языков. Перед отъездом посольства из Москвы в Посольский приказ подал челобитную сын подьячего Михайла Ларионова, назначенного участвовать в поездке,— Петр. Он просил зачислить и его также подьячим посольства „для науки в тех государствах цесарского языка". Его просьба была удовлетворена, и в Амстердаме он был отдан в обучение пастору Илье Федорову, которому „за учение подьячего Михайлова сына Ларионова Петра и на покупку ему ж латинских книг" дано 15 золотых. В марте 1698 г. Петру Ларионову, очевидно в поощрение его занятий, было выдано „в приказ" на платье и за ученье — 10 ефимков. Вскоре после этого он был „послан для учения в Берлин и получил на поездку 100 золотых".[2]

Наряду с изучением разных наук и иностранных языков, обучались также и искусствам. 25 марта „танцовального дела мастеру Антонию Энгауту за учение четырех карл, которых он учил танцовать месяц", было дано 10 ефимков 1 алтын 2 деньги. Возницын отдал шесть своих

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 25 об., 54, 274 об., 282 об.

[2] Книга Австрийского двора № 47, лл. 30 об., 99 об.; ПДС, т. VIII, стр. 610—613; т. IX, стр. 966.

„людей" учиться играть на скрипке. Музыканты, учившие их, получали за каждого по три ефимка в месяц.[1]

Послы знакомились с Западной Европой, посещая различные культурные учреждения и места общественнных развлечений. Они отправлялись туда со свитой, и, таким образом, и низшие члены посольства могли видеть иноземные „диковинки". Но иногда развлечения устраивались и специально для них. Так, например, 2 октября 1697 г. карлы „ездили в огороды гулять". Им дано было 2 ефимка для дачи „в почесть того огороду надзирателю от смотра тамошних вещей". В другой раз их возили смотреть комедию. Может быть, впрочем, эта поездка имела целью не только удовольствие, но и обучение карл. В декабре 1697 г. все волонтеры ездили с Ост-индского двора „в комедию и в иные места". Для этой поездки специально нанимались сани. 22 января следующего года „дано комедианту Филиппу Фангеле за комедии, которых смотрили все великие и полномочные послы и дворяня и люди их— 22 еф. 2 ал.".

Посольство широко пользовалось культурными удобствами западноевропейской жизни, как, например, почтой, газетами и *др.* Оно постоянно обменивалось письмами с Москвой и русскими представителями при европейских дворах. Для посольства покупались газеты — „куранты". По расходным книгам видно, как послы, только что приехав в Амстердам, сейчас же начинают покупать „куранты", очевидно, стремясь держаться на уровне последних известий. 19 сентября „переводчику Вулфу за издержку ево, что он покупал в Амстрадаме на свои денги куранты августа с 16 дня по вышеписанное число, дано ефимок три алтына две деньги". Покупка газет вообще стала обязанностью переводчиков. Возницыну, когда он приехал на Карловицкий конгресс, их покупал Шафиров. В Бреславле их доставлял „почтарь". Послы настолько освоились с газетами, что однажды даже поместили в них объявление о своем сбежавшем с деньгами агенте. Для того чтобы держать в курсе европейских новостей Посольский приказ, Возницын приобретал печатные гравированные листы, выходившие в то время на Западе. Так, он купил в Вене два экземпляра „Листов печатных въезду королевы венгерской в Вене", заплатив за них 7 алтын 2 деньги. „И посланы к Москве", — добавляет расходная книга. Свадьба сына австрийского императора была последним событием в Вене; Возницын присутствовал при торжественном въезде его жены в столицу империи. Описание этого въезда он поспешил отослать в Москву, снабдив его иллюстрацией — только что вышедшей гравюрой.[2]

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 183 об., 184, 245, 286 об.

[2] Книга Австрийского двора № 47, лл. 107, 140, 147, 186.

Члены посольства быстро освоились за границей с денежными операциями: переводом денег, разменом валюты, учетом векселей и др. В начале работы говорилось о том, что для увеличения средств посольства из России, по распоряжению Петра, были высланы векселя торговавших в Архангельске голландских купцов, по которым были получены деньги с их амстердамских должников. Немалые услуги при совершении этих операций оказал послам амстердамский бургомистр Николай Витсен, приказчики которого производили выплату денег. Уже в начале путешествия посольством был произведен обмен золотых на бранденбургские „крестинки", т. е. крейцеры. „За 230 золотых взято $362\frac{1}{2}$ крестинки". Отсюда послы узнали, что золотой расценивается не по рублю, как они считали, а по рублю двадцати копеек. При приеме в Амстердаме денег у Витсена приходная книга отметила, что „ефимок положен по полтине", а гульден — „по 6 алтын по 4 деньги". Перед отъездом в Англию произвели обмен золотых на гинеи: „Куплено... в Амстрадаме аглинских $157\frac{1}{2}$ гиней золотых, дано по 2 р. по 13 ал. по 2 д. золотой". Из Вены посольство само делало денежные переводы. Так, например, было переведено в Любек Илье Коберту „чрез переводное писмо 604 золотых" в уплату за купленныз у него пушечные станки; „за отсылку из Вены в Любек того переводного писма наддачи дано 27 золотых". Еще ранее дано „для аглинского походу за переводные писма, по которым в Лондоне взять аглинскою монетою денги торговому человеку Ивану Михайлову по двум росписям 3811 еф. 7 ал. 2 д." Благодаря сотрудничеству с Витсеном посольство ознакомилось с западноевропейскими банками. В конце расходной книги находим запись: „За положение в банковую казну 66039 ефимков вышло тем людем, которые тое казну держат, именуемым касиром, от приему и от дачи по обыкновению со 100 по $\frac{1}{4}$ ефимка в денгах. Итого 164 ефимков. Да сверх того в тех же банковых делах в вышепомянутом числе учинилось убытку от 100 по $\frac{1}{2}$ еф. в денгах, итого 358 еф. 5 ал. 2 д. для того, что в то время, как те денги в банковой казне были, ходили менше иных времен".[1]

Посольство на всем протяжении своего пути проявляло большой интерес к различным картам. Так, проездом через Берлин оно купило две карты: Бранденбургской и Голландской земель, интересуясь географией тех стран, через которые ему приходилось проезжать. В Амстердаме „была куплена для знатья путей книга атляс со описанием и с чертежами всех государств, дана 46 ефимков. Да к той же книге зделан ящик деревянной". В Амстердаме же дано иноземцу Дрогодаму, „кото-

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 13, 101, 229, 258 об., 261 об., 293 и др.

рой принес чертеж Черному морю и иные чертежи к третьему великому послу от Николая Витцена, пять дукатонов... да и на те ж чертежи и на чертежные медные доски сделан ящик, дано четыре ефимка". Собираясь на Карловицкий конгресс, Возницын, видимо, подбирал картографический материал, который мог понадобиться при переговорах с турками. Так, уже на месте им были куплены два чертежа морей, затем упоминаются еще какие-то чертежи, приобретенные для него Шафировым. Купленные раньше карты Голландии и Бранденбурга, а также „два старых черноморских чертежа", видимо, сильно потрепавшиеся от частого употребления, были отданы Возницыным, перед отъездом из Амстердама, голландскому торговому человеку, для наклейки их на полотно. Интерес Возницына к местам, через которые приходилось проезжать, выразился, между прочим, в покупке веревок к свинцу для изготовления лота, которым можно было бы измерять глубину Дуная во время путешествия по нему на Карловицкий конгресс: 29 сентября было выдано 22 алтына 2 деньги „на покупку веревок тонких и свинцу для отведыванья дунайской глубины". Для посольства даже составлялось в Голландии какое-то специальное сочинение по мореплаванию. Автором его был пастор Иван Федоров, который появляется на горизонте посольства еще в сентябре 1697 г., когда он „воинские вещи писал". В январе следующего года он „вновь писал о морском плавании". В марте он получил „к прежней даче в прибавку" 20 ефимков за написанную им книгу и за чертежи.[1]

В приходо-расходных книгах довольно часто встречаются записи о мелких расходах — чаевых, дававшихся послами и лицами их свиты. Посольство не было расточительным в этом отношении. Петра некоторые даже обвиняли в скупости, так как он не любил разбрасывать деньги понапрасну только для того, чтобы прослыть щедрым. Однако всюду, где бывали послы или члены их свиты, наградные и чаевые давались, и иногда в значительном размере, если услуга была существенной или если положение послов обязывало их к щедрости. Приведем несколько примеров. В июле 1697 г. посольство, проезжая через Магдебург, осматривало старинную церковь св. Маврикия и находившиеся в ней достопримечательности. При этом „дано музыкантом, которые в кирхе играли, пять золотых, сторожу, которой показывал все вещи в той кирхе, семь золотых, жене, которая подала великим послом печатные тетратки — описание той кирхи, три золотых, да другой жене, что отворяла вверх на колокольню как были волонтеры, две крестинки". Уезжая из Англии 10 апреля 1698 г., Головин дал „сарам (матросам)

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 15 об., 25 об., 30 об., 107, 112 об., 117 об., 141 об., 178 об., 181, 236, 277; ПДС, т. IX, стр. 942, 986.

на пиво два фунта аглинских". Под 14 октября в расходных книгах записано: „Роздано убогим служилым людям и нищим бабам и робятам и ис полат в окна бросано мелкими денгами на четыре ефимка". В другой раз „бабе нищей, у которой руки о шести пальцах, а ноги о семи пальцах, дано ефимок вместо милостыни". В Вене также производились траты подобного рода. 12 июля „по приказу второго великого посла полпята ефимка розданы в розные времена на милостыню". 13 июня в Праге „дано на милостиню строителем болничным двум золотой". В посольство обращались за денежною помощью разные лица, устанавливавшие так или иначе свою близость к России. Например, в Праге же было „дано на милостиню словянину Ивану Алексеевичу, которой хотел итти в Вену и бить челом великому государю в службу, пять золотых". „Того ж числа, в том же городе дано поляку Илье Федорову сыну Поповскому, который сказался племянником митрополита Киевского Ясинского, и хочет итти бить челом великому государю в службу, на милостиню в приказ два золотых". Получил крестинку и студент, „которой идет для учения в Рим".

Иногда такие выдачи вырастали до очень значительных размеров. Например, в Вене „взял второй великий посол на роздачу цесаревым служителем, которые великим послом на цесарском дворе показывали разные вещи, триста золотых".

Некоторые записи говорят об отношении послов к дипломатам других стран. После подписания перемирия с турками в Карловице турецкие послы прислали к Возницыну двух дворян с подарками: пятью верблюдами, пятью мулами и двумя турками-работниками. Дары были приняты за исключением работников, которые, получив пять золотых „на корм", были отпущены обратно. Турецким дворянам, доставившим подарки, было выдано два сорока соболей по 10 рублей и косяк камки.

Во время проезда через Петервардейн на обратном пути в Вену „Петр-Варадынский генерал и комендант, — отмечает Статейный список,— к великому послу во все бытие его великое почитание чинил и при отъезде его из Петр-Варадына провожал за город в немалых людех". Расходные книги объясняют причину этой предупредительности, заключавшуюся в дарах, поднесенных петервардейнскому коменданту. Как бы объясняя необходимость произведенных трат, составитель расходной книги не без язвительности добавляет: „А полской посол [известный своей заносчивостью, не соответствовавшей его незавидному материальному положению, пан Задора-Цесельский] ничем не подарил, и ево в Петер-Варадыне салдаты, знать попущением генеральским, проломав стену, окрали донога".

Такого рода неофициальные подарки достигали крупных размеров,

если этого требовали государственные соображения. В ноябре 1698 г., во время предварительных, негласных переговоров с турками, предшествовавших Карловицкому конгрессу, второй турецкий посол, грек Александр Маврокордато, который, в сущности, руководил переговорами и с которым Возницыну важно было поддерживать хорошие отношения, деликатно дал понять русскому послу через своего священника, бывшего посредником между ними, что он страдает от холода (посольский стан был расположен на открытой, не защищенной от ветров, равнине). „Приказал ко мне, что студено", — писал Возницын Петру 5 ноября. — Я тотчас отослал к нему кафтан свой лисицы чернобурые под сукном малиновым, с нашивкою турскою и с пугвицы обшивными; принял любительно. А соболей шубы не послал для того, ведаю, что не примет". В таких подарках надо было соблюдать чувство меры. Подарок Возницына был занесен в расходную книгу под 30 ноября, с подробным описанием кафтана. „Отослан к турскому послу к Маврокордату для ползы государева дела кафтан лисей черной бурой под сукном малиновым с нашивкою болшою золотною волоченого золота и с пугвицы обвязными, опушен хвостами собольи, цена 50 золотых". Подарок возымел действие — отношения наладились. „Они также прислали ко мне табаку, кафе, чубуки, бумагу добрую, — продолжает Возницын в том же письме, — и приказывают непрестанно, любо что мне у них понадобитца, о том им сказал (под 8 декабря в расходной книге значится: „Прислал к послу Александр Маврокордат с попом своим два сосуда шербету; слуге — 20 алтын"). Я к нему сего дни послал с ченцом вин разных, икры паюсной, спинок осетрьих и белужьих, несколько теш белужьих [эти продукты, привезенные послами из России, очень ценились на Западе]. Ездят от меня к ним и от них ко мне, — заключает письмо Возницын, — объезжая станы, степью, никим же видимы".[1]

Приходо-расходные книги заключают в себе большой бытовой материал, разбросанный среди множества разнообразных записей. Собранные вместе и сгруппированные по отдельным вопросам, эти записи дают значительное количество сведений, касающихся различных сторон жизни великого посольства за границей. В отношении материального быта они дают возможность собрать данные об одежде и питании как руководящих членов посольства, так и его остального состава, причем выясняются вкусы и наклонности отдельных лиц. Они обрисовывают также обстановку, в которой посольство жило за границей, убранство его помещений, его выезды. В области духовной культуры приходо-

[1] Книга Австрийского двора № 47, лл. 17, 73, 74, 99 об., 117, 126 об., 131 об., 132, 188, 190; Австрийские дела 1698 г. № 25, л. 9; ПДС, т. IX, стр. 249, 519, 1025, 1032.

расходные книги знакомят нас с внеслужебными занятиями членов посольства: приобретением книг и инструментов, посещением общественных мест, осмотром достопримечательностей и пользованием культурными учреждениями Запада.

Этот материал ценен не только тем, что, пользуясь им, исследователь может восстановить по отдельным, мелким фактам более или менее цельную картину быта, но и еще и тем, что дает возможность установить характер восприятия русскими путешественниками того, что они увидели на Западе, и, таким образом, подойти к вопросу о взаимоотношении двух культур — русской и западноевропейской.

Мы видели, что, попав на Запад, посольство быстро усвоило внешние черты быта Западной Европы: одежду, выезды, даже мелочи столового обихода. Оно пользовалось достижениями Запада и в области духовной культуры. Но восприятие элементов чужой культуры не обесценивало в глазах посольства собственного культурного наследия, которое было связано с национальным самосознанием. Посольство помнило о своей родине и, находясь на чужбине, сохраняло черты своего быта. Это отражалось и во внутренней обстановке жилища, и в обиходе, и, особенно, в праздновании своих праздников, как связанных с выполнением религиозных обрядов, так и вызванных получением известий о победах, одержанных над врагами.

Эти факты свидетельствуют о том, что восприятие элементов западноевропейской жизни не было слепым подражанием, что они подвергались серьезной внутренней оценке и переработке на основе собственной культуры. Критическое отношение к Западу хорошо выразилось в оценке, данной Петром, в одном из его первых писем из-за границы в Москву, показной стороне западноевропейской культуры, с отрицательными свойствами которой он столкнулся в Риге: „Торговые люди здесь ходят в мантелях и кажется, что зело правдивые, а с ямщиками нашими, как стали сани продавать, за копейку... лаются и клянутся, а продают втрое“.[1]

[1] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I, № 149.

А. И. АНДРЕЕВ

ПЕТР I В АНГЛИИ В 1698 Г.

Трехмесячное пребывание Петра I в Англии в 1698 г. было источником многих известий о нем, из которых часть была записана и в свое время издана, но довольно большое количество их остается пока невыявленным, хотя о существовании их можно догадываться по косвенным указаниям современных или позднейших рассказов, ходивших в форме многочисленных „анекдотов", которыми так богата литература XVIII в.[1]

Несмотря на интерес к теме, мы до сих пор не имеем даже простой сводки всех тех многочисленных известий о пребывании Петра в Англии, которые находятся только в напечатанных русских и английских источниках. Причина того, что английские историки не знают русского „Юрнала" путешествия Петра и других русских источников, довольно понятна. Но и русские историки, начиная с акад. Н. Г. Устрялова (1805—1870), автора первой научной

---

[1] См., например, T. M o t t l e y. The life of Peter I, vol. I, London, 1740, стр. 78. В русской исторической литературе таким собранием „анекдотов" о Петре I являются „Рассказы Нартова о Петре Великом", изд. Л. Н. Майковым, СПб., 1891. Л. Н. Майков доказал, между прочим, что в основе „анекдотов, относящихся к пребыванию Петра в Англии (№ 4—7 и 12), лежат рассказы, заимствованные А. А. Нартовым у Жана Руссе (псевдоним: барон Nestesuranoi): „Mémoires du règne de Pierre le Grand", изд. в Гааге в 1725—1726 гг., и у Мовильона, „Histoire de Pierre surnommé le Grand", изд. в 1742 г. в Амстердаме и Лейпциге. Рассказ № 9, вероятно, сообщен А. А. Нартову русским послом в Англии А. А. Матвеевым.

биографии Петра,[1] и кончая акад. М. М. Богословским (1870—1929)[2], не приняли во внимание многих известий о Петре, которые, например, знаменитый английский историк Маколей[3] вычитал у Лермитажа, ван Ситтерса[4] и других современных наблюдателей английской жизни и пребывания Петра I в Англии, в частности. Впрочем, исправить этот пробел русских работ в условиях после военного времени почти невозможно. Мне также не удалось получить те английские „анекдоты" XVIII в. о пребывании Петра в Англии, которые находятся у первых английских историков Петра и его времени: Моттлея (1739), Бэнкса (1740) и др., а также у собирателя их в XIX в. — английского журналиста Джона Тимбса[5] и др.

При наличии довольно большого количества доступных русских и иностранных источников о пребывании Петра I в Англии, основным следует признать, конечно, тот „Юрнал" 1698 г., который вел кто-то из состава великого посольства. Он известен в литературе в двух редакциях: краткой и распространенной,[6] причем последняя является несомненно переработкой первой, выполненной „доктором прав" бароном Гюйсеном (Гизеном)[7]; эта редакция развивает первона-

[1] История царствования Петра Великого, тт. I—IV и VI; т. V остался в рукописи, копия его хранится в Публичной библиотеке имени М. Г. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

[2] Петр I, Материалы для биографии, тт. I и II, М., 1940—1941.

[3] Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 282 (в); т. XIII, стр. 283.

[4] Донесения их хранились в Гаагском государственном архиве; копии с них в те годы, когда Маколей писал овою „Историю Англии", предполагалось получить для Британского музея.

[5] В его книгах: „London and Westminster" и „Clubs and clublife in London"; они были известны Н. А. Фирсову, см. его „Английские сведения о пребывании Петра Великого в Лондоне" („Древняя и Новая Россия", 1877, № 9, стр. 76—77); к сожалению, Н. А. Фирсов слабо использовал упомянутые книги.

[6] Первая напечатана Н. Г. Устряловым („История царствования Петра Великого", III, прилож., стр. 601 и сл., и в серии походных журналов Петра I) — „Юрнал 206 г." („Походный журнал 1698 г.", 2-е изд., СПб., 1911); вторая — Ф. В. Тумански м в „Собр. разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деятельности Петра Великого", III, СПб., 1787, стр. 56—70.

[7] Он поступил на русскую службу в 1702 г. О нем см. С. М. Соловьев, История России, III, изд. „Общественной пользы", III, стб. 1354—1355; IV, стб., 16, 17, 54, 907; П. П. Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, СПб., 1862, стр. 96—107; Е. Ф. Шмурло, Петр Великий в оценке современников и потомства, в. 1 (XVIII век), СПб., 1912, стр. 9—11, 51, 95, примеч., стр. 5—8, 10—13, 15, 16, 144. Переписка Гюйсена и многие его материалы (отрывки его научных трудов и т. п.) хранятся в Архиве Академии Наук СССР и пока не изучены. М. М. Богословский, насколько мне известно, не пользовался бумагами Гюйсена, а Е. Ф. Шмурло (для труда „Петр Великий в оценке современников и потомства", в 1 (XVIII век), СПб., 1912) также не знал весьма ценных документов этого собрания. Бумаги Гюйсена ока-

начальный краткий текст „Юрнала", дополненный Гюйсеном на основании неизвестных пока источников.

Следует напомнить, однако, что эта редакция „Юрнала" была написана по-французски и оригинальный текст до сих пор не опубликован, а имеющийся русский текст является переводом, сделанным кем-то для Ф. С. Туманского, когда он печатал в 1787 г. „Журнал государя Петра I с 1695 по 1709 г."

После „Юрнала" важное значение имеет источник английский — книга английского инженера Дж. Перри, приглашенного в 1698 г. в Россию строить канал между Доном и Волгой. Перри выехал из Англии в Голландию с русским посольством в 1698 г. и был хорошо осведомлен о том, что происходило незадолго до того в Англии. Его „Состояние России при нынешнем царе" вышло в 1716 г. и при мелких неточностях, вызванных забвением того, что происходило в 1698 г., всё же по полноте своих известий, в основном совпадающих с данными „Юрнала", заслуживает того, чтобы также считаться одним из основных источников

Донесения иностранных резидентов в Лондоне, лишь отчасти использованные в литературе,[1] а также переписка современников вносят нередко существенные дополнения в основные источники.

В меньшей степени можно полагаться на те „анекдоты" XVIII в., о которых отчасти говорилось выше, и на „воспоминания", написанные современниками позже 1698 г.; к последним относятся, между прочим, часто цитируемые историками воспоминания епископа Бернета, известия и характеристики которого находятся, однако, в большом противоречии с письмами того же лица. Письма Бернета и его „Воспоминания" — источники разновременные, и предпочтение следует отдать, конечно, первым, как передающим те непосредственные впечатления, которые сложились у Бернета после бесед с Петром, о чем он и сообщал в этих письмах. М. М. Богословский совершенно правильно предпочел их „Воспоминаниям"; Бернет писал последние значительно позже, несомненно под впечатлением тех отношений, которые существовали

лись также в прусских и других иностранных архивах; они использованы в труде Дёрриса, упоминаемом далее; в нем много новых и ценных сведений о Гюйсене.

[1] Донесения австрийского резидента в Лондоне Гофмана и чрезвычайного австрийского посланника при английском дворе графа фон Ауэрсперга напечатаны в извлечениях в книге Задлера „Peter der Grosse als Mensch und Regent", St. Pet., 1872; ранее донесения были изданы в журнале „Im neuen Reich". Извлечения из донесений голландского резидента Лермитажа, касающиеся поездки Петра в Англию, напечатаны у В. А. Корда, Отчет о занятиях в Государственном архиве в Гааге летом 1911 г., СПб., 1914, стр. 10—16. Они остались неизвестны М. М. Богословскому. Сообщения других резидентов пока не опубликованы.

между Англией и Россией в годы их составления,[1] а не в конце XVII в., когда происходили его встречи с Петром.

Из новых источников, которые привлечены мною, отмечу лишь главный: это хранящийся в Архиве Академии Наук СССР среди бумаг историка XVIII в. акад. И. Э. Фишера (р. I, оп. 79, № 13) труд на французском языке под заглавием „Histoire de la Grande Russie". Сохранившаяся часть этого труда посвящена Петру I; она подробно описана в известной работе Е. Ф. Шмурло.[2] Последний, однако, не установил автора этого труда, но теперь можно с полным основанием утверждать,[3] что им был упоминавшийся уже выше барон Гюйсен, который в этом труде дополнил свою редакцию „Юрнала" 1698 г. многими другими сведениями, заслуживающими полного доверия; эти дополнения использованы мною далее.

Петр выехал из Амстердама 7 января 1698 г.

Он приехал в Англию, уже имея, конечно, о ней некоторое представление, в частности на основании тех встреч и бесед с англичанами, которые, еще задолго до путешествия в Москве, начались в Немецкой слободе. Среди этих англичан некоторые были ему очень близки, как, например, Андрей Кревет, который закупал и привозил из-за границы для царя различные вещи; от него, по словам Б. Т. Куракина[4] (архив кн. Ф. А. Куракина, I, стр. 69), и были переняты царем и некоторыми его придворными шапочки английские, камзолы и кортики с портупеями и пр. В числе англичан, оказавшихся в Москве после второй английской революции, был также шотландец Яков Брюс, близость которого к Петру можно отнести еще ко времени азовских походов; он находился с царем в Лондоне.

О пребывании царя в Англии, посещении разных мест и учреждений, встречах с разными лицами и пр. сохранились, как уже отмечено, современные записи в форме ежедневных кратких заметок, носящих название „Юрнала 206-году". Лишь немногими фактами, не занесен-

[1] Письма Бернета были найдены профессором Оксфордского университета Морфилем в Бодлеанской библиотеке; копии их были пересланы им С. Н. Шубинскому, который впервые использовал как письма, так и некоторые другие документы в статье „Петр Великий в Дептфорде" (в книге „Исторические очерки и рассказы", СПб., 1893, стр. 17—30, „Bishop Burnet's History of his own time", III, 1753, стр. 306—303; IV, 1833, стр. 406—409.

[2] Петр Великий в оценке современников и потомства, в. 1 (XVIII век), СПб., 1912, примеч., стр. 42—44.

[3] H. Doerries, Russlands Eindringen in Europa in der Epoche Peters des Grossen, Studien zur zeitgenossischen Publizistik u. Staatenkund, Königsberg—Berlin, 1939 („Osteuropäische Forschungen", Neue Folge, Bd. 26, S. 34, Anmerk. 97).

[4] Архив кн. Ф. А. Куракина, I, стр. 69.

ными в „Юрнал", удается его дополнить, главным образом на основании тех современных английских известий, которые находим в переписке современников и, отчасти, в „анекдотах" или „преданиях", которые могут быть признаны восходящими к событиям 1698 г.

Подобные сведения о пребывании Петра в Англии, составленные на основании многих источников русских и иностранных, можно найти в т. II труда М. М. Богословского „Петр Первый", вышедшем в 1941 г. (стр. 295—389). Из того, что было известно его предшественникам, М. М. Богословский использовал многое, но кое-что почему-то не привлек для своего рассказа, дав вместе с тем некоторые новые материалы и новое толкование старым известиям. Очерк М. М. Богословского, напечатанный предварительно в виде статьи в одном из исторических журналов еще при жизни автора,[1] является в русской литературе лучшим, что можно отметить по интересующей нас теме. Но в связи с работой М. М. Богословского следует высказать несколько настоятельных пожеланий, выполнить которые пока не удалось. Так, М. М. Богословский широко пользуется „Историей Англии" Маколея (в русском переводе середины XIX в.), но оставляет без внимания его источники, которые в те годы, когда писал М. М. Богословский, можно было получить и тем самым ввести в научный оборот новые известия: ведь Маколей опустил довольно много подробностей из своих основных источников — донесений голландских резидентов в Лондоне и современных газет, а сообщений Дж. Перри почти не коснулся. После Маколея донесения голландского резидента в Лондоне в 1698 г. Лермитажа в извлечениях напечатаны В. А. Кордтом в 1914 г.; английские газеты 1698 г.: Postmaster, Postman, Post, London Gasette и др., довольно тщательно изучены и иногда в выдержках напечатаны в работе Дж. Барроу (I. Barrow, The life of Peter the Great, Edinbourgh, 1883), а труд Перри давно уже стал известен по своим многочисленным изданиям. Кроме донесений голландских наблюдателей в Лондоне в 1698 г., по труду Задлера стали затем широко известны извлечения из донесений австрийского резидента Гофмана и чрезвычайного посланника Ауэрсперга; на них часто ссылается и М. М. Богословский, но следовало бы отыскать донесения других европейских резидентов в Лондоне: французского, прусского и др., у которых о пребывании Петра в Лондоне, вероятно, найдутся сведения не менее интересные, чем у Лермитажа, Гофмана и Ауэрсперга.

Трудно представить также, чтобы в Public Record Office не было материалов, которые относятся к тому же 1698 г. и к пребыванию царя

[1] Труды Института истории. Сборник статей. Изд. I МГУ и РАНИОН, в. I, М., 1926, стр. 393—432.

в Англии; они окажутся не лишними, например, для истории переговоров по внешней политике, которые, несомненно, велись во время пребывания Петра в Лондоне. О таких переговорах заставляют думать довольно частые встречи Петра с английским королем Вильгельмом III и вызов в Англию второго посла Ф. А. Головина, который обычно вел дипломатические сношения великого посольства. Уезжая в Англию, Ф. А. Головин взял с собой для справок „списки с выписок о пересылках с английскими короли" и „статейные списки английских посольств князь Петра Прозоровского и Василия Дашкова"[1] — документы, которые могли пригодиться при предстоящих дипломатических сношениях. Во всяком случае, без этих сношений обойтись было невозможно: ведь цель царя — образовать союз христианских государей против турок — была широко известна,[2] и австрийский чрезвычайный посланник в Лондоне граф Ауэрсперг рассказывает, например, о последней из бесед на эту тему, состоявшейся у царя с английским королем во время прощального визита 18 апреля.[3]

Кроме дипломатических документов, хранящихся в Англии, остаются

---

[1] Памятники дипломатических сношений, VIII, стр. 1198—1199.

[2] Ср. у Лермитажа — по Кордту, стр. 12 (из обращения епископа Сальсберийского).

[3] „Третьего дня, — писал в Вену граф Ауэрсперг, — царь откланялся королю и с нежностью уверял его в постоянной дружбе. Однако, когда он узнал, что сюда от лорда Пэджета (английского посла в Константинополе) прибыл секретарь с некоторыми мирными предложениями, он выразил недовольство, что король не сообщил ему об этом..., так как он того мнения, что еще не время заключать такой мир" (Sadler, назв. соч., стр. 243). Гюйсен в своей „Истории Великой России" также связывал приезд в Англию Ф. А. Головина с участием его „на последнем свидании с королем, которое состоялось 18 апреля". Вероятно, к этому свиданию относится и другое известие того же автора: „Король Вильгельм, не сочувствуя путешествию его величества во Францию, сообщил ему содержание некоторых депеш, полученных им от английского посланника в Париже милорда Портланда; эти известия должны были удержать его величество от поездки во Францию. Король не советовал также возвращаться в Россию через Швецию, но ехать морем через Архангельск в сопровождении военных кораблей, которые он предоставит его величеству. Чтобы не изгладилось то прекрасное впечатление, которое осталось у его величества от Англии, король очень хотел, чтобы Англия была последней страной, которую посетил его величество. Но его величество твердо решил посетить императорский двор в Вене и в Италии, благодарил за предложение и собрался все же ехать. Король подарил ему яхту (фрегат), уверял его снова, что был бы в восторге, если бы мог удовлетворить его претензии к Швеции, предоставив ему порт на Балтийском море. Он в то же время сообщил, что султан только что просил его о мирном посредничестве в его споре с четырьмя христианскими державами, с которыми турки состоят в войне уже 16 лет; с своей стороны, король убеждал его величество принять для общего блага предложение султана; он привел и те причины, которые заставили его и его союзника приветствовать заключение мира с султаном. Их величества расстались с выражениями взаимной дружбы, искренней и неизменной".

неизданными до сих пор отчеты Исаака Ньютона о работе Монетного двора в 1696—1699 гг.[1] В одном из них, несомненно, найдутся сведения о посещении Монетного двора в Лондоне Петром I.

Поиски новых мемуаров, принадлежавших тем лицам, с которыми Петр имел сношения (вице-адмирал Митчель, „подкоморный“ („камергер“) Бертон, лорд Кармартен, архиепископ кентерберийский Теннисон и др.), или их переписки, может быть, также дадут некоторые подробности, которые окажутся ценными для истории пребывания Петра в Англии.

Те историки, которые писали о пребывании Петра в Англии, конечно, уделяли наибольшее внимание его посещениям корабельных верфей в Дептфорде, Портсмуте и Чатаме, артиллерийских заводов Вульвича и др. И „Юрнал“, и Дж. Перри сообщают много ценных подробностей об этом. Известно, что „ремесло, техника и в особенности инструменты, имеющие хотя бы некоторое отношение к мореплаванию, интересовали Петра гораздо более, чем... чистое искусство“.[2] К числу сообщений подобного же рода относятся также рассказы о том, как царь посещал лондонские фабрики и мастерские, везде стараясь получить чертежи, рисунки, модели и т. п.; побывал, между прочим, в мастерской знаменитого часовщика Карте, купил там замечательные географические часы и настолько заинтересовался техникой производства часов, что сам выучился безукоризненно собирать и разбирать их. Всякое ремесло привлекало его внимание: он купил даже у одного гробовщика гроб и отправил его для образца в Россию.[3]

Менее подробно описано времяпрепровождение Петра в те дни, когда он не бывал на верфях, заводах, фабриках, в мастерских и т. п., а знакомился с учреждениями и лицами, от которых рассчитывал получить сведения, нужные и полезные для родной страны. Число таких дней в общем итоге времени, проведенного Петром в Англии, оказалось небольшим, но эти посещения учреждений и знакомство с их персоналом имели в дальнейшем несомненное влияние на деятельность Петра.

Самое раннее посещение Петром такого рода учреждений относится к 27 января, на 16-й день по прибытии в Лондон. К этому времени Петр уже ознакомился с городом и побывал один раз в Дептфорде, тогда небольшом городке на правом берегу Темзы, где находились интересовавшие его корабельные верфи; он успел отдать визит королю и королеве, посетить придворный маскарад, присутствовать инкогнито в театре

[1] Акад. А. Н. Крылов, Ньютон и его значение в мировой науке. Изд. АН СССР, М.—Л., 1943, стр. 33.

[2] М. М. Богословский, Петр I, т. II, стр. 307.

[3] М. М. Богословский, назв. соч., II, стр. 307, 316—321 (Петр в Дептфорде), 351—354 (поездка в Портсмут, морские маневры), 361—362 (возвращение в Дептфорд).

и быть на ассамблее адмирала Кармартена, строителя подаренной Петру английским королем Вильгельмом III яхты „The Transport Royal". Имея, таким образом, уже довольно большой запас впечатлений, Петр 27 января „был на дворе, на котором всякие денежные вещи,[1] и тот двор Роял-Социетет". Примечательно, что знакомство с наукой Англии Петр начал с Английского королевского общества. Основанное в 1661 г., это Общество к концу века сделалось центром научной мысли в стране и справедливо считалось тогда Английской Академией Наук, хотя и не носило такого названия. Его богатый музей привлекал не только многочисленных англичан, но и тех иностранцев, которые бывали в Лондоне и интересовались английской наукой. Историки этого Общества (Томсон и др.)[2] не говорят, однако, о посещении его Петром.

Занятый изучением корабельного дела, Петр в феврале — марте уделил весьма мало времени тому, что прямо не относилось к основной задаче его путешествия в Англию. Все же надо думать, что именно в эти месяцы у Петра завязались те отношения с математиками, астрономами и другими учеными, связи с которыми могли способствовать основной его задаче. Ближайший сотрудник Петра по части научных сношений Я. В. Брюс, шотландец по происхождению, приступил тогда к изучению математики под руководством англичанина Джона Колсуна, а также к закупке по поручению царя математических инструментов для занятий по теории кораблестроения в Дептфорде и в запас для кораблестроения в России. Ему же пришлось вести переговоры с теми математиками, которые были приглашены затем на русскую службу.[3]

Школа, пройденная Я. В. Брюсом в Англии, сделала из него довольно крупного специалиста в области математики и астрономии. Позднее он стал руководителем работ в России по геодезии и географии[4]

[1] В списке „Юрнала", изданном Н. Г. Устряловым (III, стр. 601—607), в краткой редакции „Юрнала" читаем: „денежные"; то же в „Походном журнале 1698 г.", 2-е изд., СПб., 1911, стр. 5. Но у Гюйсена в пространной редакции „Юрнала" (Ф. С. Туманский. Собр. разных записок, III, стр. 60) читаем: „Были на королевском дворе Роял-Социе[те]т, где видели всякие дивные и другие вещи и уборы"; в тексте своего исследования (III, стр. 57) Устрялов принимает также это чтение, но М. М. Богословский (II, стр. 310) сохраняет чтение краткой редакции. Оба автора ничего не говорят, однако, почему они принимают избранный ими вариант. Я принимаю чтение „Юрнала" краткой редакции: „денежные" (почему, объясню далее) и считаю, что чтение „дивные" — перевод с французского оригинала Гюйсена.

[2] T. Thomson, History of the Royal Society, 1812; C. R. Weld. History of the Royal Society, 2 vols, 1848; H. B. Wheatley, History of the Royal Society, 1905 и др.

[3] М. М. Богословский, назв. соч., стр. 378—379, 381 (здесь впервые напечатаны извлечения из расходной книги посольства); П. П. Пекарский, Наука и просвещение, I, стр. 291.

[4] П. П. Пекарский, Новые известия о В. Н. Татищеве, СПб., 1864, стр. 10.

и был хорошо известен благодаря новому календарю (Брюсов календарь). Большие его знания в области математических и иных наук послужили основанием „низам" современного русского общества считать его „чернокнижником". С точки зрения истории русской науки, любопытно отметить, что подобную оценку народные массы дали в XVIII в., кажется одному только Я. В. Брюсу.

Брюс проявлял интерес к географии, этнографии, истории и современному состоянию Англии и в последующие годы. В описи его, библиотеки,[1] составленной в 1736 г., находим не только многие атласы и карты Англии и Америки, но и такие книги, как „История Америки" Ягана Людвига Готфрида, изданная на немецком языке в 1631 г. во Франкфурте; „Описание Англии", в двух томах, на английском языке. „Нынешнее состояние Великобритании" — на английском языке, изд. в Лондоне в 1707 г. (вероятно, Guy Miege, The present State of Great Britain and Ireland, 2-d edit., London, 1711).

Знакомства и встречи Петра с математиками и астрономами отмечены и в дневнике посольства, в „Юрнале". Так, 9 марта Петр ездил „на остроиомику", т. е. в знаменитую Гринвичскую астрономическую обсерваторию. Английские источники (Флемстид) дополняют это сообщение: Петр был там впервые 6 февраля, о чем „Юрнал", однако, молчит. Директором последней в то время был Флемстид, известный в истории науки составлением звездного каталога (Historia coelestis Britannica).[2] Его преемник (с 1728 г.) по руководству той же обсерваторией — астроном Галлей, друг Ньютона, в начале 1698 г. находился в Лондоне и только в ноябре отправился в экспедицию по изучению земного магнетизма у берегов Африки и Америки.[3] Никаких современных известий о встрече Петра с Галлеем не имеется, но в последующие годы рассказывали, что именно с ним встречался Петр I в Гринвиче, причем Галлей

---

[1] Опись его библиотеки, напечатанная в „Материалах для истории Академии Наук", III, стр. 152—245, заслуживает специального изучения историка русской науки XVIII в.; см., впрочем, статью И. Е. Забелина в „Библиографических записках", 1861 г.

[2] О нем см. Francis Bally, Account of the Rev. Kohn. Flamstead, 1835. Дата посещения Гринвича, указанная в „Юрнале" (9 марта), не совпадает с сообщениями Флемстида (E. C. Smith, The Rise of Science in Russia, „Nature", 1941, September 27, vol. 148, № 3752, стр. 357—360 („In 1698, on February 6 and again on March 6, Peter the Great visited Greenwich Observatory and, as Flamsteed reported, made observations of Venus"). Гюйсен, вернее переводчик его французского текста, не поняв, что такое „Остроиомика", передал краткую редакцию „Юрнала" следующим образом: „Изволил царское величество ездить верхом к одному астроному" (Ф. С. Туманский, Собр. разных записок, III, стр. 61).

[3] D. Brewster, Memoirs of the life, writings and discoveries of Sir Isaak Newton II, 1855, стр. 194—195.

выступает в этих рассказах не только как крупный ученый — астроном, математик и физик, но и как лицо, подававшее советы Петру по части государственного преобразования России.[1] Случаи замены в исторических рассказах одного лица другим, более известным и славным, не раз отмечались в исторической науке. Петр и Галлей были выдающимися личностями XVIII в., а потому неудивительна позднейшая попытка заставить их встретиться, хотя бы это противоречило действительности.

Под 5 апреля в „Юрнале" читаем: „После обеда ездили верхами к математику", а под 6-м: „Ввечеру ездили в шлюпке к математику". Автор краткой редакции „Юрнала", видимо, разумел здесь одно и то же лицо, до которого добирались один раз верхом, на лошадях, а на следующий день в шлюпке, водой, по Темзе. Краткая редакция не приводит имени „математика", с которым велись беседы 5 и 6 апреля. В гюйсеновской обработке приведенные известия читаются (под 5 апреля) так: „После обеда ездили верхами к одному славному математику", а под 6 апреля: „Ввечеру ездили в шлюпке к другому математику". Таким образом, в гюйсеновской редакции „Юрнала" речь идет уже о двух математиках. Но Гюйсен, или его переводчик, вообще склонен изукрашивать первоначальную редакцию подробностями, взятыми из неизвестных нам источников, а потому, впредь до изучения его трудов, лучше держаться и в этом случае первоначальной редакции „Юрнала". В согласии с гюйсеновской редакцией, М. М. Богословский считает, что в известиях 5 и 6 апреля речь идет о двух лицах; по сходству способов передвижения (езда верхом) известие 5 апреля он связывает с записью 9 марта (в гюйсеновской редакции), когда ездили верхом „к одному астроному", и приходит в соответствии с этим к выводу, что „в эти дни Петр посещал не одного, а двух разных математиков, и, возможно, что под астрономом, славным математиком и просто математиком разумеются три различных лица".[2] Но верхом ездили не только в Гринвич, и этот аргумент в пользу тождественности лиц, конечно, отпадает. 5 апреля могли посетить не Гринвич, а на следующий день отправиться туда же, где были накануне, если только считать обязательным говорить о двух и даже трех математиках, с которыми произошла тогда встреча.

Как отмечено выше, поездки 5 и 6 апреля касались одного и того же лица, имени которого „Юрнал" не называет. В последние дни пребывания Петра в Англии шли, между прочим, переговоры с Фергарсоном

[1] Н. А. Фирсов, Английские сведения о пребывании Петра Великого в Лондоне, „Древняя и новая Россия", 1877, № 9, стр. 77; М. М. Богословский, назв. соч., II, стр. 367.

[2] М. М. Богословский, назв. соч., II, стр. 367—368.

(Fergarson, он же Фарварсон),[1] „весьма искусным джентльменом, преподавателем математики, который был воспитан в Эбердинском университете и был предложен его величеству, чтоб наставлять и учить его подданных математике и применению ее". Они окончились тем, что Фергарсон отправился в Россию.[2] Вместе с ним в Россию прибыло еще два „математика" — Стивен Гвин и Ричард Грайс, обучавшиеся в „Госпитале церкви Христовой",[3] одном из колледжей Оксфордского университета, в котором позднее преподавал упоминавшийся выше молодой математик Колсун, учитель Брюса.

Фергарсон руководил обучением морскому делу сначала в школе „навигацких" наук и затем в Морской академии. Получив образование в Эбердинском университете, одном из научных центров тогдашней Англии, Фергарсон был действительно „славным" (известным) математиком. Даже настроенные против англичан-учителей дьяк А. А. Курбатов и Л. Магницкий признавали исключительные познания Фергарсона в математике.[4] Весьма вероятно, что именно Фергарсона следует разуметь под тем математиком, к которому дважды ездил Петр и которого, как сказано, он приглашал в Россию.[5]

Математиков, прибывших из Англии, использовали в России не только по школьным делам, но и для других надобностей, где их знания пригодились. Так, в 1705 г. Фергарсону и Гвину было поручено соста-

[1] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I, стр. 723—724.

[2] Дж. Перри, Состояние России при нынешнем царе, М., 1871, стр. 108. Фергарсон был принят на русскую службу лично Петром (ср. в письме Брюса: „Как быть с математиком, которого изволил перед поездом [отъездом?] принять"). С отправлением его в Россию произошла заминка, так как английский купец Стейльс отказался выдать Фергарсону поручную в том, что „когда по грехом корабль [на котором Стейльс должен был везти Фергарсона из Англии в Россию] разобьет или потонет, или какое бещастие случится, чтоб ему те деньги [плату за проезд?] после на его порутчиках взять можно" (Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I, стр. 723—724; М. М. Богословский, назв. соч., II, стр. 393—394).

[3] Н. Г. Устрялов, История Петра Великого, т. III, стр. 101, 582; М. М. Богословский, назв. соч., II, стр. 381 (Ср.: „и что дано Якову Брюсу за посылки к математикам").

[4] С. М. Соловьев, История России, III, стб. 1345—1346. О Фергарсоне см. А. П Соколов, Андрей Данилович Фарварсон, Морской сборник, XXVI, 1856, № 14, часть неофиц., стр. 171—175; „Материалы к биографии Фарварсона", там же, XXXIV, 1866, № 5, часть неофиц., стр. 7.

[5] У Гюйсена в „Истории Великой России" находим сообщение о том, что во время пребывания в Англии царь много беседовал „с знаменитым математиком Constan'ом и другими, которые были славны в астрономии и подобных науках". Фамилия математика передана, однако, переписчиком неточно; вероятно, здесь имеется в виду Колсун, учитель Брюса по математике (М. М. Богословский, назв. соч., II, стр. 378, 395).

вить проект новой дороги между Петербургом и Москвой, а в 1707 — 1708 гг. Гвин уже работал по устройству этой дороги.[1]

Две записи „Юрнала" относятся к встречам Петра с представителями англиканской церкви: 15 февраля в „Юрнале", читаем: „были у нас англинские епископы и, быв с полчаса, поехали",[2] а 27 февраля Петр посетил примаса англиканской церкви архиепископа кентерберийского Теннисона в его резиденции в Ламбетском дворце. Гюйсен в „Истории Великой России" указывает, что „его величество получил тогда от архиепископа кентерберийского рукописный труд, переведенный на русский язык, о положении греческих церквей на Востоке[3] и устное сообщение об отличии епископальной церкви от пресвитерианской, а также вигов отториев". Один из участников этих встреч и происходивших тогда бесед, епископ сальсберийский Бернет, который принимал большое участие в церковных и государственных делах в царствование Вильгельма III, в письме к доктору Фаллю от 9/19 марта 1698 г. сообщал: „После вашего отъезда царь приезжал однажды в Ламбет, видел таинство причащения и рукоположения и остался очень доволен. Я часто бываю с ним. В прошлый понедельник я провел у него четыре часа. Мы рассуждали о многих вещах. Он обладает такими знаниями, каких я не ожидал встретить в нем. Он основательно изучил священное писание. Из того, что я говорил ему, он всего внимательнее выслушал мои объяснения об авторитете христианских императоров в делах религии и о верховной власти наших королей. Я убедил его, что вопрос о происхождении святого духа есть тонкость, которая не должна была бы вносить раскола в церковь. Он допускает, что иконам не следует молиться, и стоит лишь за сохранение образа Христа, но этот образ должен служить лишь воспоминанием, а не предметом поклонения. Я старался указать ему великие цели человеческой жизни, и он уверял меня, что намерен применить эти принципы к самому себе. Он начинает так сильно привязываться ко мне, что я едва могу от него оторваться".[4]

Об этих сношениях царя с видными представителями англиканской

---

[1] Сборн. Русского Исторического общества (далее — РИО), т. XXXIX, стр. 220, 443; т. L, стр. 61.

[2] В гюйсеновской редакции „Юрнала" (Ф. С. Туманский, Собр. разных записок, т. III, стр. 60 — 61) об этом посещении читаем: „Приезжали к царскому величеству на поклон некоторые английские епископы и учители английской церкви, которые с час разговаривали о разных материях, а больше о греческой вере".

[3] В 1694 г. при Оксфордском университете был открыт греческий колледж для подготовки духовных лиц для восточных церквей; он просуществовал до 1765 г. (S. Williams, The Orthodox Church of the East in the XVIII—XIX century, 1868).

[4] С. Н. Шубинский, Исторические очерки и рассказы, стр. 16.

церкви сообщают и иностранные резиденты в Лондоне; так, австрийский резидент Гофман, между прочим, писал 7 марта в Вену: „Здешнее духовенство сочло себя обязанным поставить его [т. е. Петра] в известность и ознакомить с здешним богослужением и обрядами и для этого отправило к нему знаменитого доктора Бернета, теперешнего епископа сальсберийского, прося посетить их богослужение, на что он охотно согласился... Он оказал особенное и с его стороны совершенно необычное уважение к епископам, так откровенно и благосклонно держал себя с ними, как ни с кем еще не делал, из чего заключают, что он должен иметь большое почтение к духовенству". Гофман сообщает также, что 9 марта, в воскресенье, царь инкогнито присутствовал на богослужении в капелле архиепископа кентерберийского, а после службы вел беседу (eine collation) с архиепископом, „правда, стоя"; в письме от 18 марта, со слов Бернета, Гофман уведомлял, что епископ сальсберийский имел с царем несколько бесед.[1]

Много подробностей по поводу этих отношений царя с английским духовенством сообщает голландский резидент Лермитаж: уже от 14/24 февраля он пишет, что английские епископы в течение некоторого времени добиваются свидания с царем; в письме 22 февраля — 4 марта находим много подробностей, относящихся к уже состоявшемуся свиданию 15 февраля.

Но Петр не ограничился только посещениями и знакомствами с представителями государственной церкви. Под 3 апреля в „Юрнале" отмечено, что „были в квекорском костеле,"[2] т. е. в молитвенном собрании мистической секты квакеров, которые отрицали существующие рели-

---

[1] Sadler, Peter der Grosse, стр. 242—243. В Theatrum Europaeum, XV, стр. 471, сказано, что после прощального визита в Кенсингтонский дворец 18/28 апреля Петр в тот же день обедал с королем у архиепископа кентерберийского в его Ламбетском дворце, но ни „Юрнал", ни другие источники ничего об этом не говорят. В „Расходной тетрати" Ф. А. Головина, который сопровождал царя в этот день, отмечено, что на обратном пути из дворца, „как ехали от короля... были в бане" (М. М. Богословский, назв. соч., т. II, стр. 380, примеч. 2).

[2] О том же в гюйсеновской редакции „Юрнала" читаем: „Ходили в квакерской костел. Сих квакеров называют также трясунами, от которых всякой светской человек и всякая жена может получать, что ему и ей на ум взойдет. Эти люди, никому не кланяются и никого не почитают, ничему не учатся, не божатся и отменяют едва не все христианские церемонии" (Ф. С. Туманский, Собр. разных записок, т. III, стр. 65). Гюйсен в „Истории Великой России" дополняет список церквей, которые посетили Петр, церквами лютеранскими и меннонитскими, но трясунов" (trembleurs) он отличает от квакеров. О сношениях с Петром квакерских проповедников очень подробно, на основании современных источников, рассказывает Барро (Barrow, The lif ofe Peter the Great, Edinburgh, 1883, pp. 78—88); у него же собраны сведения о последующих встречах царя с квакерами (в 1712 и след. годах).

гии с их догматами, таинствами и обрядами и утверждали, что истина дается непосредственно откровением, которое посещает каждого человека.

Среди англиканских богословов, с которыми встречался Петр в Англии, кроме Бернета, следует отметить также Фрэнсиса Ли (1661—1719), филантропа, ориенталиста, который по желанию Петра (at his own request) составил проект необходимых России реформ (for the right framing of his government). Этот проект был опубликован позднее в посмертном издании трудов Ли, вышедшем в 1753 г. под заглавием „Ἀπολειπομενα or dissertationes theologicae, mathematicae and physicae". Ли, как и многие замечательные люди в Западной Европе,[1] следя за путешествием Петра, не сомневался, что царь тотчас же по возвращении в Россию приступит к реформам. Составленный Ли проект необходимых преобразований он вручил царю;[2] я вернусь к нему ниже.

Нельзя не обратить внимания на эти сношения Петра с духовными лицами Англии, среди которых было очень много образованнейших людей своего времени. Они интересны, прежде всего, для характеристики самого Петра. М. М. Богословский правильно указал на то, что „чужие исповедания вообще интересовали Петра; различие вер было темой, которую он охотно поддерживал в разговоре, и в таких разговорах он занимал твердую позицию как знаток своего православного обряда и большой начетчик в священном писании".[3] Но в этих сношениях важно отметить еще одну сторону: несомненно, что и в англиканской церкви в то время появляется стремление познакомиться ближе с восточным православием, большая культурная роль которого была ясна людям конца XVII в.

В этих ранних беседах и разговорах уже отмечается близость двух религий; в последующих сношениях эти мысли найдут более яркое отражение.

Сношения Петра с англиканским духовенством завершились на этот раз предоставлением англичанам 16 апреля 1698 г. особой привилегии, „по коей подданным ее великобританского величества определенно предоставлено в России свободное, вполне беспрепятственное отправление обрядов англиканской церкви".[4]

---

[1] См., например, высказывания Лейбница в письме к Бернету 24 августа 1697 г. В. Герье. Сборн. писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и к Петру I, СПб., 1873,, № 16; его же, Отношение Лейбница к России и Петру I, СПб., 1871, стр. 21—22.

[2] В. Н. Александренко, Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. I, Варшава, 1897, стр. 463.

[3] М. М. Богословский, назв. соч., т. II, стр. 323.

[4] Содержание этой привилегии приводит Ч. Витворт, английский посланник в России с 1704 г., в своем протесте по поводу попытки митрополита рязанского Стефана подчинить в 1709 г. своей юрисдикции духовных лиц инославных исповеданий, в том числе англи-

Был еще довольно большой круг лиц, с которыми Петр и его спутники в Англии имели частые встречи в Лондоне, хотя о них почти не говорится в „Юрнале". Это — английские купцы и коммерсанты, торговавшие с Россией и по своим торговым делам бывавшие, а иногда и подолгу жившие, в ней. Они вели все свои дела или единолично, или входили в состав объединенных компаний. Под 31 января, уже в первые дни пребывания Петра в Англии, находим в „Юрнале" следующую запись: „Были у Андрея Стелса и у него кушали и приехали веселые";[1] 23 февраля вновь „кушали у... Стелса". А. Стельс был хорошо известен Петру по Немецкой слободе в Москве. Об его близости к Петру имеем многочисленные известия первого десятилетия XVIII в. Петр, попадая в Москву, всегда бывал у Стельса.[2] Стельс и его брат занимались в первые годы XVIII в., между прочим, приглашением в Россию опытных мастеров-корабельщиков, литейщиков, столяров, весельных мастеров и пр.,[3] чем особенно привлекали к себе царя. Стельс настолько связал свои личные интересы с интересами русского государства, что вызывал неоднократно недовольство со стороны других английских купцов, особенно из числа входивших в Лондонскую восточно-индийскую компанию, которой была предоставлена табачная монополия.[4] Интересы Стельса и компании очень часто не совпадали, что приводило к спорам и недоразумениям, в разрешении которых иногда приходилось участвовать высшим государственным учреждениям Англии, неизменно поддерживавшим купцов, торговавших в России на тех же условиях, как и Восточно-индийская компания.[5] Впрочем, Стельс был не единственным английским купцом, который русские интересы нередко противополагал интересам других английских купцов.[6]

канского пастора Чарльза Тирлби (Сборн. РИО, т. L, стр. 269). В ответе, полученном Витвортом 30 января 1710 г., было сказано, что указ митрополита не согласуется с намерениями царя и издан без ведома митрополита подчиненными ему лицами, которые за такое превышение власти подвергнуты наказанию; что царь желает сохранить неприкосновенными все привилегии, данные иностранным церквам его предками и им самим, что означенный указ лишен всякой силы и значения и отнюдь не обязателен для пастора англиканской церкви (там же, стр. 327).

[1] В гюйсеновской редакции: „Было все посольство у купца Андрея Стельса, у которого кушали. У сего Стельса есть в Москве сродники, домовитые и богатые" (Ф. С. Туманский, Собр. разных записок, т. III, стр. 60).

[2] Сборн. РИО, т. XXXIX, стр. 46, 113—115, 448, 450, 483; т. L, стр. 2, 5.

[3] Сборн. РИО, т. XXXIX, стр. 114.

[4] О представлении этой монополии Восточно-индийской, а не Русской компании см. W. R. Scott, The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint-Stock Companies, II, Cambridge, 1910, стр. 162.

[5] Сборн. РИО, т. XXXIX, стр. 152, 262, 267, 294, 368, 465.

[6] Там же, стр. 46, 66, 67, 113—115, 152.

Во время пребывания Петра в Англии велись переговоры о предоставлении английским купцам права монопольной торговли в России американским (виргинским) табаком. В депеше от 23 февраля — 5 марта австрийский резидент Гофман сообщал из Лондона, что „одна здешняя московская торговая компания через депутацию просила царя позволить ей ввозить в его землю табак, на что он по своей обычной манере говорить (как будто бы не был сам царь) отвечал, что у царя в его стране есть Совет, к которому и надо обратиться по этому делу, и что царь в подобных случаях ничего не предпринимает без его мнения. На этом названная компания должна была успокоиться".[1] Но, потерпев неудачу в личных сношениях с царем, компания не успокоилась и использовала для своих целей адмирала маркиза Перегрина Кармартена, который был близок к Петру. Переговоры о табачной привилегии велись Кармартеном (с февраля) и закончились заключением 16 апреля договора о табачной торговле. Целью его объявлялось умножение торговли между русскими и англичанами. Договор был написан от имени великих послов на имя Кармартена и его уполномоченных, „к тому учрежденных". Последними выступали купцы Восточно-индийской компании, что прекрасно знали английские официальные представители в России. За Кармартеном все время стояла Восточно-индийская компания, и такая ее роль была хорошо известна и в Лондоне, когда заключался упомянутый договор.[2] Табак, привозимый из Америки (Виргинии), мог ввозиться в Россию в количестве 10 тысяч тонн.

Возвращаясь к записям „Юрнала" о посещении Петром в последние дни его пребывания в Англии разных учреждений, нельзя не обратить внимания на запись 8 апреля, непосредственно следующую за приведенными двукратными сообщениями о посещении им совместно с Я. В. Брюсом „математика": „За четыре часа до полудня поехали в Оксфорд", и под 9 апреля: „В полночь приехали домой". Гюйсен, дополняя краткую редакцию „Юрнала" на основании современных источников, дает такое описание Оксфорда: „Оксфорт — начальной город в провинции того же имени, лежит на реках Изи и Свирвелде, в 47 английских милях от Лондона. Величина его средняя, но построен изрядно и люден и имеет славной университет, которой в 880 или 890, или 895 году королем Алфредом основан; тут есть славная библиотека, именуемая Бодлеанская по

[1] Sadler, Peter der Grosse, стр. 242; Лермитаж (по изд. Кордта), стр. 13

[2] М. М. Богословский, назв. соч., т. II, стр. 338—339, 383—376; Сборн. РИО, т. XXXIX, стр. 103; Sadler, назв. соч., стр. 242—243; Лермитаж (по изд. Кордта) под 15/22 апреля и 22 апреля—2 мая. М. М. Богословский, тщательно изучивший договор, не обратил, однако, внимания на отмеченную выше роль Кармартена при заключении договора о табачной монополии.

имени первого ее собирателя и устроителя Томаса Бодлео, также есть бископ под кантебургским архиепископом. Есть там 18 коллегий, в которых, да еще в седми других домах, зовомых галсы (hall, множ. число halls. — *А.*), студенты живут под жестоким правлением, да кроме их еще 1000 других школьников, которых питают и одевают из некоих доходов. И имеют они для забавы изрядные сады и аллеи. Одеяние же их единообразно, но отменно от других. Сей город имеет свободу двух депутатов в парламент посылать, и университет его имеет такую ж свободу, которой также двух депутатов туда отправляет".[1]

В „Истории Великой России" Гюйсен сообщает очень интересные дополнительные сведения о посещении Петром Оксфорда, заслуживающие, кажется, полного доверия. По его словам, „когда его величество 8 апреля прибыл в Оксфорд, то его встречал и приветствовал архиепископ и университетские власти; его принимали в Колледже Христа. Он присутствовал на литургии в англиканской церкви, принял от местного духовенства приветствия православной церкви и получил несколько книг по математике, переведенных на русский язык. Когда его величество посещал семинарии и библиотеки, он увидал там среди прочих рукописей верительные и проезжие грамоты на русском языке, которые были выставлены в виду их редкости и прекрасного письма, украшенного золотыми и иными заставками. Среди них были грамоты царя Ивана Васильевича, которые он писал английской королеве Елизавете. Они привлекли внимание его величества и его очень заинтересовали. Перечитав их все с величайшим удовольствием, его величество несколько раз начинал смеяться и просил дать ему списки с нескольких из них, показавшихся ему наиболее трогательными и интересными; по его мнению, они могли не сохраниться в московских архивах".[2]

В числе колледжей Оксфордского университета упоминается и Колледж церкви Христовой, из которого вышли уже упоминавшиеся нами выше два математика — Гвин и Грайс, приглашенные Петром на службу в Россию.

Английские источники о посещении Петром Оксфорда пока неизвестны, но не исключена возможность, что более тщательные поиски в Бодлеанской библиотеке дадут не только те ценные материалы о пребывании Петра в Англии, которые были обнаружены там

---

[1] Ф. С. Туманский, Собр. разных записок, т. III, стр. 66.

[2] По подлинникам, хранящимся в Англии, грамоты Грозного были изданы Ю. В. Толстым в „Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос.", 1864 г., кн. отд. V, стр. 12—32.

проф. Морфилем и использованы впервые С. Н. Шубинским,[1] но и некоторые другие материалы.

Ввиду отсутствия прямых указаний источников, трудно сказать определенно, почему из двух славнейших университетов Англии Петр посетил Оксфордский. Объяснение, однако, может быть, следует искать в истории этого университета. Расцвет географической науки в Англии в конце XVII — начале XVIII в. в значительной мере связан с деятельностью профессоров и преподавателей Оксфордского университета. Изучение географии шло здесь в двух направлениях: „космографическом", где предметом была география всего света, и математическом, тесно связанном с мореплаванием (навигацией). Совершенствование и развитие математической географии составляло задачу профессора астрономии, с которым совместно работал в этом направлении также профессор геометрии.[2] Эта сторона университетского преподавания в Оксфорде была весьма интересна для Петра и его спутника Я. В. Брюса; им обоим обязана русская географическая наука очень многим. Интерес к географии, тесно связанной с астрономией, математикой и морским делом, вероятно, и привел их в Оксфорд как центр, где она особенно процветала в те годы.

„Юрнал" отмечает, главным образом, поездки самого Петра, но аналогичные поездки и посещения делались, конечно, и по поручению, царя его спутниками. Так, продолжая начатый до отъезда Петра, осмотр высших и средних учебных заведений Англии, сопровождавший его первый русский врач, „враче-философ" доктор Петр Васильевич Постников,[3] был „оставлен на невеликое время в Лондоне для осматривания академий", для чего на расходы ему было выдано 17 апреля 30 фунтов.[4]

Материалы П. В. Постникова не найдены, но, конечно, они были собраны[5] и, надо думать, были использованы при заведении первых рус-

[1] Исторические очерки и рассказы, стр. 17, 26. Скайлер, в своей биографии Петра (т. I, стр. 367), сообщает, что Петр пробыл в Оксфорде два дня и получил там степень доктора прав (Doctor of Laws), но не указывает источника, вероятно, английского, этого известия.

[2] Prof. S. Chapman, Edmund Halley as Physical Geographer and the story of his charts, Oxford, 1941.

[3] О нем см. работы Е. Ф. Шмурло, П. В. Посников, Несколько данных для его биографии. Учен. зап. Юрьевского университета, № 1, 1894, и И. А. Бычкова, Новые материалы о первом, русском докторе П. В. Посникове, СПб., 1903.

[4] М. М. Богословский, назв. соч., т. II, стр. 379.

[5] „И вы поищите таких правил в книгах, которые вывез к Москве Петр Посников" (известие 1711 г.); Н. П. Павлов-Сильванский, Проекты реформ в записках современников Петра Великого, СПб., 1891, стр. 51. О посещении Постниковым Оксфордского университета после отъезда Петра из Англии см. выдержку из современного письма у Барро, The life of Peter the Great, p. 98. Там, несомненно, была приобретена Постнико-

ских школ, особенно в связи с приглашением упомянутых выше математиков—Фергарсона, Гвина и Грайса.

В последние дни пребывания в Лондоне Петр и его спутники посетили также некоторые правительственные учреждения. „Юрнал" упоминает о двух из них: по возвращении из Дептфорда в Лондон царь был апреля в парламенте. Гюйсен дал не только сообщение об этом, но привел также описание парламента и его прав и обязанностей; оно интересно во многих отношениях. „Апреля 2-го, — читаем у Гюйсена, — возвратився в Лондон, были в парламенте, в королевских вестминстерских палатах, которой тогда весь в корпусе был. И видели, как в нем действует, и слушали тутошних ораторов и чтение нескольких тяжеб, билев и адресов. Сей парламент разделен на две палаты: вышняя и нижняя. Вышняя состоит в архибискупах, в бискупах, дуках, графах, маркизах и пр.; сидят они на красных мешках, в которых шерсть набита, а на их на всех платье кармазинное; король тут президентом или тот, кого он тут вместо себя поставит. Нижняя палата, или камора, состоит в кавалерах, шляхтичах, мещанах и ремесленных людях. В сем парламенте не только государственные мирные и воинские дела управляют, но також и тяжбы, как в вышнем трибунале, куда последние аппеляции приносят из нижних судебных дворов. И никакого акта или иного дела там не вершат без королевского изволения, которой оной парламент сзывает и продолжает".[1]

Из сообщения австрийского резидента Гофмана известно, что царь присутствовал 2 апреля на совместном заседании палаты лордов и палаты общин в присутствии короля,[2] приехавшего в парламент для сообщения об утверждении нескольких биллей. Петр, избегая, как всегда, взоров любопытных, поместился где-то в верхней части Вестминстерского дворца и смотрел в слуховое окно. „В прошлую субботу, — писал Гофман из Лондона в Вену, — король появился в парламенте и среди различных отдельных биллей утвердил билль о поземельном налоге в 10 миллионов рейхсгульденов. Царь московский, не видавший еще до тех пор заседания парламента, находился на крыше здания и смотрел на церемонию через небольшое окно. Это дало повод кому-то сказать, что он видел редчайшую вещь на свете, именно: короля на троне и императора (его называют здесь императором России) на крыше". [3]

вым „роспись книгохранительнице Аксонской" (Оксонской-Оксфордской) (ЦГАДА, Дела австрийские, 1698 г., № 25, л. 3). Тот же Постников где-то в Англии купил и доставил в Россию „анатоменную книгу" (там же). Н. П. Павлов-Сильванский, Проекты реформ в записках современников Петра Великого, СПб., 1897, стр. 3, 11—56; отд. 2-й, стр. 1—46.

[1] Ф. С. Туманский, Собр. разных записок, т. III, стр. 64—65.

[2] Ср. выше: „были в парламенте ... которой тогда весь в корпусе был".

[3] Sadler, op. cit., стр. 243.

По словам Лермитажа, когда царю сообщили, что на основании одного постановления парламента было ассигновано 3 миллиона дукатов, Петр был очень удивлен и сказал, что Англия, вероятно, очень богатая страна, чтобы иметь возможность в один прием отпустить такую большую сумму; но его удивление стало еще большим, когда он узнал, что ассигнованная сумма была в три раза меньше той, которую отпускали в предшествующие годы, и что в этом году увеличат уже отпущенную сумму.

Среди апрельских же поездок Петра по Лондону „Юрнал" отмечает также посещение Тоуэра. Самая ранняя запись о нем („проехали на правой стороне Темзы [для плывущего вверх по реке] здание, именуемое, Тур, где англинския честных [знатных] людей сажают за караул"[1]) говорит лишь о факте, несомненно, заинтересовавшем путешественников. Автор „Истории Великой России" дополняет это сообщение некоторыми интересными подробностями: „замок, — по его словам, — имеет много диковин, в него сажают государственных преступников; в нем сохраняются еще топоры, которыми были обезглавлены королева Мария [Стюарт] и король Карл I; но эти топоры было признано неудобным показывать Петру, так как боялись, что он бросит их в Темзу, чтобы не давать повода вспоминать о том, какое впечатление на его отца царя Алексея и на весь русский народ произвела казнь короля, когда английские купцы были лишены всех тех привилегий, которые они имели за установление торговых связей с Архангельском". По словам того же автора, 30 января, когда во всей Англии поминали казненного Карла I, Петр будто бы высказался в том смысле, что „ il valoit mieux en abolir la mémoire que de renouveller tous les ans le souvenir d'une tragedie si détestable, capable d'entretenir la division et de faire songer un jour à un pareille."

Все эти редкости хранились в знаменитом музее Английского королевского общества, который находился в том же замке Тоуэр, где была государственная тюрьма; но в том же замке помещался и английский Монетный двор, — и, объединяя в одно известие посещение Петром музея и Монетного двора, автор краткой редакции „Юрнала" писал под 27 января: „Был на дворе, на котором всякие денежные вещи; а тот двор Роял-Социе[те]т". То же известие у Гюйсена в русском переводе XVIII в. читается уже в такой редакции: „Были на королевском дворе Роял-Социетет где видели всякие дивные и другие вещи и уборы" . . . Выше уже упоминалось, что это позднейшее толкование, принятое Н. Г. Устряловым, едва

[1] В гюйсеновской редакции „Юрнала": „Пошли по Темзе вверх на гребле. По правую сторону проехали замок, именуемый Тур или Большие Покои, которые стоят в середине; тут сажают знатных особ за караул" (Ф. С. Туманский, Собр. разных записок, т. III, стр. 58).

ли заслуживает внимания (ср.:„. . . видели всякие дивные и другие [какие?] вещи и приборы"). Но текст его отражает, несомненно, другое известие краткой редакции „Юрнала", которое читаем под 7 февраля и которое пока не привлекало внимания комментаторов этого интересного источника: „Был Десятник на королевском дворе, где всякие вещи, инструменты видел и у Контона [по тексту, напеч. Устряловым, — Констона] кушал". В переводе гюйсеновской редакции „Юрнала" это известие читается так: „6-го [февраля] был Государь в Детфорте, а 7-го числа на королевском дворе, где всякие математические и механические инструменты изволил смотреть," но конец того же известия — „и у Контона кушал" — оказался пропущенным. О том, что в известии 6 февраля можно видеть сообщение о втором посещении музея Королевского общества, в котором хранились, между прочим, „математические и механические инструменты", сомневаться довольно трудно.

Но кто этот „Контон", или „Констон", у которого Петр „кушал" в этот же день и едва ли не на этом же „Королевском дворе" в Тоуере? Под ним, кажется, следует разуметь математика Дж. Колсуна, у которого учился Брюс и к которому, несомненно, также ездил и Петр. Возможно, что осмотр хранившихся в музее Королевского общества в Тоуэре математических и механических инструментов сопровождался объяснениями Колсуна, к которому и направились после осмотра музея.

Под 13 апреля находим в „Юрнале" новое упоминание Тоуэра: „Был десятник с Яковом Брюсом в Туре, где деньги делают"; через неделю, возвращаясь от „Кармартенова отца", знаменитого деятеля царствования Вильгельма III, Петр с спутниками заехал опять в „Тур", а на следующий день, 21 апреля, был вновь там же, „смотрел, где деньги делают".

В 1695 — 1699 гг. на Монетном дворе в Тоуэре производилась большая работа, руководство которой было поручено Исааку Ньютону.

Об его участии в монетной реформе, проведенной в Англии в конце XVII в., можно прочесть в любой истории Англии конца XVII в.; подробные сведения о том же находим, кроме того, у биографов Ньютона и, прежде всего, в самой большой биографии Ньютона, написанной Давидом Брюстером первоначально в одном томе, а затем при переработке разросшейся в двутомный труд, который выдержал в середине прошлого века два издания.[1] В 1934 г. вышла новая подробная биография Ньютона, написанная Мором[2]. Интересующихся ролью Ньютона в этой реформе

[1] D. Brewster, The life of Sir Isaak Newton, London, 1831; Его же, Memoire of the life, writings and discoveries of Sir Isaak Newton, 2 vols, Edinburgh, 1855; 2-d edit., 2 vols, Edinburgh, 1860.

[2] Isaak Newton, A Biography. By Lorens Trenchard More, 1642 — 1727, New-Jork — London, 1934, стр. 675.

следует отослать к этим двум обстоятельным трудам, к сожалению, почти не известным русским историкам и биографам великого ученого, если не считать биографии И. Ньютона, написанной акад. С. И. Вавиловым с учетом большей части английских биографий Ньютона.[1]

Реформа имела целью положить конец злоупотреблениям с монетой, от которых страдала страна.

В Англии, как и в других государствах Европы XVII в., монета выделывалась ручным способом: „металл резали ножницами, потом округляли куски молотом и выбивали на них штемпель также молотом. Тут много зависело от руки и глаза работника. Неизбежно некоторые монеты выходили имевшими несколько больше, другие несколько меньше металла; лишь немногие из монет выходили совершенно круглые, и монета не имела каемочки по ободу. Поэтому с течением времени плуты нашли, что обрезывание монеты — самое легкое и самое выгодное из всех мошенничеств". Несмотря на введение еще в XVI в. смертной казни обрезывателям монет, ремесло не исчезало, „и около времени Реставрации все стали замечать, что очень многие из попадавшихся в руки крон, полукрон и шиллингов несколько обрезаны". В эти годы была изобретена машина которая в значительной степени заменила ручную работу. „Монеты, выходившие из нее, принадлежали к лучшим в Европе: круглота их была совершенно правильная, и вдоль края шла надпись. Монеты ручной работы и машинной работы обращались вместе; казна брала их в уплату одинаково". Но первоначальные предположения, что лучшая монета вытеснит худшую, не оправдались, и произошло то, что повторялось неоднократно: „Лошади в Тоуэре, где был Монетный двор, продолжали ходить по своему кругу. Телеги за телегами с хорошей монетой продолжали выезжать с Монетного двора, а хорошая монета попрежнему исчезала тотчас же, как выходила в обращение. Она массами шла в переделку, массами шла за границу, массами пряталась в сундуки, но почти невозможно было отыскать хоть одну новую монету в конторке лавочника или в кожаном кошельке фермера, возвращающегося с рынка". Последствия от порчи монеты испытывали все. „Все зло, которое терпела Англия в течение четверти века от дурных королей, дурных министров, дурных парламентов и дурных судей, едва ли равнялось тому злу, которое делали ей в

[1] Акад. С. И. Вавилов, Исаак Ньютон, изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1943, 216 стр., изд. 2, М. — Л., 1945, 230 стр.; см. также S. Brodetsky, Sir Isaak Newton, A brief account of his life and work, 2-d edit, London, 1928, стр 130—136; Sir Isaak Newton, A Bicentary evaluation of his work, A serie of papers prepared under the auspices of the History of Science Society, Baltimore, 1928, стр. 278—298 (Newton in the Mint, by George E. Robert,; J. W. N. Sullivan, Isaak Newton, 1642—1727, London, 1938, стр. 192—196; John Dougall, Sir Isaak Newton, London—Glasgow, 1939, стр. 133—148.

один год дурные кроны и дурные шиллинги... Зло ежедневно, ежечасно чувствовалось повсюду почти каждым человеком на ферме и на поле, в кузнице и у ткацкого станка, на океане и в рудниках. При каждой покупке был спор из-за денег; у каждого прилавка шла брань с утра до ночи. Работник и хозяин ссорились каждую субботу, как приходил расчет. На ярмарках, на базарах только и слышались крик, упреки, ругательства, и хорошо, если день обходился без разбитых лавочек, без разбитых голов. Купец, отпуская товар, уславливался о том, какими деньгами получит уплату. Даже коммерческие люди путались в хаосе, которому подвергались все денежные расчеты. Жадность беспощадно грабила людей простых и беспечных, и ее требования с них росли даже быстрее того, чем уменьшалось достоинство монеты. Цены предметов первой необходимости (обуви, эля, овсяной муки) быстро росли".[1]

Предпринятая в 1695 г. монетная реформа имела задачей устранить отмеченные явления. В предварительном обсуждении реформы приняли участие великие мыслители Англии — Локк и Ньютон. Канцлер казначейства Монтэгю провел через парламент билль о перечеканке машинным способом всей монеты, обращавшейся в стране. Обрезанная монета с известного срока теряла свою номинальную ценность, ее необходимо было сдавать в казну (весом), где она перечеканивалась машинным способом. Руководство Монетным двором в Тоуэре, где производились все эти работы, было поручено Исааку Ньютону, бывшему тогда профессором Кэмбриджского университета. „Благодаря дельности, усердию и строгой честности великого мыслителя быстро преобразовалось все на Монетном дворе. Он занялся своей должностью так деятельно, что не оставлял себе времени на те труды, которыми стал выше Архимеда и Галилея. До совершенного окончания великой заботы о перечеканке монеты он с твердостью, почти с досадой отвергал все попытки английских и континентальных ученых отвлечь его от занятий по должности. Старые служащие на Монетном дворе считали отличной работой, когда успевали чеканить на 15000 фунтов стерлингов серебряной монеты в неделю. Когда Монтэгю заговорил о 30 или 40 тысячах, эти формалисты и рутинеры отвечали, что такая вещь невозможна. Но энергия молодого канцлера казначейства и его друга Ньютона, теперь управляющего Монетным двором, достигла гораздо более удивительного результата: скоро в Тоуэре работали 19 машинных станков".[2]

Ньютон приступил к исполнению обязанностей смотрителя Монетного двора (Warden of Mint) в марте 1696 г. и оставался в этой должности действительным руководителем работ до 1699 г., когда они были

[1] Маколей, Полн. собр. соч., XII, стр. 78—85.
[2] Там же, стр. 156—157.

закончены и Монетный двор мог начать нормальную повседневную деятельность. Ньютон был назначен затем директором Монетного двора и сохранял эту должность до конца своих дней.

Ньютон был душой всего дела, происходившего тогда на Монетном дворе. Из того, что читаем у Брюстера, Мора и других, писавших о роли Ньютона в монетной реформе, ясно, что в 1696—1699 гг. он посвящал этому делу все свое внимание, и не было ни одного дня, когда бы он как смотритель Монетного двора не бывал на нем.

При таком отношении Ньютона к своим обязанностям невозможно представить себе, чтобы троекратное или даже пятикратное, как я думаю, посещение Монетного двора знатным путешественником-иностранцем могло произойти в его отсутствие, в особенности, если посетителем был человек, о котором Лондон в те месяцы говорил очень много, а к его поездкам и посещениям государственные деятели Англии — и в том числе непосредственный начальник Ньютона канцлер казначейства Монтэгю — не могли не проявлять интереса.

Так как английские источники вообще молчат о посещении Петром Монетного двора, то естественно, что в них нет указаний и на встречи Петра на Монетном дворе с его руководителем и организатором монетной реформы Исааком Ньютоном. Трудно, однако, думать, что ни в одно из посещений Петра в Тоуэре не было Ньютона и что царь приезжал тогда, когда отсутствовал Ньютон, который лучше кого-либо другого мог разъяснить причины реформы и производившиеся тогда на Монетном дворе работы. При отсутствии прямых указаний на их встречу, по всей совокупности имеющихся у нас известий, можно, однако, с полной уверенностью утверждать, что в качестве смотрителя Монетного двора Ньютон принимал царя на Монетном дворе и он же, по всей вероятности, знакомил своих посетителей — Петра и сопровождавшего его Я. В. Брюса — с монетной реформой. Никаких источников о встречах Петра с Ньютоном пока не найдено. Архив Монетного двора и отчеты Ньютона об его работах в 1696—1699 гг., как уже сказано, до сих пор не изданы, хотя они имеются.[1] Трудно допустить, чтобы в них ничего не говорилось о посещении Монетного двора Петром Великим. Молчат о встречах и русские источники. Но, вместе с тем, перед нами несомненно случай, когда оказывается верным известное изречение: cum tacent clamant. Молчание источников при учете всех известных обстоятельств все же красноречиво подтверждает тот факт, что великий ученый и великий царь встретились на Монетном дворе и беседовали несколько раз. К этой встрече

---

[1] Акад. А. Н. Крылов, Ньютон и его значение в мировой науке, 1643—1943, М. — Л., 1943, стр. 33; Акад. С. И. Вавилов, Исаак Ньютон, М. — Л., 1945, стр. 187.

я вернусь еще дальше в иной связи, здесь же напомню лишь прекрасные слова, сказанные по поводу встречи Петра с Ньютоном акад. С. И. Вавиловым в его упомянутой выше биографии И. Ньютона: „Встреча этих двух наиболее замечательных людей своего времени может рассматриваться во всяком случае, как величественный символ общения русского гения с самыми вершинами западноевропейской культуры".[1]

Кроме указанных выше встреч и бесед, в источниках находим известия и о некоторых других, также заслуживающих внимания. Так, под 26 марта, после возвращения из Портсмута, где для царя был устроен примерный морской бой, Гюйсен отмечает посещение Петром замка и капеллы Виндзорского дворца, где „кавалеры ордена Подвязки принимают посвящение в день св. Георгия." Царь осведомлялся здесь о статуте английских орденов св. Георгия и св. Андрея, о традициях этих орденов и т. п. Король Вильгельм просил царя оказать ордену Подвязки великую честь — вступить в состав ордена, но царь, намереваясь создать у себя подобный же орден, отклонил это предложение. Кроме Виндзора, царь посетил также королевские резиденции — Гэмптон Корт, Кенсингтон и др. Не указывая точно дней, Гюйсен в „Истории Великой России" отмечает места, в которых побывал Петр и его спутники: St James (Сент-Джемский дворец), la Maison de ville (ратушу) и la Bourse (биржу). Заканчивая обзор этих поездок Петра, тот же Гюйсен, сообщает, что „неоднократно царь в беседах расспрашивал о том, как ведутся дела в парламенте, королевском тайном совете и других государственных учреждениях Англии, в чем состоят права и обязанности мировых судей, интересовался регламентами административных, финансовых, адмиралтейских, почтовых учреждений, расспрашивал о правах короля в мирное и военное время и т. п."

Стоит напомнить, что и в пребывание в Англии Петра интересовало, как всегда, не только серьезное, но и все вообще интересное: под 9 марта „Юрнал", например, сообщает, что „была у нас великая женщина после обеда, которая протянула руку, и, не наклонясь, Десятник под руку прошел,"[2] под 4 апреля: „были в городе [Лондоне] на столбе, с которого весь Лондон знать";[3] Гюйсен уверяет, что царь присутствовал на состязании быков, медведей, собак, петухов и т. п.

При всем желании Петра сохранять инкогнито и не привлекать к себе

---

[1] Акад. С. В. Вавилов, Исаак Ньютон, М. — Л., 1945, стр. 189.

[2] В переводе гюйсеновской редакции „Юрнала" это известие читается так: „Приводили к послам для смотрения великую женщину, ростом больше 4 аршина".

[3] Там же: „Гуляли по городу и были на том столбе, с которого весь Лондон знать; тут они дивились величине сего города, который, сказывают, длиною 8 английских миль, а шириною в 3, и говорят, что он немного еще больше Парижа".

внимания, он и его спутники не могли избегнуть того, что Лондон и его окрестности прекрасно угадывали его появление в разных местах, хотя и в разных костюмах... У Гюйсена (в точном согласии с Лермитажем) очень хорошо переданы, например, настроения английских дам, которые из-за траура при дворе не могли показываться перед царем и его спутниками в светлых и красивых платьях; как они добились того, что на один день траур был снят и был даже назначен большой бал при дворе, на который все они явились в нарядных платьях... но царь не приехал. У того же историка находим и еще одно интересное сообщение: „Большая привязанность монарха к серьезным делам всегда удаляла его от известных удовольствий и развлечений; их он избегал очень ловко, несмотря на все усилия прекрасных придворных дам, делавших попытки понравиться ему и готовых подарить свою любовь великому монарху, прибывшему из далекой страны. Впрочем, уверяют, что одной из дам все же удалось достигнуть своей цели..."

Последние слова имеют в виду увлечение Петра английской артисткой Летицией Кросс. На это увлечение стоит обратить внимание, так как в основе его лежит не только „обаяние пола", но и отношение Петра к английскому театру и влияние последнего на русский театр. В недавнем и, как всегда, изобильно документированном исследовании М. П. Алексеева (в статье „О связях русского театра с английским в конце XVII — начале XVIII вв."[1]), на основании разбора известий „Юрнала" и других источников о посещении Петром театра (15 января), когда шла „Комедия" Н. Ли „Королевы-соперницы, или смерть Александра Великого", автор утверждает, что „Петр несомненно вполне ясно представил себе значение театра в английской жизни" и сделал для себя определенные выводы; в истории же русского театра в Москве, в 1699 г., М. П. Алексеев находит очевидные следы его связи с английским театром.

Таков был весьма пестрый и разнообразный круг встреч, бесед, посещений и т. п., которые были у Петра и его спутников в январе—апреле 1698 г.

Петр покинул Англию 25 апреля. Общее впечатление, которое осталось у него от пребывания в Англии, и итог его сношений и переговоров там хорошо отмечены Гюйсеном в его редакции „Юрнала" под 20 апреля: „Пересмотрев же все вещи, достойные зрения, наипаче же то, что касается до правления, до войска на море и сухом пути, до навигации, торговли и до наук и хитростей, цветущих там, часто его величество изволил говорить, что оной Англинской остров лучший, красивейший

[1] Учен. зап. Ленинградского государственного университета, Саратов, 1943, стр. 123—140.

и счастливейший есть из всего света. Там его величество благоволил принять в службу свою многих морских капитанов, поручиков, лоцманов, строителей корабельных, мачтовых и шлюпочных мастеров, якорных кузнецов, компасных, парусных и канатных делателей, мельнишных строителей и многих ученых людей, также архитекторов гражданских и воинских".[1]

Число нанятых в Англии специалистов достигало 60 человек. Среди них был майор Леонгард ван дер Стам, которому было уплачено в мае 1698 г., кроме жалованья, почти 200 ефимков „за чертежи английских кораблей и за разные издержки", которые были, видимо, связаны с добыванием этих чертежей. Среди ехавших в Россию был также мастер шлюзного дела капитан Джон Перри, который должен был руководить работами по устройству канала между Волгой и Доном, человек, близкий к математикам Фергарсону и др., автор того труда о России, который назван в начале статьи. Отправлялись также корабельные мастера Джон Ден и Осип Най, Ян Альберт де Кордес „с товарищи" (12 человек), упоминавшиеся выше математики Андрей Фергарсон и его помощники Гвин и Грайс, воспитанники „Госпиталя [колледжа] церкви Христовой" Оксфордского университета, к постановке учебного дела в котором был привлечен в свое время Исаак Ньютон.[2] Большую часть приглашенных на русскую службу составляли мастера и специалисты корабельного дела, которые должны были в трудных русских условиях создавать наш флот и внедрять среди русских людей свои знания и опыт. Их непосредственное влияние и последствия пребывания в России хорошо известны: роль английского мастера-кораблестроителя в создании русского флота давно уже отмечена историками. О влиянии корабельной науки Англии на строительство русского флота указывали уже современники Петра, наблюдавшие за его деятельностью в этой области в первые годы по возвращении из-за границы, когда Петр совершал неоднократно продолжительные поездки в Воронеж, где происходило строительство русского флота. „Там он часто работает сам, обыкновенно беседуя при этом с мастерами,—сообщал 6 июня 1705 г. в Лондон английский посланник при русском дворе Витворт. — Ему особенно полюбилась английская манера судостроения, которая легче и чище голландской, потому большая часть голландцев им от службы уволена". Витворт тонко отметил, что „при увлечении царя корабельным делом ничем нельзя оскорбить его более глубоко, как запрещением корабель-

[1] Ф. С. Туманский, Собр. разных записок, т. III, стр. 67—68.

[2] М. М. Богословский, Петр I, т. II, стр. 381; S. Brodetsky, Sir Isaak Newton, 2-d edit., London, 1928, стр. 134.

ным плотникам наниматься в Россию или отозванием на родину тех, которые уже состоят на русской службе".[1]

Менее очевидны последствия бесед и сношений, которые велись Петром и его спутниками с английскими учеными, духовными лицами и государственными деятелями Англии. Но связь их с реформами, начатыми Петром сразу же по возвращении из-за границы, также бесспорна. Запас наблюдений над жизнью за границей был привезен большой, а количество более или менее реальных проектов приобщения русских к культуре и общественному и государственному строю Западной Европы было достаточным. Оставалось только умело, в соответствии с русскими условиями, использовать английский опыт.

Создание в России разного типа школ затянулось на долгие годы, но тот практический уклон, который характерен для первых русских школ петровского времени, создававшихся, прежде всего, под руководством английского математика Фергарсона и др., является одним из бесспорных результатов английского влияния.

В апрельском манифесте 1702 г. о вызове иностранцев отмечалось, что „перемены, преобразования клонились к тому, чтоб русские люди могли научиться до тех пор им не известным познаниям, а познания должны были сделать их искуснее во всех торговых делах". Царь неоднократно высказывался в том смысле, что ему нужно иметь такую школу, из которой бы „во всякие потребы люди происходили, в церковную службу и гражданскую, воинствовать, знать строение и докторское врачебное искусство".[2] Но создать такую школу сразу было трудно, и пришлось ограничиться двумя способами выучки русской молодежи: посылкой их за границу и устройством в Москве специализированных школ, в которых иностранные учителя обучали русскую молодежь предметам, наиболее тогда необходимым. Так появились школы математические и „навигацкие", где первыми преподавателями были англичане Фергарсон, Гвин и Грайс.

Первые „навигацкие" школы находились сначала в ведении давно уже жившего в России англичанина Крефта, или Кревета, переводчика Посольского приказа, носившего русское имя Андрея Юрьевича, человека весьма близкого к Петру,[3] и только позднее они были переданы в Оружейную палату, во главе которой стоял Ф. А. Головин, бывший вторым послом великого посольства, и дьяк А. А. Курбатов, ко-

---

[1] Сборн. РИО, т. XXXIX, стр. 115; ср. там же, стр. 130: „Царь при постройке кораблей... допускает к работе только русских, но они, работая в одних доках с англичанами, на каждом шагу соображаются с английскими образцами".

[2] С. М. Соловьев, Истории России, т. III, стр. 1345.

[3] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I, №№ 144, 152, 161, 216, 226.

торый, впрочем, критически относился к учителям-англичанам, хотя и выделял из них Фергарсона.[1]

Помимо устройства школ в России в первые десятилетия XVIII в., при Петре и после него продолжалась посылка русских молодых людей для обучения за границу, в первую очередь в Англию. Английские представители в России в своих официальных донесениях настаивали на внимательном отношении к молодым людям, отправляемым в Англию, прекрасно понимая, что именно таким путем создавались культурные связи между двумя нациями.[2]

Среди разных „потреб", удовлетворение которых стояло в плане посылки молодых людей за границу, врачебное искусство занимало в манифесте 1702 г. последнее место. Среди первых врачей XVIII в. в России было сначала очень мало русских, но следует отметить, что именно с медицинским ведомством связано у нас начало научных экспедиций. Именно „британец" доктор Р. К. Арескин, главный врач Петра, начальник Медицинской канцелярии и близкий к нему человек, принимал живейшее участие в организации первой научной экспедиции в Сибирь в 1720 г. (экспедиция Д. Г. Мессершмидта). С его именем связаны первые мероприятия по развитию у нас науки и организации Академии Наук. Практический уклон мероприятий в этой области, о котором говорилось выше, сближал царя с Арескиным и подобными лицами.

На связи школы и науки с жизнью настаивал и английский богослов Френсис Ли, как отмечено выше, автор одной из записок о новом государственном устройстве России. Записка Ли сыграла известную роль в начальных преобразованиях Петра. Идея коллегиального устройства русских правительственных учреждений, на которой настаивал Ли, возникла, таким образом, задолго до того, как она была претворена Петром в жизнь созданием вместо приказов коллегий, и если не целиком в соответствии с предположениями Ли, то зато в тесной преемственности и связи с ними. Некоторые другие мероприятия, которые предлагал тот же английский богослов (например христианизацию народов Сибири,[3] устройство специальной школы в Астрахани для изучения языков калмыцкого, татарского и иных), были осуществлены Петром в первые же годы по возвращении из-за границы.

---

[1] С. М. Соловьев, История России, III, стб. 1345—1347; Н. П. Павлов-Сильванский, Проекты реформ в записках современников Петра Великого, I, СПб., 1897, стр. 56—68.

[2] Сборн. РИО, т. L, стр. 30, 31, 100 и др.

[3] Петр поручил в 1700 г. Киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому „поискать из архимандритов или игуменов или других инока доброго и ученого и благого, непорочного жития, которому бы в Тобольску быть митрополитом, и мог бы Божиею мило-

Многое другое, о чем говорили Петру его английские и иные советники, было проведено в жизнь значительно позже. Кое-что из тех записок и проектов, которые были привезены Петром из-за границы, осталось неосуществленным. Создание, например, научных обществ по типу Английского королевского общества и Французской Академии Наук относится лишь к концу жизни Петра, когда появился проект Русской Академии Наук и началось ее создание. В ее первом составе не было, однако, действительных членов — англичан по происхождению.

Научные собрания Петербургской Академии Наук начались в августе 1725 г., но протоколы этих заседаний сохранились только с ноября; в первом ноябрьском заседании 1725 г. акад. Я. Герман, один из крупнейших математиков своего времени, читал доклад о сфероидальной форме Земли (De figura telluris sphaeroida cuius axis minor sit intra polos), основываясь в своих доказательствах на знаменитых „Philosophiae naturalis principia mathematica" Ньютона. Когда в 1726 г. были объявлены первые публичные лекции, устраиваемые Академией Наук, акад. Бильфингер посвятил одну из лекций учению Ньютона и показал физические опыты.[1]

Можно отметить также, что Академия Наук уже в первые годы своего существования старалась научно связаться с Английским королевским обществом, во главе которого с 1703 г. и по конец своих дней (1727) стоял Ньютон. Посылая Обществу первые свои издания, Петербургская Академия в своем обращении 6 сентября 1726 г., между прочим, писала: „Для нас не было бы ничего более почетного, если бы наши труды, посылаемые вашему ученому Обществу, которое по времени своего основания и по своему научному авторитету является первым среди других академий, не уступали бы количеством и научной ценностью вашим, а со временем превзошли бы их".[2] Это обращение было доложено в том заседании Английского королевского общества

стию в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и других невежествах закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истинного живого Бога". Таким лицом оказался Филофей Лещинский. Об его деятельности см. П. Н. Буцинский, Крещение остяков и вогулов при Петре Великом, Харьков, 1901; И. И. Огрызко, Христианизация народов Тобольского Севера в первой половине XVIII века, Л., 1941.

[1] Из объявления о лекциях в январе 1726 г.: „Георг Бернгард Бильфингер, физики экспериментальной и феоретической профессор, искусство физикальное воспринимет, с изъяснением их конклюзиям, следствуя в том Гравесанду в институциях философии Невтонианской, для пользы академической в 1723 году изданных" (Матер. для истории Академии Наук, 1, стр. 171); то же Бильфинтер читал и в 1727 г. (там же, стр. 280). Голландский математик В. Я. Гравезанд (1688—1742) первым из профессоров Лейденского университета начал преподавать ньютоновскую философию.

[2] Протоколы Конференции Академии Наук, I, стр. 2, 7.

в феврале 1727 г., которое оказалось последним под председательством Ньютона, скончавшегося вскоре после того.

Связь русской науки с Английским королевским обществом поддерживалась и после смерти Ньютона. Когда, например, в 1730 г. один из первых наших академиков — Г. Ф. Миллер (1705—1783), которому русская историческая наука обязана очень многим, был отправлен за границу с научными целями, он не только завязал сношения с учеными людьми Англии, но и первый из петербургских ученых[1] был избран членом Английского королевского „социетета". Этого почетного звания удостоился из наших ученых XVIII в. лишь один Петр Симон Паллас.[2] Г. Ф. Миллер, один из виднейших представителей нашей Академии в XVIII в., очень гордился званием члена „Английского социетета". Всю свою жизнь он поддерживал научные связи с англичанами, бывавшими в Петербурге и Москве, и один из них, Кокс, оставил нам ценную характеристику Г. Ф. Миллера в последние годы его плодотворной деятельности.[3]

Научные связи нашей Академии с Английским королевским обществом стали особенно развиваться с 30-х годов XVIII в., когда, кроме Миллера, деятельный интерес к этому стал проявлять акад. И Амман, избранный в нашу Академию после длительного пребывания в Англии. Ботаник по специальности, он живо интересовался также гуманитарными науками. Кроме Г. Ф. Миллера и И Аммана, с Королевским обществом состояли в научных сношениях акад. И. Н. Делиль, знаменитый астроном и географ, акад. З. Байер, славный наш лингвист и востоковед, и др.[4]

Можно отметить также несколько случаев, когда Академия в целом поддерживала подобные связи. Так, в конце 1730 г. Конференция Ака-

---

[1] Первым из русских в члены Общества был избран в 1714 г. А. Д. Меншиков. Он не был в числе „покровителей" англичан, подобно Ф. А. Головину, и избрание его едва ли не имело целью снискать его благосклонность.

[2] Известия Таврической учен. архивной комиссии, № 47, Симферополь, 1912, стр. 178.

[3] О путешествии Г. Ф. Миллера за границу со 2 августа 1730 г. по 2 августа 1731 г. см. Архив Академии Наук, ф. 21, оп. 1, №№ 86—98 (особенно ценны: № 88 — наказ Миллеру, № 89 — дневник путешествия, № 90 — черновики его писем из-за границы). В переписке Г. Ф. Миллера (там же, ф. 21, оп. 3) имеются письма к нему: английского купца Бонака, доктора богословия и английского пастора в Петербурге Данила Дюмареска, с 1762 г. почетного члена Академии Наук (за 1758—1779 г. — 50 номеров, а за 1758—1765 г. имеются и черновики ответов Миллера), английских купцов Глена и Граммонда, члена Английского королевского общества, того же Общества секретаря Джуриния, английского купца Неттльтона, почетных членов нашей Академии Бредлея, Сибторпа и др. Труд Кокса (Coxe) вышел в 1784—1790 г. под заглавием „Travels into Poland, Russia, Sweden, and Danemark". 3 тома; извлечение из него переведено в „Русской Старине", 1877, №№ 2 и 5.

[4] Протоколы Конференции Академии Наук, т. I, стр. 68, 225, 226, 347, 407.

демии слушала диссертацию секретаря Королевского общества Я. Джуриния, автора „Principia dinamica;“ в ней он высказывал некоторые сомнения по поводу положений Бильфингера в его докладе „De tubulis capillaribus“, напечатанном в т. II „Commentarii“ Петербургской Академии; в мае 1731 г. Бильфингер представил свои ответы, которые рассматривались, по поручению Конференции, акад. Д. Бернулли. В переписке с Джуринием состояли также Миллер, физиолог акад. И. Вейтбрехт и др.[1]

Некоторые доклады, напечатанные в „Philosophical Transactions“ Королевского общества, были прочитаны и обсуждены в Конференции нашей Академии.[2]

Научные связи обеих академий были скреплены избранием в 1734 г. в почетные члены Петербургской академии президента Королевского общества Слоана (Sloane); в отзыве Академии он назван„ vir celeberrimus et maximus in rem literarum meritus; с ним в 1734—1738 гг. Академия ведет оживленные сношения[3].

На развитие тех же научных связей повлияло пребывание в Лондоне в качестве русского посла нашего знаменитого писателя князя Антиоха Кантемира, весьма содействовавшего расцвету этих связей.[4]

В 40-х годах XVIII в. англиканский пастор в Петербурге Д. Дюмареск имел салон в Петербурге, в котором постоянными посетителями были академики Петербургской Академии Наук.[5]

Высокий научный авторитет Английского королевского общества хорошо был известен русским просвещенным людям первой половины XVIII в. В. Н. Татищев (1686—1750), первый русский ученый-историк, один из младших питомцев и сподвижников Петра Великого, в 1745 г. в письме к англичанину Ганвею, с которым он вел сношения в 1743—1745 гг., сообщал о плане перевода своей „Истории Российской“ на европейские языки и о своем горячем желании поднести ее Английскому королевскому обществу как одному из крупнейших научных центров того времени. Этим, по мнению Татищева, должна была быть достигнута патриотическая цель, которую он ставил в своей „Истории“: „Через нее неприятелей наших, яко польских и других, басни и сущие лжи к

[1] Протоколы Конференции Академии Наук, стр. 34, 35, 68, 71.

[2] Там же, стр. 40.

[3] Там же, стр. 83—84, 87, 105, 106, 123, 207, 246, 288, 321, 347, 495.

[4] В Архиве Академии Наук СССР хранятся письма А. Д. Кантемира к академикам 1732—1738 гг.; о некоторых из них имеем также упоминания в Протоколах Конференции Академии Наук, т. I, стр. 187, 288, 289.

[5] Об этом салоне см. у Бюшинга в описании пребывания его в Петербурге в 40-х годах XVIII в. (рукопись Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде) и в его автобиографии.

поношению наших предков вымышленные обличатся и опровергнутся".[1]

Влияние представителей английской науки и просвещения, несомненно, можно заметить уже в первые годы преобразовательной деятельности Петра и в других областях. Интерес, который проявил Петр к монетному делу Англии, конечно, не был случайным. То положение с монетой, которое было в Англии перед 1695 г., существовало также и в Москве. Вместо полноценной и полновесной монеты, в обращении находились монеты испорченные, обрезанные, сильно истертые, которые ходили, однако, наравне с редко попадавшимися полновесными и полноценными. Злоупотребления с монетами при таком положении были вполне естественны, несмотря на строгие кары, которыми грозило мошенникам и поддельщикам монеты Уложение 1649 г. Настоятельная необходимость решительных мероприятий в этой области сознавалась и у нас еще в середине XVII в., но только в конце века, по возвращении Петра из-за границы, было приступлено к монетной реформе. К сожалению, этот начальный период преобразовательной деятельности Петра слабо изучен русской исторической наукой, и о ходе отдельных реформ первого десятилетия XVIII в. (до 1709 г.), в частности о монетной реформе, начатой сразу же по возвращении Петра из-за границы в 1699 г., мы знаем пока лишь в общих чертах.[2]

Во всяком случае, из того, что известно, ясно, что основы реформы были весьма сходны с теми, на которых строилось это дело на Монетном дворе Тоуэра под руководством Исаака Ньютона. Задача и у нас состояла, прежде всего, в изъятии из обращения плохой монеты. Одновременно было приступлено к чеканке новой и перечеканке старой монеты. Техника работы у нас была не столь совершенна, как в Англии, но все же приближалась к английским образцам: новые русские монеты (с 1700 г.) отличаются от старых и правильной формой,

[1] П. П. Пекарский, Новые известия о В. Н. Татищеве, СПб., 1864, стр. 5—6; В. Н. Татищев, История Российская, ч. 1, кн. 1, стр. VI.

[2] Н. Г. Устрялов, История царствования Петра Великого, т. III, стр. 350—354; С. М. Соловьев, История России, т. III, стб. 1339—1343; И. И. Кауфман, Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в., СПб., 1910, стр. 118—151 (автор неправильно считает началом монетной реформы 1698 г.; на самом деле им был 1699 г., о чем можно судить хотя бы по указанию автора на стр. 121: „До нас не дошел (или не разыскан?— *А.*) первый петровский указ об изменении монетной системы, но до нас дошли монеты, на его основании выпущенные, не только монеты таких наименований, какие и прежде были или бывали, но и такие, каких прежде не было и небывало... полтинник 1699 г., и этот факт решает вопрос"). О монетной реформе 1699 и следующих годов см. Полн. собр. зак., № № 1776, 1855 (указ 18 мая 1701 г.); „Памятники Сибирской истории XVIII в.", т. I, стр. 214—215; „Доклады и приговоры Правительствующего Сената в царствование Петра Великого", т. I, стр. 42—43, 212—214 и др.

и известным изяществом. Ближайшее руководство монетным делом было поручено Петром Ф. А. Головину, горячему стороннику англичан и английского влияния.[1] Постановка монетного дела в Англии и после Петра считалась русским правительством образцовой. В Англию „для государственной славы и пользы и впредь надежного к монетным дворам плода" посылали учиться русских молодых людей еще в 1732 г.[2]

Кроме монетного дела, Ф. А. Головин ведал до конца своей жизни (в 1705 г.) внешними сношениями, снабжением армии и кораблестроением — всеми теми отраслями государственного управления, к которым англичане оказались очень близки уже в первые годы по возвращении Петра из Англии. Их большая роль во многих случаях зависела от того, что в лице Ф. А. Головина, близкого к Петру, они имели „славного покровителя".

Не остались также без непосредственного влияния на Петра и его спутников те беседы, которые он вел с представителями господствующей англиканской церкви и других исповеданий и сект, игравших в те годы большую роль в повседневной жизни Англии. В ближайшее время они не дали реальных результатов, хотя такие мысли, как рассуждения епископа Бернета „об авторитете христианских императоров в делах религии и о верховной власти королей", вероятно, нашли уже тогда благодарную почву. Начатые сношения по поводу возможного объединения двух церквей, англиканской и православной, продолжались. Результатом их является, например, переписка 1717 г. „англинских духовных особ": епископа Иеремии Коллиера, Арчибальда Кэмбеля и Патрика Какбума с Петром и канцлером Г. И. Головкиным: они изъявляли настойчивое желание предпринять практические шаги к соединению англиканской и православной церквей; но и на этот раз „все сие кончилось нерешимостью".

Один из виднейших церковных деятелей петровского времени Феофан Прокопович, по словам его биографа, „особенное уважение... имел к сочинениям Буддея, с которым, равно как и со многими другими учеными Германии и Англии, был в переписке". Среди иностранцев, которые упоминают о Феофане, автор называет Томаса Консета, пастора англиканской церкви в Петербурге в 1718—1728 гг. По возвращении в Англию в 1729 г. Консет издал в Лондоне сочинение под заглавием „The present state and regulations of the church of Russia", где дал краткую историю русской церкви и доказывал необходимость и важность церковной реформы, произведенной Петром I. Среди докумен-

[1] Сборн. РИО, т. XXXIX, стр. 299, 300.

[2] Архив Академии Наук, ф. 3, оп. 1, № 942 — указ Сената Академии Наук 4 июня 1732 г.; Матер. для истории Академии Наук, II, стр. 150—151.

тов, приложенных к книге, находится „Духовный регламент" на английском языке, повесть о смерти Петра, несколько слов Феофана, Гавриила Бужинского и др., объяснение некоторых русских церковно-иерархических названий (архимандрит, игумен, акафист и пр.). В письме Гюйсена к Консету из Москвы от 12 сентября 1728 г. архиепископ новгородский Феофан назван „amicus noster et patronus communis". Как видно из письма Гюйсена, Консет спрашивал его об Остроге, острогожском издании библии, об исправлении библии при Петре Великом, о разделении Евангелия и посланий на зачалы и пр.[1]

Столь же интересна, с точки зрения знакомства англичан с православной церковью, переписка Феофана с пастором англиканской церкви Михаилом Франциском Малярдом (1733—1734).[2]

История русско-английских торговых сношений в первые годы XVIII в. остается до сих пор слабо изученной, но несомненно одно: благоприятное отношение к англичанам-купцам, которое проявлял сам Петр в первые годы XVIII в., восходит именно к тем впечатлениям, которые вынес он из сношений в Англии с английским купечеством. Это благоприятное отношение проявлялось иногда в мелочах, и при более искреннем отношении английского правительства того времени, в сущности руководившего деятельностью английских купцов, уже в те годы привело бы к заключению торгового договора, на котором настаивала русская сторона.[3] Среди русских были не только влиятельные сторонники английских купцов, но и их противники во главе с А. Д. Меншиковым. Противодействие, однако, не было настолько сильным, чтобы изменить общее отношение царя к англичанам-купцам, которые во все первые годы XVIII в. пользовались его неизменной благосклонностью, а у себя на родине являлись естественными союзниками царя, особенно в моменты напряженных отношений между Англией и Россией.[4]

---

[1] И. Чистович, Феофан Прокопович и его время, Спб., 1868, стр. 43—45, 369. Иеремия Коллиер — автор вышедшей в 1698 г. в Лондоне и весьма нашумевшей там книги „Краткое обозрение безнравственности и богохульства английской сцены"; „мы не знаем, видел ли Коллиер Петра I в Лондоне в 1698 г., но, очевидно, его интерес к Русскому государству не был случайным" (см. М. П. Алексеев, О связях русского театра с английским в конце XVII — начале XVIII вв. Учен. зап. Ленинградского государственного университета, № 87, Саратов, 1943, стр. 127, примеч. 2).

[2] И. Чистович, стр. 591 — 596. Среди лиц, которые убедили Малярда в „правдивости" греческого (русского) православия, он называет Варфоломея Кассано (в Лондоне). О Малярде, как адъюнкте Петербургской Академии Наук в 1736—1739 гг., см. П. П. Пекарский, История Академии Наук, т. I, стр. 583—585.

[3] Сборн. РИО, т. XXXIX, стр. 67, 82, 84, 92—96, 264, 460.

[4] Т. К. Крылова, Россия и „Великий союз", Исторические записки, т. XIII, 1942. стр. 117—128.

Если в отношении некоторых мероприятий Петра можно установить английское влияние, то немало также случаев, когда полученные в 1698 г. впечатления пригодились Петру при разрешении ряда сложных вопросов. За свое кратковременное пребывание в Англии „Петр не мог, конечно, отчетливо усвоить все особенности столь своеобразной английской жизни. Великая хартия вольностей, петиция о правах, Habeas Corpus Act, билль о правах, на которых покоится английское государственное устройство, запутанные отношения между королем и парламентом и между двумя палатами, сложное устройство английских судов и оригинальность судебного процесса, — все это не могло, конечно, Петру стать известным. Такие стороны английской жизни не поддавались наблюдению неподготовленных людей. Не входя, впрочем, в поле зрения в целом в законченных формах или в виде систем, эти явления все же должны были попадать туда в виде обрывков, оторванных частей, отдельных эпизодов, хотя бы из бесед с теми англичанами, с которыми Петру пришлось соприкасаться. У него, например, едва ли создалось законченное и систематическое представление о значении аристократии в современном ему английском обществе, но все же такая ее особенность, как крупное поддерживаемое майоратом землевладение, могла и не ускользнуть от него и до некоторой степени подготовить его сознание к реформе, которую он будет проводить впоследствии и цель которой будет путем закона о единонаследии, изданного в 1714 г., создать и в России крупную земледельческую аристократию.“ [1]

Во всяком случае, как уже отмечено выше, в 1698 г. по поручению Петра Брюс должен был собрать и доставить в Россию английские законы о майорате, что и было им выполнено.

Но и для англичан пребывание Петра и его свиты в Англии не прошло бесследно. Если, по выражению Маколея, Московское государство до путешествия Петра по Европе представлялось образованным людям Европы так же, как образованному человеку 30 — 40-х годов XIX в. Бухара или Сиам, то после 1697—1699 гг. Московия уже не являлась такой неведомой страной, о которой можно было рассказывать сказки, встречающиеся у писателей XVII в. В частности, для образованного англичанина самого конца XVII — начала XVIII в. такими руководящими сочинениями о Московии явились два труда Крелля, вышедшие в 1698 [2] и в

---

[1] М. М. Богословский, назв. соч., т. II, стр. 321.

[2] The ancient and present State of Muscovy containing a geographical, historical and political account of all these nations and territories under the jurisdiction of the present czaar. With Sculptures and a New Map. By J. C. (Jodocus Crull) MD. Fellow of the Royal Society and a Member of the Historical and Political Account of all the most remarcable transactions in that Empire, London, 1698, 2 vols. К т. I приложен портрет Петра.

1699 гг.[1] Издание этих двух книг показывает, что интерес к России был, несомненно, поднят недавним пребыванием царя и его свиты в Англии. О нем продолжали говорить не только в связи с проявлениями бурного темперамента московитов, оставивших следы своего пребывании в доме, который они занимали,[2] но и в связи с фактами иного порядка, о которых, в частности, говорилось в упомянутых книгах Крелля.

Во второй из этих книг автор в письме из Амстердама от 30 октября 1698 г. дает сведения по истории Московии с 1645 г.; особенно подробно останавливается он на азовском походе и на современных ландкартах Азова. В той же книге сообщается о начавшемся соединении каналов

В предисловии автор говорит, что приезд царя в Англию — лучший повод для того, чтобы предложить вниманию публики полное описание России. Он уверяет, что при его составлении использовал печатные труды путешественников: английских, французских, немецких, голландских и др., но взял из них лишь показания очевидцев; сам Крелль, вопреки указанию Аделунга (Friedrich von Adelung, Kritisch-litterarische Uebersicht der Reisenden in Russland — bis 1700, II, St.-Pet., 1846, стр. 399), в России не был.

[1] The Present Condition of the Muscovite Empire till the year 1699, in two letters: the first from a gentleman, who was conversant with the Muscovite Ambassador in Holland; the second from a Person of quality at Vienna concerning the Late Muscovite Embassy, his Present Czaarish Majesty, the Russian Empire and great Tartary. With the life of the present Emperor of China. By Father J. Bouvet, Myssionary.

Русский перевод этого труда напечатан в „Собр. разных записок" Ф. С. Туманского, ч. 1, СПб., 1787, стр. 1 — 107. Второй из трудов Крелля составляет перевод с немецкого на английский письма из Амстердама от 30 октября 1698 г., появившегося в сочинении Адама Бранда о путешествии Избранд Идеса в Китай. Это письмо, по всем признакам, вышло из кругов, близких к Витзену. К первому письму Крелль присоединил второе от 24 февраля 1699 г.; материалы для него взяты из того же сочинения Бранда. Ф. С. Туманский напечатал оба письма в „Собр. разных записок", но приписал их (а вслед за ним Н. Г. Устрялов — I, стр. 279, прим. 55) без всякого основания иезуиту Буве, который является лишь автором биографии „нынешнего" китайского императора (R. Minzloff, Pierre le Grand dans litterature etrangère, St.-Pet., 1872, p. 4—5; H. Uebersberger, Russlands Orientpolitik in den letzten Jahrhunderten, Stuttgart, 1913, стр. 73; W. Cordt, Чужеземні подорожні по східної Европе до 1700, К., 1926, стр. 162 и сл.). Кроме трудов Крелля, в Лондоне в 1698 г. вышла также „A new and exact Description of Muscovy", небольшая брошюра (30 стр.), своего рода путеводитель для купцов. Как и Крелль, неизвестный автор брошюры весьма сочувственно относился к России и к Петру.

[2] М. М. Богословский, назв. соч., т. II, стр. 386—389. Не следует забывать, однако, что до приезда в дом Дж. Эвелина царя и его свиты в нем жил адмирал Бенбо, которым владелец был очень недоволен за те разрушения, которые он произвел в его доме (извлечения из переписки и мемуаров Эвелина у Барро) (Barrow, The life of Peter the Great, Edinburgh, 1883, p. 83); после отъезда царя и его свиты Эвелин представил счет за разрушения в его доме, но виновником их, несомненно, был также адмирал Бенбо (F. Schuesler, Peter the Great, Emperor of Russia. A study of historical biography, vol. I, London, 1824, p. 367).

Волги и Дона, о заведении флота, о празднествах в Москве по поводу взятия Азова и последующих московских событиях, о путешествии Петра за границу, о пребывании в Пруссии, Голландии, о победах под Азовом и на Днепре, о пребывании Петра в Англии. Автор хорошо был осведомлен о главных моментах, относящихся к этим недавним событиям; в частности, ему было известно, что „когда некоторые лондонские купцы предложили его царскому величеству об установлении новой табачной торговли с тем, чтобы оной табак токмо ими был привозим в Россию и в другие подвластные ему страны, тогда послал царь за Федором Алексеевичем Головиным, вторым своим послом, для переговоров с ними о сем в Лондоне". По мнению автора письма: „Отменного примечания достойное в сем его в Англию путешествии и более всего открывающее главное намерение его царского величества есть поезд его в Портсмут для присутствия при морском сражении между двумя английскими эскадрами". После описания путешествия Петра в Англию автор кратко говорит о пребывании царя в Голландии, Вене и Польше, о возможных отношениях с Турцией. Любопытно заключение автора: „Таково есть... теперешнее состояние Российской империи, которая прежде считалась самою варварскою, но которая теперь спорит о первенстве со всякою державою в Европе по причине распространения своей коммерции со многими народами неутомимым старанием нынешнего своего государя, хотя ему еще 28 лет от рождения. Чего же должно ожидать от того великого государя, когда богу угодно будет благословить его долголетнею жизнью". Отмечая рост населения на Волге и развитие коммерции во всех частях Московии, автор полагает, что по своему пространству и выгодному для торговли местоположению Россия „может, по всей вероятности, сделаться сильнейшим и страшнейшим государством в свете".

Во втором письме из Вены 24 февраля 1699 г. автор пишет о событиях со времени приезда посольства в Вену до возвращения в Москву, говорит о русской торговле, „которая есть единая подпора общенародного благоденствия", об открытых русскими сухопутных дорогах в Китай и выгодах китайской торговли, о значении путей в Черное море; он довольно подробно описывает сибирские народы, живущие по дороге в Китай, рассказывает о договоре с Китаем 1687 г. и о пути из Москвы в Китай.

Не касаясь даже первой книги Крелля, которая давала описание Московии во всех отношениях, можно сказать, что и при наличии второй английский читатель получал, прежде всего, новые и вполне достоверные известия о прошлом и настоящем России, которая являлась не только азиатской, но и европейской державой, была не только богатой

сухопутной, но и собиралась стать морской державой. Вторая книга Крелля — своего рода манифест, в котором объявлялось всему свету, и Англии прежде всего, об этом новом и знаменательном факте.

В последующие годы англичане проявляли большой интерес к тому, какие результаты дало пребывание Петра за границей. Статс-секретарь Р. Гарлей 27 апреля 1705 г. писал английскому посланнику в России Чарльзу Витворту: „Я вообще надеюсь вскоре услышать от вас, насколько европейские обычаи проникают в Россию и насколько его величество... успевает привить своей армии, своему народу, своему законодательству, правительству, торговле своей страны все, что он и его сановники видели при своем путешествии за границей". Для сравнения Гарлей посылает Витворту сочинения некоторых английских наблюдателей XVII в. над русской жизнью.[1]

Витворт, как известно, удовлетворил этому желанию и по отъезде, из России в 1710 г. написал свой „An Account of Russia as it was in the year 1710," изданный только в 1756 г.

Показания Витворта об английском влиянии на разные стороны русской жизни, претерпевавшей в первые годы XVIII в. большие перемены, следует, конечно, сопоставить с показаниями других современников, таких же сторонних наблюдателей этой новой русской жизни; им был, например, датский посланник Юст Юль, оставивший очень много интересных показаний о большом влиянии английских порядков на современную русскую жизнь. Но каковы бы ни были результаты влияния и заимствования, к ним с английской стороны проявлялся и в дальнейшем большой интерес; вместе с тем, он сопровождался последующей присылкой в Россию опытных мастеров, главным образом, строителей русского флота, а также и других специалистов для разных областей вновь создаваемой русской культуры. Как и в конце XVII в., в первые годы XVIII в. из России продолжали посылать в Англию русских волонтеров, и тема об их отправке на английских торговых судах и о соответствующем отношении к ним в Англии является постоянной в переписке английских представителей в Москве со статс-секретарями английского Foreign Office. Как уже отмечено выше, эта традиция посылки в Англию молодых людей для обучения таким, например, отраслям государственного хозяйства, как монетное дело, была еще жива в 30-е годы XVIII в., в годы царствования Анны, хотя Академия Наук, в ответ на предложение

[1] Сборн. РИО, т. XXXIX, стр. 77: „Вы будете иметь достаточно досуга для наблюдения за всеми особенностями местной жизни и для сравнения их с тем, что сообщено в отчетах Флетчера [при королеве Елизавете] и Марвайля, ездившего в Москву с лордом Карлейлем при короле Карле Втором, не говоря уже о знаменитом латинском послании царя Иоанна Васильевича" (там же, стр. 77—78).

Сената выбрать таких молодых людей из числа ее студентов, выставила уже резонные возражения.[1]

Сущность этих возражений сводилась к тому, что заимствованные из Англии инструментальное, машинное и „вардеинское" „художества" уже достаточно освоены русскими. Среди русских уже появились свои учителя этих „художеств", так что молодежи можно успешно обучиться им в самой России, при Академии Наук. Когда же молодые люди обучатся „сих художеств" при Академии, тогда „для большего совершенства можно их отправить и в Англию". „Также могут при оной Академии молодые люди как в медальерном деле, так и во всех науках и художествах, которые кто только пожелает, обучены и в совершенстве приведены быть". В эти годы руководство обучением „художествам" в Академии принадлежало известному токарю Петра А. К. Нартову, который в 1718 г. ездил, между прочим, в Пруссию, Париж и Лондон, „дабы приобрел он вящшие успехи в механике и математике". Мысль о посылке в Англию молодых людей для завершения „художественного" обучения находит свое утверждение в последующей практике, и в 1759 г., например, Академия Наук отправляет „инструментального художества подмастерья" Николая Чижова в Англию для „совершения того художественного обучения".[2]

Пребывание Петра в Англии имело свои последствия не только в указанных отраслях русского искусства. Хорошо известно, что в Лондоне с Петра писал портрет художник Кнеллер.[3] Там же получила свое начало русская портретная живопись на эмали: она впервые появляется в России в конце XVII в. как одно из новшеств, заимствованных Петром I на Западе. Это искусство достигло к тому времени во Франции и Англии высокой степени совершенства благодаря работам художников Петито, Руке и Буата (Charles Boit). Из них последний, шведский эмальер (1663—1727), работал в Англии как портретист на эмали, но он занимает определенное место также в истории этого искусства в России. Петр встретил Буата в Лондоне и заказал ему большое количество миниатюр со своего портрета, писанного Кнеллером. Вторично Петр встретил Буата в 1717 г. в Париже и поручил ему изготовить несколько своих миниатюрных портретов с оригинала Моора. Сообщая Екатерине о своем намерении заказать на парижской гобеленной фабрике ковры со своим портретом и портретами Екатерины, Петр просил о присылке ему в Париж названных оригиналов (работы Моора и Натье), а „также и финифтяных

[1] Матер. для истории Академии Наук, т. II, стр. 150—151.

[2] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. I, № 296, лл. 164—237.

[3] М. М. Богословский, назв. соч., т. II, стр. 310, где воспроизведен в последний раз этот портрет.

маленьких, ибо еще тот мастер жив, кой делал в Англии при мне, а ныне здесь". Эти написанные на эмали портреты были изготовлены в большом количестве, так как Петр часто жаловал их разным лицам, главным образом военным. Не ограничиваясь заказами таких портретов за границей, Петр привлек к изготовлению их также русских мастеров, в первую очередь художников Оружейной палаты (Ивана Адольского, Андрея Овсова, Григория Мусикинского и др.). Они и явились первыми русскими портретистами на финифти.[1]

Многообразны и сложны результаты пребывания Петра в Англии в 1698 г. Выяснение подробностей этого путешествия, несомненно, позволит еще ярче установить связь виденного и слышанного в Англии с последующими реформами и мероприятиями Петра и его ближайших преемников.

[1] М. М. Дубовская, Неизвестные портреты первой четверти XVIII в., Труды Государственного исторического музея, в. XIV, М., 1941, стр. 93—94.

Т. К. КРЫЛОВА

ПОЛТАВСКАЯ ПОБЕДА И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Полтавская битва принадлежит к числу тех исторических битв которые решают судьбы народов и государств. На поле Полтавского боя был сокрушен враг, с которым искони боролось Русское государство, отстаивая свои права на балтийские земли, с которым победоносно сражались еще новгородские и низовские полки под предводительством князя Александра Невского. С этим врагом пришлось столкнуться и Москве, как только она начала приобретать значение общерусского центра.

За полтора века, предшествовавшие петровской эпохе, шведская опасность стала особенно грозной. На рубеже XVI—XVII вв. Россия была оттеснена от балтийских берегов, наглухо отрезана от моря. Необъятная по своим размерам страна, сплоченная единой государственной властью, потеряла возможность нормального экономического и политического роста. Под натиском шведов отступили из Ливонии рати Ивана Грозного. Против шведов оказались бессильны и московские полки иноземного строя, безуспешно осаждавшие ливонские города во времена царя Алексея Михайловича. Не сразу справилась со шведскими войсками и регулярная русская армия, созданная Петром после Нарвы.

Только очень немногим из современников было понятно огромное положительное значение Гродненской кампании, когда русская армия искусно вышла весною 1706 г. из шведского окружения.

Но никогда за все время многовекового русско-шведского соперничества борьба не достигала такого необычайного и поистине драмати-

ческого напряжения, как в 1707—1709 гг. Союзник Петра — Август II, польский король и саксонский курфюрст, изменил своему слову и не только вышел из войны, но даже предоставил свои саксонские владения в полное распоряжение Карла XII в качестве безопасного убежища, где шведский король мог беспрепятственно и бесплатно пополнить, обмундировать и вооружить свои войска.

Здесь, в Саксонии, звезда Карла XII загорелась небывало ярким светом, перед тем как померкнуть навсегда. Шведский военный лагерь в Альтранштедте стал средоточием политической жизни Европы. Туда спешили английские герцоги и французские маршалы, чтобы заручиться шведской поддержкой или, по крайней мере, обеспечить себе шведский нейтралитет. Там немецкие министры с трепетом ожидали решения судеб своей дряхлой империи. Если бы Карл XII двинулся из Альтранштедта на Запад, то от него бы зависела будущность многих корон и государств. Но он повернул на Восток, и весь мир решил, что гибель России — это вопрос только времени, и непродолжительного времени. Грозная опасность нависла над нашей родиной. Ей угрожали потеря государственной самостоятельности и территориальное расчленение. Карл XII хвалился, что свергнет Петра с престола и заключит с Россией мир „по-саксонски". В Швеции была выбита медаль с изображением на оборотной стороне двух колонн: одна из них сломана у самого пьедестала, на другую кидается лев, готовясь ее опрокинуть, — символ ожидающей Россию печальной участи сломленной Польши.

Но огромным напряжением всех сил наша родина преодолела грозившую ей опасность. Русским дипломатам удалось с помощью Англии и Голландии обеспечить нейтралитет Турции. Польша, в которой Карл XII ожидал найти союзника, встретила его враждебно. В двухлетней непрестанной борьбе были измотаны силы шведской армии, подтачиваемые острой продовольственной нуждой, разъедаемые партизанским движением. Битва при Лесной лишила Карла XII необходимых ему резервов, он остался без боеприпасов и провианта. Удар этот был довершен крушением шведских планов на Украине. Изменник Мазепа, правда, присоединился к шведскому королю с деньгами и „добрыми советниками", но без обещанных войск и запасов — не как могущественный союзник, а как умоляющий о защите беглец. А девять месяцев спустя после битвы при Лесной Швеции был нанесен другой страшный удар, от которого она никогда не смогла оправиться. Под Полтавой была уничтожена прославленная шведская армия, а вместе с ней Швеция навсегда потеряла свое значение как великая держава. Ее место в кругу европейских государств заняла Россия новая, петровская Россия, выдержавшая самое страшное из всех испытаний — испытание огнем и мечом.

Торжественно празднуя в своем московском дворце день 1 января 1710 г., которому суждено было стать годом новых блестящих русских побед — взятия Выборга, Риги, Ревеля, Кексгольма, — Петр остроумно отомстил своему сопернику за его надменное хвастовство. Вечером был устроен превосходный, по отзыву английского посла Витворта,[1] фейерверк. Среди изображений особенно выделялись два. Одно из них — ответ на выбитую в Швеции медаль с изображением двух колонн и кидающегося на них льва. При фейерверке сначала засветились обе колонны, увенчанные императорскими коронами и озаренные множеством синих, зеленых и палевых огоньков. Затем выдвинулся лев, и при его приближении одна из колонн внезапно сломилась у самого основания, но когда он подошел ко второй, то был сражен насмерть ракетой, выпущенной орлом с распростертыми крыльями, изображавшим царский герб. Сюжет второго изображения был заимствован из греческой мифологии — пораженный молнией Фаэтон, прообраз Карла XII. Подобно этому мифологическому герою, шведский король в сильнейшей степени способствовал собственной гибели своей безрассудной храбростью и крайним упрямством.

Задача настоящей статьи заключается в выяснении отношений между Россией и Великим союзом в 1709—1710 гг. и их значения для русских дипломатических замыслов того времени. Под этим углом зрения в статье рассматривается и вопрос о восстановлении Северного союза в 1709 г. Отношение морских держав к этому событию имело решающее значение до Полтавской победы, да и после нее влияние Великого союза на северные дела остается весьма значительным.

Статья написана на основе материалов, хранящихся в архивах и библиотеках СССР, содержащих важные документы международного характера. Так, в Надеждинском архиве кн. Куракиных сохранились копии всех гаагских соглашений, касающихся северных дел, за время с ноября 1709 г. по март 1710 г. Эти постановления подготовили известное соглашение от 20/31 марта 1710 г., которое иначе принято называть Актом о северном нейтралитете.

Материалы эти были, очевидно, в свое время пересланы Б. И. Куракину из Гааги русским представителем при голландской республике А. А. Матвеевым. В то время как в Гааге при активном участии русской дипломатии вырабатывались соглашения о северном нейтралитете, Куракин находился в Ганновере, где он вел успешно закончившиеся переговоры об оборонительном союзе с Георгом I, тогда еще ганноверским электором.

---

[1] Сборн. Русского исторического общества (далее — Сборн. РИО), т. L, стр. 299.

Но прежде чем перейти к изложению событий, составляющих основной сюжет нашей статьи, попытаемся кратко охарактеризовать главные этапы истории дипломатических отношений между Россией и великими державами в дополтавский период Великой северной войны.

То обстоятельство, что шведская армия во время своего пребывания в Саксонии представляла собой грозную для Европы силу, объясняется в значительной степени тем, что Западная Европа была тогда, вследствие англо-французского соперничества на морях и в колониях, расколота на два враждующих лагеря: с 1701 г. в Европе шла упорная, кровопролитная война за Испанское наследство между Францией и Испанией, с одной стороны, и так называемым Великим союзом, с другой. Во главе Великого союза стояли морские державы — Англия и Голландия.

Экономическими и культурными связями Россия была соединена с морскими державами. Голландские и английские купцы вели значительную торговлю в Архангельске, куда ежегодно летом приходили их торговые караваны. Помимо того, что доходы от архангельской торговли составляли значительную долю в бюджете страны, эти торговые отношения имели также немаловажное политическое значение. Богатое и влиятельное амстердамское купечество было сторонником установления и сохранения дружественных отношений с Россией и в этом направлении оказывало постоянное давление на политику Генеральных штатов. Амстердамский бургомистр Витзен был личным другом Петра и Ф. А. Головина, первого министра, как его называли иностранцы. Примерно такую же роль, хотя и менее влиятельную, играла в Англии Русская торговая компания. Из Англии и Голландии приезжали в Россию необходимые для страны специалисты — офицеры, инженеры, мастера и врачи. Из Голландии отправлялось в Россию оружие, столь необходимое в первый период Северной войны, когда русская крупная промышленность находилась еще в зачаточном состоянии. Из Англии шло сукно на обмундирование русской регулярной армии. Для того чтобы избежать нареканий со стороны шведского посла, прибегали к различным ухищрениям при отправке в Россию военных специалистов и оружия. Уезжавшие из голландских портов офицеры отправлялись на разных кораблях, на которые доставлялись разновременно по нескольку человек в шлюпке; иногда же из гавани они уходили на яхтах, а в открытом море пересаживались на суда, шедшие в Архангельск. Оружие отправлялось под видом „статуй и каменной резьбы для убору государевых палат". Здесь же, в Голландии был учрежден в 1699 г. первый постоянный дипломатический пост за границей, на который был назначен Матвеев.

Что же касается Франции, то ее экономические связи с Россией того времени были ничтожны, а в политическом отношении она должна

была возбуждать к себе в русских правящих кругах естественное недоверие как старинный друг Турции и Швеции.

Но никакими юридически оформленными международными соглашениями Россия не была связана и с противной Франции стороной — с морскими державами, и потому дружественные англо-русские и русско-голландские отношения подвергались всяким случайностям и легко могли быть нарушены. Такой случай и представился, когда в 1699 г. возник Северный союз, направленный против Швеции, которая в течение двух предшествующих столетий оттеснила своих соседей от Балтийского моря, превратив его почти во внутреннее шведское озеро. Душой этого союза, его организатором и вдохновителем был Петр; к нему присоединились датский король Фредерик IV и Август II.

Образование Северного союза и начало Северной войны были встречены в Западной Европе крайне недоброжелательно И та, и другая из враждующих группировок — и Франция, и морские державы в предстоящей войне за Испанское наследство хотели иметь на своей стороне первоклассную шведскую армию. Поэтому в начавшейся Северной войне они увидели только ненужную распрю, отвлекающую Швецию от европейских дел, и приложили все усилия к тому, чтобы эту распрю как можно скорее прекратить.

Людовик XIV применил средства исключительно дипломатические для достижения поставленной цели. Один из опытных французских дипломатов — де Герон был отправлен в Варшаву для того, чтобы, примирив царя и Августа II с Карлом XII, создать затем в тылу у Австрии враждебный ей восточный блок из Швеции, Польши, России и Турции.[1] Примерно с такими же предложениями выступали французские послы в Копенгагене и при дворах некоторых имперских князей.

Но Вильгельм III (Оранский), английский король и голландский штатгальтер, пользовавшийся в Голландии почти абсолютной властью, не ограничился применением одних дипломатических средств: он подкрепил их средствами военными. Англо-голландская эскадра была направлена в Зунд на помощь Швеции. Когда же Карл XII разбил Данию и заставил её заключить со Швецией в августе 1700 г. Травендальский мирный договор, то морские державы взяли на себя гарантию этого договора. После выхода из войны Дании, единственной морской державы в составе Северного союза, Швеция стала господином Балтийского моря и беспрепятственно могла перебросить шведскую армию к Нарве.

[1] Подробнее об этом см. мою статью „Франко-русские отношения в первую половину Северной войны", напечатанную в „Исторических записках" Института истории Академии Наук СССР, т. VII.

Начавшаяся вскоре после этого война за Испанское наследство улучшила международную обстановку в пользу России тем, что отвлекла внимание и силы великих держав от северных дел. Не только военное вмешательство становится невозможным, но и финансирование Швеции морскими державами сокращается. „Теперь, — писал Матвеев из Гааги, — довольно им от гишпанского Геркулеса и французского Марса выстерегать себя самих".

Кроме того, в период развязывания войны за Испанское наследство в 1701—1702 гг. выяснилось, что Швеция не только не торопится вознаградить морские державы за услугу, оказанную ей под Копенгагеном, а, наоборот — всячески уклоняется от участия в войне за Испанское наследство. Допущенные шведским правительством дипломатические ошибки еще более усилили охлаждение.[1] Все это помогло русскому послу в Гааге Матвееву не только сохранить старых друзей-амстердамцев, но и приобрести новых—английских министров-вигов, содействовавших ему в „пересечении помощи шведу" со стороны Англии и Голландии.

Под давлением всех этих обстоятельств северные планы Англии существенно изменяются, когда после смерти Вильгельма III руководство английской внешней политикой переходит в руки Джона Черчилля, герцога Мальборо. Ему приходится взять на себя не только осуществление военных планов, но и завершение дипломатических замыслов покойного короля. В первый период войны за Испанское наследство дипломатическая деятельность английского правительства продолжается с неослабевающей энергией. К Великому союзу присоединяются государства, которые по ряду обстоятельств должны были бы поддержать Францию, в том числе Португалия и Савойя. Прежде чем одержать над своей соперницей знаменитые военные победы, Англия одерживает менее громкие, но весьма существенные победы дипломатические.

Однако все попытки вовлечь шведского короля в войну против Франции оказались безуспешными. Поэтому, ввиду двусмысленного поведения Швеции, было сочтено более благоразумным отказаться от прекращения Северной войны и предоставить России и Швеции взаимно истощать друг друга в длительном единоборстве. Силы же Дании и Саксонии должны были быть направлены против Франции.

Поэтому против возвращения Дании в Северный союз морские державы категорически возражали. Значительная и лучшая часть не только датских, но и саксонских войск поступила на службу к Великому союзу на основании особых соглашений, заключенных с этими

---

[1] См. мою статью „Россия и Великий союз", опубликованную в „Исторических записках" Института истории Академии Наук СССР, т. XIII.

державами. Взамен этого Августу II была обещана гарантия неприкосновенности Саксонии.

Вследствие обострения отношений между Великим союзом и Швецией, известия о первых русских победах в Прибалтике были встречены благожелательно в Гааге и Лондоне. Но дальнейшие русские успехи, основание Петербурга и взятие Нарвы встревожили западноевропейское общественное мнение; в гаагских дипломатических кругах заговорили о том, что русское влияние на Балтийском море усилилось в большей мере, чем это соответствует интересам морских держав. Следует отметить, что отдельные умные наблюдатели в Голландии и Англии довольно скоро заметили, что утверждение России на Балтике носит прочный характер и коренным образом отличается от эфемерных побед Карла XII в Польше и Литве, побед, терявших свое значение, как только победитель удалялся на сотню километров от того места, где только что наголову разбил неприятельское войско.

В западноевропейской прессе отмечалась разумная политика Петра по отношению к населению завоеванных областей, его стремление смягчить неизбежные ужасы войны. Так, в голландских курантах весною 1703 г. было напечатано сообщение о том, что Петр отослал некоторых пленников назад и через письма „велел везде разгласить" и жителям лифляндским „ведомо учинить", что все совершенные бесчинства допущены против его указа и что если лифляндцы захотят принять его покровительство, то будут освобождены от всех налогов. Далее в курантах указывается, что такой ход событий может привести Швецию к утрате Ливонии.[1]

Другую сторону русской политики в Прибалтике осветил в своей работе, описывающей состояние России в 1710 г., английский посол Витворт,[2] внимательный наблюдатель и заслуживающий доверия свидетель. Он сообщает, что около трети населения Ингрии и Ливонии переселено на юг в окрестности Воронежа, и характеризует положение переселенцев следующим образом: „Население это находит свое новое рабство более легким, чем старое, почву более плодородной и климат более мягким, и не захочет, я полагаю, вернуться обратно, если ему и предоставят свободу выбора. Невозвратная потеря для шведского короля, если эти области вернутся к своему законному господину". Ингрия же, как далее указывает автор, в известной мере снова населена колониями „московитов".

Усиление России обратило на себя внимание и Людовика XIV, что привело к новым попыткам франко-русского сближения. Однако это

[1] Центральный государственный архив древних актов, Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 2, л. 204.

[2] Whitworth Ch., An Account of Russia as it was in the year 1710, pp. 29—30.

обстоятельство повлияло положительно, а не отрицательно на отношения Великого союза к России. Согласие французского короля применять в обращении к Петру титул „ваше величество" вместо прежде употреблявшегося „царь и великий князь московский (tzar et grand duc de Moscovies)", безусловно, способствовало укреплению международного русского престижа. В том же направлении влияло и заключенное между Францией и Россией полуофициальное соглашение о морской торговле и торговом мореплавании. Кроме того, опасение прочного франко-русского сближения, которое могло повлечь за собой большие осложнения в Константинополе и Венгрии, заставляло морские державы более внимательно относиться к просьбам, настояниям и требованиям России.

В западноевропейских не только дипломатических, но и журнальных кругах хорошо понимали также, кто является основным вдохновителем войны против Карла XII. Об этом свидетельствует один из вышедших в 1706 г. памфлетов, сохранившийся в бумагах Б. И. Куракина.[1]

Памфлет этот характеризует международное положение в Европе, причем отдельные государства представлены в виде партнеров за карточным столом:

„ *Британия* — имею добрые карты для игры.
Версалия — выиграю или проиграю.
Барселона — не тужу, играю на чужие деньги.
Евгений — играю смело, надеючись на изрядную даму.
Копенгаген — я пасую.
Стокгольм — играю, играю и всё выигрываю, а прибыли не имею.
Дрезден — коли короля забью, то выиграю.
Москва — брат Дрезден, играй смело, я за тебя поставлю.
Турок — я играл, да много проиграл, больше не хочу".

Перед нами встает, нарисованная несколькими меткими штрихами картина современной автору памфлета Европы.

Вот Британия, руководящая держава Великого союза, одержавшая блестящие победы в войне за Испанское наследство, поставившая свою соперницу Францию перед возможностью полного краха. Англия поддерживает Евгения Савойского в его смелых стратегических предприятиях. На англо-голландские деньги ведется война в Испании против сторонников Филиппа V, французского принца, ставшего испанским королем. На эти деньги играет Барселона.

Остроумно и зло подмечено, что Швеция не имеет выгоды от многочисленных блестящих, но бесплодных побед Карла XII. Правильно изображено и положение дел внутри Северного союза, где спасовал

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. III, стр. 169—170.

Копенгаген, где Август II возбудил против себя такую острую ненависть шведского короля, что компромисс между ними стал невозможен. Дрезден выиграет только в том случае, если „забьет" короля. Москва же поддерживает и субсидирует Августа II, вдохновляет его на дальнейшую борьбу, но много денег ему в руки не дает — „ставит за него".

Правильно изображена и нейтральная позиция, занятая Турцией вопреки настояниям европейских дипломатов, тщетно пытавшихся вовлечь турецкое правительство в войну. В Константинополе, куда после Карловицкого мира получили доступ русский и австрийский послы, шла в это время упорная, ожесточенная дипломатическая борьба. Французские представители старались поднять Порту против императора на помощь восставшим венграм; заодно с ними иногда действовал и русский посол. В свою очередь, немецкие и венецианские дипломаты готовы были натравить Турцию на кого угодно, лишь бы отвести от себя опасность турецкой войны.[1]

Но в эту картину, нарисованную наблюдательным и остроумным современником, Карл XII не замедлил внести существенные поправки. Он пренебрег настояниями Великого союза, требовавшего от него не вносить огонь Северной войны в империю, и предпринял свой знаменитый Саксонский поход, чтобы поразить Августа II в его наследственных владениях и принудить к позорной сдаче.

План этот блестяще удался. В Саксонии страх перед сильнейшим врагом сломил сопротивление. Без боя 13/24 сентября 1706 г. в своей главной квартире в местечке Альтранштедт, под Лейпцигом, Карл XII предписал условия позорного мира саксонским уполномоченным. Легко себе представить, какую тревогу вызвало у держав Великого союза это событие. Что означали все опасения, вызываемые усилением Петра, перед этой грозной опасностью — соединением победоносного шведского войска с французским. Спешно принимаются меры для сближения с Россией; царю подается надежда на возможность его вступления в Великий союз. Поэтому в мае 1707 г. в Лондон был направлен из Гааги русский посол при голландском правительстве Матвеев. Одно время конфликт Карла XII с императором, действительно, принял было серьезный характер, и можно было подозревать, что его направляет рука Версаля. В России даже стали было надеяться на то, что швед увязнет в Германии, как до этого он увяз в Польше.

Но когда выяснилось, что Карл XII не намерен вмешиваться во французские дела, что его раздоры с императором вызваны религиоз-

[1] Подробнее об этом см. мою статью „Русско-турецкие отношения в эпоху Северной войны", напечатанную в „Исторических записках" Института истории Академии Наук СССР, т. X.

ными причинами, английское правительство приложило все усилия, чтобы как можно скорее уладить недоразумение и выпроводить шведов из Саксонии на Восток. Англия берет на себя гарантию Альтранштедтского договора и вслед затем официально признает Станислава Лещинского польским королем, от чего сочли возможным воздержаться Генеральные штаты.

Эти обстоятельства, разумеется, не могли не вызвать заметного охлаждения в русско-английских отношениях. Охлаждение это было еще несколько более усилено неприятным инцидентом, который произошел с Матвеевым перед его отъездом из Лондона.

Однако не следует забывать, что Англия и Голландия в 1707—1709 гг., в этот едва ли не самый тяжелый период Северной войны, неизменно оказывали России существенную поддержку в одном очень важном для нее вопросе — в сохранении мира с Турцией. Действуя в соответствии с распоряжениями своих правительств, голландский посол Кольерс и английский посол Суттон, принадлежавший к партии вигов, деятельно помогали П. А. Толстому поддерживать добрые отношения с Портой. Несомненно также, что саксонская авантюра Карла XII настолько встревожила морские державы, что они были склонны допустить даже некоторые отступления от своих прежних северных планов и, употребляя выражение герцога Мальборо, сквозь пальцы смотреть на ту усиленную дипломатическую деятельность по восстановлению Северного союза, которая началась в Гааге, Копенгагене и Дрездене, как только непосредственное присутствие шведских войск в Западной Европе перестало охранять неприкосновенность Травендальского и Альтранштедтского договоров.

I

Таковы были отношения между Россией и морскими державами, когда Матвеев летом 1708 г. вернулся из Лондона в Гаагу, крупнейший дипломатический центр тогдашней Европы. Ему приходилось действовать в очень сложной и грозной для России международной обстановке, когда война за Испанское наследство начала вступать в последнюю фазу своего развития.

Не только во Франции, перенесшей ряд тяжелых поражений, но и внутри стран-победительниц среди широких кругов населения нарастали усталость от войны и тяга к миру. В Англии у власти утверждались тори, партия сторонников мира. Пожар великой европейской войны, заложившей основы мирового могущества Англии, уже догорал, а север-

ная борьба, которая теперь велась на равнинах Белоруссии и Украины, все еще носила неопределенный характер, и еще нельзя было сказать, на чьей стороне будет окончательный успех.

В этих условиях Матвееву следовало, прежде всего, позаботиться об укреплении дружественных отношений с Голландией, которая относилась к России более дружелюбно, чем какое-либо другое европейское государство. Голландия была единственной великой державой того времени, не признававшей шведского ставленника Станислава Лещинского королем Польши и отказавшейся гарантировать Альтранштедтский мир, вопреки настояниям английских и австрийских дипломатов. Дройзен допускает ошибку,[1] утверждая, что и император и морские державы признали Лещинского польским королем.

По своем приезде из Англии Матвеев, отдавая визит „первому Статов Генеральных министру г-ну пенсионарию Гейнзиусу", учтиво благодарил его за то, „что господа Статы, соблюдая с его ц. в. верно неподвижную свою дружбу, Станислава Лещинского за короля польского доныне не признали и гарантии по Саксонском мире,[2] бесчестно учиненном у шведа с королем Августом, на себя не приняли".[3]

Поведение Генеральных штатов в значительной степени определялось антишведскими настроениями голландской провинции и города Амстердама. За это голландские корабли, по ходатайству Матвеева, были освобождены от уплаты ластовой пошлины в Архангельске в 1708 г. Кроме того, отдельные амстердамские купцы, например Гаутманы, в течение целого ряда лет пользовались особой привилегией вывоза хлеба из России за границу.[4] Помогали укреплению русско-голландской дружбы и „поминки", преимущественно соболями и чернобурыми лисами, которые раздавал русский посол своим влиятельным друзьям в Гааге и Амстердаме.

Помимо торговых интересов, объединявших Россию и Голландию, и старых связей русской дипломатии с амстердамскими правящими кругами, существовали еще и особые политические обстоятельства, заставлявшие голландское правительство в большей степени, чем это делали другие державы Великого союза, заботиться о русской дружбе. Осенью 1708 г. голландское правительство было сильно обеспокоено слухами о том, что прусский король предложил свое посредничество для заключения русско-шведского мира. Возникшие опасения, что Северный мир будет заключен без участия Голландии, ратпенсионарий изложил при очередной встрече Матвееву, который и сообщил о них

[1] Droysen, Geschichte der preussischen Politik, T. IV, Abt. I, S. 315.

[2] Имеется в виду Альтранштедтский мир.

[3] ЦГАДА, Голландские дела 1708 г., д. № 3, л. 8.

[4] Голландские дела 1708 г., д. № 8, лл. 1, 4, 5, 6, 13, 14.

Головину в следующих словах: „Ежели сей договор чрез посредство то прусское может с шведом окончиться, он, швед, ведая их, Статов, к стороне государевой искренне склонных, по том мире может вступить с тем прусским и гановерским дворами с своими союзники внутренними, а к ним, Статом, соседними и злонамеренными в особый союз. Тогда оне, Статы, без поможения будучи с Москвы, великое предосуждение своим особым понесут интересом".

Опасаясь, что злонамеренные соседи, Ганновер и Пруссия, с которыми у Штатов были споры из-за Гельдерна и тяжба о выморочных землях Вильгельма III (Оранского), могут заключить с Швецией враждебный Голландии союз, ратпенсионарий настаивал, чтобы в будущий мирный русско-шведский договор были внесены пункты, защищающие голландские интересы. Руководитель голландской политики не скрывал, что он рассчитывает на московскую помощь против злонамеренных соседей. „Ведая, что его царское величество, зело сильной государь, всегда есть мастером над Польшею и Прусами.[1] По учинении своего миру с шведом и всегда им, Статы, может от себя помочь".[2]

В русской посольской канцелярии, со своей стороны, хорошо понимали, как важно было заручиться влиятельной голландской поддержкой в сложной международной обстановке 1708—1709 гг. Дальнейшие переговоры о вступлении России в Великий союз стали невозможны после того, как Англия и Австрия гарантировали Альтранштедтский мир. По распоряжению Петра осенью 1708 г. морским державам через Матвеева было объявлено, что „его ц. в. не соизволяет больше вступать с союзники в общей великой союз". Это мероприятие было необходимо для сохранения международного престижа России. Лучше было самим отказаться от безнадежного дипломатического предприятия, чем подвергать себя унижениям прямого отказа. Отказавшись от вступления в политический союз, русские дипломаты усиленно продолжали вести переговоры о заключении русско-голландского торгового договора. С помощью этих переговоров рассчитывали не только улучшить торговые отношения, но и способствовать достижению более широких политических целей. Эти цели сводились, прежде всего, к тому, чтобы обеспечить благожелательное отношение морских держав к восстановлению Северного союза.

После выступления шведской армии из Саксонии в августе 1708 г. вся Европа ожидала разгрома России, и многие опасались, что это произойдет слишком быстро. Но, вместо ожидаемых известий о блестящих шведских победах, с Востока стали приходить вести о затруднениях, а затем и о поражениях шведской армии.

[1] Имеются в виду „польские Прусы".

[2] ЦГАДА, Голландские дела 1708 г., д. № 3, л. 156.

Победа при Лесной была замечена в Западной Европе и многими по достоинству оценена. Она сильно способствовала тому, чтобы в Гааге, Копенгагене, Дрездене, Вене, Берлине развернулась усиленная, хотя и секретная, дипломатическая деятельность вокруг северных дел.

„Сих чисел, — писал Матвеев в Россию, — дацкой и его министры тайно, будучи у меня, поздравляли его царское величество о великой той над Левенгауптом виктории. Сие дело вышеозначенное они между собою зело секретно содержат".[1]

Сведения об этой усиленной дипломатической деятельности стекались к Матвееву, который обычно бывал осведомлен о происходящих событиях из трех источников: „из секрета статского", из сообщений послов дружественных держав и, наконец, из писем своих русских коллег, аккредитованных при других европейских дворах: В. Л. Долгорукого — в Копенгагене, де Лита — в Берлине, Урбиха — в Вене. Так, в своем письме от 12 ноября 1708 г. Матвеев сообщает, со слов датского посла в Гааге, что король Фредерик IV, предпринявший путешествие в Венецию, на обратном пути в Данию будет вести переговоры с Августом II и с Евгением Савойским, чтобы „условитца вновь к некоторому начинанию дела против общего неприятеля".[2] Об этой поездке датского короля Матвеев получил также сведения и от Долгорукого из Копенгагена. В свою очередь, когда один из центров, где велись переговоры, переместился в отдаленную Венецию, Матвеев начал систематически уведомлять Долгорукого о происходящих там событиях.[3]

Для переговоров с Фредериком IV в Италию был направлен русский представитель при венском дворе Урбих, австриец на русской службе, тщеславный и легкомысленный человек, который в 1708 г. во время переговоров о вступлении России в Великий союз причинил немало неприятностей русским дипломатам. Урбих имел обыкновение давать иностранным дворам несбыточные обещания, а русской посольской канцелярии преувеличенные сведения о якобы достигнутых им дипломатических успехах и заключенных соглашениях и союзах, выдавая в своих донесениях только „говоренное" за уже „оконченное".

По своем приезде в Венецию Урбих не получил аудиенции у датского короля и вел переговоры с министрами. Одновременно король отдал распоряжение своим министрам в Копенгагене вести переговоры с Долгоруким „о оном деле, Вам известном".[4]

---

[1] Голландские дела 1708 г., д. № 3, лл. 159, 180.

[2] Голландские дела 1708 г., д. № 3, л. 122.

[3] Голландские дела 1709 г., д. № 4, лл. 8, 17, 22.

[4] Так в своих письмах Долгорукий и Матвеев для сохранения дипломатической тайны обозначают переговоры о восстановлении Северного союза.

Поездка Урбиха не увенчалась успехом: „Поход его больше, как слышно есть через все ведомости, тщетою был, нежели скорым скутком", — пишет А. А. Матвеев в своем письме Долгорукому весной 1709 г. Кроме того, по неосторожности Урбиха секретное дело получило широкую огласку. Из Венеции Фредерик IV отправился развлекаться во Флоренцию, и Матвеев опасается, что „известное дело" ограничится „сладостью словесной".

В Копенгагене, где Долгорукой вел переговоры, располагая царской полномочной грамотой, дело тоже затянулось надолго. В июне 1709 г. Матвеев с нетерпением ожидал, на каких условиях кончатся эти переговоры. Он справедливо полагал, что их ход замедляет „прежнее обещание барона Урбиха с излишеством перед Вашими". Матвееву внушали опасения увеличивавшиеся требования Дании. Однако, под влиянием русских военных успехов, в ходе копенгагенских переговоров наступает перелом. В своем письме, написанном 28 июня (ст. ст.), т. е. на второй день после Полтавской победы, о которой он, разумеется, еще ничего не знал, Матвеев радуется дипломатическим успехам в Дании, но опасается неблагоприятного англо-голландского вмешательства по „доносам из Копенгагена английского и голландского министров". Здесь же он возмущается „развратными поступками и помешательствами" Урбиха.

В Дрездене переговоры с Августом II, который мечтал взять реванш и отомстить Карлу XII за свое поражение, вначале развивались успешно, как об этом в январе 1709 г. Матвеев пишет Долгорукому, но затем и здесь русским дипломатам пришлось столкнуться с большими трудностями. На обратном пути из Италии в Данию Фредерик IV остановился в Дрездене, где в это время русские интересы представлял де Лит, который в своем письме от 17 мая (ст. ст.) 1709 г. уведомил Матвеева, что „король дацкой того времени из Италии туды прибыл и с великим магнифенции принятой, пробудет там 3 недели".

Де Лит имел аудиенцию у обоих королей и пришел к убеждению, что успех дел „с обоих сторон весьма удален", особенно со стороны Августа, требования которого все возрастали. Узнав об этом, озлобленный Матвеев называет отставного польского короля „кривоприсяжцем".[1]

Как указывает Дройзен, в Дрездене состоялось соглашение датского короля с Августом II о возвращении Швеции в природные рамки; немецкие провинции Швеции решено было не воевать, чтобы „держать вне игры Великий союз; обещано было ничего не предпринимать без Пруссии".

---

[1] Голландские дела 1709 г., д. № 4, лл. 12, 43, 52, 54.

[2] Droysen, op. cit., T. IV, Abt. I, S. 334.

Не один Матвеев напряженно следил за развитием северных переговоров. К ним было приковано внимание европейских дипломатических кругов. Морские державы относились к ним вначале равнодушно и даже с некоторым одобрением. В усилении северных союзников видели разумный противовес Карлу XII; его надменность была так неприятна, его победы нарушали равновесие в Средней и Северной Европе, а французские симпатии его министров были просто опасны и грозили стать помехой для выполнения политических и экономических планов морских держав. Разумеется, совсем с другим чувством следили за северными переговорами шведские дипломаты; с ними заодно выступали представители Ганновера и Голштинии.

Еще осенью 1708 г. Матвеев доносил в посольскую канцелярию: „Шведов, Ганноверской и Голштинской министры, партикулярно всякой через коварства отводят от нас Статов здесь внушением им ежели его ц. в. сильно будет впредь, побив шведов и учинися владетелем великим над морем Балтийским", то голландским торговым интересам будет причинен большой ущерб.[1] Эта деятельность, очевидно, не была эпизодическим явлением, потому что в письмах Матвеева об этом не один раз заходит речь. Так, в его письме от 26 мая 1709 г. мы читаем, что шведский и ганноверский министры „чрез все скважины всех возможностей своих у аглинских министров и где могут" стараются помешать намерению Августа II с войсками двинуться на помощь царю.

Сначала эти происки не встречали сочувственного отклика у английских и голландских деятелей, но с течением времени, когда из Восточной Европы стали приходить вести о русских победах и о тяжелом положении шведских войск, отношение англо-голландских кругов в Гааге к Северному союзу стало изменяться в неблагоприятную для северных союзников сторону. Руководители внешней политики морских держав при этом руководствовались разнообразными соображениями. Победа России и утверждение ее господства на Балтике могли неблагоприятно отразиться на торговых интересах английских и голландских купцов, лишив их тех выгод которые выпадают на долю купцов передовых наций, торгующих со странами отсталыми. Кроме того, военный разгром шведов был нежелателен и потому, что он явился бы нарушением европейского „равномерия" и привел бы к замене шведского господства на севере Европы еще более опасным русским господством. И, наконец, восстановление Северного союза и вступление его в войну против Швеции неизбежно должно было повлечь отзыв датских и саксонских войск, находившихся у морских держав. Общее количество этих войск

[1] Голландские дела 1708 г., д. № 3, л. 158.

достигало внушительной для того времени цифры в 30 000 человек, потеря которых неизбежно должна была ослабить позиции Великого союза в борьбе с Францией. Этот последний довод чаще всего приводился английскими и голландскими министрами, и он восстанавливал против Северного союза даже наиболее дружественных России лиц в гаагских руководящих кругах. Следует отметить, что вопрос об отношении морских держав к восстановлению Северного союза имел в то время решающее значение. Дания без согласия Англии и Голландии наотрез отказывалась вступать в войну против Швеции, твердо помня о Травендальском мире и не желая вновь увидеть под стенами Копенгагена англо-голландскую эскадру. А именно Дания, старинная соперница Швеции, обладавшая значительным флотом на Балтике, была наиболее важной для России союзницей.

Но этим не ограничивались те затруднения, которые пришлось испытать русскому послу в Гааге Матвееву в памятную весну 1709 г., когда, казалось, приближалась развязка двух великих конфликтов — войны за Испанское наследство и Северной войны, занимавших все силы и умы Европы в течение долгих девяти лет. К затруднениям, проистекавшим из того, что война за Испанское наследство продолжалась, присоединились опасения, вызванные тем, что она могла прекратиться со дня на день. Истощенная длительными, почти непрерывными войнами, которые велись в течение бесконечно длинного царствования Людовика XIV, внутренними восстаниями, голодом и эпидемиями последних лет, Франция не могла больше продолжать войну. Французское правительство шло на крупные уступки Великому союзу; французский министр иностранных дел де Торси весною 1709 г. лично прибыл в Гаагу для того, чтобы ускорить заключение мира. В широких кругах Англии и Голландии тяготение к миру было тоже очень велико.[1]

В связи с этими обстоятельствами шведский посол Пальмквист возобновил усиленные домогательства, чтобы после заключения мира морские державы оказали помощь Швеции по прежде заключенным договорам.

„Сих чисел уведал я, — сообщал Матвеев в письме от 26 мая 1709 г., что оной неприятельской министр чрез все пути своих пронырств тайно

[1] В донесениях Матвеева, относящихся к несколько более позднему времени, мы находим любопытное сообщение о восстаниях во Франции: „Прежние неудовольствованные камизарды или гугеноты почали опять мятеж чинить, и уже больше 7000 человек ружье приняли... Также и в знаменитом городе Лионе все мещане вооружилися и город заперли. Для чего довольное число мушкетеров и гардикоров от короля посланы из Парижа туды к упрочению оных мятежников. Что из того впредь учинится, свое научит время".

здесь королевы великобританской у министров у дука Мальбурга и у милорда Тоунзента и у стацких особ домогается остро силе прежних союзов и договоров, в прошлых годех учиненных между оных вышеупомянутых держав в Свеции, о посылке помочи впредь своему королю. Понеже сила оного союза и договоров тех прежних состоит вспомогать во время войны шведу против его неприятелей кораблями, людьми и деньгами, но Англия и Голландия при сей своей войне со Францией от того трактату будучи увольнены, по нонешном мире обязаны будут исследовать оные договоры".[1]

На полученные от морских держав субсидии шведские генералы предполагали нанять немецкие войска, которые должны были освободиться после заключения мира с Францией. Немало написал Матвеев мемориалов и провел конференций, убеждая ратпенсионария, „стацких особ", Мальборо и английских дипломатов не оказывать помощи Швеции и не мешать восстановлению Северного союза. Глава голландского правительства Гейнзиус отвечал русскому послу в мае 1709 г., что шведы еще не ставили официально вопроса о помощи по договорам и вряд ли смогут это сделать, потому что сами не выполнили своих обязательств.

В конце мая того же года Матвеев имел конференцию „зело пространную" с Мальборо, на которой обсуждались два основные вопроса: 1) как намерен ответить английский двор на шведские домогательства о помощи; 2) о невмешательстве в северные дела.[2]

Мальборо сначала подробно изложил свою точку зрения на ближайшие перспективы большой европейской политики. По его мнению, мир с Францией едва ли будет заключен в ближайшее время. Людовик XIV отказался выполнить пункты прелиминарного мирного договора об изгнании своего внука Филиппа V из Испании и о выводе оттуда французских войск. Но если бы даже и был заключен мир, то, в силу доброго расположения королевы к царю[3] и невыполнения шведским королем многих пунктов англо-шведского договора о взаимопомощи, Швеция навряд ли сможет получить помощь от Англии. Ответ Мальборо на второй вопрос передаем точными словами матвеевского донесения: „О короле Августе в сладких и коротких словах мне ответовал с такою силою что бы ни делалося обще с его ц. в. и того короля, оне сквозь персты смотреть то станут".

За невмешательство в северные дела высказался и амстердамский

---

[1] Голландские дела 1709 г., д. № 3, л. 152.

[2] Там же, л., 156 сл.

[3] В Англии в это время на престоле была королева Анна.

магистрат, с которым Матвеев вел переговоры об этом через посредство своего агента Фанденбурга.[1]

Между тем, шведские министры „неотступно домогалися", чтобы королева великобританская и Генеральные штаты „через грамоты собственные от себя возбранили" Августу II предпринимать поход в Польшу.

Осведомленный об этой деятельности, Матвеев снова принимает необходимые меры со своей стороны. 29 июня 1709 г. он имел „конференцию пространную" с великим пенсионарием, который весьма доброжелательно отнесся к русским интересам и объявил Матвееву, что на свои домогательства шведский посол не получил от Штатов никакого ответа. На этой же конференции Матвеев, „по прежним его величества указам", снова настойчиво требовал, чтобы „Статы Генеральные в северные те дела посторонние им мешаться отнюдь не изволили", на что пенсионарий охотно согласился.

Из этого свидания Матвеев вынес впечатление, что „их, Статов, никакой воли нету вмешиваться в те наши северные дела, ни возбранять королю Августу в намерения его".[2]

Тем временем северные переговоры шли своим чередом. Из Дрездена оба короля направились в Потсдам, где происходили пышные празднества в честь трех Фридрихов. Среди этих увеселений 15 июля (н. ст.) 1709 г. был заключен договор между Данией, Саксонией и Пруссией, который, по отзыву Дройзена, „leer genug war".

Но по сведениям, полученным голландским правительством, Потсдамский договор был заключен якобы на следующих условиях: королю Августу оказывается всеми союзниками помощь для восстановления его на польском престоле, Дании — для возвращения Сконена и других, отнятых у нее шведами, провинций; „королю прусскому в награду оного обязательства уступлены имеют впредь быть польское Прусы в вечность".[3]

Одновременно с этими сведениями в Гааге получили широкое распространение слухи о том, что король Август во главе 14000 войск двинулся в Польшу на соединение со вспомогательными царскими войсками под командою генерала Гольца, находившимися недалеко от Кракова, и с гетманом Синявским.

Как же реагировали гаагские правящие круги на эти военные и дипломатические северные новости? Полученные Матвеевым „из

---

[1] Голландские дела 1709 г., д. № 3, л. 477.

[2] Голландские дела 1709 г., д. № 3, письмо Матвеева от 1 июля 1709 г., л. 471.

[3] Там же, л. 221.

секретов статских" сведения показывают, что съезд трех Фридрихов в Потсдаме вызвал большие подозрения у голландского правительства. Эти подозрения особенно усилились после того, как с последней почтой от голландского посла Линтело из Берлина пришли известия, что „будто между оных трех королей алианция такая делается к общему намерению против шведа, а к убытку и помешке дел союзничьих".

Обеспокоенные Штаты послали своим представителям в Берлин, Копенгаген и Дрезден распоряжения разузнать об истинных намерениях договаривающихся держав. Если окажется, что это соглашение предусматривает отзыв наемных войск с англо-голландской службы, то заключению его надо всячески препятствовать. „Если же они, короли, не дотыкаясь отнюдь до их Штатов дел ни в чем, особливо из себя что хотят учинить и без позыву из их службы своих ратей к своим собственным пользам, чтобы они, министры их стацкие, в те их партикулярные дела их союзу, ни договоров не мешалися".[1]

Очевидно, полученные сведения успокоительно подействовали на настроения голландских правящих кругов, потому что при свидании с Матвеевым во второй половине июля, когда речь зашла о съезде трех королей, ратпенсионарий откровенно заявил, что он не ожидает практических результатов от датского и прусского королей, разве только от Августа II можно ожидать каких-либо действий. „Но от стороны дацкой и прусской он, г-н пенсионарий, в таком показал себя быть мнении о оных делах, что по лехким их принцов предприятиям меньшего скутку чает, разве больше от короля Августа".[2] Эти слова Гейнзиуса свидетельствуют об его хорошей осведомленности и проницательности. Союз трех Фридрихов, заключенный 15 июля 1709 г., действительно, оказался бесплодным. За выступление против Швеции Пруссия потребовала дорогой цены — раздела Польши. Получив отказ, она ограничилась тем, что заявила о своем нейтралитете в северных делах.[3]

Мы рассмотрели деятельность русской дипломатии в непосредственно предшествовавший Полтавской победе период в тогдашнем крупнейшем политическом центре — Гааге. Эта деятельность была направлена на то, чтобы побудить морские державы не препятствовать восстановлению разрушенного Альтранштедтским трактатом Северного союза. Обсуждался этот вопрос во многих столицах Европы, но решиться он должен был в Гааге, потому что без согласия морских держав Дания наотрез отказалась выступить против Швеции.

---

[1] Голландские дела 1709 г., д. № 3, л. 473, письмо Матвеева от 1 июля 1709 г.
[2] Там же, 1709 г., д. № 3, л. 212, письмо Матвеева от 19 июля 1709 г.
[3] Droysen, op. cit., T. IV, Abt. I, S. 336.

В гаагских дипломатических кругах русские военные успехи к весне 1709 г. начали уже возбуждать опасения, что Россия чрезмерно усиливается и это может повести к неприятным для морских держав последствиям. Эти невыгодные для России настроения усиливались враждебной деятельностью не только шведского, но и прусского и ганноверского дипломатических представителей в Гааге. Пруссия была всерьез обеспокоена быстрым ростом военной мощи России и ее влиянием в Польше. Однако возможность поражения шведов казалась маловероятной, а торговые связи морских держав с Россией были слишком значительны, чтобы без крайней нужды рисковать ими, озлобляя Петра противодействием его дипломатическим планам. Что касается Голландии, то там существовали ещё особые политические причины, побуждавшие республику поддерживать дружбу с русским правительством: голландско-прусское соперничество из-за Гельдерна и выморочных имений Вильгельма III (Оранского) заставляло Голландию искать русской помощи против Пруссии и Ганновера.

В связи со всеми этими обстоятельствами, в гаагских правящих сферах в рассматриваемый период решено было не вмешиваться в северные дела и в дипломатической деятельности северных союзников усматривать разумный противовес Карлу XII. На эту же точку зрения встала и часть английских государственных деятелей. Эти благоприятные для России результаты не пришли сами собой; они были достигнуты с помощью напряженной неустанной деятельности петровских дипломатов. Русский посол в Гааге — умный, наблюдательный и очень общительный Матвеев — умело использовал систему дипломатического представительства и приемы дипломатического давления. В своей деятельности он пользовался поддержкой со стороны амстердамского купечества.

Следует отметить также, что в Гааге справедливо не придавали значения заключенным без участия России соглашениям между Данией, Саксонией и Пруссией. Россия же была занята тяжелой военной борьбой, исход которой был еще весьма сомнителен. Успокоенным сторонникам северного плана Мальборо летом 1709 г. казалось, что этот план находится ближе, чем когда бы то ни было, к своему полному осуществлению: Швеция и Россия были заняты длительным, истощающим обе стороны единоборством; силы Дании и Саксонии были отвлечены от „северной смуты“ и поставлены на службу Великому союзу. Неучастие датско-саксонских военных сил в Северной войне должно было, кроме того, служить гарантией против чрезмерного усиления России, должно было сделать невозможной её решительную победу над Швецией. Но Полтавская битва смешала все карты в этой дипломатической игре.

II

Полтавская битва произвела коренной перелом в международных отношениях. Прославленная шведская армия с её превосходным офицерским составом и блестящим генералитетом перестала существовать, — она частью была уничтожена, частью сдалась в плен русским. Создать вторую подобную армию Швеция не смогла, вопреки надеждам Карла XII и стараниям Стенбока. Швеция навсегда потеряла свое значение великой военной державы. А вслед за этим она должна была потерять и свое дипломатическое значение, свое место в семье европейских держав, закрепленное за нею договорами и соглашениями, которые были заключены ею с другими европейскими державами. Но эти соглашения не могли пасть сами собой; их надо было уничтожить дипломатическим же путем и с помощью дипломатических средств.

На одно из первых мест в Европе теперь выдвинулась новая великая военная держава — Россия, представлявшая собою гораздо более грозную силу, чем ее уничтоженная соперница. Россия обладала огромной для того времени стотысячной армией, овеянной славой Полтавской победы. Сколько раз в тяжелые годы русских военных неудач с горечью писал Матвеев из Гааги в посольскую канцелярию о том, что нужны победы, нужны военные победы для того, чтобы придать вес русским дипломатическим предложениям. Чутьем крупного дипломата Матвеев угадал закономерную связь, существующую между различными видами политических отношений и политических средств. Дипломатия, лишенная военной поддержки, неизбежно вырождается в бессильное интриганство.

В свою очередь, дипломаты имеют свои задачи, в число которых входят: во-первых, задача обеспечить своей стране наиболее выгодные международные условия военной борьбы (во-время распознать врага, постараться изолировать его, привлекая на свою сторону одни государства в качестве союзников и обеспечивая нейтралитет других); во-вторых, во-время и с наибольшей выгодой для своей страны закрепить результаты военных побед международными соглашениями; в случае неудачи надлежит с помощью тех же средств смягчить последствия поражения.

Полтавская победа создала для русских дипломатов такие возможности, о которых прежде они не смели даже и мечтать, но она же воздвигла перед ними новые трудности и опасности; объем деятельности расширился, задачи и средства чрезвычайно усложнились. Невозможно сейчас с полной достоверностью разрешить вопрос о том, каковы были замыслы Петра после Полтавы, — ограничивал ли он свою задачу утверждением России в Восточной Прибалтике или уже видел себя в недалеком будущем владетелем Карлскроны и Киля. Журналисты того

времени склонны были приписывать Петру замыслы самые грандиозные. Наоборот, русские дипломатические документы, может быть не без тайного умысла, усиленно подчеркивают умеренность политических планов Петра. Эта умеренность обычно противопоставляется заносчивости и необузданности Карла XII, столь опасного для своих соседей нарушителя международных соглашений, внесшего огонь войны в империю, стремившегося к полному разрушению Русского государства.

В наказе, данном кн. Б. И. Куракину перед его отъездом в Ганновер для переговоров о союзе с будущим английским королем Георгом I, указывается, что Петр преследует цели не разрушения Шведского государства, а только ограничение Швеции ее „прежними терминами".

Что́ имело здесь в виду русское правительство, — об этом можно судить на основании той части наказа, где речь идет о заключении между Россией и Ганновером наступательного союза против Швеции. Куракину предписывалось прямо заявить, что Россия обязуется поддерживать притязания Ганновера на соседние с ним Бремен и Верден. Последующий ход борьбы со Швецией надлежало обрисовать в следующий чертах: Ганновер будет добывать Бремен и Верден, „а шведские силы в Лифляндах и Финляндах будут от его царского величества войск развращение иметь, а в Шонине и Норвегии от датцкого. Итак могут они то дело лехко и вскоре при помощи Божией окончить, и, получа всяк свое намерение, принудить шведа к миру".[1] Следовательно, при заключении этого мира от Швеции продполагалось отторгнуть все или почти все ее не-шведские провинции.

Очевидно, то же подразумевал и Витворт, когда в январе 1710 г. он писал из Москвы в Англию, что северные союзники „стремятся к полной гибели Швеции".[2] Здесь имеется в виду гибель Швеции как великой державы, величие которой, добавим от себя, было основано на несправедливых захватах, систематически осуществлявшихся в течение полутора столетий с помощью грубой военной силы.

Обстоятельства момента требовали от русского правительства как можно меньше говорить о своих конечных целях. Поэтому русская дипломатия с удвоенной энергией сосредоточила внимание на очередных задачах, которые в основном сводились к следующему:

1) восстановить Северный союз, возобновив договоры о наступательном союзе против Швеции с Данией и Августом II, а на это прежде всего нужно было получить согласие гарантов Травендальского и Альтранштедтского договоров, Англии — и Голландии;

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 24. Наказ кн. Куракину.

[2] Донесение Ч. Витворта статс-секретарю Бойлю от 12 января 1710 г. Сборн. РИО, т. L, стр. 30.

2) расширить Северный союз путем присоединения к нему государей, прежде занимавших нейтральную или даже враждебную позицию по отношению к северным союзникам;

3) принять меры для предотвращения помощи, которая могла быть оказана Швеции в силу прежде заключенных договоров морскими державами и имперскими князьями.

Русское правительство, естественно, не могло рассчитывать, что его планы встретят общее сочувствие в европейских дипломатических кругах. Превращение России в великую державу нарушало привычное, установившееся в Европе равновесие, „балянцию", о которой Рагоци не без ядовитости говорил Куракину в 1711 г., что это не „балянция, но склявтиа всех под Англией и Голландией". Кроме того, в своей традиционной балтийской политике Англия привыкла поддерживать Швецию в противовес Голландии, помогавшей исконной шведской сопернице на Балтике — Дании.

Ввиду всего этого следовало ожидать, что дипломатические усилия великих европейских держав будут скорее направлены на то, чтобы умерить и умалить значение Полтавской победы.

В связи с этим война за Испанское наследство, отвлекавшая внимание и силы великих держав, попрежнему продолжала иметь для России первостепенное значение. А необычайно возросший после Полтавской битвы дипломатический престиж России позволял ей поставить теперь еще одну первоочередную задачу: принять участие в разрешении вопросов большой европейской политики, в борьбе между Францией и Великим союзом, с целью продлить этот конфликт, по крайней мере, до того времени, когда удастся заручиться у одной из враждующих сторон согласием гарантировать России сделанные ею в Северной войне завоевания. В дальнейшем это привело к возобновлению вопроса о вступлении России в Великий союз, а также к возникновению нового вопроса, который не стоял и не мог быть поставлен в дополтавский период: о посредничестве Россия в мирных переговорах между Францией и Великим союзом.

Английскому послу Витворту рассказывал один его приятель, только что вернувшийся из русской армии, что при нем царь и министры радовались слухам о французской победе, а также будто царь выражал желание, чтобы английскому правительству еще три года не удалось заключить мир; царь опасается, как бы в противном случае Англия не поддержала Швецию. Ввиду этого он старается восстановить союз с Августом II, Данией и Пруссией.[1]

[1] Сборн. РИО, т. L, стр. 249, 250. Донесение Витворта Байлю от 8 сентября 1709 г. из Москвы. О стараниях царя заключить „большой союз" с Августом II, королями

Но главным доказательством того, что эти задачи действительно были поставлены и осуществляемы русской дипломатией, являются излагаемые мною ниже переговоры в Гааге и Москве, в Копенгагене и Ганновере. Ознакомимся же с той обстановкой, в которой они происходили; посмотрим, как дошли вести о Полтавской победе в Западную Европу и как они там были приняты.

Официальные вестники Полтавской победы — русские курьеры, отправленные в Гаагу с поля битвы под Полтавой, прибыли в этот крупнейший дипломатический центр тогдашней Европы с большим опозданием. Порвый из них, посланный на следующий день после „преславной виктории", задержался в пути, а второй — капитан Михаил Острогардин — прибыл в столицу Голландии только 15 августа. Так что первая весть о великой победе пришла к Матвееву кружным путем и позже, чем к другим аккредитованным при голландском правительстве послам. Только 25 июля Матвеев получил из Дрездена от де Лита письмо, содержавшее подробности Полтавского боя с приложением копии царского письма, написанного 27 июня 1709 г. командиру русского корпуса в Польше лейтенант-фельдмаршалу Гольцу.

На следующий же день обрадованный Матвеев, который до этого ничего не мог сказать нового осаждавшим его дипломатам, отправился к ратпенсионарию. Последний, очевидно, все же сомневался в достоверности известия и жалел, что Гольц не отправил специального курьера в Гаагу, „как для славы его ц. в., так и для осторожности всяких таковым учреждением от стороны противной будущих рассевательств". Действительно, Пальмквист и его приспешники усиленно распространяли слухи о том, что известие о Полтавской победе вымышлено с целью побудить Августа II двинуться с войсками в Польшу на помощь царю.

Наконец, 15 августа прибыл долгожданный курьер с письмом от канцлера Головкина, написанным „из обозу от Полтавы" 9 июля. Матвеев немедленно сообщил об этом Гейнзиусу и затем отправился к нему, взяв с собой и курьера М. Острогардина, „яко бы очевидного свидетеля бывшего той всеславнейшей виктории".

Около часу длился разговор; пенсионарий подробно расспрашивал капитана и „несказанно удивлялся тому, что как малым часом самым оной бой окончался над такими знатными воины свейскими".

После того Матвеев, как требовали дипломатические приличия того времени, сообщил всем иностранным послам, проживавшим в Гааге, о полученном известии. В ответ дипломаты нанесли Матвееву визиты:

датским и прусским Витворт пишет также в одном из своих предыдущих писем (там же, стр. 246).

одни — поздравляя с победой, другие — только благодаря за извещение. Лишь один австрийский посол ограничился присылкой своего помощника. Английский посол приехал лично поблагодарить за извещение, но с победой не поздравил, ожидая указания на то от своего двора. Генеральные штаты прислали поздравление на словах через агента Розенбома.

Известие о Полтавской победе, на этот раз как совершенно достоверное, было помещено в газетах и внесено „в историчные книги". Кроме того, были изданы отдельные печатные „реляции".

Устройство торжественных банкетов и фейерверков было несколько отложено до получения денег из Амстердама. Они состоялись только 27, 28 и 29 сентября, зато были устроены с подобающей торжественностью. „Фейерверк, банкеты и балы отправлены 3 дня были здесь при Господней помощи со всяким удовольством", — доносил Матвеев в посольскую канцелярию. В первый день на банкете у русского посла присутствовали президент недельный Вихерс и „весь корпус господ. Статов Генеральных". На второй день был устроен банкет для иностранных послов, аккредитованных при голландском правительстве, „из которых многие помраченным себя оказали видом, однако же наружно видилися все быть довольны". На третий день у Матвеева угощались „всякого чину люди потребные в Московской компании амстердамские купцы".

Удачно прошли, по описанию Матвеева, и публичные празднества. Был устроен фейерверк и „изображения живописные с фигурою виктории", с надписями, прославляющими Петра и поносящими шведов. На празднествах наблюдалось большое стечение народа. По несколько, может быть, преувеличенному заявлению Матвеева, „в тот час, когда фейерверк горел, такое многочисленное собрание было, каково от многих времен из всех краев Голландии стечения сему подобного не бывало". Пальмквист пытался воспрепятствовать празднованию „преславной виктории" и подал мемориал Штатам, требуя „в сильных терминах", чтобы публичные торжества были отменены, но голландское правительство ответило, что, соблюдая нейтралитет, оно в это дело вмешиваться не может.[1] В императорской столице Вене, под тем же предлогом — ссылки на нейтралитет, публичное празднование Полтавской победы было отменено.

Известие о Полтавской победе, о полном уничтожении главной шведской армии и пленении её талантливых генералов произвело сильнейшее впечатление в европейских дипломатических кругах. В Гааге удивлялись „от многих веков о несообразимой такой виктории";

[1] Голландские дела 1709 г., д. № 3, лл. 212, 213, 214, 258, 259, 265, 273, 291; д. № 4, лл. 91, 121.

В Лондоне впали в меланхолию.[1] В Берлине приходили в ужас от „Полтавской катастрофы", по красноречивому выражению Дройзена. В Копенгагене и Дрездене искренне радовались. „Преславная виктория" чрезвычайно оживила все подозрения и опасения, которые и прежде вызывались усилением России у ее врагов и соперников.

Больше всего в руководящих кругах Великого союза опасались того, что русская победа вдохнет действительную жизнь в „легкие предприятия принцев", Северный союз будет восстановлен, война против Швеции разгорится с новой силой и результатом будет отзыв датских, саксонских, а может быть, и других немецких войск со службы у морских держав. Но, наряду с растущим недоверием к России, жива была еще память об унизительных паломничествах в Альтранштедт. Поэтому, когда в Западной Европе узнали, что Карл XII, которого сначала считали погибшим, жив и находится в турецких владениях, то многие начали подумывать о том, что шведский король, опираясь на корпус Крассова,[2] может снова вторгнуться в Германию и усилиться за счет Силезии, как он незадолго перед этим усилился за счет Саксонии.[3]

Кроме того, война с Францией, которая недавно казалась близкой к концу, возгорелась с новой силой. Франция и Испания отвергли унизительные условия мира и с необычайным мужеством и самоотверженностью шли на все жертвы, чтобы еще раз выставить сильную армию против врагов. Это связывало руки морским державам и вынуждало их итти на уступки северным союзникам. Не без иронии писал об этом Матвеев Долгорукому в своем письме от 20 августа 1709 г.: „Склонность здешняя к нашим пользам множится, и не имеют рук свободных при случае сей войны ничему мешать".[4]

После Полтавской битвы морские державы, не будучи в состоянии воспрепятствовать восстановлению Северного союза, стремились ограничить его. Они не возражали против заключения союза между Петром и Августом II, — против этого и невозможно было возражать. Уже в июле 1709 г. Август двинулся на восток, а 2 августа вице-канцлер Шембек написал Матвееву письмо из польского обоза, сообщавшее о вступлении

---

[1] Осенью 1709 г., по своем приезде в Гаагу, Мальборо первый нанес визит русскому послу. Матвеев „из всех его дискурсов нашел его тово же цвету, как был, только во многом перед прежним усмотрел его быть мелянхолии. По всем ведомостям ныне из Англии, в великом смущении тот двор о подвигах северных находится" (из письма Матвеева).

[2] Шведский вспомогательный корпус, находившийся в Польше; после разгрома шведской армии под Полтавой укрылся в Померании, куда проник через Пруссию.

[3] Голландские дела 1709 г., д. № 3, лл. 214, 215, 225.

[4] Там же, д. № 4, л. 91.

Августа в Польшу, причем „множество вельмож" перешло на его сторону, и в том числе влиятельный магнат Януш Вишневецкий.[1]

Впрочем, английское правительство и здесь не торопилось с уступками и неодобрительно отнеслось к поступку Генеральных штатов, принявших в августе 1709 г. от саксонского посла грамоту „Августа II, короля польского, с титлою и гербом того королевства". Принятие этой грамоты означало, что Голландия открыто поддерживает политику царя в польском вопросе.[2]

Но против вступления Дании в Северный союз морские державы решительно протестовали, опасаясь отзыва датских войск со своей службы и не желая, чтобы Дания стала господином Зунда. 4 августа Матвеева посетил датский министр Фабриций и сообщил, что „Англия весьма наговаривает Статам, чтобы все меры принимать к препятию оного соединения его короля с его ц. в. и сие дело по прежним примерам не допустят, чтоб король датцкой свой флот выслал против шведа".[3] Для того чтобы побудить английское правительство изменить свою северную политику, Фабриций требовал запрещения русской торговли с Англией. Что касается этого последнего средства, то Матвеев еще в июле получил указ Петра, данный 19 мая 1709 г. под Полтавой и разрешавший русскому послу в том случае, если Великий союз будет противодействовать северным переговорам, угрожать разрывом торговых отношений. Но сделать это следовало только в том случае, если Дания действительно вступит в союз.[4]

В сентябре 1709 г. другой датский министр, фон Штекен, заявил Матвееву, что без согласия Голландии его король не может пойти на возобновление русско-датского союза. Тогда Матвеев посетил Гейнзиуса и был „на пространных разговорах с великим пенсионарием". Но тщетно пытался русский дипломат убедить руководителя голландской внешней политики не препятствовать вступлению Дании в Северную войну. Матвеев указывал на то, что существующая между Россией и Данией древняя дружба не может помешать войне Голландии против Франции. Наоборот, республика заинтересована в усилении Северного союза, потому что Швеция находится в дружественных отношениях с Францией.

Однако пенсионарий остался непоколебим. Он отвечал, что Штаты также питают к Дании дружественные чувства. Что же касается шведского короля, то он находится далеко, и, кроме того, в Гааге знают, что „граф

---

[1] Голландские дела 1709 г., д. № 4, л. 107.

[2] Там же, л. 96, цитирую по донесению Матвеева.

[3] Там же, л. 83, 84, донесение Матвеева Головкину от 5 августа 1709 г.

[4] Голландские дела 1709 г., д. № 4, л. 64.

Пипер и иные министры по всем тайным и верным к ним ведомостям есть внутренними французов друзья". Но небезызвестно и то, что Штаты „для соблюдения своих интересов имеют также с короною швецкою союз и договоры". Если Дания начнет войну против Швеции, то Голландия обязана помогать Швеции, иначе шведский король найдет повод, чтобы „в Германии предосуждения чинить к пользе Франции", зная о беспомощности цесаря. К тому же, по последним сведениям, генерал Крассов со шведским войском, вместо того чтобы итти в Саксонию (как он сначала предполагал), двинулся в Померанию, чтобы быть готовым к защите Сконена. Следовательно, если Дания вступит в войну и попытается вернуть себе эту провинцию, то ей понадобятся все её военные силы, и она отзовет свои войска с англо-голландской службы.

Кроме того, датско-прусское сближение побудит ганноверского курфюрста также отозвать свои войска, которые ему потребуются „для обороны своей и по обязательству союзов с шведом". Все это чрезвычайно затруднит войну с Францией. В числе других доводов ратпенсионарий сослался также на то, что морские державы „гварантирами есть миру Травендальского". В заключение он заявил, что если бы не нынешняя война с Францией, то Голландия не возражала бы против вступления Дании в Северный союз и сама бы оказала ей помощь, но в настоящих условиях голландское правительство на это никак не может согласиться. Поэтому-то он, пенсионарий, на последней конференции с датским министром сказал ему, „чтобы гораздо рассмотря в то дело вступал его король и вместо прибытка великого предосуждения себе самому и им, Статам, не учинил, чего им поворотить впредь отнюдь невозможно будет". Не повлияли на ратпенсионария ни обещание русской дружбы, ни обещание помощи в затруднительных обстоятельствах.[1]

Итак, заявление о голландской помощи Дании в отдаленном будущем было ничего не значащим обещанием, а запрещение Дании вступать в Северный союз было категорическим. Отношения между морскими державами и северными союзниками обострились до такой степени, что в англо-голландских правящих кругах снова начали возникать проекты относительно посылки эскадры на Балтийское море. В октябре 1709 г. Матвеев имел „в острых терминах пространную конференцию" с английским послом и великим пенсионарием. Русский представитель решительно заявил своим собеседникам, что если их правительства примут тайно „тягосное решение" и пошлют свой флот против датского короля, „древнего царского величества союзника", то царь будет всячески

[1] Голландские дела 1709 г., д. № 4, лл. 115—116, донесение Матвеева Головкину от 23 сентября 1709 г.

помогать Дании. И Гейнзиус, и Тоунзент были смущены словами Матвеева и всячески старались загладить свои угрозы.[1]

Вскоре после этой „острой" конференции мы видим Матвеева в Амстердаме. Петровская дипломатия не раз искусно пользовалась децентрализацией в государственном устройстве Генеральных штатов. Амстердам и на этот раз не обманул ожиданий русского дипломата. В письме, написанном оттуда В. Л. Долгорукому в Копенгаген, Андрей Артамонович сообщает, что амстердамский магистрат „в добром намерении к нашим интересам есть", бургомистры обнадежили Матвеева, а один из них, Корвер, нанес ему визит, „чего он ни дуку Марлеборугу не учинил николи".[2]

Еще более упорное сопротивление восстановлению Северного союза оказывали Англия и Голландия в Копенгагене, где над этим в течение нескольких лет трудился русский посол при датском дворе В. Л. Долгорукий. Стремление взять реванш за Травендальский мир здесь было очень велико, и поэтому за русскими военными успехами следили с нескрываемым сочувствием, а весть о Полтавской победе была принята с искренней радостью. Когда Долгорукой сообщил королю Фредерику IV об этой победе и о последовавшем за ней вступлении Августа II в Польшу, то король сказал, что и он желает обновить старый союз с царем и вступить в войну против шведов, но при этом заметил, что английское правительство упорно держит шведскую сторону, ссылаясь на свои договорные обязательства со Швецией. Долгорукой на это ответил, что Англия не в силах выполнить своего намерения по причине войны с Францией, а если бы война и кончилась, то английский парламент не скоро согласится ввести новые налоги и разоряться ради шведского короля. Вскоре после этого разговора Долгорукой узнал, что датское правительство ведет усиленные приготовления к войне со Швецией. Но дело затянулось благодаря усилиям английского и голландского послов, которые отговаривали датских министров и прямо грозили, что Англия и Голландия примут сторону Швеции, а тогда датский король вместо приобретения чужого может свое потерять; если же он воздержится от войны до заключения мира между Великим союзом и Францией, то союзники обещают и без войны доставить ему Сконен.

Однако все попытки воспрепятствовать восстановлению Северного союза потерпели фиаско. Полтавская победа сильно увеличила шансы русской дипломатии, а десять лет предыдущей напряженной непрерывной

[1] Голландские дела 1709 г., д. № 4, письмо Матвеева от 8/19 октября 1709 г. В. Л. Долгорукому.

[2] Там же, л. 127.

деятельности в крупнейших политических центрах Европы расширили кругозор, обогатили опыт, изощрили приемы петровских дипломатов. Октябрь 1709 г. был месяцем крупных русских дипломатических успехов: 9/20 октября в Торуни был заключен договор между Петром I и Августом II, по которому царь обещал помочь Августу II утвердиться на польском престоле, а король обязался помогать царю против всех его неприятелей; 10/21 октября Долгорукий в Копенгагене заключил договор с Данией[1] о возобновлении союза против Швеции.

В своих записках о шведской войне[2] Б. И. Куракин рассказывает, что после победы под Полтавой русским правительством был составлен план заключения наступательного союза с Пруссией, Данией и Польшей. В Берлин с этим предложением был отправлен попавший в плен у Переволочны прусский резидент при шведской армии. К Августу II был также отправлен гонец „с последним письмом, дабы учинил последнюю резолюцию о своем возвращении до Польши"

Царь торопился к войскам в Курляндию, куда были направлены после Полтавской победы главные силы русской армии для осады Риги — осады, затянувшейся затем почти на год. Но всё же было решено предварительно побывать в Польше, и „ежели Август поворотится, постановить, и противную партию ласканием и любовью превратить, и постановить вечный алианс, и потом, возвратясь до Прус, видеться с королем прусским и с датским и со всеми ими учинить алианс против неприятеля шведа, и одолжить разобранием от него завладеющих некоторых мест".

Последняя фраза из приведенной цитаты указывает на то, что будущих союзников предполагалось вознаградить за наступательный союз против Швеции предоставлением им некоторых не шведских земель, в свое время захваченных Швецией.

Встреча Петра с Августом состоялась в Торуни, куда Петр прибыл со своей свитой водным путем по Висле. В расстоянии полумили от города Петр был встречен Августом II и всем польским сенатом. По настояниям царя, во время его пребывания в Торуни сторонники русской партии в Польше получили высокие назначения. Потей был назначен великим гетманом коронным, граф Денгоф — гетманом польным и т. д. „Кратко опишу, — замечает Куракин, — что сия бытность обоих потентатов вельми удивила, какою низостью и почтением и без всякой отмолвки во всём послушностью был король Август к царскому величеству так, яко бы подданному".

Что касается Пруссии, то она осталась верна своей обычной двой-

---

[1] Полное собрание законов, № 2237.

[2] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. I, стр. 325—326.

ственной политике. Прусское правительство не сделало ни одной серьезной попытки, чтобы воспрепятствовать корпусу Крассова пройти из Польши в Померанию, несмотря на то, что вступление шведов в прусские владения было прямым нарушением прусского нейтралитета в Северной войне, который Фридрих I обязывался соблюдать по только что заключенному с Данией и Саксонией Потсдамскому договору. Когда в октябре 1709 г. полки Крассова пересекли прусскую границу у Калиша и двинулись к Штетину, Фридрих I ограничился тем, что поспешил в Мариенведер на свидание с Петром.

Прусский король надеялся получить согласие царя на осуществление своего излюбленного проекта, который льстецами прусского двора холопски именовался „великим намерением". Это был проект польского раздела, составленный таким образом, что от него выигрывала только Пруссия; Лифляндия предназначалась Станиславу Лещинскому, польская Пруссия и Курляндия — Пруссии, Варшава с округом и Литва — Августу II, Петербург — России, Сконен — Дании, Верден — Ганноверу. Межеумочный проект, пытающийся „объять необъятное", примирить интересы Северного союза и его смертельных врагов, оставляющий полтавской победительнице, руководящей державе Северного союза — России из её завоеваний только то, что она старалась сохранить за собой даже в тяжелые, черные дни Северной войны в 1707 г. Согласие Петра на осуществление этого проекта — такова была та цена, которую прусское правительство хотело получить за помощь против Крассова. Внешне свидание прошло дружески, оно сопровождалось излияниями чувств со стороны обоих монархов. Петр I даже подарил прусскому королю свою полтавскую саблю. Но Фридрих I и его министры были сильно задеты уверенным и твердым тоном царя в деловых вопросах, тоном политического деятеля, сознающего себя господином положения. Петр дал почувствовать прусскому королю его ответственность за то, что Крассов ускользнул; проект польского раздела он нашел „непрактичным" и ограничился присоединением к Потсдамскому договору Дании, Пруссии и Саксонии от 15 июля 1709 г.[1]

Восстанавливая против желания морских держав Северный союз, Петр I был вынужден пойти на известные уступки Англии и Голландии. Поэтому 22 октября 1709 г. Россия и её союзники обратились к державам Великого союза с декларацией, в которой обязывались не вносить войны в Германию и не отзывать датских и саксонских войск с англо-голландской службы при условии, что Великий союз даст гарантию „в севере воюющим союзникам" в том, что они не будут атакованы

[1] С. М. Соловьев, цит. соч., кн. III, стр. 1559—1564; Droysen, op. cit., S. 340.

шведами из их имперских владений и что в последних не будет сосредоточено большого количества войск.[1]

Эта декларация и легла в основу акта о нейтралитете, подписанного в Гааге 31 марта 1710 г., вопреки утверждению Дройзена, приписывавшего инициативу прусскому правительству, которое в ноябре 1709 г. через своего посла в Голландии Шметтау предложило объявить нейтральными шведские владения в империи. Сделать это было тем более необходимо, что после нерешительной битвы у Мальплаке, в которой французские войска проявили необычайную отвагу и доблесть, а часть немецких войск Великого союза („ганноверские труппы") струсила и отказалась вступить в бой, многие в Европе снова ожидали близкого окончания войны за Испанское наследство. В этих условиях было бы безумием итти на разрыв с могущественными морскими державами, зная о старинных дружественных франко-шведских связях.

Итак, решающую роль в восстановлении Северного союза сыграла Полтавская победа, прекратившая колебания северных союзников. Но и после „преславной виктории" морские державы, молчаливо соглашаясь на выступление короля Августа, настойчиво сопротивлялись присоединению Дании к Северному союзу. Одно время в англо-голландских кругах снова возникает намерение послать эскадру в Зунд на помощь Швеции.

Этим притязаниям Великого союза русская дипломатия оказала энергичное сопротивление. При этом ею было проявлено правильное понимание международной обстановки, трезвый учет сил отдельных стран, уменье отстоять основные интересы свои и своих союзников, соединенное с умением во-время пойти на компромисс. Твердым заявлением о том, что союзной Дании будет оказана всяческая помощь в случае нападения на нее морских держав, Россия удержала Англию и Голландию от выступления, и Северный союз был восстановлен в октябре 1709 г.

Одна дипломатическая задача, состоявшая перед русским правительством, — восстановить Северный союз — была выполнена. Но для этого пришлось пойти на практический компромисс: оставить лучшую часть датских и саксонских войск на службе Великого союза и существенно ограничить свободу своих стратегических планов. Зато датский флот теперь снова поступал в распоряжение Северного союза, и шведы теряли свободу действий на Балтийском море, что было в высшей степени важно, так как русская балтийская эскадра была еще очень невелика.

Кроме того, восстановление Северного союза имело важное дипломатическое значение. Оно означало, что морские державы признали

[1] Датские дела 1710 г., д. № 3, лл. 149—156.

de facto уничтожение Травендальского и Альтранштедтского договоров, так как они не заявили протеста по поводу восстановления наступательного союза между Россией, Данией и Польшей.

III

Вторым крупным успехом русской дипломатии было заключение оборонительного союза с ганноверским курфюрстом и наследником английского престола, будущим английским королем Георгом I. Следует отметить, что сторонники ганноверской династии — виги — в области внешней политики дружественно относились к России. Это подтверждается общими действиями английских министров вигов и русских дипломатов в Гааге и Константинополе. В противоположность этому, тори, враждебно относившиеся к воцарению Георга, известны были своей шведской ориентацией. У Петра и Георга были общие друзья и общие недоброжелатели внутри Англии; это должно было облегчить их взаимное сближение.

Заключение союза между Россией и Ганновером, одним из крупнейших протестантских государств Германии, представляло нелегкую задачу. В первую половину Северной войны, до Полтавской победы, Ганновер поддерживал Швецию. Этому способствовали политические традиции, сложившиеся еще в XVII в. Ганновер связывали со Швецией двойные узы дружбы: во-первых, они сообща и вместе с другими протестантскими государствами Германии выступали против императора и католических немецких князей, и, во-вторых, Ганновер и Швеция опирались друг на друга в своих пограничных спорах с Данией и Пруссией.[1] В 1698 г., который Ченс справедливо называет годом союзных договоров для Швеции,[2] среди европейских государств, заключивших оборонительный союз с Карлом XII, был и Ганновер. Два года спустя мы видим ганноверского курфюрста в числе гарантов Травендальского мира. Но после Полтавской победы Россия заняла в кругу европейских держав то место, которое прежде принадлежало Швеции. В соответствии с этим должны были измениться настроения, расчеты и планы европейских дипломатов.

Новые веяния коснулись и Ганновера; они побуждали курфюрста Георга изменить направление своей внешней политики; к этому был

---

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. IV, стр. 183—184. Письмо Куракина от 19 января 1710 г.

[2] J. F. Chance, England and Sweden in the time of William and Anne, English Historical Review, 1901, v. XVI, p. 686.

склонен и первый министр Бернсдорф. Но поворот этот осуществлялся осторожно, с оглядкой на прошлое, что не укрылось от проницательного взора Куракина. „Также хотя и самого электора, — писал он Головкину из Ганновера, — пред тем вижу несколько себе склонна, токмо политикою, которого и на то привела Полтава".[1]

Ослабление Швеции подавало Ганноверу надежды на присоединение к себе соседних земель — Бремена и Вердена, находившихся под властью Швеции. Перед этой блестящей перспективой меркло значение поземельных споров с Данией. Но более осторожные люди при ганноверском дворе полагали, что потерпевшая поражение Швеция должна пойти на большие уступки и можно будет исподволь приобрести желаемое сначала в залог, а затем и в постоянное владение. В только что цитированном письме Куракин сообщал, что многие знатные лица относятся к нему, несмотря на все его старания, недружелюбно, в том числе и сын электора. Незадолго до приезда в Ганновер Куракина министр Августа II Ностиц вёл там переговоры о заключении наступательного союза против Швеции, предлагая в вознаграждение Бремен и Верден, но старания его успехом не увенчались.[2]

Решение завязать переговоры о союзе с Ганновером было принято русским правительством в Мариенведере. Здесь 23 октября 1709 г. был подписан „наказ г-ну подполковнику от гвардии и комнатному его царского величества г-ну князю Куракину".[3]

Борис Иванович Куракин принадлежал к числу виднейших дипломатов петровской эпохи. Это был человек больших государственных способностей, обладавший умом глубоким, проницательным и холодным. К этому времени он был уже достаточно искушен в делах военных и дипломатических. Он командовал гвардейским Семеновским полком в день Полтавского боя и немало способствовал нашей победе своей спокойной храбростью, умом и знанием военного дела. В характере его счастливо сочетались твердость офицера с гибкостью и изощренностью дипломата. Посланный в Италию в 1696 г. вместе с группой других спальников и стольников, он умело использовал свое пребывание там для своего просвещения и ознакомления с западноевропейскими нравами и обычаями. Но демократизм, присущий Петру и его приближенным, был совершенно чужд этому гордому князю, убежденному аристократу, досадливо отклонившему незадолго перед своей поездкой в Ганновер сватовство графа

---

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. IV, стр. 170. Донесение Куракина от 5 января 1710 г.

[2] Там же, кн. IV, стр. 151. Письмо Куракина Головкину от 23 ноября 1709 г.

[3] Там же, кн. II, стр. 22—26.

Г. И. Головкина — „сына его Александра за дочь мою — княжну Татьяну".[1]

Но и это последнее качество, немало вредившее Куракину при тогдашнем петровском дворе, переполненном людьми самой „низкой породы", могло только способствовать его успеху в Ганновере. К чинному ганноверскому двору как нельзя более подходила фигура гордого русского аристократа, способного часами одиноко прогуливаться по приемным комнатам дворца, чтобы только не уронить своего достоинства, обратившись первым к кому-либо из присутствующих или заняв неподобающее себе место.

Следует отличить также еще одну черту в умственном и нравственном облике Куракина. Этот слабый здоровьем и гордый человек, этот умный и тонкий скептик с холодным умом и пылким темпераментом, очень сильно любил свою родину. Несмотря на свое несогласие с отдельными приемами петровской политики, он навсегда связал свою судьбу с судьбами России и Петра.

Данный Куракину наказ предписывал ему по приезде в Ганновер прежде всего удостовериться, насколько правильны полученные от Урбиха сведения о том, что курфюрст и министры благожелательно относятся к России, а самое главное — выведать подлинные настроения первого министра Бернсдорфа, который, по слухам, неприязненно относится к Швеции. В том случае, если бы обстановка в Ганновере оказалась благоприятной, Куракину надлежало сделать второй шаг — испросить частную аудиенцию у курфюрста и на ней, после обычных приветствий и уверений в дружественных чувствах царя по отношению к курфюрсту, поставить вопрос о заключении русско-ганноверского союза, причем, в зависимости от проявленного курфюрстом расположения, посол должен был предложить наступательный союз или же оборонительный, а может быть, ограничиться только требованием того, чтобы Ганновер обещал соблюдать нейтралитет в Северной войне.

Если бы в Ганновере согласились заключить наступательный союз и начать войну против Швеции, то, в таком случае, Россия, по договору, брала на себя обязательство поддерживать притязания курфюрста на Бремен и Верден и не заключать мира с Швецией, пока эти земли не отойдут к Ганноверу.

В оборонительном же договоре речь должна была итти только

---

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. I, стр. 286. Это обстоятельство было, очевидно, причиной многих дальнейших служебных неприятностей, выпавших на долю Б. И. Куракина и побудивших его пойти на уступки. В 1717 г. он соглашается на брак своей младшей дочери Екатерины с сыном канцлера М. Г. Головкиным (там же, кн. II, стр. 397). Брак этот, однако, не состоялся.

о взаимных обязательствах относительно нейтралитета империи в Северной войне, а именно на таком основании, чтобы ему, курфюрсту, „шведов из немецких провинций ни против его царского величества, ни против его союзников датцкого и польского в земли их вступать не допускать, також и иных от того удерживать, чтоб помощных войск шведу не давали". Со своей же стороны, царь давал обязательство, что ни он, ни его союзники не вступят в имперские владения Швеции.[1]

Подписанный Г. И. Головкиным наказ был составлен с мастерством, присущим большинству подобных документов петровской эпохи. Он обнаруживает, что составители его были хорошо знакомы с европейскими делами и тонко разбирались в международных противоречиях. Высказанные в нем суждения отличаются глубиной, разносторонностью и гибкостью. Они должны действовать не только на ум, но и на сердце. Так, для усиления дружественных чувств курфюрста по отношению к царю послу рекомендовалось во время приветствий в начале аудиенции напомнить о дружественном приеме, оказанном царю матерью и сестрой курфюрста в 1696 г.[2] Для возбуждения неприязни и негодования по адресу Карла XII переговоры о союзе следовало начать с упоминания о том, что в ответ на дружбу и многочисленные услуги, оказанные Ганновером Швеции, от шведского короля получали только неприятности и досадные требования:„... как и недавно в претензиях в нижнем саксонском округе в председательстве чинил, когда в счастии своем был". Эта ссылка на спорный вопрос о директорстве в Нижнесаксонском округе оказалась как нельзя более удачной, как мы увидим из дальнейшего.

Хорошо написанный наказ был превосходно выполнен. Куракин не замедлил с отъездом из Мариенведера. Он чувствовал себя обиженным и оскорбленным: он, видный участник Полтавского боя, был обойден царской наградой. Князь решил возвратиться к дипломатической деятельности; к этому должно было побуждать его не только неудовлетворенное честолюбие, но и слабое здоровье.

11 ноября Куракин уже был в Ганновере, а три дня спустя получил аудиенцию у курфюрста, которую провел мастерски. Умело возбудив в курфюрсте Георге чувства, дружественные по отношению к царю и недоброжелательные по отношению к королю, как это рекомендовалось в наказе, он затем обращает внимание курфюрста на то, как опасно ему иметь этого заносчивого государя своим близким соседом в качестве

---

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. I, стр. 25.

[2] Для укрепления этих чувств в семье курфюрста Куракину надлежало получить аудиенцию и у старой курфюрстины Софьи, оправдывавшей известное французское изречение, что величие не знает старости. По свидетельству Куракина, курфюрстина относилась к нему во время его пребывания в Ганновере с неизменной благосклонностью.

владетеля Бремена и Вердена. Далее, переходя к планам Петра, Куракин подчеркнул умеренность царя, который не преследует целей полного разорения Швеции, как это хотел в свое время осуществить Карл XII по отношению к России. Петр же стремится только к тому, чтобы ограничить шведское королевство „прежними терминами", сделать его безопасным для соседей. В заключение деловой части беседы Куракин почтительно осведомляется от имени царя о намерениях по этому вопросу „вашей светлости электорской". Получив уклончивый ответ, воздерживается от дальнейших настояний. „И потом, — пишет он в своих записках, — не продолжал больше, и говорил о баталии и других посторонних делах... И тем авдиенция окончалась".

Куракин здесь отступает от наказа, справедливо не считая возможным прямо ставить вопрос о Бремене и Вердене в беседе с курфюрстом; он ограничивается только прозрачным намеком. Дипломатический ум и такт подсказали ему, что сущность вопроса была и так ясна для обеих сторон и излишняя настойчивость может только повредить делу.

На другой день на дому у Куракина состоялась конференция с ганноверскими министрами Бернсдорфом и Ельцом, на которой обе стороны обменялись уверениями в дружбе. При этом Куракин отметил, что Урбих уведомлял русский двор о добрых намерениях и склонности к союзу с Россией двора ганноверского. Затем русский представитель осведомился, когда он получит ответ на свое предложение, сделанное курфюрсту. Ответ был обещан на завтра.

Однако и на следующий день, и через неделю ответа на вопрос о союзе не последовало. Но в то же время ганноверский двор старается показать свое расположение и сделать приятное царю. Бернсдорф приезжает 19 ноября с визитом к Куракину и сообщает ему, что курфюрст, по предложению посланника польского, объявил цесарю, Англии и Голландии о намерении царя вместе с Августом II „быть медиатором в великом мире между алиатами и Франциею".[1] Затем Бернсдорф, отвечая на вопрос русского посла, объявил, что курфюрстом принято решение не допускать корпус Крассова произвести нападение на датские провинции, потому что это внесет огонь войны в империю.

Сообщая эту важную новость русскому послу в Дании В. Л. Долгорукому, Куракин характеризует настроение ганноверского двора следующими словами: „И по приезде своем сей двор нашел склонен. Однакож на желание наше не сподеваюсь оным во что вступить токмо разве неутральны могут быть".[2]

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 188, Протоколы посольств кн. Б. И. Куракина.

[2] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. IV, стр. 149. Письмо Б. И. Куракина В. Л. Долгорукому от 22 ноября 1709 г. из Ганновера.

Действительно, от заключения наступательного союза ганноверские министры отговаривались тем, что их войска находятся на службе у Великого союза, который никогда не согласится, чтобы Ганновер вмешался в северную борьбу. От заключения оборонительного союза не отказывались, но заявили, что в него „за дальностью также вступить трудно"; дать же определенный ответ, видимо, затруднялись и с ним просили не торопить.[1]

Куракин терпеливо выжидал, когда окончатся колебания ганноверского двора. Впрочем, его терпение было вознаграждено достаточно скоро. Две недели спустя после своего приезда в Ганновер он уже располагал ганноверским проектом договора о заключении между Россией и Ганновером оборонительного союза. Содержание этого проекта примерно соответствовало намерениям русского правительства, выраженным в наказе от 23 октября 1709 г. Через два дня шифрованные переводы этого проекта были отправлены в посольскую канцелярию; один экземпляр через Берлин, другой — через Варшаву.

В ожидании ответа из России, который мог притти только спустя несколько месяцев, Куракин не терял времени даром. Отступая от данного ему наказа, он начинает вести с Бернсдорфом переговоры относительно изменений и поправок к ганноверскому проекту, в котором кратко указывалось, что в ответ на декларацию царя, обязавшегося не преследовать шведов в их имперских владениях, курфюрст ганноверский гарантирует неприкосновенность имперских владений царских союзников от шведского вторжения.

Сделанные Куракиным предложения клонились, во-первых, к тому, чтобы расширить обязательства, взятые на себя Ганновером, и сблизить их с решениями, принятыми Великим союзом в Гааге в ноябре и декабре 1709 г.[2] Не без упрека указывал русский представитель Бернсдорфу, что Ганновер в этом вопросе отстает от других „алиатов". На словах Бернсдорф обнаружил склонность пойти на уступки и распространить гарантию неприкосновенности на польские и датские земли, но окончательное решение этого вопроса откладывал, ссылаясь на переговоры в Гааге.

Другие же предложенные Куракиным поправки и изменения были направлены к тому, чтобы лишить Швецию тех резервов, которые она могла получить в Германии. Куракин настаивал, чтобы ганноверский курфюрст не только сам препятствовал Крассову увеличивать число

---

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 188. Протоколы посольств кн. Б. И. Куракина. См. также кн. IV, стр. 150, письмо Б. И. Куракина Г. И. Головкину от 23 ноября 1709 г. из Ганновера.

[2] См. об этом ниже, в гл. V настоящей статьи.

своих войск путем набора рекрутов, но и других князей имперских удерживал бы от какой-либо помощи Швеции как людьми, так и деньгами.[1]

Не встретив в Ганновере сочувственного отношения к этим своим намерениям, Куракин, однако, не отказывается от них, а пользуется каждым удобным случаем для их осуществления.

В феврале 1710 г. он сопровождал курфюрста Георга, ездившего в Вольфенбютель, и воспользовался этой поездкой для переговоров со Шлейницем, министром герцога Вольфенбютельского, о заключении оборонительного союза и предоставлении России займа. Куракин беседовал также и с самим герцогом и убедился в его твердом намерении выдать свою дочь замуж за царевича Алексея и заключить с Петром договор о союзе с предоставлением субсидий.

„Из того сподевается, — пишет Куракин в одном из своих писем Головкину, — не малого интереса его величеству, чего для как в нынешнее, так и на предбудущее время против короны шведской может всякое здесь в империи развращение иметь и к вспоможению шведам принцев имперских не допускать".[2]

В начале того же 1710 г. два новых важных вопроса заняли внимание русского дипломата. Во-первых, решение ганноверского двора пропустить часть шведских войск из Померании в бременские земли. На протесты Куракина, возражавшего против этого решения, Бернсдорф ответил ссылкой на „генеральные прошлые трактаты", в которых оговорен свободный пропуск из Померании в Бремен и обратно. Куракину удалось только получить обещание, что количество пропускаемых войск будет строго ограничено и обратный пропуск их в Померанию будет затруднен. Во время этого разговора Бернсдорф прямо заявил, что „его высокость же электорская парциально себя ни которой стороне не хочет казать, того и воспретить оным трупам пройти в бремёнские провинции не можно".[3] Во вторых, примерно в то же время Борису Ивановичу стало известно, что шведский министр усиленно хлопочет о получении денег взаймы от ганноверского двора. На заявление Куракина о том, что предоставление займа Швеции несовместимо с дружественным отношением к России, Бернсдорф ответил уверениями, что шведы получили отказ, но здесь же присовокупил, что уже ведутся переговоры о покупке части бременских земель у Швеции и всякие воз-

---

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 191, Протоколы посольств от 3 (14) и 6 (17) декабря 1709 г., кн. IV, стр. 154.

[2] Там же, кн. II, стр. 210; кн. IV, стр. 176.

[3] Там же, кн. II, стр 199, См. также стр. 197—199, 207, Протоколы посольств за 3 (14), 4 (15) и 15 (26) января 1710 г., кн. IV, стр. 170. Письмо Куракина Головкину от 5 января 1710 г.

ражения против этого бесполезны. Однако переговоры по этому вопросу между Ганновером и стокгольмским сенатом не привели ни к чему, потому что в Стокгольме соглашались только на временный залог, а не на продажу бременских земель.[1]

Со своей стороны, Куракин во время своего дальнейшего пребывания в Ганновере вместе с министрами датским и польским неутомимо старался, чтобы Ганновер не давал Швеции денег ни взаймы, ни под залог Бремена и Вердена. При этом он умело внушал ганноверским министрам, что данные взаймы шведам деньги — это наверняка потерянные деньги: „Для того, что уже шведское королевство не к пространению, но больше к самому разорению приходит“.[2] Старания его увенчались успехом, и ему удалось воспрепятствовать — как в Ганновере, так и в Вольфенбютеле — предоставлению займа Швеции.

Ожидаемый Куракиным ответ русского правительства на ганноверский проект прибыл в Ганновер в конце февраля 1710 г. В письмах Головкина от 12 и 20 января Куракину поручалось „трудиться“ над включением в договор дополнительных статей; из них важнейшая заключалась в обязательстве — „един другого неприятелем ни людьми, ни деньгами не вспомогать“.[3]

К этому времени в Ганновере сложилась неблагоприятная для успешных переговоров обстановка. Оживившиеся в связи с новой мирной конференцией в Голландии надежды на близкий мир с Францией увеличили несговорчивость ганноверских министров, которые к тому же с опасением посматривали на датские успехи в Сконене. Кроме того, стокгольмский сенат обратился к союзникам с предложением передать им на службу часть шведских войск из числа тех, которые находились в Померании под командой генерала Крассова.[4] Венский двор высказался против этого предложения, но ганноверский курфюрст поддерживал его, рассчитывая иметь шведские войска под своей командой на Рейне. Естественно, что все это должно было чрезвычайно затруднить развитие русских переговоров; ганноверские министры стали изобретать различные предлоги для того, чтобы отсрочить заключение договора и выиграть время.

С немалым трудом удалось, наконец, Куракину убедить ганноверский двор внести в текст договора две существенные поправки относительно

---

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 213; кн. IV, стр. 169. Письмо Куракина Головкину от 5 января 1710 г.

[2] Там же, кн. IV, стр. 190. Письмо Куракина Головкину от 14 июля 1710 г.

[3] Цитирую по тексту союзного договора от 22 июня — 3 июля 1710 г., перепеч. в Архиве кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 281.

[4] Там же, кн. IV, стр. 178. Письмо Куракина Головкину от 24 февраля 1710 г. кн. II, стр. 222.

невспоможения неприятелям и гарантии польских владений. Особо важное значение имела первая из этих поправок. Она была внесена в первую статью русско-ганноверского договора, и к ней была добавлена тоже весьма существенная оговорка, смысл которой сводился к следующему: если впоследствии это обязательство (о невспоможении неприятелям ни людьми, ни деньгами) окажется противоречащим постановлениям о северном нейтралитете, которые вырабатываются в Гааге и Регенсбурге, то курфюрст ганноверский освобождается от выполнения данного обязательства.

Но когда соглашение, казалось, было уже достигнуто, в ходе переговоров наступила внезапная заминка. 17 марта к Куракину неожиданно прислали новый проект и потребовали от него особого письма, свидетельствующего, что русское правительство не будет возражать против предоставления Ганновером Швеции займа под залог бременских земель.[1]

Очевидно, главной причиной этого маневра было желание не связывать себя никакими обещаниями относительно покупки бременских земель, потому что, когда Куракин, действуя за свой риск и страх, не стал возражать против этого письма,[2] то дело быстро уладилось. На конференции, состоявшейся на следующий день, Бернсдорф, хотя и сильно противился, но все же согласился вернуться к прежнему проекту и ограничиться внесением в него некоторых новых поправок. 19 марта текст договора был уже отправлен в Россию.

Тем временем посольская канцелярия, опасаясь за успех переговоров, направляет в Ганновер новый проект договора, по своему содержанию значительно уступающий даже первому ганноверскому проекту. Однако Куракин снова проявил большую выдержку, ум и смелость. Он даже не обмолвился никому о полученных материалах и дождался возвращения из России отправленного туда 19 марта проекта.[3]

А тем временем выяснилось, что ни надеждам, ни опасениям ганноверского двора, о которых шла речь выше, не суждено было сбыться. Датские войска в Сконене были разбиты Стенбоком, а мирные переговоры с Францией оказались безуспешными и на этот раз. К этому благоприятному для России обстоятельству прибавилось еще одно. Со своей обычной дипломатической бестактностью, Карл XII обратился к курфюрсту Георгу с посланием,[4] претендуя на директорство в округе Нижней

---

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. IV, стр. 182. Письмо Куракина Головкину от 19 марта 1710 г., кн. II, стр. 238—240.

[2] При заключении трактата 3 июля 1710 г. такое письмо было действительно дано, но за подписью секретаря Веселовского, а не самого Куракина.

[3] Там же, кн. II, стр. 264—268.

[4] Там же, кн. II, стр. 186—187. Письма Куракина Головкину от 4 и 7 июня 1910 г.

Саксонии, которое рассчитывал получить и ганноверский курфюрст. Послание это, присланное с особым курьером, послужило для ганноверских министров наглядным доказательством того, что пережитые несчастья не изменили самонадеянного и упрямого характера Карла XII и что он не намерен поступиться ни одной пядью своих земель и ни одной из своих привилегий. Это послание, несомненно, сильно повредило шведским интересам, находившим еще защитников в Ганновере. По свидетельству Витворта, посетившего Ганновер в 1710 г. проездом из Москвы в Лондон, министры курфюрста Георга были „очень смущены оборотом, принятым Северной войной, и желали бы помочь шведам через союзников или путем мира". [1]

Сведения эти расходятся с сообщениями Куракина, писавшего в Россию в марте того же года, что главные ганноверские министры Бернсдорф и Герц к нашей стороне „весьма склонны". Заключение русско-ганноверского трактата, последовавшее 22 июня 3 июля 1710 г., показывает, что Куракин был ближе к истине, чем Витворт.

Подписание договора происходило в торжественной обстановке в зале ганноверского дворца за традиционным круглым столом. В тексте договора имя Петра как царя стояло выше имени курфюрста Георга. С русской стороны договор был подписан Куракиным, с ганноверской стороны — министрами Бернсдорфом и Герцем.

Однако заключенный договор не сразу был ратифицирован курфюрстом. Ратификация была передана Куракину только 18/29 июля, на следующий день после того, как в Ганновере было получено известие о капитуляции Риги. Славные победы в Прибалтике — взятие Выборга и Риги — положили конец колебаниям ганноверского двора.

При заключении договора, по существовавшему тогда обычаю, Куракин сделал ганноверским министрам подарки. Бернсдорфу было поднесено 500 червонцев, Герцу — 500. Всего было роздано 1 300 червонцев. Деньги на эти расходы своевременно присланы не были. Но Куракин благоразумно отверг совет Головкина — обещать, что будет уплачено позже, и уплатил из своих средств.

Английский исследователь Ченс в своей уже цитированной нами статье отмечает, что Георг I, еще будучи курфюрстом ганноверским, променял союз со Швецией на объединение с ее врагами.[2]

Договор 22 июня (3 июля) 1710 г. имел важные последствия не только потому, что он уничтожил союзные отношения между Швецией

---

[1] Сборн. РИО, т., L, стр. 346. Письмо Витворта Бойлю из Гааги от 30 мая 1710 г.

[2] J. F. Chance, England and Sweden in the Time of William and Anne, English Historical Review, 1901, XVI, p. 676.

и Ганновером, но также и потому, что он способствовал установлению дружественных связей между Петром и Георгом I, которого поддерживала влиятельная партия вигов. Был сделан второй важный шаг для дипломатического закрепления результатов Полтавской победы.

IV

Великая Полтавская победа снова привлекла внимание западноевропейских государств к северным делам. Английские, голландские, французские дипломаты снова прилагают усилия к тому, чтобы прекратить Северную войну и воспользоваться силами России и Швеции в своих собственных целях. Но в начале войны европейские дипломаты обращались с мирными предложениями главным образом к Карлу XII. Теперь же они усиленно ищут средств, с помощью которых можно было бы склонить Петра к примирению со Швецией.

Английская дипломатия во время переговоров в Гааге, летом 1709 г., имела случай убедиться, что Россия настойчиво стремится к восстановлению Северного союза и продолжению войны до полной победы над своим врагом. Однако английское правительство не теряло надежды, предложив посредничество в северных делах, побудить царя к быстрому заключению северного мира на умеренных условиях. 11 октября 1709 г. лорд Сандерленд писал Витворту, что „было бы большим счастьем вызвать в северных державах желание посредничества со стороны Англии и Штатов".[1] Далее в том же письме английскому послу поручалось с помощью прусского посла Кайзерлинга и иными средствами „прилагать все старания к тому, чтобы Россия возбудила вопрос о посредничестве".

Но успешное и быстрое заключение северного мира, даже на желательных для Англии „умеренных" условиях, неизбежно поставило бы английское правительство перед новыми затруднениями, о которых скажем словами Куракина, относящимися к несколько более позднему времени: „оставить так великую потенцию с свободными руки во 100 000 войск, не знав, куда бы та махина наклонилася".[2] Следовало ожидать, что Россия после заключения мира не останется в стороне от европейских дел, а при наличии охлаждения, которое наступило в англо-русских отношениях после признания Англией Станислава королем польским, можно было ожидать, что Россия поддержит Францию против Великого союза.

Для того чтобы предотвратить эти нежелательные последствия,

---

[1] Сборн. РИО, т. L, стр. 260.

[2] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. V, стр. 9.

в Англии было решено снова подать царю надежду на возможность его вступления в Великий союз. В письме от 21 октября 1709 г. лорд Сандерленд поручает Витворту[1] „приглядеться к этому вопросу с возможной осторожностью и возможно непродолжительном времени". В Англии предполагали, что русский двор, конечно, вспомнит о холодности, с которой было принято два года назад предложение царя о вступлении в Великий союз, сделанное через Матвеева. В таком случае Витворту рекомендовалось прямо заявить, что-де с тех пор международная обстановка коренным образом изменилась, что тогда вступление царя в союз привело бы к разрушению самого Великого союза, теперь же оно послужит только к общему благу союзников.

Выполнение этих поручений Витворт отложил до возвращения Петра в Москву. 11 декабря ночью царь прибыл с адмиралом Апраксиным в село Коломенское, где прожил инкогнито десять дней, пока в Москве спешно заканчивали постройку триумфальных арок.[2]

Торжественный въезд царя в древнюю столицу России состоялся 21 декабря 1709 г. Процессию открывал Семеновский полк. Затем шли пленные шведские офицеры, начиная от унтер-офицеров и кончая знаменитыми шведскими генералами — Реншильдом, Шлиппенбахом и др. Все они шли пешком. Далее следовал Петр во главе Преображенского полка. Царь ехал верхом на прекрасной лошади, с обнаженной саблей. По правую руку царя ехал кн. Меншиков, по левую — кн. Долгорукой, представитель одного из знатнейших аристократических русских родов.

У первых триумфальных ворот царя встретили сановники, у третьих — дворянство, у четвертых — именитейшие купцы, у пятых — духовенство, у седьмых — остальные горожане. Накануне в Москву было введено около 9 000 пленных шведских солдат.

Еще во время своего пребывания в селе Коломенском, 18 декабря, Петр принял иностранных послов, живших в Москве. „Прием, сделанный мне его величеством, — писал Витворт в Англию, — был очень милостив; это тем более приятно, что он совершился так публично и не оставляет ни малейшего сомнения в полном примирении.[3] Далее в письме Витворт отмечает, что царь задержал его на несколько часов

---

[1] Сборн. РИО, т. L, стр. 264—265. Письмо Сандерленда Витворту от 21 октября 1709 г.

[2] Там же, стр. 288, 291—292. Письма Витворта статс-секретарю Бойлю от 15 и 22 декабря 1709 г.

[3] Сборн. РИО, т. L, стр. 289. Письмо Витворта от 22 декабря 1709 г. Говоря о примирении, Витворт имеет в виду то негодование, которое Петр выражал в свое время по поводу инцидента с Матвеевым.

и во все это время не обращался ни к кому, кроме него. Разговор вращался преимущественно вокруг Полтавской победы, о которой, по отзыву Витворта, царь говорил с „величайшей умеренностью", порицая заносчивость и упорство Карла XII. При этом английский посол заговорил как бы от себя о желательности северного мира и выразил уверенность, что королева не откажется способствовать такому доброму делу.

Во время торжественных празднеств в честь Полтавской победы, происходивших в Москве и совпавших с обычными святочными увеселениями, Витворту не один раз представлялся случай встречаться с царем, а также с Г. И. Головкиным и П. П. Шафировым. Беседуя с царем и министрами, он заводит речь о том, как важно было бы для России закрепить результаты Полтавской победы, заключив сейчас со Швецией мир на умеренных условиях, и что в таком случае английское правительство охотно согласилось бы, по просьбе царя, принять на себя посредничество. Однако намеки Витворта упорно замалчивались. Одновременно Витворт пытался действовать через приехавшего в это время в Москву Урбиха, об уме и честности которого английский посол был невысокого мнения. Поэтому он очень уверенно обратился к Урбиху, рассчитывая без труда убедить его в том, что быстрое заключение северного мира, разумеется на умеренных условиях, как нельзя более соответствует и его личным интересам и интересам монархов, входящих в Северный союз; при этом Витворт настойчиво и подробно, со ссылками на исторические примеры, убеждал своего собеседника в том, насколько полезна умеренность и насколько опасны и вредны заносчивость и чрезмерные требования после одержанной победы.

От Урбиха английский посол узнал, что венский двор также заинтересован в том, чтобы северный мир был заключен как можно скорее. Урбих даже обещал Витворту, что на дипломатической конференции с русскими министрами по вопросу о посредничестве императора в северных переговорах он, Урбих, постарается попутно выяснить отношение русского правительства и к английскому посредничеству в тех же делах.

Однако весь этот разговор вызвал действие, едва ли не обратное тому, на которое рассчитывал английский посол. В своих последующих письмах Витворт обвиняет Урбиха в том, что он удерживает царя от заключения поспешного мира и относит его к числу тех иностранцев на русской службе, которые недовольны Англией и склонны преувеличивать как могущество России, так и выгоды ее современного положения.[1]

Что касается второго поручения Сандерленда — относительно вступления России в Великий союз, то к выполнению его Витворт при-

[1] Сборник РИО, т. L, стр. 290, 294, 296—298, 303.

ступил с еще большей осторожностью. Он позволил себе только очень отдаленно намекнуть на то, что перед Россией открылись новые возможности в этой области. Подобное предложение, разумеется, льстило самолюбию царя, однако он остался верен своим дипломатическим замыслам. 17 января 1710 г. Шафиров посетил Витворта и передал ему, что царь готов заключить мир на условиях, „способных обеспечить безопасность и потребности его государства", но не считает удобным в настоящее время просить о посредничестве. Однако Витворт может быть уверен, что это предложение будет принято, если его сделают в надлежащей форме. На личное же заявление Витворта ответ может быть дан только в виде частного мнения. Английскому послу дали понять, что царь в достаточной мере сознает себя господином положения в северных делах.[1]

Вопрос о посредничестве Англии в северных делах и о вступлении России в Великий союз был еще раз подвергнут обсуждению в связи с отъездом Витворта на родину весной 1710 г.[2] Этим обстоятельством он воспользовался для того, чтобы разузнать дипломатические намерения русского правительства. В разговоре с Головкиным, незадолго перед своим отъездом из Москвы, Витворт заявил о том, что он хотел бы обратить свою поездку в Англию на пользу его царскому величеству. Затем Витворт высказал предположение, что королева, вероятно, уже отдала приказание предложить царю свое посредничество в северных делах и что поэтому не сочтет ли русское правительство возможным сейчас ознакомить его, Витворта, с возможными условиями мирного договора. Далее, он спросил, сохранил ли еще царь намерение вступить в Великий союз. При этом английский представитель ссылался на имеющиеся у него сведения о том, что Евгений Савойский во время своего пребывания в Вене в полуофициальной беседе изъявил желание, чтобы Урбих привез с собой из Москвы инструкцию относительно приобщения России к антифранцузской коалиции.

Накануне своего отъезда Витворт получил ответ на свои предложения — ответ, неожиданный для него по содержанию. Царь написал Шафирову собственноручное письмо с приказанием передать Витворту о полной своей готовности вступить в Великий союз, если того поже-

---

[1] Сборн. РИО, т. L, стр. 304, 306.

[2] Отъезд Витворта носил временный характер. Хотя сам Витворт, прожив в России безвыездно с 1705 г., усиленно ходатайствовал об этом, но несомненно, что разрешение на поездку ему было дано в связи с желанием правительства осведомиться из личных разговоров с Витвортом о состоянии русских дел.

лает королева и предложит ему выгодные условия; посредничество же будет прямым последствием этого союза. Далее царь прибавлял, что его союзники, короли датский и польский, давно уже просят его предложить посредничество России в мирных переговорах, которые ведутся между Францией и ее противниками. Ратпенсионарий Генеральных штатов также недавно справлялся у Матвеева, не получил ли он инструкций на этот счет от своего двора. Поэтому царь заявляет, что готов предложить свои услуги в посредничестве, если они только могут быть приятны.[1]

Такой оборот дела был и неожиданным и неприятным для Витворта. С почти нескрываемым возмущением Витворт отклонил это предложение, ссылаясь на то, что прелиминарные условия мирного договора уже выработаны и что, в связи с этим, задачи посредников собственно уже выполнены. Если же царю или кому-нибудь другому удастся склонить Людовика XIV к принятию этих условий, то союзники сочтут это за серьезную услугу.[2]

Следует напомнить, что вопрос о русском посредничестве в западноевропейских делах поднимался не впервые. Еще осенью 1709 г., по приезде Куракина в Ганновер, курфюрст Георг предложил Англии и Голландии принять посредничество царя и Августа II в мирных переговорах между Францией и Великим союзом. Тогда это предложение было отклонено под тем предлогом, что Франция отказывается от ведения мирных переговоров.[3] Морские державы так же уклончиво отнеслись к предложению русского посредничества, как Россия к английскому посредничеству в северных делах.

Но русскому правительству было гораздо труднее уклониться от подобных предложений, чем английскому и голландскому. На первой же аудиенции, данной Куракину по его приезде в Ганновер, курфюрст Георг выразил надежду, что мир между Россией и Швецией будет заключен этой зимой.[4] О заключении русско-шведского мира хлопотал и венский двор осенью 1709 г.[5] Об этом совещались герцог Мальборо и английский статс-секретарь Бойль весною 1710 г.[6]

[1] Сборн. РИО, т. L, стр. 343—344. Письмо Витворта герцогу Мальборо от 7 мая 1710 г.

[2] Сборн. РИО, т. L. Письмо Витворта герцогу Мальборо от 7 мая 1710 г. из Штолпе в Померании.

[3] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 197. Протоколы посольств от 31 декабря 1709 г. в Ганновере.

[4] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 187. Протоколы посольств от 14 ноября 1709 г.

[5] Сборн. РИО, т. L, стр. 298. Письмо Витворта Бойлю от 5 января 1710 г.

[6] Там же, стр. 343.

В результате этих последних совещаний решено было, очевидно, самим обратиться к России с предложением посредничества королевы в русско-шведских мирных переговорах. Во всяком случае, такое предложение сделано было Мальборо и Тоунзентом русскому послу в Гааге Матвееву в мае 1710 г. На это русский представитель ответил, что желательно было бы прежде узнать те условия, на которых Англия и Генеральные штаты могли бы способствовать заключению северного мира.[1]

Вопрос об условиях северного мира старательно обходился державами, предлагавшими свое посредничество в северных делах. Но возможно, что то, чего не решались высказать официальные представители великих держав, нашло свое проявление в закулисных дипломатических интригах. Примерно в это же время, в мае 1710 г., русскому двору стало известно, что генерал-фельдцейхмейстер князя вольфенбютельского Иордан предлагал датскому двору заключить сепаратный мир со Швецией. При этом он уверял, что царем уже принято решение заключить мир со Швецией на тех условиях, что за Россией из всего завоеванного останутся только Петербург и Шлиссельбург. Так как этот Иордан находился в Мариенведере во время свидания Петра с польским и прусским королями в качестве лица, присланного от герцога вольфенбютельского к Петру с поздравлением по случаю Полтавской победы, то заявления его могли иметь некоторый вес. Разумеется, русский двор решительно протестовал против поведения Иордана.[2]

Однако вопросу о русском посредничестве между Францией и ее противниками было суждено еще раз, в 1710 г., привлечь к себе внимание европейских политиков. Произошло то, чего опасались многие деятели Великого союза и чего следовало опасаться.

Полтавская победа и необычайно возросшее после нее могущество России обратили на себя внимание Людовика XIV, терпевшего в последние годы тяжелые военные неудачи. Все это вновь усилило интерес к франко-русскому сближению в правящих французских кругах. Новые французские дипломатические намерения нашли свое отражение в полуофициальных записках, из которых одна заканчивается меткой фразой, проливающей свет на существо дела: „Кардинал Ришелье отклонил Густава Адольфа от завоевания Ливонии для уничтожения могущества Австрийского дома; было бы весьма важно в настоящем положении отклонить царя от завоевания тех же областей для той же цели".[3]

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 269 — выдержка из письма Матвеева, помеченная 30 мая 1710 г.

[2] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 273—274, 295—296, 317, 330.

[3] Сборн. РИО, т. XXXIV, стр. 418—423.

В своих планах хорошо осведомленный в международных делах автор записки исходил из того, что увеличение русской военной мощи, а также обширные торговые замыслы Петра должны вызвать сильное недовольство Англии и Голландии. Император должен опасаться, чтобы влияние царя не усилилось еще больше в Польше, чтобы царь не стал поддерживать недовольных в Венгрии и покровительствовать имперским князьям.

В записке излагается следующий план привлечения России на сторону франко-испанской коалиции. Предложить царю заключить выгодный торговый договор с Францией и Испанией и одновременно дать понять, что оба эти государства приняли бы его посредничество для заключения мира. Если же морские державы и Австрия отказались бы признать это посредничество, то тем легче было бы побудить царя совершить против них диверсию.

Все это должно было быть только началом действий против врагов Франции. В дальнейшем предполагалось образовать Северную лигу из датского короля, польского короля Августа и курфюрста бранденбургского, во главе с царем, и противопоставить её австро-англо-голландской коалиции.

Во Франции раздавались даже голоса, советовавшие, для того чтобы заинтересовать Петра в подобных французских проектах, предложить царю услуги короля для получения от султана согласия на проход русских кораблей из Черного в Средиземное море.[1]

Что изложенные планы не были только досужей фантазией, на это указывает посольство Балюза, отправленное к Петру в июле 1710 г., после того как длившиеся в течение пяти месяцев мирные переговоры с Голландией и Англией не привели ни к чему и „враги показали требованиями, последовательно ими заявляемыми, что они менее расположены к заключению мира, нежели к отысканию предлогов для того, чтобы взвалить на Францию ненависть за продолжение войны".[2]

Балюзу поручалось передать царю, что французское предложение пригласить в посредники Россию и другие северные страны было отвергнуто противоположной стороной. В задачи его входило побудить царя или к принятию посредничества, или к отомщению за отказ в том со стороны англичан и голландцев. В качестве одного из средств рекомендовался разрыв торговых отношений между Россией и морскими державами.

---

[1] Сборн. РИО, т. XXXXIV, стр. 420.

[2] Там же, стр. 429. Из инструкции Балюзу, подписанной королем в Марли 24 июля 1710 г.; верительная грамота помечена тем же числом (см. там же, стр. XVII).

Но Людовик XIV слишком долго выжидал и медлил. В Париже, как и в Ганновере, только взятие Риги прекратило последние колебания. Да и Балюз не спешил с выполнением возложенного на него поручения. Он еще находился на пути в Россию, когда произошло важное событие, коренным образом изменившее дипломатические планы некоторых держав: Порта объявила России войну.

Но прежде чем эта война так неприятно для России осложнила международную обстановку, русские дипломаты уже успели заключить с морскими державами и цесарем важное соглашение, закреплявшее за Россией гораздо более выгодные международные позиции, чем те, которые она занимала до Полтавской победы.

Пока друзья России в различных европейских странах строили планы вступления с ней в союз, стремясь воспользоваться ее военными силами в своих собственных целях, а враги русских изыскивали другие средства уничтожения тех же русских сил, деятельность русских дипломатов в Гааге шла своим чередом.

Что же касается международной обстановки, то она им на этот раз как нельзя больше способствовала. Перед тем как погаснуть окончательно, пламя войны за Испанское наследство вспыхнуло в последний раз с необычайной силой.

Ободряемое военными успехами в последнюю кампанию, хорошим урожаем 1709 г., который пришел на смену неурожаю предыдущего года, получив серебро, поставленное на кораблях в порт Рошель из Вест-Индии, и хлеб из Италии, французское правительство теперь уже не обнаруживало намерений заключить мир во что бы то ни стало. Но державы Великого союза, несмотря на свои посредственные военные успехи и улучшившееся положение Франции, наотрез отказывались существенно уменьшить свои притязания. Отправленные с голштинским резидентом Петекумом в Париж мирные условия были таковы, что посланец вернулся в Гаагу в конце ноября с пустыми руками. „Со стороны французской также, — писал Матвеев,[1] — усмотря твердость непоколебимого намерения союзников, конечно, о пределе есть будущую кампанию с союзными продолжать и никакой больше надежды ныне к миру не видится. Особливо же северные дела многим чаянием во всём подпирают её Францию".

С особою энергией готовились к этой кампании в Голландии. В декабре 1709 г. Матвеев доносил, что „все нужные исправления в деньгах, потребных к будущей оной кампании согласно ныне при собрании Статов голландских с острой прилежностию уже поставлены. Такой рев-

[1] Голландские дела 1709 г., д. № 3, л. 379. Донесение Матвеева Головкину от 2 декабря 1709 г.

ности и прилежного при советах их стацких сидения и согласного на те воинские дела решения от многих лет здесь не помнят". Энергично мобилизуя собственные силы, голландское правительство привывало к этому и своих союзников; 6 декабря Штаты пригласили дипломатических представителей союзных держав „на двор к себе, где имели вместе с их стацкими депутаты великую конференцию". На этой конференции голландские государственные деятели настойчиво требовали от своих союзников не только „постоянного единомыслия к продолжению общей войны их с Франциею", но и немедленных усиленных военных приготовлений к будущей кампании 1710 г.[1]

Особое рвение в этой подготовке проявил прежний противник войны— Амстердам. Голландская провинция решила собрать на военные расходы 8 000 000 гульденов. Английский парламент также без возражений вотировал кредиты на продолжение войны.[2]

Это изменение международной обстановки позволило северным союзникам снова возбудить перед Великим союзом вопрос о письменной гарантии, которая явилась бы ответом на декларацию от 22 октября 1709 г. Сама идея неприкосновенности для шведов владений того или другого государя не была новостью. Отдавая в наем морским державам свои войска, Дания, Саксония и Пруссия еще в 1702 г. требовали взамен гарантии безопасности своих земель от шведского вторжения. Тогда письменную гарантию получила только одна Пруссия. Саксония должна была удовольствоваться лишь словесными обещаниями, которые не были выполнены, когда войска Карла XII вторглись во владения Августа II в 1706 г. После Полтавской победы Великий союз потребовал от Петра, как прежде требовали от Карла XII, обязательства, что огонь Северной войны не будет внесен в Германию. Результатом этого и явилась декларация от 22 октября, в которой Петр и его союзники обязывались не преследовать шведские войска в имперских владениях Швеции и не отзывать датских и саксонских войск со службы у морских держав.

Теперь, в свою очередь, северные союзники потребовали от морских держав и цесаря письменной гарантии того, что шведские владения в Германии не будут превращены в плацдарм для развертывания нового шведского наступления против России и её союзников, подобно тому как это было с Саксонией в 1706—1708 гг. С этою целью министры северных союзников в Гааге предъявили Генеральным штатам следующие требования:[3] 1) чтобы шведский король не держал в своих имперских

[1] Голландские дела 1709 г., д. № 3, л. 382.

[2] Там же, лл. 373, 374.

[3] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 250—254

землях бо́льшего количества войск, чем ему полагается иметь в гарнизонах по имперскому уставу; 2) чтобы шведский генерал Крассов обязался не увеличивать своего войска набором новых рекрутов и не вторгаться в пределы Польши, Саксонии и Дании.

Очень важное значение имело, на первый взгляд второстепенное, требование о запрещении шведам производить новые рекрутские наборы в Германии. Таким образом Швеция лишалась той помощи, которую ей могли предоставить отдельные немецкие князья, не богатые на деньги, но располагающие жизнью и смертью своих подданных.

Это важное требование было обойдено в компромиссном предложении прусского посла Шметтау. Последний предложил сузить объем гарантии и свести её к обязательству, касающемуся только корпуса Крассова. Шведское правительство, управлявшее страной в отсутствие Карла XII, должно было гарантировать, что этот корпус не вторгнется ни в Польшу, ни в Саксонию, ни в датские земли. Предложение Шметтау было явно невыгодным для северных союзников, потому что оно предоставляло шведам полную возможность накапливать силы в Германии и за счет Германии в ожидании благоприятного момента для нового удара по врагу.

Но естественно, что за такое решение вопроса, именно в силу его половинчатости, и должны были высказаться Генеральные штаты, занимавшие по отношению к России позицию доброжелательного нейтралитета. Постановление было вынесено 17 (28) ноября 1709 г. В нем говорилось, что голландское правительство употребит все силы „дабы корпус, который находится в Померании под командой генерала Крассова, не возвращался паки в Польшу и никакого неприятельства не чинил во Империи, а особливо против земель датских, сущих в Германии, ниже против Слезвика и Ютландии, ни против земель, принадлежащих к Саксонии".[1]

25 ноября (ст. ст.) 1709 г. А. А. Матвеев сообщал Г. И. Головкину: „На мои домогательства о удержании неприятельского шведова генерала Крассова господа Статы Генеральные с чрезвычайным поспешением решение своё определили". Шведскому послу в Гааге Пальмквисту было предложено „в сильных терминах, чтобы он как наискорее их Статов именем к Стекольмскому сенату от себя писал о держании вышеозначенного их генерала там без всякого подвига, где он ныне находится под теми кондиции, как то требуется". Пальмквист обещал немедленно сообщить об этом шведскому сенату и заверял

[1] Архив кн. А. Ф. Куракина, стр. 252. „Экстракт из решений их высокомочеств господ Статов Генеральных соединенных провинций Нидерландских" 28 ноября 1709 г.

голландское правительство в том, „что ответ будет получен благоприятный".[1]

Дальнейшие переговоры по этому вопросу велись также в Гааге; английское правительство уклонилось от ведения переговоров в Лондоне и ограничилось тем, что послало Тоунзенту указ и полномочия присоединиться к тем мероприятиям, которые за благо рассудят принять Генеральные штаты.[2] Но теперь Матвеев не был одинок в своих домогательствах; заодно с ним в Гааге выступали представители дружественных России держав — граф де Ланяск и барон Герсдорф, послы Августа II, а также датский министр фон Штекен. 1(12) декабря 1709 г. Матвеев подает мемориал недельному президенту Генеральных штатов от голландской провинции Гейкопу.[3] В этом документе русский посол благодарит голландское правительство за принятое „решение о том, что до взаимной пользы в севере и западе соединенных принцев касается", и просит Генеральные штаты поторопить своих союзников с официальным присоединением к этому решению, а Швецию — с ответом на него.

Следует отметить, что как из этого мемориала, так и из всей дальнейшей деятельности министров Северного союза в Гааге явствует несостоятельность утверждения Дройзена, заявляющего о том, что предложение Шметтау было с восторгом подхвачено и северными союзниками, и Швецией. В своем мемориале от 1 декабря Матвеев продолжает настаивать на том, „дабы свейские полки под правлением генерала Крассова... также и от набора рекрутов удержаны были, и тамо, где ныне они находятся, неподвижно были бы". Последнее требование относительно запрещения переброски войск из Померании в другие имперские владения Швеции становилось совершенно необходимым после того, как Генеральные штаты гарантировали безопасность Польши, Саксонии и Дании от шведских войск, находящихся именно в Померании. Возможно, что в связи с этой гарантией на место генерала Крассова назначается Гульденширна, а шведские войска из Померании начинают перебрасывать в бременские земли. Отсюда они с ещё большим удобством могли напасть на Данию, причем это нельзя было бы даже счесть за нарушение гарантии; ведь они шли не из Померании, и не генерал Крассов ими командовал.

---

[1] Голландские дела 1709 г., д. № 3, л. 366. Очевидно, решение Штатов, о котором идет речь в этом письме Матвеева, и есть решение от 17/28 ноября 1709 г. Из письма видно, что Матвееву решение Штатов было сообщено 19 ноября (ст. ст.) 1709 г.

[2] Голландские дела 1709 г., д. № 3 л. 411. Письмо Розенкранца Матвееву от 23 декабря 1709 г.

[3] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 242—244.

Аналогичные мемориалы были поданы министрами союзных с Россией держав. Они были рассмотрены 13(24) декабря особой комиссией „депутатов их высокомочеств к чужестранным делам" под председательством де Велдерена. Несколько раньше эта же комиссия подвергла разбору мемориал прусского посла Шметтау, „к тому же вышепомянутому скутку склоняющийся". Затем комиссия Генеральных штатов привлекла к обсуждению вопроса о гарантии дипломатических представителей дружественных держав — императорского посла Зинцендорфа, Тоунзента и ганноверского посла Ботмара. На запрос комиссии Зинцендорф ответил, что цесарь согласится на все мероприятия, направленные к сохранению тишины и покоя в империи, но что его решение будет особо объявлено пребывающим в Вене министрам северных союзников. Сообщенное Тоунзентом мнение английского двора совпало со взглядами голландского правительства. Сходными с намерениями морских держав оказались, по заявлению Ботмара, и намерения Ганновера. Кроме того, отдельные третьестепенные имперские князья, вроде мюнстерского епископа, обратились к Генеральным штатам „с домогательством, чтобы их высокомочества изволили отвратить шведов от всякого неприятельства в цесарстве".

Обсудив все эти обстоятельства, голландское правительство дало представителям северных союзников следующий ответ по вопросу о гарантии: „Их высокомочества не сумневаются, что помянутые господа министры увидели в решении их высокомочеств прошлого месяца от 17/28 дня склонность их же высокомочеств к вспоможению, сколько им будет возможно, содержания тишины и нейтральства в цесарстве, и что те же министры из того обнадежены есть, что их высокомочества при последовании сей своей склонности приложили свои должности, дабы свейские полки, в Померании находимые, больше в Польшу не возвращалися и никакова бы неприятельства не чинили противу жадной цесарственной провинции ниже противу Слезвика или Ютландии".[1]

После этой ссылки на прошлое Генеральные штаты далее заявляют, что теперь они не только подтверждают свое прежнее решение от 17/28 ноября, но и намерены прибегнуть для сохранения нейтралитета к следующим мероприятиям. Если шведские войска, находящиеся сейчас в Померании, попытаются возвратиться снова в Польшу или вторгнуться в Империю, или выступят против Шлезвига или Дании, „тогда их высокомочества обще с его цесарским величеством, с ее королевиным

[1] Голландские дела 1709 г., д. № 3, лл. 401, 402, „Перевод с выписки из записки решений их высокомочеств Статов Генеральных Соединенных Нидерландов" от 13/24 декабря 1709 г.

великобританским величеством, с его курфирстовскою брунсвицкою Люнебурской[1] высокостью и вместе с иными цесарственными принцы, которые к тому же себя готовых объявят, будут понуждены принять меры с северными союзниками к препятию возвращения помянутых свейских полков в Польшу и их неприятельствам в цесарстве". Но, как дальше заявляется в том же решении, эта гарантия дается „под обнадеживанием, что также никакие не учинятся неприятельства противу свейских провинций в Германии, ни противу Слезвика или Голштейна, и что также нейтральство с ними содержано будет".

Это решение голландского правительства было передано Матвееву, а также министрам других держав Северного союза через агента Розенбока 16 декабря (ст. ст.) 1709 г.

Декабрьская гарантия Великого союза, как мы будем впредь называть решение от 13/24 декабря 1709 г., представляет собою следующий после декларации от 22 октября этап подготовки соглашения от 20/31 марта 1710 г. Ее следует рассматривать как дипломатическую победу Северного союза, понудившего, в свою очередь, Великий союз пойти на уступки. Однако никак нельзя считать, что она вполне отвечала интересам России и ее союзников и наносила только ущерб Швеции. Декабрьская гарантия была собственно международным признанием Северного союза; она означала, что державы Великого союза отказались от соблюдения Травендальского и Альтранштедтского договоров. Но одновременно морские державы и император делали все, что могли, чтобы ограничить сферу деятельности северных союзников и ослабить их силы.

Декабрьская гарантия предоставляла России свободу действий в Восточной Прибалтике, но закрывала полтавским победителям доступ на Запад. Она избавляла Польшу, Данию и Саксонию от опасности немедленного шведского вторжения, поскольку реальную опасность для этих стран после Полтавского боя представлял только корпус Крассова, обрекавшийся на бездеятельность в Померании, откуда выход сухим путем ему был закрыт, морской же путь стал опасен после вступления Дании в войну. Но в то же время гарантия создавала для шведских войск убежище, где они находились в безопасности и не были лишены возможности (как это показало будущее) обрастать свежими силами. Имеются сведения, что, опасаясь за судьбу своего последняго боевого корпуса, сам Карл XII приказал Крассову укрыться в Померании, чтобы и его полки не постигла участь главной шведской армии, уничтоженной под Полтавой. Если это действительно было так, то морские державы

[1] Курфюрстом ганноверским.

этим пунктом своей гарантии шли навстречу желаниям шведского короля.

Кроме того, расширяя гарантию неприкосновенности за пределы имперских земель, распространяя ее на Польшу и Данию, решение Генеральных штатов от 13/24 декабря 1709 г. создавало прецедент (как это также показало будущее) для дальнейшего ограничения военных возможностей северных союзников. Заканчивая разбор этого решения, следует отметить, что сама внешняя внушительность гарантии, участие в ней многих держав были ее скорее слабой, чем сильной стороной. Этим весьма затруднялось осуществление конкретных мероприятий и открывалась возможность для бесконечных дипломатических проволочек и отписок со ссылками друг на друга, как это было в 1706 г., когда Карл XII вторгся в Саксонию. Для подобных оттяжек открывался широкий простор и содержанием гарантии; в ней не указывалось, какие точно мероприятия будут приняты в случае шведского вторжения, какое количество сухопутных войск и военных кораблей кем и куда будет послано, когда субсидии будут уплачены.

Неудивительно поэтому, что после ознакомления с текстом гарантии дипломатические представители северных союзников в Гааге не замедлили с представлением мемориалов,[1] содержавших возражения и требования. Содержание выдвинутых требований в основном сводилось к следующему:

1) уточнить предупредительные мероприятия против возможного шведского вторжения;

2) распространить действие гарантии в полном объеме и на другие шведские провинции в Германии. Для пояснения напомним, что Великий союз требовал от северных союзников, чтобы ни одна из шведских провинций в Германии не была ими атакована. Взамен этого Северному союзу давалась гарантия неприкосновенности только от корпуса Крассова, находившегося в Померании.

Кроме того, министры Августа II настаивали на том, чтобы Саксонии были возмещены убытки, нанесенные ей вторжением шведских войск в 1706—1708 гг.

Предъявленные северными союзниками требования получили свое осуществление далеко не сразу. Наоборот, как мы увидим впоследствии, акт о нейтралитете от 31 марта 1710 г. в отношении защиты Северного союза делает шаг назад по сравнению с декабрьской гарантией. Причиной этого было следующее неблагоприятное стечение обстоятельств:

[1] Голландские дела 1709 г., д. № 3, лл. 414, 410 (копии мемориалов). См. также Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 192, Протоколы посольств В. И. Куракина, запись от 24 декабря 1709 г.

во-первых, снова появились надежды на близкий мир с Францией; во-вторых, стокгольмское правительство предложило морским державам взять к себе на службу часть шведских войск, находившихся в Померании, при условии, что содержание гарантии будет изменено.

В связи с этим предложением Генеральные штаты приняли 3/14 февраля 1710 г.[1] новое решение по вопросу о нейтралитете. Оно написано в еще более осторожных выражениях, чем предыдущее. Принятие в ноябре и декабре 1709 г. постановлений, направленных против шведского вторжения, объясняется в нем следующим образом: „Все то для унятия всякого притвора к вызову назад полков, служащих против Франции". Чувствуется, что в настроениях голландского правительства произошли изменения в пользу Швеции.

В февральском решении голландское правительство пытается примирить русские и шведские требования, значительно отступя от формулировки, предложенной прусским послом Шметтау. Теперь северным союзникам обеспечивалась неприкосновенность от шведских войск, находившихся в любой из имперских провинций Швеции. Но зато, согласно со шведскими требованиями, датские войска, находившиеся по эту сторону Балтийского моря, в Ютландии и Шлезвиге, обрекались на полную бездеятельность и не смогли сражаться против Швеции „ни в цесарстве, ни вне цесарства".

Принятые в феврале решения вошли и в акт о северном нейтралитете, подписанном в Гааге 20/31 марта 1710 г., к разбору которого мы сейчас и перейдем.[2]

Вводная часть документа кратко излагает историю возникновения этого важного соглашения. Она начинается ссылкой на требования, предъявленные державам Великого союза, которые „от некоторого времени учинили сильные и докучные домогательства у держав, воюющих в севере, чтоб сия тишина и покой причиною помянутой Северной войны помешаны не были и чтоб из оной и никакое не отразилось предосуждение интересам высоких союзников или через отзыв полков, или инаким видом". Итак, и на этот раз вопрос о нейтралитете был поднят Великим союзом, опасавшимся того, чтобы Дания и Саксония

---

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 217—221, „Перевод с решения высокомочных господ Статов Генеральных 3 (14) февраля 1710 г."

[2] Голландские дела 1710, д. № 6, л. 1—2. „Перевод объявления, каково имеет заручено быть и вручене от Стацов Генеральных обще союзников их с министры в сем же означенных, и какого из секрету Стацкого прежде до присылки его получено было, сего марта в 16 день 1710 г."

Документ, носящий это длинное название, был прислан в свое время Матвеевым из Гааги в качестве приложений к его реляциям за 1710 г., к сожалению, не сохранившимся.

не отозвали своих войск с англо-голландской службы, а также и того, чтобы северные союзники не предприняли военных действий в шведских императорских владениях — Померании и бременских землях, что неизбежно повлекло бы новое отвлечение немецких сил от войны за Испанское наследство, потому что тогда в северную распрю вмешались бы и Пруссия и Ганновер.

Уступая настояниям „высоких союзников", Петр и его союзники обещали выполнить требования об имперском нейтралитете и оставлении датских и саксонских войск на службе у морских держав, но, в свою очередь, потребовали гарантии того, что шведские владения в Германии не будут превращены в плацдарм для подготовки и развертывания нового наступления против Северного союза. Это и составило содержание упоминающейся выше декларации от 22 октября 1709 г. Разбираемый нами сейчас документ говорит об этом в следующих выражениях: „К тому же его царское величество и его высокие союзники, польской и дацкой короли объявили сначала, что оне не имеют намерения каким ни есть видом цесарственную тишину обеспокоить, или какое дело начать к предосуждению делам высоких союзников, воюющих противу Франции, чрез отзыв полков или инаким видом, и требовали себе увещания, чтоб полки его королевского свейского величества, которые ныне в Померании находятся, не возвращалися в Польшу и не учинили бы никакова неприятельства в цесарственных землях".

Об участии Пруссии в выработке акта о нейтралитете упоминается лишь вскользь и мимоходом. Рассказав о том, что русские, датские и саксонские министры „многие чинили домогательства, чтоб вышепомянутые державы волили им исходатайствовать безопасение в той стране", документ присовокупляет — „и его королевское прусское величество в том способствовало". Итак, мы еще раз убеждаемся, насколько преувеличена Дройзеном роль прусской дипломатии в выработке мартовского соглашения.

Что касается декабрьской гарантии, то о ней разбираемый документ не упоминает ни словом, очевидно, потому, что она содержала более выгодные для северных союзников условия, чем те, которые предполагалось выдвинуть в мартовском соглашении. Вместо этого, кратко сообщается, что с этими объединенными требованиями Великий союз и обратился к шведскому правительству в Стокгольме, управлявшему страной в отсутствие Карла XII, находившегося в это время в Турции.

Шведское правительство отвечало, что оно согласно „содержать совершенное нейтральство" и обещает, что находящиеся в империи шведские войска не начнут военных действий ни в империи, ни в Польше, ни в Ютландии и Шлезвиге, но при условии, „чтоб взаимно Швеция

увещеванна была, что дацкие полки по сей стороне моря Балтийского, то-есть в Ютландии, в княжестве Слезвицком и в цесарстве и высоких союзников в службе находимые, не учинили никакова неприятельства ни в цесарстве, ни вне цесарства".

Это требование, сковывавшее силы датской армии, было чрезвычайно охотно подхвачено Великим союзом, который начал переговоры по этому вопросу с обеими сторонами — датской и шведской, „обещая притом перенять от обеих сторон некоторое число из помянутых полков в службу свою, и о том, как наискорее, договориться". Далее в разбираемом документе подробно рассказывается, что датское правительство через своего секретаря фон Штекена не только согласилось выполнить это требование, но даже сверх этого обещало, что вспомогательные русские войска на своем пути в Данию не будут проходить через имперские земли, то-есть, следовательно, должны будут перевозиться в Данию морским путем. Путь же этот по узкому Балтийскому морю вдоль берегов враждебной Швеции был крайне опасен. На этих значительно ухудшенных, по сравнению с декабрьскими, условиях Великий союз соглашался гарантировать безопасность имперских земель северных союзников Польши и Дании от корпуса Крассова.

Заканчивая разбор мартовского соглашения, носившего почти общеевропейский характер, следует отметить спорность той оценки, которую ему дает Дройзен. Он склонен изображать это соглашение, как акт, полностью отвечающий интересам России, между тем как уже в декабрьском варианте соглашения, о котором Дройзен не упоминает, содержались невыгодные для северных союзников пункты. В мартовском же варианте мы находим два новых условия, противоречивших интересам Северного союза, а именно: во-первых, обрекались на бездеятельность главные силы датской армии; в то время как подвергавшийся той же участи корпус Крассова был только вспомогательным, в самой же Швеции в это время шли деятельные приготовления к созданию новой армии; во-вторых, воспрещался проход через имперские земли для посылаемых в Данию вспомогательных русских войск, несмотря на то, что войска Крассова именно таким же способом, пройдя через имперские области, ушли от преследования и скрылись в Померании.

Подписывая акт о нейтралитете, представители морских держав рассчитывали получить часть шведских войск на свою службу. Стокгольмское правительство соглашалось передать Великому союзу 6 000 солдат из числа находившихся в Померании; половину из них должна была содержать и оплачивать Англия, остальную часть — Голландия и цесарь. Но когда дело дошло до передачи этих войск, то

„шведская режанция" стала оттягивать окончательное решение, ссылаясь на слухи о скором прибытии Карла XII из Турции.[1]

Мы помним, что согласие на признание северного нейтралитета было дано стокгольмским сенатом. Но в июне из Бендер вместо ожидаемого подтверждения пришел гневный протест против „нарушителей мира" — датчан и саксонцев, с требованием к гарантам Травендальского и Альтранштедтского договоров выполнить свои обязательства. Этот резкий выпад не принес пользы шведскому королю; наоборот, он только ухудшил международное положение Швеции и предоставил России бо́льшую свободу действий в вопросе о нейтралитете.

Совершенно иначе, умно и точно, реализовали соглашение от 20/31 марта 1710 г. северные союзники. Они приняли и использовали в дальнейшем выгодные для них стороны этого соглашения и обошли молчанием невыгодные. Это было достигнуто, прежде всего, тем, что Петр и Август II признали акт о нейтралитете, в то время как Дания, на которую этот акт налагал стеснительные обязательства, от признания его воздержалась. Польская декларация[2] о признании была подана в Гааге 10 (21) июня от имени Августа II как польского короля и саксонского курфюста, за подписями его министров фон Вертерна и фон Герсдорфа. Русская декларация[3] была подана голландскому правительству несколько позже: 22 июня (3 июля) 1710 г.; она была написана от имени „его царского величества великороссийского императора", а подписана Матвеевым. По своему содержанию она богаче, глубже, дальновиднее польско-саксонской декларации и лучше охраняет интересы северных союзников.

Начинается она с обычного для русских документов подобного типа упоминания о том, что от преследования корпуса Крассова в свое время отказались в силу дружеских чувств царя к Великому союзу. Далее указывалось, что царь и в настоящее время „продолжает еще однажды начатую усердную от давнего времени цветущую и ныне постояннейшую дружбу к высоким в западе воюющим союзникам". Переходя затем к вопросу о гарантии, декларация отмечает, что царь осведомлен через своего посла о всех решениях, принятых в Гааге по этому вопросу с ноября 1709 г. по март 1710 г. (приводится полный перечень решений). Далее следует краткое заявление о том, что его царское величество „тем удовольствовано есть и определения те нерушимо содержать изволит", но при одном условии — если они будут соблюдаться также и Швецией. Если же шведский король нарушит

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 269, „Протоколы посольств Б. И. Куракина", запись от 29 мая 1710 г.

[2] Там же, кн. II, стр. 289—290.

[3] Там же, стр. 287—288.

нейтралитет, то царь не только будет свободен от принятых обязательств, но надеется, что цесарь, Англия и Генеральные штаты придут к нему на помощь со своими войсками для совместных действий против нарушителя.

Последнее пожелание не осталось втуне. Летом 1710 г. в Гааге закипела усиленная деятельность по вопросу о том, какое количество войск должен выставить каждый из участников мартовского соглашения о северном нейтралитете. 2 июля Матвеев уже располагал полученным из „секрета стацкого" проектом[1] мероприятий, „которые могут быть приняты к действительному содержанию нейтральства в цесарстве, включа тут же Слезвик и Ютландию". В этом проекте приводилась следующая раскладка: цесарь обязывался выставить 2 полка кавалерии по 1 000 человек в каждом, Англия вместе с Голландией — 12 батальонов пехоты, Пруссия — 5 батальонов пехоты, Ганновер — 4 и т. д. Общая численность „корпуса нейтральства," как его позже стали называть, должна была равняться 24 батальонам пехоты и 2 000 конницы.

Этот корпус предназначался, разумеется, для выступления против того, кто нарушит северный нейтралитет — безразлично, будь это Швеция или Северный союз. Но вырабатывались эти мероприятия в Гааге под давлением русской дипломатии, вследствие настойчивых требований северных союзников, а не Швеции.

Что касается держав Великого союза, то они, скрепя сердце, уступали обстоятельствам и соглашались на принятие конкретных мер. К этому их принуждали опасения, что русские войска, преследуя шведов, вторгнутся в Германию. Взятие Риги и Выборга еще больше укрепило военный престиж России. В этих условиях всякий намек на франко-русское сближение был особенно неприятен для Великого союза, а о версальских попытках подражать кардиналу Ришелье узнали в Гааге и Лондоне, конечно, значительно раньше, чем в Москве.

В силу всех этих обстоятельств 4 августа (н. ст.) 1710 г. в Гааге была подписана конвенция, предусматривающая создание международного смешанного корпуса, обеспечивающего северный нейтралитет. Морские державы, император, Пруссия и другие имперские князья обязались выставить против нарушителя нейтралитета общим числом около 15500 пехоты и 3 000 конницы.

В заключение подведем краткий итог этим длительным переговорам о гарантии, которые велись в Гааге с осени 1709 г. и закончились заключением соглашения от 20/31 марта 1710 г., и связанной с ним конвенции от 4 августа того же года. Положительное значение акт

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 298.

о северном нейтралитете для русской внешней политики заключалось, прежде всего, в том, что он означал признание Северного союза морскими державами и цесарем, означал установление в Европе нового политического равновесия на базе уничтожения Травендальского и Альтранштедтского договоров. Кроме того, эти переговоры весьма способствовали усилению разногласий между Карлом XII и стокгольмским сенатом. И, наконец, в результате этой дипломатической деятельности шведский корпус в Померании был обречен на полную бездеятельность во время кампании 1710 г.

При малейших передвижениях шведских войск, к генералу Гульденштирну в Померанию со всех сторон — из Гааги, Вены, Ганновера, Берлина — летели предупреждения, протесты, угрозы. От него требовали, чтобы он не подавал ни малейшего повода для вторжения войск Северного союза в Германию.[1]

Это обстоятельство помогло русскому правительству справиться с двумя важными задачами, стоявшими перед ним в области внешней политики, а именно: утвердиться в Восточной Прибалтике и удержать Данию в составе Северного союза. Дания же после своего поражения в Сконене и сама обнаруживала известную склонность к заключению сепаратного мира и была к этому усиленно побуждаема многими европейскими державами.

Заключение августовской конвенции представляло собой новый крупный успех русской дипломатии. Если мартовское соглашение о северном нейтралитете с точки зрения Северного союза делало шаг назад по сравнению с декабрьской гарантией, то в августовской конвенции о создании „корпуса нейтральства" было сделано два шага вперед. Этим были выполнены требования, предъявленные северными союзниками сразу же после того, как им стало известно содержание декабрьской гарантии.

Августовская конвенция позволяет нам более глубоко и правильно понять и соглашение от 20/31 марта 1710 г., оценка которого затрудняется его двойственностью. Ченс справедливо отмечает, что мартовское соглашение могло быть использовано шведским правительством для сохранения за Швецией ее владений в Германии. Но оно было использовано, добавим от себя, русской дипломатией в совсем другом направлении.

Чтобы быть последовательным, необходимо дать мартовскому соглашению и августовской конвенции 1710 г. такую же оценку, какая была дана Ченсом русско-ганноверскому договору от 3 июля того же года. Не только Георг I, но и английское правительство и Великий союз в целом

---

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 261—262.

в 1710 г. „променяли союз с Швецией на объединение с ее врагами". В северной политике Великого союза произошел коренной перелом.[1]

Русским дипломатам помогали не только русские военные успехи и благоприятная международная ситуация, но и шведские дипломатические промахи. Карл XII всегда с исключительным пренебрежением относился к дипломатии и дипломатам; это привело к печальным для Швеции результатам. В то время как шведские представители теряли одну позицию за другой в Гааге и других политических центрах, русская дипломатия увеличивала свое влияние в Западной Европе, совершенствовала свои приемы, овладевала искусством дипломатического компромисса.

Успешная дипломатическая деятельность помогла нашей стране занять гораздо более выгодные международные позиции, чем те, которые она занимала до Полтавской победы, и с честью выйти из новых трудных испытаний, которые ей предстояли в недалеком будущем.

В конце 1710 г. горизонт Восточной Европы снова покрылся тяжелыми тучами, и серьезные опасности угрожали Северному союзу. В ноябре 1710 г. Турция объявила России войну. По указаниям Карла XII, в Швеции, Финляндии, Померании велись усиленные военные приготовления с величайшим усердием; усиливался флот. Своим гневным протестом от 30 ноября 1710 г. против гаагского соглашения, „которое под видом нейтралитета постановило создать армию в благоприятство его врагов", шведский король бросил вызов почти всей Европе.[2]

Величайшее волнение, по словам Дройзена, охватило европейские политические круги. Ожидали „новой революции" в Восточной Европе. Что если шведский король, двинувшись к Пруту с турецкими войсками, соединится в Польше со шведским войском, которое проникнет туда из Померании? Но то, пред чем трепетали политики из Берлина, не вызывало ужаса в Москве и Петербурге. Турецкую войну там давно ожидали и к ней готовились. В столицах держав Великого союза русские дипломаты развертывали усиленную деятельность по созданию „корпуса нейтральства".

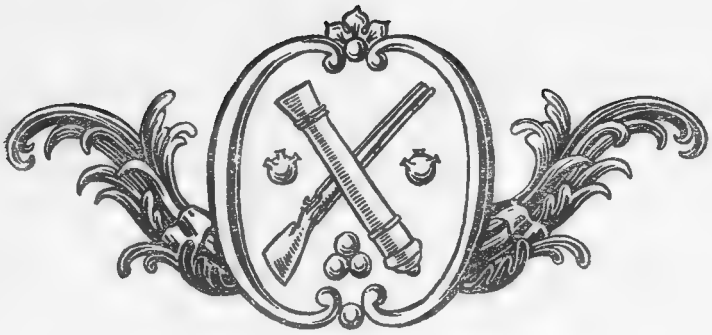
Опираясь на поднимающуюся русскую нацию,[3] искусно используя международные противоречия, уверенно вел отважный кормчий с помощью сотен и тысяч преданных ему людей корабль России и Северного союза к поставленной им цели — уничтожению на Балтике шведского господства, отнявшего у соседей Швеции возможности нормального экономического и политического роста.

---

[1] J. F. Chance, op. cit., p. 676.

[2] В связи с этим нельзя не отметить в качестве грубого промаха то обстоятельство, что U. Michael в своей работе „Englische Geschichte im achtzehnten Jahrhundert", Erster Band, Hamburg — Leipzig, 1896, игнорирует гаагские соглашения 1709—1710 гг.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. X, стр. 226.



П. П. ЕПИФАНОВ

ВОИНСКИЙ УСТАВ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Важнейший памятник военной реформы Петра Великого — Воинский устав 1716 г. — до сих пор не заинтересовал „гражданских“ историков. Но и военные историки до сего времени не уделили должного внимания этому уставу. Продолжительное время Устав 1716 г. считали простым переводом немецкого Устава (вроде устава 1796 г. Павла I). Дело в том, что первые отдельные издания Устава 1716 г. печатались параллельно на русском и немецком языках. Немецкий текст предназначался для иноземных офицеров, служивших в русской армии. Так почему-то напечатан Устав 1716 г. и в т. V Полного собрания законов. Это обстоятельство дало „основание“ автору немецкого сочинения „История русских войск“ — фон-Штейну — безапелляционно заявить, что Устав 1716 г. был составлен немцем-пруссаком, и русский исследователь Устава 1716 г. П. О. Бобровский еще в 80-х годах прошлого столетия вынужден был опровергать эту грубую фальшивку немецких „историков“.[1]

Труды самого П. О. Бобровского посвящены исследованию военно-правовой части Устава 1716 г. (кн. 2, Артикул).

Он полагал, что Петр создал регулярную армию „по иноземному образцу“, что сама военная реформа при Петре I стала будто бы неизбежной в результате влияния на Россию „культурных государств Европы“.[2] „Нельзя допускать и мысли, — писал Бобровский, — что для

[1] П. О. Бобровский, Военные законы Петра Первого, СПб., 1887, стр. 70—81.

[2] П. О. Бобровский, Военное право при Петре Великом, СПб., 1882, ч. I и II.

иноземного строя русского войска следовало создать свои русские национальные законы".[1] П. О. Бобровский не обнаружил в Уставе 1716 г. ничего своего, „национального", и называл Устав Петра „верной копией" западных военных уставов. Следует отметить, что в более позднем очерке П. О. Бобровский, не отказываясь от своего основного тезиса о том, что Устав Петра составлен „по наиболее совершенным образцам иноземных законов", отметил осторожное и критическое отношение Петра к этим образцам: чужеземные военные законы принимались „после опытов в войне и критической их оценки", „вводилось только то, что было годно, и отбрасывалось то, что было негодно". Автору была известна черновая рукопись „Артикула воинского" (хранившаяся в архиве Главного штаба) с 75 собственноручными поправками Петра I.[2]

Основные части Устава 1716 г., наиболее интересные, с точки зрения истории русской армии, ее военного искусства и военных идей Петра I, — тактическая, строевая и военно-административная (кн. I „О должностях генералов", кн. III — „О экзерциции") — до сих пор не подвергались подробному изучению.

В трудах военного историка Д. Ф. Масловского указано на значение первого строевого устава регулярной армии („Краткое обыкновенное учение", 1702 г.) и тактических инструкций Петра как источника устава 1716 г.[3] Впадая в другую крайность, Д. Ф. Масловский с националистической точки зрения горячо защищал тезис о полной самобытности и оригинальности Устава 1716 г., начисто снимая тем самым проблему связи русской военной культуры с западноевропейской.

Основной методологический порок буржуазной военно-исторической науки — ее историко-юридический догматизм и идеалистическая трактовка роли великих полководцев — не позволил ей понять значение боевой практики регулярной армии и роли самого Петра в составлении Воинского устава 1716 г. Военный гений, каким был Петр, „не нуждается в уроках опыта", — утверждал Леер.[4]

Появление военных уставов в новое время и на Западе, и в России относится ко времени возникновения постоянных регулярных армий абсолютных монархий.

Еще Мориц Оранский, как указывает Ф. Энгельс, „составил первый

---

[1] П. О. Бобровский, Военное право при Петре Великом, СПб, 1882, ч. I, стр, 63.

[2] П. О. Бобровский, Военные законы, стр. 48, 73.

[3] Д. Ф. Масловский, Записки по истории военного искусства в России, М. 1898; Его же, Строевая и полевая служба русских войск, М., 1883.

[4] Леер. Петр Первый как полководец, Военный сборник, 1855.

строевой Устав нового времени и этим заложил основы единообразного обучения целой армии.[1]

Энгельс подчеркнул большое значение того обстоятельства, что европейские армии на грани XVII—XVIII столетий получили на вооружение новую технику — ружье с ударно-кремневым замком и штыком, что вызвало „революцию в пехотном деле", т. е. коренное изменение в организации и тактике основного рода войск — пехоты.[2] Как и на Западе, в России на протяжении XVII столетия основным родом войск становится пехота; поместно-дворянская конница постепенно теряла свое боевое значение. Уже в 1647 г. русская пехота „солдатского строя" получила первый строевой устав — „Учение и хитрость ратного строения пехотных людей". Армия постепенно насыщалась ручным огнестрельным оружием (мушкеты, завесные пищали с фитильным запалом); расширялось и отечественное производство артиллерии (тульские, каширские и другие вододействующие заводы, Пушечный двор в Москве). Во второй половине XVII столетия было начато производство ручного огнестрельного оружия „русского дела" (тульские „самопальники", Оружейная палата в Москве). В полках „иноземного строя" (русские солдаты, рейтары, копейщики) периодически производилось строевое обучение. Эти полки получали оружие, боеприпасы и снаряжение из государственного арсенала, из „царской оружейной казны". Рядовой состав солдатских полков пополнялся даточными людьми.

Однако низкий уровень военного производства, недостаток высококачественного металла и технической культуры приводили к тому, что вплоть до реформы Петра I вооружение армии было отсталым и зависело от импорта оружия. К концу века резко определилось качественное отставание русской артиллерии (при довольно значительном количественном ее росте). Устав 1647 г. к этому времени совершенно устарел, и солдат обучали по „ратному обычаю", т. е. фактически по произволу иноземных полковников, которые, естественно, не могли пользоваться у своих подчиненных доверием и авторитетом. В результате экономической, военной и культурной отсталости государства русская армия все более отставала в своем развитии от армий передовых стран Запада.

Эпоха преобразований Петра Великого, которую товарищ Сталин охарактеризовал как „своеобразную попытку" „выскочить из рамок отсталости", явилась переломным моментом в истории русской армии. В результате военной реформы Петра в России была со-

---

[1] Ф. Энгельс, Избранные военные произведения, ч. I, 1940, стр. 182.
[2] Там же, стр. 32.

здана новая регулярная армия, с ее новой организацией, вооружением и тактикой. Петр Великий „лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны" (Сталин) и путем значительного расширения военного производства обеспечил русскую армию современной военной техникой — ружьем с ударно-кремневым замком и штыком, пушками, мортирами, гаубицами, а также боеприпасами и снаряжением.

Однако регулярная армия возникла не сразу, а постепенно, в результате многолетнего и сложного процесса. Боевая практика армии в Северной войне явилась той школой, которая формировала военные идеи Петра и определила собой развитие регулярной армии и ее окончательную структуру, сложившуюся в основном к 1709 г., к моменту исторического Полтавского сражения.

Реорганизация армии поставила перед Петром и его военными сподвижниками ряд крупных задач не только экономического, но и военно-организационного характера: подготовку русских генералов и офицеров, артиллеристов и военных инженеров, обучение и воспитание армии в духе более высокой „регулярной" дисциплины и т. д. Одной из таких важнейших задач было введение в армии единых уставов, определяющих ее внутренние порядки, строевые и тактические принципы.

В настоящей статье мы, пользуясь как известными, так и неопубликованными ранее источниками, попытаемся показать картину возникновения первых уставов и уставных положений регулярной армии, а также установить происхождение и историческое значение Воинского устава Петра I в связи с процессом возникновения и развития русской регулярной армии.

I. „Устав Вейде"

Решение о необходимости коренной реорганизации армии окончательно созрело у Петра I после азовских походов. Непригодность старой военной организации била в глаза каждому, кто задумывался о состоянии русской армии и военном положении государства.[1] Но далеко не всем было ясно, как нужно реорганизовать военные силы государства, по какому пути должно было пойти развитие русской армии. Нужно было решительно преодолеть косность существующей военной организации, традиционное отвращение дворянства к пехотной службе, осознать факт отсталости русского войска и сделать из этого решительные

[1] См., например, дневник П. Гордона, переписку В. В. Голицына с Софьей; у Н. Г. Устрялова, т. 1, прил. VII; Записку о ратном поведении И. Посошкова.

выводы. Эта историческая задача выпала на долю Петра, и он выполнил ее с энергией, уменьем и настойчивостью „действительно великого человека" (Энгельс).

Ко времени азовских походов было уже организовано и обучено четыре регулярных солдатских полка (Преображенский, Семеновский, выборные Гордона и Лефорта). Сам Петр в школе потешных „малых полков" и потешных походов 1691—1694 гг. изучал строевые порядки пехоты и кавалерии, артиллерийское и оружейное дело, начатки фортификации.

В азовской операции 1695—1696 гг. уже совершенно ясно выразилось стремление Петра к применению новых средств и способов ведения войны („военные консилии" и единоначалие в армии, военно-инженерные методы осады, морской флот, речной транспорт и т. д.). Вместе с тем, азовские походы вскрыли органические недостатки в организации и тактике русской армии и послужили толчком к дальнейшим военно-организационным мероприятиям. После взятия Азова было положено начало „скасованию" стрелецкого войска: стрельцы были оставлены на юге в качестве гарнизонных войск.

В Москву в роли триумфаторов вошли регулярные солдатские полки с генералиссимусом А. Шеиным и иноземными генералами во главе, за которыми шел „пеш" сержант и бомбардир Петр Алексеев. Два этих факта явились внешним выражением поворота военной политики Петра I.

В 1696—1697 гг. Петр приступил к реализации ряда крупных военно-организационных мероприятий.[1] В западноевропейские страны было послано около 150 волонтеров—стольников, сержантов и солдат — для изучения морского дела и „военной науки". В Цесарскую землю и другие государства „для присматривания новых воинских дел и поведений" был послан „майор выборного Преображенского солдатского полку" А. А. Вейде. В марте 1697 г. выехал за границу и сам Петр. За границей не только приобретали огромные партии ружей, багинетов, заказывали пушки, нанимали офицеров, артиллеристов и военных инженеров, но и внимательно изучали военное дело, технику, организацию и тактику армий. Сам Петр и талантливые волонтеры — В. Корчмин, Гр. Скорняков-Писарев, имеретинский царевич Александр Арчилович, Я. Брюс

[1] Утверждение проф. Н. Коробкова о том, что мысль о необходимости коренной реорганизации армии возникла у Петра лишь в результате заграничной поездки, откуда он „вернулся с планом решительной перестройки русских вооруженных сил", противоречит фактам. Такое решение созрело у Петра до заграничной поездки на основе опыта „потешных" и азовских походов. (Проф. Н. Коробков, Петр I — основатель русской армии и ее военного искусства, „Военная Мысль", 1944, № 2—3).

и др. — с успехом изучали военно-инженерное и артиллерийское дело. Одним из наиболее замечательных результатов поездки волонтеров явился и так называемый „Устав Вейде".

В единственной статье, посвященной „Уставу Вейде", автор ее утверждал, что этот устав „был первым руководством для русского солдата при начале устройства регулярных войск". [1] Можно сказать, что взгляд на „Устав Вейде", как на первый „воинский устав регулярной армии", был общепринятым. [2] Однако в действительности дело обстоит несколько сложнее: работа Вейде представляет, собственно, не устав, а доклад Вейде Петру о результатах его наблюдений. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с содержанием Устава. В посвящении Петру Вейде пишет о том, что он „не жалел прилежания", дабы узнать в Европе все, что „к доброму воинскому изучению надлежит", и свои наблюдения „с крайним прилежанием в настоящей книжице описать". И в самом деле, А. А. Вейде не формулирует далее определенные уставные положения, а описывает то, что может или должно быть, каковы военные порядки в разных государствах. О пехоте, например, Вейде пишет, что „ею мочно разно служить, именно: яко мушкетер, гренадир, такожде и пикинир". „Рота пехотная есть часть людей во 100 и 120 человек, как у цесарцев употребляетца, у французов же не более 60 до 70 человек беретца". [3] „Батальон состоит из 3—4 или 5 рот, и есть обыкновенно сие половина или третия часть полку", т. е. полк может быть в 2- или 3-батальоном составе, и т. д. То же самое в описании офицерских чинов. Полковник „имеет у цесарцев полную мочь, что он в своем полку по открытой воинской думе может солдата велеть повесить". Полковой квартирмейстер „не имеет в Прусской земле столь много дела, как во иных землях". О сержантах Вейде пишет что „обыкновенно имеют их по 2, по 3 и по 4 у роты".

Отдельные положения Устава перемежаются рассуждениями Вейде (например, о „пороховом майоре" и др.), ссылками на военные обычаи других стран, историческими примерами. Стрельбу из карре Вейде описывает по способам французской, саксонской и цесарской армий. В важнейшем вопросе о строе шеренг Вейде точно также не формулирует определенного положения, как уставного, но сообщает о том, что „в раз-

---

[1] П. О. Бобровский, А. А. Вейде и его Воинский устав 1698 г., „Досуги Марса", Казань, 1887, № 1.

[2] См. Военная энциклопедия, изд. Сытина, 1915 г., т. XVIII, статья „Петр I Алексеевич".

[3] Воинский устав Вейде 1698 г., СПб., 1841 г. Изданный „по высочайшему повелению" в небольшом количестве экземпляров, „Устав Вейде" представляет в настоящее время библиографическую редкость.

ных землях" ведутся об этом споры: 4-шереножный строй, „кажется, лутчи, понеже я скорее и чащее могу огня достать (т. е. усилить ружейный огонь в боевом порядке) и не имею смятения опасатца", но зато при 6-шереножном строе крепче „фронта", а главное — „фланка" боевого порядка; следовательно, и этот строй имеет свои достоинства и выгодные стороны — „прибыточнее и безопаснее есть".

Ясно, что название доклада (или обзора) Вейде уставом абсолютно не соответствует его содержанию и назначению.

Нельзя, однако, отрицать, что „Устав Вейде" имел положительное влияние на развитие русской регулярной армии. Устав ярко отразил зарождение новых военных идей в момент возникновения регулярной армии. Сводный, описательный характер явился в условиях момента скорее достоинством, чем недостатком работы Вейде. Самый обзор фактов сделан умело и со знанием дела. Вейде обнаружил глубокое понимание особенностей современного военного дела и сумел выделить наиболее прогрессивные явления в его развитии, которые, в сущности, только намечались в лучших армиях Европы. Так, о пикинерах Вейде говорит, что они в настоящее время „едва не все оставлены (отставлены), и в то место фузеи с багинетами употребляют, дабы больше огня иметь". Новые войсковые соединения в европейских армиях также привлекли его внимание. Кроме роты, батальона, полка, в некоторых армиях, пишет Вейде, существуют еще бригады в составе от 2 до 5 полков (конных или пеших). „Сие есть зело нужная вещь, потому что испытание (опыт) то во всех землях показывает". У цесарцев нет бригадирского чина, но сводят по 3—4 полка под командой генерал-майора; „у нидерландцев же и у французов есть сей чин зело знатен и во употреблении".

Интересна общая оценка Вейде значения военного искуства, порывающая с идеей военного „провиденциализма". „Хотя победа от Господа происходит, — делает оговорку Вейде, — однакоже недостоит того ради тем, иже с неприятелем дело имеют, руки в недра полагати и без всякого труда и попечения пребывати". Вейде говорит о необходимости каждому чину армии знать свою должность, о необходимости „прилежного обучения" солдат и офицеров не только строю, но и „иным всем воинским искусствам", об обязанности начальных людей смотреть за тем, чтобы „солдаты в добром обучении и строю непрестанно держаны были".

Преимущества искусной армии Вейде доказывает примером битвы 12 сентября 1697 г. при Цейте, в которой, как он „сам видел", сорокачетырехтысячная венгерская армия разбила турок, „которых с 85 000 обреталось", потеряв 1 500 человек и уничтожив при этом 25 000 турок.

Новой и весьма ценной идеей Устава Вейде является мысль о необходимости строгой дисциплины и единоначалия в армии: вся армия, все армейские чины должны строго подчиняться „генералиссимусу или полному воеводе", который „воинские уставы учинить имеет и твердо повелевать", а подчиненные его приказы „несмотря ни на какое лицо исполнять", „дабы все нестройство, и своевольство, и несогласие во время унято и учреждено было".

Не менее значительны проявления самостоятельной военной мысли Вейде, которые выразились в критике некоторых явлений не только в русской, но и в иноземных армиях. Необходимо, пишет Вейде, чтобы „у нас на Москве пороховые казны маеоры оставлены были", так как их обязанности всюду выполняет обозничий. „И не могу я дознаться откуды такие маеоры вымышлены, понеже ни в которой земле таких не обретаетца". Устарелый способ стрельбы „стрешным ходом", который „здесь (в России) еще во употреблении", „уже более 10 лет ни в которой земле не употребляетца". Вейде не принимает на веру строевые порядки иноземных войск, отличающиеся излишней сложностью, и опускает описание многих из них, „понеже пользы от тех увидать не мог". Оправдывая сложность описываемых им способом сдваивания шеренг, Вейде замечает: „Здваивание рядов и шеренг, которое „мы видели (т. е. видели Петр и Вейде в Европе), еще более непотребно".

Таким образом, положительное значение „Устава Вейде" в истории русского уставного творчества несомненно. Новые и свежие военные идеи „Устава Вейде" вполне отвечали духу и направлению военной политики Петра I. Именно поэтому, думается, Петр неоднократно печатал „Устав Вейде" и распространял его в армии. Некоторые положения его он считал устарелыми, как, например, мысль Вейде о том, что генерал-квартирмейстер „в русской земле непотребен". Личное участие Петра в редактировании „Устава Вейде" вряд ли может вызывать сомнение. Оно подтверждается тем, что строевая часть доклада Вейде переделывалась Петром (совместно с А. М. Головиным). Далее, в „Уставе Вейде" встречаются мысли, которые не мотивируются его темой и представляют в нем несомненную вставку. Это известный вопрос о том, „что есть именно солдат", на который дан характерный для взглядов Петра ответ: „Речение солдат просто содержит в себе всех людей, которые при войске суть, от вышнего генерала даже и до последнего..." Не случайно эта мысль не была утеряна в течение многих лет и вновь повторена (в несколько иной редакции) в Воинском уставе 1716 г.

„Устав Вейде" был использован, прежде всего, для разработки первых уставных положений регулярной армии Петра Великого.

II. Первые уставные положения регулярной армии

История „Устава Вейде" лучше всего доказывает, что ни одна армия вообще не может принять те или иные уставные положения чужеземных армий (а главное, усвоить их практически в массовом опыте) до тех пор, пока ее собственное развитие не сделает это возможным. В 1698 г., когда Вейде представил свой доклад Петру, нечего было и думать о введении в русской армии генерал-адъютантов, генерал-инженеров и пр. по той простой причине, что самой армии (как регулярной) еще не существовало. В 1699 г., как известно, Петр набрал из вольницы и даточных людей около 30 полков регулярной пехоты. В момент набора „прямого регулярного войска" на первый план, естественно, выдвинулись задачи строевого обучения пехоты, воспитания солдат в духе регулярной дисциплины и установления внутреннего порядка в армии. Этой насущной потребности и отвечали первые уставные положения регулярной армии, разработанные и принятые в армии в 1699—1700 гг., до начала Северной войны.

Строевой устав, „учение солдат" (строевые порядки, ружейные приемы, приемы с багинетом и гранатой) составляет второй раздел „Устава Вейде". Но это „обыкновенное учение", как и весь Устав, представляет собой не окончательную отработку приемов и перестроений, а скорее описание их, довольно сложное и неточное. Сам Вейде, как мы видели, сомневался в целесообразности некоторых из них. Сопоставление всех известных фактов приводит к выводу, что строевая часть „Устава Вейде" в первоначальном виде никогда не применялась как уставная для обучения армии и что авторы действовавшего с 1669—1700 гг. строевого положения — А. М. Головин и Петр — использовали при его составлении среди других материалов и „Устав Вейде".

На составление Строевого устава А. М. Головиным указывал еще Н. Г. Устрялов, правда, не приводя доказательств.[1] Такого же мнения придерживались Д. Ф. Масловский и П. О. Бобровский, но последний считал, что первоначальный Устав 1700 г., составленный Головиным, был переделан в 1702 г. в связи с выходом нового французского строевого устава, отменившего употребление пик.[2] Однако в русском Строевом уставе 1699—1700 гг. нет ни слова о пикинерах и приемах с пикой, зато указаны приемы с багинетом. С другой стороны, ссылка Бобров-

[1] Н. Г. Устрялов, История царствования Петра Великого, III, стр. 346.
[2] П. О. Бобровский, Военные законы, стр. 40.

ского на письмо Головина Петру от 5 марта 1700 г.[1] не имеет отношения к Строевому уставу, так как в письме явно речь идет о другом уставном Положении. И все же автором окончательного текста Строевого положения 1699—1700 гг. мог быть только Головин. А. М. Головин „учинен генералом" Преображенского и Семеновского полков в конце 1689 г. (сразу после Троицкого похода). „Оной из спальников первой, которой знал солдатскую экзерцицию", — пишет о нем В. И. Куракин. Начиная с 1690 г., Головин руководил строевой подготовкой первых регулярных полков, „уча оные полки в неделю по трижды".[2]

В 1698 г. Головин имел переписку с находившимся в Амстердаме Петром о „солдатском строе" и „о стрельбе и учении полков", причем Петр послал именно Головину как начальнику „строевой части" регулярных полков какие-то материалы („посылку, кая надлежит к солдатскому строю"), касающиеся этих вопросов.[3] Перед отъездом за границу Петр оставил Головину отдельную инструкцию: „Статьи, кои надлежат генералу к управлению полком" (любопытные как первый образец самостоятельного уставного творчества Петра I). Первая „статья" требовала: „смотры и учения начальных людей и солдат... чинить".[4] Несомненно, что параллельно с Вейде материалы для оформления Строевого устава собирал сам Петр или другие лица из состава Великого посольства по его поручению (например, знаток строя Ф. Лефорт). Лично Петр хорошо изучил строевые порядки и ружейные приемы не только русской армии (обычные), но, повидимому, и некоторых европейских армий.

По возвращении из-за границы, на смотре полков осенью 1698 г. Петр, как сообщает И. Корб, остался недоволен строевой выправкой полков и лично показал солдатам, „как нужно делать движения и повороты".[5] Все это показывает, какое значение придавал Петр в это время строевой подготовке пехоты.

Как наиболее знающий и опытный строевой офицер, имеющий за плечами по крайней мере 10-летний стаж службы в регулярных полках, изучивший солдатское дело „с фундамента", Головин легко мог усвоить и практически проверить, совместить со старыми обычными правилами, приспособить к духу русского солдата новый Строевой устав.

---

[1] „Посылаю статьи о чинах пехотного строю, что кому довлеет знать. Изволь посмотреть и где не так, исправить". Письма и бумаги императора Петра Великого, I, стр. 811.

[2] Архив кн. Ф. А. Куракина т. I, стр. 65.

[3] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I, стр. 716—717.

[4] ЦГАДА, Кабинет Петра I (далее: Кабинет), отд. II, кн. 53, л. 595.

[5] Дневник И. Корба, Чтения Моск. общ. ист. и древн., 1867, прил., стр. 89.

Весной 1699 г. Головину было поручено важнейшее дело обучения строевых офицеров из стольников для регулярной пехоты, набор которой подготовлялся. Собрав стольников в Преображенском, „генерал (Головин) всех пересмотрел и велел установить шеренгами, и проучил по артикулу, сначала в два темпа...“.[1] В 1699 г. новоприборные солдатские полки точно так же обучались строю „по артикулу“.[2] Именно в эти месяцы (весна—лето 1699 г.) А. А. Вейде был поглощен работой над составлением артикула, „какое кому наказание за вины“, т. е. Дисциплинарного устава.[3]

Таким образом, все материалы к Строевому уставу („Устав Вейде“, „посылка“ Петра из Амстердама, собственные русские обычные правила) сосредоточились у Головина. Все эти разнообразные, противоречащие друг другу и сравнительно сложные (у Вейде) правила были практически проверены и отшлифованы в ходе учений 1699—1700 гг., в результате чего получен окончательный текст Устава. Первым строевым уставом русской регулярной армии было Строевое положение 1699—1700 гг.

Это Строевое положение, находящееся в делах Кабинета Петра I, частично было напечатано в Письмах и бумагах Петра I.[4] Собственноручные пометки и исправления Петра на подлинном экземпляре доказывают его личное участие в составлении Строевого положения 1699—1700 гг.

В следующие годы это Положение было пополнено изложением приемов для гренадер и под названием „Краткое обыкновенное учение пеших полков“ применялось без особых изменений до 1706—1708 гг.[5].

Введение единого строевого устава пехоты имело огромное значение, являясь одним из элементов, образующих регулярную армию.

---

[1] Записки А. Желябужского, 1845, стр. 142.

[2] Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции, т. V, М., 1888, стр. 21—22.

[3] Н. Г. Устрялов, История царствования Петра Великого, т. III, прил. VII, стр. 32.

[4] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I, № 340; Кабинет, отд. II, д. 53, лл. 1139—1143.

[5] „Краткое обыкновенное учение“ входило в „ручные книги офицеров“. Известны две такие книги — поручика И. Кожевникова, составленная в 1714 г., и „Записная книга военного человека“ Ф. Петрова, составленная в период 1709—1720 гг. Под „Кратким обыкновенным учением“ в сборнике Ф. Петрова подписано: „печатан на Москве лета Господня 1704 месяца марта в 3 день и паки пред тым 1700 лета месяца ноября дня 27 и октября дня 28“. Следовательно, Строевой устав был напечатан, по крайней мере, дважды в 1700 г. После этого Устав издавался в 1702 и в 1704 гг., и печатные экземпляры этих изданий сохранились. См.: П. О. Бобровский, Военные законы, стр. 37—40; Обручев, Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся к истории военного искусства в России, СПб., 1853, стр. 319—320.

Что же представлял собой первый строевой устав русской регулярной армии?

Был принят строй в 6 шеренг. Это видно из правил стрельбы падением (нидерфален): „1. Передние пять шеренг пади. 2. Задняя прикладывайся. 3. Пали". Кроме того, в „Ротных пехотных чинах" (см. ниже) об ефрейторе сказано: „Смотрит он над пятью человеки, которые в его ряду стоят". Следовательно, Петр и его военные сотрудники, сознавая недостаточную строевую подготовку армии перед началом войны со шведами, решили принять такой строй, который делает крепче „фронт и фланки" боевого порядка.

Как и в „Уставе Вейде", было принято три вида боевой стрельбы: плутонгами (взводами), нидерфален и залп. Следует заметить, что способ стрельбы плутонгами совсем недавно был введен во французской армии и принят другими армиями, а о стрельбе падением Вейде, хорошо изучивший западные армии, говорит, что „сие еще ни в какой земле не употребляемо, кроме саксонцев, которые сего употребления сыскали, и уже цесарцы зело много также сие применяют". Но если уже Вейде отбросил „непотребные" ружейные ухватки западных армий, то тем более упрощены они в русском Строевом уставе. Строевые правила Устава 1699—1700 гг. предусматривают две ступени подготовки солдата — рекрута и старослужащего (солдат „племянничьего" и „полного" оклада). С этой целью приемы ружьем, штыком и гранатой разделены на две ступени: для необученных и обученных солдат. Например, заряжение по Уставу производилось в 12 приемов, но особо предусмотрен для обученных „скорый заряд" в три темпа: „1. Заряжай ружье. 2. Прикладывайся. 3. Стреляй". Точно так же „Краткое учение гренадерам" предусматривает изготовку к бою в 9 приемов (по 3 ухвата), но „когда вышеописанные ухваты гораздо знать станут, и тогда можно кратче приказывать: „1. Мушкет за плечо. 2. Вынь гранат и вскрой. 3. Зажигай и бросай".

Особенно важное значение имело коренное изменение приемов с багинетом. В „Уставе Вейде", отражавшем принципы применения багинета в западных армиях, эти приемы имеют пассивный характер. Ружье с примкнутым багинетом при положении „на караул" (с прикладом подмышкой) применялось для обороны от конницы и пехоты противника, и это было данью старым, еще не забытым приемам пехотинца XVII столетия с пикой. В русском Уставе 1700 г. впервые вводится активное, наступательное действие багинетом и соответствующая команда: „Коли в четыре оборота" (с положением ружья „на руке"). Начиная с этого времени, активные действия пехотным холодным оружием (штыковая атака) становится особенностью и традицией рус-

ской армии, и в XVIII столетии русский „штык-молодец" завоевывает под знаменами Суворова мировую славу.

Наконец, перестроение рядов и шеренг по русскому Уставу очень просты, необременительны для солдата и, как все принципы Устава, направлены на подготовку солдат к бою, а не к парадным вольтам.

Устав принял простое сдваивание рядов и шеренг, необходимое для ведения правильного ружейного огня, построение в карре для отражения конницы, ружейные приемы (огонь и штык), приемы для гренадер.

Для того чтобы оценить огромное значение первого строевого устава (1700 г.) в истории русской армии, следует вспомнить, что перестроения и приемы в современных европейских армиях (особенно прусской) были „варварски усложнены" (Рюстов).[1]

Петр I отрицательно относился к подобной бессмысленной муштре. Требуя от солдат и офицеров знания солдатского дела „с фундаменту", он ограничивал строевую подготовку минимальными требованиями, обеспечивающими умелые и быстрые действия в бою, и облек строевые и ружейные приемы в настолько ясные формы, что они без труда расшифровываются спустя два столетия.

По словам Д. Ф. Масловского, Петром был указан „замечательно поучительный взгляд полководца на мирную подготовку войск, от которого впоследствии отказались, несмотря на указания Суворова..."[2].

Строевое положение 1699—1700 гг. уже заключало в себе зерно новой правильной тактики пехоты (обучение солдат современным методам ружейного огня, действиям штыком и гранатой). Принципы строевой подготовки в уставе Петра, по существу, отрицают методы обучения солдат в западных наемных армиях с их муштрой, „ружистикой и шагистикой".

Строевой устав Петра дал прекрасные результаты в обучении солдат. По отзыву Ч. Витворта, в 1705 г. русская пехота была „обучена очень хорошо, и офицеры говорили мне, что не могут надивиться рвению простых солдат к делу с тех пор, как им выяснили лежащие на них обязанности". В лагере под Нарвой (вторая осада 1704 г.) Витворт имел случай лично убедиться в хорошей строевой выучке

---

[1] Вот, например, образец команды из одного немецкого устава, приводимый Д. Ф. Масловским: „Шестыми частями шеренг вперед влево утрой шеренги". Для усвоения подобных перестроений, по словам немецкого военного историка Г. Дельбрюка, „у пруссаков учение производилось изо дня в день, и служба беспрерывно занимала как офицеров, так и солдат". — Д. Ф. Масловский, Строевая и полевая служба, стр. 27; Г. Дельбрюк, История военного искусства в рамках политической истории, т. IV, М., 1938, стр. 228.

[2] Д. Масловский, Строевая и полевая служба, стр. 29.

русской пехоты: „Он (Огильви) считает, что русская пехота много лучше немецкой и не уступает пехоте какой бы то ни было нации. Вчера он повел меня взглянуть на лагерь и, случайно встретив какой-то батальон, заставил его экзерцировать: все эволюции были проделаны очень отчетливо и ловко".[1]

III. „Ротные пехотные чины" и „Статьи воинские"

В 37-й книге I отделения Кабинета Петра I (ЦГАДА, Москва) находится два уставных документа, однотипных по своему стилю и характеру. Это „Ротные пехотные чины" (л. 574) и „Статьи воинские, как надлежит солдату в житии себя держать и в строю и во учении как обходиться" (л. 573). Оба документа имеют большое значение для характеристики русской регулярной армии в момент ее возникновения. В них заключены основы строевой организации, взаимоотношений офицеров и рядовых, воспитания моральных качеств воина и навыков дисциплины, общего военного распорядка и т. д., которые были развиты в последующие годы и закреплены в Уставе 1716 г.

„Ротные пехотные чины" определяют права и обязанности начальных людей роты — от капитана до ефрейтора — в обучении солдат строю и стрельбе, в походе, на карауле и, частично, в бою (только общие положения), а также взаимные отношения офицеров и унтер-офицеров между собой. „Статьи воинские" формулируют в 7 пунктах обязанности солдат на службе, правила поведения вне службы и определяют „наказания за вины": солдат обязан в урочный час немедленно являться на занятия, во время учения „быть смирным" и „помнить, что приказано будет, и по тому повелительству то исполнять", „прилежание иметь немалое к учению", беречь оружие, быть бдительным на карауле и не уходить с поста „без перемены", удерживаться от пьянства, зерни и винной продажи, на постоялых дворах жить смирно и хозяевам озорства и обид не чинить и т. д. Под „Статьями" другой рукой подписано, возможно по указу Петра: „А сии статьи каждому солдату должно на память иметь. И на каждую неделю по дважды читать им". „Статьи" написаны ясным, народным языком, сжатым и доходчивым.

Возникает вопрос: когда и кем составлены эти уставные положения и применялись ли они в армии?

Прежде всего, содержание документов, несомненная связь одного с другим, позволяет думать, что они были составлены в одно время. Чин службы капрала в „Ротных чинах" совпадает почти буквально с пунктом

[1] Сборник Русского исторического общества, т. XXXIX, стр. 55, 162.

о караульной службе солдата в „Статьях воинских". В обоих документах встречается ефрейторский чин, и, по „Ротным чинам", ефрейтору надлежало быть „жития доброго, как повелено рядовым солдатам".

Эта ссылка ясно указывает на то, что „Статьи воинские" были составлены несколько ранее „Ротных пехотных чинов". Содержание и внешние признаки документов (славянские цифры, старый термин „начальные люди", указание на постоялые дворы, в которых живут солдаты и пр.) указывает на их раннее происхождение (около 1700 г.). В это время Петр находился как раз в Воронеже и вел, как всегда, оживленную переписку со своими генералами из Преображенского „штаба" регулярных полков — „Генерального двора". Письмо Головина от 5 марта 1700 г., в котором говорилось о посылке артикула „о чинах пехотного строя, что кому довлеет знать", и письмо Вейде о составлении им артикула „какое кому наказание за вины", кажется, свидетельствуют о том, что „Ротные пехотные чины" составил А. М. Головин (использовав „Устав Вейде"), а „Статьи воинские" — А. А. Вейде. Вполне вероятно, что оба Положения окончательно редактировались Головиным и Вейде совместно, а их письма Петру и приведенная выше памятка в виде указа читать солдатам „Статьи воинские" — „на каждую неделю по дважды" — показывают, что Петр лично проверял текст Положений.

Именно в это время (1699—1700 гг.) шло обучение молодых офицеров и солдат, формировались новоприборные солдатские полки, и, естественно, возникла необходимость в подобного рода уставных Положениях.

Спустя две недели после отсылки на просмотр Петру „Ротных пехотных чинов" Головин писал ему: „Преображенского полку солдатам по солдатским правам за многое их гулянье, за пьянство и за зернь, и за многие неты учинено наказание спицрутен и от полка отставлены" [1].

Это и есть „Статьи воинские". И состав проступка, и вид наказания предусмотрены „Статьями", а формулировка наказания буквально совпадает с заключительной фразой п. 2 „Статей" („учинено будет наказание спицрутен и от полку будут отставлены"). Можно считать поэтому, что указание Бобровского на 1713 г. как время составления „Статей воинских" ошибочно. [2]

„Ротные чины" и „Статьи воинские" применялись в практике и были официальными уставными Положениями русской регулярной армии. Они входили (вместе со Строевым положением) в состав „ручных книг"

---

[1] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I, стр. 807.

[2] П. О. Бобровский, Военное право, ч. 2, стр. 582.

офицеров, а позднее были использованы при составлении Устава 1716 г. Они показывают, что воспитание и обучение новой регулярной армии начиналось с солдат и офицера роты. Первая задача состояла в том, чтобы привить им элементарные навыки строевой, караульной и внеслужебной дисциплины, а вместе с тем „прилежание“ и „охоту“ к строевым занятиям, изучению и сохранению оружия, правильной уставной стрельбе в „шереножном строю“. В „Статьях“ явно выражена тенденция отделить солдата от условий гражданской жизни и поставить его в особые условия военной дисциплины. Солдат — это не стрелец, полувоин, полугражданин, а прежде всего военнослужащий. Но солдаты еще не полностью оторвались в это время от старых условий военного быта: „Статьи“ говорят о „домашних нуждах“ солдат, и, в самом деле, новоприборные солдаты жили еще в так называемых слободах, в домах обывателей, обзаводились семьями, получали участки „солдатской земли“ и пр.

С началом Северной войны последние остатки этих „патриархальных“ условий исчезают.

Дисциплинарная часть „Статей воинских“ очень интересна. Так, наказания за проступки дисциплинарные строже, чем за проступки в быту (пьянство и зернь, воровство и продажа вина). Первые идут в возрастающей степени в зависимости от первого, второго или третьего случая и предусматривают разные наказания для молодых и старых солдат. Наказания „на теле“ были обычным явлением в армиях того времени. Все же следует отметить относительную мягкость дисциплинарных наказаний по первому уставному Положению (сравнительно с общим законодательством того времени и позднейшими артикулами). „Статьи воинские“ предусматривают не только физические, но и моральные наказания (понижение старых солдат в „племянничий оклад“, отставка из полка).

Замечательно соответствие Строевого положения (простота, ясность приемов и перестроений) с принципами воспитания и обучения солдат в „Статьях воинских“, составляющих в этом плане начало „суворовских“ традиций русской армии. Солдат, по „Статьям воинским“, обязан не механически „отработать“ строевые перестроения и ружейные приемы, но, имея „прилежание“, запомнить их, усвоить сознательно, так же как и все „статьи“, — „на память иметь“. Офицер обязан „поучать“, „учить“ солдат, „о солдатах иметь немалое попечение“. Прапорщик каждой роты особенно обязан „большую любовь к солдатам иметь, и когда они в наказание впадают, тогда за них бить челом“.

Эти положения вводились в то время, когда каждый офицер прусской армии как символ своего „офицерского достоинства“ носил трость,

а прусский унтер-офицер имел профессиональную кличку „Wamsklopfer“ („выколачивающего куртки“).[1]

Содержание „Ротных пехотных чинов“ не ограничивается определением прав, обязанностей и взаимоотношений офицеров роты. „Ротные чины“ предъявляют высокие требования к служебным достоинствам, моральному облику и боевым качествам офицера. В этом отношении они, безусловно, имели большое воспитательное значение. По „Ротным пехотным чинам“, офицер должен быть образцом для рядового солдата, „рассудок меж солдат иметь доброй“, но вместе с тем „братства“ с подчиненными не иметь, — другими словами, заботиться о сохранении своего престижа в роте. Мысль о том, что офицер не должен иметь дисциплинарных проступков, как бы сама собой подразумевается, поскольку „Ротные чины“ умалчивают о самой возможности нарушения дисциплины офицером, требуя от него быть „доброго жития и смелого сердца“.

От офицера, прежде всего, требуются исполнительность, повседневная забота о состоянии и обучении роты, знание военного дела, ставящие его выше солдата. Знать строй и поучать с прилежанием солдат обязан капитан, однако поручику надлежит „больше знать, как роту учить, и больше трудов к ней полагать, нежели капитан“. Сержант должен знать „солдатское обхождение и капральское, чтоб он в тех чинах искусен был“. Следовательно, сержантом можно было стать, пройдя все ступеньки службы — от рядового солдата, ефрейтора и капрала. Капрал должен быть „добр, осторожен и расторопен“,

„Ротные пехотные чины“ воспитывают чувство ответственности старших и младших офицеров роты. В них нет и следа изживших себя „местнических“ порядков, характерных для русской армии XVI—XVII вв. Наоборот, ценность офицера, грани между ними определяются не „породой“, а служебными обязанностями и, с другой стороны, — знаниями, опытом, моральными и боевыми качествами офицера. В этом отношении „Ротные пехотные чины“ совпадают с взглядами, выраженными в позднейших документах Петра Великого (личные инструкции, указы о порядке производства офицеров, Устав 1716 г. и др.). В бою офицер также должен быть образцом храбрости: скорее „себя при знамени дать в части разрубить, нежели знамь оставить, потому что вся рота по нем поступает“, как сказано в „Ротных чинах“ о прапорщике. Каждый офицер должен быть „смелого сердца“, — такова формула боевого нравственного долга офицера.

Таким образом, первые уставные положения регулярной армии приняты до начала Северной войны. Содержание этих уставов ясно

---

[1] Г. Дельбрюк, История военного искусства, т. IV, стр. 295.

показывает, что многие крупные уставные вопросы решались Петром Великим уже в это время не по шаблону и готовым „иноземным образцам", а самостоятельно и творчески, в соответствии с национальными особенностями русской армии и военными идеями самого Петра. Однако по своему содержанию первые уставные Положения ограничены. Они совсем не касаются более сложных вопросов управления боем, действий армии в военной обстановке, тактики армии и отдельных родов оружия и т. д. Для решения этих задач армия еще не созрела, а сам Петр не имел достаточного боевого опыта. Но дальновидность и предусмотрительность Петра как раз и сказались в нежелании решать, например, тактические задачи по готовым „образцам", которых, конечно, сколько угодно было в уставах других армий. Петр, очевидно, сознавал, что для усвоения новой тактики недостаточно еще узаконить те или иные тактические правила. Новый шаг в развитии русского уставного творчества связан с опытом военных действий и, прежде всего, с уроком нарвского поражения 19 ноября 1700 г., основную причину которого Петр видел в „неискусстве" русской армии.

IV. „Уложение" Б. П. Шереметева, „Артикул краткий" А. Д. Меншикова, „Устав прежних лет"

Имеется ряд свидетельств о существовании и применении в практике „военных артикулов", т. е. свода военно-правовых и прочих законоположений, до 1716 г., т. е. до Воинского устава. 9 февраля 1702 г. на представлении Шереметева о назначении в армию генерал-гевалдигера Петр написал: „Выбрать из Москвич и дать на письме должность, также и артикул".[1] Возможно, что это указание послужило толчком к составлению так называемого „Уложения" Шереметева; подпись под „Уложением" Шереметева — „Исполня указ великого государя е. ц. величества подписал" — подтверждает эту догадку, хотя к работе над „Уложением" Шереметев мог приступить и раньше.[2]

Это „Уложение" применялось в армии. На введение и печатание военных законов указано в манифесте 16 апреля 1702 г. о вызове иностранцев.[3] В инструкции Меншикова войскам от 8 февраля 1704 г. (одобренной Петром) говорится: „Всем радеть и делать, как честным и добрым солдатам надлежит, под примером и наказанием 43 статьи

[1] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I, № 408.

[2] „Уложение" Шереметева напечатано у Розенгейма, Очерк истории военно-судных учреждений, СПб., 1878, прил. VII.

[3] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. II, № 421.

Артикула воинского".[1] 43-я статья „Уложения" Шереметева представляет право начальному человеку того, кто струсит в бою (будет „хорониться"), „убить до смерти", „выговоря ему", а солдатам: „убить до смерти своего начальника", оставившего пост, объявив об этом другим начальным, „хотя своей роты".

„Уложение" Шереметева представляло новый шаг вперед в развитии уставов регулярной армии. Оно требовало от офицеров „чтить" друг друга „по степеням чина", от младших офицеров и солдат — подчиняться старшим начальникам, причем за неподчинение офицер должен быть разжалован в рядовые, а рядовой — носить мушкет на плече по 3 часа с перерывом в течение недели. Оно устанавливало некоторые правила караульной службы в военной обстановке, правила походного порядка, сбора полков по боевой тревоге, общие обязанности солдат и офицеров в бою, требовало хранить военную тайну, хранить порядок в сражении, „понеже в непорядках, а паче в крику много худых случаев бывает", так как вследствие шума „управляти ничего невозможно будет", и т. д. Интересны две статьи „Уложения" — ст. 42-я: „Всяк начальный и солдат должен и обязан есть товарища своего от неприятеля выручать и пушечный наряд, знамя и прочие знаки елико возможно оборонять так, как любы ему живот свой и честь, под наказанием смерти"; ст. 44-я: „Буде целые полки, шквадроны, батальоны или роты присягу свою и обещание забудут" и без „разорвания и помешания строю своего от неприятеля бесчестный бег учинят", то начальные люди, „имения, чести, купно с животом лишены да будут".

Но „Уложение" Шереметева в силу своей краткости и недостаточно четкой и удовлетворительной разработки ряда уставных вопросов скоро устарело. В мае 1705 г. фельдмаршал Огильви просил Петра дать новый „указ об обидах". Петр отвечал Огильви, что такой указ послан не будет, „понеже войско все вам двум фельдмаршалам [Огильви и Шереметеву] вручено с полным воинским правилом, судом и указом, по которым вы должны чинить праведный и воинский суд".[2]

В черновом варианте письма содержится указание на то, что в это время составлялся новый устав: „понеже новый [артикул] не может быть скоро выправлен". Точно такое же указание имеется в указе Н. Репнину от 25 января 1707 г.: „крейсрат и прочие воинские права ныне отправлять по старому артикулу, пока новой будет выправлен".[3]

Можно предполагать, что в данном случае речь шла о том воинском уставе, который находится среди прочих материалов к уставу

[1] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. III, № 662.
[2] Там же, т. III, № 842.
[3] Там же, т. V, № 1531.

1716 г. в д. 37-м I отделения Кабинета Петра I и озаглавлен „Устав прежних лет".[1]

„Устав прежних лет" переписан здесь набело в отдельной тетради, с немногочисленными пометками рукой Петра. Уставу предшествует Манифест, текст которого близок к содержанию Манифеста Артикула 1716 г. В конце Устава упомянуто об указе издать его „в явственную печать" и о том, что всякий начальный человек должен будет „одну книжку при себе иметь, под потерянием на один месяц жалованья". Все признаки и само название — „Устав прежних лет" — свидетельствуют о том, что он был предшественником Артикула 1716 г. Устав дает полную схему военно-судебных инстанций (нижний, или полковой, суд, гварнизонный, или осадный, генеральный, т. е. общеармейский, суд) и определяет порядок судопроизводства, военного следствия и судоговорения, состав преступлений и проступков, чинимых по ним наказаний и т. д. Все это, безусловно, должно было сыграть большую роль в укреплении общего „регулярного" порядка и дисциплины в армии.

Устав определяет также права и обязанности военно-судебных и полицейских чинов армии (профосы, аудиторы, гевалдигеры всех степеней). В сущности, это был первый подробно разработанный военно-правовой кодекс армии.

Не меньший интерес „Устав прежних лет" представляет и для истории самой армии и ее военного искусства, поскольку он отражает новый шаг вперед в ее развитии на опыте нарвского поражения и последующих военных действий. В самом деле, если первые уставные положения ограничивались вопросами строевой подготовки и пр. в пределах роты или полка и в условиях мирного времени, то тематика „Устава прежних лет" несравненно шире: она охватывает вопросы общеармейские, вопросы караульного, походного (в военных условиях) и отчасти боевого порядка и дисциплины. Все это разработано достаточно подробно и обдуманно. Вторая часть „Устава прежних лет" — „Статьи воинские", с эпиграфом: „Чрез оружие домогаются чести", содержит текст воинской присяги с пометкой на полях рукой Петра: „Надлежит пространней написать". Следовательно, Петр обдумывал и этот Устав и давал указания о разработке отдельных его частей.

В главах 16—17-й Устава говорится „О карауле, всполохе (тревоге), походах и о походных порядках, о боевых строях и приступах". Изложив правила караульной службы на становищах, в обозе, в походах, Устав подчеркивает: „И то всем, которые на карауле суть, гораздо разсуждать

[1] Лл. 253—321. Здесь же второй экземпляр его: „Воинский Устав списан с прежнего". По листам скреп: „Царского Величества Московского Воинский Наказ".

подобает, что на их очи все войско во сне полагается, и что караул живот обоза и крепость есть" (глава 21-я), т. е. указывает на значение караульной службы в условиях военного времени. На полях против этого пункта рукой Петра отмечено: „В конце". Возможно, что эта пометка сделана Петром при разработке Артикула. Эта мысль почти буквально повторена и в Артикуле 1716 г. В походе, как ударят в барабаны, солдаты и офицеры обязаны немедленно стать в строй у своего знамени; во время движения из шеренг не выходить, на телеги не садиться, соблюдать строгий порядок. На становищах и привалах споров не поднимать и удовольствоваться местами, отведенными квартирмейстерами. Устав дает первоначальную разработку вопроса управления боем и дисциплины боя. Перед началом сражения пехотные офицеры обязаны слезть с лошадей „и на назначенном месте в полном оружии перед солдатами своими или в первой шеренге встать, коль люба им есть своя честь и добрая слава" (глава 39-я). Устав запрещает выходить „на стравки", нападать на противника и делать вылазки без приказа.

Глава 2-я повторяет известную нам мысль Уложения Шереметева: „Всякий начальный человек и солдат должен и обязан быть имеет товарища своего от неприятеля выручать, пушечный снаряд оберегать, и прапорец и знамя свое, елико возможно, боронить так, сколь ему люб живот и честь его". Здесь опять повторяется идея взаимной выручки в бою и защиты воинского знамени, так высоко поднятая Петром I.

Главы 48—53-я трактуют: „О оружии, вооружении или сбруе и о иных воинских приуготовлениях" и требуют беречь оружие и осторожно с ним обращаться, хранить воинское снаряжение; устанавливают наказания за порчу и утерю оружия.

Главы 89—97-я посвящены порядку смотра рот, батальонов, полков, выплаты жалованья солдатам. Смотр осуществляется только с ведома высшего командира или воинского комиссара. Категорически запрещается принимать в полк негодных и неспособных солдат и офицеров (глава 90-я).

Этот пункт дополнен рукой Петра: „И повинен (нарушитель) суд принять, как выше сего написано".

Главы 98—104-я устанавливают порядок при взятии „городов, крепостей, обозов и в тех полученных полонянников и добычи"; главы 130—135-я — порядок обороны крепости и дисциплины осажденного гарнизона. Устав требует оборонять крепость всеми средствами мужественно и храбро и „до вышней нужды". „С мосту, переправы, пролому, редуту, шанца или проводных рвов, которые ему (солдату) оборонять и стеречь приказано, доброй волей и без приступу да не отходят". Запрещается, находясь в осаде, кричать или советовать о сдаче крепости.

За сдачу крепости без приказа или крайней нужды ее комендант подвергается смертной казни, так же и все начальные люди или солдаты, понуждавшие его.

„Устав прежних лет", повидимому, не раз пересматривался, исправлялся и дополнялся. Последние его главы (137—141) имеют подзаголовок: „О иных не имянованных прилучаях и прочих указах". Здесь говорится, между прочим, о том, что в непредусмотренных Уставом случаях следует судить виновных „по близко к тому съисканной статье", или же „по исконному доброму воинскому поведению". Чтобы никто не отговаривался неведением, „надлежит аудиторам и смотровым писарям оные (статьи Устава) перед полками и ротами по последней мере на всякой месяц по единожды явственно прочитать".

Собственноручные пометки Петра на рукописи „Устава прежних лет", сжатый и ясный стиль всего Устава и, особенно, наиболее ответственных его формулировок показывают, что Петр лично редактировал Устав, не раз возвращаясь к этой работе.

„Артикул краткий" по своему содержанию близок к „Уставу прежних лет".[1] Он был составлен по поручению и при личном участии А. Д. Меншикова (принявшего в 1706 г. командование драгунской конной армией) — „для наилучшего, порядочного и честного упражнения в кавалерии". Печатный экземпляр Артикула А. Д. Меншикова (на церковнославянском языке) был случайно приобретен акад. Пекарским еще в 1859 г.[2] Имеются и другие рукописи „Артикула краткого".

Кроме военно-правовых статей, занимающих большую часть Артикула, в нем содержатся статьи о караульной службе (глава 7 „Об осторожности и бодрости"), о солдатской работе, о походном порядке, „о держании в квартирах и обозах". Подчеркнуто значение воинской присяги: „Кто к знамени присягал единожды, у оного и до смерти стоять должен".

При составлении „Уложения" Шереметева, „Артикула краткого" Меншикова и „Устава прежних лет", несомненно, были использованы уставы западных армий (саксонской, шведской, французской, нидерландской, цесарской). Воинские артикулы этих армий, по поручению Петра, переводили на русский язык Вейде, А. Виниус, Ф. Компен, Гюйсен и другие лица. Заимствования нашли отражение в общей композиции первых уставов, в их тематике, в определении прав, обязанностей и ответственности военнослужащих. Уставы вводили в русской армии новые военно-полицейские и судебные чины с сохранением их иноозем-

---

[1] Подлинный экземпляр в Кабинете Петра I, отд. I, д. 37, лл. 575—596.

[2] П. О. Бобровский, Военные законы, стр. 26—27.

ных названий (гевалдигеры, аудиторы, профосы). Что касается строевых офицерских чинов (капитаны, ротмистры, сержанты, квартирмейстеры и др.), то они существовали в русской армии со второй половины XVII столетия. Новыми чинами были общеармейские (генеральские) чины (фельдмаршал, генерал-квартирмейстер и др.). Следует подчеркнуть, что эти чины были введены в армии ранее составления артикулов. Петр шел не от устава к жизни, а от практики к уставу. Так, Шереметев был назначен командующим армией в 1700 г. и в 1702 г. произведен в фельдмаршалы. Генерал-квартирмейстер, генерал-адъютанты, генерал-гевалдигер и другие чины „генерального штаба" были назначены в армию в 1701 г. Следовательно, Петр сначала проверял практически целесообразность применения того или иного, нового для русской армии, института и лишь после этого на основе собственного опыта решал вопрос об уставном оформлении новых должностей и правил. Вот почему нельзя назвать ни одного западного устава, который послужил бы прототипом первых русских артикулов.

П. О. Бобровский в свое время не мог найти подобного прототипа для Уложения Шереметева и Артикула Меншикова, и то же самое можно сказать и об „Уставе прежних лет", в составлении которого Петр принял более близкое участие. Здесь были использованы не только иноземные уставы, но и собственная традиция. Тематика и идеи „Устава прежних лет" совпадают в соответствующих частях с идеями „Ротных пехотных чинов" и „Статей воинских" 1700 г., а также с идеями личных тактических инструкций Петра I, Шереметева и Меншикова. Таково, например, определение места и задачи офицера в сражении. Своеобразные и заостренные формулировки русских уставов о значении воинской присяги, взаимной выручки в бою, значении караульной службы в военной обстановке и многие другие носят явный отпечаток собственных идей Петра и его сподвижников. Внимание Петра I к этим ответственным и важным формулировкам подтверждается приведенной выше пометкой Петра на рукописи „Устава прежних лет".

Таким образом, можно говорить лишь об общеевропейских источниках первых русских уставов. Возможность и неизбежность взаимных влияний и заимствований, естественно, объясняется общностью европейской военной культуры, в известных рамках — общностью социальной структуры современных армий, а в тактическом отношении — единством их военно-технического оснащения (например, в XVII столетии — ружье с фитильным запалом и пика, в XVIII столетии — ружье с ударно-кремневым замком и штыком). Однако каждая армия развивается, прежде всего, на основе собственного боевого опыта и обладает теми или иными исторически сложившимися национальными особенностями.

Регулярная армия Петра I резко отличалась от большинства современных наемных армий своим национальным составом. Но это преимущество не могло дать непосредственного боевого эффекта до тех пор, пока русская армия в массе не овладела современным „регулярным" военным искусством.

Оригинальный характер уставного творчества Петра I особенно ярко проявился в новый, наиболее богатый событиями период Северной войны.

V. Тактические инструкции и военные указы Петра I. Боевой опыт регулярной армии

В 1705—1706 гг. в ходе Северной войны произошел серьезный поворот, война вступила в новую фазу своего развития. С заключением Альтранштедтского мира между Карлом XII и Августом II окончательно определилось коренное изменение стратегической обстановки. По словам Петра I, „сия война над однеми нами осталась".[1] Русской армии предстояло столкновение с главными силами противника.

Изменились также тактические условия войны. Если до 1705 г. усилия русской армии были сосредоточены на осадных операциях (Ниеншанц, Нотебург, Дерпт, Нарва), а действия полевых войск ограничивались задачами прикрытия или обеспечения этих операций, то отныне, со вступлением войны в маневренный период, главную задачу войны должно было решить тактическое искусство полевой армии.

Новая обстановка не застала армию врасплох. За пять лет, истекших с начала войны, регулярная организация армии укрепилась. Были достигнуты первые успехи в перевооружении армии современной артиллерией и ручным огнестрельным оружием, получили первоначальную организацию на регулярной основе и некоторый опыт боевого взаимодействия все три рода войск — пехота, кавалерия (драгуны) и артиллерия; в „малой войне" армия приобретала боевую закалку и овладевала тактикой линейного боя, „фрунт на фрунт"; выросла мобильность армии (действия драгунской кавалерии, конной пехоты и конной артиллерии с зарядными ящиками) и вооруженность ее техническими и транспортными средствами (понтонный парк, инженерно-саперные команды, речной и морской флот, артиллерийский обоз и пр.); укрепились дисциплина и моральное состояние армии, особенно в результате успешных осадных операций и первых побед в полевых сражениях

[1] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. V, № 1490.

(Эрестфер, Гумельсгоф); в целом армия обнаружила способность к быстрому развитию и усвоению нового военного искусства.

Однако за этот период (1702—1705) не сохранилось более или менее развитых тактических инструкций.[1] Инструкция Меншикова 1704 г., с одобряющей ее надписью Петра: „Доброе учреждение войску", устанавливает основы дисциплины боя и дает общие тактические указания пехоте и кавалерии.[2] Реорганизация армии в этот период еще не была завершена, и только в следующий период, на основе боевого опыта маневренных действий 1705—1709 гг., армия овладевает современной тактикой и становится в полном смысле слова регулярной армией.

В 1705 г. совершается переход к рекрутской системе. В армии введены крупные войсковые соединения — бригады и дивизии. Улучшается тактическая организация пехоты (переформирование полков в 8-ротный состав, переход к 4-шереножному строю). Создается гренадерская пехота.

В 1706—1709 гг. происходит перевооружение армии ружьем со штыком (вместо багинета). Армия получает на вооружение новые образцы легких полевых орудий (по чертежам Петра и В. Корчмина), с усовершенствованным лафетом, и широко применяет картечный огонь. В 1705 г. Петр считал еще невозможным дать Карлу XII „генеральный бой" по той причине, что реорганизация и перевооружение русской армии еще не были завершены и она не имела опыта крупных полевых операций. „Сам ты известен, — писал Петр Меншикову в начале 1705 г., — что нам не для чего искать бою генерального, но паче удалятца от оного".[3] Именно поэтому драгунская кавалерия в 1706 г. была сведена в отдельную конную армию, чтобы неприятеля „искать скорыми способами налехке". В Гродненской операции, в сражениях у Мур-музы и Калиша, при Головчино и Лесной армия накапливала массовый опыт новой тактики. Отступая в 1707—1708 гг. в глубь страны, армия в промежутки между боями непрерывно училась, и Петр лично осуществлял смотры и учения целых дивизий. Так готовилась историческая победа молодой русской регулярной армии над „непобедимыми господами шведами" под Полтавой.

На этой основе возникает ряд тактических инструкций и военных указов Петра I, отразивших расцвет его полководческого искусства

---

[1] К сожалению, повидимому, утрачена инструкция Петра войскам перед сражением 7 июля 1703 г. с Кронгиортом. Сохранилось только описание боя в письмах Петра Ромодановскому и Ф. Апраксину, — Письма и бумаги императора Петра Великого, т. II, №№ 554, 555.

[2] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. II, № 662.

[3] Там же, т. III, № 789.

и военно-организаторского мастерства и послуживших еще одним источником Воинского устава 1716 г.[1]

Эти собственноручные документы Петра вносили в ходе войны коренные изменения в тактическую организацию и приемы армии. Так, в инструкции Брюсу Петр указал строить боевой порядок не обязательно в две линии, а „во столько линий (или рядов), сколько дает место широты". Из инструкции Брюсу и „Учреждения к бою" видно, что в 1706—1708 гг., по указанию Петра, пехота переходит к 4-шереножному строю и стрельбе плутонгами и шерengами (вместо нидерфален). В это же время совершается перелом в тактике кавалерии, — она переходит от применения ружейного огня в конном строю к атаке холодным оружием. Петр дает указания коннице „отнюдь из ружей не стрелять, прежде того пока неприятеля в конфузию приведут, но с едиными шпагами наступать", атаковать „линиями, а не колоннами, как прежде чинено было". Указы Петра I давали наставления о мирной подготовке войск, о порядке производства и принципах воспитания офицеров, а также полную разработку вопросов управления боем, тактики армии и отдельных родов оружия и их тактического взаимодействия в бою.

Замечательна мысль Петра I о том, что обучение старых солдат должно отличаться от рекрутского обучения, ибо „оные того градусу уже миновали", а поэтому старых солдат „надлежит непрестанно тому обучать, как в бою поступать, то есть справною и не спешною стрельбою, добрым прицеливанием, справным швенкованием, отступлением, наступлением, наступлением линей, захватыванием у неприятеля фланкии, секундированием (взаимной помощью. — *П. Е.*), единым другим и протчим обороты и подвиги воинские, чему всему есть мать безконфузство... ибо сие едино войско возвышает" („Учреждение к бою"). Точно так же „надлежит каждого офицера и ундерофицера главным генералом в вышеписанных делах искушать, и на поле оным велеть так делать порознь, якобы самому делу", причем Петр требовал не останавливаться перед тем, что „ежели которой в том неискусен явился, а нижний лутче учинит,

[1] Эти документы следующие: „Учреждение к бою" 16 июля 1708 г. и „Пункты командующему над каждым батальоном" 4 марта 1706 г.; последние напечатаны в прилож. к цит. раб. Розенгейма; Инструкция Брюсу 1706 г.; у Голикова, т. II, стр. 254; Указ о порядке производства офицеров 1707 г. — в ПИБ, т. VI, № 206; такой же Указ 1714 г. в Докладах и приговорах Сената, т. IV, № 200; „Регулы, которые при баталии предостережены быть имеют" 1713 г. у Масловского; Строевая и полевая служба, прим. 14, 44; Собственноручные указы и инструкции Петра, хранящиеся в делах Кабинета; „Три пункта об офицерах" 1708 г. и Указ о производстве офицеров баллотированием, I отд., д. № 37, лл. 43, 794—795; Указ о необходимости изучения военно-инженерного дела, отд. I, д. № 55, лл. 40—41. Многие аналогичные документы еще не извлечены из архивов.

то верхнего сводить на низ, а нижнего на верх, чрез которую экзерцицию у всех охота и страх прирастет..." („Учреждение к бою").

Здесь, собственно, заключена та идея, которую позднее разовьет в своей „Науке побеждать" А. В. Суворов.

Указы Петра об офицерах не только устанавливают деление офицеров на ранги (штаб,- обер,- унтер-офицеры), порядок производства и повышения офицеров, но также показывают, какие высокие требования предъявлял Петр к моральным и боевым качествам офицеров регулярной армии. Петр запрещал производить в офицеры „молодых, которые с фундамента солдатского дела не знают, ибо не служили в низких чинах", и установил правило, „чтоб из дворянских пород (в офицеры) отнюдь не писать, которые не служили солдатами гвардии".[1] Петр требовал, чтобы офицеры проявляли инициативу в бою, „чтоб каждой капитан и протчие офицеры каждой своей ротой командовали, а не на маеора во всем смотрели..".[2]

Наконец, Петр требовал, чтобы офицеры изучали военные науки.

В специальном указе Петр писал, что „зело нужно, дабы офицеры знали инженерства, буде не все, то хотя часть оного". Петр лично составил программу „нужнейшей части инженерства" и установил правило, что офицер в 25 лет и моложе, не усвоивший инженерного дела, „не будет произведен выше из того чина, в котором ныне обретается".

Частными инструкциями и указами до Устава 1716 г. устанавливались обязанности командующего армией, генералов и офицеров в бою. Командование в бою вручалось одному старшему начальнику. В практике установилось правило, что командующий обязан перед боем, если возможно — при участии воинской консилии, разработать диспозицию предстоящего сражения, с учетом условий местности, сил и намерений противника, и задачи боя и армии в целом.[3]

„Командующим генералам надлежит место свое назначить, где офицерам их в нужном случае скорее сыскать можно". Генералы обязаны следить за строгим исполнением приказов, полученных и отданных ими,

---

[1] К указу 1714 г. Петр сделал оговорку: „Сей указ не на тех служит, которые солдаты из простых людей и, долго служа, свою ваканцию получили прямой службою".

[2] В указе, написанном после 1716 г., Петр требовал, чтобы офицеры проявляли инициативу в исполнении правил Воинского устава, действовали „по рассуждению", „не держася Устава, яко слепой стены," так как в нем „только порядки писаны, а время и случаев нет". Главная обязанность офицера — забота „о целости солдат, ибо все воинское дело в том состоит". Кабинет, отд. I, д. 37, лл. 409—410.

[3] Именно за отсутствие диспозиции перед боем у Головчино, вследствие чего полки пришли „в конфузию," командир дивизии Н. Репнин был предан военному суду и приговорен к смертной казни, замененной разжалованием в солдаты (см. оправдательное письмо Репнина Петру, Кабинет, отд. II, д. № 8, л. 931).

„и в том особ своих не жалеть". Установлены места офицеров в боевых порядках: „капитану середь роты, подпоручику с правой стороны, фендриху (а буде нет, то сержанту) с левой по концам роты", причем офицеры должны находиться впереди роты: „Всем сим стоять в первой или другой шеренге спереди (а дале отнюдь не стоять назад), дабы удобнее видеть и повелевать". Задача штаб-офицеров (от майора и выше) — наблюдать за общим ходом и порядком боя, для этого они должны быть на лошадях („Регулы", „3 пункта об офицерах").

По инструкциям того времени пехота, после залпа, переходит в штыковую атаку, почему и предписывалось „первой шеренге никогда не стрелять без нужды, но, примкнув багинеты, ружье держать". Три шеренги ведут переменный огонь „с плеча, а не с караулу, которое зело конфузит". Пехота не должна бояться пушек, а „прямо поспешно на них итти... ибо чем ближе к пушкам, тем меньше вреда и опасности от них". Для захвата артиллерии противника перед началом боя следует выделять отряды пехоты, которые обязаны „ими [пушками] овладеть, не теряя ни мгновения ока", и употребить против врага или заколотить. Взаимная выручка и тактическое взаимодействие родов оружия — одна из главных идей инструкций Петра I. „Накрепко надо смотреть, чтоб друг друга секундовать, и когда неприятель пойдет на одно крыло, то другому крылу неприятеля с тыла во фланг атаковать". Пушки должны сопровождать пехоту „на колесах" и поддерживать ее действия картечным огнем. „При инфантерии надобно 3-х фунтовые пушки иметь и оные временами остановлять и картечами по неприятелю стрелять".

Принцип взаимной поддержки частей и обеспечения боя резервами нашел классическое выражение в Полтавском сражении.

Тактика артиллерии вообще определяется условиями боя. Однако маневренность артиллерии является основным принципом ее действий. Если легкие 3-фунтовые пушки двигаются вместе с пехотой, то тяжелые 6- и 12-фунтовые „надобно искать на высоких местах ставить"; „однакож, ежели армия отважирует, то и оные времянно подвигать надобно, и сего надлежит полковнику артиллерии смотреть и потребные приготовления чинить". Все эти указания были основаны на собственном боевом опыте русской армии и самого Петра Великого. В его инструкциях то-и-дело встречаются фразы вроде следующих: „как я сам усмотрел", „понеже я в последней акции видел сам", „например, в последней баталии" и пр.

Можно, конечно, с уверенностью сказать, что сама боевая практика регулярной армии, „живая жизнь" войны были гораздо богаче, шире и разностороннее, чем то, что сохранилось в документах петровского

времени,[1] и Петр, составляя в 1712—1716 гг. свой Воинский устав, не только использовал свои ранние инструкции, но и опирался на боевой опыт наиболее богатого событиями периода Северной войны в целом.

Мы уже отметили, что в практике установилось правило составлять перед боем его диспозицию, выдавать армии „регулы" предстоящего сражения, между тем до сих пор историкам не удалось выяснить, было ли такое „правило" узаконено, записано на бумаге до Воинского устава 1716 г. То же самое можно сказать об идее частных резервов из гренадер на флангах боевого порядка, осуществленной уже в сражениях при Лесной, об идее „корволанта", применявшейся уже в первый период войны, о военных консилиях, начало которых относится еще ко времени азовских походов, об идее полевой фортификации, примененной впервые под Гродно в 1706 г., под Головчино в 1708 г., и, наконец, в совершенно своеобразной и оригинальной форме — под Полтавой и т. д., и т. п. Только в Воинском уставе 1716 г. все это было записано и вошло в золотой фонд русской регулярной армии.

VI. *Воинский устав 1716 г.*

В неоднократно упомянутом выше д. 37-м I отделения Кабинета Петра I (ЦГАДА, Москва), кроме первых уставных положений регулярной армии, „Артикула краткого" Меншикова, двух набело переписанных экземпляров „Устава прежних лет", „Воинских артикулов Свейского Кароля XI", „Свода для процесса русского, французского, английского, датского и шведского," так называемых „Статей пожарных" и других материалов, служивших, очевидно, пособиями при составлении Устава 1716 г., находится также подлинная черновая рукопись „Устава воинского сухопутного", с многочисленными поправками, изменениями и дополнениями, сделанными рукой Петра и отчасти его кабинет-секретарем Макаровым.[2]

Изучение этой черновой рукописи Устава 1716 г., не известной в исторической литературе, проливает новый свет на вопрос о происхождении Устава Петра I и позволяет сделать ряд новых и важных выводов. Прежде всего, рукопись достоверно свидетельствует о том, что текст Устава 1716 г. от начала и до конца был составлен и отре-

---

[1] Известная „Книга Марсова" — эта сокровищница боевого опыта русской регулярной армии в Великой северной войне — до сих пор не изучалась военными историками и еще ожидает своего исследователя.

[2] Кабинет, I отд., д. № 37, лл. 46—253, 253—372, 492—566, 573, 574, 575, 997 и др. За указание этого дела выражаю искреннюю благодарность проф. В. И. Лебедеву.

дактирован при личном участии Петра I: в данной рукописи им сделано до 200 поправок и дополнений, многие из которых имеют принципиальный характер. Далее, сопоставление всех известных уставных документов показывает, что основным источником строевой и тактической частей Устава 1716 г. явились первые уставные Положения армии и личные инструкции и Указы Петра, возникшие в ходе Северной войны и отражавшие последовательно моменты развития регулярной армии.

Однако все эти материалы не переписывались механически, а подвергались переработке в зависимости от тех изменений, которые внесла жизнь в структуру и тактику армии за последние годы и в соответствии с теми задачами, которые ставил перед собой составитель Устава. Так, например, по „Уставу Вейде" составлена часть главы „О званиях и должностях полковых чинов" в 3-й книге Устава и некоторые главы (например, XII, XVII, XX, XXII) кн. I. Текст „Устава Вейде" подвергнут при этом коренной переработке, как можно видеть из следующих примеров:

Текст „Устава Вейде"	Текст Устава 1716 г. *(в редакции Петра)*
Что есть солдат. Солдат просто содержит в себе всех людей, которые при войске суть от вышнего генерала даже до последнего, и бывают такие люди особливо разделены на начальных людей и простых солдат конных и пеших. Начальные люди паки разделяются высокими и нижними офицеры: те, которые ниже прапорщиков свое место имеют, называются нижние начальные люди, другие же — вышние начальные люди. И тако начальные люди повелевают или правительствуют.	**Что есть солдат.** Имя солдат просто содержит в себе всех людей, которые в войске суть от вышнего генерала даже до последнего мушкетера, конного и пешего. Офицеры, или начальные люди, паки разделяются высокими и нижними офицеры: те, которые ниже прапорщиков свое место имеют, называются ундер-офицеры, или нижние начальные люди, другие же от фендрика или прапорщика до маеора называются обер-офицеры, или вышние начальные люди, третие же от маеора до полковника — штап-офицеры...
О роте пехотной. Рота пехотная есть часть людей во сте и до сте двадцати и до полутораста человек, как у цесарцев употребляется... У иных в роте пехотной есть последующие чины: капитан, поручик, прапорщик, 2 или 4 сержантов, а у иных и флейщик, а особливо у гренадер...	**О роте пехотной,** в которой разделения суть сия. Роте пехотной надлежит быть во 144 человеках фузелеров или пикинеров, а во гранадерских, как гранодеров (тож число). Офицеров надлежит быть в роте пехотной последующие чины: капитан, поручик подпрапорщик, прапорщик, 2 сержанта, 6 карпоралов, а у гранодиров один флейщик.
О подпоручике. Хотя есть обычайное дело, чтоб в роте быть только трем обер-офицерам, како именно капитану, поручику и прапорщику, однако у иных произошло, что к тому учинили еще одного прапорщика, како в верху значит, и тако стало 4 обер-офицера, которому надлежит все то ведать, как	**О подпоручике.** Надлежит одному все то ведать, как и поручику, ибо его дело с ним ничем разнятца, токмо рангом выше и в небытии поручика все управляет...

и поручику самому, ибо его дело с ним ничем разнитца, токмо, что он слывет молотчий поручик...

О прапорщике... ходит такожде иногда во время нужды за поручика. В бою не надлежит ему знамя свое оставляти, но подобает ему оное в левой руке держати, а правой рукой оборонятися, и буде он правой рукой боле битца не может, то подобает ему себя лутче при знамени в части дать изрубить, — нежели оное оставить, понеже вся рота по тому поступает, а егда опасное ухождение учинитца, тогда знамя от древка сорвет и у себя схоронит...

О сержанте. По тому коль роты велики или малы суть, потому имеет мало или много сержантом быть, а обыкновенно имеет быти их по два, по три и по четыре у роты. По вся вечеры берет он слово от маеора и приносит оной своим начальным людям в роте, что ему сверх того приказано есть. В походе всегда он пеш иногда напереди перед ротою. Оружие ево есть алебарда и несет оную купно с жезлом на правом плече...[1]

О прапорщике... ходит такожде иногда во время нужды за подпоручика. В бою не подлежит ему знамя свое оставляти, но подобает ему оное в левой руке держати, а правой рукой оборонятися, даже до смерти не оставляя оного, понеже вся рота при нем содержитца. А егда опасной случай в ретираде (или отходе) учинится, тогда знамя от древка оторвать надлежит и у себя схоронить.

О сержанте. Должен оной по вся вечеры брать пароль от маеора и приносить оной своим офицерам, что ему сверх того приказано есть при пароле.

В походе всегда он пеш, иногда бывает назади, иногда напереди иногда по сторонам у роты.[1]

Примеры можно было бы умножить.

Первый строевой устав („Краткое обыкновенное учение“) точно так же использован в Уставе 1716 г., причем последний зафиксировал все изменения в строевых порядках и правилах стрельбы, принятые в ходе войны по указам Петра (строй в 4 шеренги, отмена стрельбы нидерфален и пр.). Таким образом, утверждение Бобровского о том, что Строевой устав 1702 г. вошел в Устав 1716 г. „без изменений“, а „Устав Вейде“ — лишь „с некоторыми прибавлениями“, ошибочно. Первый был подвергнут весьма существенным изменениям, а второй служил только основой или канвой, по которой Петр писал, в сущности, совершенно новый текст, так что „Устав Вейде“ был изменен до неузнаваемости. Вместо расплывчатых описаний Вейде, Петр дает точные уставные формулировки в соответствии с той организацией армии, которую она получила к моменту составления Устава 1716 г. Кроме того, в Уставе 1716 г. дается описание „должности“ чинов, которых нет в „Уставе Вейде“ (генералиссимус, фельдмаршал, генерал от инфантерии, генерал от кавалерии, полковник, подполковник, майор, секундмайор и др.). Анализ этой части Устава показывает, что описание штабных чинов разработано в процессе составления Устава 1716 г. и что Петр после этого подверг эту часть окончательной редакции. Приведем параллельный текст черновика с окончательной редакцией Петра.[1]

[1] Написанное рукой Петра дано разрядкой.

О полковнике. Полковнику надлежит знатному, искусному, благовзрачному и не бедному мужу быть. В параде или в баталии обретаетца он при полку с пикою пеш, тож в марше где церемониальном поступати надлежит, а именно при полку входит в город или из города... обретаетца всегда пред полком пеш, о чем в церемониях во ином месте просторнее написано... без его ведома никакой офицер знатного что [не] начинает. И о всем, что в полку ко интересу царского величества принадлежит, всемерное попечение.

Подполковник... он есть первой по полковнике, имеет при его отбытии начальство равное. Его оружие есть полупика. На бою и в параде он есть всегда пеш.

Маеор. Когда полковника и полуполковника нет, повелевает он весь полк. Он осматривает полк в добром ли порядке обретается и в их збруе, одеже и оружии...

О полковнике. Полковнику надлежит знатному, искусному, благовзрачному мужу быть. (Зачеркнуто: „и не бедному)". Он пир полку в церемониальном в маршу или егда входит из города или в город... обретаетца всегда пред полком пеш... а в баталии на лошади позади фрунта как блиско возможно (с обнаженною шпагою), дабы лутче мог видеть свой полк, полевать и ездить от одного конца своего полку до другово, и всех побуждать ко исполнению своей должности против неприятеля. Без его ведома никакой офицер ничего знатного не начинает. И во всем, что в полку ко интересу государственному принадлежит, всемерное попечение иметь надлежит.

Подполковник командует свой батальон и о всем докладывает полковнику. Имеет во отбытии полковника начальство равное с оным. В параде он есть всегда пеш, а в баталиях на лошади

Маеор. Когда полковника и полуполковника нет, командует весь полк. Он осматривает полк, в добром ли порядке обретается в их оружии, амунице и мундире...[1]

Эти описания штабных чинов вполне соответствуют духу и содержанию рассмотренных выше инструкций и указов Петра (обязанности офицеров в бою, взаимоотношения офицеров). Замечательно, что Петр всюду, где встречалась фраза „интерес царского величества", заменял ее словами: „интерес государственный". Слова об обязанности воина защищать „интерес государственный" Петр лично внес и в текст присяги (в Уставе 1716 г.).

Указы и инструкции Петра были использованы также и в тактической части Устава. На личную инструкцию Петра имеется прямая ссылка в рукописи Устава, где говорится о правилах стрельбы. Здесь, после текста, вошедшего в Устав: „А когда по плутонгам, то все 4 шеренги стреляют" и т. д. — в черновике зачеркнуто, но разборчиво читается: „И о учении стрельбы и в то время команды, как выше повелевает, есть указ имянной его царского величества" (л. 211). Это значит, что текст Устава, излагающий правила боевой стрельбы, был написан первоначально по инструкции Петра о новых приемах стрельбы при 4 шеренгах, но, просматривая рукопись, Петр счел приведенное выше замечание излишним в Уставе и вычеркнул его.

[1] Написанное рукой Петра дано разрядкой.

Далее, в рукописи имеется несколько принципиально важных собственноручных дополнений Петра I. Вот некоторые примеры:

Дополнение I. О запрещении чинить обиды обывателям. Как в проходящих маршах, так и на квартирах „не токмо в своей союзничей или нейтралной землях, но и в неприятелской под смертным страхом запрещаетца дабы обид обывателям, контрибуции и прочего, какое б звание не имело, кроме указного, что повелено будет, не брали. Также строения никаково не ломали и не портили и ничего ни в чем без писменого указу в вышеписанном не чинили, в чем ответ дать принужден будет фелтмаршал или аншеф, что войска не в добром ордере и порядке содержал, и не точию ответ дать, но и равной вине подлежит с преступителем яко попуститель на зло, ежели виноватым наказание по достоинству не велит учинить".

Дополнение II. О военных консилиях. „Понеже все лучшее устроение через советы бывает, того ради повелеваем, дабы как в генералитете, так и в полках советы о всяких делах заранее имели и ничего не пропускали, что к пользе надлежит".

Дополнение III. О комплименте. О комплименте генерал-фельмаршалу и другим генералам при встрече на марше во время похода. „Сей пункт о комплименте не всегда употреблять, но разве гораздо свободном случае по особому приказу, понеже напрасной труд людям от того есть".[1]

Некоторые части рукописи Устава, переписанные без помарок и не носящие заметных следов его редакционной и авторской работы, тем не менее, безусловно отражают мысли и идеи самого Петра. Это доказывает не только их стиль — сжатый, ясный и точный, столь характерный для всех документов Петра, но и самое содержание. Таковы, например, Манифест к Уставу (в котором Петр рассказывает об истории возникновения регулярной армии и о причинах ее „великих прогрессов" над „славным и регулярным" противником), глава 1-я о волонтерах, где выражены задушевные мысли Петра, встречающиеся не раз в более ранних его бумагах, о воспитании офицеров, вся книга 1-я „О должности генералов", о корволанте, идея которого принадлежит безусловно Петру и т. д.

Таким образом, Воинский устав Петра I кристаллизовал боевой опыт русской регулярной армии, подвел итог целой исторической эпохи ее развития, закрепил регулярную организацию армии. Петр I был не только составителем или собирателем, но подлинным творцом и автором основной части Устава 1716 г. Поэтому Устав 1716 г. может быть с полным правом назван Уставом Петра Великого.

При составлении Устава 1716 г. были использованы также и иноземные уставы. Нет сомнения в том, что Устав 1716 г., развивая и обобщая исторический опыт русской армии, русского военного искус-

[1] Слова, набранные разрядкой, написаны рукой Петра.

ства и законодательства, в своем построении и конкретном содержании обращался к опыту западноевропейской военно-уставной литературы, главным образом шведской и французской. Достаточно указать, что Устав принял иноземные наименования военных чинов (генералиссимус, фельдмаршал, генерал, генерал-комиссар и т. п.), войсковых соединений и подразделений (армия, дивизия, бригада, батальон, плутонг, корволант и т. д.).

Западные уставы и военные законы переводились на русский язык и тщательно изучались. В самом Уставе находим не одно упоминание об иноземных источниках, которыми пользовались при его составлении.[1] Это использование чужеземных уставов не было простой компиляцией или слепым копированием слово в слово готовых законодательных образцов, но представляло собой творческую и критическую переработку на основе собственного военного опыта и успехов русской армии.

Изучение иноземных уставов, использованных при составлении Устава 1716 г., показывает, что они оказали влияние, главным образом, на его военно-правовую часть. Использованы были, прежде всего, Артикулы иноземных государств, т. е. сборники военно-уголовных дисциплинарных и процессуальных норм. Но и в черновой рукописи русского Артикула 1716 г. Бобровский обнаружил 76 собственноручных поправок и дополнений рукой Петра.[2] Им же написаны почти все Толкования к статьям Артикула 1716 г.

В результате военной реформы Петра I „иноземный строй" органически вошел в строй и тактику русской армии (не случайно, конечно, и само выражение „полки иноземного строя", столь распространенное в XVII столетии, при Петре и после него окончательно вышло из употребления); она получила самостоятельную, во многом своеобразную организацию на регулярной основе, и, соответственно этому, неизбежно видоизменялись и приспособлялись к особенностям русской армии иноземная военная терминология, уставы и т. д.

Воинский устав Петра I представляет собой одно из наиболее своеобразных и замечательных явлений в истории военного искусства. По широте своего замысла и богатству содержания Устав не сравним ни с одним из аналогичных памятников XVIII столетия. Это не только

---

[1] См., например, ст. 137-ю Артикула со ссылкой „на саксонские права", или толкование к статье 95-й: „И сие взято с приклада иных государств, где люди наемные служат", и др.

[2] П. О. Бобровский, Военное право, I, стр. 25. Здесь и в очерке „Военные законы Петра Великого" автор приводит примеры собственноручных поправок и дополнений Петра в рукописи Артикула.

обычный Устав в узком смысле слова, но, вместе с тем, фундаментальное тактическое руководство, в котором нашли свое воплощение военные идеи великого полководца, оказавшие глубокое влияние на развитие русского военного искусства и не потерявшие своего значения и интереса до наших дней.

Своеобразие исторической обстановки, в которой зарождалась русская регулярная армия, исторически сложившаяся особенность русской армии как армии национальной (а не наемной) по своему составу, сама яркая личность Петра Великого не могли не сказаться на строевых, тактических и воспитательных принципах Устава, положивших начало прогрессивным традициям в развитии военного искусства русской регулярной армии.

Задача, которая стояла перед Петром, заключалась в том, чтобы прочно закрепить основы регулярной организации, те „добрые порядки", которые позволили молодой русской армии одержать победу над „славным и регулярным" шведским войском. Отсюда всесторонность содержания Устава, охватывающего вопросы военной администрации, тактики армии и отдельных родов оружия, строевого обучения, воспитания моральных и боевых качеств солдата, боевых и походных порядков, искусства вождения войск и управления боем, караульной службы, вопросы военного быта (медицинская и санитарная служба) и т. д.

Какой же смысл вносил Петр в слова „добрый порядок"? Вносил ли он что-либо новое в общую идею регулярного устройства вооруженных сил или примыкал целиком к существовавшим на Западе принципам военной организации?

Основная идея военных уставов и регламентов западноевропейских наемных армий — идея внешнего, механического порядка, автоматического подчинения букве закона, отрицающего живую личность солдата-воина, а равно инициативу офицеров и генералов. Система палочной и бессмысленной плац-парадной муштры, во время которой солдаты, по словам Петра, лично наблюдавшего эти парадные эволюции, „ружьем фехтуют, а в марше только танцуют", — эта система, основанная на недоверии к наемному или насильственно завербованному под знамена солдату, широко применялась на Западе и достигла наиболее уродливых форм в армии Фридриха II.

В Уставе Петра I „добрый порядок" — это не только регламентация отношений подчиненных и командиров, обязанностей солдат и офицеров в бою, походе и на карауле, строевых правил и всей внутренней жизни армии. Устанавливая строгий воинский порядок в армии и видя в этом залог ее развития и боевых успехов, Петр то-и-дело обращается

к личности солдата и офицера, к чувству их воинской чести, боевого соревнования и личной храбрости.

Обращение Петра к армии перед Полтавским боем: „Воины! Вот пришел час, который решит судьбу отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество", и приказ Фридриха II перед Россбахским сражением 1757 г.: „С этой минуты и до вступления на зимние квартиры армия получает двойное жалованье", — достаточно ярко иллюстрируют разницу во взглядах двух полководцев и их отношении к армии, к солдату. Для Петра солдат — воин, защитник своего отечества, для Фридриха — наемник, который тем лучше сражается, чем больше ему платят.

По мысли Устава 1716 г. победу приносят „добрые порядки, храбрые сердца, справное оружие". Устав требует, чтобы „каждый чин знал свою должность", но, вместе с тем, знание Устава необходимо для того, „чтоб всякий своего стыда, наказания и безчестия удалялся и бегал и против того же о благодеянии, храбрости и повышении прилежание имел". Это прямое обращение к моральному достоинству воина связано с мыслью Устава о „защите интереса государственного" как главной его обязанности. Принося присягу при распущенном знамени, солдаты и офицеры обещали служить в армии так, „как мне приятна честь моя и живот мой". Если во главу угла ставятся понятия о воинской чести и храбрости, идея защиты отечества, то, естественно, что в этом отношении все состоящие в армии, независимо от ранга и чина, рассматриваются, прежде всего, как воины-солдаты. Отсюда знаменитая формулировка Устава о том, что „имя солдат просто содержит в себе всех людей, которые в войске суть". Эта формула не случайна в Уставе. Всем своим содержанием Устав подчеркивает значение солдата как носителя боевой силы и традиции армии. „Кто знамя свое или штандарт до последнего часа своея жизни не оборонит, оный не достоин есть, чтоб он имя солдат имел". Значение солдата подчеркивает положение Устава об „одном способе в офицеры происходить": для дворян служить в солдатах гвардии и единой для всех военнослужащих — от фельдмаршала до рядового — формой воинской присяги.

Обращаясь к чувству воинской чести солдата, Устав не может игнорировать и его живой личности. Именно в этом, совершенно необычном для армий того времени отношении к личности солдата — живая душа Воинского устава, живой след идей Петра как полководца. Нельзя, конечно, закрывать глаза на то, что Артикул 1716 г. применяет обычные в армиях того времени суровые наказания, а также на то, что в реальной действительности те или иные уставные положения могли

искажаться и не выполняться в строгом соответствии с их смыслом и значением как в силу разницы в социальном положении офицеров и рядовых солдат, так и по неизбежной возможности произвола в их отношениях. Но нельзя также не видеть положительных сторон дисциплинарных норм Устава 1716 г. и его отношения к солдату, в сравнении с полным произволом, царившим в армии до уставного определения „вин и наказаний", и особенно в сравнении с механической и палочной системой воспитания солдата в западных наемных армиях и послепетровских уставах русской армии (например, Уставе 1796 г. поклонников Фридриха II—Павла I и Аракчеева).

Подчеркивая недопустимость служебных проступков, которые, особенно в военной обстановке, могут нанести ущерб армии как целому, смягчая наказания по бытовым проступкам, Устав 1716 г. во многих случаях стремится ограничить применение суровых наказаний. Многие статьи Артикула снабжены так называемыми Толкованиями, которые обычно смягчают наказание, требуют применять их „по рассуждению", т. е. не автоматически, а с учетом обстоятельств и последствий нарушения дисциплины. Например, при определении наказания за ложную тревогу Толкование требует выяснить, нет ли в этом неприятельского умысла, поднята ли тревога нарочно или нечаянно; в последнем случае „надобно наказание убавить и по рассуждению наказать". В Толковании к статье о наказании за сдачу крепости неприятелю Петр точно указывает причины, по которым сдача крепости не ставится в вину оборонявшимся. Устав запрещает офицерам применять произвольные наказания и наносить побои солдатам: „Никто из офицеров да не дерзает обретающихся под своей командой солдат жестоко бить или уязвить", нарушающий это требование офицер „имеет своего чина лишен быть, ибо он тот чин всуе употребил". Наконец, Устав определяет меньшее наказание молодому солдату, который „вновь службу принял и воинского Артикулу не слыхал", не зная еще, например, „какая сила есть в том, что не спать на карауле". Солдат имеет право по Уставу 1716 г. принести жалобу на неправомерное действие офицера, не приостанавливая, однако, исполнения приказа. Так, солдат может обжаловать неправильное (сверх своей очереди или „с досады от своего офицера") назначение на работу или вообще всякое „неправое командирование", принести жалобу на нахождение в карауле сверх положенного времени и т. д. Эти статьи обобщаются общим положением Устава: „Что к его величества службе не касается, то и должность солдатская того не требует чинить". Офицерам запрещается использовать солдат „на партикулярной работе".

Мысль Петра, что в заботе „о целости солдат все воинское дело

состоит", не оставалась голой прокламацией, но нашла свое реальное осуществление в устройстве при Петре первых военных госпиталей и полевых лазаретов, устройстве военно-медицинской и санитарной службы (ротные, полковые и штаб-лекари), в простоте и удобстве солдатского обмундирования и снаряжения, не знавшего никаких бутафорских и стеснительных украшений, которые делали солдат на Западе, по словам Петра, „нарядными куклами", в целесообразности и несложности правил строевого обучения, увеличении количества обозных лошадей в пехотных полках для облегчения трудностей похода и т. д. Командующий армией, по Уставу, обязан заботиться о пропитании и содержании войск, „чтоб все войска охотны к службе были и причины к плохой службе не имели". Обязанности военных медиков, правила санитарного содержания войск подробно регламентированы в Уставе.

Не менее характерно для Устава и то, что он не игнорирует личности солдата, определяя его служебные обязанности. Нельзя здесь не отметить как характерную особенность Устава его ясный и доходчивый, „простонародный" язык (несмотря на обилие иностранных слов, которые в большинстве поясняются, например, „корволант, сиречь легкий корпус", „обер-офицер, или старший начальный человек", и т. д.), не имеющий ничего общего ни с „приказными" „темными отговорками" и многословием, ни с канцелярским стилем XVIII в. (каким написан хотя бы тот же Устав 1796 г.). Солдатский, народный язык Устава, сжатость и афористичность уставных формулировок роднят его с языком суворовской „Науки побеждать", суворовских приказов и обращений к солдату.

Обращаясь к солдату, Устав разъясняет, в чем состоят его обязанности, какое значение имеет строгое исполнение воинского долга, наконец, рисует моральный облик русского воина. Главная обязанность солдата — показать „знак своего солдатства" охотой к службе и сбережением оружия, „чтоб свою должность надлежащим образом в бою отправлять".

Солдат обязан подчиняться командирам и исполнять свой долг так, как „честному, верному, послушному, храброму и неторопливому солдату надлежит".

Солдат должен беречь оружие, „ибо оружия суть самые главнейшие члены и способы солдатские, через которые неприятель имеет убежден быть". Для этого необходимо, чтобы „у солдат добре и сохранно были содержаны патроны, в меру приверчены б были годные кремни, и мушкетов бы всегда чисто и справно сберегали", чтоб „ружье всегда вычищено и в целости было". В походе, „коль скоро знак трубами или барабанами дан будет", солдат обязан немедленно явиться

в свою роту и следовать за знаменем. Формулируя это положение, Устав тут же разъясняет, почему необходимо соблюдать походную дисциплину: „В войне никогда в безопасности быть не можно, и солдаты всегда надобны, такожде должно им по вся мгновения ока в готовности быть". Отставший может попасть в плен, неприятель получит известие о нашем войске.

Находясь в карауле, солдат обязан сохранять бдительность и осмотрительность, прилежно запомнить пароль и лозунг, соображать свои поступки с обстановкой. Солдат должен после двух предупреждений стрелять, „однако часовой во осмотрении иметь должен сие чинить", так как в военной обстановке может случиться, что „под тем выстрелом или криком некая измена умышленна бывает, отчего иногда город или все войско вред получить может". Солдат на посту должен помнить, что на него „не токмо един генерал, но и все войско во время сна своего надежду имеет". „Караул есть наизнатнейшая служба, которую солдат в войне отправляет".

Если моральный облик армии определяется требованием Устава „не чинить обид обывателям", то это общее положение реализуется в запрещении грабить занятый город, наносить тот или иной ущерб мирному населению, обижать хозяина и хозяйку на постое и т. д. Особенно, говорит Устав, „женский пол, младенцы, священники и старые люди" должны быть пощажены, „ни убиты, ниже обижены", опять-таки связывая это с понятием воинской чести русского солдата, подчеркивая, что „через сие чести получить не можно, оных убить, которые оборонятися не могут".

Две основные идеи можно выделить в положениях Устава об офицерах — высокие требования к моральным боевым качествам и доверие к боевой инициативе офицера. Как и всюду, Устав стремится, прежде всего, установить „добрый порядок" в отношениях старших и младших офицеров, в определении их служебных обязанностей и ответственности и т. д. Уставное определение рангов и чинов, деление офицеров на три группы, унтер-, обер-, штаб-офицеров, вносило окончательный и четкий порядок в армию и тем самым создавало единую снизу доверху организацию, основанную на новых представлениях об единоначалии, соподчинении и дисциплине офицерского состава и генералитета.

Генерал-фельдмаршал командует армией, „его ордер и повеления в войске должны все почитать". Младшие генералы и офицеры подчиняются старшим и заменяют старшего начальника в случае необходимости. Устав чеканной формулой определяет взаимоотношения началь-

ников и подчиненных и ответственность первых за приказ, а вторых — за исполнение приказа. „Начальнику принадлежит повелевать, а подчиненному послушну быть. Оный имеет в том, что приказал, оправдаться, а сей ответ дать, как он повеленное исправил".

Но не ограничиваясь определением чисто служебных обязанностей командиров, Устав рисует моральный облик офицера. Офицер должен быть лично храбрым человеком, оказать в сражении „знак храбрости". Личная храбрость — то качество, которое служит, по Уставу, одним из условий для получения офицерского чина. Офицеры обязаны изучать военное дело и накоплять боевой опыт в походах. Надлежит им „прилежно всем подробно спрашивать, учиться и примечать, что примечанию достойно во время кампании случилось". Практические навыки они должны дополнять теоретическим изучением военного дела, знать не только „военную экзерцицию", но и изучать „военные науки, а особливо артиллерию и фортификацию". Офицеры, изучившие „военные науки", „могут при некоторых акциях в том себя оказать и от других, которые в таких науках неискусны, отмениться и скорее чин получить". Офицер должен, „елико случай и время допущати может", обучать солдат, чем может, и „свою фортуну сыскать". При этом офицер обязан, во-первых, подавать личный пример дисциплины и храбрости солдатам: „добрый приклад подавать и собою оказать, что оные чинить имеют", во-вторых, заботиться о моральном состоянии части и предотвращать возможность нарушения дисциплины. „Офицерам надлежит солдат содержать всегда во осмотрении и все непорядки отвращать". Если знания и опыт офицера в том или ином случае окажутся недостаточными, он должен просить совета и разъяснения, „хотя бы у самого генерала".

Все эти черты связаны в Уставе с понятием о воинской чести офицера. Петр считал тягчайшим наказанием для офицера наказание лишением чести и, вводя его в Устав, личной припиской в рукописи Артикула определил следствия, вытекающие из этого наказания, в частности — „в кампании не допускать, и единым словом, таковой весьма лишен общества добрых людей, а кто сие преступит, сам может наказан быть". Устав увязывает принцип подчинения младших офицеров старшим с предоставлением им инициативы и самостоятельности в решении поставленной задачи. Офицер безусловно обязан точно и беспрекословно выполнять приказ, „а особливо, когда с неприятелем в бой вступят". За „рассуждение" о приказе, критику старших начальников и неисполнение их распоряжений в боевой обстановке офицер наказывается лишением чести, следовательно потерей должности и чина. За невыполнение приказа „от лености, глупости или медления" офицер на некоторое время разжалуется в солдаты. Однако в бою офицер

обязан командовать, т. е. действовать инициативно, а перед боем, если он, получив приказ начальника, „имеет припомнить нечто, чрез которое он чает е. в. интересу более вспомощи, или опасаемое какое несчастие и вред отвратить", он должен „сие честно своему командиру донесть", а если позволит время, то подать свое мнение фельдмаршалу или генералу. „Буде его мнение не за благо изобретено будет, тогда долженствует он то чинить, что ему повелено".

Еще в годы потешных походов мысль Петра рисовала идеал полководца, в котором сочеталась бы храбрость и военное искусство. Обращаясь к героям классической древности, Петр уже тогда ставил себе в образец Юлия Цезаря, „иже не точию храбростью, но и учением, как во оружии, такожде и в науках врага своего — французов, гишпанов, немец, британов и прочих народов — победил".[1] Спустя двадцать лет, будучи уже зрелым полководцем, Петр вновь упоминает Юлия Цезаря в своем Воинском уставе. Но он видел теперь достоинство Юлия Цезаря не только в его военном искусстве и бесстрашии. Юлий Цезарь в глазах Петра представлял идеал полководца, который воюет не ради славы, но ради защиты отечества. „Какой тот великий полководец, — говорил Петр, сравнивая Юлия Цезаря с Александром Македонским, — который воюет только ради собственной славы, а не для обороны отечества, желая быть обладателем вселенной. Александр — не Юлий Цезарь. Сей был разумный вождь, а тот хотел быть великаном всего света... Последователям его (Петр имел в виду Густава-Адольфа и Карла XII) — неудачный успех...".[2] По мысли Петра, истинный полководец не должен быть завоевателем, стремление быть обладателем вселенной неизбежно потерпит неудачу. Разумным полководцем является тот, который воюет не ради славы, но для обороны отечества.

Полководческий опыт Петра Великого позволил ему яркими красками нарисовать в Воинском уставе облик истинного полководца, причем Петр подчеркнул те черты полководца, которые делают его вождем армии. По уставу Петра, полководец („командующий генерал") должен быть душой армии, он „душе человеческой в теле уподобляется, зане в нем без души ничто двигнется". Уже эта мысль определяет взгляд Петра Великого на роль полководца армии. Однако эта мысль развивается дальше и охватывает все стороны реальной деятельноети полководца. Полководец должен быть, прежде всего, „муж великого искусства и храбрости", „храбрость его неприятелю страх творит, искусство его

---

[1] Известное описание „Кожуховского похода", Военный сборник, 1860, т. XI, стр. 53.
[2] Нартов, Рассказы о Петре Великом, СПб., 1891, № 99.

подвизает людей на него твердо уповать". Высокие моральные достоинства и „добрые кондуиты" полководца „возбуждают послушание и умножают ауторитет или власть его". „Прозорливый его кондуит и заботливое попечение содерживают всю армию и делают ее счастливу в бою". „Добродетели его и справедливость. привлекают к себе все сердца всея армии, как офицеров, так и рядовых". Полководец должен „добрые их дела похвалять, за худые же накрепко и со усердием наказывать". Во время смотров он обязан „полк при себе обучать" и награждать отличившихся по заслугам; перед сражением — лично обращаться к войскам, „научать все полки при настоящем бою храбро и мужественно держатися".

Устав определяет те моральные качества полководца, которые должны составлять его духовную силу. Полководец должен быть прозорлив и бдителен. В любой обстановке он должен руководить армией „с предзрительным промышлением, как мудрому командующему генералу надлежит", должен „бодрое око иметь на неприятельскую помощь", знать силы и предугадывать намерения противника, „о неприятеле накрепко разведывать".

Полководец должен быть требователен к подчиненным, йбо „ничто так людей ко злу не приводит, как слабая команда". Значение строгой воинской дисциплины Петр поясняет примером детей, „без наказания и страха взращенных, которые обыкновенно в беды впадают, но случается после, что и родителям пагубу приносят..." Но, вместе с тем, полководец должен быть справедлив с подчиненными — награждать за действительные заслуги, наказывать соответственно важности проступка, „не маня кому, ниже посягая на кого". Петр подчеркивает недопустимость „сребролюбия" и вред „похлебства", которое не может быть оправдано ни „милосердием" к провинившемуся, ни стремлением к популярности — „таковый храмину свою на песке созидает без твердого основания".

Полководцу Устав предоставляет полную инициативу и самостоятельность в решении его задачи и в распоряжении силами и средствами вверенной ему армии. Командующий армией, по Уставу, обязан перед сражением лично произвести рекогносцировку, осмотреть „место и положение земли", занять выгодные позиции и пути сообщения — „угодные места горные и проходы перво взять"; далее, если это необходимо, укрепить позиции „редутами и траншементами", т. е. применить систему полевых укреплений, далее, „учинить ордер де баталии" всей армии, кавалерии, пехоты, артиллерии, выделить резерв, отвести обоз в безопасное место. Командующий действует по данной ему общей инструкции, но она не должна связывать его инициативу в решении тактической

задачи. „Ежели чего увидит в инструкции не изображено, а увидит, что надежно возможно авантаж получить, то с воинского совета конечно чинить и такого случая не пропускать".

Командующий является единоначальником армии, и его приказы обязательны для всех. Но этот принцип единоначалия Устав удачно сочетает с принципом коллегиальным, устанавливая правило: „Главные и великие дела и всякие начинания без консилии генералов никогда не чинить". Устав рекомендует генералам в бою, „хотя на лошадях сидящим", устно советоваться друг с другом. Но военный совет является совещательным органом при командующем. Воинские консилии должны были облегчить командующему управление армией и боем „с предзрительным промышлением". С другой стороны, консилии ориентировали генералитет армии в обстановке и служили проводником планов и приказов командующего по армии.

Воинский Устав 1716 г. закрепил положения первых уставов и личных инструкций Петра об обучении солдат только тем перестроениям, приемам и правилам стрельбы, которые необходимы в бою. Подготовка солдата к бою ружейным огнем, штыком и гранатой — вот основная идея строевого обучения по Уставу. Он не знает никаких излишних, сложных и тягостных для солдата плац-парадных перестроений, приемов и команд. Все приемы просты, понятны и легко исполнимы. Обучать солдат следует как на квартирах, так и в поле, „елико случай и время допущати может", но не реже одного раза в неделю. Придавая большое значение огневой подготовке пехоты, Петр требовал обучать солдат „справной и не спешной стрельбе", „доброму прицеливанию" со стрельбой „с плеча, а не с караулу" (т. е. с прикладом подмышкой, не цельно).[1]

В стрельбе шеренгами Петр ввел правило, неизвестное до него в практике: садилась на колени не одна, а две шеренги, что усиливало огонь. Стрельба плутонгами велась поочередно, взвод за взводом, чем достигалась непрерывность огня, поэтому Петр считал, что лучше „без опасения от конфузий и сего маниру больше держаться". По Уставу, передней шеренге надлежит держать штыки примкнутыми и „без нужды не стрелять". Солдаты хорошо обучались штыковым приемам. Отсюда видно, какое значение придавал Петр рукопашному бою пехоты. В этом отношении русская армия уже при Петре стояла на первом месте среди других армий.

---

[1] Ср. с этим требования Фридриха II о скорой ружейной стрельбе, которую Суворов называл „пугательной", „шаржирной".

Тактические идеи Петра Великого, основанные на опыте военных действий регулярной армии в Северной войне, нашли в Уставе 1716 г. яркое выражение. Приняв в основу современную линейную тактику, наиболее целесообразно отвечавшую характеру вооружения армии, Петр и в своей полководческой практике и в Воинском уставе отвергал догматизм и шаблон в тактике. Состав армии, ее походные порядки, детали боевого построения войска — все это зависит „от случая и времени", от реальной обстановки и определяется в Уставе общей задачей „упредить и опрокинуть неприятеля".

Прежде всего, количественный состав армии зависит от обстановки. Армия может быть „сочинена" в составе от 10 000 до 100 000, вообще „нужно сочинять армию свою смотря неприятельской сиды или оного намерения, дабы его во всех делах упреждать и всячески искать неприятеля опровергнуть". Устав вводит крупные войсковые соединения — дивизии и бригады. Состав дивизии определяется „по случаю" (при Петре 2—3 бригады). Бригада включает 3—4 полка. Как дивизии, так и бригады могут быть пехотные, кавалерийские, иногда в смешанном составе.

В армии выделяется корпус-резерв, который „может при большом войске из многих полков состоять". Корпус-резерв служит „для прикрытия у артиллерии и крыльев" (т. е. флангов боевого порядка), „для сикурса, где неприятельскому нападению наивяще чают быть", для отражения неприятельских вылазок при осаде и помощи извне осажденной врагом крепости. Далее, в действующей армии выделяется особый легкий корпус — корволант, который „придается к некоторому делу в команду генералу", в составе 6—7 тысяч кавалерии и конной пехоты, с легкой артиллерией, „смотря случая и места положения". Корволант, таким образом, включает все три рода войск, но при этом должен сохранять, как основное свое тактическое свойство, подвижность — „всюду поворачиваться без тягости". Задача корваланта — захват и нарушение коммуникаций противника, нападение на его тылы, вторжение (диверсия) в землю неприятеля.

Устав определяет задачи полковой, полевой и осадной артиллерии. военно-инженерных войск, подкопщиков, минеров, саперных и понтонных команд и т. д.

Таким образом, сочетание и увязка всех родов оружия, всех тактических, технических средств армии является характерной чертой Устава 1716 г. Идея гибкой тактической организации, идея мобильности войск и насыщения армии артиллерией, инженерными средствами, наконец, идея стратегического превосходства над противником определяют организационные положения Устава. Указывая основы такти-

ческого построения в сражении, Устав требует от командующего обеспечить взаимодействие всех родов оружия и представляет решение этой задачи инициативе и мудрости командующего сообразно с теми указаниями ему, которые приведены выше. Следует подчеркнуть, что применение полевой фортификации становится уставным правилом русской армии.

В тактических принципах Устава 1716 г. — зерно и почва для развития тактики русской регулярной армии после Петра.

Буржуазная военно-историческая наука устами своего авторитетного представителя — Леера утверждала, что Петр Великий как полководец „не оставил по себе школы", так как „его военная деятельность не была хорошо известна".[1] Недооценка исторического значения военных идей и практики Петра Великого проявлена и в трудах некоторых советских военных историков.[2] Между тем, несомненно, что в петровскую эпоху был заложен фундамент, на котором строилось русское военное искусство XVIII столетия. Имена Румянцева, Суворова, Кутузова олицетворяли собой дальнейшее развитие принципов русского военного искусства в его национальном своеобразии. Ведя борьбу с прусским педантизмом и муштрой, проникавшими в русскую армию после Петра, эти полководцы опирались на национальные, исторические традиции русского военного искусства. „Начало этой традиции связано с Петром I и Полтавской победой", своеобразие военной организации, созданной Петром и оформленной в его Воинском уставе, состояло в том, что она „обеспечивала полное развитие и личной храбрости солдата, и творческой инициативы военачальника".[3] Петр Великий не мог не создать своей „школы", прежде всего, потому, что в результате его военной реформы в России была организована регулярная армия. Петр составил для нее устав, который долго оставался не только официальным уставом армии, но и той сокровищницей, откуда черпали военные идеи лучшие представители русского военного искусства, понимавшие военное

[1] Леер, Петр Великий как полководец, Военный сборник, 1865, № 3—4.

[2] С. Калинин в своей работе о Суворове уделил военным преобразованиям Петра 2—3 строки, указав, что Петр создал „постоянную армию, набираемую от общин" (?). А. Н. Боголюбов, говоря о боевой школе Суворова, отмечает, что эта школа „на практике показала непригодность прусской линейной тактики", но не говорит об истоках той русской школы, которую прошел Суворов по заветам Петра. См.: Калинин, Суворов, ГВИЗ, 1938, стр. 4; Боголюбов, Полководческое искусство Суворова, 1939, стр. 18.

[3] Н. Л. Рубинштейн, Полководческое искусство Суворова, Саратов, 1942, стр. 5—5.

дело в духе Петра, в духе „обороны отечества“ и „защиты интереса государственного“. Петр Великий высоко поднял русскую военную техническую культуру (оружейное, артиллерийское производство). Наконец, Петр создал первые военные школы и академии в России и положил начало подготовке образованных, культурных, знающих военное дело офицеров и генералов, особенно (не говоря уже о военно-морских кадрах) артиллеристов и военных инженеров. Русская военная культура в результате всего этого во многих областях военного дела стала выше современной западной военной культуры. Военные идеи и нововведения Петра Великого оказали большое влияние на развитие не только русского, но и западноевропейского военного искусства.

Военные заветы Петра I передавались в России от отца к сыну, от сына к внуку. Отец А. В. Суворова — Василий Иванович — денщик и крестник Петра, прошел петровскую военную школу (начиная с солдата) и получил при Петре прекрасное военное образование. Он перевел с французского книгу по фортификации системы Вобана (издана в Петербурге в 1721 г.), по которой учил сына этой „столь полезной и необходимой науке“. Из петровской школы вышли и отец фельдмаршала Румянцева-Задунайского — А. И. Румянцев (потешный, затем, майор Преображенского полка и адъютант Петра), и отец М. Кутузова — Илларион Матвеевич, военный инженер петровской выучки.

Военные идеи Петра сыграли большую роль в формировании великого русского полководца-солдата. Для Суворова Петр I был образцом полководца-патриота, горячо любившего Россию. В том, что Суворов прошел по своему желанию солдатскую школу, нельзя не видеть влияния личного примера его отца — В. И. Суворова — и всех выучеников Петра, которые проходили военную школу „с фундамента“, а с другой стороны — сознательного стремления точно выполнить требование Воинского устава. Как и Петр, Суворов придавал огромное значение теоретическому военному образованию, учился военным наукам у отца и не прекращал изучения военного дела в течение всей своей жизни. Как и Петр, Суворов ставил себе в образец „героя древних времен“ Юлия Цезаря. Не мог не оказать влияния на взгляды Суворова и тот идеал полководца, который ярко обрисован в Воинском уставе Петра, полководца — души армии, прозорливого, мудрого, внимательного к подчиненным и особенно к солдатам, требовательного, инициативного и осмотрительного.

Полководческое искусство Суворова, его мысли о строевом и полевом обучении войск, его отрицательное отношение к парадной муштре, его требования к офицерам учиться и быть примером для солдат, его требования к генералам — знать неприятеля и обстановку, его требо-

вания „обывателя не обижать“ и т. д. — все это в зародыше содержится в Воинском уставе Петра I и в его полководческой практике.

Воинский устав Петра I и есть устав Суворова. Дело не только в том, что Суворов цитировал в своих приказах по армии отдельные положения Устава 1716 г. Когда Павел I начал свои, как говорил Суворов, „прусские преобразования“ и ввел в армии новый устав 1796 г. — перевод устава Фридриха II, сделанный „открывателем шаржирного огня и ретирад прусских наемников Линдером и другими гатчинцами“, А. В. Суворов горячо восстал против этого устава, называя его „немороссийским“ переводом рукописи, изъеденной мышами и двадцать лет тому назад найденной в развалинах старого замка. „Русские прусских всегда бивали, чего же тут перенимать?“ „Ваши лавровые листы, — писал Суворов, имея в виду „прусских преобразователей“, — открывают трухлой корень... Древо валится...“

Павловский устав вывел из строя и самого А. В. Суворова, и Румянцева. Суворов предвидел, какое „зло для России“ принесет новый гатчинский устав.

В истории русской армии Воинский устав Петра Великого сыграл огромную роль как первый оригинальный устав, отразивший крупные сдвиги в развитии вооруженных сил России в начале XVIII века и заложивший основы русского национального военного искусства.

Красная армия в дни Великой отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков возрождала и развивала живые традиции русского военного искусства, традиции храбрости и мужества, военного мастерства и беззаветной любви к своей родине.

Военное наследие Петра I по праву принадлежит славным потомкам победителей под Полтавой, потомкам суворовских чудо-богатырей.

Е. И. ЗАОЗЕРСКАЯ

ТОРГИ И ПРОМЫСЛЫ ГОСТИНОЙ СОТНИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ НА РУБЕЖЕ XVII-XVIII ВВ.

I

Самая формулировка темы настоящего очерка содержит в себе элементы, ограничивающие его содержание в хронологическом и локальном отношениях. Мало того, в основу изложения положен определенный источник — сказки о торгах и промыслах гостиной сотни, подававшиеся в 1704 г.[1] Таким образом, берется только верхний слой посадского населения средневолжских городов.

Эти верхи, располагая наибольшими возможностями в использовании местных условий, являлись фокусом торгово-промышленной жизни города, в свою очередь, отражавшего экономику целого района. К тому же, взятый в данном случае район — Среднее Поволжье — по своему большому удельному весу именно в области торговли представляет исключительный интерес.

Что касается материала, положенного в основу данной статьи, то он также заслуживает особого вниманья.

Изучению русского торгово-промышленного класса на заре его существования в значительной степени мешало отсутствие материалов массового характера, которые позволили бы охватить на-ходу и изо-

[1] Центральный государственный архив древних актов (в дальнейшем цитирую сокращенно: ЦГАДА), фонд Монастырского приказа, вязки №№ 219, 220, 221, 222. Материал оказался в архиве данного приказа вследствие того, что сбор сказок был поручен И. А. Мусину-Пушкину, возглавлявшему тогда Монастырский приказ.

бразить хотя бы статически его торги и промыслы, если не в масштабе всего Московского государства и всего класса в целом, то хотя бы в пределах районов и городов и в рамках существовавших тогда категорий торговых людей. Поэтому-то исследователям и приходилось останавливать свое внимание на их отдельных представителях. Сказки о торгах и промыслах 1704 г. являются первым по времени материалом, открывающим некоторые возможности в этом отношении, в частности для Среднего Поволжья.[1]

Политика правительства в первые годы XVIII в. определялась начавшейся в 1700 г. тяжелой войной, сразу потребовавшей создания новой армии и флота, большого количества вооружения, а в связи с этим спешной постройки металлургических заводов — уральских и олонецких, разнообразных припасов и обмундирования для армии. Для всего этого нужны были средства в том размере, в котором никогда раньше не требовало и не имело правительство и которые необходимо было собрать с населения. Купечество и раньше, а тем более в данный момент, являлось одним из важнейших объектов фискальных требований государства в форме ли прямого налога (десятой деньги) или косвенных (сбора торговых пошлин). Между тем, правительство еще накануне войны констатировало, что эти поступления находятся в тревожно неудовлетворительном состоянии, объясняя это упадком торгов и промыслов и оскудением многих торговых людей.[2] Разорившиеся оказывались хроническими недоимщиками, а в то же время на смену им в торговом мире вырастали и богатели новые люди. Отсюда мысль о пересмотре и переобложении „торговых и промышленных всяких чинов людей".[3]

К этому мероприятию правительство и приступило в начале 1704 г., дав 1 февраля Указ о сборе сказок о торгах и промыслах с высших категорий торговых людей — гостей, гостиной сотни и тяглецов московских слобод.[4] Самый Указ 1 февраля 1704 г. не сохранился, но о нем и его содержании мы узнаем из отписок воевод, посылавшихся в Москву вместе со сказками, взятыми по городам с людей гостиной сотни; из текста самих сказок — в начале их обычно перечисляются вопросы,

---

[1] Характеристике и оценке сказок в целом как исторического источника посвящена мною особая статья. — Исторические записки, № 19.

[2] Указ о создании Бурмистерской палаты от 30 января 1699 г., ПСЗ., т. III, № 1674.

[3] Ф. Туманский, Собрание разных записок и сочинений, служащих доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, ч 2, СПб., 1787, стр. 191.

[4] В литературе единственное беглое упоминание о подаче сказок торговыми людьми встречается у С. М. Соловьева, История России с древнейших времен, кн. 3, стб. 1342.

на которые требовал ответа Указ 1 февраля,[1] и из выписей Монастырского приказа, сделанных в связи со сбором сказок.[2] Такой поголовный опрос торговых людей предпринимался впервые, сама же форма его — подача сказок — уже практиковалась в те же первые годы XVIII в.[3]

На этот раз правительство требовало сведений по следующим интересующим его пунктам: „На сколько тысяч у кого, где было в покупке и в явке, и в продаже, и в отпусках всяких торговых промыслов", сколько платилось с них пошлины, „что за кем где, в которых рядах лавок и лавочных мест и погребов и всяких вотчин порознь", сколько платится с них оброка и берется найма, и „в тех лавках на сколько у кого того торгу по цене", сколько на ком кабальных и бескабальных долгов, и, наконец, „что у кого ныне за торговым промыслом денег золотых и ефимков, и серебреной и золотой посуды весом и всяких пожитков по цене налицо".[4] Сведения следовало давать преимущественно за 1701 и 1702 гг. Если не было торгов, требовалось указать род занятий или источник существования, что, по терминологии того времени, покрывалось общим понятием „промысел". По Москве сказки подавались гостями, гостиной сотней и тяглецами слобод, по городам — только гостями и гостиной сотней.

Сказки, обнаруженные в фонде Монастырского приказа, сохранились не по всем городам Московского государства и далеко не все по Москве. Среднее Поволжье в этом отношении оказалось в благоприятном положении: сказками представлены пять наиболее видных городов того времени, на фоне посада которых могла образоваться верхняя прослойка в лице гостей и гостиной сотни. Таковы Нижний-Новгород и Казань, первостепенное значение которых определилось с давних пор;[5] Чебоксары

---

[1] См., например, сказки по Казани, ЦГАДА, фонд Монастырского приказа, вязка 222, № 109.

[2] Там же, вязка 221, № 66, л. 45 и об.

[3] В 1699—1702 гг. собирались сказки с землевладельцев, ставивших даточных людей, о том, сколько у кого крестьянских, бобыльских и задворных людей. ЦГАДА, сказки Генерального двора; указ 1 октября 1703 г. о подаче сказок служилыми и торговыми людьми о количестве у каждого дворовых и деловых людей, ПСЗ, т. IV, № 1944; указ, 22 января 1704 г. о подаче сказок, касавшихся недорослей; там же, № 2023.

[4] ЦГАДА, фонд Монастырского приказа, вязка 222, № 109, л. 2 об.

[5] В конце XVI в. Казань по сбору торговых пошлин (11 тысяч рублей) почти приравнивалась только к Москве (12 тысяч); Нижний-Новгород в этом отношении (сбор равнялся 7 тысячам) стоял между Смоленском (8 тысяч) и Новгородом (6 тысяч); С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. 2, стб. 634. В 1725 г. „по нынешней переписи", т. е. по первой ревизии, „купечества" в Нижнем значилось 2 239 человек, а в Казани — 2 028 человек; И. Кирилов, Цветущее состояние Российского государства, ч. 2, 1831, стр. 4 и 11.

и Свияжск — также старые города, но другого экономического масштаба и значения,[1] и Симбирск — новый, но быстро росший город, за 50 лет своего существования успевший из первоначального острога превратиться в город в современном понимании этого слова, со значительным посадским населением.[2] Во всех пяти городах на рубеже XVII—XVIII вв. насчитывалось 40 представителей торговых верхов Московского государства: 2 гостя — нижегородец Афанасий Олисов и симбирянин Яков Бабушкин — и 38 человек гостиной сотни. По отдельным городам они распределяются очень равномерно, в соответствии с общим торгово-промышленным значением данных городов: в Чебоксарах и Свияжске — по 4 человека, в Нижнем Новгороде — 10 человек, в Казани и Симбирске — по 11. В этом отношении молодой город уже догнал своих старших соседей.

Свои показания торговые люди, являясь в приказную избу, давали лично воеводе, за исключением двоих казанцев — Михаила Меденикова и Петра Третьякова, подавших сказки позднее других подъячему Монастырского приказа Ивану Остудину, специально посланному в средневолжские города для ускорения дела и получения недосланных в Москву сказок. Этих двух сказок, не попавших в общую тетрадь сказок по Казани,[3] не имеется в фонде Монастырского приказа. Недостает также сказки чебоксарца Ивана Олина, бывшего по указу в то время „в Соку для прииска серы".[4] Таким образом, в нашем распоряжении не 40 сказок, как бы следовало по числу гостей и гостиной сотни данных городов, а 37; из них показания казанца Филата Крюкова, видимо, еще очень юного сына члена гостиной сотни Михаила Крюкова, бывшего в то время в Москве, в Ратуше, не содержат никаких данных о торгах и промыслах отца.

Хотя и опрашивавший торговых людей воевода и сами они в своих показаниях придерживались вопросов, перечислявшихся в грамотах, которые посылались из Монастырского приказа по городам, однако не все сказки одинаковы по полноте и точности данных. Как правило, сказки „малопожиточных" людей гостиной сотни очень кратки и содержат больше отрицательные ответы; сказки крупных торговых людей, которым,

---

[1] По Кирилову, „купечества" в Свияжске числилось 319 человек, а в Чебоксарах „купечества и ремесленных" вместе 1 037 человек; там же, стр. 17.

[2] В 1678 г. в Симбирске числилось 178 посадских дворов. П. Мартынов, Город Симбирск за 250 лет его существования, Симбирск, 1898, стр. 24. По Кирилову, купечества в городе было 1 780 человек. — И. Кирилов, указ. соч., 35.

[3] По указу 1 февраля 1704 г. о подаче сказок требовалось присылать их из городов „в дестевых тетратех", — в такой именно однотипной форме и сохранились они в фонде Монастырского приказа.

[4] На реке Соку, близ Сергиевска, существовал старейший серный завод, где разработка серы производилась уже около 1700 г.—Н. Е. Бранденбург, Материалы для истории Артиллерийского управления в России, ч. 2, Приказ артиллерии, СПб., 1876, стр. 386.

с одной стороны, было что показать, а с другой — сведения о торгово-промышленной деятельности которых должны были особенно интересовать правительство, отличаются большой обстоятельностью и полнотой. В этом отношении сказки по средневолжским городам особенно выгодно выделяются из общей массы материала. В целом, они дают ценнейшие сведения для экономической характеристики как самой верхушки торгово-промышленного мира этих городов, так и отраженно, через нее, самих городов и тяготевших к ним районов. В дальнейшем мы увидим, что хотя взятые нами города, расположенные на протяжении около 200 км и объединенные общей водной магистралью, и топографически, и экономически представляли компактную группу, сопоставление данных, содержащихся в сказках, позволяет уловить специфические особенности торгов и промыслов гостиной сотни отдельных городов, что вовсе не является случайным и находит свое объяснение в местных условиях, использованных крупнейшими представителями посадов этих городов.

II

Мерилом „пожиточности" и торгово-промышленной значимости того или другого представителя торгового мира в глазах правительства и общества того времени было наличие в составе его купеческой деятельности двух элементов: 1) торгов „у портов и на ярмарках" или торговли в отъезд, что обычно совпадало с торговлей оптом, и 2) заводов и других, кроме торгового, промыслов.[1] С этим критерием мы и подойдем к торгам и промыслам гостиной сотни средневолжских городов.

В августе 1704 г. в приказной палате перед воеводой Михаилом Павловым дала свои показания большая часть нижегородцев гостиной сотни.[2] Из них Петр и Иван Ивановы Болотовы, Михаил Иванов Антропов и Климент Минин — потомственные члены гостиной сотни: их отцы — Иван Болотов, Иван Антропов и Климент Минин (возможно, родственник знаменитого нижегородца) имели это звание уже в 20-х годах XVII в.[3] К гостиной сотне в конце века принадлежал также отец Ивана Калмыкова — Никита Калмыков.[4] Подобной справки мы не можем привести

---

[1] Доклады и приговоры Сената, т. VI, № 112.

[2] Сказки по Нижнему-Новгороду, ЦГАДА, фонд Монастыр. приказа, в. 221, № 90. В дальнейшем изложении не делается ссылок на отдельные места этих документов.

[3] Данные писцовой книги 20-х годов XVII в. см. Д. Богородицкий, Очерк торговли Нижнего-Новгорода за XVI—XVII века, Университетские известия, № 7, Киев, 1912, стр. 6.

[4] Н. А. Бакланова, Доклад, прочитанный в Обществе истории и древностей российских в 1927 г.

относительно остальных: Тимофея Герасимова, Ивана Попова, Димитрия Осипова Коновалова, Кузьмы Федорова Микляева и Елфима Жукова. Десятым был гость Афанасий Фирсов Олисов.

Трое из десяти — Микляев, Минин и вдова Жукова — дали одно и то же показание о полном отсутствии у них в данное время торгов и промыслов: „Ничем нигде не торгую и двора, и лавок, и всяких вотчин, и пожитков никаких нет", — это окончательно разорившиеся люди. Жукова указала и причины своего оскудения: пожар, уничтоживший все без остатка, и болезнь мужа в течение 12 лет. Без всякого торгового промысла, по случаю пожара и „разорения", причиненного по неизвестному поводу „попом Вознесенским, отнявшим два двора", оказался в момент подачи сказки Иван Попов, видимо раньше состоятельный человек, судя по тому, что один из отнятых дворов был с каменным строением.

Остальные шесть человек имели торги и промыслы. В чем они заключались? Прежде всего, все шестеро начинают свои показания с отрицания у них отъезжих торгов. „На Москве и в городех, и в иных государствах... в покупке и в явке, и в продаже, и в отпусках торгов и промыслов никаких... у меня нет", — таково начало каждой нижегородской сказки. На связь даже с ближайшей Макарьевской ярмаркой в сказках встречается всего два указания, и то одно довольно случайного характера: в 1703 г. Михаил Антропов послал туда товара на 73 рубля.

Правда, в недалеком прошлом двое — Олисов и Никита Калмыков — имели широкие торговые связи и вели большие дела. Иван Никитин Калмыков, только что осиротевший (в 1701—1702 гг. еще торговал отец), перечислил, кроме лавки и амбара в Нижнем, торговые помещения, принадлежавшие его отцу в других городах: в Астрахани лавку „с полатьми и погребом" и „зимовой двор" (т. е. контору) на Косе с амбарами, хоромами и погребами; в Царицыне — два амбара, в Саратове — четыре. Соль и хлеб являлись главными предметами этой крупной оптовой торговли, как и многих подрядов; по словам сына, от прежних операций еще оставалось в амбарах хлеба на 620 рублей. Большое дело, попав в неопытные руки молодого хозяина, в данное время переживало период, возможно временного, застоя.

По аналогичной причине в состоянии упадка находился другой, раньше крупный, торговый дом Нижнего-Новгорода — гостя Олисова. Выросший на бойком нижегородском посаде, Афанасий Олисов, еще будучи посадским человеком, имел очень высокий, даже для гостей и гостиной сотни, оклад десятой деньги в размере 160 рублей; в 1677 г., по Указу Алексея Михайловича, он был пожалован гостиной честью и переведен в Москву, но ненадолго: не позднее 1685 г. он снова вернулся в Нижний со специальным поручением составить вместе

с подъячими отчетные книги по астраханскому и яицкому дворцовым промыслам. Уже это свидетельствует о его признанном торговом опыте и навыках в „книжном деле".[1] В 1704 г., находясь „при конечной старости и скорби", Олисов не вел никаких дел, но в былые годы у него был большой торг астраханским бузуном и пермской солью; товар на своих стругах доставлялся в собственные амбары в Нижний, а оттуда отправлялся в верховые города, куда шел также хлеб. Так, в Ярославле, по показаниям гостя, в 1704 г. „осталые пшеницы и ячменю" было на 411 рублей. В обмен на хлеб в Астрахани покупались восточные товары, которые продавались в одной из пяти собственных лавок, а также посылались в другие города: несмотря на старость, гость не забыл упомянуть о диком перце, отправленном в Москву на 63 рубля. Где покупался хлеб, Олисов не указывает, но известно, что в XVII в. хлеб привозился в Нижний в большом количестве из Арзамасского, Алаторского, Курмышского и Темниковского уездов,[2] а также скупался по торжкам нижегородцами, имевшими низовый промысел, в обмен на соль, рыбу и мелкий щепетинный (галантерейный) товар.[3] „По мере заселения плодородного края, лежавшего на юг от Нижнего, — пишет Н. И. Костомаров, — город сделался местом сбыта и закупки хлеба для отправки его в столицу и северные провинции".[4] Из других „промыслов" Олисов имел четыре пожни, сено шло на „домовой скотский корм", что говорит об основательности и хозяйственной полноте его городского двора, где находилась также „мыльная поварня" — единственное промышленное заведение, указанное в сказках людей гостиной сотни Нижнего-Новгорода.

Таковы в прошлом торги и промыслы двух крупнейших представителей одного из старейших волжских городов. Сравнительно с ними торговые операции остающихся четверых нижегородцев гостиной сотни значительно ограниченнее по своему характеру и размерам. Все четверо, не пускаясь в далекие поездки, ведут устойчивую торговлю на месте, в собственных лавках, кто — щепетинным товаром, кто — котельным и медной посудой, кто — хлебом, который покупался тут же в городе, на торгу „у крестьян". Товара в лавках у каждого на суммы до ста

---

[1] ЦГАДА, Городовая книга по Нижнему-Новгороду, № 39, 1685 г., лл. 15—16.

[2] Е. Д. Сташевский, Пятина 142-го года и торгово-промышленные центры Московского государства, Журнал Министерства народного просвещения, 1912, № 5, стр. 105.

[3] Н. А. Бакланова, Торги и промыслы Нижнего-Новгорода в 60-х годах XVII века, Ученые записки Института истории РАНИОН'а, т. V, 1929, стр. 309.

[4] Н. И. Костомаров, Очерк торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях, СПб., 1889, стр. 114.

рублей и на столько же, по их показаниям, домовых пожитков; все четверо почти не имеют долгов, обходясь собственными небольшими средствами, у каждого по нескольку лавок, сдающихся в наем: у Коновалова — четыре, у Болотова — семь, у Антропова — семнадцать. Всё свидетельствует о среднем, без размаха, но достаточно прочном состоянии, как и размер десятой, от 4 до 10 рублей, — средний оклад даже для москвичей гостиной сотни. Этими немногочисленными сведениями исчерпывается содержание всех четырех сказок.

Теперь перейдем к Казани.[1]

Здесь, как мы знаем, числилось одиннадцать человек гостиной сотни: Сергей Аникиев Бондырев, Афанасий Башкирцев, Кузьма и Осип Каменевы, Викула Котов, Михаил и Алексей Крюковы, Иван Микляев, Михаил Меденников, Петр Третьяков и Афанасий Чернов.[2] Из них только один Башкирцев показал на отсутствие у него по причине скудости торгов и промыслов; картина же торгово-промышленной деятельности остальных казанцев рисуется другой, чем их соседей — нижегородцев.

Прежде всего, бросаются в глаза „валовые" торги в отъезд; ими было занято пять человек из семи, и только двое — Алексей Крюков и Викула Котов — ограничивались розничной торговлей в Казани. При этом у Котова, имевшего десять собственных лавок, видимо, еще в недавнем прошлом также были отпуски товаров,[3] а теперь, после „разорения от воровских людей", он „промышлял" сдачей лавок в наем и „скудным соляным промыслишком". Оборотный капитал в этом торгу равнялся четырем рублям. „И что от той соляной продажи и у лавочных наймов... придет, тем и кормлюс", — так он определял источник своего существования. Других масштабов была торговля Крюкова. Это крепкий торговый человек, совершенно не имевший долгов, торговавший „з дворовыми своими людьми" персидским товаром. Ему принадлежало девять лавок, в одной он сам торговал и в двух — его „люди". Товару во всех трех он показал за 1701 г. на 210, а за 1702 г. — на 300 рублей. Почему он не соблазнялся торговлей в отъезд, как его собратья, и предпочитал покупать персидские товары в Казани, у них же, — неизвестно, но, возможно, всё же по недостатку торговой „мочи", так как те, кто торговал в отъезд, представляются значительно его крупнее.

---

[1] Сказки по Казани, ЦГАДА, фонд Монастырского приказа, в. 222, д. 109. В дальнейшем изложении не делается ссылок на отдельные места этих документов.

[2] Для характеристики торгов и промыслов казанцев мы пользуемся только восемью сказками.

[3] Указанием на это служит его ссылка на „разорение от воровских людей", которое обычно в сказках гостиной сотни Поволжья обозначало разграбление товаров в пути, особенно по Волге.

Систематически, из года в год, казанцы посылали в разных направлениях свои товары, и часто большими партиями. Их торговые связи широки, а маршруты далеки. Из портов в их сказках встречаются и сравнительно близкая, доступная Астрахань и далекий Архангельск, путь к которому был сложен и дорог. Так, например, Микляев в 1701 г. за провоз товаров только от Вологды до „города" заплатил 835 рублей, да в обратный путь „провозу и всяких харчей изошло" на 355 рублей. И, тем не менее, трое наиболее крупных — Микляев, Аникиев и Осип Каменев — ежегодно посылали туда товары. Диктовалось это большим спросом на Архангелогородской ярмарке на те самые товары, которые имелись в руках казанцев и отсутствовали у нижегородцев: кожи (юфть) и сало. В 1702 г. Каменев отправил туда 600 пудов юфти по продажной цене (указной) на 2 400 рублей, а Аникиев — 966 пудов на 3 900 рублей. Те же товары шли в Астрахань, с которой были связаны все пять человек, торговавших в отъезд. Сырые кожи и готовую юфть покупали в Казани и в других городах, но, видимо, не по деревням, а на торгу или у местных скупщиков, которые предварительно переработывали сырье в юфть. Так, Микляев был должен „за юфотный товар" казанскому посадскому человек Мукосинову полторы тысячи, да гостиной сотни Аникиеву — „недоплатных" 1 200 рублей. Купленные сырые кожи переделывались в собственных кожевнях, при которых бывали особые „толчейки", где толкли дуб на „юфотное дело".

„У портов" привезенные товары поступали „в продажу и мену". В Архангельске юфть, по показаниям торговых людей, продавалась по три и по два с полтиной пуд, сало — от 7 до 9 рублей берковец. Эти цены почти совпадают с приводимыми Родесом и Кильбургером.[1]

Менялись же юфть и сало на заморские товары, больше всего на сукна, преимущественно голландские, которые сотнями и тысячами аршин покупались также на „товарные", т. е. вырученные от продажи товаров, деньги, по 2 рубля и по 40 алтын за аршин. Покупались также бумага и серебряная посуда; первая — по 80 гривен и по 20 алтын за десть, „серебреные суды" по 11 рублей и дороже за фунт.[2]

Из Астрахани везли персидские товары. На характерные низовые товары — соль и рыбу — не встречается указаний в сказках оптовиков-казанцев, как и на хлеб в качестве товара, вывозимого на низ. В этом

---

[1] Б. Г. Курц, Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса, М., 1914, стр. 165; Б. Г. Курц, Сочинения Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, Киев, 1915, стр. 109.

[2] Цены совпадают с указанными у Кильбургера; там же, стр. 141—142.

разница с торгами крупных нижегородцев — Калмыкова и Олисова. Объяснение надо искать в том, что Нижний с давних пор (когда еще Казань не была крупным русским городом) был посредником между юго-востоком и северо-западом; расположенный ближе всего к московским пределам, на волжском пути, он был последним русским городом для торговых людей в их движении на низ и первым при движении вверх. Поэтому он стал главным распределительным пунктом восточных и низовых товаров для центра и других районов Московского государства, так же как верховых товаров для отправки в чужие земли. „Главное специфическое значение Нижнего-Новгорода, — пишет В. П. Безобразов в своем труде „Народное хозяйство России", — исторически ему принадлежащее во всероссийской жизни, господствующее над всеми отраслями его деятельности, их всех обусловливающее, заключается в том, что он один из важнейших в России (если даже не важнейший, как самый центральный) перевозочный и перевалочный узел на великом всемирном пути".[1]

Соль, свозившаяся в Нижний с разных сторон, расходилась отсюда по всему государству, и Нижний стал центром соляной торговли. Недаром Строгановы именно здесь сосредоточили свой соляной торг, и сам Григорий Дмитриевич Строганов жил здесь до 1703 г. Таким же складочным местом Нижний был для хлеба, отправляемого на низ целыми караванами.[2] Позднее хлебная торговля оказалась еще в других руках — торговых людей Симбирска.

Таким образом, оба важнейших предмета волжской торговли шли мимо казанских купцов, которые зато сделали объектом своих операций другие товары.

Товары, привозившиеся казанцами гостиной сотни из Архангельска и Астрахани, отправлялись на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки, вверх по Волге и в Москву. Торговая деятельность Афанасия Чернова и Осипа Каменева связана с Уфой и Кунгуром: первый продал на Уфе „астраханских и иных товаров" в 1701 г. на 386 рублей, а в 1702 г. — на 580 рублей; Каменев в 1702 г. продал на Кунгуре товаров на 473 рубля.

---

[1] В. П. Безобразов, Народное хозяйство России, Московская (Центральная) промышленная область, ч. 2, СПб., 1885, стр. 50.

[2] О соляной и хлебной торговле Нижнего см.: С. И. Архангельский, Крупная промышленность и образование пролетариата в Нижегородском крае, Нижегородский краеведческий сборник, Труды Нижегородского педагогического ин-та, т. I, Н. Новгород, 1924, стр. 189; Н. А. Бакланова, назв. статья, стр. 309—310; Е. Д. Сташевский, назв. статья, стр. 10; С. Степанов, Торговля, „Нижегородский край", ч. 2. „Хозяйство", Н. Новгород, 1926.

Итак, торговые связи людей гостиной сотни Казани распространялись на юго-восток по Волге до Астрахани (5 человек), на северо-восток по Каме и Белой до Уфы и далее (2 человека), на север через Ярославль и Вологду до Архангельска (3 человека), в „верховые города" (5 человек).

Отпуски товаров приходились, естественно, на весну и летние месяцы; товары одновременно посылались в разных направлениях с родственниками или приказчиками, реже присоединялись к партии, отправлявшейся другим торговым человеком. В зимние месяцы производилась закупка местных товаров, а также распродажа части привозных товаров в Казани, чаще на гостином дворе, в государевых оброчных лавках, реже на посаде в собственных лавках. Последняя операция для казанцев гостиной сотни, в противоположность нижегородцам, не являлась основной и самостоятельной; это один из элементов их торговой деятельности, носящий характер именно временной распродажи и буквально тонущий в сложных комбинациях их отъезжих торгов. Но, подобно нижегородцам, гостиная сотня Казани — это, в первую очередь, торговцы, а не промышленники. Только один Каменев имел мельницу на один постав, да несколько человек занимались переработкой кожевенного товара в юфть, но последнее занятие было целиком связано с их основными торговыми операциями по продаже юфти в Астрахани и Архангельске. Ни один из казанцев не имел даже широко распространенных в то время подрядов — хлебных, винных или соляных. Это лишний раз говорит о том, что хлеб и соль не были предметами их зоркого предпринимательского взгляда.

Сделанные наблюдения не вполне распространяются на одну фигуру, явно выделяющуюся на фоне гостиной сотни Казани — Ивана Афанасьева Микляева, по масштабам своей торгово-промышленной деятельности намного опередившего своих собратий и максимально использовавшего благоприятные местные условия. С этой точки зрения представляет интерес его индивидуальная характеристика.

В момент подачи сказок Микляев был прочно связан с Казанью и ее районом. Скупив местный товар — сало и, главным образом, кожи, он отпускает их тысячами пудов на Архангелогородскую ярмарку. Так, в 1701 г. там было продано юфти 5 358 пудов на 24 000 рублей, а в следующем — 3 375 пудов на 15 600 рублей. Юфть вместе с другими товарами отправлялась также в Астрахань; о размерах этого торга говорит одна цифра пошлинного сбора: в 1701 г. он уплатил в Астрахани с продажи товаров 647 рублей 4 алтына 2 деньги, „да на Москве и в Казани, а в иных городах и на Макарьевской ярмарке 208-го, 1700-го, 1701-го годов не малое число". Микляев использовал и другой водный путь — по Каме

и далее. На Ирбите у него была постоянная лавка, его приказчики торговали в разных сибирских городах и даже в Китай попадали.

Учитывая нужду населения Сибири в различных промышленных изделиях, Микляев посылал туда не как специалист-оптовик, каким он представляется по отпускам в Архангельск, а как позднейший коробейник, только крупного масштаба, самый пестрый ассортимент товаров. Так, в 204 г. его приказчик Филат Иванов повез из Казани в Тобольск свои русские товары и заморские — восточные и западные: шелк, сафьян, кумач и выбойки, киндяки и пестряди, кружева и фаты, кушаки кизильбашские.[1] О распродаже в розницу части привезенных в Казань товаров Микляев мельком говорит в самом конце сказки как о второстепенной для него операции по сравнению с отпусками товаров: „А в рядах у меня сидельцев никого нет, а продаются же вышепомянутые товары на гостиных дворах в оброчных государевых лавках".

Одновременно Микляев — промышленник. У него завод для „перецела" кож и две винокурни на 60 котлов в Казанском и Свияжском уездах. Большие винные подряды, — а „по вся годы" он ставит в Казань, Астрахань и „в иные города и села" по 25 000 ведер „и больши и меньши", — помогали ему обернуться в торговом деле, в которое он вкладывал авансы, полученные под будущие поставки вина. Микляев, единственный из всех людей гостиной сотни Среднего Поволжья, принимал участие в денежных операциях казны, беря подряды на поставку ефимков. В дальнейшем его предприимчивость и капитал нашли новое применение: через несколько лет винокур и кожевенный заводчик стал основателем первой частной суконной фабрики в своем родном городе — Казани.

Свои торги и промыслы, при их большом размахе и разнообразии, Микляев в значительной степени вел в кредит. „А лежачих денег, — показывал он, — у меня нет". В торговлю вкладывались авансы, полученные под винные подряды, занятые деньги, а также „долговые товары". К разного вида кредиту, в форме ли заемных денег или товаров, Микляев прибегал чаще и в больших размерах, чем другие казанцы гостиной сотни, хотя они также постоянно производили займы и в сказках поименно называли своих кредиторов.

Для займа денег Микляев, прежде всего, использовал связи с иностранными купцами при заключении сделок в Архангельске. Вот роспись долгов 1700 г.: „у голанца Христофора Бранта взято денег в 700 году 116 руб. 11 алт., и те деньги плачены в 1701 году; у иноземца аглинские земли у Данила Карела взято товару в 700 году на 1816 руб. 29 алт.

---

[1] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1244, л. 28.

3 д., и те деньги плачены в 703 году; у анбурца у Ивана Говерса взято товару в 700 году на 228 руб. на 8 гривен, и те деньги плачены в 703 году". В 1701 г. у Андрея Цветгребеля и Елисея Глюка он взял товаров на 6217 рублей. Другие долги, чаще посадским людям Казани и соседних городов, производились, вероятно, при первичной операции — скупке местных товаров. На выработавшуюся уже привычку к кредиту, естественному в таком крупном деле, на уменье при недостатке собственных капиталов сводить концы с концами в своих сложных торговых операциях и удачно обернуть деньги „из товара в товар" говорит отсутствие у Микляева застарелых долгов: делая новые, он аккуратно расплачивается со старыми.

Таков крупнейший представитель старинного казанского посада. Однако его торги и промыслы, выделяясь размерами, имеют общие черты с торгово-промышленной деятельностью остальных казанцев гостиной сотни, а именно:

1) преобладание торгов над другими „промыслами" и оптовой торговли в отъезд — над местной розничной;

2) широта торговых связей и дальность торговых маршрутов, из которых особо выделяются два: в Астрахань, с ней были связаны все казанцы гостиной сотни, имевшие отъезжие торги, и Архангельск, куда посылали наиболее крупные торговые люди самые большие партии товаров;

3) преобладание в отпусках одного товара — юфти.

Эти черты присущи торговой деятельности и крупным торговым людям казанского посада. В 1714 г. для житья в Петербурге был выбран казанец Николай Иванов Ростовцев, который имел отъезжие торги: юфть и другие товары он отпускает в Астрахань, оттуда персидские товары возит в Казань, на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки, а с Ирбита в Казань — сибирские товары. Кроме того, он имел кожевенный завод.[1]

Эти наблюдения относительно Казани подтверждаются и расширяются данными сказок гостиной сотни Чебоксар[2] и Свияжска,[3] составлявших с Казанью один хозяйственный район. В этих городах на рубеже XVII—XVIII вв. существовали две большие торговые семьи: в гостиной сотне Свияжска состояли трое Антипиных, а в Чебоксарах — трое Игумновых. Антипины почти не имели торгов и промыслов: у каждого было по мельнице, доходами с которых они, главным образом, и существовали; сказки же Игумновых, наоборот, создают впечатление большой устойчивости, налаженности и известной специализирован-

[1] Доклады и приговоры Сената, т. IV, ч. 21, № 1408.

[2] Сказки по Чебоксарам, ЦГАДА, фонд Монастырского приказа, вязка 222, № 105.

[3] Сказки по Свияжску, там же.

ности их „свальных" отъезжих торгов. Основной операцией, стоящей у всех троих на первом месте в сказке, являлся отпуск товаров в Архангельск, хотя все они имели связи и с Астраханью. Ежегодно каждый из них, независимо друг от друга, посылал на север юфть „своего передела" и говяжье топленое сало. В 1702 г. Григорий Игумнов отправил 93 тюка по шести кож и 43 тюка по девяти кож, да 37 лагунов (бочек) сала; Михаил и Алексей Игумновы — около 1 000 пудов юфти и 600 пудов сала, а „в иной год и больши и меньши". Тот же кожевенный товар посылал в Архангельск свияженин Алексей Карганников, единственный из людей гостиной сотни этого города торговавший в отъезд (дела всех троих Антипиных в начале XVIII в. находились в упадке). Игумновы и Карганников скупали кожи в Чебоксарах и ближайших городах, видимо, у местных скупщиков. Так, Карганников был должен двум царевококшайцам за 950 кож да царевосанчурскому посадскому человеку за 200 с лишком; вероятно, за тот же товар задолжали Игумновы жителям Цивильска и Курмыша.

Особенности торгов и промыслов крупных торговых людей района Казани становятся еще очевиднее при сопоставлении их с торгово-промышленной деятельностью гостиной сотни Симбирска.

Мы уже говорили о том, что по числу людей гостиной сотни (11 человек) город, возникший в виде острога в 1648 г., сравнялся со старым центром Среднего Поволжья — Казанью. Вот имена этих 11 человек во главе с гостем Яковом Бабушкиным, одним из четырех иногородних гостей, значившихся в списках гостей Московского государства:[1] Иван Андреев, Алексей Ушаков, Осип Твердышев, Филат Хлебников, Василий Капралов, трое братьев Бородулиных и двое Барминцевых, из которых один ко времени подачи сказок умер, а другой — единственный из симбирян гостиной сотни не имел торгов и промыслов.[2] К началу XVIII в. на фоне молодого посада успели выделиться очень крупные фигуры торговых людей — это Иван Андреев и Алексей Ушаков. По размерам торгов и промыслов их можно сопоставить только с Иваном Микляевым по Среднему Поволжью, вообще же — с виднейшими представителями высших категорий торгово-промышленного класса всего Московского государства.

Иван Андреев, уроженец Симбирска, внук члена гостиной сотни Филата Хлебникова, по характеру торговой деятельности ближе всего подходит к гостиной сотне Казани. Как у тех, его торговые связи очень широки, а торговые операции разнообразны. В 1701 г., например, они произво-

[1] ЦГАДА, книга Денежного стола, № 50, л. 54.

[2] Сказки по Симбирску, ЦГАДА, фонд Монастырского приказа, вязка 222, № 104.

дились в следующих десяти пунктах: Архангельске, Ирбитской и Макарьевской ярмарках, Астрахани, Симбирске, Казани, Нижнем, Костроме, Вологде, Алатыре; в следующем году к ним прибавились Москва, Самара, Верхотурье. Одновременно производилось по пять сложных операций по отпуску товаров в разных направлениях, причем деньги, вложенные в одну из них, успевали в течение года обернуться четыре-пять раз, переходя из товара в товар, из сделок одного года в операции следующего. Вот пример: в 1701 г. на Ирбите были проданы на 600 рублей персидские товары и юфть; на вырученные деньги „с торгу" в Симбирске и уезде куплено 523 пуда кож сырых, переделаны в юфть и проданы в Архангельске; там же куплены 3 кипы голландских сукон, привезены в Казань, а оттуда уже в 1702 г. отпущены в Астрахань; на вырученные деньги куплен астраханский товар и продан на Макарьевской. Так же разнообразны товары, бывавшие в руках Андреева: хлеб, соль, рыба, кожи разных сортов, покупавшиеся также в Казани и Астрахани, различные ткани — шелк, сукна, китайка, каразеи — и рядом с ними деготь, щетина, зола. Наряду с крупными велись мелкие хлопотливые, но не дававшие большого барыша дела. При широте и разнообразии торгов суммы годового оборота сравнительно невелики: в 1701 г. всего было куплено товаров на четыре с лишком тысячи, а продано на шесть с лишком тысяч рублей; при этом Андреев почти не обращается к кредиту. В торговой деятельности его бросается в глаза не финансовая мощь и размах с возможностью риска, а необыкновенная подвижность и оборотистость, способность ухватиться за все, что открывается перед его торговым кругозором. Как увидим ниже, раскиданность и известная пестрота его торгов не характерна для остальных симбирян гостиной сотни.

Подобно Микляеву, Андреев имел, кроме торговли, другие промыслы: у него винокуренный завод и четыре мельницы устроены „своими харчами"; одну из них он оценил в сказке в 500 рублей, а винокуренный завод — в 150 рублей; юфть своего передела свидетельствует и об этом домашнем производстве.

Еще более крупным промышленником был Алексей Ушаков, брат гостя Ивана Ушакова. Устюжане по рождению, в конце XVII в. „для своих промыслов" они прочно обосновались в Енисейске.[1] Жизнь в Сибири открыла перед ними широкие перспективы, и они использовали их, проявив при этом совершенно исключительную энергию и предприимчивость. Они прекрасно поняли, какое значение имел здесь хлеб и снабже-

[1] О деятельности Ушаковых в Сибири, — ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 908, 1398; кн. 1063, л. 230 и 252.

ние им сибирских глухих мест; судьба отдаленных городов — Якутска, Мангазеи — зависела от их хлебных поставок: „А окроме ево, Ивана, в том подряде никого не обыскалось", — доносил воевода Щербатов в 1684 г. Крупную хлебную торговлю они вели за Байкалом; местные торговые люди жаловались на их приказчиков и людей, которые „мочью своею хлебные запасы выкупают на скуп и продают ценою вдвое и втрое", а население, наоборот, показывало, что до торговли Ушаковых „хлебная скудость была великая и цена непомерная", а как стали они торговать, „почал хлебной запас в Нерчинских острогах быть дешевле". В Енисейске, Иркутске и Маковском[1] они держали на откупе пивоварни, квасни и бани; на собственных винокурнях вываривали огромное количество вина для подрядов и розничной продажи в своих кабаках. Воеводы жаловались, что они спаивают народ, от чего многие жители „оскудали и в большое разорение пали". Они имели соляные промыслы, диктовали цены на соль и успешно конкурировали с казенной торговлей. „И Илимскому соляному промыслу учинил (Ушаков. — *Е. З.*) помешку", — доносил Иван Гагарин, — от чего казне „учинилась убыль немалая". В Енисейске они имели дворы, десять лавок, амбары, кузницы, мыльную поварню; их приказчики с разнообразными товарами ездили в Китай. Крупнейшие торговцы и промышленники, они заняли в Сибири исключительное положение: от их конкуренции зависели цены, успех государственной и частной торговли.

Попав в 1683 г. в гостиную сотню, Алексей Ушаков должен был перебраться ближе к центру, не бросая своих сибирских промыслов. И как когда-то из Устюга он необыкновенно удачно попал на сибирские просторы, так оттуда позднее — в богатый, еще мало использованный симбирский край. На новом месте он быстро пустил корни.

В Симбирском уезде ему принадлежала мельница, а в Алаторском — винокурня с солодовней и „другими заводами"; припасы на той и другой он оценил в 1160 рублей. В Уфимском уезде у Ушакова было 3 варницы, соль десятками тысяч пудов продавалась в Симбирском уезде, на Макарьевской и в Нижнем-Новгороде. На Романове и у Сола Галицкой он покупал железные припасы к варницам и туда же, в соляной городок, отправлял неприхотливые товары, необходимые для глухих промыслов: сотни аршин сукна сермяжного, тысячи аршин холста, тысячи аршин пестряди и крашенины, чулки „вязеные, голицы бараньи, вареги беличьи." По старой связи товары посылались в Сибирь, но особенно крупная оптовая торговля велась хлебом. В 1701 г. Ушаков отправил

---

[1] Маковский острог находился „на волоку между Кетью и Енисеем",—С. В. Бахрушин, Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М., 1927, стр. 160.

в Астрахань 4141 мех, а в 1702 г. — около 5000 мехов муки ржаной, овсяной, ячневой и пшеничной, солоду, толокна, круп разных. Интересно, что Ушаков, при его предприимчивости, уменьи быстро и ловко взяться за дело и верно уловить разные возможности сбыта и прибыли, не потянулся в Архангельск: на новом месте он, прежде всего, завел привычное для него по Сибири дело — хлебную, винную и соляную торговлю, тем более, что местные условия благоприятствовали этому.

Надо сказать, что и в сказках других симбирян, имевших отъезжие торги, отпуск юфти в Архангельск встречается только один раз в сказке Осипа Твердышева, очень крупного торговца и промышленника, того самого, кого в 1705 г. называли в числе пяти заводчиков астраханского бунта.[1] Между тем, по Симбирску людей, торговавших в отъезд, даже больше, чем по Казани: там пять, а здесь семь человек, не считая Ивана Бородулина, показавшего одну небольшую торговую операцию в Казани. Мало того, четверых — Твердышева, Бабушкина, Капралова и Хлебникова — по размерам их торгово-промышленной деятельности можно сравнить только с наиболее видными казанцами и чебоксарцами. Однако их торги и промыслы носят другой характер: они целиком связаны с хлебом и его переработкой. Скупка хлеба являлась первичной операцией у симбирян, как у их соседей скупка кож. За ним не надо было ездить даже в уезд: „уездные люди" в изобилии продавали его „с торгу" в самом городе. Отсюда, помимо близости и удобства сообщения, прочная связь симбирян гостиной сотни с нуждавшейся в хлебе Астраханью, куда из года в год они вывозили огромные партии всяких хлебных запасов: Игнат Хлебников, самая фамилия которого выразительна, в 1701 г. отправил в оптовый отпуск 1081 мех хлеба, 250 мехов гороху, 425 мехов пшеничной муки, 50 мехов гречневых круп, 25 мехов семени конопляного, 52 меха пшена. Все эти „хлебные запасы" в Симбирске были куплены на 710 рублей. Каковы же были хлебные отпуски Твердышева, если в 1704 г. он затратил на них вдвое большую сумму? Но хлеб скупался не только для отправки на низ, но и для переработки на месте. Винными подрядами занимались Андреев, Ушаков, Твердышев, Капралов, Бабушкин. Они снабжали вином хорошо знакомые им места по волжскому пути: Сызрань, Самару, Саратов, Дмитриев, вплоть до Астрахани. Поэтому все они — промышленники-заводчики. Твердышев оценил свои винные заводы в 5500 рублей. Одновременно все они мукомолы: у Твердышева было разбросано по уезду — и это показывает на скупку хлеба и на местах — по разным речкам 8 мельниц, некоторые на 2 и даже

[1] С. М. Соловьев, назв. соч., кн. 3, стб. 1378.

на 4 постава. Этим делом промышлял еще его отец. У Бабушкина было 6 мельниц, у Капралова — 3; были мельницы у умершего Барминцева и даже у маломощного Алексея Бородулина, живущего доходами с этого предприятия.

С Астраханью гостиная сотня Симбирска была крепко связана не только хлебной, но и соляной торговлей. Десятками тысяч пудов соль покупалась на деньги, вырученные от продажи десятков тысяч пудов хлеба, грузилась чаще на собственные струги и поднималась вверх до Симбирска, где распродавалась местным и приезжим из других городов людям. В противоположность казанцам, у симбирян соль решительно преобладает над другими астраханскими товарами: в сказках один раз упоминается рыба и один же раз вообще „астраханские товары", под которыми обычно подразумевались привозные с востока. Думаю, что объяснение этому надо искать в большей отдаленности Симбирска от Нижнего как давнего центра соляной торговли.

Торги и промыслы симбирян представляют очень цельную картину. Торговые люди Симбирска не разбрасывались ни в смысле торговых маршрутов, ни в отношении ассортимента товаров. От Симбирска до Астрахани и обратно — таков их наезженный путь; исключением являлись Ушаков и особенно Андреев, шире раскинувшие свои торговые дела. В отношении же товаров эпиграфом к сказкам гостиной сотни Симбирска могли бы служить слова Филата Хлебникова: „А пожитки мои, — подытоживал он в сказке свой жизненный опыт и путь, — в стругах соляного торгу и в хлебной покупке".

III

Подводя итоги всему сказанному о торгах и промыслах гостиной сотни средневолжских городов, необходимо сделать оговорку для того, чтобы получилась правильная картина. В изложении, как и в самой жизни, выступают вперед крупные операции, и заметные фигуры заслоняют мелкие. Это естественно, тем более что в самих сказках сведения о торговле „у портов и на ярмарках", особенно интересовавшие правительство, всегда стоят на первом месте. Но в каждом городе были и крупные, и средние, и мелкие торговые люди в гостиной сотне, но все же в разном соотношении. Если мы наметим внутри гостиной сотни три категории, а именно: 1-я — крупные или первостатейные, т. е. имевшие отъезжие торги, подряды, заводы и другие промыслы; 2-я — средние, ведущие небольшие операции в отъезд или торговлю на месте, и 3-я — совсем не имевшие по тем или иным причинам торгов

и промыслов, то гостиная сотня взятых нами пяти городов распределится следующим образом:

Название города	Всего: гостей и гостин. сотни	К 1-й группе	Ко 2-й группе	К 3-й группе	Примечания
Симбирск	11	6	4	1	
Казань	8*	5	1	2	
Чебоксары	4	4**	—	—	
Славянск	4	1	3	—	
Нижний-Новгород . .	10	2***	4	4	
По всем городам . .	37	18	12	7	
По всем городам (в %)	100	47,4	34,2	18,4	

* О которых имеются данные.

** Четвертого из гостиной сотни Чебоксар — Олина, сказки которого нет, мы можем отнести к 1-й группе уже по одному тому, что он был компаньоном Микляева по отпуску товаров в Китай.[1]

*** В недавнем прошлом — Калмыков и Олисов.

Такая картина прежде всего характеризует состояние самой гостиной сотни средневолжских городов на данный момент. Ее состав по материальному состоянию ее членов очень пестр, а по наличию в их числе людей неимущих, кормящихся своей работой, даже не соответствует представлению о сотне как высшей прослойке торгово-промышленного класса, в которую вербовались из посадских „добрые и пожиточные" люди. Правда, по самому положению, даже в глазах правительства, сотня не должна была состоять из людей совершенно равных. Недаром она делилась на первую и вторую статьи, так же как посадский мир, делившийся на три статьи, не представлялся сплошной массой мелких и средних торговых людей. Первостатейные из посада — они насчитывались единицами, и то далеко не в каждом городе — приближались не только ко 2-й, но и к 1-й статье гостиной сотни. Но, конечно, наличие, да еще в значительном проценте, в составе сотни людей „безторжных" — и формально и фактически явление ненормальное, находящее себе объяснение в общих условиях экономического быта того времени. Несомненно, что эти 7 человек, оказавшиеся в момент подачи сказки без средств существования, не такими вступали в сотню; на это есть указания и в их

[2] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1230, л. 24.

сказках: почти все они говорят о причинах своего бедственного положения. Это „оскудалые" люди, разорившиеся за время своего пребывания в сотне по разным обстоятельствам, но почти всегда случайного характера. Чаще всего это общий бич того времени — пожары, реже — катастрофы с товарами в пути: то струг потонул, то разбойники напали еще на пустынном тогда волжском просторе. И этого для многих бывало достаточно, чтобы подорвать состояние, но не для всех. В 1704 г. горел город Чебоксары; во время страшного пожара выгорели все Игумновы — их лавки, дворы, амбары с хлебными запасами. Между тем, никто из них, упоминая об этом факте, не жалуется на свое разорение; они не только хорошо помнят, хотя их „домовые записные торговые книги" также сгорели, операции прошлых лет, но продолжают их и после пожара. В момент подачи сказок глава каждой семьи, а в некоторых случаях и другие ее члены, были в отъезде, кто с подрядным вином, кто с товарами, и сказки они подавали уже в ноябре, по возвращении. Но Игумновы, мы знаем, — не рядовые члены гостиной сотни. Это очень крепкие оптовики, торговавшие только в Архангельске на тысячи рублей своих и „должных" денег. Для них пожар не означал катастрофы, тем более что при торговле в отъезд товары во время пожара находились в пути, и благодаря этому основные операции года могли благоприятно закончиться и дать средства вообще для ликвидации причиненного ущерба. При удачном исходе торговля в отъезд давала огромные барыши. К сожалению, мы не знаем, по какой цене скупались сырые кожи в районе Казани и Чебоксар, но цена юфти в Архангельске по 3 рубля пуд была очень высокой, и Микляев, например, из операции 1701 г. в Архангельске, за вычетом пошлин, харчей и провоза туда и обратно заморских товаров, получал чистых 19533 рубля. Однако таких, как Микляев или Игумновы, было не много, даже в крупнейших городах, но и они постоянно испытывали, как мы видели, недостаток собственных капиталов и занимали повсюду и у самых разных людей. Так, Микляев однажды задолжал 200 рублей работнику чебоксаренина Проскурякова, и не только фразой, повторяемой с некоторыми вариантами почти каждым из них, звучат слова одного из Игумновых: „А есть ли б нам на себе таких долгов не иметь, и нам бы такими торгами своими пожитки торговать нечем".

Что же говорить о массе средних торговых людей, каких было большинство в гостиной сотне, в торговом обороте которых обращалось в лучшем случае несколько сотен рублей. Они вкладывались или в товар, продававшийся на месте в розницу, как у нижегородцев, или в какую-нибудь одну товарную посылку. Случилось бедствие, — и человек разорялся „без остатку". К этому надо прибавить многочисленные поборы

в форме прямых налогов и косвенных — торговых и других пошлин, — падавшие большой тяжестью на всякий торг и промысел. Гость Олисов, соответственно своему окладу десятой деньги в 130 рублей, собиравшейся не по одному разу в год, платил „в корабельное строение... и в струговое строение и до Шлюсенбурха под воинские припасы по два года нанимал... на Москве подводы", выплачивая все это „от многова правежю". В казну уходила значительная часть имевшихся средств.

Нужду в деньгах испытывали в то время и торговые люди, и дворянство, вплоть до высших сановников, и само правительство, отыскивавшее всеми способами деньги для покрытия растущих расходов. Иначе не могло быть в то время, когда денежное хозяйство только вступало на смену натуральному, когда начиналась еще не эпоха капитализма а первоначального накопления. В отношении торговых людей, даже гостей и гостиной сотни, необходимо внести коррективв представление, о них как о капиталистах. Это представление в значительной степени навеяно Котошихиным, иностранцами и немногочисленными сведениями о случаях расходования или распоряжения отдельными лицами действительно крупными суммами. Но ведь последние тоже могли быть занятыми. Котошихин же, как и иностранцы, говорит не о капиталах, а о торговом обороте гостей в размере от 20 до 100 тысяч рублей.[1] Это вполне возможно и находит подтверждение в торгово-промышленной деятельности средневолжских тузов: вспомним, что из одной только операции 1701 г. по продаже юфти в Архангельске Микляев выручил 24 000 рублей. Но мы видели, из каких источников составлялся его оборотный капитал. Единичные примеры обладания большими средствами, как, например, у Строгановых, или накопления их в виде неприкосновенного капитала, как было у гостей Шустовых,[2] не меняют общего положения.

В торговом мире недостаток капиталов должен был особенно остро сказываться на каждом шагу, стеснять инициативу, подрывать налаженные, казалось, дела; он являлся основной причиной неустойчивости состояния и возможности быстрого разорения для „молодых" торговых фирм того времени. Отсюда наличие семи „оскудалых" в составе гостиной сотни Поволжья. Оно характерно не для одного этого района; такая же картина наблюдалась и в других городах, и в самой Москве; это — общее явление, вызванное общими причинами.

---

[1] Г. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, СПб., 1906, стр. 137.

[2] С. М. Соловьев, назв. соч., кн. 3, стб. 1342.

Возвращаясь к таблице на стр. 232, после всего сказанного можно даже не говорить, что данные цифровые показатели соотношения отдельных групп являются чисто временными и через несколько лет могут легко измениться, как и персональный состав той или иной группы: новые могли разориться, другие — подняться. Но сущность явления — пестрота состава по экономическому признаку, вследствие чрезвычайной неравномерности торгов и промыслов даже в пределах одного верхнего, немногочисленного слоя посадского населения одного района, и несоответствие фактического состояния ряда лиц их званию — остается, так как это явление зависело от общих экономических условий данного периода в развитии Русского государства.

IV

Однако сказки 1704 г. дают возможность не только изобразить торги и промыслы гостиной сотни средневолжских городов; они содержат данные, позволяющие наметить хотя бы некоторые черты, характерные для экономики самих городов с их районами и Среднего Поволжья в целом.

Самое наличие гостей и гостиной сотни, а особенно в количестве от пяти человек, указывает на мощность посада: в массе мелких городов вовсе не было торговых людей высших категорий; в таких известных городах, как Кострома, Кашира, Устюг, было по одному человеку;[1] в Суздале, Луках Великих, Вязьме — по 2 человека;[2] в Вологде и Архангельске — по 4 человека.[3] С этой точки зрения интересно простое сопоставление численности гостиной сотни Среднего Поволжья с другими районами и городами, по которым имеются сказки, — а сказки сохранились по 29 городам Московского государства. Во всех 29 городах числилось 172 человека высших категорий торговых людей, из них 40, т. е. 23,1%, в пяти средневолжских городах.

В среднем на каждый из них приходилось по 8 человек, в то время как на остальные — по 5,5 человека. А между тем, в число этих „прочих" включается такие, как Ярославль и Кострома — из верхневолжских, Коломна и Серпухов — из Окских, Кашира и Брянск, Смоленск и Вязьма — из западных, Вологда и Архангельск — из северных. Нижний, Казань и Симбирск входят в высшую по числу гостиной сотни группу городов, имевших торговых людей данной категории по 10 и больше;

[1] ЦГАДА, фонд Монастырского приказа, вязка 220, № 41; вязка 221, № 80.
[2] Там же, вязка 220, № 41; вязка 222, № 134.
[3] Там же, вязка 220, № 41; вязка 221, № 92.

из 29 таких городов всего 7: Брянск (10), Нижний (10), Казань, Симбирск и Ярославль (по 11 человек), Серпухов (20), Рыльск (28).

Об особом развитии в средневолжских городах торгов и промыслов, и в частности крупных, свидетельствует также большой процент среди гостиной сотни людей первостатейных, признаки которых нам известны: „свальные" торги „у портов и на ярмарках" и обладание заводами и другими промыслами. Таких в изучаемых нами городах было 18 человек, в остальных 24 городах — всего 17.

Все эти наблюдения указывают на первостепенное значение средневолжских городов в общей торгово-промышленной жизни страны.

По состоянию источников и степени исследования вопроса мы не имеем в настоящее время картины торгов и промыслов отдельных средневолжских посадов и Среднего Поволжья в целом, а следовательно, не можем определить удельного веса в этих торгах гостиной сотни. Но, несомненно, она охватывала большую часть „знатных в купечестве", и ее торгово-промышленная деятельность может представлять виды и формы, во всяком случае крупных, торгов и промыслов этих городов и Среднего Поволжья в целом: какие виды их существовали здесь, каких размеров достигали, на какие средства велись, где и какие преобладали, с какими пунктами и районами соединяли торговые нити Среднее Поволжье? Ответы на эти вопросы мы получаем на основании вышеизложенных сведений.

С другой стороны, в общих экономических условиях развития того или другого района находят объяснение особенности торгов и промыслов гостиной сотни отдельных городов, наблюдавшиеся при их характеристике.

Значение Среднего Поволжья в торгово-промышленном отношении обусловливала, прежде, всего сама Волга как важнейший торговый путь, но не только она: ведь не превратились же многочисленные города, расположенные по ее обоим берегам, в „первостатейные". Для развития торговли Казани и Нижнего было еще одно исключительное по значению условие: они выросли как раз при перекрещении этой столбовой дороги с другими важнейшими торговыми путями: по Оке — в Замосковный край и далее на юг и юго-запад, и по Каме — на Урал и в Сибирь, куда через Казань из центра шел старый водный путь, а затем пролег новый — на Уфу и Кунгур. В Казань, как и в Нижний, с давних пор съезжались торговые люди с разных сторон, и оба города приобрели значение крупнейших складочных и передаточных пунктов самых разнообразных товаров: восточных, шедших через Астрахань, и местных астраханских — соли и рыбы, а также сибирской пушнины, пермской соли; с другой стороны, товаров, направлявшихся с запада на восток:

из Москвы и верховых городов и, наконец, иноземных — западных, попадавших сюда из Архангельска через Ярославль и Слободской. Понятно, какие исключительные возможности открывались перед посадом обоих городов. Но и это не все. Казанью кончалась наиболее оживленная, насыщенная товарами часть Волги; чем же объяснить такой быстрый рост посада, во всяком случае его верхушки, недавнего острога Симбирска?

Торги и промыслы симбирян гостиной сотни дают ясный ответ на этот вопрос: вторым условием, кроме удобнейшего волжского пути, для развития симбирского купечества были товарные ресурсы края — его хлебные богатства. Позднее, по мере заселения и замирения Нижнего Поволжья, эти богатства привлекли сюда многочисленных русских помещиков, и Симбирский уезд, и сам город стали собирательными „дворянскими гнездами" с большими зерновыми хозяйствами и широкой хлебной торговлей.[1]

На грани XVII—XVIII вв. богатства края использовались мукомолами, винокурами и оптовыми торговцами симбирского посада, и его гостиной сотни в первую очередь. Надо добавить, что в конце XVII в. два других могучих хлебных рынка — Самара и Саратов, еще ближе расположенные к главному пункту сбыта волжского хлеба — Астрахани, не успели приобрести значения торговых городов, а их край не был еще населенным и земледельческим. Симбирск, ближайший из них к московским мирным пределам, опередил их и стал своего рода житницей для бесхлебных астраханских мест. В этом отношении картина торгов и промыслов симбирян по сказкам 1704 г. вносит корректив в положение о том, что „земледельческая деятельность, основа настоящей торговли Симбирской губернии, начинает развиваться в Поволжье только с 18-го века".[2] Широкое использование хлебных ресурсов, даже только гостиной сотни Симбирска, показывает, что земледелие, во всяком случае в Симбирском крае, было значительно развито уже к началу XVIII в.

Подтверждение этому мы находим у Кирилова, который именно для Симбирска сделал исключение, дав ему экономическую характеристику: „В Симбирском уезде самые хлебородные места, из которого уезда хлеба многочисленно вверх по Волге до Нижнего и в Астрахань

---

[1] „Главным предметом внешней торговли Симбирска, а также и всей губернии, составляет хлеб, в зерне и мукой".—П. Мартынов, Город Симбирск за 250 лет его существования, Систематический сборник исторических сведений о г. Симбирске, Симбирск, 1898.

[2] П. Мартынов, назв. соч., стр. 258.

отпускаются; меду, воску и скота изобильно".[1] А ведь данные Кирилова являются своего рода итогом хозяйственному развитию России за первую четверть XVIII в.

Изобилие местного сырья было таким же благоприятным условием для развития торгов и промыслов гостиной сотни Казани и ее района. В этом отношении особенно показательны Чебоксары: кожи и сало, сало и кожи, — вот что являлось основным товаром в руках его крупного купечества, так же как виднейших казанцев. Известно, что в этой части Волги с давних пор, наряду с земледелием, получило большое распространение скотоводство, в частности овцеводство, особенно среди татар и чувашей, которые собственными средствами прекрасно обрабатывали и шерсть и кожу, одеваясь в свои изделия. Недаром вплоть до XX в., по словам исследователей, „промысел странствующих шерстобитов и валяльщиков составляет специальность Казанской губернии", так же как кожевенный, сапожный, скорняжный и овчинный. Недаром при возникновении крупной промышленности при Петре именно здесь были основаны одни из первых кожевенных заводов и суконные фабрики, а позднее, в эпоху промышленного капитализма, кожевенные и мыловаренные заводы стояли на первом месте и по числу, и по количеству вырабатываемой продукции.[2] Известно, какой спрос на русский кожевенный товар, особенно на его высший сорт — юфть, был в XVII—XVIII вв. как на Востоке, так и на Западе. Потому-то одно время юфть являлась предметом государственной монополии. Юфть в Архангельск в то время направлялась, главным образом, из трех районов: Ярославско-Костромского, Калужско-Болховского и Казанского.[3] По высокому качеству товара Казань стояла на первом месте: казанская юфть считалась лучшей.[4]

Местные ресурсы питали торговлю гостиной сотни Казани, благодаря чему эта торговля не носила характера ни только местной, роз-

---

[1] И. Кирилов, назв. соч., стр. 36.

[2] Из 150 фабрик и заводов — кожевенных 52, их продукция составляла в переводе на деньги около $1\frac{1}{2}$ млн. рублей, мыловаренных 13 — с продукцией, оценивавшейся в 800 тысяч рублей. На долю Казанской губернии приходилось 50% кожевенных товаров, вырабатывавшихся на территории Среднего и Нижнего Поволжья. Сведения о кустарных промыслах и фабрично-заводской промышленности взяты: В. Семенов и В. Ламанский, Россия, т. VI, СПб., 1901, стр. 257; С. Королев, Поволжье, „Великая Россия", Географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России, стр. 89; Казань в историческом, промышленном и других отношениях, Грамотей, Народный журнал, М., 1876, май, стр. 52; статья дает значительный фактический материал относительно местных промыслов.

[3] С. Ф. Огородников, Очерк истории города Архангельск в торгово-промышленном отношении, стр. 80—81.

[4] Н. И. Костомаров, назв. соч., стр. 314.

ничной, ни только транзитной; сама же Казань не была только складочным и передаточным пунктом чужих товаров, а представители ее торгового мира — только посредниками в потоке провозившихся товаров.

Другое дело — Нижний. Внимательно вчитываясь в сказки нижегородцев гостиной сотни, нельзя уловить, какой из местных источников, воспроизводимых внутри хозяйства данного района, они использовали или могли использовать в своей торгово-промышленной деятельности.

Два важнейших товара — соль и хлеб, питавших торговлю Нижнего, в главной своей массе были привозные: хлеб — из южных уездов — Курмышского и Алаторского (в будущем Симбирской губернии), Темниковского (Тамбовской), а также из приокских мест;[1] соль доставлялась из Астрахани и Пермской земли. „Балахонское усолье", когда-то имевшее свыше 80 варниц, к 70-м годам XVII в. запустело. По словам исследователя торговли и промышленности Нижнего-Новгорода С. И. Архангельского, этот упадок Балахны был вызван деятельностью Строгановых, заполнявших Нижний солью из своих владений,[2] а с другой стороны, и конкуренцией астраханских соляных запасов, легко доставлявшихся по Волге с караваном. Рыба, служившая третьей важной статьей нижегородской торговли, также привозилась с низа; остальные товары имели гораздо меньшее значение и тоже в большинстве были привозными.

Об отсутствии местных крупных сырьевых ресурсов свидетельствует и более поздняя история промышленного развития Нижнего-Новгорода и его района. По словам того же исследователя,[3] к концу XVIII в. в Нижнем возникла крупная промышленность мануфактурного типа, при этом по численности первое место занимали канатные заводы — 7 пеньковых и 4 льняных; кроме того, такое же производство существовало в известных нижегородских селах — Лыскове, Фокине, Работках. Но к жизни оно было вызвано не столько избытком местного сырья, хотя, конечно, и лен и конопля имели здесь распространение, сколько нуждами тогдашнего речного судоходства именно здесь, на самом оживленном участке волжского пути. И действительно, с введением пара это производство заглохло. Подтверждением сказанному служит то обстоятельство, что в Нижнем не развилась другая форма промышленности, основанная на том же сырье, — производство полотна и холста.

---

[1] Е. Д. Сташевский, назв. статья, стр. 101.

[2] С. И. Архангельский, Крупная промышленность и образование пролетариата в Нижегородском крае, Нижегородский краеведческий сборник, Труды Нижегородского педагогического ин-та, т. I, Н.-Новгород, 1924, стр. 189.

[3] С. И. Архангельский, Процесс образования промышленного пролетариата в Н.-Новгороде, Труд в России, кн. 1, 1925, стр. 42—53.

Конечно, и в XVII в. и позднее оно существовало в виде ремесла в Нижегородском уезде: холсты скупались по торжкам и вывозились на низ, полотна на Макарьевскую ярмарку везлись, например, из Лыскова, но все же большого значения это производство не получило. В конце XVIII в. в Нижнем существовала одна полотняная мануфактура Серебренникова, причем готовая пряжа скупалась по Волге от села Городца, расположенного примерно в 50 км от Нижнего, до Юрьевца Повольского.[1] Зато в XIX и особенно в XX в. Нижегородский край стал знаменит своей металлургией: заводы Баташева на Выксе, Павловский район, Сормово, но все они питались и питаются привозным металлом.

Итак, для развития торгов и промыслов Нижнего Новгорода в значительной степени нехватало второго условия — местных товарных запасов, имевшихся налицо в районах Казани и Симбирска. Торговля Нижнего своими успехами была целиком обязана великолепным водным путям, скрещивающимся здесь. Поэтому, естественно, она носила преимущественно транзитный характер, что отмечается во всех работах, касающихся экономики этого края. „Хотя эта торговля главнейше транзитная, — пишет исследователь, правда, более позднего времени, — и производится не местными руками и капиталами, однако она оживляет и обогащает многие местности губернии".[2] Но то же самое наблюдалось и в более раннее время: „В Нижнем, — пишет Н. И. Костомаров, — было огромное стечение торгового народа, так что все носило вид ярмарки".[3] А тут же по соседству, у Макария Желтоводского, настоящая ярмарка, привлекавшая торговый люд со всех сторон. Недаром именно в Нижнем, как посредствующем между востоком и западом передаточном пункте, была организована таможня, и ее сбор равнялся десяткам тысяч рублей.[4]

Отсюда необычайное оживление и насыщенность местного городского рынка. В 20-х годах XVII в., через несколько лет после страшных пожаров 1617 и 1618 гг., в городе имелось 1 066 посадских дворов, 19 рядов и около 500 торговых помещений;[5] в 60-х годах количество рядов достигло тридцати, а торговало в них 476 человек.[6]

---

[1] С. И. Архангельский, Процесс образования промышленного пролетариата в Н.-Новгороде. — Труд в России, кн. 1, 1925, стр. 42—53.

[2] В. Безобразов, назв. соч., стр. 19.

[3] Н. И. Костомаров, назв. соч., стр. 114.

[4] В 150 г., например, сбор равнялся 27 033 рублям, а между тем по сравнению с предыдущими годами считался недоборным. — Е. Д. Сташевский, Записки о торговле Н.-Новгорода в первой половине XVII века. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, т. XII, в. 1, стр. 1—4.

[5] Н. А. Бакланова, назв. статья, стр. 303.

[6] Д. Богородицкий, Очерк торговли Нижнего-Новгорода за XVI—XVII века Киевские университетские известия, в. 7, 1912, стр. 18.

На этом фоне становятся понятнее особенности торгов и промыслов гостиной сотни Нижнего-Новгорода: преобладание местных торгов над отъезжими и розничной торговли — над оптовой, отсутствие связи с Архангельском, куда нечего было везти нижегородцам; большое число лавок у каждого и легкая сдача их в наем по высокой, даже для Москвы, цене — до 10 рублей в год.

Может быть, в общих условиях экономической жизни города можно найти объяснение и тому, что с первого взгляда бросается в глаза в состоянии его гостиной сотни, — большому проценту (40) среди нее людей неимущих, разоренных дотла.

Торговля Нижнего-Новгорода, почти не питавшаяся местными соками, особенно зависела от капризов водного пути и других внешних обстоятельств. Гость Шустов, состоявший в 1642 г. таможенным головой, объяснил недобор пошлин тем, что в этом году осенние „насады и струги с астраханскою рыбой и солью и ватажские струги с ватажскою рыбою в Нижний не вышли, стали в заморозках ниже Казани, и из тех стругов рыбу и соль распродали в тех низовых городах, а иную развезли во многие городы".[1] Для торговли такого города, как Нижний, разруха транспорта и торговых связей в период Смуты должны были иметь особо тяжелые последствия, так же как пожары в торговых рядах 1617—1618 гг. Недаром все исследователи торговли Нижнего-Новгорода в первой половине XVII в. отмечают ее упадок и „неблестящее" состояние посадских в 20—30-х годах: по переписи конца 20-х годов „молодших" и „худых" дворов на посаде значилось 760, средних — 72 и лучших — всего 30,[2] а лучшими и тогда считались те, что „торгуют большими свальными товарами и на низ и вверх ходят судами и которые торгуют всякими товары".[3]

Сташевский полагал, что вслед за упадком наступило в 40-х годах XVII в. повышение торгового тонуса города, и оставлял открытым вопрос, „было ли это повышение устойчивым или это была последняя вспышка великого посада накануне потери верхневолжскими посадами торговой супрематии".[4] Вопрос, вследствие неизученности истории Нижнего-Новгорода во второй половине XVII в., остается нерешенным до настоящего времени. Однако есть указание на то, что состояние нижегород-

[1] Е. Д. Сташевский, назв. статья., стр. 5.

[2] А. Дахнович, Нижний-Новгород в первой половине XVII в. по писцовой книге (население и подати с населения), Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, т. XII, вып. 2, стр. 33.

[3] Писцовая книга по Нижнему-Новгороду, Русская историческая библиотека, т. XVII, стб. 189.

[4] Е. Д. Сташевский, назв. статья, стр. 5.

ского посада и в этот период бывало не вполне благополучным. Гость Олисов в 80-х годах XVII в. дал такое объяснение своего большого оклада в 160 рублей, который он платил еще будучи просто посадским человеком. На Нижегородский посад были наложены большие денежные повинности: из собиравшегося тягла платилось московским, владимирским и нижегородским ямщикам 2100 рублей 15 алтын 3 деньги, стрелецкого новоокладного хлеба 7500 рублей, да на них же была наложена „оханная рыба," которая становилась посадским людям „во многие деньги." И вот нижегородцы, не справившись с платежами, „одолжали государству 33270 без четверти ржи и столько же овса, да деньгами 19512 р." Для жителей города наступили тяжелые дни. „Земские старосты и всем городом посадские люди з женами и з детьми стояли по 300 человек на всякой день, разув, и били их на смертном правеже и во многие де годы тогда от того правежу они все разорились в конец, а иные... и померли." Испытание продолжалось, пока царь Федор Алексеевич, по их челобитью, не снял недоимку.[1]

Состояние упадка, выразившееся также в больших недоимках по Нижнему-Новгороду, отмечает Н. А. Бакланова для 60-х годов XVII в., объясняя это катастрофой с медными деньгами. Правильнее считать, что последняя не была причиной тяжелого положения нижегородского посада, а лишь усилила явление, существовавшее и раньше и позднее. В состоянии „падшего града" Нижний находился и во второй половине XVIII в., когда Екатерина II, побывав там, вынесла такое впечатление: „Сей город ситуациею прекрасен, а строением мерзок".[2] В своем наказе нижегородское купечество отмечало: „Купечество нижегородское едва ли не втуне несет звание купеческое, потому что во оном купечестве едва пять человек сыщится ль, наличного капитала имеющих до десяти тысяч рублей, а прочие купцы немногие содержат такое купечество, от которого единые только имеют себе пропитание... и достальное все.. кормятся от работ, званию крестьянскому свойственных: ходят на стругах по рекам, служат у разных чинов людей в работе".[3] Не напоминает ли нам эта характеристика состояния гостиной сотни того же города на рубеже XVII—XVIII вв.?

Однако специфические особенности торгов и промыслов гостиной сотни отдельных городов, определявшиеся экономикой их района, не должны закрывать общих черт, выступающих в торгово-промышленной

---

[1] ЦГАДА, Городовая книга по Н.-Новгороду, № 39, 1685, л. 15—20.

[2] В. Семенов, Россия, т. I, стр. 384,

[3] Сборник Русского исторического общества, т. 134, СПб., 1911, стр. 5.

деятельности всей взятой нами группы торговых людей в целом. Их несколько:

1. Сосредоточение внимания при малейшей возможности (это не может относиться к малопожиточным и тем более вовсе оскудевшим людям) на оптовой торговле в отъезд и предпочтение ее мелкой, розничной, несмотря на легкость второй, сложность и рискованность первой. Нет товара или денег для отпуска, — занимается и то и другое; нельзя поехать самому или послать своего человека, — товар доверяется другому лицу, отправлявшемуся по тем же делам; случается несчастье: тонет струг с товарами, нападают воровские люди в пути, — на следующий год товар снова посылается в том же направлении. Зато при удачном исходе дела оптовый торг обещал большие барыши, в то время как розничный, при узости местного рынка и конкуренции на нем не только многочисленных мелких торговцев, но и непосредственных производителей товара — ремесленников, весь был построен на копеечных расчетах и давал действительно весьма скудные средства: „только что сам сыт бываю," по выражению подававших сказки. Это и было главной приманкой в отъезжих торгах.

2. Второе обстоятельство общего порядка — это ясно выступающие широкие торговые связи как отдельных лиц, так и всей группы в целом. Из года в год пересекаются огромные пространства до Астрахани на юге, до Архангельска на севере, до Китая на востоке. Конечно, степень наезженности того или иного маршрута не одинакова: она зависела как от близости и доступности, так и от соблазнительности того или другого рынка. Из 19 человек гостиной сотни Среднего Поволжья, имевших отпуски товаров к портам и на ярмарки, восемнадцать, т. е. 95%, указали в своих сказках на сношения с разными городами Верхнего, Среднего и Нижнего Поволжья, из них 17 человек достигали самой Астрахани.

Вдвое меньшее число торговых людей — 8 человек, или 47,4%, отправляли товары в Архангельск. Но если принять во внимание дальность, хлопотливость и дороговизну пути, этот процент значителен и показывает, насколько Архангельский торг был известен и притягателен. Сравнительно с ним близкая Макарьевская ярмарка упоминается также в восьми сказках. Значительно слабее связи с юго-востоком — Уфой (4 человека) и северо-востоком — Ирбитом, Вяткой, Соликамском и Сибирью (тоже 4 человека); в отдельных случаях встречаются Рязань, Касимов, Вологда, но часто в сказках названия отдельных городов заменяются групповыми терминами: „разные," „верховые," „другие". Связь с Москвой отметили очень немногие, наиболее крупные торговые люди.

Раскинутость торгов средневолжского купечества и устойчивость ряда направлений свидетельствуют о факте общего значения — наличии к концу XVII в. большого всероссийского рынка, а специализация торгов, о чем речь будет немного ниже, говорит об определившемся вполне общественном разделении труда.

3. Третье наблюдение касается характера и организации крупных торгов. Во-первых, большинство сделок совершалось на деньги и значительно реже в обмен товара на товар. Обмен практиковался почти исключительно у портов, особенно в Архангельске, где затруднения в расчетах и переводе на иностранную валюту, возможно, делали более легким для русских торговых людей этот прием, но, во всяком случае, меновая торговля доживала свои дни. Во-вторых, приходится отметить значительную специализацию оптовых торгов, хотя в отдельных случаях характер коробейного торга и распыленность внимания, даже на случайно как будто попавших в поле зрения товарах, остается даже у таких крупных дельцов, как Андреев. Но это менее знаменательно, чем появление в рядах средневолжской гостиной сотни оптовиков-специалистов по кожевенному, хлебному, соляному торгу.

К организации торгового дела относится также вопрос о средствах, на которые оно велось, их размерах и источниках. В этом отношении общим тезисом могут служить слова крупнейшего представителя гостиной сотни Среднего Поволжья — Алексея Ушакова: „А за сими всеми вышеизложенными расходами и торгами в остатках у меня денег не бывает и ныне нет." На основании сказок создается впечатление об отсутствии крупных накопленных капиталов, которыми можно было свободно располагать и в торгово-промышленном деле, и для ростовщических операций.

Самые крупные операции по продаже юфти в Архангельске не превышали, как правило, 2—3 тысяч рублей; совершенно исключительными являются суммы в 15 и 24 тысячи, вырученные Микляевым от продажи того же товара. Годовой торговый оборот одного из крупнейших представителей гостиной сотни — Ивана Андреева—не превышал $10^1/_2$ тысяч. Говорить о ростовщичестве сказки не дают никаких оснований. Среди иностранных купцов выделяется несколько человек, выступающих довольно часто в роли кредиторов: Вилим Лойд, Николай Фаруфа, Христофор Брант, Елисей Глюк, но среди русских торговых людей таковых мы не имеем, что является косвенным доказательством отсутствия свободных и достаточных капиталов.

Наконец, последнее — это сосредоточенность внимания гостиной сотни данных городов в первую очередь на торговле, а не на промышленности; за нее брались, но чаще постольку, поскольку она была связана

с основным торговым промыслом; самостоятельного же интереса она еще почти не представляла.

Остается поставить два вопроса общего значения: первый — насколько перечисленные черты характерны для торгов и промыслов гостиной сотни только Среднего Поволжья, или их можно распространить на верхние слои торгово-промышленного класса других районов и даже всего Московского государства, и второй — что̀ нового в этих чертах по сравнению с прошлым, насколько и в чем именно сделали шаг вперед московские торговые люди к началу нового периода в собственной истории и в истории Русского государства.

Готового ответа (по степени изученности вопроса и даже по состоянию и характеру источников) нет ни на тот, ни на другой вопрос. Нужна предварительная работа по другим районам и в отношении прошлого московского купечества. Но заранее можно сказать, что хотя и районы будут с другими условиями и другим удельным весом в общей торгово-промышленной жизни государства, другие товары пойдут по другим направлениям, и сами торговые люди будут несколько крупнее или мельче, но многое из сказанного о гостиной сотне Среднего Поволжья будет общим и характерным для данного периода.

В. Г. ГЕЙМАН

МАНУФАКТУРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПЕТЕРБУРГА ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Все предприятия промышленного типа, существовавшие в Петербурге петровского времени, можно условно подразделить на три группы. Первая и главная по своему значению объединяет предприятия казенные, работавшие в основном на военные нужды. Во вторую группу должны быть отнесены предприятия дворцовые, основанные на средства и по инициативе „Кабинета его величества" и работавшие, главным образом, на нужды царского, а потом императорского двора, а отчасти на рынок. К третьей группе относятся промышленные предприятия, принадлежавшие частным лицам или частным промышленным компаниям и работавшие на рынок.

Адмиралтейство

Из числа предприятий первой группы главное и ведущее положение занимала, несомненно, судостроительная Адмиралтейская верфь. Положение это обусловливалось и самим значением для государства ее деятельности, и размахом судостроительных работ, и количеством рабочих, занятых на верфи. Судостроение требовало целого ряда подсобных промышленных предприятий, и Адмиралтейская верфь быстро обрастала ими, превращаясь в целый промышленный комбинат. К верфи примыкают кузницы, канатный и прядильный заводы, пильные мельницы, смолокурни,

различного рода мастерские и, как увидим ниже, много других промышленных предприятий. Весь этот промышленный комбинат, имевший своею целью всестороннее обслуживание возникающего и развивающегося молодого Балтийского флота, имеет общее наименование — Адмиралтейство.

История первых годов существования Адмиралтейской верфи представляется в следующем виде.

С самого момента основания Петербурга шведский флот угрожал его существованию. Все лето 1703 г. флот этот стоял в боевой готовности в самом устье Невы. В 1704 и последующие годы шведский флот появлялся с самого начала навигации на подступах к Петербургу, но с построением Кронштота отстаивался близ него, в Финском заливе. Требовалось наискорейшим образом противопоставить шведскому флоту свой, русский Балтийский флот. Уже в 1703 г. начала работать судостроительная Олонецкая верфь на реке Свири, на месте нынешнего Лодейного Поля, но оказалось, что более или менее крупные корабли, построенные на этой верфи, могли достигать Петербурга лишь с большим трудом и риском, главным образом из-за порогов на Неве. Решено было перенести строительство Балтийского флота в самый Петербург. Военная опасность, непрерывно грозившая новому городу со стороны шведов, заставила выбрать для проектируемой верфи место поблизости от Петропавловской крепости, орудия которой держали бы под обстрелом все подступы к новостроящейся верфи. Петр остановил свой выбор на территории нынешнего Адмиралтейства, и уже в ноябре 1704 г. здесь были заложены первые здания будущей верфи. Место строительства получило название Адмиралтейского двора.

Размах и темпы работ по строительству новой верфи видны хотя бы по количеству мобилизованной для этого рабочей силы. Из Новгородского, Белозерского и других уездов было выслано в Петербург специально для строительства верфи до 2 000 рабочих. Летом 1705 г. работы пришлось временно прекратить из-за попытки шведов захватить Петербург с суши. Шведам удалось на некоторое время прервать сообщение по Неве, по которой доставлялся лес, заготовляемый для строительства в районах рек Тосны и Ижоры. Шведы вскоре принуждены были отступить, но возможность реальной угрозы их нападения на строящуюся верфь привела к тому, что немедленно было приступлено к военному укреплению места стройки. Вокруг всего Адмиралтейского двора был выкопан ров, насыпан вал с пятью крепостными бастионами; вся территория Адмиралтейства окружена палисадом, т. е. деревянной крепостной оградой. Таким образом, Адмиралтейский двор фактически превращался в Адмиралтейскую крепость, каковое название мы действительно встречаем в некоторых официальных документах того времени.

К концу 1705 г. были закончены постройкой все служебные и рабочие помещения, а к началу 1706 г. и самые эллинги, что позволило начать строительство судов.

Первым военным кораблем, построенным на петербургской Адмиралтейской верфи, был спущенный на воду 29 апреля 1706 г. 18-пушечный „прам" („прамами" назывались суда, представлявшие собою один из типов мелкосидящих бомбардировочных кораблей, предназначенных для бомбардировки прибрежных крепостей).[1]

В первые годы своего существования Адмиралтейская верфь не строила еще крупных кораблей, требовавших для своего изготовления длительных сроков (до трех лет), а ограничивалась сравнительно небольшими судами, но зато темпы их постройки были очень быстры. Например, яхта „Надежда" была заложена на верфи 5 июля 1706 г., а 28 октября того же года она была уже спущена на воду.

Адмиралтейская верфь не только строила новые корабли, но также собирала суда из готовых частей, доставляемых в Петербург с других верфей, не только русских, но и заграничных. Так, например, в том же 1706 г. была собрана яхта, доставленная в разобранном виде из Англии, и другая яхта, части которой были выстроены на Воронежской верфи.

Этот первый период существования Адмиралтейской верфи, т. е. период, в который на ней строились лишь суда не выше средних размеров, продолжался до конца 1709 г. Полтавская победа сыграла в жизни Петербурга значительную роль. Разгром шведов делал маловероятным нападение их на Петербург, безопасность нового города в значительной мере возросла, а это отражалось и на разного рода строительных начинаниях, судьба которых не зависела более от случайностей военного счастья. В частности, Полтавская победа, несомненно, отразилась и на судьбе Адмиралтейской верфи. Петр признал возможным начать строить здесь мощные, по тому времени, крупные, дорогостоящие корабли. Первым таким кораблем и явилась 54-пушечная „Полтава", заложенная 5 декабря 1709 г. и спущенная на воду 15 июня 1712 г.

С этого времени Адмиралтейская верфь перешла к строительству большого Балтийского морского флота.

Когда, начиная с 1712 г., Адмиралтейская верфь стала ежегодно закладывать по нескольку новых больших кораблей, на ней оставалось меньше свободного места для строительства мелких и средних судов, так называемых скампавей, полугалер и галер. Между тем, Балтийский флот очень нуждался и в судах этих типов. Пришлось поэтому подыскивать для строительства их новый участок. Участок этот был выбран

[1] Ф. Веселаго, Краткая история русского флота, М.—Л., 1939, стр. 304.

по нижнему течению р. Мойки, в местности, известной теперь под названием Новой Голландии. Эта новая верфь была оборудована небольшими эллингами и получила наименование Скампавейного двора. Прорытым каналом, ныне носящим название Адмиралтейского, р. Мойка была соединена в этом месте с Невой. Строительство скампавей пошло здесь быстрыми темпами. В 1712 г. на только что оборудованном Скампавейном дворе было заложено 50 скампавей, в 1713 г. — еще 64 скампавеи и, вдобавок, одна полугалера. В следующие годы началось усиленное строительство галер, почему и самая верфь была переименована из Скампавейного двора в Галерный двор, а с постройкой в 1721 г. специальной верфи для постройки галер получила название Галерной верфи. Галеры представляли собой суда сравнительно крупного типа. Достаточно указать, что тогда как команда одной скампавеи состояла всего лишь из 30 человек, команда галеры доходила до 465 человек. Строительство крупных галер было делом сложным. Новая Галерная верфь, так же как и старая Адмиралтейская, стала обрастать подсобными предприятиями. В 1722 г. была оборудована при ней крупная кузница, затем специальные такелажная и столярная мастерские, мастерские для выделки мачт и весел и т. п. Вся территория Галерной верфи со всех сторон была окружена прорытыми каналами. В 1724 г. вокруг новой верфи был выстроен палисад, еще раньше было выстроено караульное помещение для воинской команды.

В те же самые годы шли большие перестройки и на старой Адмиралтейской верфи. Построенные вначале деревянные и мазанковые здания начали уже с 1711 г. постепенно заменяться каменными.

Опасность пожара, при наличии огромного количества находящегося на территории Адмиралтейского двора разного рода горючего материала, заставила постепенно перенести за пределы названного двора по возможности все подсобные предприятия, применявшие в своем производстве огневую топку. Адмиралтейство стало распространяться в сторону Галерной верфи, застраивая мало-помалу линию между нынешним бульваром Профсоюзов (вдоль которого тогда прокапывался канал) и Красной (бывшей Галерной) улицей. В 1719 г. были выстроены по этой линии три каменных здания канатного завода: одно для прядения канатов и два для их смоления, со специальными печами для варки смолы. Вблизи этих зданий были оборудованы погреба и сараи для хранения смолы, пеньки и угля. За канатным заводом по той же линии были сооружены особые каменные здания, в которых разместились инструментальная мастерская, мастерская для изготовления фитиля (построена в 1722 г.) и мастерская для изготовления кузнечных мехов и их починки. В 1724 г. было выстроено шесть специальных печей для парения досок.

С развитием строительства крупных кораблей уже нехватало места внутри Адмиралтейского двора для постройки новых эллингов для них. В 1720 г. было приступлено к оборудованию таковых эллингов по обеим сторонам Адмиралтейства вдоль Невы. К 1723 г. был закончен постройкой новый большой эллинг, расположенный на Неве, у нынешней площади Декабристов, против церкви Исаакия, стоявшей примерно на том же месте, где теперь стоит Исаакиевский собор. Новый эллинг был, повидимому, оборудован особенно тщательно; между прочим, он был облицован камнем. Ко всему этому нужно еще прибавить строительство жилых домов для служащих и рабочих верфи, главным образом в пределах бывших Большой и Малой Морских улиц (нынешних улиц Герцена и Гоголя). Таким образом, Адмиралтейская верфь территориально смыкалась с Галерной, заняв значительную часть пространства старого Адмиралтейского острова, т. е. пространства между Мойкой и Невой.

Выше перечислены подсобные предприятия Адмиралтейской верфи, лишь непосредственно примыкавшие к ней территориально. Но, как было уже сказано, Адмиралтейство фактически представляло собой целый промышленный комбинат.

Одной из первых подсобных промышленных отраслей, заведенных Адмиралтейством, естественно, явились деревообделочные предприятия, так как лесные материалы были тогда основным сырьем для судостроения. Первая вододействующая пильная мельница была оборудована Адмиралтейством в окрестностях Петербурга еще в 1710 г. на Ижоре, т. е. в одном из главных тогда районов заготовки леса для Адмиралтейства. Обрабатываемые этой мельницей лесные материалы сплавлялись с нее по Ижоре и Неве непосредственно к Адмиралтейской верфи в Петербурге. В 1711 г. в устье Ижоры, при впадении ее в Неву, была оборудована небольшая судостроительная верфь специально для стройки мелких военных судов, типа так называемых бригантин, из леса, обрабатываемого ижорской пильной мельницей. Кроме этой ижорской водяной мельницы, Адмиралтейство построило еще три ветряные пильные мельницы, поставив их сначала на Васильевском острове, прямо напротив через Неву, примерно на месте нынешней Фондовой биржи, а затем перенеся их на берег Мойки, на территорию, примыкающую к Галерному двору. Сосновым лесом Адмиралтейская верфь снабжалась из окрестностей Петербурга, главным образом, как было уже сказано выше, из районов Ижоры и Тосны; необходимый для судостроения дубовый лес доставлялся в Петербург из Казанской и Нижегородской губерний. Всевозможные железные изделия (гвозди, крюки, цепи, якоря и т. п.) поставлялись на Адмиралтейскую верфь с Олонецких железоделательных заводов, а с построением в 1721 г. Сестрорецкого завода — также и с этого

последнего, но предприимчивый адмирал К. И. Крюйс, не довольствуясь этим, использовал плотину ижорской пильной мельницы и поставил на ней в 1719 г. небольшой завод, изготовлявший для Адмиралтейской верфи якоря, проволоку и листовую медь.

Кроме всего этого, Адмиралтейством петровского времени были оборудованы: 1) несколько кирпичных заводов, расположенных по берегу Невы, вверх по ее течению (заводы эти выделывали кирпич для многочисленных и разнообразных построек, возводимых Адмиралтейством); 2) гонтовый завод, изготовлявший особый вид дранки для покрытия крыш; он был расположен на Охте; 3) два пергаменных завода (один — в Петербурге, другой — в Дудергофе), изготовлявшие специальные пергаменные картузы для зарядов флотских пушек; 4) восковой завод, изготовлявший свечи (на Ижоре); 5) две бумажные мельницы: одна в Красном селе и другая в Петербурге, построенная в 1720 г. на территории за Галерным двором. Петербургская бумажная мельница была значительно меньше красносельской. В 1724 г. на петербургской мельнице было выделано всего 973 стопы бумаги, тогда как красносельская давала до 1724 г. по 5000 стоп в год, а в 1724 г. — 16818 стоп бумаги. На мельницах этих состояло 2 мастера-иноземца, 2 русских подмастерья и 110 русских учеников. В апреле 1725 г. обе эти мельницы были переданы из Адмиралтейства в ведение Мануфактур-коллегии. Наконец, как это ни странно на первый взгляд, Адмиралтейство обзавелось собственными пивоваренными и сухарными заводами. Дело в том, что Адмиралтейство ведало не только строением и вооружением флота, но также и личным его составом, снабжением моряков пищевым рационом, а также, как увидим ниже, и их обмундированием. В пищевой рацион моряков обязательно входило тогда пиво как противоцынготное, по мнению врачей того времени, средство. Пивоваренные заводы для обслуживания флота были устроены Адмиралтейством: 1) в Петербурге; 2) на острове Котлин (т. е. в нынешнем Кронштадте) и 3) в Ревеле. Петербургский пивоваренный завод был построен в 1719 г. на Выборгской стороне, на берегу Невы, и был рассчитан на производство до 6000 бочек пива в год. При нем было оборудовано каменное помещение для солодовни. Пивоваренный завод находился рядом с водочным заводом. Об этом водочном заводе имеются указания, что он был устроен в 1718 г.[1] Представляется неясным, был ли этот последний завод просто казенным, работающим на общий рынок, или также адмиралтейским, обслуживающим, главным образом, нужды флота.

---

[1] А. Богданов и В. Рубан, Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, СПб., 1779, стр. 130.

В ведении Адмиралтейства находился также и Смольный двор, на котором хранилась смола и вываривался деготь для надобностей всего Балтийского флота. Имевший важное военное значение Смольный двор был обнесен палисадом и охранялся крепкими военными караулами. Находился он на месте нынешнего Смольного, сохранившего, таким образом, в своем названии первоначальное назначение этого места. Смола доставлялась на Смольный двор крестьянами ряда деревень специально для этой цели приписанных к Адмиралтейству.

Кроме Адмиралтейской и Галерной верфей, строивших суда разных типов для военно-морского флота, в 1716—1718 гг. в Петербурге, на реке Фонтанке, на месте нынешнего Соляного городка, была построена еще так называемая Партикулярная судостроительная верфь, имевшая своим назначением обслуживание частных („партикулярных") заказчиков, которые нуждались в мелких гребных и парусных речных судах, служивших тогда, при обилии в Петербурге водных сообщений, наиболее удобным видом транспорта. Верфь эта также находилась в ведении петербургского Адмиралтейства, но по сравнению с военными верфями являлась предприятием значительно меньшего масштаба.

На обязанности Партикулярной верфи, кроме постройки речных судов, лежало также свидетельствование годности к плаванию всех купеческих судов. На право плавания этих судов Партикулярная верфь выдавала частным судовладельцам специальные аттестаты.

Рассмотрим теперь вопрос о рабочей силе Адмиралтейства. Сначала несколько слов об управлении верфями и всем Адмиралтейством в целом.

Руководство постройкой Адмиралтейской верфи было поручено Петром уже опытному в этом деле „коменданту" И. Я. Яковлеву, заведывавшему Олонецкими верфями на Свири. Общий надзор за строительством был возложен на петербургского губернатора — А. Д. Меншикова. В 1707 г. в Петербурге была организована Адмиралтейская канцелярия, в ведение которой перешли все морские дела, в том числе и управление Адмиралтейской верфью. С образованием в 1717 г. Адмиралтейств-коллегии управление судостроением, естественно, перешло к ней.

Обратим теперь внимание на состав мастеров и рабочих адмиралтейских верфей.

При начале работ мастерами-судостроителями являлись почти исключительно иностранцы: голландцы, англичане, итальянцы (последние специализировались на постройке галер). Вскоре появились и русские мастера из числа вернувшихся из-за границы русских учеников, посланных Петром в Европу для изучения корабельного дела. Интересно отметить, что в первые годы работы Адмиралтейской верфи Петр оставил за собой должность главного мастера ее, так называемого „баса",

и, принимая личное участие в постройке кораблей, получал соответствующую этой должности заработную оплату.

Первые русские рабочие на Адмиралтейской верфи были присланы с Олонецкой верфи; они уже имели некоторый опыт по кораблестроению. Но общее число рабочих на Адмиралтейской верфи стремительно пополнялось за счет принудительно мобилизуемых для этой цели специалистов-плотников из числа, главным образом, крепостных крестьян. До нас сохранилось, например, распоряжение А. Д. Меншикова, от 12 сентября 1705 г., данное им по указу Петра и направленное для исполнения в Вологду, Шую и Ростов. В распоряжении этом читаем: „... губернатор Александр Данилович Меншиков приказал нижеписанных городов с посадов и с уездов, великого государя з дворцовых, и с патриарших, и с монастырских, и с помещиковых и вотчинниковых крестьян, выбрав плотников самых добрых и не малолетних и не старых и плотничного дела умеющих людей 500 человек, со всякими их плотничными снастьми, выслать в Санкт-Питербурх на Адмиралтейский двор бессрочно..."[1] Принудительная мобилизация рабочих, по определенной разверстке в каждой губернии, являлась основным методом укомплектования рабочей силой строящегося Петербурга в первые годы его существования. Но, кроме рабочих, мобилизуемых на Адмиралтейскую верфь бессрочно, еще большее количество крестьян насильственно сгонялось на сезонные адмиралтейские работы, главным образом на заготовки леса. Так, например, по указу Петра от 7 апреля 1707 г. было выслано из Каргополя и Белозерска в Петербург, на Адмиралтейский двор и на Олонецкую верфь, 3 139 человек.[2] Почти исчерпывающие данные о наличном составе рабочих Адмиралтейской верфи, с указанием их специальностей, мы имеем в ведомости, составленной в ноябре 1709 г.[3] Этим временем заканчивается, как мы уже знаем, первый период деятельности верфи, т. е. ее состояние перед началом строительства больших кораблей, которое повлекло за собою значительное развитие всего дела и, в частности, увеличение количества занятых на верфи рабочих. Но и в 1709 г. Адмиралтейская верфь представляла собой крупное промышленное предприятие. Согласно упомянутой ведомости, учитывавшей только постоянных рабочих (без сезонных) и вовсе не упоминавшей иностранцев, число рабочих достигало тогда 900 человек. Из них: плотников — 391, кузнецов — 109, прядильщиков — 99, конопатчиков — 77, парусных „швецов" — 60, столяров — 32, резчиков — 21, бочкарей — 9, „блочного дела" — 9,

[1] Центр. Госуд. архив военно-морского флота (ЦГАВМФ), фонд Приказов воинского морского флота, № 49/118, лл. 256—266 об.

[2] ЦГАВМФ, фонд Адмиралтейств-коллегии, № 11/165, лл. 149—150.

[3] Там же, № 50/148, ч. II, лл. 95—102.

токарей — 8 и т. д. Вообще ведомость эта перечисляет до 30 различных специальностей. Разделение труда достигло на верфи значительного развития. Вместе с сезонными рабочими число занятых на кораблестроении людей достигло к 1711 г. 4700 человек. В 1712 г. с Воронежской верфи на Адмиралтейскую было послано еще до 2000 опытных уже кораблестроительных рабочих и мастеров, что значительно повысило продуктивность петербургской верфи. К 1715 г. число всех рабочих увеличилось на верфи до огромной по тому времени цифры — почти до 10000 человек.

Как быстро увеличилась потребность верфи в работниках разных специальностей, можно видеть хотя бы из следующих примеров. По ведомости 1709 г. количество кузнецов составляло 109 человек, в 1714 г. их было налицо уже 200 человек, а в октябре того же года последовал указ Петра, согласно которому „повелено при Санкт-Питербурхском Адмиралтействе у определенных дел быть кузнецам 400-м человек". Согласно этому указу, недостающее число кузнецов, т. е. 200 человек, было собрано путем принудительной разверстки со всех губерний. Мобилизованные кузнецы высылались в Петербург „з женами и з детьми на вечное житье". Этим кузнецам, согласно тому же указу, было положено жалованье „деньгами и за хлеб по 20-ти по 2 рубля человеку" в год.[1] Следовательно, число кузнецов в Адмиралтействе увеличилось за 5 лет почти в 4 раза. То же самое мы можем наблюдать и относительно слесарей.

Несмотря на огромное количество занятых в Адмиралтействе рабочих, их все же нехватало. Это приводило, между прочим, к тому, что рабочих постоянно перебрасывали с одной работы на другую, что, несомненно, отражалось и на снижении темпов основной для Адмиралтейства судостроительной работы. 10 ноября 1715 г. последовал поэтому указ, повелевавший, „дабы с нынешнего числа отнюдь работных людей с определенных их работ на другие работы не отсылать, а быть им зався у тех работ, к которым его царское величество определил".[2] Но, несмотря на все старания, мобилизованных плотников нехватало. В октябре 1716 г. Петр распорядился форсировать строительство на Адмиралтейской верфи уже заложенных там 9 больших кораблей, „дабы оные как наискоряе были отделаны, ибо необходимая в том есть нужда". В ответ на это распоряжение корабельные мастера верфи подали ведомость, в которой указывалось, что „у тех дел плотников адмиралтейских было налицо 872 человека" и что для форсированной стройки требуется добавить еще 3212 человек. Рассчитывать на возможность более или менее скорой мобилизации такого количества плотников обычным принудительным

[1] ЦГАВМФ, фонд Адмиралтейств-коллегии, № 107/232, лл. 3 об. — 4.
[2] ЦГАВМФ, фонд графа Апраксина, № 121/399, л. 99.

путем — по разверстке с губерний — не приходилось, и потому Петр приказал „для корабельного строения на некоторое время для скорости нанять повольною ценою охочих плотников". Во исполнение этого приказа было нанято 2 150 вольнонаемных плотников, с платой по 4 рубля в месяц.[1] В начале 1717 г. на верфи был заложен еще один „прам", причем для ускоренного строения его приказано было нанять еще 200 плотников „повольною же ценою" (они были наняты с платой также по 4 рубля в месяц).[2] Таким образом, на Адмиралтейской верфи впервые появились вольнонаемные русские рабочие; до того времени вся основная масса рабочих состояла из принудительно мобилизованных пожизненно, получавших грошовую плату, выражавшуюся, главным образом, в так называемых „кормовых" деньгах, в среднем по алтыну, т. е. по 3 копейки, в день на человека, с некоторым добавлением продуктов натурой, в частности хлеба и соли. Лишь наиболее квалифицированные рабочие из числа мобилизованных получали сверх того и денежное жалованье в пределах 8—12 рублей в год. Вольнонаемные рабочие обходились, таким образом, государству гораздо дороже, почему Петр и писал в своем цитированном выше указе, что они нанимаются лишь „на некоторое время". Широкая принудительная мобилизация плотников со всей России для работы на петербургских верфях продолжалась и в последующие годы. Кроме того, правительство начало выделять специалистов-плотников из числа солдат и рекрутов. Так, в 1717 г. из числа солдат и рекрутов было послано в Адмиралтейство 479 плотников,[3] в 1718 г. — еще 1 500 человек.

Распорядок рабочего времени на верфях был утвержден самим Петром. Год разделялся на две половины. В светлую половину года, с 25 марта по 15 сентября, рабочий день доходил до $13^1/_2$ часов, т. е. с 5 часов утра до 9 часов вечера, с перерывом в $2^1/_2$ часа для обеда и отдыха. В темную половину года, с 16 сентября по 24 марта, рабочий день составлял $11^1/_2$ часов, т. е. с 6 часов утра до 6 часов вечера, с получасовым перерывом. Была выработана соответствующая система штрафования рабочих за все нарушения установленного порядка. Для поддержания дисциплины была учреждена особая должность „фискала", который, в целях более усердного выполнения им своих обязанностей, получал в свою пользу часть штрафных денег со всех обнаруживаемых им нарушений порядка. Помимо штрафов, рабочие всегда находились под угрозой телесного наказания за невыполнение тех или иных правительственных распоряжений. Приведем для примера один такой характерный указ. 18 января 1715 г. было повелено, чтобы „Санкт-Питербурхского

[1] ЦГАВМФ, фонд Адмиралтейств-коллегии, № 4/755, лл. 58—59 об.
[2] Там же, л. 59 об.
[3] Там же, л. 59.

Адмиралтейства мастеровым людям носить немецкое (т. е. европейское) платье, и чтоб оное зделано было всеконечно сего генваря к 23-му числу, а ежели кто учинитца преслушан, и таким учинено будет наказание: биты кнутом и из дачь их годового и кормового жалованья вычтено за полгода у каждого человека".[1]

Заканчивая настоящий очерк, подведем итоги судостроительной работы петербургских Адмиралтейской и Галерной верфей в петровское время. Непосредственные заботы Петра об этих любимых его детищах и, конечно, жестокая эксплоатация труда рабочих дали свои результаты. С 1706 по 1725 гг. на названных верфях было построено не менее 59 крупных кораблей разных типов (в том числе 4 гата, т. е. наиболее совершенных по тому времени военных корабля) и 203 галеры и скампавеи. Балтийский флот был создан и успел одержать над шведским флотом множество блестящих побед.[2]

Арсенал

Второе по значению место среди казенных промышленных предприятий Петербурга петровского времени принадлежало петербургскому Арсеналу, далеко, впрочем, уступавшему Адмиралтейству как по количеству занятых на нем рабочих, так и по размерам производства. Самое название Арсенала как учреждения, объединяющего все виды материального снабжения сухопутной артиллерии, вошло в употребление лишь в конце царствования Петра. Петербургский Арсенал возник в 1711—1713 гг. первоначально просто как пушечнолитейный завод и лишь постепенно, обрастая подсобными предприятиями и сосредоточивая хранение всевозможных артиллерийских и вообще оружейных запасов и материалов, превратился в Арсенал в настоящем смысле этого слова. До 20-х годов XVIII в. он именовался простым именем — Пушечный двор.

Место для будущего пушечнолитейного завода было выбрано на Московской стороне строящегося нового города, на левом берегу Невы, против просеки, получившей название Литейной (будущего Литейного проспекта).

Уже с конца 1711 г. начались здесь предварительные работы, не выходившие, впрочем, за пределы подготовки будущего строительства. Был, например, снесен мешавший постройке завода дом стольника И. И.

---

[1] ЦГАВМФ, фонд Адмиралтейств-коллегии, № 108/253, л. 289.

[2] Кроме архивных материалов, для написания истории Адмиралтейства использован неизданный труд Н. Т. Федотова, Исторический очерк развития военных портов в России, Л., 1940, (машинопись).

Бутурлина, который успел захватить часть этого места, отличавшегося возвышенным расположением по сравнению с окружающим болотом со стекающими в Неву ручьями. Бутурлину, конечно, была уплачена солидная сумма за отобранное у него дворовое место и снесенный дом.

Летом 1712 г. Петр издал ряд указов о форсировании стройки литейного завода: „К тому строению, — говорится, например, в указе от 10 июня 1712 г., — принадлежащие всякие лесные припасы покупать, и плотников и работников, сколько надлежит, наймовать на Санкт-Питербурхской Ратуши; каменщиков и каменные припасы, и кирпич, и глину, и известь брать из Канцелярии Городовых Дел".[1]

Во главе стройки нового завода был поставлен Петром известный инженер И. И. де-Геннин. Он энергично повел вверенное ему дело и к 1713 г. построил основные здания завода, в частности — построил две медеплавильные печи. В сентябре того же года Геннин был назначен начальником Олонецких железоделательных заводов в Петрозаводске и уехал из Петербурга. Главное наблюдение за петербургским литейным заводом осталось за генерал-фельдцейхмейстером Я. В. Брюсом. Но еще при Геннине, 15 января 1713 г., литейный цех петербургского завода был пущен в ход, и вскоре были вылиты первые медные пушки производства литейного петербургского завода.

„Литейный анбар" быстро обрастал разными техническими предприятиями: были выстроены кузница, слесарная, лафетная мастерская, токарная, столярная, паяльная и другие мастерские и, кроме таго, целый ряд служб, сараев, амбаров и т. п. Все эти здания, начиная с „литейных анбаров" и кончая амбарами для хранения необходимых для плавки припасов и других подсобных помещений, получили в своей совокупности название Литейного двора. Этот двор был расположен на самом берегу Невы, на месте нынешнего въезда на Литейный мост.

Место на „Литейной першпективе", ныне занятое огромным зданием МВД, служило с 1714 г. местом хранения всех необходимых для производства нового завода материалов и припасов, а также готовой продукции этого завода. Оно было застроено рядом сараев и тому подобных складочных помещений и получило название Пушечного двора. Напротив Пушечного двора, через „Литейную першпективу", на месте нынешнего патронного завода (на Литейном проспекте между улицами Чайковского и Воинова), сосредоточились к 1715 г. все основные подсобные мастерские литейного завода, и здесь же расположились здания Артиллерийской канцелярии. Место это получило название Нового

[1] ЦГАВМФ, фонд графа Апраксина, № 33/317, л. 145.

пушечного двора, а прежний Пушечный двор стал называться Старым пушечным двором.

Новый пушечный двор, постепенно расширяясь, захватывал всю территорию вглубь от „Литейной першпективы", вплоть до реки Фонтанки.

Когда в 1720 г. возник проект устройства сверлильных пушечных станков, приводимых в действие силой воды, то из Невы был прокопан в Фонтанку, через территорию Нового пушечного двора, канал, пересекавший эту территорию по диагонали. Падение воды в этом канале оказалось, впрочем, столь незначительным, что использовать водную энергию канала не удалось. Канал был вскоре засыпан, и место его в нижнем течении показывает теперь лишь нынешний Косой переулок (от улицы Чайковского к Фонтанке).

Против главного „Литейного анбара", на берегу Невы, была построена в 1716 г. специальная пристань для судов, доставлявших на Пушечно-литейный двор всевозможные припасы и материалы.

Что касается рабочей силы, занятой в Арсенале, то о росте количества рабочих и их специальностях в нашем распоряжении имеются следующие данные. Согласно сохранившейся среди архивных документов ведомости от января 1714 г., на Пушечно-литейном дворе в Петербурге значилось в то время всего лишь 37 рабочих, из них: мастер литейного дела Семен Леонтьев с зарплатой по 100 рублей в год; 27 „учеников литейного дела" с зарплатой по 12 рублей в год; 6 „учеников плавильного дела" с зарплатой по 9 рублей в год; 2 мастера „пильного дела" с зарплатой по $10^1/_2$ рублей в год и, наконец, один печной мастер с зарплатой в 11 рублей в год. Вот и все.[1] Но в том же 1714 г., когда петербургский Арсенал начал работать уже более интенсивно, значительно увеличилось число его рабочих. Прежде всего, по специальному указу Петра, в марте — апреле 1714 г. было выслано в Петербург от $^1/_3$ до $^1/_2$ всех наличных рабочих из Москвы, с московского Литейного двора, существовавшего там с XVI в. Это мероприятие, несомненно, дало значительное увеличение числа рабочих на петербургском Литейном дворе. Среди них должны были находиться, по требованию из Петербурга, специалисты: литейщики, кузнецы, токари, слесари, оружейники, станочники, лафетчики, паяльщики, медники, медеплавильщики, печники, столяры, плотники и т. п. Всего перечислено до 25 специальностей.

В июле 1714 г. было выписано на петербургский Литейный двор из Тульской оружейной слободы 6 оружейных кузнецов. Они были выписаны временно, всего на полгода, с платой по рублю в месяц.

[1] ЦГАДА, фонд Берг-коллегии, № 557, лл. 55—59.

В сентябре 1714 г. были приняты на службу в Петербург, „на Пушечный двор в пушечные токари", 3 человека из числа пленных шведов с платой также по одному рублю в месяц.[1]

В 1716 г., в мае, были зачислены на службу 2 новгородских кузнеца, присланные оттуда „на вечное житье" (плата также по рублю в месяц). В июле того же года было затребовано из Тульской оружейной слободы 50 „мастеровых людей" на „вечное житье".[2] Но из той же слободы, кроме того, высылались рабочие на петербургский Пушечный двор и на время, по переменам. Так, например, в 1717 г. было прислано таких переменных рабочих 20 человек, из числа которых, помимо известных уже нам специалистов, было зачислено несколько человек „к фитильному делу" (т. е. к выделке фитилей для пушечной стрельбы) и „к меховому делу" (т. е. к выделке и починке кузнечных мехов).[3] Начиная с 1716 г., на Пушечный двор высылалось, с ежегодной переменой, по 12 колесников из Солецкой колесной слободы, Новгородского уезда, жители которой уже издавна специализировались на выработке колес и вообще всех деревянных частей для пушечных лафетов.[4]

Среди рабочих Арсенала мы, между прочим, встречаем своеобразную категорию — это каторжники. Указом от 7 декабря 1717 г. Петр распорядился, чтобы „артиллерийских служителей, которые осуждены будут за вины на каторгу в вечную работу, или на урочные годы, и оных туда не посылать, а посылать их вместо того, скованных, в Санкт-Питербурхе на Пушечный двор... и работать им, доколе указано, купно со арестантами".[5] На Пушечном дворе работало несколько таких каторжников. Из одного частного случая мы узнаем, что им полагалось „жалованье, кормовые деньги" по 10 алтын (т. е. по 30 копеек) в месяц.

По приблизительным подсчетам, в 20-х годах XVIII в. на Пушечном дворе всего было занято до 200 мастеров и рабочих всех специальностей и всех категорий.

Условия труда на Пушечном дворе были таковы, что вызывали постоянные случаи бегства присылавшихся туда „на вечное житье" рабочих. В частности, например, отмечая многочисленные случаи бегства рабочих, присланных из Тульской оружейной слободы, правительство предписывает местному начальству при высылке впредь рабочих на вечное житье в Петербург „пятнать" им руки раскаленным железом»

---

[1] Архив Главного артиллерийского управления, фонд ШГФ, св. 70, кн. № 70а, л. 142.
[2] Там же, кн. 56, л. 103; кн. 44, л. 146.
[3] Фонд ШГФ, кн. 44, л. 180.
[4] Архив Артиллерийского исторического музея, фонд Арсенала, кн. 12, л. 221.
[5] ЦГАВМФ, фонд графа Апраксина, № 162/451, л. 61—61 об.

„понеже они отсюда бегают".[1] Клеймо на руках позволяло легче отыскивать беглых для возвращения их на оставленное ими место.

Рабочий день на Пушечном дворе вовсе не был нормирован. Все зависело от воли начальства. Адмиралтейский регламент, согласно которому рабочий день в светлую половину года доходил, как мы видели выше, до $13^1/_2$ часов в сутки, являлся недостижимым идеалом для рабочих Пушечного двора. Лишь в 1728 г., по ходатайству администрации Пушечного двора, был, наконец, распространен и на него соответствующий регламент Адмиралтейства; до того работать заставляли и днем, и ночью, и в праздники. Применение кнута и плети в качестве устрашающей и „поощряющей" меры было явлением обычным.

Основным производством Пушечного двора было литье медных пушек. Сперва их отливали в формах с готовым уже стволь ным каналом. Однако несовершенная техника плавки и отливки металла приводила к тому, что внутренность ствола часто оказывалась недостаточно ровной и гладкой, покрытой раковинами и т. п., что влияло на качество стрельбы из таких пушек. К 20-м годам XVIII в. перешли поэтому к плавке так называемых „глухих пушек", т. е. сначала отливали тело орудия без ствольного канала, который просверливался затем особыми сверлильными станками. Станки эти на петербургском Пушечном дворе приводились в действие конной тягой (как мы уже знаем, попытка применить здесь водную энергию не удалась). Кроме пушек, на Литейном заводе отливались и другие предметы из меди, например колокола. В 1723 г. были отлиты огромные, тяжеловесные жернова для Охтенских пороховых заводов (о чем см. ниже) и т. п.

Изготовление пушечных лафетов и зарядных ящиков к ним требовало сотрудничества разных специалистов — столяров, токарей, кузнецов, слесарей и т. д., вырабатывавших соответствующие части в специально оборудованных для этого мастерских. Изготовление разных жестяных предметов, например манерок для пороха, производилось в особой паяльной мастерской. Была построена также специальная мастерская для изготовления пушечных фитилей, требовавшая совместного труда прядильщиков и фитильных заварщиков. Поделки из кожи, главным образом для пушечных упряжек, требовали создания шорной мастерской. Наконец, не выделывая новых ружей, Арсенал занимался все же их окончательной отделкой и починкой испорченных. Обилие всех этих подсобных мастерских объясняет территориальное расширение Нового пушечного двора, занявшего постепенно, как уже было указано выше, все пространство по Неве от Литейного до Фонтанки. О количестве

[1] Фонд ШГФ, кн. 44, л. 253.

продукции Арсенала за первые годы его существования у нас, к сожалению, не имеется достаточных сведений. Есть указание, что построенные Генниным на Литейном заводе две так называемые „самодувные" медеплавильные печи давали в одну плавку до 700 пудов меди. Каждая плавка длилась около 12 часов. С 15 января до 19 сентября 1713 г., т. е. с момента пуска в ход Литейного завода и до отъезда Геннина в Олонец, было отлито семь 24-фунтовых пушек (т. е. пушек, стреляющих ядрáми весом в 24 фунта) и двадцать 18-фунтовых пушек. На отливку шла медь, доставляемая Арсеналу в виде старых и испорченных медных изделий, пушек, колоколов и т. п.

В ведении Арсенала, начиная с 1712—1714 гг., находились также Петербургские пороховые заводы, к обозрению которых мы теперь и перейдем.[1]

Пороховые заводы

Производство пороха в России до начала второго десятилетия XVIII в. было сосредоточено почти исключительно в Москве и ее районе. С основанием Петербурга, с постепенным превращением его в мощный военно-морской порт и крепость, особенно в условиях незаконченной еще Северной войны (театр которой был во много раз ближе к Петербургу, чем к Москве), у Петра, естественно, должна была возникнуть мысль о желательности развития в новой столице производства всех необходимых для ведения войны военных материалов, в частности производства пороха. Соответствующее распоряжение Петра последовало около 1712 г.

Первый пороховой завод был построен в Петербурге на Петербургской стороне, на набережной Малой Невки, против Крестовского острова, примерно у нынешней Зелениной улицы, старое название которой было „Зелейная" улица, т. е. дорога, проложенная от пороховых, по-старому „зелейных" (в Московской Руси порох назывался „зельем"), заводов к кронверку Петропавловской крепости. Когда был построен этот пороховой завод, в точности неизвестно, но сохранились архивные документы, показывающие, что летом 1714 г. на территории завода достраивались еще амбары для хранения составных частей пороха — селитры, серы и угля.

---

[1] Для написания истории петербургского Арсенала использованы, кроме архивных материалов, труды В. Родзевича, Историческое описание С.-Петербургского арсенала за 200 лет его существования, 1712—1912 гг., СПб., 1914, и Н. Е. Бранденбурга, Материалы для истории Артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701—1720), СПб., 1876.

В начале 1714 г. артиллерия „возымела особое правление" в Петербурге, почему и управление петербургскими заводами и производство на них пороха было передано в ведение артиллерийского ведомства. Ставший во главе Артиллерийского управления генерал-фельдцейхмейстер Брюс уделил постановке дела по производству пороха достаточное внимание. По его распоряжению, на Петербургские пороховые заводы были выписаны из Москвы специалист-мастер и 17 учеников порохового дела. В 1714 г. уже действовала одна пороховая мельница, толчеи (т. е. ступы) которой приводились в движение конной тягой. Производительность этой пороховой мельницы составляла около 1 800 пудов пороха в год. Близ „порохового двора", по распоряжению Брюса, были построены „крутильная изба", „сушильная изба", сарай для лошадей, амбары для хранения разных припасов и другие подсобные помещения. Непосредственное управление Петербургскими пороховыми заводами было поручено командующему Петербургской гарнизонной артиллерией майору Витверу.[1]

Война со Швецией вызывала большую потребность в порохе. Производство его в Петербурге, несомненно, представлялось более выгодным и удобным, чем привоз с московских заводов. Поэтому в начале 1715 г. Петр распорядился, „чтобы пороха здесь (т. е. в Петербурге) больше делать, чем в Москве". Очевидно в связи с этим распоряжением вскоре начата была постройка новых пороховых заводов на территории Охты. Сразу было намечено построить на Охте два завода. В течение 1715 г. постройка одного из охтенских заводов шла полным ходом. Заведывал постройкой подпоручик Мокей Гусев. Сохранились архивные документы, свидетельствующие, что еще в мае 1715 г. Гусев навербовал 30 „работных людей" с уплатой им вперед по 3 рубля человеку. В октябре 1715 г. Гусев нанял еще 50 рабочих, выплатив каждому из них по 2 руб. 50 коп.[2]

Заводы, по указу Петра, должны были быть построены на реке Охте и притоке ее Луппе, „на порогах", т. е., несомненно, с самого начала было предположено использовать здесь водяные двигатели, в противоположность пороховому заводу на Петербургской стороне, действовавшему конной тягой. Близ будущих заводов были построены дворы для „мастеровых людей", рассчитанные на 60 будущих заводских рабочих. Точное место постройки Охтенских пороховых заводов выясняется из „наказа" Артиллерийской канцелярии строителю заводов Мокею

---

[1] Сохранился рукописный план порохового завода 1714 г. Библиотека Академии Наук, рукописный отд., планы СПб., № 773.

[2] Фонд ШГФ, кн. № 48, лл. 43—44, 75 об. — 77 об.

Гусеву: „Первой мельнице быть на р. Охте (по правой стороне), против бывших шведских кирпичных заводов (напомним, что на территории Охты стояла бывшая шведская крепость —Ниеншанц. — *В. Г.*), а другой мельнице быть на Луппе реке, вверх от Охты в 50 саженях". Для постройки плотин были привлечены русские мастера-специалисты. В 1716 г. деревянная плотина на Охте была уже построена, и при ней действовала одна пороховая мельница. Квалифицированные рабочие для охтенских заводов, так же как и для завода на Петербургской стороне, были выписаны из Москвы. Вскоре оттуда прибыли на Охту пороховые мастера и 28 пороховых учеников. „Комиссаром" пороховых заводов был назначен иноземец Давыд Рыц, который вступил в эту должность 31 января 1717 г. Петербургские пороховые заводы, кроме сравнительно незначительной выделки нового пороха, гораздо больше занимались переработкой старого, испорченного пороха, присылавшегося для этого из прибалтийских крепостей. Охтенский пороховой завод в первый год своей работы дал всего лишь около 800 пудов продукции.

В 1717 г., совершая заграничное путешествие, Петр обратил в Голландии свое внимание на местный порох, отличавшийся, повидимому, значительно большей взрывной силой, чем русский. Образец этого голландского пороха Петру удалось прислать в Россию. Испытание его дало превосходные результаты. Генерал Брюс вошел к Петру с представлением о выписке из Голландии мастера-специалиста, который сумел бы поставить в России производство пороха на новый, „голландский манир". В начале 1718 г. русскому послу в Голландии кн. Б. И. Куракину удалось нанять там на русскую службу такого специалиста — порохового мастера Петра Шмита. Мастер Петр Шмит прибыл в Петербург лишь в феврале или марте 1719 г. Он был стар, болезнен, несговорчив и гораздо больше заботился о собственном обогащении за счет русской казны, чем о внедрении в порученное ему производство новой, иностранной техники. Шмит не торопился открыть свой „секрет" русским. Специалисты артиллерийского дела конца XIX в. говорят, что изменение техники выделки пороха по „голландскому маниру", предпринятое Петром, „было самой крупной переменой в пороховом деле во весь период времени от заведения порохового дела в России и поныне (т. е. по 90-е годы XIX в. — *В. Г.*)". Но освоением этой новой иностранной техники выделки пороха Россия обязана не мастеру Петру Шмиту, а, как это ни странно на первый взгляд, женщине, „пороховой мастерице" Елене де Валь, жене Петра Шмита.

Главным отличием нового способа выделки пороха от старого являлось применение для обработки пороховой массы системы мелющих жерновов вместо прежнего толчения в ступах.

Для учета материалов, ведения денежных расчетов и отчетности на Петербургский пороховой завод был в начале 1720 г. прикомандирован канцелярист Иван Леонтьев. Он происходил из дворян, служил ранее по ведомству Коллегии иностранных дел, долгое время жил за границей, хорошо знал иностранные языки, был, повидимому, ловким человеком. Кроме прямой его „бухгалтерской" обязанности по заводу, на Ивана Леонтьева было возложено поручение выведать у Шмита „секрет" выделки пороха по новому способу. Выполнить это поручение Леонтьеву в конце концов удалось, но „выведал" он „секрет" не от самого Шмита, который решительно уклонялся от этого, а при посредстве молодой жены Шмита — Елены де-Валь. Об этом сам Леонтьев писал так: „Начал просить супругу его с прилежною учтивостью моею, чтобы она как мочно получила от него (т. е. от своего мужа — Петра Шмита) весь секрет о пороховом и селитерном деле". Петр Шмит умер в 1720 г., открыв перед смертью свой „секрет" жене, вероятно, по ее настояниям. После смерти Шмита вдове его Елене де-Валь было обещано сохранить жалованье ее покойного мужа (780 рублей в год) с тем, чтобы она осталась на заводе и обучала русских мастеров новому способу производства пороха. Елена де-Валь, повидимому, добросовестно выполнила, по крайней мере, часть этих своих обязательств. Среди учеников ее были способные русские люди, как, например, пороховой подмастерье Афанасий Иванов, человек с большим производственным стажем, хорошо знавший старый, „русский" способ выделки пороха. Уже в июне 1721 г. он писал: „После смерти мастера Шмита учила меня жена ево Елена Иванова дочь, и я у нее пороховому делу, как новый порох делать и старый переделывать по голанскому манеру разных рук, такоже и селитру литровать и уголья жечь научен, могу я и без нее, Елены Ивановой, сам собою делать. А что я ныне делаю новый порох и переделываю старый сильнее голанского мастера и мастерицына составу, то я научился от своего мозгу".

В том же 1721 г. Елена де-Валь, решив навсегда остаться в России, просила зачислить ее на русскую службу. Просьба ее была уважена, и де-Валь получила официальное звание „пороховой мастерицы". Между прочим, интересна мотивировка оставления Елены на русской службе: „Ежели оную из России отпустить в чужие края с тем ее секретом, который она после мужа своего показала, то может оная и в других краях тот секрет показать".

После Шмита комиссаром на Петербургский пороховой завод был назначен уже известный нам Иван Леонтьев. Он продолжал обхаживать Елену де-Валь, склоняя ее открыть теперь секрет „исправления негодного пороха". Елена долго противилась этому, но, как писал

Леонтьев, наконец „ослабела силою, и я (т. е. Леонтьев), усмотря ее слабость, со всякою учтивостью услуг своих просил с увещанием, дабы она научила мастеров... на что она склонилась".[1] Итак, в конце концов, вся новейшая техника выделки и переделки пороха стала достоянием русских пороховых заводов. Елена де-Валь прослужила на пороховом заводе в качестве „пороховой мастерицы" около 40 лет.

Перестройка завода на Петербургской стороне подвигалась медленно из-за отсутствия денежных средств, но все же к 1723 г. на заводе этом действовали уже три пороховые мельницы. Удалось также построить большой каменный пороховой погреб для хранения готового пороха. Это здание было выстроено по проекту архитектора Д. Трезини. В петровское время Петербургский пороховой завод занимался, главным образом, переработкой старого пороха. Так, например, в 1722 г. было переработано 3 347 пудов старого пороха, а нового было выработано лишь 61 пуд.

В связи с введением нового, „голландского", способа выделки пороха, было приступлено также к значительным перестройкам и на Охтенском пороховом заводе. В 1720 г. во главе этого завода был поставлен сержант понтонной роты Яков Батищев. Батищев, несомненно, являлся незаурядным техником-изобретателем. Раньше он работал на Тульском оружейном заводе и ввел там ряд своих технических изобретений, заменивших ручной труд механическим. На Охтенском заводе, еще до его перестройки, Батищев применил механическую силу воды в так называемом „кручении" пороха, т. е. превращении выработанной пороховой массы в зернистый порох, что до Батищева производилось исключительно ручным способом, путем кручения ручных решет. Теперь же благодаря изобретению Батищева порох „крутился" системой грохотов, приводившихся в движение силой воды. К началу 1722 г. было закончено переоборудование трех старых толчильных (ступовых) пороховых мельниц в жерновые. Был построен ряд новых подсобных зданий: амбары „сушильные" и для „очистки" („литрования") селитры кузница, контора и т. д. Вместе с тем, вся территория завода была обнесена палисадом и рвом, имевшими военно-защитное значение. Объяснялось это тем, что тогда окрестности Петербурга были далеко еще небезопасны от бродивших вокруг шаек „воровских людей — кивиков". В 1719 г. на артиллерийских фурлейтов (т. е. фуражиров) ездивших за сеном на пустоши, сравнительно близкие от Охтенских пороховых заводов, было совершено нападение этих „кивиков", причем 4 человека из числа фурлейтов было убито.

---

[1] Показания Леонтьева напечатаны в „Оружейном сборнике" за 1890 г.

Как было уже указано выше, вначале было предположено строить на Охте сразу два завода — один на реке Большой Охте, другой — на реке Луппе. Однако ко времени назначения на заводы Батищева, т. е. в 1720 г., к постройке завода на реке Луппе вовсе еще не было приступлено. Батищев даже предложил отказаться от постройки второго порохового завода и создать на отведенном месте новый вододействующий пушечный и оружейный завод. Однако Главная артиллерийская канцелярия предложила Батищеву немедленно начать постройку второго порохового завода. С некоторым промедлением, в 1722 г., работы по постройке этого завода на реке Луппе развернулись полным ходом, и в 1723 г. новый завод был пущен в действие. На заводе этом были выстроены плотина, два мельничных пороховых „анбара", т. е. собственно заводских помещения для перемола на жерновах порохового состава, один „крутильный" амбар, с водными двигателями, и „сушильная изба". При постройке завода на реке Луппе Батищев ввел еще одно новое свое техническое изобретение. Вместо каменных жерновов, привозившихся для пороховых мельниц из Голландии (так называемых „голландских камней"), Батищев применил литые медные жернова, изготовленные по его заказу на петербургском Арсенале. С целью увеличения веса в эти медные жернова было влито до 500 пудов свинца. Вес каждого такого жернова достигал 350 пудов (всего было изготовлено 3 таких жернова, т. е. один комплект для одной пороховой мельницы). Повидимому, жернова эти работали хорошо, но так как стоимость их оказалась в 10 раз выше стоимости привозных каменных жерновов, то дальнейшее производство их, по распоряжению Петра, было запрещено.

Всего на Охтенских пороховых заводах в 1721 г. числилось 125 „мастеровых людей и прочих служителей".[1]

Плата основным рабочим кадрам исчислялась, исходя из расценков, применявшихся на Московских пороховых заводах: мастерам — по 25 рублей в год, подмастерьям — по 18 рублей и ученикам — около 11 рублей в год (по 30 алтын в месяц). Так как жизнь в Петербурге была значительно дороже, чем в Москве, то „для здешнего Санкт-Питербурхского житья" полагалась надбавка к московским окладам в размере 25%.[2]

Несмотря на оборудование в Петербурге трех пороховых заводов (одного на Петербургской стороне и двух на Охте), а также несмотря на упоминавшийся выше указ Петра, чтобы в Петербурге выделывалось пороха больше, чем в Москве, все же в продолжение всего царство-

[1] АИМ, фонд оруж., св. 8, № 22, лл. 1—2.
[2] Фонд ШГФ, кн. 56, лл. 138—138 об.

вания Петра московские заводы продолжали давать стране бóльшую часть пороха. Так, по нарядам Главной артиллерийской канцелярии в 1721 г. намечено было выработать пороха: в Петербурге — 3 000 пудов, а в Москве 12 000 пудов; в 1724 г.: в Петербурге — 10 000 пудов, а в Москве — 20 000 пудов. Ведущая роль в производстве пороха к 1725 г. все еще оставалась за Москвой.[1]

Переходим теперь к обозрению второй группы промышленных предприятий петровского Петербурга, к предприятиям дворцовым. Из числа этих предприятий специально остановимся на так называемой Шпалерной мануфактуре. Мануфактура эта существовала с 1717 до 1859 г. Она оставила по себе память вплоть до наших дней в названии бывшей Шпалерной улицы (ныне улицы Воинова). Почти все остальные петровские дворцовые промышленные предприятия быстро заглохли и прекратили свое существование вскоре же после смерти Петра. Впрочем, еще в конце его царствования большинство из них было передано из ведения Кабинета в ведение Берг- и Мануфактур-коллегий, т. е. фактически превратились из дворцовых просто в казенные предприятия, работавшие уже не на „дворец", а на общий рынок. Почти все они по размерам своим были очень невелики. О них кратко расскажем ниже, а пока остановим свое внимание на Шпалерной мануфактуре.

Шпалерная мануфактура

Дворцовая Шпалерная мануфактура была основана Петром I в Петербурге в 1717 г. и первоначально находилась на территории Екатерингофа.

Образцом для нее послужила Королевская гобеленовая мануфактура в Париже, художественные ковровые изделия которой, привезенные в Россию, произвели на Петра сильное впечатление. Но, конечно, по сравнению с парижской, петербургская Шпалерная мануфактура была лишь миниатюрным предприятием.

По указу Петра, Петр Лефорт, племянник известного Франца Лефорта, законтрактовал в 1716 г. в Париже мастеров — специалистов по гобеленам. В начале 1717 г. четыре мастера-француза уже прибыли в Петербург. Контракт с ними был заключен на 5 лет, с жалованьем по

---

[1] Использованы написанные на основе архивных материалов труды К. И. Каменева, Историческое описание Охтенского порохового завода, СПб., 1891, и Н. Е. Бранденбурга, Материалы для истории Артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701—1720), СПб., 1876.

400 рублей в год каждому. В июне 1717 г. прибыло еще 11 французских мастеров, в том числе Бегагль (с сыновьями) и Камус, занявшие вскоре первенствующее положение. Бегагль был назначен директором мануфактуры.

Общий надзор за этим новым предприятием был поручен А. Д. Меншикову. Бегаглю, согласно контракту, предписывалось обучать изготовлению гобеленов и русских учеников: „Принимать в свою службу российскую нацию и обучать их всему, что касается до того мастерства".[1]

Весной 1717 г. Петр, будучи в Париже, лично посетил Королевскую гобеленовую мануфактуру и заказал там для себя несколько художественных шпалер.

Между тем, в Петербурге дело не клеилось: мастера долго сидели без дела из-за отсутствия необходимого оборудования и сырья, так как имевшаяся русская шерсть по своим качествам была забракована иностранными специалистами. Помещение мануфактуры было также неудовлетворительным. Собственно помещения вообще не существовало, а работать приходилось на основанной незадолго перед тем в Екатерингофе Каламинковой мануфактуре, на так называемом Мануфактурном дворе.[2]

До 1720 г. на Шпалерной мануфактуре работали исключительно лишь приезжие французы, русских учеников вовсе не было.

В 1719 г. мануфактура эта была изъята из ведения Меншикова и передана в управление единой тогда Берг- и Мануфактур-коллегии, а с выделением в 1722 г. особой Мануфактур-коллегии — в управление последней.

С переходом Шпалерной мануфактуры в ведение Берг- и Мануфактур-коллегии в положении ее произошла решительная перемена. В ноябре 1719 г., по справке Коллегии, на мануфактуре было налицо 16 „французов мастеровых людей разного мастерства" (русских вовсе не было). Работали французы неважно, а деньги получали большие. 26 ноября 1719 г. Коллегия провела радикальную реформу: „По приговору Берг-коллегии, — читаем мы в соответствующем архивном документе, — велено для шпалерного дела оставить в Питербурхе только 5 человек (французов), в том числе баселистов 4-х, которым жалованья надлежит давать по 400 руб. человеку, а из готелистов 1-го, а именно Бегагеля, жалованья ему велено давать по 500 руб. на год. Да к ним же велено

---

[1] Н. Спилиоти, Императорская шпалерная мануфактура, — Художественные сокровища России, год III, № 4—8 (СПб., 1903), стр. 232.

[2] Н. Спилиоти, назв. соч., стр. 234.

набрать из русских 10 человек учеников".[1] Употребленные здесь термины „баселист" и „готелист" объясняются техникой шпалерного производства. По способам работы шпалеры (гобелены) разделяются на два вида. Одни из них ткутся на стане, расположенном в стоячем, вертикальном положении (по-французски haute-lisse, т. е. высокий станок, откуда русское „готелист"). При этом положении ткач помещается с задней стороны будущего гобелена и работает по нанесенным на основу контурам картины, не видя лицевой стороны. Этот способ более трудный, но дает лучшие результаты. Значительно легче работать на стане, расположенном в лежачем, горизонтальном положении (по-французски basse-lisse, откуда русское „баселист"), при каковом положении ткач видит непосредственно результаты своей работы. Тканье гобеленов очень сложно и требует большой затраты времени. Даже опытный гобеленщик вырабатывает в среднем всего лишь около 30 кв. см в день, или около 1 кв. м в год.

Итак, с конца 1719 г. Шпалерная мануфактура в Петербурге вступает в новую фазу развития, когда к работе в основном привлекаются русские ученики. Число их постепенно растет. К 1724 г. их было уже около 20, в 1725 г. „в науке шпалерного дела" числилось 22 ученика.

Директорами мануфактуры продолжали оставаться иностранцы. В 1719 г. директором был назначен француз Багарет, после него — Каспар Прейс, в 1721 г. „дирекция на шпалерное дело" была поручена асессору Берг-коллегии Якову Делейну.

В архиве Мануфактур-конторы сохранились до нашего времени дела, из которых мы узнаем много подробностей о русских учениках, работавших на Шпалерной мануфактуре, начиная с 1719 г. Вот, например, ученик Иван Кобыляков: „С 1719-го года работал с мастером Филиппом Бегагелем шпалеру Полтавской баталии, да один работал шпалеру, именуемую Купидим (т. е. Купидон), вышиною аршин, шириною 13 вершков". О своем искусстве Кобыляков сообщает следующее: „И вышеописанную работу работал: на стану основу с принадлежащим навивал, шелковые и гарусные колеры сам без мастера прибирал, смотря по примеру картин, какие присланы будут с цветами и лицами, и может помянутую работу, смотря на картину и какая-б дана ни была, делать и колеры прибирать и все нуансы собирать и пробы для крашения давать".

Ученик Григорий Ежиков: „С 722 по 723 год работал один: шпалеру, на ней девица играет в гусли, вышина аршин, ширина 3 четверти аршина, шпалеру всяких скотов, вышина 2 аршина с четвертью, ширина аршин с половиной"... и т. п.

---

[1] Ленинградский исторический архив, фонд Мануфактур-конторы, св. 49/118, л. 13 об.

Всего рассматриваемое архивное дело сохранило нам имена 17 первых наших шпалерных мастеров, носивших тогда звание „учеников", с точным перечислением вытканных ими шпалер и показанием, какой степени мастерства каждый из них достиг.[1]

Архивные документы дают нам возможность выяснить и некоторые биографические подробности, касающиеся учеников шпалерного дела.

Между прочим, выясняется, что среди учеников Шпалерной мануфактуры встречаются лица, принадлежащие и к сравнительно высокой социальной категории. Так, например, ученик Михаил Ахманов был отпущен в отпуск на 2 месяца в Галицкий уезд в его вотчины, причем с него была взята сказка: „где у него имеютца деревни, в которых уездах и сколько душ".[2]

С конца 1719 г. Шпалерная мануфактура пополнилась русскими учениками, которых начали обучать оставленные немногочисленные французские мастера-специалисты. Из этих мастеров наибольшую, но не совсем добрую „славу" приобрел Камус. Повидимому, французские мастера, может быть, чувствуя свою „незаменимость", держали себя по отношению к русскому начальству независимо и несколько вызывающе. По крайней мере, асессор Яков Делейн, который возглавлял „дирекцию на шпалерное дело", жаловался в декабре 1721 г. Берг-коллегии: „Я свою возможность (т. е. дирекцию) без плода тому употреблял, понеже с упрямыми и невежливыми французами дела имел, которые регламенту ниже указу слушать (не) хотят..." Делейн просил уволить всех французских мастеров и оставить только одного мастера Бегагля, „который послушной и сам работает".[3]

Покладистый мастер Бегагль предложил новый контракт, в котором, между прочим, обещал в течение 5 лет обучить „до совершенства" всех русских учеников. Предложение Бегагля было принято: Камус был уволен, и Бегагль остался единственным руководителем всех русских учеников. В это время таких учеников было всего 7. Учитывая это явно недостаточное количество учеников, Мануфактур-коллегия постановила набрать еще 12 „грамоте умеющих молодых ребят". Вместе с тем, с целью поднятия заинтересованности учеников в скорейшем и лучшем усвоении мастерства, для них была выработана новая система оплаты труда. Было постановлено назначать сперва всем вновь принятым ученикам равную плату по 2 рубля в месяц, затем лучше усвояющим, по аттестации мастера, „прибавливать к их окладам по полтине

[1] Фонд Мануфактур-конторы, св. 50/119, кн. 1, лл. 187—209.
[2] Там же, св. 49/118, кн. 7, лл. 688—688 об.
[3] Там же, кн. 7, лл. 16 об. — 17 об.

на месяц, даже до 5-ти рубл., кто совершенней обучитца, чтобы, видя такое награждение, больше к науке имели прилежания".

На основании этих постановлений Мануфактур-коллегия обратилась 23 декабря 1723 г. в „Кабинет его величества", „чтоб к Шпалерной мануфактуре для науки шпалер дано было в ученики из Академии из салдацких детей или из других подобных тому чинов, грамоте умеющих, 12 человек". Вместе с тем, очевидно, решив, что первоначальная оплата в 2 рубля в месяц все же слишком велика, она была снижена Коллегией до $1^1/_2$ рубля.[1]

Мастер Бегагль, воспользовавшись предполагавшимся увеличением числа учеников, просил о предоставлении Шпалерной мануфактуре собственного помещения; он писал: „А когда ему данные будут впредь ученики, и чтоб дать большую камору, где б станы поставить". Но, повидимому, в царствование Петра Шпалерной мануфактуре так и не удалось получить собственного отдельного помещения.

Кроме основного ткацкого производства, при Шпалерной мануфактуре было оборудовано специальное красильное отделение. В нем производилась окраска шерсти, гаруса, шелковых нитей.

Хорошие „шпалерные мастера" владели обычно обоими видами искусства, т. е. и ткацким, и красильным. Но иногда разделение труда и здесь достигало некоторой специализации.

В первый период существования Петербургской Шпалерной мануфактуры, при наличии сравнительно большого числа иностранных мастеров, мы встречаем, например, здесь особых „шелкового" и „шерстяного" красильщиков, пока в 1719 г. все красильное производство не было поручено одному мастеру — Христофору Михальсу (Михельсону).

Число учеников у Михальса колебалось от 3 до 6 человек. К 1725 г. в штате „красильного дела" числилось, кроме мастера, один подмастерье — Петр Бенсон (с жалованьем по 5 рублей в месяц) и три ученика (с оплатой от 1 руб. 75 коп. до 3 рублей в месяц). Правительство принимало меры к повышению красильного искусства и квалификации соответствующих мастеров. Так, против фамилии подмастерья П. Бенсона помечено: „Ныне посылаетца для науки в Италию".[2]

Оборудование красильни было, повидимому, довольно примитивным. Принимая должность, мастер Михальс „принял с роспискою" „котлы и протчие к красильному делу инструменты и тчан дубовый с краскою", — вот и все.

---

[1] Фонд Мануфактур-конторы, св. 49/118, кн. 7, л. 52.

[2] Там же, л. 565 об.

Помимо квалифицированной силы (мастер и ученики), красильня обслуживалась и чернорабочими. Сохранилась любопытная челобитная „Шпалерной мануфактуры красильного дела дроворуба" Филата Кадышева. Кадышев жалуется, что получает всего по 1 руб. 30 коп. в месяц, „а работа весьма не склонна... и того жалованья не токмо что на одежду и обувь употребить, но и пропитание с немалым недостатком имеет, и всегда... бывает в мокроте и при огне, и от того весьма платье и обувь носится необычайно". Главный интерес этой челобитной в ее заключительной части. Кадышев продолжает: „А ныне возымел охоту, что-б быть и обучатся красильному делу, понеже хотя при рубке дров и при носке воды пребываю, однакож, смотря на протчих, прилежно обучаюся как красильному и пресованью, так и катанью коломинок, о чем и мастер красильного (дела) весьма известен..." [1] Просьба Кадышева была удовлетворена, и мы действительно встречаем его через несколько лет в качестве одного из способнейших учеников красильного дела.

Условия работы „красильных" учеников были вообще более тяжелые, чем учеников „шпалерного дела", а между тем, жалованья они получали значительно меньше. Мы имеем, например, такое коллективное „челобитье" красильных учеников: „Жалованья определено давать одному Лазореву по 3 руб., а другим всем равно по рублю по 75 коп. человеку на месяц; и оным... определенным жалованьем питаются они с великою нуждою, понеже, будучи у того дела, обуфь и платье близ жару и отношения воды против других шпалерных носитца и деретца вдвое, а шпалерным... ученикам прибавка жалованья учинена, а нам еще не определено". [2]

Так, постепенно преодолевая разнообразные трудности, росли на Петербургской Шпалерной мануфактуре собственные кадры русских мастеров — красильщиков и ткачей. Ткачи проходили школу обучения, начиная с тканья простейших сюжетов и постепенно переходя к более сложным. Сначала их обучали правильно поставить стан и натянуть основу, затем — тканью „трав и цветов" и „прибирать" к ним „колер к колеру". Следующей стадией искусства являлось уменье выткать изображение птиц, животных и целых „ленчафтов" (т. е. ландшафтов). Наконец, переходили к „фигурам и одеяниям". Наиболее трудным было тканье нагих человеческих тел, так называемых „карнаций" (от французского слова cornation). Этого искусства в петровское время не достиг еще ни один русский ученик. Очень может быть, что причиной сравни-

[1] Фонд Мануфактур-конторы, св. 49/119, л. 456 об.

[2] Там же, св. 50/119, кн. 1, л. 484—484 об.

тельно медленного освоения учениками всех тонкостей тканья гобеленов являлись мастера-французы, не торопившиеся передавать свои знания русским ученикам. Что мастер Камус явно саботировал обучение своих учеников, несомненно. Но Камус был уволен, и обучение перешло к мастеру Бегаглю. При нем это дело значительно улучшилось, но все же и Бегагль избегал доводить обучение своих учеников до полного освоения ими всех тонкостей профессии мастера-гобеленщика. По крайней мере, об этом на специальном опросе, имевшем место в начале 1726 г., говорят все ученики. Например, ученики Трофим Буйнаков и Михайло Ахманов заявили, что „нынешняя ... их работа при прежнем (т. е. против прежнего) гораздо превосходительнея, для того, что некоторые колеры могут они и собою (т. е. самостоятельно) прибирать, а могли б и в суптельных колерах иметь познанье, только ... до того не допускает их мастер неведомо для чего".[1] Наиболее, повидимому, способный ученик Иван Кобыляков показал, что „в прошлом 724-м году, в феврале месяце, зачал он делать с картины шпалеру, на которой изображено Купидон с крылами во одеянии красном, в руке держит стрелы и важные штуки. Оной шпалеры отделано болея половины, хотя мастер во оных штуках к лутчему ему и показывал, токмо малое число. Однакож перед прежним в науке познание имеет гораздо искусней, для того, что уже и колеры, нуансы и травы на цветы и на одеяние может все собою прибирать, чего и мастер ему не показывал, кроме карнацей, а и карнацеи некоторою часть колеров прибирать собою может-же. А ежели-б мастер безскрытно в толикое время учения ево показал, то-б мог и оное познать в совершенстве".[2] На этих наглядных примерах мы видим, с какими трудностями приходилось на каждом, даже мелком, шагу сталкиваться Петру почти во всех его начинаниях. Приглашая мастеров-гобеленщиков из Парижа в Петербург, Петр, несомненно, прежде всего преследовал цель насаждения этого нового вида искусства в России. Об этом прямо свидетельствует сентенция Берг-коллегии, осуждающая иностранных мастеров в плохом обучении русских учеников: „Его императорского величества высоким намерением оные мастеры призваны не для того, чтобы шпалеры их работы были потребны, но паче для вкоренения того их художества".[3]

До какой степени медленно подвигалось обучение русских учеников, явствует хотя бы из того, что способнейший из них, уже не раз упоминавшийся Иван Кобыляков, только в 1731 г., т. е. лишь после 12 лет

---

[1] Фонд Мануфактур-конторы, св. 50/119, л. 456 об.

[2] Там же, л. 457.

[3] Там же, св. 49/118, кн. 7, л. 31 об.

ученичества, подал в Мануфактур-коллегию прошение о переводе его из учеников в подмастерья.

Как бы то ни было, медленно, с заминками и перебоями, но Шпалерная мануфактура в Петербурге росла, росли и русские кадры мастеров. Еще в петровское время продукция мануфактуры выразилась, по крайней мере, в четырех больших гобеленах: „Полтавская баталия", „Турецкая баталия с цесарцами", „Шпалера всяких скотов" и „Вирсавия". Кроме того, было выткано около 15 более мелких гобеленов, предназначавшихся, главным образом, для Петергофского дворца, и множество мелких „стуловых" шпалер, „ширм", „настольный ковер" и т. п.

Кроме Шпалерной мануфактуры, на территории Екатерингофа были расположены и другие дворцовые предприятия, а именно, коломенковая и полотняная фабрики, завод для выделки пудры, плетеночная фабрика и две ветряные мельницы: одна крупяная, другая масляная. Из этих предприятий наиболее крупным была полотняная фабрика. Точное время ее основания неизвестно, но, во всяком случае, она существовала уже в 1720 г. В 1722 г., наряду с целым рядом других дворцовых предприятий, она была передана из Кабинета в „диспозицию" Мануфактур-коллегии. Фактически с 1722—1723 гг. дворцовые фабрики утратили свою специфику и превратились в казенные предприятия, работающие не только на „дворец", но и на общий рынок.

По ведомости от 11 марта 1724 г., на Екатерингофской полотняной фабрике числилось 5 мастеров, 4 подмастерья и 130 рабочих разных специальностей, в том числе ткачи, шпульники, бобинщики, прядильщицы и др. Среди прядильщиц было 57 „вольных прялей" и 10 „невольниц". На фабрике было оборудовано 46 станов, из них полотняных — 38, скатертных — 1 и тиковых — 7. Фабрика все время работала в убыток, и в 1727 г. было решено передать ее, со всем оборудованием и рабочими, в эксплоатацию желающим частным предпринимателям, а в случае отсутствия таковых — полностью ликвидировать".[1]

Коломенковая фабрика, основанная на средства Кабинета около 1718 г., была вдвое меньших размеров, чем полотняная. По данным официальной ведомости 1727 г., „при ней обреталось: коломенковый мастер да мастерица — иноземцы, жалованье обоим 360 руб. в год; подмастерье — 1, учеников — 65, итого 66 человек; жалованья всем 671 руб. в год, да задельные деньги с аршина". Фабрика эта выделывала „шерстяные парчи" и работала также в убыток. В 1723 г. она была передана в ведение Мануфактур-коллегии. Комиссия о коммерции,

---

[1] Ленинградский исторический архив ГАУ МВД, фонд Комиссии о коммерции, св. 59/501, д. № 1009, лл. 42—55 об.; ПСЗ, т. VII, № 5168.

рассматривая в 1727 г. представленные ей ведомости о промышленных предприятиях, писала: „Усмотрела, между прочим, одну в Санктпетербурге коломенковую фабрику, которая казенными деньгами содержится и не малый от нее убыток казне происходит". Не спасла фабрику и работа на рынок. Себестоимость аршина „шерстяных парчей" обходилась в 56 копеек, а продавать удавалось лишь по 30, по 20 и по 16 копеек аршин, да и то с великим трудом. К 1727 г. на фабрике скопилось свыше 11 000 аршин готовой продукции, „которых и по означенной цене никто не покупает, и лежат оные праздно". Комиссия о коммерции вынесла в 1727 г. об этой фабрике то же решение, что и о полотняной, т. е. поставила вопрос или о передаче ее в частные руки, или о полной ликвидации.[1]

Завод по выделке крахмала и пудры, носивший официальное название „Крухмальный (иногда же „Трухмэнной") и пудренной мануфактуры", был основан в 1720 г. при Екатерингофской полотняной фабрике и содержался „кабинетным коштом" до 1722 г., когда был передан в ведение Мануфактур-конторы. На заводе этом было всего 6 рабочих: 1 русский „крухмальный мастер" и 5 работников. Завод вырабатывал до 300 пудов пудры в год, причем, как выяснилось, ее почти никто не покупал. К 1723 г. накопилось свыше 600 пудов готовой продукции. Была сделана попытка распродать ее за границей. Пудра была отправлена в Стокгольм, но и там не нашла себе сбыта, пришлось везти ее обратно. Ликвидация этого завода как дворцово-казенного предприятия произошла раньше, чем других аналогичных предприятий. В ведомости 1727 г. читаем: „В 1724-м году, по указу Кабинета, отдана оная мануфактура безденежно в собственное содержание купецкому человеку Родиону Чиркину, с строением и с инструменты и с мастеровыми людьми, для произведения его коштом".[2]

Очень незначительные по размерам производства и числу рабочих плетеночная фабрика, а также крупяная и масляная мельницы работали все время в убыток и к 1727 г. были ликвидированы.

Таким образом, видим, что из числа сравнительно многочисленных дворцовых промышленных предприятий, основанных Петром, лишь Шпалерная мануфактура оказалась жизнеспособной и продолжала существовать еще долгие годы. Все остальные очень быстро ликвидиро-

---

[1] ЦГАДА, б. Государственный архив, разр. XIX, кн. 379. Ведомость Мануфактур-конторы о состоянии казенных и частных фабрик, 1727. В дальнейших ссылках название ведомости опускается; ПСЗ, т. VII, № 5120.

[2] ЦГАДА, б. Государственный архив, разр. XIX, кн. 379; А. С. Лаппо-Данилевский, Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия, СПб., 1899, стр. 39.

вались. Успешно развивались и процветали лишь те казенные петербургские предприятия, которые были связаны с производством на военно-морские нужды. Об этом ярко говорят приведенные выше описания Адмиралтейства и Арсенала.

Кроме дворцовых предприятий, по инициативе Петра было основано в Петербурге и его окрестностях еще несколько казенных фабрик и заводов, рассчитанных на производство предметов широкого потребления. Их судьба оказалась аналогичной судьбе предприятий дворцовых: очень быстро почти все они перешли в частные руки. Рассмотреть их будет поэтому удобнее не особо, а при обозрении заводов частных, к которому мы теперь и перейдем. Отметим кстати, что почти все петербургские частные промышленные предприятия находились не в единоличном владении того или иного лица, а принадлежали „компаниям", составлявшимся из нескольких предпринимателей, вкладывавших в дело свои капиталы, каждый в том размере, в каком он находил для себя возможным и выгодным.

Начнем с краткой истории казенного кожевенного завода.

Петр обращал особое внимание на кожевенное производство. До него в России юфть выделывалась с помощью дегтя, и обувь получалась очень низкого качества. Под угрозой самого жестокого наказания, вплоть до лишения всего имущества и ссылки на каторгу или в вечную работу на галеры, Петр запретил выделывать обувь старым способом и торговать такой обувью. Было приказано выделывать юфть по иностранному способу, применяя вместо дегтя ворванье сало. Очевидно, как образцовый, Петр и основал в 1718 г. в Петербурге, на Выборгской стороне, в бывшем дворе А. В. Кикина, смежном с водочным заводом, казенный кожевенный завод.

На вновь оборудованном заводе работали 2 мастера-иноземца и 6 русских учеников. Оборудование завода — „чаны и инструменты" — было оценено в 620 рублей. Петр стремился обеспечить Петербург лучшими кожевенными мастерами-иностранцами. 10 октября 1719 г. он издает указ, согласно которому: „Кожевенных мастеров иноземцев, которые определены для произведения немецких кожевенных заводов в губернии и здесь при Санктпетербурге, апробовать (т. е. проверять) в Коллегии Берг-и Мануфактур... и которые из них явятся во своем художестве лучше, тех оставить двух или трех человек на здешних заводах, а прочих, по прежнему указу, отправить в губернии немедленно".[1]

---

[1] ЦГАДА, б. Государственный архив, разр. XIX, кн. 379; ПСЗ, т. V, № 3429.

Однако петербургский казенный кожевенный завод в качестве казенного предприятия просуществовал очень недолго: уже в 1720 г. он был передан частной компании во главе с Ильей Исаевым. Известный купец Илья Исаев занимал в Петербурге должность президента Главного магистрата, и потому неудивительно, что ему удалось добиться для возглавляемой им компании особых преимуществ. Компании был безвозмездно передан бывший Кикинский двор со всеми жилыми и заводскими постройками и с оборудованием, а кроме того, была выдана из казны ссуда в размере 5 000 рублей, сроком на 5 лет.[1]

Кроме кожевенного завода Ильи Исаева с товарищами, в конце 1724 г. в Петербурге начал строиться завод „лосиных и козлиных и оленьих кож", основанный иноземцем Крестьяном Лоренцом. На заведение этого завода Лоренцу была выдана из казны ссуда в размере 100 рублей, сроком на 3 года. Работать начал завод уже с 1725 г.[2]

Рассмотрим теперь историю возникновения в Петербурге сахарного завода. В 1718 г. московскому купцу Павлу Вестову было предложено правительством завести в Москве на „компанейских" началах сахарный завод. Вестов с компаньоном своим Еремеем Кизелем предпочел строить сахарный завод не в Москве, а в Петербурге, очевидно потому, что сырьем для выварки сахара являлся тогда так называемый „сахар-сырец" (масса из тростникового сахара), привозить который необходимо было из-за границы, и доставка его морским путем прямо в Петербург удешевляла бы стоимость производства. Вестову удалось получить для постройки завода удобное место на Выборгской стороне, на берегу нынешней Большой Невки, вблизи казенных пеньковых амбаров, где была оборудована казенная пристань для причала иностранных кораблей, что было очень важно для будущего завода, который должен был работать на импортном сырье. К 1720 г. постройка была закончена, и с 14 июня 1720 г. завод начал работу. С некоторым опозданием, 29 ноября 1720 г., Вестов получил от Берг-коллегии, в ведении которой завод его тогда находился (в 1723 г. перешел в ведение Мануфактур-коллегии), грамоту, уполномочивающую компаньонов выписать из-за границы мастеров-специалистов по выварке сахара, а также набрать русских учеников — „свободных, а не крепостных и не беглых солдат и матросов", по вольному найму. Набранные ученики закреплялись за заводом Вестова на 7 лет, по истечении которых заводовладелец обязан был, в случае желания того или иного ученика уйти с завода, выдавать ему „отпускные письма".

---

[1] ЦГАДА, б. Государственный архив, разр. XIX, кн. 379. Ленинградский исторический архив, фонд Мануфактур-конторы, св. 1, кн. 66, лл. 497—498.

[2] Фонд Мануфактур-конторы, св. 1, кн. 66, л. 498.

В течение этих 7 лет заводовладелец обязывался обучать всех русских учеников искусству сахароварения „бесскорыстно", т. е. не утаивая никаких секретов производства. На три года завод Вестова освобождался от уплаты пошлин как с привозимого из-за границы для переработки сахара-сырца, так и с продажи готовой продукции завода. В ограждение от конкуренции, правительство одновременно обещало Вестову запретить ввоз в Россию готового сахара из-за границы с того времени, „как завод умножится", но вместе с тем компаньонам было вменено в обязанность выделывать сахар по качеству не хуже заграничного и продавать его по ценам не только не выше прежней рыночной цены, „но еще с некоторою и уступкою, понеже в работниках и в протчем в России дешевле заморского".

В 1721 г. завод Вестова был почти полностью разрушен наводнением; при этом погибла также значительная часть готового, уже выделанного на заводе сахара — до 2000 пудов. Это стихийное бедствие привело владельцев завода, по их выражению, „во всеконечное разорение", и они были вынуждены принять в дело еще двух „компанейщиков": Андрея Ачкина и Роберта Нетельтона, вложивших в компанию значительные капиталы. Компания начала стройку нового завода. Из поданной Вестовым и К° в Мануфактур-коллегию 7 декабря 1722 г. ведомости о состоянии завода узнаем, что к тому времени компания израсходовала на постройку нового завода 4000 рублей, но завод этот все еще был „не в отделке".

Из этой же ведомости узнаем многие подробности, касающиеся оборудования завода и его продукции. На заводе имелось 20000 „глиняных немецких форм" и 20000 глиняных же „немецких" горшков, „во что сахар льют", „да 60 инструментов, а имянно, лошки, лопатки, печи железные, глина заморская и протчее"; далее перечисляются 12 больших и 35 малых медных котлов, „в которых варят леденец-сахар". Весь этот инвентарь оценивался компаньонами в 3730 рублей. Завод работал по преимуществу на каменном английском угле. В 1722 г. компания закупила за границей еще 40000 форм и горшков, которые должны были прибыть в Петербург „с первыми кораблями" навигации 1723 г.

Личный персонал завода был весьма невелик. В 1722 г. он состоял из 2 мастеров-иностранцев, 4 подмастерьев-иностранцев и 8 русских вольнонаемных „работных людей", получавших плату по 36 рублей в год. Сырье для завода привозилось морем из-за границы. В 1719 и 1720 гг. было привезено 1790 пудов сахара-сырца, в 1721 г. — 2119 пудов, в 1722 г. было выписано уже 5811 пудов. Сахар выделывался разных сортов; наиболее ходкими сортами оказались

„рафинад" и „милис", на изготовлении которых и специализировался завод Вестова и К°. Производство зависело от рынка. В 1725 г. заводовладельцы указывали, что завод может давать до 7000 пудов сахара в год, но фактически вываривалось всего лишь по 600 пудов в год, так как оставался нераспроданным сахар, выделанный ранее.[1]

Кроме сахарного завода, тот же Павел Вестов устроил на смежной территории еще и канатный завод. Он испрашивал для него в 1720 г. те же льготы и привилегии, какие были предоставлены сахарному заводу, мотивируя тем, что „те заводы при соглашении быть могут равны, понеже тем канатам отпуск будет во Францию и Гишпанию и в протчие иностранные государства и на мену сахару сырца, от чего будет его царского величества интересу и всему российскому народу не малая прибыль, а мануфактурам распространение".[2]

Еще один канатный завод в Петербурге был заведен иностранцем Гиле Эвенсом. Об этом заводе из ведомости 1727 г. узнаем следующее: „Зачат в 722 году по прошению его и по определению Мануфактур-коллегии собственным его коштом. По ведомости его делаются те канаты ис пеньки разных сортов и продаются в Санктпитербурге и отпускаются за море. При том обретается мастеровых людей 7 человек. В год зделать может до 6 000 пуд по цене на 7000 рублей".[3]

Интересной по составу основателей представляется „штофных и прочих шолковых парчей мануфактура", заведенная в 1717 г. одновременно в Москве и Петербурге. Основателями ее являлись объединившиеся в компанию три представителя высшей знати и бюрократии Петербурга. Это были президент Адмиралтейств-коллегии граф Федор Матвеевич Апраксин, президент Коммерц-коллегии граф Петр Андреевич Толстой и вице-президент Коллегии иностранных дел, подканцлер барон Петр Павлович Шафиров. Само собою разумеется, что столь влиятельный состав основателей рассматриваемой мануфактуры сумел добиться от казны особых для нее льгот и преимуществ. Компании были пожалованы казной для устройства фабричных помещений дома в Петербурге и в Москве. В частности, в Петербурге компаньоны получили каменный дом генерал-фельдмаршала кн. М. М. Голицына. Вместе с тем, компаньонам, или „интересентам", как они тогда назывались, удалось получить от казны огромное денежное пособие в размере 36 672 рублей (правда, что сами „интересенты" вложили в дело собственный капитал в 57 837 рублей). Кроме всего этого, „интересенты", в целях обеспечения сбыта

[1] Фонд Мануфактур-конторы, св. 47/116, кн. 2, лл. 60—65 об., 132—133.
[2] Там же, 1720, № 48/117, лл. 17—18.
[3] ЦГАДА, б. Государственный архив, разр. XIX, кн. 379.

будущей продукции своей мануфактуры, добились получения от правительства полной монополии в производстве шелковых материй, бархата, парчи и штофов, запрещения ввозить таковые материи из-за границы и беспошлинной продажи внутри России изделий мануфактуры. „Интересенты" сразу же пригласили к себе на службу в качестве специалистов 11 дорогооплачиваемых мастеров-французов. Все это указывает на широкий размах новой мануфактуры. Однако основное предприятие с сотнями рабочих развернулось в Москве; в Петербурге же фактически оказался всего лишь весьма скромный филиал. Повидимому, сиятельные „интересенты" не сумели повести дело с коммерческим расчетом и уже в 1721 г. приняли в свою компанию простых московских купцов, а именно Матвея Евреинова „с товарищами", всего 8 человек. Очень скоро эта профессиональная купеческая часть компании стала подлинным хозяином дела, и в 1724 г. титулованные „интересенты" вовсе вышли из компании, забрав обратно свои капиталы. От этого времени мы имеем точные сведения о петербургском отделении рассматриваемой мануфактуры. На нем было оборудовано 19 станов, на которых было занято всего 26 „мастеровых людей". Таким образом, и эта петербургская мануфактура была очень небольшой. Она продолжала оставаться в нераздельном владении московской купеческой компании во главе с Матвеем Евреиновым.[1]

В заключение обзора промышленных предприятий петровского Петербурга, остановимся на предприятиях, изготовлявших строительные материалы. Главным из этих материалов являлся кирпич, так как Петр требовал, чтобы новый город обстраивался каменными, а не деревянными домами. Отсюда заботы Петра об устройстве кругом Петербурга кирпичных заводов. Все губернии по особой разверстке были обязаны выделить и прислать в Петербург специальные крупные денежные суммы для оборудования петербургских кирпичных заводов. В 1713 г. таких сумм было собрано с губерний свыше 50 000 рублей.[2] Но, кроме денег, требовалась также квалифицированная рабочая сила. Каменщиков в Петербурге нехватало, и вот Петр, со свойственной ему решительностью, издает в 1714 г. указ о сосредоточении в Петербурге каменщиков (кирпичников) со всей страны. Указ гласил: „Понеже здесь (т.е. в Петербурге) каменное строение зело медленно строится от того, что каменщиков для того дела трудно и за довольную цену (достать), того ради запрещается во всем государстве на несколько лет (пока здесь удоволь-

---

[1] ЦГАДА, б. Государственный архив, разр. XIX, кн. 379.

[2] Д. Девятисильная, Фабрики и заводы в царствование императора Петра Великого, сборник „Minerva", вып. VII, Киев, 1918, стр. 57—60.

ствуются строения) всякое каменное строение, какого-б имяни ни было, под разорением (т. е. под угрозой разорения) всего имения и ссылкою".[1] Но и этот указ не помог, — кирпичников нехватало. Пришлось прибегнуть к известному уже нам (см. рассмотрение вопроса об обеспечении Адмиралтейства плотниками) способу принудительного сгона рабочих, в данном случае кирпичников, из разных губерний. Кирпичные заводы вокруг Петербурга были, главным образом, казенными. Почти каждое ведомство, производившие какие-либо постройки, обзаводилось своими кирпичными заводами.[2]

Среди архивных материалов сохранилось письмо заведующего адмиралтейским кирпичным и черепичным заводом в Стрельне кн. Юрия Щербатого от 28 июня 1713 г., адресованное стоявшему во главе Адмиралтейства графу Ф. М. Апраксину.

Письмо это дает яркое и разностороннее представление о рабочей силе и о ходе работ в первый год существования названного завода. Написано оно столь красочным языком, что начало его мы решаемся привести полностью:

„Милостивый мой государь батька, Феодор Матвеевич. Доношу милости твоей: к нам на заводы по нижеозначенное число присланы из Адмиралтейства работные люди 530 человек, а люди, государь, зело худы и бегут. И в том числе присланы и названы кирпичниками Архангелогороцкой и Воронежской губерней 82 человека, а прямых кирпичников, вологоцких каменщиков, прислано 10 человек, они и кирпич делают и печи кладут; да воронежских 5 человек, а протчие, которые названы кирпичниками, никоторой в руки взять не умеет, всех (их) учат. Я было велел принудить, чтоб делали по 300 кирпичей на день, и неумеющих кирпичников побежало 19 человек; и я, государь, приказал учить посошен (т. е. принудительно мобилизованных „по сохам" крестьян), и посошен побежало по се число 80 человек. А на заводах у нас сделано черепицы кривой 90 000, да прямой нового манеру 10 000. Галанцом зделана печь (т. е. печь для работы по голландскому способу), и обжигают черепицу; да у кафельного мастера, который учит делать черепицу, зделан сарай в 50 сажен, да печь на черепицу и над нею сарай; и всего сделано черепичных 3 печи и над ними сарай, да в старых сараях зделано кирпичных 3-ж печи, итого черепичных и кирпичных 6 печей; а вновь делают, только, государь, медленно. Каторжных каменщиков прислано из Адмиралтейства 7 человек, и ис того числа бежал один человек, да 3 человека свободных каменщиков, и делают зело медленно,

[1] ПСЗ, т. V, № 2848.

[2] П. Столпянский, Из истории производства в С.-Петербурге за 18-й век, — в сборнике „Архив истории труда в России", кн. 2, Птгр., 1921, стр. 88.

а время уже проходит, а мне, государь, поспешить некем. Также и кирпичное дело зело медленно делаетца, для того, что мастеров добрых нет; а кирпичю, государь, зделано 220 000, и ис того числа делают обжигательные печи".

Далее Щербатов в своем письме сообщает, что разные влиятельные лица обращаются к нему с просьбами продать им черепицу, но что он не смеет этого делать без соответствующего разрешения, что он установил цену на черепицу по 5 рублей за тысячу, что себестоимость черепицы для завода составляет 4 рубля за тысячу, но тут же добавляет, что эта себестоимость может сохраниться, „ежели работными людьми делать, которые ныне работают, потому что ныне им жалованье идет меньши рубля... а ежели наймом делать и работнику дать по 3 рубля человеку, и, я чаю, тысяча у нас станет больше 5-ти рублев..."

Заканчивает Щербатов свое письмо просьбой разрешить ему взять с завода лично для себя некоторое количество черепицы, по заводской себестоимости, для покрытия крыш собственных „хором", потому что нигде в городе он черепицы достать не может, а между тем его самого „дождь из хором выгнал".[1]

Несмотря на неоднократные запрещения Петра строить в Петербурге деревянные дома, деревянное строительство все же там процветало. Строительный лес требовался, впрочем, и для каменных построек. Отсюда естественно, что, кроме кирпичных заводов, вокруг Петербурга, да и в пределах его, были оборудованы многочисленные пильные мельницы — ветряные и водяные. Об адмиралтейских пильных мельницах и о пильной мельнице при Охтенских пороховых заводах мы уже говорили выше. Около 10 ветряных пильных мельниц стояло на берегу Невы, на Васильевском острове, на месте Академии Наук. В 1718 г., когда понадобилось очистить это место для постройки здания Академии, мельницы эти были перенесены в разные места. Несколько из них, принадлежавших казне, было перенесено на Охту, несколько же мельниц, принадлежавших А. Д. Меншикову, было перенесено частью на Крестовский остров, частью на речку Славянку.[2] Точно установить количество пильных мельниц, действовавших в петровском Петербурге, не удается, но несомненно, что их было по крайней мере до двух десятков.[3]

---

[1] ЦГАВМФ, фонд графа Апраксина, № 65/342, л. 104.

[2] А. Богданов и В. Рубан, назв. соч., стр. 134.

[3] А. Богданов и В. Рубан, назв. соч., стр. 134; Д. Девятисильная, назв. соч., стр. 53.

Подводя итоги всему сказанному выше, нельзя будет не признать, что большинство промышленных предприятий петровского Петербурга, хотя и носивших громкие названия „фабрик", „мануфактур" и „заводов", таковыми могли быть названы лишь очень условно. На большинстве из них, как мы видели выше, количество рабочих было крайне незначительным, и разделение труда, за некоторыми исключениями, носило самый примитивный характер. В сущности, многие из этих предприятий являлись не „мануфактурами", а простыми ремесленными мастерскими. Кроме того, нельзя не заметить, что и по видам своего производства они были крайне ограничены. Широкий городской рынок, широкий потребитель отнюдь не могли бы удовлетворить и минимальную часть своих потребностей продукцией петербургских „мануфактур".

Как же, однако, удовлетворялись потребности этого потребителя, этих десятков, если не сотен тысяч городских жителей, начиная от „низших" классов общества и до „высших"? Совершенно несомненно, что потребности удовлетворялись промышленными изделиями многочисленных петербургских ремесленников.[1] Что таких ремесленников было действительно много, явствует хотя бы из следующего факта. Когда Петр в 1722 г. решил ввести в Петербурге цеховую организацию ремесленников, то ему сразу же пришлось наметить 44 различных цеха. Здесь мы встретим и портных, и сапожников, и шапочников, и рукавичников, и пуговичников, и слесарей, и столяров, и каретников, и маляров, и т. д., и т. п.[2]

Но, несмотря на это преобладание ремесла над мануфактурой, петровский Петербург, с его мощными по тому времени корабельными верфями и Арсеналом, с непрестанно развивающимся военным и торговым портом, с его теснейшими торговыми связями с Западной Европой и с обилием проживавших в нем иностранцев, переставал быть феодальным русским городом старого типа и начинал мало-помалу приобретать характер нового европейского города-порта.

---

[1] Термин „ремесленник" мы употребляем здесь в широком смысле слова, т. е. в смысле мелкого производителя, работающего не только на заказ, но и на рынок, и являющегося, таким образом, мелким товарным производителем.

[2] А. Богданов и В. Рубан, назв. соч., стр. 480—485.

А. И. АНДРЕЕВ

ОСНОВАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК В ПЕТЕРБУРГЕ

I

Академия как училище была известна в Москве уже в XVII в. Кроме Киева, такая академия с середины 80-х годов XVII в. усилиями братьев Лихудов стала создаваться также в Москве; она получила вскоре наименование Славяно-греко-латинской академии.

В те годы академия была хорошо известна также в значении университета: будущий первый русский доктор П. В. Постников был отправлен, например, весной 1692 г. „в Венецию, для совершения свободных наук, в Потавинскую [Потавскую] академию“, [1] под которой разумели Падуанский университет, где учились до него ученые греки братья Лихуды, главные учителя Славяно-греко-латинской академии.

С представлениями об академии как о высшем учебном заведении отправились в 1697 г. за границу царь Петр и его спутники. Среди учреждений, с которыми они там знакомились, были и академии, под которыми разумелись в Англии, например, Оксфордский и Кембриджский университеты: русские путешественники не смешивали их с научными учреждениями или обществами — „социететами“, какими было там же Королевское общество, которому было уделено также большое внимание. Интерес к английским академиям-университетам и колледжам не удалось удовлетворить в полной мере в месяцы пребывания Петра в Англии

[1] Д. В. Цветаев, Медики в Московской России и первый русский доктор, Варшава, 1896, стр. 23—24, 54.

(январь—апрель 1698 г.), и после отъезда Петра доктор П. В. Постников был оставлен „на невеликое время" в Лондоне для осматривания академий, для чего ему было выдано на жизнь 30 фунтов. Академии как училища высшие или училища повышенного типа уже в это время интересовали Петра, и, удовлетворяя этот государев интерес, Постников тратил большие средства на покупку, между прочим, книг, которые могли бы пригодиться для будущих русских академий: 17 апреля 1698 г. ему было выдано в возврат произведенных им расходов „за анатомическую книгу, что куплено по указу в Лондоне, 7 фунтов... да на другую книгу, в которой роспись книгохранительницы аксонской,[1] ...два фунта".

По возвращении из-за границы мысль об академии была высказана Петром в его известной беседе с патриархом Адрианом о необходимости распространения в России знаний.[2]

Но в первые годы XVIII в. Петр, занятый войной, конечно, мог думать только об удовлетворении наиболее острых нужд в области народного образования — о создании прежде всего „нижних школ", а интересы науки понимались им чаще всего только в плане удовлетворения насущных потребностей эпохи.

Но все же и в эти годы царь проявлял интерес к тем темам из области просвещения и науки, которые ставили перед ним такие ученые, как Лейбниц. Историки посвятили много внимания сношениям Лейбница с царем, подробно и много раз излагали многочисленные проекты, посвященные распространению просвещения и наук, которые получал царь с конца XVII в., с 1697 г., и особенно во время их свиданий в Торгау (1711), Карлсбаде и Дрездене (1712), и, наконец, в последнее в Пирмонте (1716). В записках и беседах Лейбница тема об академиях занимала видное место; о них уже говорится в наиболее ранней из записок Лейбница, относящейся к 1697 г.; перед русским правительством, по мнению философа, стояли задачи: „образовать общее учреждение для наук и искусств", „привлечь способных к тому иностранцев", „выписать из-за границы разные вещи, достойные внимания", как то: книги и наставления относительно разного рода материй, всякие куриозитеты и редкости: модели, изобретения, приборы и т. п., а также художественные произведения: статуи, картины, медали, разные древности и т. п.; для этих целей устроить библиотеки, книжные лавки, типографии, „кабинеты" куриозитетов и редкостей, а также музеи, ботанические и зоологические сады; „помимо побуждения подданных путешествовать по чужим краям, образовывать

[1] Аксонской, т. е. Оксонской, или Оксфордской. Петр посетил Оксфордский университет 8 и 9 апреля 1698 г. и очень внимательно знакомился с его богатым собранием рукописей и книг (Бодлеанской библиотекой).

[2] Н. Г. Устрялов, История императора Петра Великого, т. III, стр. 511—512.

народы у себя дома", т. е. основывать школы и академии наук и искусств, а также ремесл, причем обучать будущих ученых математике, языкам (в особенности латинскому) и истории; „сделать точное описание страны для того, чтобы узнать ее нужды", т. е. сделать карты, изучить языки нравы и обычаи населения и его занятия, наконец, „восполнить то, что не достает стране, например делать посевы хлебного и других растений, садить хорошие деревья, разыскивать руду, устраивать стеклянные и другие заводы, заставлять людей возделывать землю, заводить стада животных, устраивать каналы и предпринимать другие полезные работы".[1]

Такова была программа реформ, предложенная Лейбницем в различных его записках и во время бесед с Петром. Она росла постепенно и ко времени последнего свидания с царем и кончины философа представляла большой список различных преобразований,[2] которые осуществить едва ли возможно было даже во много десятилетий, если бы Петр и занимался только ими.

Но как ни бесспорно некоторое влияние проектов Лейбница на деятельность Петра до 1716 г., все же не следует переоценивать это влияние. Совершенно справедливо указывал в свое время П. П. Пекарский, что „от Лейбница требовали проектов, спрашивали советов, он и писал, что для распространения света в отдаленной Московии необходимо делать магнитные наблюдения, собирать образцы языков, которыми говорят отдельные народы и т. п. Само собою разумеется, что для науки все это было полезно,"[3] но те или иные решения Петра складывались и под влиянием других факторов, иногда весьма разнообразных.

В ряду их указывают обычно на роль другой знаменитости того времени — Христиана Вольфа, профессора математики и естественных наук в Галльском, а позднее в Марбургском университете. Встречаются указания, что царь лично писал Вольфу по разным вопросам, относящимся к привлекавшим к себе внимание Петра открытиям, вроде волновавшего в те годы открытия Орфиреусом perpetuum mobile; письма эти, однако, не напечатаны, и не имеется указаний, что они где-либо хранятся; вероятнее всего, что с Вольфом переписывались лейб-медики царя Арескин (до 1719 г.) и Блюментрост, а также библиотекарь Шумахер. Письма

[1] Сборник мемуаров и писем Лейбница, стр. 14—19; А. С. Лаппо-Данилевский, Петр Великий, основатель Академии Наук в Петербурге, СПб., 1914, стр. 17—18.

[2] О них подробно в трудах В. И. Герье, посвященных Лейбницу и его отношениям к Петру. Следует заметить, однако, что полного перечня записок и проектов Лейбница, которые он адресовал Петру, до сих пор нет; в этом отношении фонды наших государственных архивов (в частности фонд „Кабинета Петра Великого") еще не изучены до конца.

[3] П. П. Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, СПб., 1862, стр. 33.

Арескина не напечатаны, а письма Блюментроста сохранились от первых месяцев 1719 г. Письма же самого Вольфа к Блюментросту известны только с начала 1720 г.,[1] и одним из первых среди них является письмо его от 11 января 1721 г.; в нем он сообщает о получении за несколько недель до того письма царя, где тот извещал Вольфа о принятом решении создать в Петербурге академию по плану, который, несомненно, принадлежал самому Петру и его сотрудникам и в выработке которого Вольф не принимал участия; в него он позднее пытался (правда, безуспешно) внести некоторые поправки.

О просвещении и науке царь сносился не только с иностранцами, те же вопросы ставили перед ним и русские; проекты некоторых реформ Петр получал от них, повидимому, в большом количестве уже в первые годы XVIII в. Многие из них изучены покойным Н. П. Павловым-Сильванским в его хорошо известной книге „Проекты реформ в записках современников Петра Великого" (СПб., 1897). В них затрагиваются также вопросы о создании в России школ разных типов, и в ряду их — академий. На некоторых проектах имеются отметки Петра, и, кроме того, они получили практическое приложение в известных петровских указах. Такой характер имеет, например, одна из записок Ф. С. Салтыкова. Он советовал учредить в каждой губернии при монастырях академии и принимать туда дворянских и купеческих детей от 8 до 23 лет (всего он рассчитывал набрать до 18 тыс. студентов); Салтыков наметил и примерную программу учения; против некоторых его предложений стоят крестики, сделанные рукою Петра. Проект Салтыкова вызвал в начале 1714 г. несколько указов: об учреждении при „знатных монастырях" и архиерейских домах школ для обучения детей дворян и приказных цыфири и геометрии и запрещении жениться без экзаменационного свидетельства. Один из историков, изучавший этот проект Салтыкова и проведение его в жизнь, правильно отметил, что он дает „несколько ярких доказательств... зависимости законодателя от окружающих его советников".[2]

В ряду подобных же проектов, в известной мере осуществленных, был также проект француза, барона Сент-Илера, который предлагал устроить у нас морское училище по образцу французских. Этот проект послужил одним из материалов при выработке положения 1 октября 1715 г. о Морской академии, которая явилась первой академией, основанной в Петербурге. Она была уже не простой первоначальной школой,

---

[1] Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719—1753. Ein Beitrag zur Geschichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg, St. Petersburg, 1860 (с вводной статьей и под редакцией А. А. Куника).

[2] П. Н. Милюков, Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого, 2-е изд., СПб., 1905, стр. 403—404.

какими являлись навигацкие школы, а настоящим военно-учебным заведением, хотя и не достигшим уровня средних учебных заведений.[1]

Царю подавались также проекты академий, где слушатели должны были получать высшее образование. Такой характер имел, например, проект об учреждении в России „Академии политики для пользы государственных канцелярий". Автором его был, повидимому, один из переводчиков Коллегии иностранных дел, славянин по происхождению, хорошо знавший положение западноевропейских университетов. Проект, был составлен после учреждения в Петербурге Морской академии. Автор, предлагая проект „академии", говорит, в сущности, об „университете", который должен быть создан по образцу западноевропейских, в частности тех, где руководящая роль принадлежит духовным лицам и особенно иезуитам. Никаких признаков влияния на петровское законодательство этого проекта, составленного поклонником иезуитского преподавания, не удалось найти, но он все же оказался в делопроизводстве одного из учреждений петровского времени.[2]

Некоторые другие проекты создания в России академий были вызваны начавшимися в 1715 г. работами по введению новых государственных учреждений — коллегий.

Заметка Петра 23 марта 1715 г. „О коллегиях к соображению"[3] несомненно вызвала записку о девяти коллегиях, их полезности для управления государством, с подробным планом создания „коллегиума наук" или „академии", под которой автор записки разумел учебное заведение; эту записку приписывали Лейбницу, но уже давно высказаны основательные сомнения в правильности этого соображения.[4] На тот же вопрос о коллегиях отвечала другая записка — о семи коллегиях, которая ставила, между прочим, вопрос о людях, необходимых для новых учреждений, и о подготовке юношества, предлагала „академии уставить, в которых юность не токмо всем разным языкам и экзерциям, но и всем протчим учениям, яко фортификации, архитектуре, навигации и тому подобным учениям, выучитца могут".[5]

[1] Ф. Веселаго, Очерк истории Морского кадетского корпуса, СПб., 1852, стр. 37—41. Новые материалы о создании Морской академии см. ЦГАДА, фонды б. Московского главного архива Министерства иностранных дел, „Дела, относящиеся до образования государственных учреждений", № 7.

[2] ЦГАДА, фонды б. Московского главного архива Министерства иностранных дел „Дела, относящиеся до образования государственных учреждений", № 8.

[3] Сенатский архив в Ленинграде, книги высочайших повелений, № 6, л. 302.

[4] ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, II, № 38, лл. 183—190 (напеч. в „Законодательных актах Петра I", М. — Л., 1945, стр. 269—271); А. С. Лаппо-Данилевский. Петр Великий — основатель Академии Наук в С. Петербурге, СПб., 1914, стр. 22—23.

[5] ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, II, № 90, лл. 456—463 (напеч. в „Законодательных актах Петра I", стр. 272—275).

Того же вопроса о подготовке людей для создаваемых вновь коллегий касался в одном из своих мемориалов 1718 г. Генрих Фик; он писал „о нетрудном обучении и воспитании российских младых детей, чтоб оных в малое время в такое совершенство поставить, дабы вашего величества все гражданские и воинские чины в коллегиях, губерниях, судех, канцеляриях, магистратах и протчая своими природными подданными наполнить...“

11 июня 1718 г. Петр против этого „пункта“ написал: „Зделать академию. А ныне приискать из русских, хто учен и к тому склонность имеет. Также начать переводить книги: юриспруденцию и протчии к тому. Сие учинить сего году начала“.[1]

Все отмеченные выше проекты, записки и т. п., конечно, в какой-то мере могли повлиять на решение Петра создать у нас Академию Наук такого типа, который был ясен для законодателя уже в 1720 г. Но корни проекта нашей академии 1724 г. следует искать также во Франции, во французских научных учреждениях, с которыми Петр и его ближайшие сотрудники по созданию Академии Наук в Петербурге довольно близко познакомились во время пребывания царя в Париже в 1717 г.

II

Не входя в подробности пребывания Петра во Франции, остановлюсь лишь на встречах Петра с французскими учеными. После подробного ознакомления с Парижем, его двором и развлечениями, Петр 4 июня посетил коллеж Мазарини, или коллеж четырех наций (Collége des quatre nations), где весьма подробно знакомился с постановкой преподавания в этой школе. После того он посетил и Сорбонну; там он встретился с астрономом Кассини и математиком геометром Вариньоном, с которыми долго беседовал. Сорбонские богословы вели с Петром беседу о соединении восточной и западной церквей; с согласия царя они представили о том записку, которая была передана на обсуждение русских епископов; последние составили свой ответ, вызвавший недовольство Петра; представленный затем новый ответ, более умеренного тона, был отослан в Париж 15 июля 1718 г.

17 июня 1717 г. произошла первая встреча царя с знаменитым географом Гильомом Делилем; долго беседуя с ним через переводчика о пространстве своих владений, царь показал ученому две рукописные карты части России, на одной из которых была изображена, между прочим, „Татария“

[1] Сенатский архив в Ленинграде, книги высоч. повелений, № 7, л. 335 (напеч. в Полн. Собр. Зак., VII, № 3208, а также в „Законодательных актах Петра I“, стр. 224).

(Сибирь), с недавно построенной там крепостью. В оживленной беседе были затронуты также вопросы картографии Азовского и Каспийского морей, о чем Делиль вспоминал в одной из своих работ, напечатанной в отчете Парижской академии за 1720 г.[1], дав здесь характеристику царя как ученого. Эта беседа несомненно оказала известное влияние на посылку уже в 1718 г. некоторых экспедиций, например экспедиции геодезистов Евреинова и Лужина; ей была поставлена задача, обсуждавшаяся с Делилем, — разрешить вопрос о том, „не соединилась ли Сибирь с Америкою". При обсуждении вопросов о северо-восточном проходе из Европы в Азию, о возможности плавания через Северный Ледовитый океан в Тихий, возник, несомненно, и проект о посылке экспедиции из устьев Оби на восток, о котором в одном из донесений 1720 г. рассказывает французский резидент в Петербурге Лави.[2]

О большом интересе Петра к географии хорошо известно, и именно на этой почве возникли у него близкие отношения с Г. Делилем и Парижской академией, в которой протекала работа Делиля.

В те же июньские дни 1717 г. произошла встреча с профессором анатомии Дювернуа, наставником бывшего потом при Петре лейб-медиком Лаврентия Блюментроста. В присутствии царя один из студентов Дювернуа искусно проделал глазную операцию, которая произвела большое впечатление на Петра.

18 июня царь присутствовал на чрезвычайном заседании Парижской академии наук, происходившем под председательством аббата Биньона. К прибытию царя была устроена специальная выставка новых изобретений в области опытных наук, а отдельные академики показывали Петру химические и иные опыты. По словам секретаря Академии Фонтенеля, царь просил академиков сидеть в его присутствии, на все обращал величайшее внимание и вообще остался чрезвычайно доволен Академией, но и сам произвел на академиков большое впечатление.[3]

Постоянным спутником царя в сношениях с учеными и академиками в Париже являлся его лейб-медик доктор Р. Арескин, шотландец по происхождению, покинувший свою родину и нашедший приют и службу в России; якобит по своим политическим симпатиям, Арескин вместе с другим шотландцем, правда, родившимся в России (куда еще при царе Алексее Михайловиче переехал его отец), Яковом Вилимовичем Брюсом весьма

[1] Histoire de l'Académie des Sciences. Année MDCCXX, pp. 181—182; ср. Пекарский, указ. соч., т. I, стр. 347.

[2] Об экспедициях 1718—1724 гг. см. в моей статье „Экспедиции на восток до Беринга в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII в. Труды Историко-архивного института, т. II.

[3] Пекарский, указ. соч., т. I, стр. 43—44

много содействовал установлению и развитию культурных и научных связей России с Францией и Англией, которые могут быть отмечены уже для этих лет петровской эпохи.

Петр вернулся в Петербург из заграничного путешествия 20 октября 1717 г., с ним возвратились и его спутники, в том числе доктор Арескин.

9 декабря 1717 г. французский резидент в Петербурге Лави сообщал в Париж, что он виделся с Арескиным, который получил от президента Парижской академии наук аббата Биньона письмо с предложением принять царя в члены Академии, на что Петр успел выразить свое „удовольствие".[1]

Письмо Биньона Арескину от 10 августа 1717 г. не напечатано, но, несомненно, отыщется во Франции или, может быть, в наших государственных архивах. Ответное письмо Арескина от 7 ноября 1717 г. было напечатано (вместе с некоторыми другими письмами, упоминаемыми ниже) еще в 1720 г.[2] Судя по началу этого письма, можно думать, что Арескин, кроме письма 10 августа, получил и второе письмо Биньона, в котором тот упрекал Арескина, что он долго не отвечал на поставленные в первом письме вопросы. Считая эти упреки, может быть, основательными, Арескин писал далее: „Его величество очень доволен тем, что ваше знаменитое общество собирается включить его в число своих членов и послать ему свои труды с 1699 г., получать которые имеют право только действительные члены Академии, и его величество надеется при случае отблагодарить Академию. Его величество совершенно разделяет ваше мнение о значении в науке не столько знатности, сколько гения, таланта и способности их использования. Точными исследованиями всякого рода и присылкой куриозитетов, находимых в государстве, и новыми открытиями, о которых он намерен сообщать вам, его величество надеется заслужить звание действительного члена вашего знаменитого собрания". Письмо заканчивалось выражением благодарности царя за прием, оказанный ему во время пребывания в Париже, и дружеских чувств царя к Биньону. О своих личных чувствах и благодарности Арескин писал в конце письма.

По получении этого письма Парижская академия наук 22 декабря 1717 г. единогласно и без баллотировки избрала Петра Великого своим членом hors de tout rang,[3] о чем президент Академии Биньон письмом

---

[1] Сборник Русского исторического общества, т. 34, СПб., 1881, стр. 268.

[2] Histoire de l'Académie royale des sciences. Année MDCCXX, pp. 125—132. Отрывок письма Арескина напечатан Пекарским, указ. соч., т. I, стр. 44.

[3] Подробности об избрании (между прочим, выписки из протоколов Парижской академии наук) собраны в брошюре князя Августина Голицына „Петр I член Парижской академии наук", Париж, 1859, 14 стр. (Она осталась мне пока недоступна.) На основа-

от 24 декабря 1717 г., а непременный секретарь Академии Фонтенель письмом от 13 января 1718 г. уведомляли Петра.[1]

Оба письма были получены своевременно. В донесении из Петербурга от 3 июня 1718 г. Лави сообщал, что „читал письма, написанные аббатом Биньоном и г. де Фонтенелем к его царскому величеству и к г. Арескину. Этот последний, повидимому, этим совершенно доволен и потому, надо полагать, что царь также доволен. Он говорил мне, что намеревается отправить в Академию шкуру зверя, пойманного в обширных владениях царя и похожего на мула; шкура эта полосатая, различных цветов, а каждая полоса одинаковой длины и ширины. Вместе с тем он посылает еще несколько любопытных предметов".[2]

Но несмотря на весьма дружественный и приятный для Петра тон писем Биньона и Фонтенеля ответа на них не последовало ни в 1718, ни в 1719 гг., что, видимо, и побудило Парижскую академию наук вновь напомнить Петру об его избрании в члены Академии. 27 декабря 1719 г. Фонтенель вновь писал Петру в самых изысканных выражениях о той чести, которую оказал царь Академии, дав согласие поместить его имя в начале списка академиков. По словам Фонтенеля, „имя царя всегда будет отмечать эпоху самой счастливой революции, которая могла произойти в его империи — установление в ней наук и искусств, и победа, которую одержал царь над невежеством, варварством, прежде господствовавшим в его землях, является самой блестящей и самой удивительной победой...". В том же стиле Фонтенель писал о превращении Петром его подданных в совершенно новых людей, более просвещенных, более счастливых и более достойных ему повиноваться. „Вы их покорили для науки, и эта победа будет полезна для них и принесет славу вам. Если выполнение этого намерения привлечет к себе восторги всего мира, то с какой радостью Академия присоединится к ним, между прочим, и потому, что ее не может не интересовать развитие наук и слава государя, так как она может гордиться тем, что часть этой славы принадлежит также и ей".

Причину долгого молчания царя можно искать, конечно, во внутрен-

---

нии французских материалов о том же избрании писал в 1865 г. в „Revue Contemporaine" Эдуард де Бартелеми; перевод его статьи в „Еженедельном приложении к Русскому инвалиду" за 1865 г., № 5; он перепечатан в статье М. Полуденского „Петр Великий в Париже" (с примеч. П. И. Бартенева), Русск. Архив, 1865, № 5—6, стр. 675—702.

[1] Н. Бантыш-Каменский, Обзор внешних сношений России, ч. 4, М., 1902, стр. 91—92; Пекарский, Указ. соч., т. I, стр. 529—530 (русский перевод писем Биньона и Фонтенеля). Перевод письма Фонтенеля был напечатан также в „Трудах и летописях Общества истории и древностей Российских", ч. 3, кн. II, М., 1827, стр. 161; французский текст тех же писем был напечатан в „Отечественных записках", ч. V, № 10, СПб., 1821, стр. 179—189.

[2] Сборник Русского исторического общества, т. 34, стр. 345.

них и отчасти внешних событиях 1718—1719 гг.: дело царевича Алексея, последовавшее за ним расследование преступлений таких лиц, как М. П. Гагарин и др., с одной стороны, и весьма холодные отношения, которые существовали в те же годы между Россией и Францией, с другой, в известной мере объясняют этот перерыв в сношениях Петра с Парижской академией наук. Но причина, кажется, все же не только в этих событиях.

В 1718—1720 гг. были начаты в России экспедиции (о них далее), результаты которых стали обнаруживаться только во второй половине 1720 г., что и позволило именно тогда поставить общий вопрос о создании научного центра, который руководил бы подобными предприятиями и разрабатывал бы их результаты, а вместе с тем удовлетворял бы и другие насущные научные потребности. Именно тогда появились объективные данные, которые позволили продолжить сношения с Парижской академией наук, но уже имея нечто такое, что могло представлять и для нее научный интерес и вызвать надлежащее отношение к стране, только что вступившей на научный путь под руководством Петра, достойного академика славной Парижской академии.

Второе письмо Фонтенеля[1] должно было дойти до царя еще в январе 1720 г., но и оно также не нарушило молчание царя... Кажется, только в последние месяцы 1720 г., когда Петр получил еще одно письмо из Парижской академии, именно письмо аббата Биньона,[2] доставленное ему А. К. Нартовым, проходившим в Париже курс математики, механики и различных ремесл: токарного, медалиерного и др., побудило Петра заняться вновь вопросом об Академии Наук и Художеств (ремесл) в России и вспомнить еще раз о своих обязанностях по отношению к той Академии, которая избрала его своим членом еще в конце 1717 года и которую при случае он обещал отблагодарить и показать себя ее достойным членом...

Вскоре по возвращении А. К. Нартова из Франции и получении письма Биньона, в котором последний вновь говорил о больших заслугах царя в области наук и „изрядных художеств", а также о том, что ученые люди Франции смотрят на царя „яко на свою главу", Петр, повидимому, впервые серьезно подошел к вопросу о создании Академии в Петербурге. Тогда-то был намечен план ее, о котором царь писал Х. Вольфу. Это письмо царя не сохранилось, повидимому, в подлиннике, но его не удалось найти и в копии или в черновике в Кабинете Петра Великого и дру-

[1] Это письмо было напечатано в „Histoire de l'Académie royale des sciences. Année MDCCXX", но в последующей русской переписке оно не упоминается.

[2] Русский перевод этого письма, сделанный 23 сентября 1720 г., в Кабинете Петра Великого, II, № 52, лл. 229—234; напечатан у Пекарского, указ. соч., т. I, стр. 530—532.

гих архивных фондах. О нем мы знаем только из письма Вольфа Блюментросту от 11 января 1721 г.[1]

В этом письме Вольф писал: „Seine Kayserliche Majestät haben vor sowohl eine Académie des Sciences, als auch eine andere dabei, wo Standes-Personen in tüchtigen Wissenschaften könnten informiret und dabei zugleich die Aufnahme der Künste und Handwerke besorget werde, und er hat mir einige Wochen eher, als ich Dero Brieff [т. е., письмо Блюментроста от 25 ноября 1720 г.—(Briefe von Christian Wolff, SS. 162—163)] erhalten, geschrieben, dass Sie dabei meiner wenigen Dienste verlangten. Ich habe mich aber zur Zeit noch in keiner Tractatum eingelassen, theils weil ich das Pro-Rectorat, welches ich führe, aushalten muss, theils weil erst künftigen Frühling die dazu nöthigsten Arbeiten sollen aufgeführet werden.

Письмо Вольфа было тогда же переведено на русский язык, и интересующее нас место в русском переводе читается так: „Его царское величество намерился как академию веществ, так и другую при оной, в которых чиновным людям в веществах, такожде и другим в художествах и рукоделиях обучатися. И о том за несколько недель прежде, как я вашу грамоту получил, ко мне писал, что при том моих личных служеб желают. А до сего времени я в никакие трактаты не вступал, потому что мне надлежит чин проректора, что я на себе имею, до конца году держать, и понеже строение ко оной академии надлежащее в будущем лету построять будут".[2]

Из этого письма ясно, что Вольфу был сообщен уже готовый проект новой академии, его приглашали принять участие в создании ее, но он откладывал свой ответ, между прочим, потому, что приведение проекта в исполнение предполагалось начать только в 1722 г., а потому Вольф мог не спешить со своим ответом. Как видно из последующих сношений с ним, Вольф рассчитывал на то, что самый проект еще удастся изменить (вместо академии создать только университет) и получить больший оклад за предлагаемую ему должность вице-президента. По поводу оклада с ним охотно вступили в переговоры, но и в 1722 г. продолжали подтверждать, что „его величество имеет высокое намерение создать социетет ученых людей в Петербурге, в котором художества и науки должны они прилежно разрабатывать", и что со временем будет несомненно создан также и университет, в котором Вольф может также взять на себя соответствующие должности, что доставит его величеству еще большее удовольствие; пока же ему продолжали предлагать должность вице-президента Академии с окладом в 2 400 р. (3 200 рейхсталеров) в год, причем

---

[1] Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719—1753, St.-Petersburg, 1860, SS. 2—4.
[2] Материалы для истории Академии Наук, т. I, СПб., 1885, стр. 5.

указывали, что его величество рассчитывает на то, что при больших знаниях и способностях Вольфа он возьмет на себя организацию и руководство Академией, а вместе с тем и прославит ее...[1]

Из приведенных данных видно, что первоначальный проект создания нашей академии возник без участия в его подготовке Вольфа; немецкого ученого познакомили с проектом, звали этого иностранца, как и во многих других случаях, проводить проект в жизнь, в ходе переговоров слушали его замечания, но оставались при том решении, которое было признано разумным и отвечающим интересам России.

Но если проект 1720 г., в основном, как увидим далее, оставшийся неизменным к 22 января 1724 г,. когда он вышел из Сената в качестве „генерального проекта об Академии наук", был создан Петром и его сотрудниками, то тем необходимее остановиться на истории его разработки.

III

24 января 1721 г. кабинет-секретарь А. В. Макаров отправил письмо канцлеру Г. И. Головкину, в котором изложил указ государя — „написать ответ в пристойных терминах на письма, писанные к его царскому величеству из Парижа, из Академии наук от аббата Биньона и от Фонтенеля, которые письма его величества сам подписать обещал". В конце письма Макаров сделал приписку: „И для того те письма при сем посылаютца. Во оном же ответе прикажите написать о посылке к ним карты Каспийского моря, которая при том же письме к ним посылаетца". При письме были присланы в подлиннике и в переводе упомянутые выше письма Биньона от 24 декабря 1717 г. и Фонтенеля от 13 января 1718 г. По миновании надобности подлинники были возвращены лейб-медику Л. Блюментросту, заменившему скончавшегося в январе 1719 г. Арескина. Перевод писем сохранился не только в деле Коллегии иностранных дел,[2] но и среди бумаг Кабинета Петра Великого,[3] с последнего текста письма напечатаны П. П. Пекарским.[4] Французский текст тех же писем был издан еще в 1821 г. П. П. Свиньиным, несомненно по копии из дела Коллегии иностранных дел.

11 февраля 1721 г. из Коллегии иностранных дел была отправлена в парижскую академию наук грамота, подписанная самим

[1] Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719—1753, SS. 162—163.

[2] ЦГАДА, фонды Московского главного архива Министерства иностранных дел, ф. 93. Сношения России с Францией за 1721 г., д. №18.

[3] Кабинет Петра Великого, II, № 39 (1718 г.), лл. 25, 27 и 28.

[4] П. Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 529—530.

Петром и скрепленная канцлером Г. И. Головкиным и подканцлером бароном П. П. Шафировым. Грамота была „запечатана государственною среднею печатью под кустодиею отверсто и писана она на таковом же почтовом листу, как сей. И отдана оная лейб-медику господину Лаврентию Блюментросту февраля 12-го дня 1721. А послана оная во Францию с помянутым библиотекариусом, имянем Шумахер, и приложена при том копия латинская, а на подписи по латыни написано: Королевской Французской славной наук академии".[1]

Текст грамоты, составленной в Коллегии, был исправлен Петром, первоначальная и окончательная редакции были сохранены в делах Кабинета Петра Великого и в деле Коллегии иностранных дел. В русских изданиях грамота печаталась дважды, к сожалению, во второй раз менее исправно, чем первый.[2]

В составленной в Коллегии иностранных дел грамоте Петр выражает удовольствие по поводу своего избрания в члены Академии и заверяет академиков, что ничего больше не желает, „как чтоб чрез прилежность, которую мы прилагать будем, науки в лучший цвет привесть, себя, яко достойного вашей компании члена, показать". Царь уведомляет, что он приказал своему первому лейб-медику Блюментросту сообщать Академии о новостях в России, достойных внимания Академии, и выражает надежду, что Академия также будет сообщать Блюментросту, „какие новые декуверты от Академии учинены будут". При письме посылалась новая карта Каспийского моря, причем было дано пояснение: „До сего времени не было еще никакой подлинной карты Каспийскому морю. Мы для того оное море чрез нарочно от нас туды отправленных искусных *морских* [слова подчеркнуты здесь и далее самим Петром. — *А. А.*] людей осмотреть и верную и акуратную карту *сделать* [велели]. [вм. зачеркнутых слов „чрез двулетние труды сделать велели"], *что оные наши посланные чрез двулетний труд то учинили, сколько по морскому обычаю с воды им возможно было*, которую при сем в Академию в память нашу посылаем в надежде, что оная, яко новая и верная, вам приятна будет".

Лейб-медик Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост, на которого было возложено ведение дальнейших сношений с Парижской академией наук,

---

[1] Упомянутое д. № 18, лл. 2 об.—5, 7—10 об., 11 об.

[2] Напечатана в 1821 г. в „Отечественных записках", ч. V, № 10, стр. 186—189, П. Пекарский, Наука и литература, т. I, стр. 532—533; в издании Пекарского следует исправить две ошибки: вместо „акуратную карту сделать [указать?]" следует читать: "сделать велели"; в фразе „что оные наши посланные через двулетной труд то учинили, сколько по морскому обычаю сюды им возможно было" слово "сюды" следует заменить "с воды".

представляет несомненный интерес для истории нашей культуры и Академии наук в частности. Он родился в 1690 г. в Москве, где его отец был лейб-медиком царя Алексея Михайловича. Свое начальное и среднее образование Блюментрост получил в московской школе пастора Глюка, где обучались многие из будущих молодых сподвижников Петра. Высшее образование Блюментрост получил в Галле и Лейдене под руководством Вольфа, Гофмана, Бургава и др. В Лейденском университете он получил степень доктора медицины. Блюментрост был прекрасно знаком не только с науками медицинскими, но и с науками математическими и естественно-историческими, особенно анатомией, которую изучал у знаменитого Рюйша в Амстердаме. Не менее хорошо ознакомился он с философией Лейбница, которую проходил под руководством ученика последнего, Хр. Вольфа. Когда в 1716 г. Петр Великий прибыл в Голландию, Блюментрост собирался возвращаться в Россию. Он очень понравился царю, который возложил на него доставку в Петербург только что приобретенного у Рюйша анатомического кабинета. Тогда же царь рассказал Блюментросту о том секрете сохранения трупов, который Рюйш поведал Петру, правда, как потом выяснилось, не ему одному.

По возвращении Блюментроста в Петербург лейб-медик царя шотландец Р. Арескин, который по болезни часто не мог сопровождать царя в его постоянных разъездах, охотно передоверял свои обязанности молодому Блюментросту, у которого уже в 1718 г. установились весьма близкие отношения с царем. После смерти Арескина (1719) его преемником был назначен Блюментрост, которому было поручено также заведывание кунсткамерой, куда только что поступил кабинет Рюйша, и царской библиотекой. Одновременно с этим старший брат Лаврентия Блюментроста Иоганн был назначен архиатером, т. е. заведующим всей медицинской частью в империи. Кроме общего и специального образования Блюментрост хорошо знал языки: русский, латинский, немецкий и французский. Его обходительность и умение ладить с людьми привлекали к нему всех, кому приходилось иметь с ним дело; в обращении с академиками он ничем не показывал своего положения и держался с ними весьма ровно. Когда в Петербург стали приезжать профессора — будущие члены Академии, Блюментрост не носил еще звания президента Академии, но все считали его таковым, а в „Leipziger Gelehrten-Zeitung“ уже тогда его называли президентом; назначение однако, произошло лишь в конце 1725 г.[1]

Помощником Блюментроста, вместе с которым он приводил в исполнение многие начинания царя, связанные с созданием Академии, был

[1] Материалы для истории Академии Наук, т. VI, СПб., 1890, стр. 20—22.

эльзасец по происхождению — Иоганн Даниил Шумахер (род. в 1690 г.), который в течение 30 лет фактически управлял делами Академии. Шумахер получил образование в Страсбурге, окончил тамошний университет со степенью магистра философии и считал себя специалистом по немецкой и французской литературе. Когда в 1714 г. Петр Лефорт, двоюродный брат знаменитого друга царя Франца Лефорта, нанимал в Париже по поручению царя художников и ремесленников для работы в России, то он познакомился с Шумахером и пригласил его поехать в Петербург. Доктор Арескин назначил Шумахера секретарем Медицанской канцелярии по иностранной переписке и поручил ему также привести в порядок царскую библиотеку, которая весьма пополнилась в годы Шведской войны из книжных собраний Польши, Курляндии и Финляндии и благодаря приобретению в Англии Питкарновской библиотеки; тогда-то Шумахер стал называться библиотекарем, который по петровской табели о рангах приравнивался на военной службе к унтер-офицерскому чину. Вскоре Шумахер стал работать также в кунсткамере. После смерти Арескина и перехода библиотеки и кунсткамеры в заведывание Блюментроста Шумахер остался библиотекарем и в этом звании был отправлен в феврале 1721 г. во Францию, „Немецкую землю", Голландию и Англию.[1]

В данной Шумахеру инструкции подробно (в 13 пунктах) излагались те „комиссии", которые он должен был выполнить за границей; в своем „Житии"[2] Шумахер сводит их к трем основным поручениям: „1) чтоб в Парижскую академию наук отвесть благодарительное его величества письмо и новосочиненную карту Каспийского моря; 2) чтоб сыскать ученых людей, которые бы желали определиться на службу его величества для корреспонденции, которую его величество намерен был содержать с помянутою Академиею, яко член оные, и 3) чтоб осмотреть как публичные, так и приватных людей библиотеки и кунсткамеры, для лучшего расположения и умножения собственной его величества библиотеки и кунсткамеры, для которой его величество приказал особливые и изрядные палаты на Васильевском острову построить".

Отъезду Шумахера за границу предшествовало событие, подробности которого характеризуют обстановку того времени и отношение к расторопному, ловкому и деятельному Шумахеру Петра и его близких. В том же „Житии", продолжая свой рассказ, Шумахер пишет: „Получивши все, что мне надобно было, також письма, карту и инструкцию, намерен я был на другой день отъехать, но сей великий монарх, для показания мне явнейших знаков своей особливой милости, соизволил из своих рук пожаловать мне невесту, которыя родителей его величество тогда отмен-

[1] Материал для истории Академии Наук, т. VI, стр. 22—23.

[2] Архив Академии Наук, ф. 3, оп. 1, № 795.

ною милостью призирать изволил, а именно, его величество сговорил за меня в самый тот день большую дочь своего обер-кюхенмейстра Яна Фельтена".[1]

Шумахер вернулся из-за границы в сентябре 1722 г. и, помимо присмотра за библиотекой и кунсткамерой, был назначен попрежнему секретарем Медицинской канцелярии. Он скоро представил Петру подробный отчет („реляцию") о своем путешествии.[2] В нем Шумахер весьма подробно рассказывает обо всем, что он делал за границей, в частности по выполнению того пункта инструкции, который говорил:„и с учеными корреспонденцию [сношения] произвести для умножения художеств и наук в вашего величества государствах, а наипаче для сочинения социетета наук, подобно как в Париже, Лондоне, Берлине и прочих местах". Для темы настоящей статьи необходимо остановиться прежде всего на пребывании Шумахера во Франции.

Уже в день прибытия в Париж, 4 августа 1721 г., Шумахер посетил президента Академии аббата Биньона; ему Шумахер вручил письмо лейбмедика, „в котором оный ему комиссию мою объявил". „Сколь скоро оный то письмо прочел, абие меня обнял вельми приятно по обычаю французскому и возжелал вашего императорского величества писание и притом карту видеть, но я ответил, яко не имею при себе, и сверх того указ имею: оную в публичной ассамблее вручить, и того ради просил его оную ассамблею созвать, которую он, объявивши сие сперва дукрегенту, на другой день сделал". Торжественное заседание „королевского социетета" — Академии наук состоялось в Лувре, куда Шумахер был доставлен „королевским географом", упомянутым выше Гильомом Делилем. В „урочное время" Шумахер был введен в собрание, где находился весь „пресветлый социетет". Шумахер вручил секретарю Академии Фонтенелю письмо царя. „Тогда оное писание со всем благочестием прочтено и с великим вниманием слышано было". После того председатель собрания маршал де Торси произнес от имени Академии благодарственную речь, в которой вновь отметил то, что уже ранее говорилось в письмах Биньона и Фонтенеля — „им весьма удивительно показалось, яко такой славный монарх из любви к художествам и наукам

[1] Свадьба произошла уже по возвращении Шумахера, 30 апреля 1723 г. Из описания свадьбы, которое читаем у Берхгольца, оказывается, что посаженным отцом жениха был император, а у невесты посаженною матерью — императрица; на свадьбе как поезжане присутствовали великие княжны и много знатных особ.

[2] Отчет хранится в ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, II, № 61, лл. 816—822; был напечатан дважды: Пекарским, Наука и литература, 1, стр. 533—558 (русский текст) и акад. А. А. Шифнером в „Baltische Monatsschrift", Bd. VIII, Heft 2, 1863, SS. 127—155 (с дополнениями и замечаниями в нем. переводе). Дата отчета в подлиннике не разобрана.

тако себя вознизить соизволил и у партикулярных персон место себе взять удостоил".

По окончании речи Академия приняла постановление о поручении Фонтенелю написать царю благодарственное письмо, и „мне такое письмо, перед поездом моим... от социетета вручилось". „Потом такожде и господина лейб-медика писание перед членами академическими читали, в котором оный пространно объявил, что в карте поправлено и каким образом Академию наук в России сочинить намерено есть и какой уже зачин в оном сделан".

Это место отчета Шумахера требует некоторых пояснений. Выше уже говорилось о том, что он ехал в Париж, когда предварительный план создания Академии в Петербурге был принят Петром, о чем царь писал Вольфу еще в конце 1720 г. По словам отчета, об этом же „пространно" говорилось в письме Блюментроста в Парижскую академию. Это письмо было напечатано в отчете Парижской академии за 1720 г.[1], значит, после того, как произошло торжественное заседание, о котором рассказывает Шумахер.

Письмо Блюментроста от 14 февраля 1721 г. начиналось выражением радости что, он, Блюментрост, имеет поручение вести сношения с Академией, которая, он надеется, признает его достойным для этого. Блюментрост подробно рассказывал затем историю создания карты Каспийского моря, которую передает, по поручению царя, Шумахер, и описывал отличия карты от всех предыдущих карт и ее научные достоинства. Далее он сообщал о посланной по приказу царя в 1719 г. экспедиции в Сибирь,[2] которой поставлены задачи изучения животного, растительного и минерального царств Сибири, и о двух других экспедициях, отправленных с теми же целями в пределы Казанского и Астраханского царств.[3]

---

[1] Histoire de l'Académie royale des sciences. Année MDCCXX, pp. 125—132.

[2] Имя доктора, который руководил экспедицией, в этом месте письма не названо, но им был доктор Даниил Готлиб Мессершмидт, командированный в Сибирь Медицинской канцелярией для медико-ботанических исследований; пробыв там семь лет и значительно расширив рамки данных ему специальных заданий, Мессершмидт собрал огромное количество естественно-исторических, этнографических и картографических материалов.

[3] Вероятно, имеются в виду экспедиции: 1) лейб-медика доктора Готлиба Шобера, отправленная в 1717 г. для изучения минеральных источников около Самары. Шобер не ограничился этим небольшим районом и поставленной ему узкой целью, но объехал в 1717—1720 гг. огромный район бывших Казанского и Астраханского царств, Каспийского моря и пограничных с Турцией мест Кавказа и составил описание его в естественно-историческом, общегеографическом, этнографическом, лингвистическом и других отношениях. 2) На Каспийском море работала также в 1719—1720 гг. экспедиция капитан-лейтенанта К. П. фон Вердена и лейтенанта Ф. И. Соймонова, которые были посланы

Блюментрост выражал надежду, что будет иметь скоро возможность представить более точное и полное описание естественных богатств обширной Российской империи. Никаких других тем письмо в его печатном виде не затрагивает. Возможно, что сообщение письма об экспедициях 1719 г. Шумахер считал уже „зачином" будущей академии, и именно в этом смысле толковал письмо Блюментроста. Письмо заканчивается просьбой почтить „нас" своими поручениями и инструкциями, „так как мы имеем счастье работать под руководством такого знаменитого учреждения, которое превосходит все подобные и указания которого могут быть только важными".

По заслушании письма Блюментроста академики рассматривали представленное им краткое описание „в Сибири от доктора Мессершмидта усмотренных птиц"; это описание „яко пробу, читали, которому учреждению и методу Академия удивилась", и выразили пожелание, „чтоб прочие части истории натуральной всех российских провинций такожде обстоятельно описать", и по мере их подготовки сообщать Академии, а она по поводу их „свое рассуждение давать и с Российским государством в оных вещах справляться всегда тщиться будет".

Оживленному обсуждению была подвергнута затем карта Каспийского моря. Кардинал Полиньяк, обратив внимание собрания на многочисленные новые подробности на карте, высказал мнение о необходимости издания тех материалов, которые бы свидетельствовали о том, что все море от Астрахани до Фарибата „объезжено, ибо оной дороги все порты, озера и реки прилежно замечены." По поводу этого пожелания Шумахер уже заранее подготовил ответ. Он говорил, что вся страна была „зондирована" посланными для описания морских берегов, но что „ради некоторых штатс-резонов" описание пока не опубликовано, но это будет сделано позднее. „Сим ответом показалось мне, яко всех удовольствовал". „Того ради возжелали, дабы всевышний бог вашему император-

---

Петром для гидрографических исследований фарватера от Астрахани до Дербента и области Гилян и Мазандеран и картографической съемки восточного и южного побережий Каспийского моря. Эта экспедиция продолжала начатое еще в 1715 г. всестороннее изучение Каспийского моря в целях укрепления на нем торговли с Персией и возможного овладения прилегающими к морю районами. В конце 1720 г. была доставлена в Петербург составленная К. П. Верденом и Ф. И. Соймоновым новая карта Каспийского моря (ср. „Тетрати Записные" 1720 г.: письмо Петра фон Вердену), которая была тогда же отпечатана „при Адмиралтейской коллегии во Академической типографии", т. е. в типографии Морской академии. По поручению русского правительства, она была издана еще раз Гоманом в 1722 г. вместе с картой Камчатки и северо-восточной Сибири, составленной И. К. Кириловым („Известия Всесоюзного географического общества", 1943, № 2, стр. 35, 37); ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, I, № 59, л. 138 (письмо Я. В. Брюса от 11 июня 1722 г.).

скому величеству на многие лета здравия и жизни продлил, чтобы оные не токмо сие, но и все прочие вашего императорского величества намерения, к произвождению художеств принадлежащие, в совершении видеть и иметь могли".

На этом ассамблея закончилась. Карта для дальнейшего изучения была передана Делилю, который посвятил ей одну из своих работ, напечатанную в том же отчете Академии за 1720 г., где издана переписка Академии об избрании Петра в ее члены. Позднее тот же Г. Делиль переработал русскую карту и издал ее (с французскими надписями) в Париже.[1]

В последующие дни Шумахер в сопровождении Делиля и других лиц, прикомандированных к нему президентом Академии, посетил много научных и художественных учреждений Парижа (музеев, библиотек), встречался с отдельными учеными (Дювернуа старшим, Дювернуа младшим и др.), заключил соглашение о работах для России с географом и астрономом Иосифом Николаем Делилем и пр. Результатом своего пребывания в Париже Шумахер был очень доволен. Кажется, что с такой его оценкой можно вполне согласиться.

В самом деле, начатые в России научные экспедиции, уже давшие известные результаты, не могли не произвести впечатления на руководящее научное учреждение Франции, которое справедливо считалось в те годы также руководящим центром научной мысли во всей Европе. Та оценка, которую эти русские научные работы, „зачин" будущей русской академии (в план работ которой вошло изучение страны прежде всего в естественно-историческом и географическом отношениях), получили со стороны, Парижской академии наук, имела большое принципиальное значение; эта высокая оценка нашла поддержку и одобрение и в других научных центрах Европы.

Всюду, куда ни попадал затем Шумахер, он действовал по тому же плану, как и в Париже: знакомил с научными достижениями России последних лет и усиленно призывал ученых людей Запада оказать царю содействие в его попытках насадить в стране науки и художества. Отмечу лишь две из его встреч и разговоров, которые проливают свет

---

[1] Carte Marine de la mer Caspienne levée suivant les ordres de Sa Majesté Czarienne par M. Carl von Verden en 1719, 1720 et 1721 et réduite au Meridien de Paris par Guillaume de l'Isle, premier géographe du Roy de l'Académie Royale des sciences. A Paris chez le Sr. de l'Isle. Г. Ф. Миллер указывал, что хотя на карте поставлено имя одного Вердена, но по справедливости необходимо назвать и его помощника — Ф. И. Соймонова, от которого Академия наук получила его дневник описания Каспийского моря; извлечения из этого дневника изданы в „Ежемесячных сочинениях" за январь" — ноябрь 1763 г. и в „Sammlung Russischer Geschichte", Bd. VII, 1762.

на предположения Петра об основании в России руководящего научного центра — Академии наук.

Прекрасно зная желания царя, Шумахер особенно беспокоился о том, удастся ли ему уговорить Хр. Вольфа принять те предложения, которые ему делал лично царь и на которые перед отъездом Шумахера был получен уклончивый ответ. Когда Шумахер писал свой отчет (не ранее сентября 1722 г.), ему казалось, что Вольф согласился на сделанные ему предложения, а именно: он „обещается перпетум мобиле, ежели возможно будет, совершить, социетет наук произвесть [т. е. взять на себя организацию Академии наук. — *А. А.*] и оный тако содержать, чтоб ученые люди как внешние, так и здешние пользу и довольство от того имели. И в прочем обещается все свои студии и науку в пользу народа и обучающихся полагать и токмо ожидает от вашего величества всемилостивейше закрепленную вокацию и капитуляцию".

Переехав в Англию, Шумахер жил сначала инкогнито, но, убедившись, что „слава и любовь к художествам" царя у английских ученых „весьма великое мнение учинили", решил выступать открыто. Помимо осмотра музеев и библиотек, Шумахер завязал сношения с Английским Королевским обществом, где провел много бесед о планах царя по части наук и художеств. „Королевский социетет мне честь явил — писал позднее Шумахер — в приватное свое собрание допустить, в которое я, колико время в Лондоне был, прилежно ходил. Егда учинился разговор о карте Каспийского моря и доброе вашего императорского величества намерение в произвождении в своем государстве художеств и наук похвалялось, тогда доктор Водвард некоторую мысль объявил, которую умолчать не могу; сказал бо: егда бо наш король такою душою от бога дарован был, тогда бы мы радоваться могли и уповать лучшее возбуждение иметь".

Отчет Шумахера дает немало и других фактов, показывающих, что во Франции, Голландии, Англии, Германии им была проделана большая работа по ознакомлению научных кругов с русскими достижениями в разных научных областях и с теми планами Петра о распространении наук и художеств, которые хорошо были известны Шумахеру.

IV

Когда Шумахер вернулся из-за границы, Петра не было в Петербурге, но известие о возвращении Шумахера дошло до него довольно скоро, и 22 октября 1722 г. из Астрахани на имя У. Я. Синявина Петр послал собственноручный указ о починке шкафов для кунсткамеры, для чего требовалось призвать Шумахера, „которому кабинет вручен, чтоб...

дал роспись и показал места, где что делать", причем предполагалось „делать немедленно, дабы в будущее лето оной кунш-камор видеть готовым ". Летом 1723 г. начались работы по строению нового здания библиотеки и кунсткамеры, тех вспомогательных научных учреждений, без которых будущая академия не могла начать свое существование.

Петр вернулся в Петербург из персидского похода только в начале 1723 г. Тогда же состоялся доклад Шумахера об его путешествии, и царю были показаны привезенные им предметы, книги и документы, среди них то письмо Парижской академии за подписью Фонтенеля от 15 октября 1721 г., которое было вручено Шумахеру при его отъезде из Парижа.[1]

Об этом докладе Шумахер рассказывал в своем „Житии" так: „По прибытии его величества в Санкт-Петербург, учинил я его величеству обстоятельный рапорт о моем пути. И по рассмотрении оного его величество приказал г. Блюментросту подать себе ведомость о тех ученых людях, которые, по его мнению, надобны к исполнению принятого от его величества намерения. Он представил его величеству пять человек, а именно: одного для астрономии, одного для географии, одного для анатомии, одного для ботаники и истории натуральной и одного для химии. Его величество, рассуждая о сем числе, спросил у г. Блюментроста: сколько еще надобно людей для учреждения академии наук? И как он объявил, что надлежит токмо к прежним прибавить еще четырех или пять человек, то его величество приказал ему сочинить о том проект, который и аппробован был от его величества в 1724 году. Сие есть подлинное начало Санктпетербургской академии".

Близкий участник событий, относящихся к созданию Академии Наук, Шумахер в общем правильно отметил основные факты, которые предшествовали 22 января 1724 г., когда Петр, будучи в Сенате, слушал документ, получивший тогда же название генерального проекта об Академии, и сделал на нем собственноручные исправления и резолюции. Этот документ хранится в настоящее время в б. Сенатском архиве в Ленинграде, вместе с другими высочайшими указами.[2]

Переписка о создании академии, предшествовавшая проекту 22 января 1724 г., равно и последующая (так как через Сенат и после 22 января

---

[1] Французский текст в „Histoire de l'Académie royale des sciences. Année MDCCXX ".—Русский перевод в „Материалах для истории Академии Наук", т. I, стр. 6; ранее был напечатан в „Трудах и Летописях Общества истории и древностей российских", ч. III, кн. II, М., 1827, стр. 162.

[2] Сенатский архив в Ленинграде, книги высочайших повелений, № 26, лл. 113—124. Проект напечатан впервые в Полном собрании законов (ПСЗ), т. VII, № 4443, в приложении к сенатскому указу 28 января 1724 г.

1724 г. велись сношения об организации нового учреждения) поступила еще в XVIII в. в Сенатский архив, куда, естественно, должны были обратиться историки нашей Академии. Но несмотря на то, что имеется довольно большая литература о ней, ни один из писавших почему-то не привлек эти источники, которые по всем признакам должны содержать много данных, проливающих свет на первоначальную историю нашей Академии. Можно думать, что последний из историков, писавший об основании Академии Наук и привлекавший архивные материалы, академик А. С. Лаппо-Данилевский, автор весьма ценной работы под заглавием „Петр Великий, основатель Императорской академии наук в С. Петербурге (СПб., 1914, 60 стр.), прекрасно понимал необходимость привлечения к теме материалов Сенатского делопроизводства 1723 г. и следующих, но все же и он это не сделал, хотя и выполнил весьма большую работу по изучению для своей темы материалов: Архива Академии Наук, той части Сенатского архива, которая хранилась в Петербурге, и б. Государственного архива Российской империи, находившегося в те годы в Петербурге. Осталась, однако, неизученной та большая часть Сенатского архива, которая с XIX в. хранилась в Москве и после 1918 г. вошла в состав Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА); в ней-то и должна была находиться та переписка Сената по делам Академии Наук, которая заключала материалы о ней, периода ее первоначальной организации.

„Памятная книжка Московского архива Министерства юстиции", в которэм дела Сената XVIII в. хранились до 1918 г., давно уже указывала среди книг Сената те книги, в которых должна была храниться интересующая нас переписка. Но обращение к этим книгам №№ 1201—1205 показывает, что наиболее ранняя из книг — 1201 заключает в себе переписку не по Академии Наук, а по Морской академии, основанной в 1715 г. и продолжавшей нередко именоваться тоже Академией, когда существовала уже „вторая" академия — Академия Наук. Книги №№ 1202—1205 действительно заключают в себе переписку по Академии Наук, но уже периода 30—40-х годов XVIII в. Архивисты XVIII в., разбиравшие фонд Сената, несомненно спутали две академии и в группу материалов об Академии Наук начального ее периода включили материалы того же периода, но относящиеся к Морской академии. В недавние дни, по моей просьбе, были предприняты настойчивые поиски этого исчезнувшего тома переписки Сената по Академии Наук до 1727 г. (1727-м годом начинается книга 1203, за ней идет кн. 1202 и т. д.). Но поиски остались пока безуспешными, несмотря на все остроумные подходы архивистов, пытавшихся отыскать ту часть (книгу) колоссального Сенатского фонда, куда были подшиты бумаги Сената об Академии Наук

1720-х годов. Вместе с тем было еще раз проверено, что ни в какие иные архивы эта часть фонда в XVIII—XX вв. не передавалась. Положение с архивными материалами об основании Академии Наук теперь примерно такое же, какое было тогда, когда работал А. С. Лаппо-Данилевский; правда, кое-что новое удалось все же обнаружить.

Сохранилось несколько заметок Петра, касающихся Академии, на основании которых должен был, повидимому, разрабатываться проект ее регламента. Так, среди его записей 13 января 1724 г., которые в кн. 26-й б. Сенатского архива в Ленинграде приложены к генеральному проекту, читаем: „О Академии, в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатным художествам и переводили книги, назначить место для сего и доход".[1] 21 января 1724 г., думая о „доходах", которые должны итти на Академию, Петр сделал следующую заметку: „О определении почтовых денег на Академию".[2] Последняя заметка известна также по копии, в конце которой имеется помета: „Сие писано рукою его величества и отдано в Сенат в 21 день генваря 1724 г.".

22 января 1724 г., прежде чем приступить к обсуждению генерального проекта, Петр остановился на вопросе, который должна была разрешить будущая Академия. Среди его заметок этого дня читаем: „Для переводу книг зело нужно перевотчики, а особливо для художественных, понеже никакой перевотчик, не умея того художества, о котором переводит, перевесть не может. Того ради заранее сие делать надобно таким образом: которые умеют языки, а художеств не умеют, тех отдать учитца художествам, а которые умеют художества, а языку не умеют, тех послать учитца языкам, и чтоб все из русских или иноземцы, кои или

---

[1] ПСЗ, т. VII, № 4427. Эта запись, как и другие, сделанные в тот же день, была отдана к „записке" в Сенат только 20 января 1724 г.; под датой 20 января они напечатаны в ПСЗ. Установление того, что даты 13 и 20 января относятся к одному и тому же определению Петра, сделано в статье А. С. Лаппо-Данилевского „Петр Великий, основатель Императорской Академии Наук в С. Петербурге", СПб., 1914, стр. 38—39, примеч. Об ошибочности даты определения об Академии 12 января 1724 г. см. там же.

[2] ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, отд. I, № 53, л. 571. На эту заметку, как и на некоторые другие, обратила мое внимание Е. П. Подъяпольская, которой приношу благодарность. Эта же запись напечатана в „Сборнике Русского исторического общества", т. XI, стр. 534, прим. (из материалов Сенатского архива), под 22 января 1724 г. В связи с этим первоначальным намерением Петра на нужды будущей Академии давать средства из почтовых доходов находится то место записки без подписи и даты, написанной, может быть, Шумахером, которая в Архиве Академии Наук, ф. 3, оп. 1, № 1, л. 23 об.: „Quia V. Caes. Maj. placuit ad sustentandum Academiae scientiarum et Bibliothecae pecuniam, quae ex posta venit, destinare ideoque. V. M. humilissime rogo velit generali: postdirectori Dr. Daschkoff mandatum dare". А. И. Дашков — генерал-почт-директор с 29 апреля 1722 г. (Сборник Русского исторического общества, XI, стр. 470).

здесь родились или зело малы приехали и наш язык, как природный, знают, понеже на свой язык всегда лехче переводить, нежели с своево на чюжеи". Далее в той же заметке Петр пояснил, что́ он разумел под „художествами", по которым необходимо было переводить книги в будущей Академии. „Художества же следующие: математическое, хотя до сферических триангулов, механическое, анатомическое, хирургическое, потаническое, архитектур милитарис, цивилие, гидроика и протчии тому подобные. Архитектуры навалис нигде книг хороших нет, — мочно дома сочинить Ивану Михайловичу".[1] Так был намечен круг иностранных книг, которые предполагалось переводить в будущей Академии.

Петр не забыл и поставленный им вопрос об обучении „художествам", без знания которых академические переводчики не дали бы хороших переводов. В его заметках, относящихся к тем же январским дням 1724 г., можно прочесть также: „Во Академии, которая имеет быть, мастерствам чтоб учить всех мастерств, что касается до механики, языков, пиктуры, скултуры, архитектуры, геометрии, прешпективы, оптики и протчих всех мастерств, кроме мелких, как сапожное и портное и протчее тому подобное".[2] Так был намечен круг тех „художеств" — „мастерств", которым должна была обучать будущая Академия наук и художеств.

Все заметки Петра 13—22 января 1724 г. о мероприятиях, связанных с созданием Академии, были переданы в Сенат и там получили дальнейшую разработку. Некоторые из этих заметок были отосланы затем в копиях в Кабинет, сохранились среди его бумаг и давно уже напечатаны П. П. Пекарским;[3] они известны были исследователям, которые, однако, не обратили внимания на ту тесную связь, которая существует между заметками Петра и „бумагами,.. очевидно написанными до составления устава Академии", в развитие тех предположений, которые были высказаны Петром при основании нашего высшего ученого учреждения.

Первая из этих „бумаг"[4] не имеет даты, с кратким обозначением, написанным другим почерком, чем текст „бумаги", что она „руки Петра Алексеева сына Курбатова". Понимаю это указание в том смысле, что

---

[1] Сборник Русского исторического общества, т. XI, стр. 535 (из кн. 26-й „Высочайших повелений" б. Сенатского архива л. л. 126—127). Иван Михайлович — Головин. Как сенатский указ 23 января 1724 г., напечатано в ПСЗ, т. VII, № 4438, как „Заметки, писанные собственною рукою Петра Великого", напечатаны в „Материалах для истории Академии наук", т. I, стр. 79—80.

[2] ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, I, № 53, л. 570 об.

[3] Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 59—61.

[4] ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, II, № 93. лл. 489—499 (у Пекарского ошибочно: II, № 68, лл. 489—490).

записка переписана Петром Алексеевым сыном Курбатовым, одним из подьячих Сената; был ли он автором записки, сказать пока трудно. Петр Алексеев сын Курбатов, несомненно, сын знаменитого прибыльщика петровского времени Алексея Александровича Курбатова, умершего под следствием летом 1721 г.; от него остались „пункты о Кабинет-коллегиуме", где он подробно касается вопросов народного образования и развивает широкие планы устройства в Петербурге и Москве „Академии свободных разных наук на разных диалектах, как церковных, гражданских, так и военных".[1] Об его сыне Петре Александровиче Курбатове до 1724 г. известно очень мало, но просвещенные стремления отца были, конечно, известны сыну, и можно думать, что он был не только переписчиком упомянутой записки, но и ее автором.

Как бы отвечая Петру на его заметки 13 января 1724 г. „О Академии... назначить место для сего и доход", автор записки останавливается прежде всего на этих пунктах: „В установлении Академии подобает следующие пункты примечать: I. Сумма, которая надобна к установлению и содержанию Академии, такая да будет, чтоб его императорского величества казне убытку не было б ниже бы государству какова отягощения принесла.[2] Та сумма пребывает непоколебимо при Академии, и сие да будет за фундамент высокой его императорского величества милости Академии, дабы никто не дерзал оную сумму под каким бы видом ни было, на иные вещи издержать. II. Место, иде же установлена будет Академия, было бы такое, чтоб был там здравый воздух и добрая вода и положение того места было бы удобно, чтоб от всех стран можно было надежно приходить, такожде и съестное бы было в довольности..." Из этих слов записки можно заключить, что вопрос о месте будущей Академии в Петербурге или в каком-либо ином городе не являлся еще окончательно решенным, и автор записки лишь осторожно намечал те основные условия, которые надо было иметь в виду при решении этого вопроса.

Но едва ли не большее внимание автор записки посвятил другому основному вопросу: что будет представлять Академия в ряду других правительственных учреждений того времени и в чьих руках будет ее „управление". Так были поставлены вопросы, от разрешения которых многое зависело в судьбе будущего научного центра страны. По мнению автора записки, „III. Строению подобает быть тако учреждену, дабы принадлежащие к Академии люди свободно могли тамо жить; и имело бы то строение привилию или увольнение, да никто дерзнет

[1] Н. П. Павлов-Сильванский, Проекты реформ в записках современников Петра Великого, СПб., 1897, стр. 56—62.

[2] В этом вступлении виден автор, вышедший из семьи знаменитаго прибыльщика.

тамо какое усильство учинить. Но егда кто в какое прегрешение тамо впадет, то определенные от его императорского величества на управление Академии персоны его судили б и обвиняли. И тако, дабы Академия прямо под его императорского величества властью, а не под какою бы коллегиею была". „Управление" Академии должно было состоять из президента, вице-президента и инспекторов, в общем ведении которых находились бы академические суммы; президент и вице-президент должны „стараться о науках", а инспектор „управляет домостроительством"; еженедельно они должны были устраивать конференции „с учительми для познания, которые ученики прилежно и которые лениво учатся, какая в чем скудость учинилась и как оную исправить"; должны вестись протоколы этих конференций и ежемесячно составляться экстракты из них для представления президентом его императорскому величеству, если он спросит. Вице-президентам следовало „прилежно смотреть над профессорами, верно ли они свою службу исполняют"; они должны также следить за „склонностями" молодых людей, обучающихся в Академии, и в соответствии с ними „учреждать" им „учение" и вообще следить за тем, чтобы „во всей Академии один образ был языку и учению".

Автор записки подробно остановился и на „учениках или штудентах" будущей Академии: они могли быть „разного чина", но, по его мнению, необходимо соблюдать при том следующие „вещи": „1) Надобно ученикам или штудентам объявить, что учение их не якобы они тем обременены были силою, но почитали бы они сие за милость его императорского величества, и того ради не всякого надобно к тому допускать, но кто к сему склонность будет иметь. 2) Надобно оные уреченные годы в Академии пребыть. 3) И когда они свои учения окончали, надобно президенту и вице-президентам старатися, дабы они иностранные земли с пользою увидели. И дает она им инструкции, как им содержать себя в пути, и добрую рекомендацию к ученым людям. А паче всего не надобно допускать, чтоб они в иностранные земли поехали, а языку того, куда поедут, не знали бы, ибо уже сие в той земле в четыре недели больше можно познать, нежели кто незнающий того языка в нескольких летах".

Видимо, вопрос о необходимости („прибыли") нового учреждения вызывал еще сомнения: об этом хорошо знаем из высказываний таких, например, людей, как В. Н. Татищев, который говорил с Петром на эту тему, кажется, в январе 1724 г. [1] Имея в виду таких сомневающихся,

[1] П. П. Пекарский, История Академии Наук в Петербурге, т. I, СПб., 1870, стр. XIII.

автор проекта писал: „VII. Прибыль, которая из сей Академии будет, есть следующая: 1) Что его императорское величество из своих подданных ученые люди получит. 2) По сему иноземцы будут приезжать в Академию для обучения и деньги свои зде в земле тратить. 3) Оные, которые поедут в иностранные земли, меньше денег будут тратить, понеже они больше в один год научатся, нежели иной в десять лет". Как настоящий деятель Петровской эпохи автор записки одновременно отмечает и теоретическую и практическую стороны той пользы, которую принесет новое учреждение.

Указав в заключение, что его проект носит только „генеральный" характер, он готов разработать его „пространнее и подробнее", в частности в соответствии с предложением [13 января? — *А. А.*], „каким образом оную сумму [т. е. на расходы Академии] получить", но предварительно ему требовалось получить утвердительный ответ на его вопрос вначале — „чтоб надежно было, что оная сумма токмо на академическое иждивение будет употребляема".

Читал ли эту записку Петр, и была ли она ему доложена, неизвестно, но, не говоря уже о том, что многие мысли автора записки нашли сильное отражение в „генеральном проекте" 22 января 1724 г., несомненно доложенном Петру и в отдельных частях им безусловно одобренном соответствующими резолюциями, на последний вопрос записки находим неожиданный ответ в заметках Петра от 21 января 1724 г.

В записях этого дня, хранящихся в делах Кабинета Петра Великого, читаем: „О определении почтовых денег на Академию".[1] Это общее указание стало известно Сенату в тот же день; оно хранится в его бумагах от 22 января 1724 г.[2] Если оно не было разработано затем в виде общей записки, то на следующий день, когда Сенат составил „выписку по определению штата почтолионного", оно было учтено, и первоначально расходы на Академию предполагалось покрывать из почтовых доходов. Другая мысль автора — „чтоб надежно было, что оная сумма токмо на академическое иждивение будет употребляема", — тоже получила позднее свое осуществление в сенатском указе 28 января 1724 г., о котором говорю далее.

Но автор записки не дал ответа на некоторые другие вопросы, волновавшие Петра, когда он писал свои заметки 13 января: каким „наукам и знатным художествам" должна была учить Академия своих учеников или студентов, и как поставить в ней столь важное дело, как переводы иностранных книг. На последний из них дает ответ особая

---

[1] ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, I, № 53, л. 571.
[2] ЦГАДА, ф. Сената, № 1935/54, л. 18 и об.

записка, собственноручно писанная Петром 22 января и напечатанная в „Полном собрании законов" под 23 января.[1]

Ответ на вопрос о науках и художествах имеем уже в записке царя, приведенной выше, где дается пояснение, каким „мастерствам" следует обучать „во Академии, которая имеет быть". Как бы развивая эту мысль царя, автор одной из записок, которые были в Сенате при разработке генерального проекта, и, судя по языку и стилю ее, едва ли не то же самое лицо, которое писало приведенную выше записку о смете, месте, управлении и пр. будущей Академии, писал: „В установленной [установляемой? — *А. А.*] Академии будут обучаться студенты во всяких науках, кроме богословии, юриспруденции собственно такозой. И так до первого степени членов надлежащие студенты, смотря по их натуральному наклонению, будут обучение иметь от учителей: 1) арифметике, 2) геометрии, 3) астрономии, 4) географии, 5) навигации, 6) механике, 7) оптике, 8) архитектуре гражданской и воинской, 9) физике феоретике и експериментальной, 10) институции медической, анатомической и хирургической, 11) химии, 12) истории натуральной, 13) языкам, именно: латинскому, греческому, французскому и итальянскому, 14) регорике и оратории, 15) истории древней и нынешней, 16) логике, 17) метафизике, 18) этике, 19) политике, 20) юс публик натур и народов".[2]

Таким образом, на основе общих мыслей Петра об Академии 13 января 1724 г., в январские дни 1724 г. сотрудниками Петра и им самим постепенно подготавливался тот проект о создании Академии, который царь слушал 22 января 1724 г. в „Зимнем доме" в Петербурге, где помещался Сенат.[3]

На представленном проекте царь в четырех местах положил резолюцию, и в таком виде проект был напечатан в „Полном собрании законов" (т. VII, СПб., 1830, № 4443), в приложении к сенатскому указу 28 января 1724 г., и в „Материалах для истории Академии Наук" (т. I, СПб., 1885, стр. 14—22). В Полном собрании законов не указано, по подлиннику или копии проект был там напечатан. Что же касается текста тома I „Материалов", то в легенде на стр. 22 отмечено, что в основу издания проекта положен рукописный текст, взятый из кн. 26 „Именных указов 1724 года", хранившихся тогда в С.-Петербургском Сенатском архиве. Когда в 1913 г. к этому рукописному подлиннику (Сенатский

[1] Подлинник в б. Сенатском архиве в Ленинграде по этому подлиннику записка напечатана в „Сборнике Русского исторического общества", т. XI, стр. 535, и в ПСЗ, т. VII, № 4438.

[2] ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, II, № 93, л. 51; Пекарский, Указ соч., т. I, стр. 61.

[3] О „Зимнем доме" Петра в Петербурге, построенном в 1721 г., см. статью А. Л. Майера „О старом Зимнем дворце" в „Вестнике Европы", 1872 г., стр. 9—18.

архив, кн. высоч. повелений, № 26, лл. 113—124)[1] обратился покойный академик А. С. Лаппо-Данилевский, то очень скоро обнаружил[2], что ни один из печатных текстов не соответствует вполне тому, который находится в кн. 26. Произведенное тогда сличение текстов, прежде всего — напечатанного в „Материалах“ и рукописного в кн. 26, привело А. С. Лаппо-Данилевского к следующим выводам: 1) деление на параграфы в печатном тексте несколько иное, чем в рукописном;[3] 2) в той же рукописи некоторые отдельные слова были исправлены, как полагал А. С. Лаппо-Данилевский, в некоторых случаях безусловно рукою Петра Великого;[4] 3) особенности правописания царских резолюций в „Материалах“ не соблюдены. На основании этих наблюдений А. С. Лаппо-Данилевского, которые вполне подтверждаются моими наблюдениями, приходится признать, что текст проекта, напечатанный в „Материалах“, не передает точно текст проекта в рукописи, которая была прочитана и исправлена Петром.

После сличения рукописного текста кн. 26 с текстом „Полного собрания законов“ (ПСЗ) А. С. Лаппо-Данилевский отметил, что разделение на параграфы в печатном тексте также иное, чем в рукописи и в „Материалах“, причем нумерации параграфов (21 параграф) в рукописи также нет, а в тексте параграфов можно установить те же отличия от рукописного, которые указаны выше относительно текста „Материалов“. О том, каким текстом пользовался редактор ПСЗ, неизвестно. Редактор „Материалов“ несомненно знал о рукописном тексте и его отличиях от печатного, но не решился отступить от него и вновь дал такой же неточный текст, какой имели до того в ПСЗ. Он допустил все же одно существенное отступление от этого текста: он почему-то не сохранил то деление на параграфы, которое было сделано в ПСЗ, но которое не соответствовало делению рукописи, — редактор „Материалов“ пошел по

---

[1] Об его внешнем виде до включения его в книгу № 26 можно получить представление на основании одного из рассказов Я. Штелина — Originalanekdoten von Peter des Grossen, Leipzig, 1785, SS. 198—202 (в русском переводе—„Подлинные анекдоты Петра Великого,“ изд. 2, М., 1787, стр. 273—279).

[2] Петр Великий, основатель Академии Наук в С. Петербурге, СПб., 1914.

[3] Например, § на стр. 16—17 „Материалов“ в рукописи разделен на два (новый начинается со слов: „К первому классу четырех персон надлежит“, т. е. соответствует §§ 7 и 8 текста ПСЗ; § в конце стр. 17 в рукописи разделен также на два; новый начинается со слов „Должность академиков“, что соответствует §§ 10 и 11 текста ПСЗ; § 28 на стр. 20 („А понеже в том намерении“) в рукописи расчленен на четыре §§, а другой § на той же стр. 20 („Факультет филозофский“) — на два §§ и др.

[4] См., например, „Материалы“, т. I, стр. 17, последнее слово на странице „описывать“ в рукописи „розыскивать“; стр. 18, пункт 4— „разыскивать (рассматривать)“ в рукописи „розыскивать“; стр. 19, пункт 7— „будет, понеже“ — в рукописи „ежели б“ и др.

своему пути и предложил третье деление на параграфы, к сожалению, неудачное.

Между тем подлинным текстом следует считать тот, который находится в кн. 26. С него (исправленного самим Петром) были сняты современные копии и сделан тогда же немецкий перевод.[1]

Наблюдения над текстом проекта не оставляют сомнения в том, что мы продолжаем пользоваться этим важным источником по истории нашей Академии в весьма неудовлетворительном его издании 1830 г., которое не было исправлено и академическим изданием 1885 г.

Выше уже отмечалось, что по словам такого компетентного свидетеля, каким был библиотекарь Шумахер, автором проекта был Л. Л. Блюментрост. Шумахер ничего не говорит о своем участии в составлении проекта, но в этом трудно сомневаться, зная близкие отношения Блюментроста и Шумахера. Это участие Шумахера с полным основанием признается историками нашей академии.[2]

Подробности их совместной работы неизвестны, и о ней приходится судить по тому проекту, который был представлен Петру Блюментростом 22 января 1724 г.

V

Проект начинается подробным рассуждением о способах „распложения" художеств и наук в любой стране; по его мнению, их два: 1) при помощи университетов и 2) при помощи академии или „социетета" художеств и наук. Под университетом автор проекта разумеет „собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко феологии и юриспруденции [прав, искусств], медицины и филозофии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают" „Академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо оные науки в своем роде, в том градусе, в котором оные ноне обретаются, знают, но и уже новые инвенты [издания] оные совершить и умножить тщатся, а об учении протчих никакого попечения не имеют". Автору хорошо известно, что в других государствах университеты и академии „никакого сообщения между собою не имеют", но в России, где „ныне... здание к возра-

[1] Копии текста проекта со сделанными Петром Великим поправками см. в Архиве Академии Наук, ф. 3, оп. 1, № 1, лл. 131—140; ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, II, № 93, лл. 494—500 об.; б. Гос. архив, разр. XVII, № 2. Немецкий перевод в Архиве Академии Наук, ф. 1, оп. 3, № 2, л. 17 и сл.

[2] Материалы для истории Академии Наук, т. VI; История Академии Наук Г. Ф. Миллера с продолжениями И. Г. Штриттера (1725—1743), СПб., 1890, стр. 14; П. П. Пекарский, История Академии Наук в Петербурге, т. I, СПб., 1870, стр. 5; А. С. Лаппо-Данилевский, Петр Великий, основатель Академии Наук, СПб., 1914, стр. 33.

щению художеств и наук" только еще создается, „невозможно, чтоб здесь следовать в протчих государствах принятому образу, но надлежит смотреть на состояние здешнего государства, как в рассуждении обучающих, так и обучающихся, и такое здание учинить, чрез которое бы не токмо слава сего государства для размножения наук нынешним временем разпространялась, но и чрез обучение и разпложение оных польза в народе впредь была". Ни академия, ни университет достигнуть обеих этих задач не могут, „ибо хотя чрез академию художества и науки в своем состоянии производятся и разпространяются, однакожде оные не скоро в народе разплодятся, а при заведении университета — и меньше того: ибо когда разсудишь, что еще прямых школ, гимназиев и семинариев, нет, в которых бы младые люди началам обучатся и потом выше градусы наук возприять и угодными себя учинить могли, то невозможно, дабы при таком состоянии универзитет некоторую пользу учинить мог". Автор проекта стоит за создание здесь такого собрания „самолутчих ученых людей", которые могли бы „1) науки производить и совершить, однакожде тако, чтоб они там наукам 2) младых людей (ежели которые из оных угодны будут) публично обучали, и чтоб оне 3) некоторых людей при себе обучили, которые бы младых людей первым рудиментам (основательствам) всех наук паки обучать могли". Таким образом, автор проекта предлагал создать учреждение, которое бы одно делало то, что в других государствах выполняли в отдельности три — академия, университет и гимназия... Если вспомнить, что впервые мысль о таком учреждении была высказана Петром в конце 1720 г., в письме к Вольфу, что Шумахер говорил за границей в 1721—1722 гг. о плане создания в России учреждения, соединяющего в себе академию и университет, что в заметках Петра 1724 г. об академии находим те же мысли, которые неизвестный автор проекта, развивавший эти мысли царя, вероятно по поручению Сената, изложил подробнее, то следует отметить, что Блюментрост придал им только окончательную форму. Намечаемая им академия соответствовала планам и мыслям Петра и его близких, которые они высказывали неоднократно в последние три-четыре года. Блюментрост не забыл и те аргументы, которые в те годы имели большое значение при создании новых учреждений: „и таким бы образом одно здание с малыми убытками тое ж бы с великою пользою чинило, что в других государствах три разных собрания (академия, университет и гимназия) чинят... при том же бы вольные художествы и манифактуры, которые уже здесь заведены суть или впредь еще заведены быть могут, от помянутого заведения пользу имели, когда им удобнее машины показаны и инструменты их исправлены будут".

Но как назвать это новое учреждение, подобного которому создатели

его не находили на Западе, „в других государствах“? И здесь, конечно, признано было совершенно естественным связывать его с тем, которое было в Париже, членом которого был царь и научные связи с которым предполагалось поддерживать и развивать. Все эти мысли нашли отражение в следующих словах проекта: „И понеже сие учреждение [т. е. создаваемое новое] такой академии, которая в Париже обретается подобна есть (кроме сего различия и авантажа, что сия академия и то чинит, которое университету или коллегии чинить надлежит), того для я надеюсь, что сие здание удобнейше академиею названо быть имеет“.

Новая Академия должна была явиться прежде всего ученым учреждением. „Науки, которые в сей академии могут учены быть,“ автор проекта делил на три „класса“: в первом „содержались бы все науки математические и которые от оных зависят“ (арифметика, алгебра, геометрия, астрономия, география, навигация и механика); во втором — физика теоретическая и экспериментальная, анатомия, химия и ботаника; в третий класс должны были войти „гуманиора“ („элоквенция и студиум антиквитатис, история древняя и нынешняя, право натуры и публичное купно с политикою и этикою (нравоучением)“. „Классы“ состояли из одиннадцати „членов“; кроме них намечен был „особливый секретарь“, который ведет протокол, составляет отчеты и „купно с библиотекарем“ ведет корреспонденцию с учеными людьми.

Проект весьма подробно говорит затем об обязанностях „академиков“; „должность“ их состоит в следующем: „все, что в науках уже учинено — разыскивать; что к исправлению или приращению оных потребно есть — производить; что каждый в таком случае изобрел — сносить и тое секретарю вручать, которой тогда понужден будет оное, когда надлежит, описывать“. Академики должны были читать выходящую в иных государствах литературу по своей специальности, из нее составлять экстракты, которые вместе с их собственными „изобретениями и рассуждениями“ будут печататься Академией. Как „социетет [собрание] персон, которые для произведения наук друг друга вспомогать имеют“, академики должны собираться еженедельно; на этих собраниях выступать с „мнениями“ и „советами“. Академия „повинна все декуверты (изобретения)“ в области разных наук „розсматривать и свою апробацию откровенно о том сообщать: сиречь 1) верны ли оные изобретении, 2) великой ли пользы суть или малой, 3) известны ли оные прежде сего бывали или нет“. Как специалисты определенных наук академики должны выполнять разные поручения, которые им дает царь. Академики должны готовить курсы своих наук „в пользу учащихся младых людей,“ и эти курсы будут печататься на латинском языке. В связи с тем, что такие курсы нужны „российскому народу“ на русском языке, при каждом „классе“ учре-

ждалась должность переводчиков, прежде всего для перевода этих курсов. Проект намечал три „публичных ассамблеи", на которых академики должны были выступать с „разговорами из своей науки". Проект кратко говорил в этой своей части о вспомогательных учреждениях — библиотеке и „натуральных вещей камере", намечая, однако, довольно широкий круг дел „библиотекаря", на которого возлагал, кроме непосредственных его обязанностей, ведение корреспонденции, намечая ему помощника и отдавая в его ведение переводчиков, состоящих при библиотеке и кунсткамере; намечалось также приглашение живописца и „грыдыровального" мастера ... Так обрисовывались автором проекта обязанности академиков как членов научного учреждения — „Академии художеств и наук", как он называет новое учреждение в средней части своего проекта.

Но так как „Академия художеств и наук" должна быть также университетом и гимназией, автору проекта кажется возможным объединить университет и гимназию в одно „здание", которое он называет университетом; в нем три факультета: юридический, философский и медицинский (устройство факультета богословского было передано Синоду). Автор проекта только в самых общих чертах останавливается на тех науках, которые будут читаться на факультетах, прежде всего в виде еженедельных публичных лекций академиков соответствующих классов. Он прекрасно понимает, что „польза от сих обучениев" (публичных лекций) будет тогда, когда их будут слушать „угодные люди, которые гуманиора отчасти знают и некоторое малое искусство филозофии и математики имеют". Для подготовки таких слушателей он предлагает следующее: к каждому академику прикомандировать одного или двух „младых студентов", достаточно обеспеченных, которые под „дирекциею" академиков и „без своих убытков" у них „наукам выучатся и притом, ежели себя хорошо поведут и некоторые пробы искусства своего объявят, надежду имеют произойти и учителям своим наследовать". В свою очередь, эти люди должны „первым фундаментам наук" обучать только что начинающих учиться с тем, чтобы и эти „современем учениями академическими пользоваться могли, и таким образом можно б, без великих убытков, намерение нижней школы изполнить."

Предшествующая часть проекта не вызвала каких-либо замечаний Петра, но против места проекта, где говорится о создании при Академии адъюнктов и нижней школы, Петр написал: „Надлежит по два человека еще прибавить, которые из славянского народа, дабы могли удобнее русских учить, а каких наук, написать именно". Как понималась эта резолюция Петра и что было сделано по ее осуществлению — привлечению славянских ученых в нашу Академию и составлению списка наук, которым должны были обучать в Академии, скажу дальше.

Проект предусматривал дарование Академии „ныне или современем" „привилегии", а потому автор его полагал, что академикам необходимо предоставить право „тем, которые в науках произошли, градусы академиков давать". Против этого пункта Петр написал: „Позволяетца".

Наметив в своем проекте разрешение основных задач, которые ставились перед Академией, научных и учебных, Блюментрост в заключительной части проекта не мог не коснуться тех вопросов, которые разрабатывал, например, автор упоминавшейся выше записки об Академии: о месте Академии в ряду других учреждений, о хозяйственных делах Академии, об ее доходах и т. п. Первый из этих вопросов был сформулирован им так: „Но чтоб сие здание непременно и полезно было, то имеет оное токмо под ведением императора, яко протектора своего, быть и само себя править, еже учиняется, когда из оных или непременной президент или попеременно один по другому каждый год или полгода выбирается". Вопрос о положении Академии в ряду других учреждений ставился здесь очень ясно: Академия должна занять равное место среди коллегий, подчиняться только императору и „сама себя править"; она должна иметь право избирать из своей среды („из оных") непременного президента или переменного, избираемого на год или полгода. Против этого пункта Петр ничего не написал, и уже в ближайшие месяцы Академия оказалась в подчинении сразу двух учреждений, с которыми принуждена была сильно считаться и далее: Сената и Кабинета...

Для руководства и ведения хозяйственных дел Академии проект намечал создание должности „непременных кураторов", „которые б на оную смотрели, о благосостоятельстве их [академиков] и надобном приуготавлении старались, нужду их императору при всех оказиях предлагали и доходы в своем ведении имели". Петр написал против этого пункта: „Надлежит учинить директора и двух товарыщей и одного камиссара над деньгами". Несмотря на эту резолюцию, вопрос о руководстве хозяйственными и денежными делами Академии был разрешен иначе.

Вопрос о материальном обеспечении академиков и всех сотрудников Академии был поставлен в конце проекта, после того как намечен был порядок заведывания хозяйственными делами и доходами. „Но надлежит, чтоб сии доходы достаточны, верны и неспоримы были, дабы оные люди не принуждены больше о своем и фамилии своей содержании старатися, нежели о возращении наук, наипаче понеже все такие люди суть, которым жалованьем своим жить надобно". Имея в виду, что академики будут из числа иностранных ученых, Блюментрост писал: „Ибо трудно поверить, что кто охоту имел в службе чужего государя то прожить, что он в своем отечестве имеет".

Вопрос о сумме, которая должна была итти на Академию из средств

государства, был, повидимому, вопросом сложным, и о предварительных разговорах по этому поводу, всегда трудных, когда при Петре шла речь об ассигнованиях из казны, говорит конец проекта: „И тако, хотя бы как поступать, то однакожде все тое без 20 000 рублев зачать невозможно". Говоря так, Блюментрост, конечно, намечал эту сумму, как первоначальную, с которой Академия должна была начать свою деятельность.

Против пункта о жаловании академикам и прочим сотрудникам Академии Петр написал глухо: „Давать деньги, с верхних зачиная", но общий доход Академии неожиданно увеличил; еще накануне он решил эти доходы брать из „почтовых денег", но при обсуждении 22 января „штата почталионного" это решение было изменено, и Петр по вопросу о доходе Академии написал: „Доход на сие определяетца 24 912 рублев,[1] которые збираютца з городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурха таможенных и лицентных".

В том же заседании Сената 22 января, когда царю был доложен генеральный проект, было „учинено: на Академию на первое время занять Шафировский двор [дом? — *А. А.*], [2] а потом, достроя, дом государынь царевен к тому взять и к тому же пристроить, что надлежит, деревяное".

Обсуждение генерального проекта, вопроса о помещении и других вопросов, связанных с учреждением Академии, продолжалось в Сенате с 8 часов утра до 12 часов дня, когда царь, по словам протокола Сената, „вышел". В Сенате в этот день присутствовали: генерал-адмирал граф Ф. М. Апраксин, канцлер гр. Г. И. Головкин, светлейший князь А. Д. Меншиков, генерал-прокурор и обер-прокурор.[3]

Спустя шесть дней, именно 28 января, был заслушан и подписан следующий протокол Сената:

„Всепресветлейший державнейший Петр Великий, император и самодержец Всероссийский, указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также протчим наукам и знатным художествам и переводили б книги. И сего ж генваря 22-го дня его императорское величество, будучи в Зимнем доме и слушав о сочинении той академии проекта, на котором собственною его величества рукою подписать изволил тако: на содержание оных определить доходы, которые збираются з

[1] Первоначально он написал: 24 000, но затем зачеркнул.

[2] На известной гравюре Петербурга 1716 г. (гравюра А. Зубова) этот большой каменный дом стоит на правом берегу Невы, на „Петербургском острове" (самый крайний с левой стороны гравюры); рядом с ним небольшой каменный, принадлежавший „князю-папе"... Ср. „Материалы для истории Академии Наук", VI, стр. 68.

[3] ЦГАДА, ф. Сената, № 1935/54, лл. 13, 18 и об. Имеется сообщение Блюментроста (3 августа 1732 г.), что Петр подписал также „план" академических домов, „который план или в Канцелярии от строений, или у полковника Трезина имеется" (Материалы для истории Академии Наук, II, стр. 161).

городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга, таможенных и лицентных, двадцать четыре тысячи девятьсот двенадцать рублев. И по тому его императорского величества указу Правительствующий Сенат приказали: оные доходы сбирая, содержать в Рентереи, из которых отпускать в тое Академию по указам из Сената. А кроме того ни на какие расходы не употреблять. И о том в Камер-коллегию и Штатс-контору послать указы". Под протоколом Сената стоят подписи: генерал-адмирала гр. Ф. М. Апраксина, канцлера гр. Г. И. Головкина, гр. А. А. Матвеева, князя В. Л. Долгорукова, обер-секретаря Анисима Маслова и секретаря Ивана Кирилова.[1]

В постановлении Сената 28 января 1724 г. есть несколько подробностей, которые имели значение в последующей истории Академии. Оно передает не все резолюции Петра, а только ту, которая была важна для финансовых коллегий, ведавших доходами и расходами страны; все прочие решения царя, имеющиеся на проекте, как увидим далее, довольно долго оставались известными только Сенату, и о них он не сообщил своевременно даже лицам, которые прежде всех должны были проводить проект в жизнь.

Но, адресуя свое постановление в Камер-коллегию и Штатс-контору, Сенат дополнил его тем пунктом, который находится лишь в проекте, представленном не Блюментростом, а, как мне кажется, П. А. Курбатовым, настаивавшим на том, чтобы ассигнованные на Академию суммы шли по прямому назначению и не расходовались на другие надобности. Как увидим далее, даже при таком указании получить ассигнованные средства не всегда были возможно...

В обсуждении проекта 22 января и в постановлении 28 января приняли участие главные сотрудники Петра того периода: Меншиков, Апраксин, Головкин и др., и это имело важное значение для последующих судеб Академии, в особенности в те годы, когда созданные Петром учреждения подвергались пересмотру и нередко упразднению.

Когда создавалась Академия, в канцелярии Сената уже играл большую роль человек, имя которого неразрывно связано с историей первого десятилетия нашей Академии, — это секретарь Сената Иван Кирилович Кирилов; в его лице Академия имела всегда человека, без содействия которого не было бы достигнуто многое, чего добивались в Сенате представители Академии в ближайшие после основания годы; в частности, именно он во многом способствовал успеху первой крупной академической экспедиции — Второй Камчатской экспедиции, связав свое имя и с Первой, решенной при его деятельном участии.

[1] ЦГАДА, ф. Сената, № 1923/42, л. 98. Указ, напечатанный в ПСЗ, VII, № 4443, имеет некоторые отличия от приводимого выше.

Указ Сената был отправлен в Камер-коллегию и Штатс-контору,[1] но были ли посланы промемории из Штатс-конторы во все коллегии и канцелярии о том, „что его императорское величество прожект Академии апробовал", как о том думали в Академии через месяц после сенатского указа,[2] остается невыясненным. Очевидно, что Штатс-контора могла послать лишь сенатский указ, касавшийся доходов Академии и запрещавший тратить ассигнованные ей средства на другие надобности. К указу Сената Штатс-конторе не был приложен проект Блюментроста, который вносил существенные дополнения в сенатский указ, коснувшийся лишь финансовой стороны дела. Ввиду отсутствия этого проекта в распоряжении коллегий и канцелярий очень скоро начались недоразумения по поводу толкования прав нового учреждения, и тем самым начались затруднения в работе Академии.

VI

Блюментрост и Шумахер, которым пришлось проводить в жизнь проект Академии, держались того мнения, что Петр „апробовал" весь проект в целом; так, в „Журнале Академии Наук" за 1724 г. мы читаем:„ Его императорского величества лейб-медикус Лаврентий Блюментрост подал прожект о восстановлении Академии наук, которой 22 [января] в Высоком сенате читан и апробован".[3] В проекте всеподданнейшего доклада Блюментроста 12 февраля 1724 г. читаем также: „Понеже сочиненный проект об установлении академии от его императорского величества всемилостивейше апробован, то ныне надлежит..."[4], и далее намечается ряд мероприятий, необходимость которых основывалась на всех частях проекта, а не только тех, которые были действительно „апробованы" Петром. Позднее Шумахер в официальной переписке даже утверждал, что проект был „подписан" Петром.[5] Такое толкование происшедшего в Сенате 22 января 1724 г. было, вероятно, правильным и соответствовало общему отношению Петра к проекту, представленному Блюментростом. Петр, видимо, одобрил проект в целом, но лишь в четырех местах его, по поводу отдельных пунктов, написал свои резолюции. Возможно,

[1] Этот указ Сената был напечатан в издании Академии Наук „Указы.. государя императора Петра Великого.. состоявшиеся с 1714 году... генваря по 28 число 1725 году", СПб., 1739, стр. 812, но проект Блюментроста с резолюциями Петра не был тогда напечатан и появился впервые в приложении к указу 28 января 1724 г. в ПСЗ, т. VII, № 4443.

[2] Материалы для истории Академии Наук, т. I, стр. 33, № 37.

[3] Архив Академии Наук, ф. 3, оп. 1, № 1, л. 64; № 582, л. I; № 583, л. 1 (на немецком языке).

[4] Материалы для истории Академии Наук, т. I, стр. 27.

[5] Там же, стр. 268—272.

что они были написаны им даже позднее, после ухода Блюментроста, так как последний, зная об утверждении проекта в целом, еще 12 февраля 1724 г. не знал, какая же точно сумма ассигнована на Академию, и в своем всеподданнейшем докладе 12 февраля 1724 г. говорил, что на Академию „определено" 24 000 р.[1] (вместо действительно назначенных 24 912 руб.).

Это недоразумение, как и некоторые другие, связанные с толкованием проекта, объясняются, между прочим, тем, что еще в сентябре 1724 г. Блюментрост и Шумахер не имели в своих руках „генерального проекта об Академии" с резолюциями Петра на нем. Когда 17 сентября 1724 г. Сенат запрашивал Блюментроста о том, что же сделано им во исполнение резолюции Петра на „Положении о установлении Академии наук и художеств" „под пунктом, где о студентах, под дирекцией учителей учащихся наукам и младших первым элементам обучающих," Блюментрост, не говоря ничего о начатых сношениях по поводу привлечения в Академию славянских ученых, дал список наук, которым будут обучаться „студенты" Академии, а в конце своего доношения 25 сентября писал: „И понеже может быть, что императорское величество и иное повелел прибавить или нечто переменил, того ради всепокорно прошу, чтоб мне весь положенный порядок с прибавками милостиво объявить соблаговолили".[2] Под 18 октября 1724 г. в „Журнале Академии" записано, что „Сенат требованной от его императорского величества подтвержденной прожект от Академии наук сюда прислал".[3]

Не располагая довольно долго текстом проекта с резолюциями Петра и имея лишь сведения о том, что он в какой-то мере „апробован", Блюментрост уже в первые дни февраля 1724 г. наметил план мероприятий, которые прежде всего надо было провести в жизнь.

Совершенно правильно считая основным вопрос о приглашении в Академию ученых людей, он полагал необходимым в какой-то форме широко сообщить заграницe о состоявшемся утверждении его проекта. Основное содержание проекта было изложено в особой записке из 19 параграфов, которую в переводе на немецкий и французский языки решено было послать при известительных письмах к русским резидентам и иностранным ученым „в Немецкую землю", во Францию и Голландию, и опубликовать в иностранных газетах.[4]

---

[1] Материалы для истории Академии Наук, т. I, стр. 27. Ср. выше, стр. 318, прим. 1-е.

[2] Там же, стр. 57—58.

[3] Там же, стр. 30.

[4] Там же, стр. 22—25. В дополнение к проекту здесь в § 17 читаем: „Ежели некоторые порядки, как тое во всех зданиях чинится, переменены быть имеют, то надлежит оное чинить единомысленным согласием академиков".

Текст „Экстракта из прожекта академического", напечатанный в лейпцигских „Neue Zeitungen für gelehrten Sachen", 1724 г., в номерах от 17 и 27 апреля, был дан, однако, не в буквальном переводе, а в изложении редакции, которая не разобралась в сущности проекта и дала неточное представление о нем. Это повело к тем многочисленным вопросам, которые были адресованы к Блюментросту прежде всего со стороны немецких ученых, с которыми или прежде, до 1724 г., или теперь им была начата переписка о поступлении их на русскую службу, в Академию Наук.

Здесь на первом месте следует отметить переписку с Хр. Вольфом, с которым сношения начались еще в 1720 г., но продолжались и в последующие годы. Вольф все еще не давал определенного ответа, но в 1724 г. стало вполне ясно, что сам он, несмотря на весьма выгодные условия, которые ему предлагали, в Россию не приедет, но готов принять на себя труд по сношению с учеными, которые согласятся ехать в Россию. Это последнее обещание он выполнял очень усердно, и благодаря его переговорам и сношениям к концу дней Петра были сговорены Вольфом в качестве академиков и студентов к ним такие лица, как профессор высшей математики Я. Герман, профессор физики Х. Мартини, профессор логики, метафизики, а потом экспериментальной и теоретической физики Г. Бильфингер, профессор физиологии, а потом математики Даниил Бернулли (сын Якова Бернулли), профессор математики Николай Бернулли (сын Иоганна Бернулли) и др.

В таком же направлении велась переписка с другим большим эрудитом тех лет — лейпцигским ученым И. Менке, который, выполняя русское поручение, уговорил ехать в Россию профессора элоквенции и церковной истории И. Коля и в качестве студента при нем Г. Ф. Миллера.

Сношения с Вольфом и Менке, а также с некоторыми другими лицами, которые намечались в академики или в студенты к ним (Гейстером, Леопольдом, Доппельмейером, Бургаве, И. Н. Делилем, Буксбаумом и др.), велись или лично Блюментростом, или русскими представителями в Пруссии и Франции — гр. А. Г. Головкиным и Б. И. Куракиным, которые уполномочивались особым императорским указом 17 сентября оказывать содействие Блюментросту в подыскивании и найме для Академии потребных людей. Переписка со всеми этими лицами уже в первый год была весьма большой и требовала большого такта и нередко ловкости со стороны Блюментроста и его ближайшего помощника, библиотекаря Шумахера, который с начала января 1724 г., помимо заведывания библиотекой и кунсткамерой, „дондеже Академия размножитца", стал вести в ней „секретарское дело" [1] и скоро, в связи с отъездом Блюментроста на Оло-

[1] Материалы для истории Академии Наук, т. I, стр. 14 (указ Сената от 18 февраля 1724 г.); ЦГАДА, ф. Сената, № 1924, л. 159.

нецкие воды и затем в Москву, ему же пришлось налаживать и все денежные и хозяйственные дела нового учреждения, на что он получил особое повеление царя.[1]

Переписка с учеными, которую вели Блюментрост и Шумахер в 1724—1725 гг., находится в Архиве Академии Наук и в большей своей части (кроме писем Вольфа и к Вольфу) не опубликована, о ней известно лишь по тем записям „Журнала Академии Наук" за 1724 и 1725 гг., которые тоже не в полном объеме напечатаны в первом томе „Материалов для истории Академии Наук".

Эти письма представляют несомненный интерес для характеристики современных немецких и французских ученых. Вместе с ответами Блюментроста и Шумахера они вносят некоторые подробности и дают дополнения к пониманию генерального проекта и первых шагов учреждаемой Академии. Так, Менке 19 апреля 1724 г. запрашивал, между прочим: „привилегированный ли университет император намерился восстановить, где градусы даются и особливые факультеты чинятся? Оный в Санкт-Петербурге ли, куда немногие для нездравого воздуха ехать охоту показывают, или в Москве быть имеет?" 23 августа Блюментрост отвечал ему „... 1) что еще за недостатком студентов, не намеренось университет восстановить, но токмо собрание ученых, которые бы в науках про себя обращались и по малу юных обучали; 2) Академия будет в Петербурге, где клима еще здоравее, как в Москве есть", и пр.

Сношения с некоторыми кандидатами в академики были особенно трудны ввиду непомерных требований, выполнением которых они обусловливали свое согласие ехать в Россию; среди них особенно большие претензии предъявлял И. Н. Делиль, который требовал одновременного приглашения с собой двоюродного своего брата Л. Делиль Делакройера и механика Виньона. Зная о желании Петра видеть в составе академии таких людей, как Вольф и Делиль, Блюментрост и Шумахер действительно принимали все меры, чтобы пойти навстречу их желаниям. В начале сентября 1724 г. Блюментрост получил согласие Петра на те „шесть пунктов, по которым контракта с профессорами учинять надлежит", а именно: „1) Должен каждый академист на 5 лет обязаться в науках прилежно трудиться, особливо же в тех, которых ему обучать поручено. 2) Должен он в своем училище повседневно один час читать. 3) Систему или книгу о том писать. 4) Некоторых студентов в своей профессии таким образом обучить, дабы они годны быть могли оному со временем последовать. 5) Когда он охоты к службе более не имеет, то имеет он за год наперед о том при Академии письменно объявить

[1] Материалы для истории Академии Наук, т. I, стр. 30.

б) Напротив того, обещает его императорское величество ему повсягодное жалованье, которое ему по четвертям года давано быть имеет". Размеры жалования не устанавливались, но, в зависимости от лица, колебались от 1 000 до 2 000 р., с казенною квартирою, дровами и свечами и оплатой дорожных расходов[1].

Некоторых из ученых интересовал вопрос о том, какому суду они будут подчинены в России, сохранят ли за ними имеющиеся у них чины и пр. Блюментрост уже 12 февраля об этих „пунктах" подал особое доношение в Сенат; в нем же он поставил вопрос о двух-трех „кураторах" „для надзирания над Академией," — „между которыми чтоб был один из первых российского народу особ, к которым бы те члены во всех их делах адресоваться могли".[1] Эти вопросы остались, однако, до смерти Петра без ответа.

Вопрос о штате Академии и ее доходах был разрешен сначала только в отношении суммы последних. Первоначальный штат Академии, за подписью Блюментроста, был представлен в Сенат уже 12 февраля;[2] не зная точной суммы, которую Петр определил на Академию, Блюментрост исходил из суммы в 24 000 руб. По этому первому академическому штату было намечено, в соответствии с проектом, одиннадцать академиков в среднем с окладом 1 000 руб. каждому, секретарь и библиотекарь одно лицо — 800 р., 12 „студентов" с окладом по 250 р., 4 переводчика по 200 р. каждому, живописцу — 400 р., гравировальному мастеру — 400 р. и переплетчику 120 р. На случай, если за 1 000 р. иностранные ученые не согласятся ехать в Россию и придется им давать больше, в штате было намечено еще 2 000 руб. в дополнение к первому пункту штата. Наконец, „на книги, на жалованье работникам, на дрова, свечи, эксперименты и на протчие необходимые расходы" — 5 480 р., а всего 24 000 р.

Эту сумму — точнее 24 912 р. — предполагалось получать из собранных в Нарве, Дерпте, Пернове и Аренсбурге таможенных и лицентных денег; сношения по поводу этих доходов должны были вестись через Сенат. Очень скоро Блюментрост и в его отсутствии Шумахер стали вести непосредственную переписку с местными властями Нарвы и других городов, но эти сношения очень часто не давали определенных результатов,[3] и денежные средства поступали в Академию очень медленно и недостаточно,[4] что, видимо, и повело к докладу Блюментроста, вызвавшему важные решения Сената, о которых говорит случайно найденная мною выписка из его протоколов ноября 1724 г.

---

[1] Материалы для истории Академии Наук, т. I, стр. 27—29.

[2] Там же, стр. 26—27.

[3] Там же, стр. 37, 47.

[4] Там же, стр. 57 (письмо Блюментроста кн. А. И. Репнину, 24 сентября 1724 г.).

Петр, занятый, как всегда, многими делами, нередко болевший в 1724 г., все же не раз возвращался к тем вопросам, которые он ставил перед создаваемой им Академией в своих заметках 13 января 1724 г. Продолжая в январе 1724 г. ставить и обсуждать в Сенате вопрос о школах и училищах, Петр 31 января подписал весьма важный указ о духовном образовании в России, и в тот же день им был подписан другой указ — „о репортовании в Сенат в каждом году дважды о науках в академиях и школах и о коллегии юнкорах... и о фабриках, и мануфактурах, также и горных делах.[1] Академия также получила этот указ и позднее сообщала в Сенат о своих учащихся. 21 мая 1724 г. царь для памяти записал: „Чтоб пока Академия заведетца, школы языков зачать; также о семинариях определить, дабы время не тратилось".[2]

Учитывая интерес царя к вопросу о сосредоточении при Академии работ по переводам и вместе с тем забот об изучении языков, Шумахер уже 16 февраля писал русскому представителю в Вене А. Ланчинскому о приглашении в Россию 12 студентов, знающих славянский и чешский языки. Ответ Ланчинского был получен только в конце июня того же года и давал весьма печальную картину изучения славянских языков и знания их студентами Венского и Пражского университетов. Когда Сенат запрашивал Блюментроста о том, что сделано по выполнению резолюции Петра о приглашении студентов, знающих славянские языки, и каким наукам собираются обучать в Академии, то, ввиду продолжавшихся еще сношений с Ланчинским, Блюментрост не ответил на первый вопрос.[3]

В марте 1724 г. Шумахер стал принимать меры к приглашению в Академию русских переводчиков: Тарасия Посникова, знавшего итальянский язык, Ивана Каргопольского — латинский и французский (оба находились тогда в „Синодальной команде" в Москве), Ивана Горлецкого, знавшего „те же языки" (он находился тоже в Москве у гр. П. И. Апраксина)[4] и др. Но, видимо, ко времени майской записи Петра об организации переводческих работ при Академии еще ничего определенного сообщить было нельзя.

---

[1] ПСЗ, №№ 4450, 4447, ЦГАДА, ф. Сената, № 1924, л. 12.

[2] ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, I, № 53, л. 600 (4-я заметка). О семинариях ср. указ Св. Синоду 31 января 1724 г., ПСЗ, VII, № 4450.

[3] Briefe von Christian Wolff, St. Petersburg, 1860, S.S. 244—246, Материалы для истории Академии Наук, т. I, стр. 47, 57—58.

[4] Там же, стр. 36. Сведения об этих лицах, а равно о других лицах, ставших еще до 1725 г. переводчиками, см. у Пекарского, Наука и литература, т. I, стр. 197 и след.

Как уже отмечено выше, открытие при Академии университета и гимназии откладывалось, но все же связанный с этим вопрос об языках, на которых должно вестись преподавание, а в зависимости от этого и вопрос об языках, которым обучать в школах, поставленный резолюцией Петра, обсуждался в Сенате в конце 1724 г., и Блюментросту пришлось в декабре 1724 г. давать разъяснения по этим вопросам: „Высокому сенату доношением [28 декабря] ответствовано, что те, которые учиться высоких наук и в чем прямом обучиться хотят, должны латинское разуметь, понеже профессоры и студенты будут на латинском языке учить и свои публичные лекционы иметь. Однакож в нижних школах и немецкого, французского, греческого, латинского и пр. отчасти для книг, которые на оных языках писаны, отчасти же для конверзации, юности обучают. А которые не в науках, но токмо мастерствам учатся, те в элементах арифметики и латинскому обучены бывают".[1] В своем доношении в Сенат Блюментрост связывал вопрос об языках, которым обучались в школах, с вопросом о переводчиках, „и потому переводчикам быть не можно меньше как на трех языках, то есть на латинском, немецком и французском"; пользуясь случаем, он высказывал мысль о желательности увеличения числа переводчиков при Академии...

В сентябре 1724 г. Петр, видимо, слушал доклад Блюментроста о том, как идут переговоры с иностранными учеными о приезде их в Петербург, в Академию; именно тогда для ускорения дела было признано полезным привлечь наших дипломатических представителей в Пруссии и Франции: на имя обоих — гр. Головкина и кн. Куракина — были даны 17 сентября указы, подписанные Петром.[2]

Трудно допустить, чтобы о материальных затруднениях Академии Блюментрост не докладывал царю ни разу. Но они продолжались в течение нескольких месяцев и вынудили Блюментроста 4 ноября обратиться в Сенат с особым доношением, показывающим, какое положение создавалось для организуемой Академии и как переживали его ее создатели. Как и вся остальная, переписка Блюментроста с Сенатом за 1724 г. пока не отыскана, но о содержании ее дают представление краткие записи в „Журнале Академии за 1724 г.", отчасти изданные в первом томе „Материалов для истории Академии Наук". Под 4 ноября в этом журнале записано: „Господин лейб-медикус Высокому Сенату доношением предложил, что господа губернаторы из Нарвы и Риги без повторительного указу от Камор-коллегии денег отпустить не могут. И понеже сие есть против плана Академии, императорского намерения и сенат-

[1] Материалы для истории Академии Наук, т. I, стр. 73, 75, 76.
[2] Там же, стр. 56, 59.

ского указу, того ради, чтоб повелено было во оную коллегию указ послать, по силе б которого деньги без избежания и спора отдаваны были".

Донощение заканчивалось необычно для подобных документов, о чем в „Журнале" сохранилась только краткая запись, показывающая, что Блюментрост начинал отчаиваться в успехе порученного ему дела: видимо, ожидая каких-то возражений против издания просимого им нового указа, он писал: „Противным же образом было бы лучше, чтоб от всего дела отстать".

Повлиял ли на Сенат этот вопль Блюментроста, или получение доношения лишь случайно совпало с рассмотрением в Сенате штатов учреждений на 1725 г., но 6 ноября Сенат обсуждал материальное положение Академии; о результатах этого заседания Сената было известно лишь, что 6 ноября 1724 г. состоялся новый указ, на основании которого 24912 р. Академия стала получать „с денежных дворов, из Берг-коллегии".[1]

Среди бумаг Кабинета Петра Великаго[2] оказалась выписка из „протокола" Сената, в которой рассказывается об этом заседании Сената; на нем присутствовал Петр, принявший, как обычно, живое участие в обсуждении.[3]

В выписке читаем: „В протоколе [Сената] записано: его императорское величество, в присутствии своем в Сенате ноября 6 дня 1724 года, изволил слушать учиненную в Сенате штату табель и при том между протчими делами написано: в академии написаны оклады: в прежнюю [т. е. в Морскую, основанную в 1715 г. — *А. А.*] 20000 рублев из Штатс-конторы, а в новую 24912 рублев з денежных дворов и с переделу ефимков.[4] И его величество изволил говорить, что на новую академию зборы положены в Нарве и в протчих местах особые. На что донесено, что те зборы збираютца ефимками и отдаютца на денежные дворы,

---

[1] Материалы для истории Академии Наук, т. I, стр. 304, 350—351; ср. там же, стр. 65 (№ 123).

[2] ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, II, № 93, л. 50. Позднее Е. П. Подъяпольская нашла в ЦГАДА, в фонде Сената, протокол Сената 6 ноября 1724 г. (№ 1942, лл. 37—38) и выписку из протокола 6 ноября 1724 г. (ЦГАДА, ф. Сената, № 1935/54, л. 190 и об.), по содержанию близкую к той, которая найдена мною в Кабинете Петра Великаго.

[3] В „Походном журнале 1724 г. ", СПб., 1913, 2-е изд, стр. 22, под 6 ноября 1724 г. ничего не отмечено, но со 2 ноября и до конца года Петр находился в Петербурге и жил в том же „Зимнем доме", где находился также Сенат (там же, стр. 25).

[4] Очевидно, еще до утверждения новых штатов Сенат уже предполагал изменить положение о денежных средствах новой Академии (см. сенатский указ 28 января 1724 г.), но сделал это без предварительного согласия Петра, что и повело к выступлению царя, о котором говорится далее в выписке.

и для того написано, что платить з денежных дворов. Его ж величество изволил рассуждать, что то число положено только для начатия той Академии, а впредь оным числом исправитца не может. И указал обоих академий оклады совокупить вместе, и когда новая Академия устроитца, тогда нижнюю [т. е. Морскую. — *А. А.*], в которой учатца арифметики и геометрии, подчинить той Академии [т. е. новой, создаваемой по проекту 22 января 1724 г. — *А. А.*], а из оной брать учеников в Адмиралтейство и в артиллерию и в другие места. А по справке с штатами на вышеозначенные академии велено отпускать суммою з денежных дворов: на прежнюю 22 452 р., на учиненную вновь вышеписанную сумму 24 912 р."[1]

Новый порядок получения Академией денежных сумм должен был облегчить ее положение, но несмотря на это приток средств едва ли увеличился сильно, и когда была составлена расходная ведомость („табель расходов") за 1724 г., то оказалось, что на „новоучиненную Академию" была израсходована не вся штатная сумма (24 912 р.), а немного более ее половины (12 955 р.).[2]

Протокол Сената 6 ноября 1724 г. разъясняет происхождение той суммы для Академии (20 000 р.), которая приводилась в проекте Блюментроста: она была взята из штата „прежней" академии, т. е. ранее основанной Морской,[3] но, увеличенная до 24 912 р., она рассматривалась Петром как первоначальная — „только для начатия" Академии Наук. Эту сумму Петр предполагал увеличить почти вдвое и вместе с тем „подчинить" „новой Академии" Морскую академию, которая давала только первоначальное образование, хотя и носила название Академии. Так понимал „оклад" Академии сам ее создатель, но эта его мысль не получила своего осуществления, и Академия, когда она уже весьма широко развернула свою деятельность, все еще продолжала получать 24 912 р., хотя этих средств нехватало на ее насущные нужды уже в первые три года ее деятельности.

---

[1] Указ Сената о новом порядке получения штатных сумм, состоявшийся на основании его постановления 6 ноября, подписанного 10 ноября, был получен Академией 23 ноября 1724 г. (Материалы для истории Акад. Наук, т. I, стр. 651); 4 декабря 1724 г. о том же сообщала Академии Штате-контора (ЦГАДА, ф. Сената, № 1203/3, л. 25 и об.).

[2] П. Н. Милюков, Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого, 2-е изд., СПб., 1905, стр. 494, 495.

[3] См. также „Книгу высочайших повелений", № 26, л. 100 (справка об окладе „Академии Адмиралтейской" (22 459 р.), о сумме доходов с Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга (24 912 р. 20 к.), о сумме почтовых доходов (19 212 р.) и „ежели за кабинетские и колеские письма не платить, то 16 400 р.".

Когда в августе 1732 г. Блюментросту пришлось давать Верховному тайному совету объяснение причин большого перерасхода (на 10 618 р. больше, чем утвержденная сумма в 24 912 р.), образовавшегося к этому времени, то Блюментрост эту разницу, кроме прибавок к жалованию академикам и служащим и других „потребных необходимых нужд", объяснял особенно тем, что на оклад Академии Наук „также и Академия искусных художеств содержится, которую блаженные и вечнодостойные памяти его императорское величество Петр Великий учредить и на оную довольную сумму определить хотел", но не успел, а „Академия Наук и художеств", в интересах „истинной пользы и чести... Империи", старалась развивать „художества" и тратила на „мастеровых и ремесленных людей" с их учениками около 5 000 р. ежегодно".[1]

Проект выделения из Академии Наук и Художеств специальной Академии Художеств относится к последним дням жизни Петра.[2] Автором его был токарь Петра А. К. Нартов. О том, что Петр читал его проект, свидетельствует написанный им на проекте перечень „художеств", которые должны преподаваться в этой Академии, но никаких других данных (кроме сообщений Блюментроста, Шумахера и самого Нартова о намерении Петра „учредить" такую академию) не сохранилось. И Академия Наук довольно долго выполняла также обязанности Академии Художеств в том понимании последних, как „мастерств и ремесл", которое отмечалось уже неоднократно.

Первый год своего существования Академия Наук заканчивала, уже имея известные достижения. Начатое в 1724 г. ее первоначальное „устроение", при всех трудных ее материальных условиях, все же подходило к концу. Академия получила „дом" (принадлежавший прежде П. П. Шафирову), в котором шли работы по приспособлению его для нужд Академии; на нее отпускались известные средства для того небольшого штата служащих, который был к концу года заполнен: в числе ее сотрудников появились художники: „малерша" или „маляриц" Мария Доротея Гзель с учениками, работавшая при кунсткамере; последняя вместе с библиотекой явились первыми академическими учреждениями, руководимыми секретарем Академии Шумахером. При Академии начал работать „господин Растрелли", который, по ее поручению, готовил подвижную статую великана Буржуа; а скоро на него же была возложена печальная задача — делать статую Петра Великого. Живописец Иоганн Матернови в сентябре 1724 г. был зачислен в число академических служащих, чтобы отправиться в первую академическую экспедицию.

[1] ЦГАДА, ф. Сената, № 1203/3, л. 3.

[2] Сборник Русского исторического общества, т. XI, стр. 558—562; Материалы для истории Академии Наук, I, стр. 76—79, 66—67.

При Академии в этот первый год работали переводчики: лекарь Максим Петров Сатаров, который уже в мае 1724 г. перевел с латинского и доставил секретарю Академии какой-то „Каталог антропоген [ум?] и тезаурум рут [енум]"; позже упоминаются и другие переводчики: Иван Горлецкий, Степан Коровин и др., которые приступают к переводу книг. Появляются в Петербурге иностранцы, которые стремятся поступить в Академию на соответствующую работу. Таков, например, „студент ботаники" Дешизо, который приехал в Петербург с рекомендательным письмом И. Н. Делиля. В письме Делиль, кстати, развивает целый план „астрономических обсерваций" в России и устройства „обсерваториума". Не все рекомендации, конечно, принимались, и „господин фон Слейбе" напр., не попал в Академию, хотя его рекомендовал „господин резидент Бетигер"; и сам Слейбе себя также рекомендовал, но „столько обещал, что [стало] опасно, что он не прямого сорту есть".[1]

Располагая некоторыми материальными возможностями, Блюментрост и Шумахер уже в 1724 г. стали хлопотать об организации первой академической экспедиции. Кандидат медицины профессор Иоганн Буксбаум в сентябре 1724 г. заключил контракт с Блюментростом сроком на 5 лет о путешествии в Турцию и Персию, а при благополучном возвращении оттуда обязывался работать в „аптекарском огороде" и обучать там студентов ботанике. Тогда же была выработана для Буксбаума инструкция, которую он должен был выполнять, а „директору академическому" — по временам присылать „порядочные реляции". С ним должен был поехать упоминавшийся уже „живописец" Матернови. Экспедиция тогда же отправилась в свой путь в составе русского посольства А. И. Румянцева и выполнила много ценных работ по естественно-историческому изучению стран, лежащих на Черном и Каспийском морях.[2] Наконец, весь 1724 г. неутомимо велись сношения с иностранными учеными, чтобы „склонить" их ехать в Петербург в „новосочиняемую" Академию, и эти сношения к январю 1725 г. дали определенные результаты.

Все указанные факты свидетельствуют от том, что новое учреждение уже входило в жизнь. Его успехи в значительной мере зависели от того, что основатель Академии—великий Петр неустанно и неуклонно следил за ее развитием.

28 января 1725 г. Петр скончался. В ряду петровских учреждений, дальнейшая судьба которых ставилась под вопрос, была и Академия Наук. Уже в первые дни нового царствования Блюментрост должен был обратиться к императрице Екатерине с особым докладом, в котором,

[1] Материалы для истории Академии Наук, т. I, стр. 49, 51, 57, 60, 74, 91; т. VI, стр. 80, 83.

[2] Там же, т. I, стр. 53, 55, 62, 98, 102, 135, 149; т. VI, стр. 57—59.

между прочим, отмечал, что Высокий Сенат находится в неуверенности, кому будет поручено дальнейшее руководство Академией, и что можно опасаться, что русские резиденты за границей будут в затруднении оказывать ему помощь в переговорах с иностранными учеными, а последние могут расторгнуть уже заключенные договоры. Блюментрост просил подтвердить (confirmer) генеральный проект об Академии, одобренный Петром.[1]

23 февраля императрица подписала указы князю Б. И. Куракину (послу в Париже) и графу А. Г. Головкину (в Берлине), в которых, ссылаясь на полученные ими от Петра указы 17 сентября 1724 г., между прочим, писала: „И понеже мы всемерно желали все дела, зачатые трудами его величества, а особливо оное [... желание Петра устроить Академию для важных наук и художеств], яко зело надобное дело в пользу государственную на том же основании действительно исполнить, по вышепоказанному его высокославной и вечно достойной памяти императорского величества указу, и тех людей, о которых вам в указе [17 сентября 1724 г.] написано, обнадежьте нашего императорского величества милостью, чтобы по своим контрактам без сомнения следовали сюда".[2]

Вскоре приглашенные ученые стали прибывать в Петербург, где попрежнему принимались меры к достойному приему их и к началу научной деятельности Академии.

VII

Началом научной деятельности Академии можно считать уже август 1725 г., когда стали собираться первые конференции академиков.

Протоколов этих первых заседаний не сохранилось: они имеются лишь с ноября 1725 г., но, несомненно, что уже в августе, сентябре и октябре конференции происходили: некоторые доклады, прочитанные в эти месяцы, напечатаны (с соответствующей отметкой) в первом томе академических „Комментариев"[3] ...

В конце сентября 1725 г. Блюментрост подал в Кабинет императрицы особый доклад, в котором, между прочим, писал:

„Понеже по указу вашего императорского величества профессора с студентами своими в Санктпетербург прибыли, и все, которое к регламенту и порядку Академии надлежащее, по закрепленному проекту от его

---

[1] Архив Академии Наук, ф. 1, оп. 3, д. № 2, лл. 256—257 об. (без даты).

[2] Материалы для истории Академии Наук, т. I, стр. 91—92; ЦГАДА, б. Гос. архив, разр. XVII, № 59.

[3] Г. Ф. Миллер, История Академии Наук (Матер. для ист. Акад. Наук, VI, стр. 73, 75.).

величества..., согласием всех профессоров окончено, ныне надлежит, чтоб ваше императорское величество о сем известны были, такожде, чтоб в народе ведали, в чем сия Академия трудиться будет и каким наукам в оной можно обучаться". Блюментрост просил „исследовать" представляемый им „регламент", „что в нем есть исправить, и что оставлено в народ объявить..."

Надеялись, что подготовленный уже регламент Академии будет вскоре утвержден и опубликован; авторы его — Блюментрост и профессора Академии считали, что регламент лишь развивает те мысли, которые положены в основу генерального проекта, „апробованного" Петром... Но ни тогда, ни позже, до конца дней Екатерины I, этот первый академический регламент не был утвержден. О причинах неутверждения приходится гадать, так как точных сведений пока не найдено. Вместо того 20 ноября 1725 г. императрица подписала в Кабинете „указ господам Сенату", в котором, отметив труды покойного императора по созданию Академии, от имени императрицы было сказано:

„Мы же в сем деле положенные труды его императорского величества... желая произвести в действо для пользы государственной оную Академию Наук ныне, на основании учиненном от его императорского величества, и в ней президента лейб-медикуса нашего Лаврентия Блюментроста определили. И сей указ велите в народ публиковать, дабы о той Академии всяк ведал, и имели б тщание отдавать в разные науки детей своих и свойственников. А каким образом оные ученики будут в той Академии содержаны, и каким наукам будут их учить, о том вскоре будет выдан в печать особый регламент".[1]

Указ 20 ноября 1725 г. окончательно утверждал положение Академии Наук в системе других учреждений того времени. Назначая ее первого президента, императрица вместе с тем признала необходимость издания регламента нового учреждения.

Указ Екатерины I составлялся и был подписан в те дни, когда в конференции Академии Наук происходили горячие споры по поводу докладов профессоров Германа и Бильфингера; в их лице выступали сторонники и противники Ньютона,[2] — учение великого Ньютона уже не в первый раз было предметом обсуждения в заседаниях молодой Академии, и в этих докладах и спорах ярко проявился тот большой интерес к Нью-

[1] Черновик указа в ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, I, № 33, л. 104; копия там же, II, № 93, л. 502. Напеч. в Материалах для истории Академии Наук, I, стр. 158—159. Указ был получен в Сенате 7 декабря 1725 г., когда и состоялось постановление Сената о назначении Блюментроста президентом.

[2] Протоколы заседаний Конференции Академии Наук, т. I, СПб., 1897, стр. 2; Материалы для истории Академии Наук, VI, стр. 75.

тону, который наша Академия отмечала и во все последующие годы своей деятельности.

В конце 1725 года состоялось первое публичное собрание Академии, а с начала 1726 года она приступила к выполнению другой своей задачи — обучению русского юношества наукам и художествам; в январе 1726 г. начались публичные лекции академиков и занятия с учениками академической гимназии...

Б. Б. КАФЕНГАУЗ

ЭПОХА ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

I

Советская историческая наука и советская общественность проявляют большой интерес к сложной и бурной эпохе Петра Великого, которая справедливо рассматривается как один из важнейших узловых моментов истории народов СССР. Советские ученые получили от предшествующих поколений историков в этом отношении большое наследие, и они сумели сделать определенное приращение к нему, далеко неравномерно, однако, распределенное между отдельными научными проблемами.

Можно наметить три направления, по которым двигалась разработка истории эпохи Петра Великого в дореволюционной исторической литературе. Во-первых, накапливался, систематизировался и издавался разнообразный материал по этой эпохе; во-вторых, шла довольно интенсивная монографическая разработка отдельных вопросов, выразившаяся в ряде исследований, и, наконец, делались попытки общей оценки и характеристики петровских преобразований, и, может быть, эти попытки появляются раньше и предшествуют даже накоплению материала и научной его разработке. Эта длительная научная работа над освещением эпохи Петра дала свои положительные результаты в виде ряда томов документов, актов, переписки, мемуаров, а также монографий и философско-исторических обобщений о значении петровских преобразований.

Марксистско-ленинская наука должна критически усвоить это научное наследство, но, вместе с тем, советские историки ставят и новые научные задачи, — они должны итти навстречу научным запросам своего времени и дать свое освещение этих проблем. Изучение эпохи Петра издавна является в известной мере проверкой правильности той или иной исторической теории. Эпоха эта занимает слишком важное место в истории России, и естественно, что каждое поколение, каждое научное и политическое учение должно было, со своей стороны, дать свое понимание и освещение ее.[1]

Советская наука исходит при этом из указаний классиков марксизма-ленинизма. Впервые в монументальном советском издании сочинений Маркса и Энгельса читатель получил возможность ознакомиться с наибольшей полнотой с высказываниями о Петре I основоположников марксизма-ленинизма. В переписке Маркса и Энгельса и в их отдельных работах часто встречаются беглые упоминания о Петре Великом; укажу в качестве примера крылатое выражение Маркса в статье о Прудоне, что „Петр Великий варварством победил русское варварство".[2] В целях ознакомления с петровской эпохой Маркс изучал английские памфлеты начала XVIII столетия и другие источники в Британском музее; об этом он сообщает в письме Энгельсу: „В музее я сделал несколько исторических открытий о первых десятилетиях восемнадцатого века, касающихся борьбы между Петром и Карлом XII (шведским)".[3] Позднее Энгельс также пишет Марксу: „Теперь читаю о Петре I".[4] Они интересовались всего более внешней политикой Петра, видя в ней корни последующего военного могущества России и ее огромного международного веса.

В книге „Секретная дипломатия XVIII века" Маркс отметил в качестве наиболее характерной черты политики Петра I его стремление к овладению морскими берегами и подчеркнул неизменную преемственность русской внешней политики. Он указывает в отношении Петра Великого на „ту характерную смелость, с которой он воздвиг новую столицу на первом завоеванном им куске балтийского побережья". В результате петровских завоеваний Россия получила возможность непосредственных экономических и культурных сношений с Западной Европой, при этом по снабжению рядом товаров западноевропейские

---

[1] В нижеследующем изложении, останавливаясь на отдельных работах, автор не ставит целью дать полный перечень всего написанного и изданного в советской печати об эпохе Петра I. Полная советская библиография эпохи Петра I составлена библиографическим отделом Библиотеки Академии Наук СССР в Москве.

[2] Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIII, ч. 1, стр. 29.

[3] Там же, т. XXII, стр. 112—113.

[4] Там же, т. XXIII, стр. 147.

страны оказались в зависимости от русских; наряду с этим политика Петра привела к необходимости европеизации страны.[1]

Энгельс дал высокую оценку Петра как политического деятеля. Он называет его „дальновидным монархом, начертившим своим преемникам всевозможные направления для завоеваний".[2] Он признает Петра „действительно великим человеком", противопоставляя его Фридриху „Великому". Он ставит в заслугу Петру, что тот „первый вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе. Он ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики как по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше, .. так и по отношению к Германии".[3] Вместе с тем Энгельс указал на рост крепостного гнета при Петре I: „Со времен Петра началась иностранная торговля России, которая могла вывозить лишь земледельческие продукты. Этим было вызвано угнетение крестьян, которое все возрастало по мере роста вывоза, ради которого оно происходило, пока Екатерина не сделала этого угнетения полным и не завершила законодательства. Но это законодательство позволяло помещикам все более и более притеснять крестьян, так что гнет все больше усиливался".[4]

Петербургский большевистский комитет выпустил две листовки к празднованию 200-летия основания Петербурга в 1903 г. В них отмечен прогрессивный характер деятельности Петра, сказано, что „умным и сильным человеком был Петр Великий и принес немало пользы для своего времени". Он сумел „прорубить окно в Европу" для развития „сношений с заграничными государствами". Вместе с тем, в листовке отмечено усиление царского деспотизма и порабощение народа. В листовке указывалось, что петровские реформы были первой попыткой ввести Россию в семью европейских государств, но здесь неправильно рассматривается деятельность Петра как „полный разрыв с московской стариной". „Как можем мы достойно отпраздновать 200-летие Петербурга? — спрашивали петербургские большевики. — Только докончив великой политической революцией и полным низвержением самодержавия то, что начал основанием Петербурга великий, но полудикий деспот. Только избавившись от полицейского деспотизма, только добившись демократической конституции, мы действительно войдем в семью европейских народов". В предисловии к сборнику листовок петербургских большевиков т. Быстрянский, отметив эту характеристику деятельности Петра, как

---

[1] Marx, Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century, London, 1899, гл. VI.
[2] Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XI, ч. 1, стр. 363.
[3] Там же, т. XVI, ч. 2, стр. 12.
[4] Там же, т. XIV, стр. 370.

передовой и прогрессивной, противопоставил ее неправильным схемам М. Н. Покровского.[1]

В. И. Ленин указал прогрессивное значение эпохи как начала европеизации России при Петре, но вместе с тем отметил, что петровские реформы проводились с чрезмерной грубостью: „Пётр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствамм борьбы против варварства".[2] Важнейшее значение для понимания времени Петра, как и всего XVIII столетия, должно иметь указание Ленина, противопоставлявшего самодержавию XVII в. с боярской думой „самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами „просвещенного абсолютизма".[3]

Товарищ Сталин указал на прогрессивное значение петровских преобразований как попытки борьбы с техно-экономической отсталостью страны, отметил их значение для создания и укрепления национального государства. При этом товарищ Сталин выяснил классовый характер петровского государства, укреплявшегося за счет крепостного крестьянства в интересах господствующих классов: „Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости. Вполне понятно, однако, что ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации отсталости нашей страны...".[4]

В беседе с Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. товарищ Сталин дал характеристику сущности государства Петра Великого: „Да, конечно, Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры".[5]

Новый этап в советской исторической науке связан с реализацией постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. об изучении гражданской истории и с замечаниями Сталина, Кирова,

---

[1] Листовки петербургских большевиков (1902—1917), т. I, ОГИЗ, 1939, стр. 88—89.

[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. XVI, стр. 314.

[3] И. В. Сталин, Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б), Вопросы ленинизма, 9-е изд., стр.359.

[4] Там же, т. XIV, стр. 18.

[5] И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, 1938, стр. 3.

Жданова на конспекты по истории учебников. В постановлении партии и правительства 26 января 1936 г. была выдвинута задача разоблачения антинаучных взглядов так называемой „исторической школы" Покровского, было указано, что „задача преодоления этих взглядов является необходимой предпосылкой как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской исторической науки". Выход „Краткого курса истории ВКП(б)" в 1938 г. кладет прочную основу расцвету исторической науки СССР.

В изданном Академией Наук СССР сборнике статей „Против исторической концепции М. Н. Покровского" разоблачены также ошибки и извращения в оценке эпохи Петра. А. М. Панкратова в своей статье о развитии исторических взглядов Покровского отметила, как далека сделанная им характеристика Петра от „сталинской, — научной, конкретной и глубоко марксистско-ленинской оценки роли такой выдающейся личности, как Петр I". „М. Н. Покровский не дал марксистско-ленинской оценки личности Петра и не показал его прогрессивной роли, как это делали Ленин и Сталин",[1] — говорит А. М. Панкратова. В том же сборнике М. В. Джервис в статье „Внешняя политика самодержавия в XVIII веке" вскрыл ошибки М. Н. Покровского в освещении истории Северной войны. М. Н. Покровский отрицал прогрессивный и справедливый характер этой войны, которая на деле велась за возвращение отнятых у русских шведами берегов Балтийского моря. М. Н. Покровский неверно объяснял ее воздействием пресловутого „торгового капитала" и не понимал огромного значения победы России над Карлом XII, вторгшимся на поля Украины.[2] В статье Б. Б. Кафенгауза „Реформы Петра I в оценке М. Н. Покровского" показано, что Покровский дал неверное освещение экономической основы петровских реформ, будто бы заключавшейся в „торговом капитализме"; совершенно неправильно в петровской промышленной политике он видел только „крах" и неудачи. М. Н. Покровский не понял классовой природы петровской империи, являвшейся национальным государством помещиков и торговцев, тогда как он неправильно усматривал в нем буржуазную администрацию и переход власти от феодалов к торговой буржуазии. Он дал отрицательное, грубо неверное изображение личности Петра, игнорируя марксистско-ленинское учение о роли выдающихся личностей в истории. М. Н. Покровский оказался в плену буржуазных исторических воззрений. Разоблачение ошибок „школы" М. Н. Покровского содействовало последующему росту

[1] Сборник „Против антиисторической концепции М. Н. Покровского", ч. 1, М., 1939, стр. 55.

[2] Сборник „Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского", ч. 2, М., 1940, стр. 182—185.

советской исторической науки. Научно-исследовательская литература дала возможность создать для средней и высшей школы учебники по истории, стоящие на высоком научном уровне.

При изучении и оценке работ советских историков в отношении петровских реформ необходимо учитывать основные этапы в развитии советской историографии. Проф. А. М. Панкратова различает в ходе нашей исторической науки три этапа: в первом периоде, охватившем 1917—1924 гг., на историческом фронте, наряду с внедрением марксистско-ленинских идей, еще были живучи идеалистические или вульгарно-материалистические взгляды на историческую науку; второй период, занявший приблизительно 1925—1936 гг., характеризуется борьбой с идеалистическими извращениями, закончившийся ликвидацией влияния „школы" М. Н. Покровского; третий период начинается с 1936 г., когда советская наука быстро двинулась вперед благодаря указаниям правительства, партии и личному руководству товарища Сталина.[1] Работа по изучению эпохи Петра I всего шире могла быть поставлена лишь в третьем периоде. Это обстоятельство необходимо учитывать, чтобы понять, почему ряд вопросов лишь начат изучением, только поставлен в нашей литературе, — их полное освещение станет делом ближайшего будущего.

II

Важнейшее значение для углубленного изучения эпохи Петра Великого имеет публикация документов, первоисточников. Несмотря на тяжелые для хозяйственной и культурной жизни годы гражданской войны, было сделано все необходимое, чтобы обеспечить выход в свет уже законченных подготовкой работ. Однако новых крупных публикаций и исследований в этот первый период не выходило. В в 1918 г. вышел очередной седьмой том „Писем и бумаг императора Петра Великого", начавших издаваться в 1887 г., когда вышел первый том этой образцовой в археографическом отношении серии. Седьмой том издан под редакцией чл.-корр. Академии Наук И. А. Бычкова и акад. А. С. Лаппо-Данилевского. Большой размер подготовленного материала и затруднения с печатанием привели к тому, что был выпущен лишь полутом (выпуск 1), охвативший документы, относящиеся к первому полугодию 1708 г., с января по июнь включительно.

Как и предшествующие томы этого издания, том VII делится на два раздела: в первом — письма и бумаги, написанные Петром или им под-

[1] А. М. Панкратова, Советская историческая литература за 25 лет, в сборнике „Двадцать пять лет исторической науки в СССР", изд. АН СССР, 1942, стр. 12—16.

писанные; во втором помещены примечания и письма разных лиц к Петру I, ответы на которые помещены в первом отделе. Ввиду того, что материалы тома сравнительно слабо до сих пор использованы в литературе, полезно задержать на нем внимание читателя. Исключительный интерес его связан с тем, что он содержит материалы, относящиеся к одному из самых замечательных моментов Северной войны — времени булавинского восстания и, вместе с тем, начала полтавского периода войны, когда Карл XII двинулся из Силезии и Польши на восток и подходил к русским границам. Петр готовился к встрече со своим опасным противником, но не знал еще точно, куда направятся шведы. Всего более он опасался удара шведов в Прибалтике, против Петербурга, но учитывал также и возможность других направлений, именно на Псков, что отрезало бы Петербург от основной русской армии, или на Смоленск, что угрожало бы Москве, и предусматривал возможный вариант со вступлением шведов в Украину.[1]

Том открывается письмами Петра I из Москвы от января 1708 г. и „пунктами", посланными царевичу Алексею с приказанием озаботиться укреплением „фортеции" Москвы на случай необходимости обороны тарой столицы. Вместе с тем, он приказывает укреплять границу и „от самого Пскова даже до Смоленска все дороги, внутрь ведущие, зажечь накрепко заранъ".[2] В начале марта состоялся военный совет в Бешенковичах, и сохранились замечания Петра на предложение Меншикова, сделанное им на этом совете. Петр требует при наступлении шведов, чтобы русские войска лишь оттесняли отдельные части шведов, отделившиеся от главной армии, а в остальном предлагает отступать „к удобным местам даже до Смоленска, и не токмо до Смоленска, но и до Дорогобужа к Вяземским лесам".[3] Письма и замечания Петра этого времени свидетельствуют о планомерной подготовке и разработанности плана последующего отступления русских и заманивания врага в глубь страны, чтобы измотать его и обессилить. При отступлении предписывалось забирать с собой запасы, „а достальной фураж и хлеб жечь", а также „засекать леса".[4] Об исключительном личном участии Петра в этой подготовке к встрече его со шведами свидетельствует письмо из Гродно к митрополиту Стефану Яворскому, где Петр писал, что „неприятель к нам так ближитца, что чаем завтра его увидим", и прибавляет: „Мы здесь не то что трудов, но и живота своего за церковь

[1] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. VII, вып. 1 (январь—июнь 1708), Петроград, 1918, стр. 40, 45, 72, 136.

[2] Там же, стр. 45—46.

[3] Там же, стр. 96—98, 225 и др.

[4] Там же, стр. 62.

и отечество жалеть не будем".[1] И здесь же находим характерную биографическую черту; в письме к Екатерине от 29 января вскользь говорится: „Еще же объявляю свою нужду здешнюю: ошить и омыть некому".[2]

Большой интерес представляют письма Петра к его польским сторонникам. Новый польский король Станислав Лещинский был ставленником шведов, но поляки разделились на две партии, и противники Станислава поддерживали низложенного Августа II, ориентировались на Россию и оставались союзниками Петра. Поддержка русских сторонников в Польше, раздираемой борьбой партий и вторжением врага, была важной внешнеполитической задачей России. Петр не устает при каждом удобном случае писать к Августу II и коронному гетману Адаму Сенявскому, возглавлявшему в Польше движение, дружественное России.[3] Эти письма были открыты сравнительно недавно и впервые были напечатаны в своей основной части во Львове, в малодоступном украинском издании „Записок Наукового товарищества имени Шевченко" (вып. VI, 1909). Опубликование их полностью в т. VII „Писем и бумаг императора Петра Великого", среди других документов того времени, позволяет с большой ясностью вскрыть эту существенную линию внешней политики России при Петре I. Этим не исчерпывается ценность настоящего выпуска „Писем и бумаг императора Петра Великого". В нем помещены многочисленные письма, относящиеся к восстанию на Дону под руководством Булавина. С большим вниманием и тревогой следил за ним Петр. Ему было прислано обширное письмо Булавина к коменданту Азова с угрозой напасть на Азов или перейти с казаками с Дона „на другую реку", если против него будут высланы царские войска. Петр собирался немедленно сам выехать в Азов и на Дон, чтобы „сей огнь истребить".[4]

Материалы тома помогают восстановить в деталях жизнь Петра за полгода и его частые переезды из Западной Украины и Литвы в Москву, Петербург и оттуда снова в армию. В материалах этого тома разбросаны во множестве бытовые черты из жизни Петра, рисующие его отношение к Екатерине и ближайшим сотрудникам. В июне 1708 г. в письме из Петербурга наряду с указаниями военного характера он сообщает Меншикову о закончившейся постройке нового корабля, при спуске которого „гораздо веселились". Том кончается многочисленными письмами, относящимися к одному дню, 28 июня 1708 г., кануну отъезда

[1] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. VII, вып. 1 (январь—июнь 1708), Петроград, 1918, стр. 43.

[2] Там же, т. VII, стр. 12—13, 23—25, 32 и др.

[3] Там же, стр. 28.

[4] Там же, стр. 190, 187.

Петра из Петербурга в армию. Затем 30 июня в короткой записке Ф. Ю. Ромодановскому, остающемуся в столице, царь делал последние распоряжения: „Прошу по моем отъезде обойтить город, так же съездить на взморье самое... Piter".

Одновременно с „Письмами и бумагами императора Петра Великого" в том же 1918 г. вышел последний, четвертый, выпуск также исключительного по ценности труда — „Материалы для истории Гангутской битвы", изданные архивом Морского министерства под редакцией Г. А. Князева и Н.В. Новикова. Этот последний выпуск содержит, подобно предыдущим, материалы, позволяющие с значительно большей полнотой восстановить все перипетии этого знаменательного сражения, положившего начало славе военно-морского русского флота. В особенности следует отметить не привлекавшиеся прежде шведские источники — дневники и письма шведского адмирала Ватранга, рисующие яркую картину шведского поражения и растерянность, которую вызвала неожиданная для шведов первая крупная победа русских на море. Гангутская битва расценивалась шведами как исключительное событие, изменившее все положение на Балтийском море, господство на котором перешло к русским.

Последующие годы после выхода этих публикаций не были благоприятны для подготовки монументальных изданий источников. Но несколько позднее начинается разработка и собирание материалов по народным восстаниям, по истории отдельных народов и по экономической истории СССР, в том числе и по истории хозяйства при Петре. Преимущественно издавались материалы по истории промышленности. Ценный исторический материал был опубликован в пятитомном издании Академии Наук „Крепостная мануфактура в России", в него частично вошли также документы петровской эпохи. Первый том занят документами о тульских и каширских заводах в XVII столетии. Преобладающее место отведено в нем материалам 60—70-х годов XVII столетия. Но вместе с ними помещены „отказные книги" 1690 г. на тульские, каширские и алексинские заводы, принадлежавшие прежде иноземцу Марселису, а затем переданные из казны „премьер-министру" ранних лет царствования Петра — его дяде боярину Л. К. Нарышкину. Эти книги содержат детальное описание семи заводов, их строений, оборудования, с перечислением иноземцев-мастеров, русских рабочих, приписных сел и т. п.[1] Данные этих отказных книг, в том числе заключающееся в них описание слободки пришлых людей, работающих по найму, позволили исследователям сделать весьма важные наблюдения об удельном весе наемного труда на заводах конца

[1] Крепостная мануфактура в России, ч. 1 — Тульские и каширские заводы, изд. АН СССР, Л., 1930, стр. 108—187.

XVII в., т. е. уже времени Петра I.[1] В том же издании помещена жалованная грамота 1695 г. царей Ивана и Петра Анне Меллер и ее детям на железные заводы в Малоярославском и Боровском уездах. В этой грамоте с большой подробностью изложены права и привилегии заводчиков. Заводы отданы на 20 лет без оброка и без пошлины, судом ведаются они в Пушкарском приказе, в изъятие от суда воеводы. Заводчики имели право продавать свою продукцию как на внутреннем рынке, так и за границу, с обязательством, однако, поставки в казну определенного количества железа; к заводам была отдана дворцовая волость в 170 дворов со всеми угодьями.[2] Эта привилегия весьма близка к позднейшим грамотам, выдававшимся привилегированным заводчикам в первой четверти XVIII столетия.

Петровский материал, относящийся преимущественно к 20-м годам XVIII столетия, занимает еще большее место в пятой части того же издания, где приведены документы о московском Суконном дворе за XVIII в. Этот материал позволяет очень отчетливо представить возникновение при Петре и дальнейшую деятельност одной из крупнейших мануфактур того времени. Суконный двор в Москве первоначально принадлежал казне, но в 1720 г. был уступлен в эксплоатацию частной купеческой компании Щеголина. Компания получила ссуду в 30 тысяч рублей, ей обеспечивалось 10% прибыли при поставке сукон в казну и давался ряд преимуществ. При этом была поставлена задача „сукон умножать так, что можно будет оными удовольствовать в России и без вывоза из других государств".[3] Компания состояла из 14 купцов из Москвы, Петербурга, Симбирска, Ярославля, Серпухова, Вязьмы и др. Повидимому, они вошли в компанию неохотно, лишь по принуждению, и не торопились с приездом в Москву. Вскоре Берг-коллегия должна была вынести постановление о посылке солдат из московского гарнизона для того, чтобы немедленно выслать с мест „компанейщиков" в Москву на суконный завод.

Мануфактура нуждалась в особом покровительстве со стороны правительства. Ее изделия стоили дороже, чем сукна, продававшиеся мелкими ремесленниками, и компания просила о запрещении мундирной канцелярии покупать у ремесленников, чтобы не подрывать крупного

---

[1] Крепостная мануфактура в России, ч. 1, стр. 109, 123—124; Н. Б. Бакланов, В. В. Мавродин, И. И. Смирнов, Тульские и каширские заводы, М.—Л., 1934 г., стр. 102—103; С. Г. Струмилин, Черная металлургия, стр. 145.

[2] Крепостная мануфактура в России, ч. I, стр. 303—310.

[3] Там же, ч. 5. Московский Суконный двор, изд. Академии Наук СССР. Ленинград, 1934, стр. 3.

производства.[1] Правительство берет на себя заботу по обеспечению Суконного двора шерстью, красками и другими материалами, регулирует отношения компании с овчарными дворами, снабжает ее импортными „припасами". Особенно интересны данные о положении специалистов и рабочих на этой мануфактуре. На ней работали 6 иностранных мастеров „выезжих из Амстердама", они были обязаны обучить русских своему мастерству, а в случае нежелания должны были отправиться обратно, за границу. Наряду с ними работали „шведские арестанты", т. е. военнопленные".[2] В приложении к этому изданию приведены многочисленные статистические таблицы о числе рабочих, продукции и оборудовании. В петровское царствование на этой мануфактуре число рабочих неизменно увеличивалось, и с 598 человек дошло к 1725 г. до 1 165. В этом последнем году петровского царствования на ней было 98 суконных станов и 60 каразейных. О проводимом на мануфактуре разделении труда свидетельствуют данные о трех имеющихся на ней мастерских: в красильной палате стояли медные, чугунные и оловянные котлы для красок и деревянные кубы, в драгшейдерской палате имелись „пристригальные ножницы" и т. п., в парсовой палате стояли прессы железные и деревянные. В 1725 г. продукция Суконного двора составила 22 600 аршин сукна, 59 700 аршин каразеи и 9 193 аршин „стамедов".[3]

Эти сведения рисуют довольно крупное предприятие, покровительствуемое казной, поставленное в привилегированное положение, обеспеченное иностранными специалистами и многочисленными русскими рабочими. Оно является интересным образчиком петровских мануфактур, и собранный материал конкретно показывает меркантилистическую промышленную политику петровской эпохи с ее лихорадочным строительством привилегированных фабрик и заводов. В какой мере это строительство шло за счет жестокой эксплоатации закрепощаемых рабочих, видно из многочисленных челобитных рабочих Суконного двора, обращенных к правительству с жалобой на недодачу заработной платы, побои и т. п. Эти челобитные содержат ценные сведения о заработной плате, специализации труда и организации производства. Они свидетельствуют также о большой настойчивости и энергии, с какой рабочие защищали свои права, вплоть до забастовки, имевшей место в 1722 г.

Можно пожалеть, однако, что составители этого издания часть документов выпустили, заменив их регестами, т. е. сжатым перечислением их содержания. Таким образом пострадали челобитные рабочих за 1722 г.

---

[1] Крепостная мануфактура в России, ч. 5, стр. 40—42.

[2] Там же, стр. 73—84.

[3] Там же, стр. 228, 236—240, 242.

о прибавке заработной платы и вызванные этим объяснения Щеголина. В пропущенных материалах содержатся также данные о нормах ежедневной выработки рабочих и их оплате, с разбивкой рабочих по профессиям.[1] Этот досадный пропуск привел к тому, что это издание далеко неполностью передает имеющийся материал и не освобождает исследователя, пожелавшего разработать вопрос о петровской суконной промышленности, от обращения к архивным материалам. Несмотря на это, данный выпуск „Крепостной мануфактуры" следует признать весьма ценным источником для характеристики легкой промышленности при Петре I. Последующие годы начавшегося с 1936 г. периода исторической науки принесли такую важную для истории промышленности при Петре I публикацию, как издание книги знаменитого петровского инженера Вильгельма де-Геннина, названной в рукописи „Абрисы о горных заводских строениях и о прочих курьезных вещах". Книга Геннина издана в 1937 г. под названием „Описание уральских и сибирских заводов" с вводной статьей покойного историка М. Ф. Злотникова. В предисловии к этой книге акад. М. А. Павлов назвал ее „энциклопедией горного дела и металлургии" XVIII столетия. В продолжении всего XVIII и в начале XIX в., в течение ста лет, ею пользовались в рукописи заводчики, специалисты и студенты-горняки усердно переписывавшие ее как руководство. Отрывки из нее были напечатаны в 1828 г. в „Горном журнале", а полностью она появляется впервые лишь в данном советском издании.

В. Геннин, будучи назначен начальником казенных уральских заводов, приехал на Урал в 1722 г. и в следующем году приступил к строительству завода и крепости Екатеринбурга. Он оставался на Урале с перерывами, когда его вызывали в столицу, до 1734 г., т. е. в течение 12 лет. К этому последнему году его пребывания в Екатеринбурге, вероятно, относится и составление им книги, законченной в марте 1735 г. „Абрисы" Геннина начинаются с описания Екатеринбургского казенного железного завода и организации управления казенными заводами в Сибирском обер-бергамте. Здесь приведены инструкции должностным лицам и специалистам по горному делу, а также устанавливается порядок содержания основанных Геннином при заводе школ — словесных и арифметических. Наибольшее место в „Абрисах" занимает подробное описание производства на уральских чугуноплавильных, железных и медных заводах. Детально описано Геннином устройство плотины, важнейшего заводского сооружения того времени, так как заводы были „вододействующими", т. е. приводились в движение гидроэнергией при помощи мельнич-

[1] Крепостная мануфактура в России, стр. 117—118, 120.

ных колес. Он предлагает „фундаментальное учение, как к лутчему плотины строить и укреплять“,[1] приводит чертежи, рисунки и таблицы с расчетами потребных материалов, их стоимости, о количестве рабочих, с указанием заработной платы и т. п. Так же обстоятельно в отдельных главах рассматривает Геннин „доменное дело“, т. е. выплавку чугуна, и „дело железа из чугуна“, затем „дело крышечных досок“ (выделка кровельного железа), описывает производство стали, меди, якорей и инструментов, медной и прочей посуды и т. п.

Вслед за анализом важнейших процессов тогдашней металлопромышленности, в книге Геннина содержится столь же подробное описание каждого из казенных уральских заводов и частных заводов, принадлежавших Демидову. Относительно каждого из них отмечено его местонахождение, расстояние от ближайшего города, время основания, число строений и „фабрик“ (цехов завода), наличие доменной „фабрики“, молотовой, свирельной (для сверления пушек) и т. п. Указано, где расположены рудники, откуда привозятся прочие материалы, даны сведения о размерах продукции; приводятся данные о числе рабочих и служащих, их заработной плате, о расходе угля, руды и сведения по себестоимости продукции. Наконец, к книге приложена обширная табель, т. е. статистические таблицы о продукции и отпуске с казенных заводов и о вырученных денежных суммах.

Книга Геннина давно, еще до ее издания, получила признание у современников и последующих поколений в качестве руководства по металлургии, а в новейшее время она заняла почетное место среди исторических источников по истории русской промышленности, ее экономики и техники в XVIII столетии. Написанная автором спустя десять лет после смерти великого преобразователя, она, однако, является итогом долголетней деятельности Геннина, в большей своей части проходившей при Петре I (он перешел на русскую службу в 1697 г.). Мимо его книги нельзя пройти при характеристике петровских реформ и того толчка, который дан был последующему экономическому развитию страны.

Наряду с документами по истории крупной промышленности, были впервые опубликованы источники по истории мелкой промышленности в виде изданных Академией Наук СССР „Материалов по истории крестьянской промышленности“ (1935). В этом издании преобладает материал за последние две трети XVIII столетия, однако, вместе с тем, в нем были напечатаны ценные документы и за время Петра I. Целью издания являлось не изучение вообще мелкой или так называемой

[1] Вильгельм де-Геннин, Описание уральских и сибирских заводов. Предисловие акад. М. А. Павлова, Госиздат. „История заводов“, М., 1937, стр. 181.

„неуказной" промышленности, но тех предприятий, которые заведены были крестьянами или представителями крестьянской буржуазии. Здесь имеются сведения о кожевенных заводах, принадлежавших крестьянам богатого подмосковного села Покровского, территория которого позже вошла в черту города Москвы, материалы по заводу красок в Переяславской провинции и т. п. Для изучения экономики петровской эпохи наибольшее значение из этих материалов имеют данные о сельской железоделательной промышленности. В 1724 г. в Берг-коллегии была составлена общая выпись из присылаемых туда ведомостей о количестве ручных горнов или домен, с указанием владельцев в ряде провинций — Новгородской, Тверской, Устюжской, Железопольской, Галицкой, Елецкой и др. В одной лишь Галицкой провинции оказалось 600 мелких горнов. В какой мере это количество значительно и насколько эти сведения пополняют наши знания и меняют привычные представления, можно видеть из того, что современник Петра И. К. Кирилов в своем статистико-географическом труде „Цветущее состояние Всероссийского государства" приводит для той же провинции цифру в 274 горна.[1]

Вместе с тем, приемы издания сборника способны возбудить некоторые сомнения в их целесообразности. Документы обычно приведены неполностью, а в отрывках, и при этом части одного и того же источника или „дела" приводятся в разных местах, как бы разрываются между отдельными частями книги, где сгруппирован материал по той или иной однородной группе производств. Так, некоторые данные о железоделательных крестьянских предприятиях заимствованы из „Регистра Российской империи" 1723 г., содержащего перечень губерний, провинций и рудокопных заводов, а в другом месте книги приведен иной отрывок из того же регистра, касающийся производства красок.

Из материалов о других отраслях народного хозяйства, кроме промышленности, заслуживает внимания опубликованный в „Красном архиве" проект сооружения канала Москва-Волга, принадлежащий тому же петровскому инженеру В. де-Геннину. В 1722 г. Петр I поручил ему разработку проекта этого канала. Согласно представленному Генниным проекту, трасса канала предусматривалась довольно близкой к осуществленному советской властью каналу Москва-Волга. Он должен был пройти по рекам Яуза, Клязьма, Яхрома, Дубровна до села Рогачево. Однако на пути осуществления этого проекта, если такая попытка была бы сделана, неизбежно встретились бы большие затруднения. Геннин писал Петру, что „сия работа будет зело велика", он проектировал

[1] Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в., т. I, изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 183—208, 303.

устройство 123 шлюзов. Между тем, в нынешнем канале имеется всего только 7 шлюзов. Грузоподъемность канала, по Геннину, также была бы вдвое меньше современного. Впервые опубликованный, этот проект должен привлечь внимание исследователей к почти незатронутой истории русских водных путей, к истории таких сооружений, как Вышневолоцкий канал, прорытие Ладожского канала, начатого при Петре, также намечавшегося канала Волга-Дон, где даже начаты были земляные работы, впоследствии заброшенные.[1]

В отмеченных выше публикациях источников проявились новые, но уже прочно укрепившиеся ученые интересы, и притом выдвинутые на первый план в советской исторической науке, а именно интерес к развитию производства и к истории труда. „История развития общества есть прежде всего история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история производительных сил и производственных отношений людей. Значит, история общественного развития есть вместе с тем история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс" („Краткий курс истории ВКП(б)", стр. 116).

Также необходимо отметить, что с 1935—1936 гг. начинается публикация документов по истории отдельных народов, в том числе и петровской эпохи. Укажу на „Материалы по истории Башкирской АССР", изданные Академией Наук СССР. Этот сборник документов охватывает XVII и первую половину XVIII в. Он состоит из пяти разделов: в первом помещены материалы, характеризующие социально-экономическое положение Башкирского края в XVII и первой половине XVIII вв. и вскрывающие причины башкирских восстаний, во втором разделе — документы о восстании в Башкирии в XVII в., в третьем разделе — наиболее интересные для нас документы о восстании 1705—1711 гг. и о последующих событиях в первой четверти XVIII в., в четвертом и пятом разделах напечатан материал о восстаниях во второй четверти века. Материал, помещенный в первом разделе, освещает колониальную политику царизма в Башкирии и вызванные ею восстания в XVII в. Ход восстания 1705—1711 гг., под руководством Кусюма, хорошо отразился в показаниях его участников; они свидетельствуют об огромном размахе восстания. Башкиры жаловались на посланных к ним прибыльщиков, которые требовали с них 4 тысячи подвод, 6 тысяч лошадей и т. п.[2]

Значительный интерес представляет издание малоизученных документов по истории народов Дальнего Востока. Начало этому положено

---

[1] „Красный архив", 1937, № 6.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР, изд. АН СССР, 1936, стр. 226.

сборником „Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.," со вступительной статьей проф. С. Б. Окунь (Л., 1935). Он начинается документами о походе Вл. Атласова в 1697 г. на Камчатку. Сборник дает возможность представить себе общественный строй камчадалов и чукчей в конце XVII и в начале XVIII в. и те изменения, которые произошли в нем под влиянием русского завоевания, а также содержит материал по восстаниям этих народов, происходившим в течение того же периода.

„Документы и материалы по истории Мордовской АССР", вышедшие в Саранске под редакцией Института истории Академии Наук СССР включают документы конца XVII и первой четверти XVIII столетий. Они не являются новостью, перепечатаны из других сборников, но в целом указанное издание представляет значительную ценность.[1]

Изучение истории отдельных народов СССР — мордовского, башкирского, народов Камчатки и др., издание соответствующих первоисточников, выпущенных высшим научным учреждением — Академией Наук, является наглядным выражением национальной политики советской власти и той братской помощи, которую оказывает русская наука многочисленным народам Советского Союза в их культурной работе.

Великая Октябрьская социалистическая революция усилила интерес к истории революционного движения, в том числе к мощным народным восстаниям. Товарищ Сталин говорил в беседе с Эмилем Людвигом: „Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета".[2]

Издание документов по этим темам также начинается с последнего десятилетия, с 1935—1936 гг. Из этих документальных публикаций следует остановиться на сборнике „Булавинское восстание" (1707—1708 гг.), составленном Историко-археографическим институтом Академии Наук СССР (1935). Этот сборник значительно расширяет имевшийся до того материал о восстании Булавина. В нем помещены 249 документов, за отдельными редкими исключениями еще нигде не опубликованных, тогда как известные до тех пор изданные документы об этом восстании, разбросанные по разным изданиям (указатель их приведен

---

[1] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. II, под редакцией Института истории АН СССР, Саранск. Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при СНК МАССР, 1940.

[2] И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, Госполитиздат, 1938, стр. 8.

в сборнике), насчитывают лишь около 170 номеров. Следовательно, настоящая публикация увеличила в $2^1/_2$ раза соответствующий материал, большей частью за счет документов, извлеченных из центральных московских и ленинградских архивов. Сборник состоит из шести отделов. В I отделе — „Накануне восстания" — помещены документы, рисующие взаимоотношения Москвы и Дона, сыск беглых, земельные споры, возникающие в связи с продвижением помещичьего и церковного землевладения на казацкую донскую территорию. В отделе II сгруппированы документы под общим заглавием: „Убийство кн. Долгорукого и начало восстания". Отдел III, наиболее обширный, включает материал на тему „Булавинщина в Азовской губернии"; здесь показан ход восстания на донской территории, а также в районе Тамбова, Козлова, Воронежа и в Слободской Украине. Ряд документов рисует восстание в момент его наибольших успехов, когда Булавин захватил центр донских казаков — город Черкасск, описывает избрание Булавина в войсковые атаманы, движение булавинцев на Волгу и взятие ими Царицына. Отдел IV — „Булавинщина и Запорожье" — вскрывает агитацию Булавина в Запорожской Сечи и участие запорожцев целыми отрядами в восстании. В отделе V — „Булавинщина и движение националов в Поволжье" — показаны попытки булавинцев установить связь с башкирским восстанием; здесь также освещены события на Волге у Царицына и Саратова, где действовал отряд восставших под начальством атамана Некрасова.

Особый интерес представляет отдел VI — „Прокламации и обращения булавинцев". Впервые дается столь обширный материал писем и обращений Булавина и его атаманов, что позволяет уяснить идеологию движения. Остановимся более внимательно на материале этого раздела.

В одном из документов сообщается о рассылке Булавиным „прелестных писем" и передаются слова одного из булавинских атаманов, что они „заколыхали всем государством". Булавинский полковник Лоскут, о котором говорили, что „он был при Стеньке Разине лет с 7", заявлял: „Я... прямой Стенька, не как тот Стенька без ума своего голову потерял".[1] Другой булавинский атаман — Хохлач — говорил, будто Петра и царевича Алексея „в живых нет давно, а владеют-де государством бояре да прибыльщики и немцы".[2] В письме к царским полководцам Булавин объясняет восстание „многими неправдами" донских казацких старшин, которые присваивали посылаемое правительством жалованье,

[1] Булавинское восстание (1707—1708 гг.), Труды Историко-археографического института АН СССР, М., 1935, стр. 130.

[2] Там же, стр. 203.

брали взятки от вновь селившихся, преследовали и ловили беглых крестьян, даже тех, кто поселился на Дону за 20 лет до того и больше. Булавин говорит о своей готовности верно служить Петру и в то же время грозит, что, в случае наступления царских войск против казаков, мы „реку Дон и со всеми запольными реками уступим и на иную реку пойдем". В ряде писем он усиленно повторяет, что готов служить правительству и царю. Вместе с тем, в отписке к казакам на Кубань Булавин подчеркивает правомочность своей власти, указывает, что восставшие действовали сообща, „собрався всех рек казаки, и все войско донское воловой круг учинили", что выборы его войсковым атаманом произведены „всеми реками", всем войском. Здесь же передано содержание обращения Булавина к турецкому султану, в котором он говорит, что „если царь наш не станет жаловать, как жаловал отцов наших, дедов и прадедов, или станет нам на реке какое утеснение чинить, и мы войском от него отложимся и будем милости просить у вышнего творца нашего владыки, а также и у турского царя, чтобы турский царь нас от себя не отринул".[1] Булавинский атаман Голый писал: „А нам до черни дела нет. Нам дело до бояр и которые неправду делают. А вы, голытьба, и вся идите изо всех городов конные и пешие, нагие и босые, идите, не опасайтеся: будут вам кони, и ружье, и платье, и денежное жалованье. А мы стали за старую веру и за дом пресвятые богородицы и за вас, за всю чернь..."[2]

„Прелестные письма" булавинцев с исключительной яркостью выражают накопившийся народный гнев против помещиков и воевод. Но, как обычно в крестьянских восстаниях в эпоху феодализма, идеология восставших представляет смесь революционных мотивов с царистскими настроениями и религиозными, старообрядческими верованиями, в чем и обнаруживается одна из слабых сторон этих восстаний. Товарищ Сталин, говоря о причинах их неудачи, указал: „Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за „хорошего царя". Ведь таков был их лозунг".[3]

Документы по астраханскому восстанию опубликованы В. И. Лебедевым в журнале „Историк-марксист", № 4 за 1935 г., а также в „Ученых

---

[1] Булавинское восстание (1707—1708 гг.), Труды Историко-археографического института АН СССР, М., 1935, стр. 464.

[2] Там же, стр. 466.

[3] И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, 1938, стр. 3.

записках Московского городского педагогического института" (кн. II, вып. 1, М., 1941, стр. 13—32), где помещены „пыточные речи" части обвиняемых извлеченные из секретных столбцов Преображенского приказа.

Перейду к документальным публикациям, являющимся в основном переизданием уже известных в науке печатных материалов. Отчасти к ним можно отнести новое издание знаменитого сочинения публициста петровского времени И. Т. Посошкова „Книга о скудости и богатстве", под редакцией и со вступительными статьями Б. Б. Кафенгауза. Для этого издания вновь были использованы все сохранившиеся списки этого сочинения. Из них был отобран список, принадлежащий Академии Наук выполненный в академической канцелярии по поручению М. В. Ломоносова в 1752 г., т. е. довольно близко ко времени написания его Посошковым (1724). Эта рукопись, наиболее исправная и полная, положена в основу советского издания вместо худшего и более позднего списка, изданного М. П. Погодиным в 1842 г. и повторенного в издании Н. Н. Клочкова в 1911 г., под редакцией А. А. Кизеветтера. Новое издание, благодаря обращению к рукописи, дает множество примеров более ясного чтения по сравнению с прежними изданиями.

Опубликование академического списка сочинения И. Т. Посошкова позволило восстановить крупные пропуски погодинского издания, в том числе, например, место, где автор останавливается на жестокой эксплоатации помещиками своих крестьян: „Есть бо много таких помещиков, — говорит И. Т. Посошков, — летом крестьян своих и людей держат у себя на работе, а зимою посылают в мир и велят по улицам бродить и милостыни просить..." и т. д.[1] Эти слова отсутствуют в рукописи, изданной М. П. Погодиным, но имеются во всех других списках, оставленных им без внимания. В другом случае в новом издании восстановлены резкие замечания И. Т. Посошкова о лютеранах, т. е. немцах, которые М. П. Погодин выпустил, может быть, по цензурным условиям, опасаясь задеть многочисленных русских сановников из прибалтийских немцев: „А люторы я не вем с коего разума называются евангеликами. Они живут скотски, а не евангельски, мясо едят, яко безсловеной скот или яко безграмотная мордва, — говорит Посошков. — Им не то, что таким высоким названием себя нарицать, но и человеками не весьма пристойно им нарицать себя, но токмо прилично и свойственно нарицать себя свиньею, и житие свое нарицать свинским, а не евангельским".[2]

Множество отдельных более мелких разночтений опубликованного

---

[1] И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве; редакция, вступительные статьи и примечания Б. Б. Кафенгауза, Соцэкгиз, Л., 1937, стр. 186.

[2] Там же, стр. 212.

теперь академического списка этого сочинения И. Т. Посошкова, по сравнению с погодинским изданием, дают в новом издании в целом более надежный и проверенный текст „Книги о скудости и богатстве".

„Законодательные акты Петра I" Н. А. Воскресенского отличаются некоторыми оригинальными чертами. Они должны составить многотомный сборник документов, рисующих законодательство Петра Великого в различных проявлениях. Пока вышел первый том, содержащий „Акты о высших государственных установлениях". [1] Составитель сборника ставил перед собой задачу раскрыть ход правотворчества преобразователя и его сотрудников. Ввиду этого каждый указ приведен со всеми черновыми вариантами и редакциями памятника. „Должность Сената" имеет 6 редакций, „Генеральный регламент" — 12 редакций. Наряду с указами помещены отрывки из записных книжек Петра, а также отдельные проекты и записки. Особо отмечены в каждом случае исправления, пометы и тексты, внесенные собственноручно самим Петром,—так, указ об учреждении Сената написан целиком самим Петром, в других случаях ему принадлежат отдельные части или параграфы закона.

К недостаткам этого издания редактор его, проф. Б. И. Сыромятников, относит чрезмерную громоздкость, которую можно было бы устранить печатанием параллельно первой и последней редакций указов с приведением в подстрочных примечаниях всех разночтений по другим редакциям. В предисловии редактора отмечено также, что ряд актов в сборнике Н. А. Воскресенского ничем не отличается от текста Полного собрания законов, но при этом составитель не отмечает, был ли данный текст уже опубликован или печатается им впервые. Следует отметить, что предисловие содержит спорные положения об антифеодальном характере законодательства Петра, которые проф. Б. И. Сыромятников более подробно рассматривает в своей книге, на которой мы остановимся ниже.

Сборник документов „Реформы Петра I", составленный проф. В. И. Лебедевым (1937), издан преимущественно в учебных целях, для ознакомления студентов на практических занятиях с источниками петровской эпохи. В сборник вошло, полностью или в отрывках, свыше 150 документов разнообразного содержания, он значительно превышает по объему подобное издание, вышедшее в 1911 г. под редакцией М. М. Богословского (изд. Н. Н. Клочкова), также имевшего в виду занятия со студентами. В сборнике, составленном В. И. Лебедевым, материал в правильной последовательности расположен по следующим разделам: экономическая политика Петра I, социальная политика, административные реформы,

[1] Н. А. Воскресенский, Законодательные акты Петра I. Редакции, проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Под редакцией и с предисловием Б. И. Сыромятникова. Издательство Академии Наук СССР, 1945.

включая и военные упражнения, колониальная политика, внешняя политика, культура и просвещение. Размеры сборника превышают подобного рода учебные издания, но все же отдельные стороны эпохи, как, например, военная реформа и внешняя политика, было бы желательно осветить более подробно. Документам предшествует предисловие В. И. Лебедева с общей характеристикой эпохи Петра I и приведением соответствующих мест из „Секретной дипломатии" Маркса.

В заключение следует отметить, что к настоящему времени подготовлены к печати обширные материалы по петровской эпохе, выход которых отчасти задержался в связи с войной против германского фашизма.

Подготовлены к изданию следующие томы сборника „Законодательные акты Петра I", составленного Н. А. Воскресенским. Они содержат дельнейший материал по высшим государственным учреждениям, а также законодательство о промышленности, торговле и крестьянстве.

Значительный интерес представляет подготовленный к печати Институтом истории Академии Наук СССР трехтомный сборник документов по истории крупной промышленности при Петре I, составленный Е. И. Заозерской по материалам Берг-коллегии, Мануфактур-коллегии и др. С выпуском этих двух серий весьма расширится и без того весьма обширный печатный материал первоисточников по петровской эпохе.

Подводя итоги, следует подчеркнуть значительное увеличение после Октябрьской революции опубликованных материалов, в особенности по истории петровской промышленности, классовой борьбе и истории отдельных народов СССР за этот период, т. е. по тем вопросам, в отношении которых буржуазная наука не накопила достаточного материала. Эта работа развернулась, главным образом, после известных постановлений партии и правительства в 1934—1936 гг.

III

Советская историческая литература, научно-исследовательская и популярная, отчасти шла по тем же руслам, как и публикация первоисточников. Но вместе с конкретными темами историко-экономического характера и по истории отдельных народов, классовой борьбы и истории государства, выдвигаются вопросы по истории дипломатии и военного искусства при Петре I, а также проблемы, связанные с задачами научно-исторического синтеза, т. е. с общим пониманием эпохи Петра, проблемы, по которым не умолкают споры уже в течение двух столетий. Великая Октябрьская социалистическая революция обострила вопросы синтетического порядка, потребовала новой их постановки, что выразилось в критике „школы" М. Н. Покровского и его взглядов на эпоху

Петра. Интенсивная монографическая разработка этих научных проблем развертывается, главным образом, на текущем этапе советской исторической науки, начиная с 1935—1936 гг., и поэтому не дала еще всех тех результатов, которые от нее мы вправе требовать.

Начну с освещения в советской исследовательской литературе вопросов экономики петровской эпохи, преимущественно истории крупной промышленности. В этом отношении надо отметить труды покойного талантливого историка проф. П. Г. Любомирова. В его „Очерках по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX в." рассматривается организационная структура промышленных предприятий. В основу книги положены данные архивных фондов Мануфактур-коллегий, Комиссии о комерции и печатные первоисточники. Автор интересовался не только петровской эпохой, его наблюдения и выводы строятся на данных всего XVIII столетия. Они имеют существенное значение и для изучаемой эпохи. Свое исследование он строит по отраслям промышленности: отдельные главы книги отведены суконным „фабрикам", полотняным предприятиям, шелкоткацкой, писчебумажной и кожевенной промышленности, в особой главе освещена организация металлургических и металлообрабатывающих предприятий. Переходя от одной отрасли к другой, П. Г. Любомиров ставит своей основной задачей выяснить их производственную организацию. „Суконная фабрика 1720-х годов, — говорит автор, — была построена по типу централизованной мануфактуры с большой концентрацией производства, с далеко проведенной специализацией".[1] Производственный процесс большей частью целиком сосредоточен в стенах мануфактуры от момента получения сырья до выработки сукна; с кустарным производством суконная мануфактура почти не связана, за исключением покупки в отдельных случаях кустарной пряжи или скупки крестьянского сырья. Полотняное производство, если исключить крестьянское домашнее ткачество, также было организовано уже при Петре I в форме централизованных мануфактур. Но особенно ярко характер централизованной мануфактуры проявился в металлургии и металлообработке. П. Г. Любомиров проследил организационную структуру Екатеринбургского завода, Тульского оружейного и других заводов времени Петра I.

В итоге своей работы автор приходит к выводу о наличии в большинстве отраслей в XVIII столетии централизованной мануфактуры с широко проведенным разделением труда, причем по количеству рабочих это были предприятия среднего и крупного размеров. При Петре I

[1] П. Г. Любомиров, Очерки истории русской промышленности XVIII и начала XIX вв., „Прибой", 1930, стр. 33.

на них преобладал невольный, главным образом крепостной, труд, однако наряду с ним применялся и труд наемных рабочих. П. Г. Любомиров заканчивает свою книгу осторожным общим выводом, что „нельзя пройти мимо XVIII века в поисках генезиса русского промышленного капитализма".

В другой, посмертной, книге П. Г. Любомирова подвергается рассмотрению вопрос о географическом размещении русской промышленности, именно одной ее отрасли — металлургии и металлообработки. Автор начинает с характеристики русской крупной металлопромышленности XVII столетия, выясняет те требования, которые предъявлялись при размещении заводов с конца XVII в. и в течение XVIII — начала XIX столетий. Наряду с залежами руды важное значение имели лес как источник топлива, а также учитывалась транспортная ориентация, т. е. удобные связи с рынком сбыта. Но преимущественная роль при определении места сооружения завода принадлежала энергетике, наличию небольшой речки, где можно было бы выстроить плотину, так как предприятия того времени были „вододействующими" заводами.[1]

Особую главу П. Г. Любомиров отвел металлопромышленности при Петре I. Здесь перечислены все металлозаводы, как чугунолитейные, так и железные и медные, и выяснена ведущая роль Урала как промышленного района.

В этих двух работах покойного исследователя надо отметить редкое уменье выделить из сложного комплекса экономической жизни определенные узловые вопросы, которые рассматриваются на тщательно отобранном и разработанном материале. Такими проблемами для П. Г. Любомирова явились: в первой работе — вопрос об организации производства, во второй — география промышленности. Следует отметить при этом четкость его выводов и конкретность исследования. Автор изучает завод за заводом, сопровождает исследование критикой своих источников. Его работами можно пользоваться как надежным пособием для ориентировки в далеко еще не освещенной вполне области — русской крупной промышленности XVIII в. При этом автор не теряет основной нити своего исследовании, остается на уровне крупных научных проблем.

Истории русской металлургии XVIII столетия, в том числе и петровской эпохи, посвящен ряд крупных работ. Для этого направления научных интересов имела значение не только ведущая роль тяжелой промышленности, но и то весьма существенное обстоятельство, что русская металлургия заняла к середине XVIII в. первое место в мире. Уральское

[1] П. Г. Любомиров, Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России, М., 1937.

железо раскупалось в Англии и других странах Западной Европы вплоть до начала XIX столетия, когда промышленный переворот в Англии превратил ее в „мастерскую мира".

Академик С. Г. Струмилин в своем исследовании „Черная металлургия в России и в СССР" (1935) изучает „технический прогресс за 300 лет", как гласит подзаголовок его книги. Автор понимает под техникой не только орудия труда, — его интересует „область пограничных технико-экономических проблем", он включает в предмет своего исследования также методы, приемы и навыки людей в процессе производства, превращая его в изучение „всей совокупности производительных сил страны, включая сюда и человека". Акад. С. Г. Струмилин рассматривает свою тему в историческом разрезе, изучает изменения производительных сил с XVII столетия до наших дней. В центре внимания автора стоит производительность труда и ее возрастание при переходе от феодального строя к капитализму, а затем к советскому строю, к социализму.

Для петровской эпохи С. Г. Струмилин дает ряд интересных наблюдений. Приведенные в его книге сметы доменного и кричного производства (т. е. производства чугуна и железа) на Урале в 1723 г. позволяют выяснить уровень производительности труда и степень его эксплоатации. Рассматривая доменный процесс того времени сравнительно с металлургией XVII в., он приходит к выводу о росте производительности труда. Размер выплавки на 1 домну значительно возрос, составляя на тульских заводах XVII в. 100—120 пудов чугуна за сутки, а на казенных уральских заводах в 1723 г. колеблясь от 156 и до 272 пудов в сутки. Наконец, отметим, что С. Г. Струмилин решительно отказывается от цифры продукции в петровскую эпоху в 6,6 млн. пудов (109 тыс. т) чугуна, приведенной И. Голиковым, справедливо считая ее ошибочной и преувеличенной.[1]

Весьма полезной работой по истории петровской металлургии является книга Н. Б. Бакланова „Техника металлургического производства XVIII века на Урале" (1935). Автор ставит перед собой задачи, связанные с историей технологии, стремится осветить технические приемы получения и обработки чугуна, железа и меди. В основу исследования положена работа Геннина, изученная автором еще в рукописи, до ее издания. Однако значение исследования Н. Б. Бакланова, несомненно, выходит за пределы истории техники. Уже первая глава его книги дает ценный общий очерк „начала и развития горнозаводского дела на Урале". Последующие главы освещают вопросы планировки и по-

[1] С. Г. Струмилин, Черная металлургия в России и в СССР. Технический прогресс за 300 лет, М. — Л., 1935, стр. 147—168.

стройки заводов, а также технику добывания сырья, переработки железной руды в чугун, получения железа и стали и технику выплавки меди, выработки полуфабрикатов, готовых изделий и заводского оборудования. Наряду с ним более общий интерес представляют последние две главы, где автор останавливается на организации труда и дает заключительную общую характеристику заводского дела на Урале.

Сравнение устройства уральских заводов XVIII в. [с постановкой работы в предшествующем, XVII, столетии позволяет Н. Б. Бакланову выяснить далеко подвинувшееся разделение труда. Тогда как в XVII столетии на крупных предприятиях для производства железа из чугуна имелся один „молотовый амбар", в XVIII столетии его место заняли 7 отдельных „фабрик" или цехов одного и того же завода. Прежняя заводская кузница для мелких железных изделий также разделилась на 7 отдельных цехов; появились на крупных уральских заводах жестяная „фабрика", лудильная, проволочная, посудная, слесарная, мастерские для производства гвоздей и т. д. В общем, из 9 цехов, имевшихся на крупнейших железных и медных заводах XVII в., выросли в XVIII столетии 40 цехов. Особенно увеличилось число и разнообразие оборудования и инструментов, употреблявшихся в первой половине XVIII в.; общее число их превышало 600 штук, тогда как для XVII в. перечень инструментов и подсобных орудий производства дает всего 77 номеров.[1] Таким образом, исследование Н. Б. Бакланова указывает на значительный шаг вперед русской металлургии в петровское время и вообще в XVIII столетии в отношении техники и организации производства. В заключительной главе автор наглядно показывает, что уральская промышленность полностью соответствует марксистскому пониманию мануфактуры, являясь органической мануфактурой, где продукт переходит из цеха в цех через ряд рук, занятых лишь одной операцией. Одно из положений автора — об отсутствии дальнейшего технического прогресса в России после 1785 г. — встретило возражения В. В. Даниловского.[2]

Высокие достижения и значительную оригинальность проявила русская техническая мысль XVIII столетия в области устройства гидравлических установок. Уже Геннин в своих „Абрисах" говорил об особенностях устройства плотин на „вододействующих" заводах России. Этому вопросу из истории русской техники посвятил особое исследование В. В. Данилевский. Изучая устройство плотин на русских заводах,

[1] Н. Б. Бакланов, Техника металлургического производства XVIII в. на Урале, М.—Л., 1935, стр. 158—162.

[2] В. В. Данилевский, И. И. Ползунов. Труды и жизнь первого русского теплотехника, изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1940, стр. 47.

в особенности за XVIII в., исследователь пришел к выводу, что итог развития гидроэнергетики в России того времени должен быть признан блестящим. „Даже в условиях крепостнического производства, — говорит он,— были разработаны и успешно построены разнообразные оригинальные гидросиловые установки, свидетельствующие о чрезвычайной одаренности русских гидротехников XVIII в.“ Они ввели, начиная с Геннина, свои оригинальные типы плотин, не применявшиеся в Западной Европе. „Русские гидротехники выработали в первой половине XVIII в. основные принципы сооружения водоудержательных плотин, соответствующих русским условиям“.[1]

Наиболее широкой по охвату работой по истории русской металлургии в эту эпоху и за весь XVIII в. является книга Д. Кашинцева „История металлургии Урала“. В отличие от работ П. Г. Любомирова, расчленившего изучение истории промышленности по отдельным немногим проблемам, Д. Кашинцев, напротив, делает попытку дать общую работу, которая должна осветить все основные стороны развития металлопромышленности. Он останавливается и на вопросах географического размещения заводов, и на размере продукции, обеспечении заводов рабочей силой, типе заводов и их техническом оборудовании, организации и составе владельцев. Его книга имеет значение как сводная работа, дающая общую историческую картину.

Для петровской эпохи Д. Кашинцев, вслед за акад. Струмилиным, отказывается от традиционной цифры выплавки чугуна, идущей от И. Голикова (6,6 млн. пудов чугуна), и путем ряда подсчетов исчисляет приблизительную общерусскую выплавку на 1718 г. в 1617 тысяч пудов чугуна (26 950 т). Чугуном и железом Россия была обеспечена едва ли слабее Западной Европы (исключая Швецию), — на одного жителя России приходилось около 2,5 кг в год. Начало систематического экспорта русского железа с конца царствования Петра способствовало возникновению новых заводов. В общем, за период с 1699 по 1733 гг. создано на Урале 55 заводов.[2]

Общий очерк истории горнозаводской промышленности Урала при Петре I опубликован М. Н. Мартыновым в „Историческом журнале“ за 1944 г. (№ 9). Он основан на самостоятельной разработке опубликованных разнообразных источников.

Из более частных исследований отметим вступительную статью покойного М. Ф. Злотникова к „Абрисам“ Геннина. Автор приводит

---

[1] В. В. Данилевский, История гидросиловых установок России до XIX века, М. — Л., 1940, стр. 58, 206.

[2] Д. Кашинцев, История металлургии Урала. т. I, под редакцией акад. М. Павлова, М.—Л., 1939, стр. 58, 65, 70.

отдельные новые сведения из жизни и деятельности Геннина на Урале, пользуясь его неизданными дневниками. Кроме того, в этой статье приведены данные о борьбе уральских рабочих против гнета заводской администрации. Восставшие рабочие Екатеринбургского завода имели намерение покинуть завод и уйти на новые места, но были усмирены военной силой.

В двух статьях недавно скончавшегося И. В. Мешалина[1] кратко изложены результаты большой работы автора по изучению географического размещения петровской промышленности в целом, по всем ее основным отраслям. Автор приходит к выводу о наличии следующих промышленных районов в первой четверти XVIII в.: 1) районы узкой специальности, а именно металлургии — Урал, Тульско-Окский и Карелия; 2) районы с преобладанием предприятий тяжелой промышленности — Петербург и его округа, Липецко-Воронежский и Волжско-Камский (Казань); 3) районы с преобладанием переработки животного, растительного и строительного сырья с наличием тяжелой промышленности — Центр и Москва; 4) районы, специализировавшиеся на переработке сельскохозяйственного сырья — Украина и Черноземный центр. Досадным недостатком этих статей является отсутствие в них подготовленных автором географических карт, которые сделали бы более наглядными его выводы и наблюдения.

Промышленность при Петре создавалась в значительной мере под воздействием и контролем государственной власти. Привилегии, покровительственные меры наряду с правительственной опекой и регламентацией были характерным проявлением меркантилизма, явления общего для всей Европы того времени и всего ярче проявившегося в экономической политике Франции XVII в. при Кольбере. В этой связи большое значение приобретает изучение промышленной политики Петра I и конкретного руководства и управления промышленностью со стороны государства. Этой теме посвящена монография Д. С. Бабурина „Очерки по истории Мануфактур-коллегии“ (М., 1939). Она основана на изучении оставшихся неизвестными дореволюционным историкам архивных фондов Мануфактур-коллегии и Мануфактур-конторы, лишь недавно открытых. Книга Д. С. Бабурина охватывает деятельность этой коллегии за весь XVIII в. Время Петра I затронуто преимущественно в двух первых главах: глава I — „Характерные черты торгово-промышленной политики Петра и организация Мануфактур-коллегии“, и глава II — „Регламент

[1] И. В. Мешалин, Промышленность России в первой четверти XVIII в. и ее территориальное распределение, Известия Всес. географического общества, т. LXXII, вып. 3, 1940; Его же, Промышленность второй половины XVIII в., Известия Всес. географического общества, т. LXXIII, вып. 2, 1941.

Мануфактур-коллегии". Значительный интерес представляет вскрытая автором история регламента Мануфактур-коллегии, который „явился законодательным документом, оформившим наиболее полно те принципы в области поощрения развития промышленности, которые проводились Петром I до этого, и утверждением тех оснований, которые он считал необходимым для управления промышленностью".[1]

Первоначальный проект регламента был составлен иноземцем Люберасом еще в 1717 г.,—это было известно и предыдущим исследователям. Но после указа 1722 г. о составлении регламентов всех коллегий был составлен президентом Мануфактур-коллегии Новосильцевым новый проект регламента, который после некоторых изменений был утвержден в 1723 г. Этот проект был найден Д. С. Бабуриным и опубликован в приложении к его книге. Автор выясняет разнообразные источники, положенные в основу этого регламента, которым завершается централизация управления русской промышленностью, за исключением горной, которой ведала Берг-коллегия; было покончено с положением, когда промышленность была в ведении разных учреждений. Изучая изложенные в регламенте принципы промышленной политики при Петре, автор указывает на одно весьма выразительное противоречие между регламентом и петровской практикой. На Мануфактур-коллегию возлагалась задача учреждать фабрики к „пользе общего блага и пожитку подданных". При этом было указано, что император „соизволяет всем какого бы чина и достоинства кто ни был, во всех местах, где за благо обрящет, мануфактуры и фабрики заводить". Однако это провозглашение свободы для всех подданных заводить фабрики и заводы на деле не было выполнено. Еще при Петре коллегия получила возможность фильтровать заявки для ограждения интересов дворянства и крупного купечества, — крестьяне-промышленники и „посадская мелкота" не всегда получали разрешение. После Петра правительство еще решительнее повело борьбу с непривилегированными, или „безуказными", владельцами фабрик. В самом регламенте указывалась необходимость давать разрешение на фабрики лишь по ознакомлении с „пожитками и достоинством".

Автор проследил функции и деятельность Мануфактур-коллегии по надзору и суду над фабрикантами и рабочими, по выдаче привилегий и освобождению их от пошлин и т. п. Примером содействия правительства фабрикантам может служить конфликт между фабрикантами и торговцами, разыгравшийся в Петербурге в 1722 г. Фабриканты занялись розничной продажей изделий своих мануфактур, выступая, таким образом, конкурентами розничных, или „рядовых", торговцев. Последние объявили бойкот промышленной продукции и добились указа

[1] Д. С. Бабурин, Очерки по истории Мануфактур-коллегии, М., 1939, стр. 74.

о запрещении розничной торговли фабрикантам. Но Мануфактур-коллегия стала на сторону фабрикантов, и ее президент Новосильцев сделал соответствующий доклад Петру; в результате только что изданный указ был отменен, и промышленники получили разрешение на розничную торговлю.[1] Это является одним из многих примеров преимуществ крупных промышленников, или „компанейщиков".

Мануфактур-коллегия ведала, главным образом, теми отраслями, которые мы теперь называем легкой промышленностью, с добавлением некоторых видов химического производства, а также стеклянными и т. п., вообще заводами, не входившими в понятие горной промышленности и подлежавшими регулированию Берг-коллегии.

Не буду подробно останавливаться на других исследованиях по этим отраслям, но следует отметить, кроме уже названных работ, ценные статьи Е. И. Заозерской, И. И. Власова, И. Коган.[2] В статье Е. И. Заозерской приведены новые данные о поисках каменного угля в Донбассе при Петре I.

Наши сведения об этом ограничивались двумя краткими указами 1722 и 1723 гг. о посылке на Дон подьячего Капустина. Автором выяснено, что Капустин копал уголь с партией в 15 человек в Воронежской губ. Кроме того, были выписаны из Англии специалисты — Джорж Никсон и другие мастера, которые проводили разведки угля в районе Бахмута с артелью из 194 рабочих. Петр сам внимательно следил за этими работами и руководил ими. Исследовав донецкий уголь, Никсон сделал следующее заключение: „Я надеюсь, что здесь добрый угольный завод завести и повсягодно много уголья добывано быть может."[3]

В работе А. Л. Якобсон о ткацких слободах и селах в XVII в. изучен материал соответствующего III т. сборника „Крепостная мануфактура", с документами о дворцовых полотняных промыслах. Разрабатывая этот материал, автор должна была изучить ткацкие мануфактуры конца века, до 90-х годов включительно, т. е. захватить также петровскую эпоху. В работе выяснено постепенное превращение ткачей Кадашевской дворцовой слободы в рабочих дворцовой мануфактуры, работающих на „хамовном дворе". В 80-х годах XVII в. развивается наем

---

[1] Д. С. Бабурин, Очерки по истории Мануфактур-коллегии, М., 1939, стр. 270—272.

[2] Е. И. Заозерская, Богородицкий бумажный завод первой половины XVIII в. в „Очерках по истории торговли и промышленности в России в 17 и начале 18 столетия", Труды Государственного исторического музея, вып. 4, М., 1928; И. И. Власов, Полотняной фабрики директор Иван Тамес, Труды Ивано-Вознесенского губ. научного общества краеведения, вып. 5, 1928; И. Коган, Московские шелковые фабрики первой половины XVIII в., „Старая Москва", Сборн. 1, М., 1929.

[3] Е. И. Заозерская, Поиски каменного угля при Петре I, Известия Всесоюзного географического общества, т. 75, вып. 2, 1943, стр. 55.

вместо себя работников, в слободэ появляется бездворное и безземельное население, тогда как верхушка кадашевцев становится гостями и членами гостиной сотни. В 90-х годах XVIII в. барщинная повинность ткачей по работе на „хамовном дворе" заменяется денежным оброком.[1]

В т. V того же издания „Крепостной мануфактуры", состоящем из документов о московском Суконном дворе, в вступительной статье М. П. Вяткин останавливается на общих вопросах истории петровской мануфактуры. Он указывает, что „компанейщики", владельцы Суконного двора, не имели полного права частной собственности на свое предприятие, переданное им из казны. Собственником оставалось государство, а владение мануфактурой было условным, связанным с рядом обязательств. Условным было и право распоряжения, так как и продукция в известной мере принадлежала государству, и владельцы могли продать оборудование и строения лишь с разрешения правительства. Автор называет эту форму собственности „типично феодальной — это условное владение при сохранении верховной собственности „dominium" за собирательным феодалом — государством". Среди рабочих мануфактуры были наемные рабочие. Они постепенно закрепощались, однако рабочие московского Суконного двора упорно боролись за свои права, и в недрах мануфактуры „выковывался рабочий, живший фактически на заработную плату".[2] Автор приходит к выводу, что внутри мануфактуры зарождались новые, уже капиталистические отношения, хотя и прикрытые еще феодальной оболочкой.

Итоги изучения крупной промышленности за время Петра I надо признать значительными: изданы новые материалы, поставлен ряд существенных проблем, частью уже разрешенных. Выводы П. Г. Любомирова о централизованном характере значительной части петровских мануфактур можно считать достаточно обоснованными. Также весьма ценны выводы и наблюдения по истории металлопромышленности и производительности труда при Петре I, сделанные С. Г. Струмилиным, Д. Кашинцевым, Н. Б. Баклановым; об организации управления промышленностью — Д. С. Бабуриным, М. П. Вяткиным и др.

Неизученными остаются другие стороны социально-экономической истории в эту эпоху, в особенности сельское хозяйство, история крестьянства, а также торговля. В этом отношении можно отметить лишь немногое. Прежде всего, надо указать исследования С. В. Бахрушина

---

[1] А. Л. Якобсон, Ткацкие слободы и села в XVII в. (Кадашево, Хамовники, Брейтово и Черкасово), Государственная Академия истории материальной культуры, М. — Л., 1934, стр. 75—81.

[2] Крепостная мануфактура в России, ч. 5 — Московский Суконный двор, М. Вяткин, К вопросу истории крепосной мануфактуры стр. XXVI, XXXVIII.

о торговых операциях гостя Никитина и новгородцев Кошкиных. Первая работа рисует широкие по географическому охвату операции крупного московского купца, торговавшего в конце XVII в. не только в центре страны, но также в Сибири и Китае, и вместе с тем свидетельствует о бедности капиталов и примитивности торговли. Вторая работа наглядно показывает заинтересованность русского купечества в балтийской торговле. Кошкины вели обороты со Швецией накануне Северной войны, продавая шведам пеньку, лен, холст и скупая в Стокгольме железо, медь, металлическую посуду. С основанием Петербурга Кошкины везут товары в новый порт для продажи иностранцам.

Т. К. Крылова в статье о русско-испанских отношениях в конце царствования Петра говорит о проекте широкого развертывания торговли России с Испанией, частично осуществленном. Торговля при Петре I освещается также в сводной работе И. И. Кулишера „Очерки по истории русской торговли" (Л., 1922).

А. Л. Шапиро дал этюд о крепостной деревне в петровское время по материалам вотчинного архива Шереметевых. К. В. Сивков указал на совершенно неиспользованный историками источник для истории помещичьего и крестьянского хозяйства — „отписные" книги начала XVIII в., составлявшиеся на конфискованные в казну имения и дома. Тому же автору принадлежит ценная статья с конкретными данными о церковном и монастырском землевладении при Петре I.[1] Отмеченные работы свидетельствуют о больших возможностях для научного исследования в этих направлениях, однако едва еще затронутых советскими историками. Привлечение внимания к этим сторонам народного хозяйства в эпоху Петра и научная их разработка являются важной очередной задачей.

Из общих работ надо отметить выдержавшую уже три издания „Историю народного хозяйства СССР" проф. П. И. Лященко. В последнем издании (М., 1939), наряду с общей характеристикой крупной промышленности, ремесла, торговли и сельского хозяйства при Петре Великом, автор ввел раздел о предпосылках промышленного капитализма и

[1] С. В. Бахрушин, Торги гостя Никитина в Сибири и Китае, Труды Института истории (РАНИОН), Сборн. статей, вып. 1, М., 1926; Его же, Торги новгородцев Кошкиных, Ученые записки Московского государственного университета, вып. 41, История, т. I, 1940; Т. К. Крылова, Отношения России и Испании в первой четверти XVIII в., Сборн. „Культура Испании", 1940; А. Л. Шапиро, Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII века, Ученые записки Саратовского государственного университета, т. I (XIV), вып. I, Саратов, 1939; К. К. Сивков, К истории землевладения в России в начале XVIII в., Известия АН СССР, № 3, 1933; Его же, Отписные книги начала XVIII в. как исторический источник, „Проблемы источниковедения", III, АН СССР, 1940.

источниках первоначального накопления в России. Здесь в экономике петровской эпохи автор отметил черты первоначального накопления, источники которого он указывает в колониальной политике, в войнах и казенных военных поставках, в фаворитизме, в усиленной военной торговле, монополиях и откупах.

Новые историко-экономические проблемы могли быть поставлены только благодаря работам основоположников марксизма-ленинизма. В основе советских исторических работ по истории промышленности при Петре I лежит разработанное Марксом и Лениным учение о стадиях развития промышленности. Товарищ Сталин показал, что лихорадочное строительство фабрик и заводов при Петре I было своеобразной попыткой выскочить из рамок отсталости и что „Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса".[1]

IV

Советская историческая наука, как мы видели, на новом этапе ее развития тщательно собирала материалы по истории классовой борьбы, вылившейся при Петре в народные восстания против феодальной эксплоатации. Наряду с публикацией документов, эта новая тема развернута также в ряде исследовательских работ. Такова книга В. И. Лебедева „Булавинское восстание" (М., 1934), в которой автор останавливается на причинах восстания, показывает общий ход событий и вскрывает причины неудачи движения. В противовес взглядам буржуазных ученых, как С. М. Соловьев, видевшего в этом восстании лишь „борьбу казачества с государством", автор показывает, что это движение явилось новой крестьянской войной, направленной в защиту крестьянства и казачества от эксплоатации помещиков и феодально-правительственного гнета. В статье „Крестьянское движение в метрополии в годы булавинского восстания", помещенной в качестве одной из вводных статей к сборнику документов о булавинском восстании, В. И. Лебедев показал, что, кроме районов, охваченных восстанием, крестьяне волновались в 60 уездах (Нижегородском, Тверском, Галицком, Углицком, Брянском и др.). При этом крестьянское движение вылилось в разнообразные формы массового протеста, в 25 уездах происходил разгром помещичьих усадеб, в других — избиение помещиков, отказ от выполнения крепостных повинностей и т. п.

В том же сборнике документов о булавинском восстании, составленном Историко-археографическим институтом Академии Наук СССР,

---

[1] И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, 1938, стр. 3.

помещена ценная статья Н. С. Чаева о взаимоотношениях Москвы и Дона накануне восстания и его же общий очерк о восстании Булавина. В первой из них автор освещает политику правительства, направленную к созданию „широких возможностей дальнейшего продвижения на Дон южного помещичьего и монастырского землевладения" и ликвидации на колонизуемой территории сосредоточения беглого крепостного крестьянства и „работных людей".[1] Автор показывает внутреннее классовое расслоение в донском казачестве и связанные с этим различия в идеологии в момент восстания. „В то время как „голытьба" восстает во имя уничтожения крепостнических отношений и соответствующих им форм эксплоатации не только в колониях, но и в метрополии, связываясь тем самым с общим крестьянским движением в стране, — „природные" казаки (т. е. старшина, „домовитые" низовые и „старожилые" верховые) объединяются лишь для того, чтобы отстоять „независимость" Войска Донского от наступающей Москвы".[2] Тому же автору принадлежит популярная брошюра о восстании Булавина.[3] Эти работы вместе с выпущенным Академией Наук СССР томом документов дают заново разработанную, и притом весьма полную, картину этого восстания.

Астраханское восстание 1705 г. рассмотрено В. И. Лебедевым в двух статьях как пример городского восстания, и притом настолько мощного, что восставшие создали свое правительство, продержавшееся в течение 8 месяцев. Автор вскрывает в восстании две силы: с одной стороны — богатые купцы и верхушка стрелецкого войска, примкнувшие к восстанию лишь на первой его стадии („бюргерская оппозиция"), а с другой — бурлаки, работные люди, рядовая стрелецкая масса, занимавшаяся также ремеслом и мелкой торговлей („плебейская оппозиция"). Они и явились основным двигателем, придавшим восстанию революционный характер.[4]

Башкирское восстание 1705 г. исследовано во вступительной статье А. П. Чулошникова к „Материалам по истории Башкирской АССР" и в статье В. И. Лебедева „Башкирское восстание".[5] В этих работах

---

[1] Булавинское восстание (1707—1708), Труды Историко-археографического института АН СССР, М., 1935, стр. 26.

[2] Там же, стр. 49.

[3] Н. С. Чаев, Булавинское восстание (1707—1708), изд. Общества политкаторжан, М., 1934.

[4] В. И. Лебедев. Астраханское восстание 1705—1706 гг. Проблемы истории докапиталистического общества, Государственная Академия истории материальной культуры, № 6—10, 1934 г.; В. И. Лебедев, Астраханское восстание, Ученые записки Московского государственного педагогического института, т. II, вып. 1, М., 1941.

[5] Исторические записки, Изд. АН СССР, № 1, 1937: В. И. Лебедев, Башкирское восстание.

выяснена резкая классовая диференциация среди башкирского народа и показано, в каких безобразных формах на этой отдаленной окраине проявлялся произвол местных властей. Достаточно привести из „Материалов" и этих статей жалобы башкир на то, как производился сбор новых 72 налогов, среди которых был и новоизобретенный „прибыльщиками" налог на глаза: по 2 алтына с черных глаз и по 8 денег с серых. Посланный в Башкирию во главе шести полков Александр Сергеев требовал сотни подвод, тысячи лошадей, бил смертным боем башкир, издевался над старшинами, напоив их, жег им бороды и т. п. К тому же, в Башкирии производился сыск беглых, и правительство стремилось распространить на этот край только что введенную в центре страны рекрутскую повинность. Все это привело к восстанию.

Следует отметить также работы С. Б. Окуня о восстаниях на Камчатке, освещенных им в указанном сборнике документов по истории Чукотки и Камчатки в XVIII столетии и в его отдельной работе.[1]

Советской наукой, таким образом, достигнуты значительные успехи в изучении народных восстаний при Петре. Эта тема, вместе с тем, тесно связана с разработкой истории отдельных народов.

Советские историки дали несколько работ по исследованию слабо изученного буржуазной наукой стрелецкого бунта 1682 г. Л. В. Черепнин в статье „Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства" показал, как движение в Москве послужило толчком к развертыванию на окраинах борьбы крестьян за свою свободу. Донские казаки строили замыслы о борьбе с боярством и говорили (по словам следственного дела): „О сем было им делать, как делал вор Стенька Разин с товарищи". А. Н. Штраух в книге о стрелецком бунте рассматривает его как движение посадского населения, частью которого он признает стрельцов, занимавшихся одновременно с военной службой также мелкой торговлей и ремеслом. С. К. Богоявленский восстанавливает во всей конкретности последовательный ход событий Хованщины.[2] В отношении книги А. Н. Штрауха в особенности следует отметить в качестве основного недостатка, что в ней не показана реакционность стрелецких бунтов и их идеологии.

Новыми проблемами, постановку которых надо в особенности признать положительным фактом, широко раздвигающим рамки современных

---

[1] С. Б. Окунь, Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае, Соцэкгиз, 1935.

[2] Л. В. Черепнин, Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства, Исторические записки, т. IV, изд. АН СССР, 1938; А. Н. Штраух, Стрелецкий бунт 1682 г., М., 1928; С. К. Богоявленский, Хованщина, Исторические записки, т. X, изд. АН СССР, 1940.

исторических интересов, являются вопросы истории петровских войн и дипломатии. Они привлекают внимание советских историков преимущественно в последнее время. В этом отношении поворот в научных интересах наметился перед Великой отечественной войной против германского фашизма, и здесь сделано еще сравнительно не много. Развитие этой линии научной работы является очередной задачей ближайшего будущего. В „Истории дипломатии" (т. I, 1941), вышедшей под редакцией акад. В. П. Потемкина, в главе о дипломатии Российской империи в XVIII столетии, написанной проф. С. В. Бахрушиным, дан сжатый, но отчетливый очерк внешней политики при Петре I. Здесь освещены дипломатические учреждения и методы дипломатической работы того времени, показана личная роль Петра I как дипломата.[1] Грандиозные успехи Петра Великого, „сила его внешней политики заключалась в том, что он не разбрасывался на несколько проблем, а сосредоточивался на одной; этой одной проблеме он и подчинял все усилия своей дипломатии, отказываясь от выполнения других, раз они не стояли на очереди. Этим отличается внешняя политика Петра I от колеблющейся и противоречивой политики его предшественников. Такой твердости в проведении определенной линии не было и в политике его ближайших преемников", — говорит С. В. Бахрушин.

Среди исследовательских работ, с привлечением новых материалов и углубленной разработкой этих вопросов, необходимо остановиться на статье акад. М. М. Богословского по ранней истории петровской дипломатии, именно о русско-датском союзном договоре, положившем вместе с русско-польским договором основание той коалиции держав, в составе которой Россия вступила в Северную войну. С исключительной полнотой автор показывает сложные перипетии дипломатических переговоров и вскрывает новые черты в русской дипломатии того времени. Необычной была обстановка этих переговоров, происходивших в строгой тайне в Москве с глазу на глаз между Петром и датским послом, без привлечения на первых порах даже высших чинов Посольского приказа. Уже здесь Петр Великий выступает в качестве руководителя русской внешней политики, державшего все нити ее в своих руках. Он требует от датского посла конкретных предложений и кратких, касающихся существа дела, ответов на свои прямо поставленные вопросы. Когда договор, предусматривавший близкую войну против Швеции, был составлен, Петр не торопился с его формальным заключением. Он дожидался подписания мира с Турцией, и его не мог подвинуть даже приезд

[1] История дипломатии, т. I, под редакцией В. П. Потемкина, ОГИЗ, М., 1941. стр. 266—277.

польского представителя, также торопившего выступление русских. Наконец, более года спустя после начала переговоров, Петр в доме Меншикова подписал 11 ноября 1699 г. русско-датский договор. Это был первый случай собственноручной подписи русским государем дипломатического акта вместо прежнего обряда целования креста. Но Петр снова проявил большую предусмотрительность, настаивая при этом на подписании дополнительного пункта о совместном продолжении военных действий до конца войны. Только после этого договор был ратифицирован с обеих сторон.[1]

Дипломатическая история Северной войны разрабатывается в ряде статей Т. К. Крыловой, являющихся отдельными главами большого исследования, долженствующего охватить важнейший период войны с ее начала по 1714 г. В этих статьях впервые в советской историографии ставится задача на основе большого и нового архивного материала подвергнуть пересмотру историю Северной войны и дать цельную картину петровской дипломатии, ее приемов и достижений. Не перечисляя здесь всех статей этой исследовательницы, остановлюсь в качестве примера на ее статье о франко-русских отношениях.

Вопреки обычным утверждениям о враждебности или холодности отношений России и Франции при Петре I, Т. К. Крылова указывает на ряд следующих друг за другом попыток завязать политический союз между обеими странами. В 1701—1702 гг. происходили переговоры с французским посланником Балюзом, предусматривавшие посредничество Франции в будущих переговорах со шведами об окончании Северной войны, а также последующие совместные военные действия против Австрии. Впоследствии, несмотря на конфликт, вызванный захватом в море двух русских кораблей французскими каперами, все же Франция отказалась признать польским королем Станислава Лещинского, ставленника шведов, что было значительным успехом русской дипломатии. После Полтавской победы между Россией и Францией также не было враждебных отношений, что приводило в раздражение английского посла Витворта. В своих отношениях к Франции Петр показал уменье использовать противоречия между великими державами, и Т. К. Крылова в заключение своей работы приводит слова Энгельса, что Петр умел „обеспечить для каждого дипломатического выступления России сильных, даже подавляюще сильных союзников".[2]

---

[1] М. М. Богословский, Русско-датский союз 1699—1700 гг., Ученые записки Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, т. IV, М., 1929.

[2] Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 2, стр. 12; Т. К. Крылова, Франко-русские отношения в первую половину Северной войны, Исторические записки, изд. АН, № 7, 1940, стр. 143.

Т. К. Крылова рассматривает события Северной войны в тесной связи с развертывавшейся одновременно в Западной Европе войной за испанское наследство, вставляя русские дела в широкие рамки общеевропейских международных отношений. В статье „Россия и Великий союз" исследовательница проследила сношения России с Англией и Голландией за период с начала Северной войны до 1709 г. Русский посол в Гааге и Лондоне А. А. Матвеев действовал очень искусно в переговорах с английскими и голландскими министрами, участвовал в конференциях, писал „мемориалы", передавал царские подарки в виде соболей и чернобурых лисиц. После Альтранштедтского мира, заключенного Швецией с Польшей в 1706 г., казалось, что усилия русского дипломата должны были увенчаться формальным вступлением России в союз с „морскими державами", воевавшими в то время с Францией и Испанией. Союз с Англией и Голландией не состоялся, но война за Испанское наследство продолжалась еще несколько лет, что дало возможность Петру искусно использовать противоречия между державами и закрепиться на берегах Балтийского моря.[1]

Не менее интересна работа того же автора о русско-испанских отношениях при Петре I, показывающая широкий размах его дипломатических и внешнеторговых планов. В 1718 г. возникают переговоры о русско-испанском сближении; Испания должна была взять на себя посредничество в переговорах русских со шведами, и предполагалось заключение оборонительного и наступательного союза между Россией и Испанией. Испанское правительство желало получить у Петра 8 военных кораблей для осуществления десанта на берега враждебной ей Англии. В 1724 г. указом Петра была учреждена компания для торговли с Испанией с тем, чтобы „сие учинить с примера Ост-индской компании".[2] В Кадикс были отправлены 3 русских корабля с товарами, с успехом возвратившиеся обратно с другими товарами, закупленными в Испании.

Статьи Т. К. Крыловой, основанные на большом архивном материале с использованием обширной литературы как русской, так отчасти и иностранной, заставляют с большими надеждами ожидать завершения ее исследования. Надо признать очередной задачей изучение истории Северной войны на фоне общеевропейских событий того времени и с учетом большой иностранной литературы и западноевропейских источников.

---

[1] Исторические записки, № 13, 1942.

[2] Т. К. Крылова, Отношения России и Испании в первой четверти XVIII в., Сборн. „Культура Испании", изд. АН СССР, Л., 1940, стр. 339; Т. К. Крылова Русско-турецкие отношения во время Северной войны, Исторические записки, № 10, 1941; Т. К. Крылова, Россия и Венеция на рубеже XVII и XVIII вв., Ученые записки, Ленинградского педагогического института им. Герцена, т. XIX, 1937.

Об этом своевременно напоминает статья В. Д. Бонч-Бруевича о русско-датских отношениях при Петре I, которая является предварительным сообщением о подготовлявшемся Государственным литературным музеем издании русских грамот, хранящихся в Копенгагенском государственном архиве, главным образом писем Петра I к датскому королю.[1]

Политика царизма в только что завоеванных прибалтийских провинциях изучена в книге Я. Я. Зутиса на эту тему. В ней выяснены обстоятельства рано начавшегося союза царизма с прибалтийскими феодалами.[2] В статье того же автора „Балтийский вопрос в политике великих держав" содержится общий обзор русской внешней политики от Полтавы до Семилетней войны.[3] Таким же пересмотром вопроса на основании опубликованных донесений английских послов в России является статья В. Ф. Семенова „Англо-русские отношения при Петре I".[4]

В какой мере разработка внешней политики этой эпохи является актуальной задачей, видно из следующего. В ноябре 1941 г. во всех немецких газетах было опубликовано так называемое „завещание" Петра I. В нем говорилось будто бы от имени Петра, что Россия всегда должна стремиться к завоеваниям и что Петр якобы завещал русскому народу не покидать оружия, пока не будет покорен мир. Эта очередная фашистская фальшивка отличается более чем столетней давностью. Впервые подложное завещание Петра было пущено в обращение во Франции перед походом Наполеона в Россию, и, может быть, не без его личного участия. Во время Крымской войны эта фальшивка вновь была оживлена, а теперь ее использовали в своих грязных целях гитлеровцы. Подложный характер этого документа был уже выяснен в литературе. Этот вопрос вновь пересмотрен в специальной статье Н. Ф. Яковлева, где хорошо показано, что подлог этот появляется на сцену всякий раз, когда захватчикам надо как-нибудь оправдать вероломное нападение на нашу родину.[5]

Работа Б. Б. Кафенгауза „Внешняя политика России при Петре I" (Госполитиздат, М., 1942) носит характер популярной брошюры, рассчитанной на широкий круг читателей. Она содержит сжатый обзор международного положения и войн России в течение этой знаменательной

---

[1] „Исторический журнал", 1943, № 11—12.

[2] Я. Я. Зутис, Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII в., Соцэкгиз, М., 1938.

[3] Я. Я. Зутис, Балтийский вопрос в политике великих держав (от Полтавы до Семилетней войны), „Исторический журнал", 1941, № 2.

[4] „Исторический журнал", 1943, № 10.

[5] Н. Ф. Яковлев, О так называемом „завещании" Петра Великого, „Исторический журнал", 1941, № 12.

эпохи. В научно-популярной серии Академии Наук вышла брошюра того же автора „Северная война и Ништадский мир“ (изд. Академии Наук СССР, М., 1944).

Отмеченные пока еще немногие работы по истории петровской дипломатии, появившиеся, главным образом, в самые последние годы, свидетельствуют о повышенном интересе к этой тематике. Углубленная научно-исследовательская работа в этом направлении должна стать очередной задачей для советских историков, от брошюр и популярных статей они должны перейти к планомерному исследованию.

То же самое в известной мере можно сказать о блестящей военной истории петровской эпохи, изучением которой усиленно занимались дореволюционные военные историки. Это направление в советской исторической литературе является самым молодым и, вместе с тем, многообещающим. Оживление интереса к военной истории этой эпохи связано с знаменательной датой празднования 230-й годовщины Полтавской победы. Исторические журналы отметили этот юбилей рядом статей. Б. А. Тельпуховский в статье, напечатанной в „Военно-историческом журнале“, дал подробное и тщательно проверенное изложение военной обстановки Полтавской „виктории“. Автор останавливается на стратегических планах Карла XII и указывает, что „основна́я цель Карла XII состояла в том, чтобы, разбив русских под Полтавой, открыть путь движения на Москву“.[1] Во всех подробностях автор прослеживает подготовку русских к битве, строительство, по приказу Петра, земляных редутов и восстанавливает весь ход знаменитой битвы. В заключение он говорит, что „война со Швецией, начавшаяся еще в 1700 г., была справедливой, прогрессивной войной русского народа за возврат территорий, оккупированных шведскими захватчиками в XVII веке“. По словам автора: „... в полтавской операции Петр I дал классические образцы стратегии и тактики. Он тщательно подготавливал операцию и бой, дабы достигнуть победы, как сам говорил, „легким трудом и малой кровью“. Петр осуществил стратегическое окружение армии интервентов и „малой войной“ добивался ее деморализации. Победа под Лесной обеспечила превосходство русских в артиллерии. Под Полтавой Петр создал необходимое численное превосходство. Понимая слабые стороны линейной тактики, он отлично подготовил поле боя в инженерном отношении. Своему боевому порядку Петр придал необходимую глубину, превратив вторую линию в линию поддержек, и выделил достаточно сильный резерв. Таким образом Петр усовершенствовал линейную тактику, показав ее богатые возможности.

[1] Б. А. Тельпуховский, Разгром шведских интервентов под Полтавой, „Военно-исторический журнал“, 1939, № 1, стр. 40; Его же, Источники и литература о Северной войне, „Военно-исторический журнал“, 1940, № 1, стр. 132—138.

Он действовал не по принятому шаблону, а сообразуясь с обстановкой". „Историк-марксист" откликнулся на юбилей статьей Б. Б. Кафенгауза, в которой подчеркивалась мастерская дипломатическая и военная подготовка Петром Полтавской победы. Комбинацией военных и дипломатических мероприятий была достигнута полная изоляция шведов, уже истощенных длительной борьбой на Украине.[1] „Красный архив" поместил некоторые документы, относящиеся к „полтавскому периоду войны".[2]

Юбилейные празднества происходили в июле 1939 г. в Полтаве, где состоялась торжественная сессия Академии Наук УССР. Прочитанные доклады были изданы в книге „Полтавска битва", под редакцией С. Н. Белоусова. В ряде докладов была отчетливо показана борьба русского и украинского народов против захватнических планов Карла XII, видевшего в Украине плацдарм для дальнейшего наступления в глубь России. Изменнические планы Мазепы состояли в том, чтобы вернуть Украину под власть Польши. Украинский народ, рядовое казачество и крестьянство встретили захватчиков с непримиримой враждой и на манифесты Мазепы и шведского короля ответили ожесточенной партизанской борьбой. А. В. Предтеченский в своем докладе показал, как отразилось Полтавское сражение в современной ему западноевропейской литературе. Возросшее международное значение России после Полтавы привело к повороту во взглядах и оценках западноевропейских современников. Сборник трудов Украинской Академии Наук о Полтавской битве займет свое заметное место в литературе по эпохе Петра I.

В связи с юбилеем вышел также ряд популярных брошюр—В. И. Лебедева „Полтавский бой" („Молодая гвардия", 1939) и др. Из последующей литературы отметим статью Б. А. Тельпуховского „Народная борьба против иноземных захватчиков в Северной войне",[3] интересную в том отношении, что в ней сгруппированы сведения о партизанской борьбе, кипевшей на Украине во время зимовки шведов в 1708—1709 гг.

Военное искусство Петра как великого полководца рассмотрено в небольшой книжке В. А. Панова „Петр I как полководец". Автор ее не ставил перед собой исследовательских задач, но в сжатой и доступной форме здесь подытожено и систематизировано то, что было сделано русской наукой, преимущественно специалистами военными историками (Леер, Мышлаевский, Пузыревский, Масловский, Юнаков и др.), в доре-

---

[1] Б. Б. Кафенгауз, Полтавская битва, „Историк-марксист", 1939, № 4.

[2] К истории событий на Украине в 1708 г. (к 230-летию Полтавской битвы), вводная статья Н. Прокопенко, „Красный архив", № 4/95, 1939, стр. 156—163.

[3] „Исторический журнал", 1942, № 7, стр. 92—101.

волюционное время для выяснения военной реформы Петра, а также стратегии и тактики его времени.[1] На ту же тему имеется краткая брошюра Б. Б. Кафенгауза в серии „Великие русские полководцы", изданная Узбекским филиалом Академии Наук СССР (Ташкент, 1942).

Общая характеристика военного искусства того времени содержится в работе Е. Разина „История военного искусства", являющейся курсом лекций, читанным автором в Военной академии.

По военно-морской истории вышло несколько брошюр, из которых выделяется своими достоинствами книжка капитана 1-го ранга Н. В. Новикова о Гангутской битве. Ему же принадлежат статьи о Гангуте в „Морском сборнике". Н. В. Новиков заново самостоятельно разработал историю этой знаменитой битвы, положившей начало славе героического русского военно-морского флота. Гангутская операция, как показывает автор, находилась в связи с окончанием Финляндского похода и отказом Дании от намечавшихся совместных военных действий против шведов. План операции был тщательно разработан Петром и Апраксиным уже за $1^1/_2$ месяца до боя. По-новому автор освещает сооружение переволоки, или деревянного настила, через наиболее узкое место мыса Гангут, где предполагалось по суше перевезти несколько русских галер. Н. В. Новиков приходит к выводу, что переброска галер не должна была явиться средством избежать боя, — русское командование имело в виду при помощи ее произвести диверсию и вызвать „конфузию" среди шведского флота. Автор широко пользуется указанными выше „Материалами для истории Гангутской битвы", изданными архивом Морского министерства под редакцией Г. А. Князева и Н. В. Новикова. По сравнению с дореволюционной литературой (например, в книге Мышлаевского о Финляндском походе при Петре) картина боя здесь более конкретна, точна и дополнена сведениями из шведских источников. Петр искусно воспользовался штилем, отправив гребные суда в обход шведского парусного флота. Шведский адмирал приказал тянуть крупные парусные корабли на буксире при помощи трех гребных шлюпок, но это движение было столь медленным, что шведы оказались совершенно беспомощны. Интересно, что в момент боя впереди атакующих русских галер на шлюпках выступали офицеры, начальники десантных отрядов, подобно тому, как это делалось при сухопутных штурмах. Автор показывает беспокойство и растерянность, которые произвела среди шведов эта первая крупная морская победа русских. Русский флот стал господином в Балтийском море. Петр был произведен в контр-адмиралы,

[1] В. А. Панов, Петр I как полководец, Воениздат, 1940; 2-е изд. 1942.

его личное участие имело важное, решающее значение в этой битве.[1]

Изучение военной истории петровской эпохи еще только начато советской наукой. Широкое развертывание научной работы в этой области надо также считать очередной задачей исторического фронта.

V

Переходя к изучению советскими историками государственных учреждений и их реформы при Петре, надо отметить статьи покойного акад. М. М. Богословского об административных реформах и новейшую книгу Б. И. Сыромятникова о „регулярном" государстве при Петре I.

М. М. Богословскому принадлежит брошюра „Петр Великий и его реформа" (Кооперативное издательство, М., 1920), частью являющаяся перепечаткой и переработкой соответствующих глав его учебника для средней школы, изданного незадолго до революции. По ясности и доступности изложения эта книжка остается до сих пор лучшей общей популярной работой по эпохе Петра. Затем им напечатано большое число статей, являющихся отдельными главами его обширной биографии Петра I. В этой связи, повидимому, им написаны были и статьи по административным реформам.

Одна из первых реформ Петра состояла в учреждении в 1699 г. Ратуши, или Бурмистерской палаты, как центрального финансового ведомства и органа посадского самоуправления. Одновременно с ней на местах учреждались в городах земские избы, также состоявшие из выборных бурмистров. Архив Ратуши не сохранился, тем большее значение имеет дошедшая до нас правительственная переписка с местами в связи с введением новых городских учреждений. М. М. Богословский, изучивший эти материалы, отмечает, что посадское самоуправление и освобождение городов от воеводского суда и управления сопровождалось, однако, повышением вдвое казенных сборов, и поэтому реформа была встречена городами без энтузиазма. В результате, почти 9 месяцев спустя появился указ 20 октября 1699 г., согласно которому двойной платеж отменялся, а реформа из факультативной превращалась в обязательную для всех городов.[2]

---

[1] Н. В. Новиков, Гангут, Воениздат, М., 1944; Н. В. Новиков, Гангутская победа, кампании 1713 и 1714 гг. на Финляндском театре и Гангутская операция, „Морской сборник", 1939, № 12, 13—14.

[2] М. М. Богословский, Городская реформа 1699 г. в провинциальных городах, Ученые записки Института истории РАНИОН, т. II, 1927.

В другой работе — „Административные преобразования Петра Великого в 1699—1700 гг." — М. М. Богословский изучает перемены, происходившие в эти годы в центральном правительственном аппарате, а частично и в местном. Автором были разработаны „боярские списки", составлявшиеся в Разряде, которые позволили нарисовать отчетливую картину наступивших перемен. В 1691 г. в Боярской думе состояло 186 членов, в конце 1699 г. их было 112, из которых в Москве в наличности было 78—65 человек, но не все из них участвовали в заседаниях, присутствовало в думе в это время не более 40—30 человек. Таким образом, Боярская дума уже сокращалась численно, задолго до своей полной ликвидации. В это время существовало 44 „приказа", т. е. центральных ведомства. Некоторые из них объединялись вместе под начальством одного начальника; существовало 7 таких объединений, или групп приказов; позднее часть их закрылась, или были учреждены новые (Приказ рудокопных дел и т. п.). Общее число приказов к 1701 г. сократилось до 35.[1] Итак, уже на рубеже XVII и XVIII вв. происходили медленные, но существенные перемены в центральном и отчасти местном административном аппарате. Одновременно с ними делались попытки кодификации русского законодательства, для чего учреждена была „Палата об уложении". История ее изложена в специальной статье М. М. Богословского. В состав палаты в 1700—1703 гг. входило до 65 человек, но полностью эта комиссия никогда не собиралась. Сохранились журналы ее заседаний, показывающие, что в петровской Уложенной комиссии пересматривалось законодательство, начиная с Уложения 1649 г., и в трех чтениях обсуждался проект нового Уложения. Однако эта работа не была доведена до конца.[2]

Эти исследования М. М. Богословского вскрывают ход первых реформ Петра, когда преобразования еще не были систематичны, подготавливались наличным аппаратом, доставшимся Петру от предшествующего периода, и начатые реформы не всегда полностью осуществлялись на деле.

Статьи по истории административных реформ также находятся в связи с первой крупной работой этого исследователя — „Областная реформа Петра Великого" (М., 1902), тематически являясь как бы ее продолжением. В этой своей ранней работе М. М. Богословский дал конкретную историю второй областной реформы Петра, а в блестящем введении к ней дал обобщенную характеристику петровского государства.

---

[1] М. М. Богословский, Административные преобразования Петра Великого, ч. 1, Боярская дума, Известия АН СССР, 1928, № 4—7, стр. 296; ч. 2, Приказы и местное управление, Известия АН СССР, 1929, № 2, стр. 99, 114.

[2] М. М. Богословский, Палата об Уложении 1700—1703 гг., Известия АН СССР, 1927, № 15—17.

М. М. Богословский усматривает в нем черты, свойственные полицейскому „регулярному" государству Западной Европы времен просвещенного абсолютизма. В реформах Петра этот исследователь подчеркивал бюрократизм, абсолютизм и проникающий их рационализм вместе с убеждением во всесилии регламентов и необходимости мелочной правительственной опеки и надзора над всей хозяйственной и частной жизнью. Автор рассматривает свою тему идеалистически, не связывает эти черты с общественно-экономическим строем и изменениями в производительных силах, и это является коренным недостатком его понимания петровского государства. Об этом исследовании необходимо вспомнить в связи с книгой Б. И. Сыромятникова „Регулярное государство Петра Первого и его идеология" (изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1943).

Основная мысль остро написанной книги проф. Б. И. Сыромятникова заключается в том, что Русское государство при Петре является „регулярным" государством, под которым он понимает абсолютную монархию просвещенного абсолютизма или феодальное полицейское государство. „Империя Петра I, — говорит Б. И. Сыромятников, — занимает вполне определенное место в длительной эволюции феодального общества и государства", она соответствует „эпохе разложения феодального государства в переходной его стадии через абсолютизм к государству буржуазному". Абсолютное государство при Петре Великом основывалось на двух господствующих классах, дворянстве и купечестве; автор говорит о классовом дуализме и о „двуединой" политике Петра.[1] Предшествующий период Московского государства он определяет как сословно-представительную монархию, где власть монарха ограничена земским собором. Соборное уложение 1649 г. с его законодательством в пользу посадского населения, вместе с последующим ростом денежных отношений и созданием всероссийского рынка, означает переход к абсолютизму. На этой основе, по словам Б. И. Сыромятникова, „Петр мог совершить свой переворот, покончить с сословно-представительной Московской монархией и на ее развалинах заложить первые основы Российской империи — того государства нового типа, которое известно под названием „регулярного", т. е. полицейского, абсолютистского государства „просвещенного деспотизма".[2] В политической идеологии того времени, в особенности в трактате Феофана Прокоповича „Правда воли монаршей", автор видит отражение идей передовых западноевропейских политических мыслителей XVII в. — Гуго Гроция, Пуфендорфа и др.

---

[1] Б. И. Сыромятников, „Регулярное" государство Петра I и его идеология, М.—Л., 1943, стр. 60, 64, 93.

[2] Там же, стр. 151.

Б. И. Сыромятников подчеркивает новизну своей точки зрения и подвергает резкой критике взгляды большинства буржуазных историков, включая Соловьева, Ключевского, Павлова-Сильванского, и новейших советских исследователей, как С. В. Юшков и др. Между тем, основная идея этой книги является марксистской переработкой главных положений исследования М. М. Богословского об областной реформе Петра, но с указанием на феодальный характер петровского государства. Однако Б. И. Сыромятников не указывает на преобладающую роль дворянства, по сравнению с еще лишь нарождавшимся купечеством, перешедшую в диктатуру дворянства. Несмотря на признание им феодального характера петровской империи (в переходной стадии к буржуазному государству), он говорит об „антифеодальных" или антидворянских тенденциях в политике Петра, утверждает даже, что он стремился к ограничению крепостного права. Вместе с тезисом о послепетровской „дворянской реакции" Б. И. Сыромятников возвращается в этой характеристике петровского государства к некоторым положениям им же отвергнутой концепции Покровского. К этому следует добавить приведенное выше утверждение автора о „перевороте", совершенном Петром на „развалинах" московской монархии. Покровский, как известно, также говорил о „катастрофическом" и революционном характере петровской эпохи. Этот тезис был отвергнут еще С. М. Соловьевым и Н. А. Добролюбовым, справедливо признававшими время Петра не „революцией сверху", а эпохой преобразований. В исторических главах своей книги автор, к сожалению, мало ссылается на своих предшественников. Его критика С. М. Соловьева должна быть признана неправильной. Этот крупнейший историк сделал значительный шаг вперед, подчеркнув значение экономических реформ Петра и органическую связь эпохи преобразований с предыдущим периодом.

В этих недостатках книги Б. И. Сыромятникова также повинна манера автора говорить бегло и вскользь о крупных проблемах; нередко речь должна итти о неправильной терминологии больше, чем о неправильном понимании сущности. Автор, повидимому, хотел подвергнуть критике либерально-буржуазное представление о строго эволюционном ходе исторического процесса без скачков и переворотов, но вместо того говорит о петровском „перевороте" на развалинах старого строя. Так же он имеет в виду известный указ Петра о защите крестьян от помещичьего разорения, но по этому поводу бросает на ходу слова о тенденциях к ограничению крепостного права. Его формулировки заводят его дальше, чем позволяют это делать хорошо ему известные факты, и даже далее, чем желает сам автор.

К той же теме о природе петровского государства имеет прямое отношение книга Д. С. Бабурина об одном из петровских государствен-

ных учреждений — Мануфактур-коллегии, рассмотренная выше в связи с литературой по истории промышленности. Автор ставит своей задачей раскрытие „роли этого учреждения как учреждения классового, осуществлявшего политику дворянско-крепостнического государства на разных этапах его существования различно, в зависимости от эволюции самого крепостничества, и одинаково, т. е. строго классово-последовательно, поскольку существовало самое это государство на протяжении известного исторического отрезка времени, представляя интересы одного и того же господствовавшего класса".[1] Автор проследил, как Мануфактур-коллегия покровительствовала крупнейшим предпринимателям „компанейщикам" во вред мелким фабрикантам и крестьянской промышленности.

Вместе с тем, необходимо заметить, что марксистская разработка вопроса о государстве при Петре I и истории государственных учреждений едва начата.

VI

Крупнейшей работой биографического характера о Петре I является обширный труд М. М. Богословского „Петр I (Материалы для биографии)".

Труд акад. М. М. Богословского является опытом детальной биографии Петра I, где собраны и изложены все сведения о нем „день за днем". Он представляет собой крупный вклад в науку. М. М. Богословский является одним из виднейших представителей исторической школы В. О. Ключевского. Подобно своему учителю, он занимался социальной историей и, в тесной связи с ней, — историей учреждений; в его работах сочетается обширный массового характера извлеченный из архивов конкретный материал со стремлением обобщить его и дать отчетливые выводы и формулировки. Вслед за „Областной реформой Петра Великого", где конкретная история местных учреждений связана с блестящим обобщающим введением, им было выпущено также двутомное исследование „Земское самоуправление на русском Севере в XVII веке", в котором изучена история русской деревни в северных районах, свободных от крепостного права. Иными чертами характеризуется написанная М. М. Богословским биография Петра,—здесь другая тема, далекая от тематики его учителя В. О. Ключевского, другие задачи и приемы.

Автор в следующих словах определяет свою задачу как биографа Петра I: „Мне хотелось собрать факты, достоверные факты, которые,

---

[1] Д. С. Бабурин, Очерки по истории Мануфактур-коллегии, стр. 13.

будучи собраны в достаточном количестве, своим неоднократным повторением ведут к надежным общим суждениям. Я старался, насколько позволяли источники, восстанавливать жизнь Петра I день за днем, изображать ее так, как она протекала в действительности". На ряду с этим историк ставит своей целью, „наблюдая эту отдельную жизнь, изучать и восстанавливать ту историческую обстановку, т. е. те события и тот быт, среди которых эта жизнь протекала". Так выросли основные задачи, поставленные себе биографом: детальное и тщательное изображение жизни Петра на фоне русского и отчасти западноевропейского быта того времени. Личность и быт являются объектами его изучения. Автор излагает биографию Петра действительно по дням, насколько это позволяют источники, со всеми подробностями его ежедневной жизни, приемами, посещениями гостей, частыми поездками и т. п. Порой это приводит к однообразию и длиннотам, но, с другой стороны, во многих случаях достигнута исключительная пластичность и конкретность изложения, приближающегося к художественному произведению. Повторяемость помогает автору строить немногочисленные и скупые, но твердо обоснованные выводы. Надо отбросить, как совершенно неправильные, общетеоретические положения М. М. Богословского, однако следует признать значительность взятой им на себя задачи.

Вышедшие пока два тома „Петра I" М. М. Богословского воскрешают жизнь Петра I с рождения до 1698 г., т. е. 26-летнего возраста В первом томе автор указывает, между прочим, на неправильность обычных представлений, будто при Софье маленький Петр со своей матерью были выжиты ею из Кремлевского дворца. В действительности они продолжают жить в Кремле, лишь проводя часть года в подмосковных загородных дворцах. По-новому рисуются школьные годы будущего преобразователя. Сцена прихода во дворец немудрящего и смиренного учителя Никиты Зотова для обучения пятилетнего Петра грамоте, так живо переданная в курсе В. О. Ключевского, расходится с фактами. Зотов в это время находился в Крыму в составе русского посольства и стал учителем Петра много позднее, когда ему было 11 лет, и обучение первоначальной грамоте было уже пройденной ступенью. Нам остается неизвестным первый учитель Петра.[1]

Но важнее этих частных вопросов биографии Петра следует признать указания на проявившиеся уже в ранние его годы черты будущего преобразователя. Увлечение военным делом и кораблями и знакомство с иноземцами рано сопровождаются изменениями в старинном придворном обиходе. Небывалое поведение царя с 1690 г. чем дальше, тем все более

[2] М. М. Богословский, Петр I (Материалы для биографии), т. I — Детство. Юность. Азовские походы, 1940, стр. 33—35, 49, 55.

расходилось с общепринятыми понятиями. В 1691 г. складывается всешутейший собор и собирается „компания" из будущих сотрудников Петра, обращающихся к нему запросто, без титулов. М. М. Богословский говорит о юноше Петре, что „его живая и оригинальная природа", как и его сильная и властная воля, уже сказываются в тех нововведениях, которые ему удается осуществить в прочно сложившемся вековом придворном ритуале. Автор подчеркивает, что по инициативе „юноши-царя в ритуал входят совсем новые порядки: заводится обычай пушечной и ружейной пальбы по торжественным дням, устраиваются фейерверки, на которые собирается весь двор".[1] В Азовских походах уже проявляются железная воля и энергия Петра: „Неудача (первого Азовского похода. — *Б. К.*) нисколько не поколебала Петра I. Наоборот, она даже как будто усилила его энергию и увеличила силу его стремления к намеченной цели", и во втором Азовском походе Петр „был душой всего предприятия и его неутомимой движущей и направляющей силой".[2]

Второй том труда М. М. Богословского посвящен первому заграничному путешествию Петра, занявшему полтора года, но события этого небольшого периода заняли целый том в 624 стр. Пребывание Петра и его спутников за границей показано с исключительной подробностью на широком фоне политической жизни и культурного быта Западной Европы. Автор останавливается на личности английского короля Вильгельма III, маркиза Кармартена, польского короля, силача и весельчака Августа II, и на чопорном и надменном австрийском императоре Леопольде; дает описание Лондона, Вены и Голландии конца XVII столетия. Из новых выводов и наблюдений надо отметить указание, что цель заграничной поездки Петра не ограничивалась изучением морского дела и знакомством с другими странами, в центре его деятельности остаются дипломатия и внешняя политика. „Петр сам стоит во главе управления внешней политикой России, держит все нити ее в своих руках; посольство исполняет только его руководящие указания. Следует оставить легенду о том, что Петр в Голландии интересуется и занимается только кораблями и тем, что к ним ближайшим образом относится. Он в курсе всего хода международных отношений в Европе, внимательно следит за ними, живо ими интересуется и высказывает о них свое суждение. Он всецело занят планом организации священного союза против турок, и эта организация — цель его внешней политики". Этот вывод подчеркивается часто и настойчиво на протяжении всего тома.[3] Автор отмечает различные проявления

---

[1] М. М. Богословский, Петр I (Материалы для биографии), т. I, 1940, стр. 134.
[2] Там же, т. II, стр. 271—278.
[3] Там же, стр. 208.

стремительной и не знавшей сдержек воли Петра. В Амстердаме он получил известие, что правление Ост-индской компании постановило заложить на своей верфи для царя новый корабль. Несмотря на ночь, Петр решил ехать на лодке в Саардам за инструментами и вещами, чтобы, не теряя времени, с утра приступить к работе. Биограф говорит, что у „Петра вспыхнувшая искрой мысль тотчас же, в тот же момент, зажигала, воспламеняла его волю, а воля также немедленно переходила в действие, не считаясь ни с какими преградами, — все это с быстротой как бы выстрела из орудия, после того как искра пистона воспламенит порох. Его желания поэтому недостаточно характеризовать эпитетом „горячие": их надо называть не иначе, как „огненными".[1]

Во время пребывания русских в Вене ярко проявился контраст между молодым и энергичным Петром и вялым, нерешительным императором Леопольдом и всем чопорным австрийским двором. Церемониал встречи, подробно разработанный австрийцами, устанавливал, что оба монарха в сопровождении свиты войдут одновременно в галлерею дворца с противоположных концов и встретятся посредине ее у пятого окна. Однако Петр спутал все расчеты: „Между тем как Леопольд двигался по галлерее медленной, рассчитанной походкой, царь нетерпеливо зашагал большими своими шагами, подошел к цесарю, когда тот был всего лишь у третьего окна".[2]

В Голландии произошел эпизод, в котором Петр выступает, по словам Богословского, „с чертами не знающего удержу своему произволу восточного деспота". Гнев Петра возбудили двое русских из состава посольства, осуждавших его необычное поведение как роняющее царский сан. Он приказал заковать их в цепи и отрубить им головы. Только вмешательство голландских властей предотвратило казнь, которая заменена была им ссылкой в голландские колонии.[3]

Второй том биографии Петра впервые дает исключительно полную и красочную картину первого путешествия Петра за границу, которое знаменитый английский историк Маколей назвал „эпохой в истории не только его страны, но и нашей и всего человечества".

В труде М. М. Богословского при воспроизведении ежедневной жизни Петра читатель нередко оказывается подавленным множеством деталей и неизбежных повторений, лишь изредка сопровождающихся замечаниями автора; чаще всего он предоставляет делать выводы самому

---

[1] М. М. Богословский, Петр I, т. II. Первое заграничное путешествие, Соцэкгиз, 1941, стр. 153.

[2] Там же, т. II, стр. 468.

[3] Там же, т. II, стр. 172.

читателю. Отказ от обобщения приводит к тому, что острые проявления классовой борьбы, как стрелецкий бунт 1682 г., не находят в его книге классового анализа и объяснения. Автор считает главнейшей причиной выступления стрельцов агитацию Хованского, хотя и отмечает недовольство в полках злоупотреблениями полковников. Также заговор Цыклера автор объясняет лишь личными мотивами, ненавистью Цыклера к Петру из-за личных неудач, тогда как это был один из этапов борьбы знати против начинавшихся преобразований.

Значение этой работы М. М. Богословского полностью можно будет оценить по выходе остальных томов. Но и теперь следует сказать, что вместе с предыдущими многочисленными исследованиями его „Материалы для биографии Петра I" составляют крупный вклад в науку; они являются, вместе с тем, делом жизни, научным подвигом исследователя, с любовью воскресившего личность и деятельность преобразователя.

Еще ранее интерес к личности Петра I и к бытовой истории того времени также проявил С. Ф. Платонов. Он выпустил брошюру „Петр Великий" (изд. „Время", 1926), любопытную стремлением автора дать отпор той отрицательной оценке личности преобразователя, которая отразилась в художественной литературе тех лет и всего отчетливее была выражена в „Истории с древнейших времен" М. Н. Покровского. На ней я остановлюсь ниже.[1]

Культура и общественная мысль при Петре сравнительно мало еще изучены. В статьях Б. Б. Кафенгауза о И. Т. Посошкове сделана попытка пересмотреть его биографию и мировоззрение. Общепринятое представление о нем как о крестьянине надо признать весьма неточным: знаменитый публицист родился в семье ремесленника-серебреника и сам был изобретательным техником и предпринимателем. Надо отказаться от распространенного взгляда на него как на противника крепостного права; не будучи сторонником освобождения крестьян, он предлагал весьма прогрессивную для своего времени реформу: определение законом крестьянских повинностей и отделение крестьянской земли от помещичьей.[2] Экономическим идеям знаменитого экономиста посвящена ценная статья

---

[1] Кроме краткой биографии и характеристики Петра I, С. Ф. Платонову принадлежат заметка о шуте Шаховском, которому был пожалован Петром „орден Иуды", и статья о вновь найденном любопытном источнике — книге расходов Соляного правления.— С. Ф. Платонов, Орден Иуды, 1709; Его же, Книга расходная Санкт-Петербургского Комиссарства Соляного Правления, 1725, Летопись занятий Историко-археографической комиссии, вып. 1 (34), Л., 1927.

[2] Б. Б. Кафенгауз, Жизнь и социально-экономические воззрения И. Т. Посошкова в изданиях: И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, под ред. Б. Б. Кафенгауза, М., 1937; Его же, И. Посошков о крестьянском вопросе, „Проблемы экономики", 1936, № 2.

А. И. Пашкова, где внимательно рассмотрено содержание „Книги о скудости и богатстве" Посошкова („Известия Академии Наук СССР, „Отделение экономики и права, 1945 г., № 4).

Интересной фигурой петровского культурного деятеля является В. А. Киприанов, руководитель „Гражданской типографии" в Москве и „Библиотеки", под которой понимали тогда склад печатных произведений. По словам его биографа А. В. Бородина, В. А. Киприанов принадлежал к тем „худофамильным" людям, которые стали выдвигаться при Петре и отличались сочувствием к его реформам. В кругу этих людей он должен занять место рядом с Л. Ф. Магницким, И. К. Кириловым и И. Т. Посошковым.[1] „Гражданская" типография печатала по распоряжению Петра учебные пособия и математические учебники Л. Ф. Магницкого и Фарварсона, географические карты и гравюры. Для характеристики размаха издательской деятельности того времени важно отметить, что в Петербурге при Петре существовали четыре типографии.

Для истории науки при Петре I многое сделано по изучению истории географии и географических открытий. Осуществление в наши дни Великого Северного морского пути и советские исследования Арктики обострили интерес к географическим открытиям в прошлом: вышли две книги об экспедициях Беринга, являющиеся сборниками документов, в числе их дневник участника этой экспедиции, помощника Беринга, Вакселя, лишь недавно открытый. Петр собственноручно написал инструкцию для первой экспедиции Беринга, происходившей уже после его смерти. Подготовка экспедиции выяснена в статьях А. И. Андреева и А. А. Покровского.[2]

Совершенно по-новому рисуются благодаря исследованиям А. И. Андреева личность и труды Семена Ульяновича Ремезова, географа конца XVII и начала XVIII вв. Он был не только географом, но также „знаменщиком", т. е. художником и чертежником, и архитектором — строителем каменного города в Тобольске; в то же время С. Ремезов пытливо изучал историю и этнографию родной страны.[3]

---

[1] А. В. Бородин, Московская гражданская типография и библиотекари Киприановы; Р. М. Тонкова, Петербургская типография первой четверти XVIII в., „Труды Института книги, документа и письма", т. V, АН СССР, 1936.

[2] „Экспедиция Беринга", Сборник документов, подготовленный А. А. Покровским, М., 1941; С. Вакселъ, Вторая Камчатская экспедиция Беринга, под ред. и с предисловием А. И. Андреева, М., 1940; А. И. Андреев, Экспедиции Беринга, „Известия Всес. географического общества", т. 75, вып. 2, 1943.

[3] А. И. Андреев, Труды Семена Ремезова по географии и этнографии Сибири, „Проблемы источниковедения", т. III, изд. АН СССР, 1940; А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, XVII век, Л., 1940.

Деятели петровского времени умели применять весьма тонкие научные приемы. Один из вождей старообрядчества Андрей Денисов выполнил со своими сотрудниками тщательный палеографический анализ и подверг внешней и внутренней критике „Деяние на еретика Мартына", сочинение, будто бы написанное в XII в. и выпущенное в нескольких изданиях при Петре для борьбы против раскола. А. Денисов с полной ясностью обнаружил подложность „Деяния". Этот интересный эпизод из церковной жизни того времени изучен в работах В. Г. Дружинина.[1]

Для характеристики своеобразных культурных типов людей петровского времени имеет значение вышедший в 1918 г. очередной том „Русского биографического словаря" („Романова — Рясовский"). В нем содержатся биографии А. И. Румянцева, Ф. Ю. Ромодановского и его сына И. Ф. Ромодановского, которые оба имели титул „князь-кесаря". Первый из Ромодановских, знаменитый начальник Преображенского приказа, один из самых близких к Петру лиц, состоял председателем правительственного совета, которому Петр поручил управление государством на время его первого заграничного путешествия. Он не растерялся во время стрелецкого бунта 1698 г. и быстро подавил его. Ему первому Петр обрезал длинную бороду при возвращении из-заграницы. Он держался в быту старинных обычаев; рассказывали, что на его московском дворе были ученые медведи, встречавшие гостей чаркой водки.

Петровская эпоха была временем усвоения и переработки передовой западноевропейской культуры. Многие из служивших в России иностранцев нашли в ней свою вторую родину и прославили свои имена в работе на пользу русской культуры. Деятельность де-Геннина, руководителя олонецких и уральских заводов, знаменитого путешественника В. Беринга и др. изучена советскими исследователями (в работах М. Ф. Злотникова, А. И. Андреева и др.) много глубже, чем это было сделано прежде. Для освещения этих живых связей петровской России с Западной Европой, а также русского быта того времени имеют значение найденные не так давно записки артиста-кастрата Филиппо Балатри, привезенного мальчиком из Италии в Москву в последние годы XVII столетия Б. А. Голицыным. Балатри пел при московском дворе, заслужил внимание и благоволение Петра и совершил из Москвы путешествие в Поволжье в свите знаменитого деятеля начала петровского царствования Бориса Голицына. В своих записках на итальянском языке

---

[1] В. Г. Дружинин, Поморские палеографы начала XVIII века, Летопись занятий Археографической комиссии, т. XXXI, и отдельно, П., 1921; Его же, Дополнение к исследованию о поморских палеографах начала XVIII в., Летопись занятий Археографической комиссии, вып. 33, Л., 1926.

он очень тепло вспоминает свою жизнь среди русских и с восхищением отзывается о Петре I.[1]

В заключение остановимся на попытках дать общую оценку петровской эпохи и ее значения, сделанных в новейших советских учебниках и общих работах. В этом отношении интересна „Русская историография" Н. А. Рубинштейна (1941), где впервые дан цельный очерк основных направлений русской исторической литературы от древности до нашего времени.

Автор, в связи с этим, приводит оценку петровской эпохи у историков XVIII столетия, указывает на колебания Карамзина, пришедшего в конце концов со своих реакционно-дворянских позиций к резко отрицательной характеристике „переворота" Петра, отмечает место петровской эпохи в исторической концепции С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, указывает на высокую оценку Петра у Чернышевского, который, однако, считал, что реформы 60-х годов, а не эпоха Петра, составляют переломный момент в русской истории. Автор критически анализирует также взгляды, не привлекавшие до сих пор особого внимания. Так, при характеристике борьбы Ленина против народничества указывает, что, в противоречии с своей теорией особого исторического пути России, народники хотели рассматривать себя как продолжателей петровских традиций, выводили деятельность Петра из абстрактного идеала „человечности" и т. д.[2]

Н. Л. Рубинштейн особенно внимательно изучает высказывания товарища Сталина об истории СССР и прогрессивной роли петровской эпохи. Автор справедливо говорит, что исторические „сопоставления товарища Сталина — не простые параллели, они всегда включают в себя и противопоставление; товарищ Сталин сопоставляет, чтобы показать разницу. Так борьба советской страны с техно-экономической отсталостью противопоставляется борьбе Петра I с отсталостью".[3]

В советских исторических учебниках содержится сжатое изложение событий петровской эпохи с точки зрения высказываний классиков марксизма-ленинизма. В учебнике для исторических вузов глава о петровских реформах носит название „Военно-бюрократическая империя Петра I". Здесь отмечены справедливый характер Северной войны и прогрессивное значение реформ, приведших, вместе с тем, к дальнейшему усилению крепостнической эксплоатации. Историческое значение

---

[1] Б. Б. Кафенгауз, Записки итальянца Филиппо Балатри о России при Петре I, Сборн. „Старая Москва", вып. 1, изд. Общества изучения Московской области, М., 1929; перевод записок подготовлен автором статьи к печати.

[2] Н. Л. Рубинштейн, Русская историография, М., 1941, стр. 399.

[3] Там же, стр. 626, 634.

эпохи Петра автор видит в том, что „Россия стала не колонией или полуколонией экономически более сильного соседнего западноевропейского государства, а одной из сильнейших европейских держав".[1]

В развернутом виде и с большой четкостью дается синтетическая характеристика петровской эпохи в учебнике истории СССР для не-исторических вузов. Автор этой главы В. И. Пичета начинает с обобщающих вводных положений о Петре Великом, которые затем дополняются и углубляются по мере изложения событий эпохи. Исходя из высказываний классиков марксизма-ленинизма, автор не ограничивается их простым повторением, но его характеристика является интересным раскрытием и дальнейшим развитием идей, высказанных классиками.

Русское государство накануне царствования Петра Великого, по его словам, отставало в хозяйственном отношении и представляло собой „централизованную, хотя и не вполне организованную, абсолютистскую феодальную монархию", в которой еще сохранялись остатки феодальной децентрализации. Преобразования Петра связаны с его борьбой против отсталости России; при этом „преобразования проводились в сложной внешней и внутренней обстановке, при обострении классовых противоречий в феодальной деревне, в условиях роста городов и роста в них буржуазных элементов, а также в условиях напряженной внешней борьбы". Автор заостряет внимание на прогрессивной экономической политике Петра по созданию мануфактур и отмечает, что они не только соответствовали интересам купечества, но были в интересах дворянства. „Развитие промышленности отвечало интересам дворянства и было стимулом для поднятия производительности барщинно-крепостного хозяйства, так как мануфактура становилась потребителем сельскохозяйственного сырья. Это влекло за собой ухудшение положения крепостного крестьянства".[2]

Далее отмечается другая существенная черта эпохи: „В условиях господства феодально-крепостнических отношений мануфактура могла быть только крепостной, а не капиталистической", но, вместе с тем, „купеческий капитал получил господствующее положение в мануфактурной промышленности". Экономические мероприятия Петра содействовали ускорению развития производительных сил страны. Наряду с признанием буржуазных отношений, автор считает господствующими в петровской России феодально-крепостнические отношения и выясняет стремле-

---

[1] История СССР, т. I, под редакцией Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева, стр. 645.

[2] История СССР, т. I, под редакцией В. И. Пичета, М. Н. Тихомирова и А. И. Шестакова, ОГИЗ, 1941, стр. 217.

ние Петра укрепить положение дворянства как господствующего класса. Отчетливо характеризует В. И. Пичета сущность государственной власти при Петре: он исходит из ленинского определения империи XVIII столетия как чиновничье-дворянской монархии. Параграф о реформах управления носит заголовок „Организация чиновничье-дворянской монархии". В учреждении Сената в 1711 г. автор видит начало перестройки „дворянской монархии на новых, бюрократических началах". Петровская правительственная организация определяется как „феодальный абсолютизм", и притом „наиболее соответствовавший интересам класса дворян-помещиков". Реформы проводились в условиях крайнего обострения классовых противоречий, и Петр укреплял „абсолютную монархию, опираясь на которую дворянство могло подавить возмущение своих крепостных".

В изданном курсе лекций по истории СССР в XVIII столетии, прочитанных в Высшей партийной школе, Г. А. Новицкому принадлежит отличный по отчетливости изложения обзор эпохи Петра с анализом исторического значения преобразований, его внешней политики и народных восстаний.[1] Приходится отметить местами чрезмерную сжатость и беглость лекций (например, отсутствует упоминание об Аландском конгрессе). По линии подчеркивания феодально-крепостнических отношений построена статья К. В. Базилевича „Петр Великий" („Большевик", № 17, 1943). Б. И. Сыромятников, напротив, усматривает в законодательстве Петра I антифеодальные и антидворянские тенденции, вплоть до стремления к ограничению крепостного права; наиболее интересной стороной его книги является подчеркивание петровского абсолютизма и противопоставление его феодально-представительной монархии (см. выше).

Подводя итоги, следует заметить, что советские историки проявили большой интерес к разработке истории времени Петра Великого, но изучение эпохи шло неравномерно, в зависимости от общих условий нашего исторического фронта. Более всего сделано в изучении экономики эпохи, преимущественно петровской мануфактуры, и по истории народных восстаний. Пересмотр истории внешней политики, военного искусства и культуры в советской историографии только начат, и при этом удельный вес популярных очерков и отдельных статей по этим вопросам значительно превысил немногочисленные исследовательские работы. В отношении издания первоисточников при наличии ряда ценных публикаций работа не развернута еще с должной широтой, однако, как отмечено выше, только военные условия задержали выход в свет ряда подготовленных крупных сборников документов.

---

[1] Г. А. Новицкий и Э. Н. Бурджалов, История СССР (XVIII век). Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), М., 1945.

Проблемы эпохи Петра Великого все более и более занимают одно из центральных мест в советской исторической литературе. Очередной задачей советской исторической науки является дальнейшая систематическая и разносторонняя разработка петровской эпохи — как ее социально-экономической истории и классовой борьбы, так и внешней политики, административных преобразований и культуры. Эта прогрессивная эпоха и ее изучение вызывают законное чувство советского патриотизма. Последнее слово о Петре Великом и его преобразованиях еще не сказано, перед нашими историками лежит широкий путь для дальнейшей работы. Советская историческая наука на этом участке напоминает строящееся и еще остающееся в лесах великолепное здание, где работа находится в полном разгаре.

С. А. ФЕЙГИНА

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ ЗА ПОСЛЕДНЮЮ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Интерес к России и ее прошлому, чрезвычайно возросший в последнее время во всех странах Западной Европы и Америки, сказался, между прочим, в громадном росте научной литературы о переломной, бурной и потому особенно интересующей иностранцев эпохе Петра Великого. Эта литература разной научной ценности, разнохарактерная по типу исследования, представлена почти на всех европейских языках. К сожалению, нам пришлось ограничиться для своего обзора тем, что в современных условиях удалось получить и изучить в основных московских книгохранилищах, и поэтому мы не можем претендовать на исчерпывающую полноту характеристики западноевропейских и американских направлений в исследовании русской истории на рубеже XVII и XVIII вв. и на достаточно точную классификацию, если можно так выразиться, жанров исторической литературы. Тем не менее, довольно большое число работ, проанализированных нами, позволяет сделать некоторые выводы, не бесполезные для наших исследователей.

Рассмотренная нами литература на английском, немецком, французском и отчасти итальянском языках классифицируется, однако, не по языковому признаку (хотя такая классификация тоже имела бы достаточное оправдание ввиду заметных отличий научных школ разных стран), а по внутренним научным признакам. В основном просмотренная литература может быть, для облегчения ее обозрения, разделена на

следующие группы: обширная как по числу работ, так и по их объему группа научно-популярных книг историко-биографического и монографического характера, посвященная Петру Великому и представляющая почти все крупные страны Западной Европы; затем группа работ, очень ценных для нас и представляющих исследования по отдельным проблемам петровской эпохи, различных по объему, — от небольшой журнальной статьи до солидного тома; в третью группу мы отнесли капитальные исследования, не посвященные специально ни русской истории вообще, ни Петру в частности, но либо дающие синтетическую историю отдельных стран, либо трактующие об истории международных отношений и всемирно-исторических проблемах и потому в частях, смежных с русской историей, дающие очень ценный свежий материал, часто архивного характера.

Работы первой группы, очень различные по своей ценности, иногда чисто компилятивные, иногда в отдельных частях носящие исследовательский характер, а в некоторых случаях не выдерживающие даже самой снисходительной научной критики, интересны для нас как по проблемам, на которые делается основное ударение их авторами, так и по способу обработки и подачи материала.

Из этих работ на первое место надо поставить английскую книгу С. Грахама (Stephen Graham) — „Peter the Great", вышедшую в Лондоне в 1929 г., затем немецкие книги: Курта Керстена (Kurt Kersten) — „Peter d. Grosse", вышедшую за пределами Германии, в Амстердаме, в 1935 г. с подзаголовком „Vom Wesen u. von den Ursachen historischer Grösse"; Брейтнера (Erchard Breitner) — „Peter d. Grosse Zar", изданную в Лейпциге—Вене в 1936 г., и Е. Мюллера (Erich Müller) — „Peter d. Grosse und sein Hof" (München, 1926); некоторые французские книги, как Удара (Georges Oudard) — „La vie de Pierre le Grand" (Paris, 1929), переведенную на английский язык и вышедшую в Америке. Для большинства из них характерны прекрасная литературная обработка, изящный язык и стилистические достоинства, благодаря которым они могут служить образцами популярной литературы, не претендующей на исследовательский характер. Внешнее оформление книг очень хорошее: они иллюстрированы в некоторых случаях репродукциями, в частности с портретов, гравированных и маслом, имеющихся в Венской национальной библиотеке, хорошо аннотированы. Новейшая иностранная научно-популярная литература удачно сочетает легкий, доступный широкому кругу читателей стиль изложения с содержанием, насыщенным фактическим материалом, в отличие от некоторых старых популярных работ с их тяжелым языком научной литературы и бессодержательностью популярной.

Излагая дальше в общих чертах содержание этих работ и указывая

основной интерес, который они пытаются удовлетворить, мы сравнительно больше задержимся на вопросах внешней политики и военной истории, потому что для большинства иностранных популярных работ о Петре и его эпохе в России характерно большое место, уделяемое этим проблемам; именно эта часть представляет наиболее ценный раздел в них, наилучше разработанный, иногда по первоисточникам. Иностранные авторы располагают более свежим материалом как раз по разделам, смежным с историей Западной Европы, и в большинстве случаев рассматривают государство Петра Великого с точки зрения его выхода на международную арену. Меньше внимания и места уделяется внутренним реформам преобразователя. Но некоторые эпизоды истории и личной биографии Петра, в частности его конфликт с сыном, в которых борьба двух начал и личная характеристика Петра приобретают остро драматический характер, разработаны тщательно почти всеми авторами, а в Италии вышла даже специальная работа о смерти Алексея Петровича.[1] Надо отметить, что все перечисленные нами книги и вообще большинство просмотренных иностранных работ остаются и по указанному вопросу в рамках научности, избегая каких-либо домыслов, которые могли бы усилить драматизм рассказа. Некоторые из рассмотренных нами книг в значительной мере основываются на русских исследованиях.

Мы особо остановимся на книге Курта Керстена „Peter d. Grosse" и отметим тех авторов, у которых он неудачно черпал свое вдохновение. Мы приведем ряд примеров, показывающих его зависимость от так называемой „школы" Покровского или, вернее говоря, группировки, собравшейся около Покровского, так как это единственный, если не ошибаемся, случай проникновения в западноевропейскую историческую литературу терминологии и понятий „торгового капитала".

Автор начинает свое изложение с изображения памятника Фальконета, который, по его словам, прославляет в граните легенду, не имеющую равной себе в мировой истории по величию и ужасу, который она вызывает. Сидящий на коне муж оказывается при проверке его жизни и деятельности преисполненным противоречий. Серьезные критики сомневаются в его военных талантах, пишет Керстен, хотя он дал стране новое военное устройство и вел 20-летнюю войну. Несмотря на усиленную подготовку, он проиграл первое сражение и вызвал катастрофу на Пруте. Несмотря на 20-летний военный опыт, он потерпел в 50-лет неудачу в персидском походе. Между тем, при вступлении на престол он застал слабую, расшатанную страну, а оставил после себя влиятельнейшее в Европе государство, открывшее себе

[1] M. Mazzuechelli, Tragödie d'Aguile, Milano, 1931.

выходы на юге и западе и разрешившее задачи, решение которых было непосильно для многих предшествующих поколений. Вот это кажущееся противоречие автор и пытается вскрыть, выявив силы более мощные, чем был Петр, и поставив вопрос о том, имел ли Петр определенный план действия и собственную программу или его направляли силы, которые пользовались им, как своим орудием, и видели в нем своего представителя. Решая вопрос о социальных и экономических предпосылках петровской реформы, автор правильно ставит Петра рядом с крупнейшими преобразователями абсолютистских западноевропейских монархий, как Людовик XIV или бранденбургский курфюрст Фридрих-Вильгельм. Но в дальнейшей конкретизации своего анализа автор, возвращаясь на целый век назад, открывает нам источники своего заимствования в следующем суждении: „Социальное значение эры Лжедимитрия, принадлежащего к числу великих трагических реформаторов мировой истории и произвольно, злостно оклеветанного византийской историографией в качестве „вора“ и „обманщика“, получило правильное, заслуженное освещение только в исследованиях последнего десятилетия“. „Ровно через год после того, как Степан Разин кончил под страшными пытками свою храбрую жизнь, в колыбели в Кремлевском дворце кричал мальчик Петр Алексеевич, которого через 30 лет угнетенные крестьяне проклинали в качестве антихриста“. „Ростовщический торговый капитал, давший России первых Романовых, все настойчивее требовал полного подчинения крестьянства“. Этот торговый капитал настойчиво выдвигается автором при его попытках характеризовать значение внутренних реформ Петра I, отца которого он называет оптовым купцом в Кремле.

Расстановка сил в борьбе за петровские реформы объясняется автором следующим образом. Тесная экономическая связь между голландцами и группой Матвеева—Нарышкиных была источником симпатий Петра к Голландии. Неудача в конкуренции с голландцами возбудила у многих раскольников сочувствие к Милославским, которые не скрывали своей ненависти к иностранцам. Боярство не было заинтересовано в агрессивной политике торгового капитала.

Раскольников автор характеризует следующими словами: „Они были и оставались вождями оппозиции против кремлевского режима в качестве представителей агрессивного, ломающего все преграды, не уважающего никаких традиций торгового капитала“. Но этот „торговый капитал“, который будет назойливо встречаться нам еще множество раз на страницах реферируемой книги, стушевывается и, отходя на задний план, перестает что-либо объяснять всякий раз, когда автор оперирует с действительно хорошо известным ему историческим материалом, налагающим на исследователя свои обязательства. Так случилось

с Керстеном. В его книге сравнительно очень много места уделено характеристике международной обстановки и дипломатической истории Европы, в которой Россия в описываемый период становилась равноправной участницей. Он, например, дает прекрасную характеристику политической обстановки в Европе в период первого путешествия Петра, когда подъем Франции в царствование Людовика XIV кончался и ее господство в Центральной Европе не реализовалось, ее силы были истощены, ее союзник, султан, был разбит; Германская империя, казалось, стояла перед новым подъемом, а объединение Англии и Голландии в результате революции 1688 г. и падения франкофильствующих Стюартов изменило на Западе соотношение сил не в пользу Франции; при глубоких расхождениях Англии и Франции в Европе назревал новый кризис в связи с предстоявшим разделом владений испанской короны. Автор считает, что уже в период Азовских походов Петр составил большой политический план, имея в виду завоевание малоазиатского, персидского и турецкого рынков и выход на Черное море или Восточное Средиземноморье, как его называет Керстен. Идя по следам русских историков, он приписывает первой заграничной поездке Петра изменение ориентации его внешней политики, намечавшееся лишь постепенно в процессе гаагских и лондонских впечатлений, а также венских переговоров. Успех, достигнутый в Вене, где Петр согласился с Леопольдом I, что Фридрих-Август Саксонский является наиболее подходящим претендентом на польский престол, должен был обеспечить австрийский и русский тыл в турецкой войне; Россия могла быть спокойна за Украину, а у императора отпадали заботы, которые мог ему создать в Варшаве вассал Людовика XIV. В вопросе о польской короне Москву связали с Веной общие интересы. Решениям, принятым в Вене в 1698 г., автор придает громадное всемирно-историческое значение, отмечая, что проект Великого союза против Турции не осуществился, — Кинский уклонился от обещания прямой поддержки Петру в борьбе за Керчь и выход на Черноморье, а в Лондоне и Гааге не нашло резонанса желание царя продолжать борьбу с Турцией вплоть до ликвидации мусульманской власти в Европе.

Автор, впрочем, не свободен и в характеристике этого момента дипломатической деятельности Петра от преувеличений, так как о таких его широких планах мы ничего не находим в документальных памятниках. С другой стороны, он не свободен и от модернизации, присущей почти всем западным историкам-популяризаторам петровской эпохи. Это видно из следующего отрывка: „Никогда больше до той эпохи, когда безудержная Европа бросилась на колени перед чудом американской техники (он имеет в виду современную нам Европу. — *С. Ф.*), не испытывалось это

состояние опьянения, в котором расточал себя молодой Петр, посещая голландскую школу. Это была голландская школа, давшая Рембрандта и Спинозу, имен которых Петр, вероятно, даже не знал; но чудеса знахарей и фокусников вызывали его живейший интерес". Эта модернизация, притом довольно неосновательная, отражает, между прочим, оценку Петра современником его, английским епископом Бернетом (Burnet), который после казни стрельцов, по возвращении Петра в Москву, презрительно отзывался о жестокости человека, по его словам, ничему не научившегося в Европе и осчастливившего свой народ только опытом, который он приобрел в голландских камерах пыток. Именно эта сторона первого заграничного путешествия Петра нуждается теперь в известном пересмотре, начало которому положено в работе А. И. Андреева о пребывании Петра в Англии. Вообще, сомнительна правильность общепринятого утверждения, что государственное устройство западных стран, в частности Англии, не интересовало Петра и ничем не отразилось на его дальнейших преобразованиях.

Уничтожающая оценка Петра епископом Бернетом была ошибкой, обнаружившейся для Англии с большой неожиданностью тогда, когда успехи России на Балтийском море, о которых в Лондоне разговоров не было, спутали карты Уайтголла (Whitehall) в период его борьбы за гегемонию Англии в войне за Испанское наследство.

Необходимо отметить, что Керстену, как и почти всем иностранным авторам работ о Петре Великом, как популярного, так и исследовательского характера, принадлежит большая заслуга установления конкретной, непосредственной связи между событиями 12-летней войны за Испанское наследство и 20-летней Северной войны. Эта связь никогда не отрицалась и у нас, о ней говорил неоднократно и С. М. Соловьев, но дальше априорного утверждения ее наличия, ввиду одновременности событий, наши историки обычно не шли. Между тем, в разной степени и в разные моменты она конкретно устанавливается большинством новейших западноевропейских историков, работающих по истории начала XVIII в., в частности и Керстеном. Он совершенно правильно выясняет причину, по которой Карл XII не воспользовался победой под Нарвой для продолжения русской кампании в изменившейся международной обстановке, после того как в феврале 1701 г. Людовик XIV начал борьбу и занял нидерландские барьеры. Вся Европа становилась полем сражения, и Карл XII не мог начинать длительный поход, имея в тылу Саксонию, Польшу и Данию, когда морские державы, дружественные ему, были заняты событиями на западных театрах войны. Карл XII мог видеть в перспективе восстановление франко-шведского союза, как он существовал после смерти Густава-Адольфа. Таким образом, длительная передышка, полу-

ченная Россией после ее первой неудачи на балтийском театре войны, правильно объясняется стремлением Швеции обеспечить свои германские владения, использовать слабость империи, не удаляясь слишком от своей операционной базы, и, играя на противоречиях между западными державами, стать в дальнейшем арбитром в делах Европы. Эта важная связь антибурбонской и антишведской войны еще раз помогла Петру, когда после осады Гродно, из-под которого русская армия ушла под Киев при начавшихся восстаниях на юге, Карл пошел в Саксонию, куда его толкали события на западных театрах войны. В мае, как известно, Мальборо разбил французов при Рамильи и освободил Испанские Нидерланды, Евгений Савойский изгнал французов из Южной Германии и Верхней Италии. События шли, казалось, к развязке; возникал вопрос об обеспечении шведских владений в Германии, о равновесии сил. Успех Карла в Саксонии и Альтранштедтский мир возродили перед Англией угрозу франко-шведского союза, на которую она реагировала отправкой самого Мальборо в Альтранштедт, где он развивал перед министрами Карла план похода на Восток. Тут Англия, уже ставшая Великобританией, впервые в истории выступила противницей России, рекомендуя Берлину строгий нейтралитет и способствуя дипломатической изоляции Петра. Но события на восточном театре военных действий привели через несколько лет к Полтавской победе, которая, по словам автора, „превратилась в одну из крупнейших и чреватых последствиями побед в мировой истории". Вводя Полтаву в круг общеевропейских событий, Керстен справедливо указывает, что она начала новую главу в европейской истории, покончив с изоляцией Европейского Востока.

Мы остановились на этих основных разделах книги Керстена, позволяющих судить о ее недостатках и достоинствах. К первым относится, повторяем, заимствование пресловутой „теории" торгового капитала, или, вернее, ее терминологии, а ко вторым — широкая рамка дипломатической и военной истории Европы, в которую он вставляет монографию о Петре. Он устанавливает на разных этапах Северной войны тесную связь ее с событиями на западных театрах войны за Испанское наследство, где параллельно с Северной войной решался для всей Европы вопрос о новой расстановке сил в XVIII в. и о предстоящей первостепенной роли Англии. Приобретя Гибралтар и Порт-Магон на Минорке, т. е. решающие позиции на Средиземном море, Англия обратила свои усилия на Балтику и стала к концу Северной войны играть в дипломатических сферах Севера руководящую роль.

К большим достоинствам книги надо отнести живые, иногда яркие, характеристики исторических лиц, русских и европейских, — Лефорта,

Гордона, Паткуля, Мальборо и др., что сближает Керстена с английским автором монографии о Петре — Грахамом.

Его книга „Peter the Great", очень литературно написанная, дает яркие контрастные картины с резкой светотенью. Описания интенсивной дипломатической деятельности Петра чередуются с картинами бесчинства всешутейшего собора; главы, посвященные внутренней преобразовательной деятельности Петра, сменяются рассказом о преследовании наследника и его насильственной смерти. Никакой сусальности или однотонности, и в результате мы имеем яркую характеристику Петра, личности сильной, незаурядной, но и не свободной от больших пороков, часто жестокой, необузданной в своих порывах. К заслугам Грахама надо отнести то, что он дает Петра в развитии, движении, а не законченной личностью чуть ли не с Азовских походов. По вопросу о сподвижниках Петра, особенно иностранных, роль которых у большинства иностранных авторов преувеличивается, Грахам признает, что Петр, вероятно, сделал бы все то же самое с другими помощниками; между тем, другой государь пришел бы быстро к неудаче с такими же товарищами по работе, какие были у Петра, имевшего дар использовать людей и роковую способность усваивать их пороки и недостатки.

Много места Грахам, как и Керстен, уделяет дипломатическим и культурным связям с Европой, начиная с первого путешествия Петра. Очень хороший анализ общей политической ситуации в Северной Европе дан для периода после 1714 г., когда английский король Георг I, преследовавший чисто территориальные ганноверские интересы, начал проявлять активность в балтийском вопросе, иногда за спиной своих английских министров; получив для Ганновера Бремен и Верден, он оказался перед опасностью закрепления русских позиций в северной Германии, в особенности в Мекленбурге, герцог которого Карл-Леопольд вступил в брак с царской племянницей Екатериной Ивановной. Этот династический брак, вызвавший при северных дворах толки о стремлении Петра утвердиться в Германии и диктовать там свою волю, сопровождался со стороны Дании прекращением подготовки десанта в Швецию и проектом десанта в Висмар. Последний был предметом больших раздоров; Висмар, обещанный Пруссии и Мекленбургу, Георг I хотел отдать Саксонии, а датчане считали его своей добычей в войне. Петр не намеревался создавать из-за него конфликта, откладывая решение до вторжения в Швецию. Перевод части русской армии из Мекленбурга в Данию в 1716 г. для десанта в Швеции вызвал панику в Копенгагене и сопровождался, как известно, усилением активности английской, или, вернее, ганноверской, дипломатии, так как после 1714 г. между ними трудно проводить различие вследствие личной унии Англии и Ганновера. Приказ Георга I адмиралу Норрису захватывать

русские суда, пока Германия и Дания не будут очищены от царских войск, не был Норрисом выполнен именно потому, что он исходил не от английского правительства, а от ганноверского курфюрста и угрожал английской торговле убытками, вследствие ожидавшихся контрмер со стороны России. Заслугой Грахама является то, что он проводит это разграничение английской и ганноверской политики Георга I, вошедшее уже в научную литературу в результате последних исследований, о чем мы будем говорить дальше, но упускаемое обычно из виду в монографических и популярных работах о дипломатии петровской эпохи. Грахам подчеркивает русскую ориентацию Пруссии после 1713—1714 гг., когда Фридрих-Вильгельм уклонялся от всяких антирусских акций и дал в 1716 г. отповедь английской дипломатии, пытавшейся убедить Берлин в намерении царя оставить за собой Стральзунд и Штеттин. Автор рецензируемой книги очень подробно излагает различные этапы английской борьбы за влияние на Севере после заключения Утрехтского мира и все попытки Георга I изолировать Россию, оторвав от нее ее союзников.

Между прочим, останавливаясь, как и все иностранные авторы, на преследовании Алексея Петровича отцом и казни его, Грахам говорит о резонансе, какой эти события получили в Европе, и об их косвенном влиянии на позиции петровской дипломатии. Этот неисследованный у нас вопрос необходимо изучить, установив, действительно ли после смерти Алексея Петровича Петру стало труднее общение с западноевропейскими странами, куда он перестал с тех пор ездить. Сообщение Плейера в Вену об убийстве наследника в тюрьме вызвало, как известно, требование отзыва венского резидента и охлаждение отношений с Веной, так как императрица была сестрой супруги Алексея Петровича Шарлотты. Одновременно действовала в том же направлении английская дипломатия, получившая для Ганновера Бремен и Верден по договору со Швецией в 1718 г. и открывшая для английских судов доступ в глубь Германии по Везеру и Эльбе, по которым они могли ходить так же спокойно, как по Темзе.

Англии, как указывает Грахам, удалось затянуть русско-шведскую войну до 1721 г., оставив Россию почти в полной изоляции; однако политика Георга I потерпела неудачу: он не нашел в Европе союзников против России и только усилил в английском парламенте оппозицию группе Стенхопа и всей ганноверской политике, стремившейся создать англо-русский конфликт.

Этот хорошо разработанный в книге Грахама дипломатический фон конца Северной войны, стоящий на уровне последних работ по истории Западной Европы этого периода, должен быть поставлен в серьезную

заслугу автору, как и правильная характеристика положительного значения деятельности Петра. Его действительное величие, по словам Грахама, заключалось в уменьи предвидеть будущее. В частности, это сказалось в персидской кампании, когда Петр „угадал в значительной степени судьбу России".

Немногочисленные, хотя и досадные, фактические неточности и прямые ошибки, встречающиеся в книге Грахама, в частности хронологического порядка, не могут все же изменить нашего отношения к ней, как к серьезной популярной работе, заслуживающей положительной оценки.

К числу популярных работ надо отнести и книгу Мюллера „Peter der Grosse und sein Hof", вышедшую в Мюнхене в 1926 г. с обширным приложением в виде так называемых анекдотов, писем и документов, заимствованных из „Писем и бумаг императора Петра Великого", современных мемуаров Штелина, Бюшинга, Голикова и др. Самый текст, более сжатый и поверхностный, чем в выше реферированных работах, дает обобщения, иногда приемлемые для нас, иногда поверхностные и неубедительные, особенно когда автор касается рокового для всех иностранных авторов вопроса о так называемой национальной русской психологии. Он правильно отмечает, что вхождение России в круг европейских держав представляет собой интереснейший момент истории на рубеже XVII и XVIII вв. Личную судьбу Петра он отождествляет с этим превращением России в первоклассную державу, так как, по его словам: „Если история государя была когда-либо также историей страны, то это именно история России при Петре"; она представляет, говорит Мюллер, такое множество резко очерченных лиц и пестрых событий наряду с судьбами отдельных людей, преисполненными неслыханного трагизма, что наблюдатель-историк впадает в оцепенение. Петр „был во всем дитя своего времени и типичный представитель наступающего XVIII в."

Но, исходя из этих положений, автор, увлекаемый своим историческим эклектизмом, утверждает затем: „События развивались непроизвольно и были совершенно независимы от того, кто гнал их вперед. Только из потребностей внешнеполитической ситуации возникли решительные преобразования внутреннего строя. Пока не существовало внешнего принуждения, реформа Петра напоминала импровизацию, случайную и странную причуду юноши, склонного к новшествам".

Еще более поверхностны попытки Мюллера дать общую характеристику русского народа. Он говорит следующее: „Невероятная пассивность, необычайная способность переносить страдания, сочетающаяся с постоянно обновляющейся жизненной силой, позволяла русским претерпевать все превратности, которые сходили с них, как с гуся вода...

Казалось даже, что в этой стране люди неуязвимы против всего, что принесло бы смерть всякому европейцу". Дальше автор, впрочем, отказывается от применения к русским западноевропейской мерки, утверждая, что „все, представляющееся для диференцированного морального восприятия преступным, является для этого народа, выросшего между Азией и Европой, без культуры средневекового Запада, лишь формой жизнеспособности, непонятной нам, но соответствующей внутренней сущности его носителей и потому оправданной в себе". По словам автора, Петру не удалось преобразовать свой народ. Он „остался тем, чем был, косным, пассивным, нечувствительным и грубым, недоступным ни для каких новшеств...". „То обстоятельство, что эта масса, тем не менее, не изменила своей сущности, составляет внутренний трагизм творчества Петра, который, в конечном счете, создал форму без содержания".

Эти поверхностные национально-психологические экскурсы составляют слабую сторону и книги французского автора Удара „La vie de Pierre le Grand". Он говорит о русской душе, „...неспособной к эволюции". „Ее врожденная покорность позволяет ей симулировать усвоение любой системы, но без развития и усовершенствования ее, хотя бы она в течение веков оказывала свое давление".

Характеристику Петра Удар заимствует у Фридриха II: „Жестокий в мире, слабый на войне, вызывающий восхищение иностранцев и ненависть у своих подданных, человек, доведший деспотизм так далеко, как только может довести его монарх, которому удача заменила мудрость".

Эти бедные историко-философские труизмы служат для Удара основанием для следующих политических выводов и предсказаний: „Московия вернулась к своему естественному варварству. Верная вечной великой мечте древних народов Азии, она терпеливо ждет случая, чтобы снова броситься на Европу, которую она ненавидит".

Мы не стали бы останавливаться на этой довольно объемистой книге, не вносящей ничего нового в понимание петровской России и не использующей какого-либо свежего материала, если бы не высокая литературно-популяризаторская техника автора, сумевшего книгу, насыщенную фактами из отдаленного прошлого чужого народа, сделать увлекательной и живой, полной драматизма и ярких характеристик, главным образом второстепенных, исторических лиц, как Гордон, Лефорт и др. Именно литературные достоинства этой совсем ненаучной книги заставляют указать на нее популяризаторам, которые считают сухость и штампованный язык признаком академичности, а бедность содержания — признаком популярности.

Только мельком мы остановимся на большой немецкой работе Брейтнера „Peter der Grosse Zar", с подзаголовком „Russland an der

Wende". Эта популярная книга не дает никакого нового материала, лишь мимоходом касается Северной войны и основных военных и международно-политических событий царствования Петра, но очень ярко описывает конфликт с царевичем Алексеем и историю Екатерины Алексеевны; яркая личная характеристика Петра, в основном отрицательная, не связывается с его преобразовательной и дипломатической деятельностью, понимаемой, впрочем, неправильно. В борьбе за Балтику Брейтнер усматривает случайно возникший конфликт, затянувшийся и заставивший Петра метаться в поисках союзников или в попытках заключить мир. Ни материал, ни трактовка его — антиисторическая — не позволяют дать этой работе сколько-нибудь положительную оценку.

Наша характеристика популярной иностранной литературы о Петре сделана на основании нескольких выборочных образцов ее, типичных, как в достоинствах своих, так и в недостатках, для этого довольно распространенного на Западе жанра исторических работ.

Другая группа работ, чисто исследовательского характера, заслуживает более пристального внимания. Нам придется ограничиться несколькими монографическими исследованиями, относящимися непосредственно к Петру и его эпохе в России и касающимися отдельных, в большинстве случаев крупных, проблем русской истории начала XVIII в.

В первую очередь мы отметим работу Дёрриса (Heinrich Doerries) — „Russlands Eindringen in Europa in der Epoche Peters des Grossen", вышедшую в 1939 г. в серии „Osteuropäische Forschungen", затем книгу Хинца (Walter Hinz) — „Peters des Grossen Anteil an der wissenschaftlichen und künstlerischen Kultur seiner Zeit", вышедшую в Бреславле в 1933 г., работу Коха (Hans Koch) — „Die russische Orthodoxie im Petrinischen Zeitalter", изданную в Бреславле в 1929 г., работу Штупериха (Robert Stupperich) — „Staatsgedanke und Religionspolitik Peters d. Grossen", вышедшую в 1936 г. в той же серии, что и работа Дёрриса; книгу Герхарда (Dietrich Gerhard) — „England u. der Aufstieg Russlands", вышедшую в 1933 г. (в издательстве Oldenbourg, München u. Berlin), маленькое, но строго научное исследование Лукинича (Emmerich Lukinich) — „Der Kaisertitel Peters d. Grossen u. der Wiener Hof", появившееся в 1929 г. в Jahrbücher für Kultur u. Geschichte d. Slaven (Osteuropa Institut in Breslau, Band V, Heft III), и, наконец, исследование американского автора Симмонса (Ernest J. Simmons) — „English Literature a. Culture in Russia (1553—1840)", выпущенное в 1935 г. издательством Harward University Press.

Мы начнем с книги Дёрриса, трактующей о проникновении России в Европу при Петре Великом; она представляет ряд особенностей, требующих специального рассмотрения. Прежде всего, язык ее чрезвычайно

тяжел, так что побивает даже немецкие рекорды в этом отношении. Местами ее приходится не столько читать, сколько расшифровывать. Немецкая традиция, столь отличная от английской и французской, — изложение научных работ чрезвычайно тяжелым слогом, делающим их малодоступными для чтения, — вполне выдержана в данном случае. Усугубляющим моментом служит здесь также заметная порча немецкого школьно-кафедрального языка, объясняющаяся датой издания книги — 1939 г., когда снижение германской культуры давало себя знать. Тяжелый, но точный язык германской науки, выработанный длительной привычкой к формальному мышлению, не устоял перед напором вульгаризации, о которой говорит уже самый заголовок.

Немецкая книга о петровской России, вышедшая в 1939 г., вполне оправдывает известные слова Петра „...немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались" (по поводу книги Гохберга о немецком сельском и домашнем хозяйстве).

Это — несомненно научное, но строго формальное исследование, научное по форме и методам, но совершенно схоластическое, изучающее не исторические явления и исторический процесс, а отражение явлений в публично-правовых и международно-правовых понятиях. Автор привлекает громадную литературу, современную изучаемому им периоду, но привлекает ее не для того, чтобы на основании ее судить об явлениях исторического процесса; наоборот — он рассматривает явления лишь поскольку они отразились в литературе, в правовых и других понятиях и концепциях. В этом смысле характерны уже тяжеловесные заголовки разделов, раскрывающие строго формальный характер всего исследования, например: „Москва в механизме европейской системы государств", „Функционирование европейской общественности как резонатора русской политики", „Политико-педагогическая функция публицистики для России", „Первозначимость статистико-правового познания царского государства" и т. д.

Во вступлении автор говорит о том, что в своей работе он исследует смену понятий о России, находившихся в обращении и разбившихся о Петра и его поведение. Интерес к России вызывается потребностью не „вчувствоваться", как говорит ученый немец, в русскую сущность, а создать абстрактные суждения об общечеловеческих связях.

Согласно западной точке зрения, еще в XVII в. Москва целиком стояла вне мировой истории, так как не была связана непрерывной цепью развития с античностью, представленной в новое время Священной римской империей, которая считалась последним словом истории. При таком догматическом подходе единство Запада, сохраненное под

названием „христианства", оказалось беднее содержанием, чем чисто географическая протяженность Европы. Это исследование не реальных отношений, а закостенелых понятий и формул (мы приводим слова автора, нигде не обобщая его анализа) содержит суждения о Петре, причем эпитет Великий ставится в кавычки; значение Петра в европейском сознании его времени заключалось якобы в том, что в качестве государя и личности исключительного масштаба он сумел завоевать себе признание Европы. Только к исходу исторического периода, когда романо-германский мир был объединен в универсальную монархию, Европа предоставила России равноправное место, а Петр Великий позаботился о том, чтобы о подчиненной роли ее больше не могло быть и речи. Хотя, как говорит Дёррис, вместо устаревшего понятия „христианства" не удалось найти нового определения, на основе международного права были заново урегулированы отношения Европы с окружающим ее миром, причем, как указывалось, Европа — это понятие отнюдь не географическое.

Уже в период Вестфальского мира принцип „системы равноправных государств" получил правовую силу, хотя и не был сформулирован. В вопросах ранга коронованная глава ставилась выше даже представителей могущественных республик. Здесь открылась дверь, за которой встретились европейский абсолютный монарх и московский самодержец.

Это вступление вводит нас в метод автора и в круг понятий, которыми он оперирует. Напрасно стали бы мы искать на всем протяжении его довольно объемистой книги хоть какой-либо конкретный материал, характеризующий положение, занимаемое Россией в европейских межгосударственных отношениях и связях до Петра и после него. Мы не найдем ничего, кроме литературных ссылок и отражения ранга, принадлежавшего ей в дипломатических и правовых формулах, надолго переживающих, как известно, породившее их соотношение сил. Зато очень богата литература, приводимая автором, литература в большинстве случаев начала XVIII в., забытая и заслуживающая возвращения к ней, конечно, не для решения вопроса о роли петровской России в Европе, а для иллюстрации резонанса, который усиление русского влияния имело в теоретических концепциях и правовых понятиях.

Тут мы найдем и проект Вильяма Пенна, — 1692 г. — как обеспечить мир при помощи третейского суда, в котором из 90 голосов 10 должны были принадлежать России и Турции. Сюда же относится „Трактат о вечном мире" Сен-Пьера, вышедший на 20 лет позже и уже отразивший отчасти ход Северной войны, поскольку Дания стояла в нем впереди Швеции и Пруссия выступала на передний план, но Россия еще уступала первенство Польше, Курляндии, Саксонии и ганзейским городам, не говоря уже о крупнейших державах.

Начало нового этапа, когда Россия стала предписывать законы Северу Европы, Ранке относит к Полтаве. Но до того ее роль ограничивалась только Севером, и позднейшие немецкие исследователи, Эрдмансдёрфер (Erdmannsdörfer, 1893), Иммих (Immich, 1905) и Козер (Koser, 1908), подчеркивают раздельность обеих одновременных войн: Северной и за Испанское наследство. Уже на рубеже нашего века шведские исследователи пришли к заключению о большой роли, принадлежавшей России и Петру Великому на плацдармах войны за Испанское наследство, в которой Швеция должна была бы участвовать, если бы она пришла к соглашению с Россией после Нарвской победы или Травендальского мира (Hjärne, Karl XII, Stockholm, 1902).

Между тем, Дёррис очень редко покидает чисто книжную почву своих изысканий для отвлеченных суждений, подкрепляемых, впрочем, и тут ссылками на ученые авторитеты, современные изучаемому периоду и более поздние. Он говорит, что Петр, не создавший политической программы в виде завещания, существование которого он отрицает, настаивал, тем не менее, на определенной роли, взятой на себя Россией в европейской системе государств. Понятие „Европа" было им усвоено, и термин „христианский" был для него равносилен „европейскому". То, что существовало в России при Петре в качестве государства, говорит Дёррис, было мыслимо только благодаря ему, а не вне его. Сомнительно, существовала ли уже русская „нация" в status civilis. Русский индивидуум в частной жизни был совершенно застрахован от point d'honneur, а Русское государство почти судорожно отстаивало свой престиж. Царь делал то, что было еще непонятно его подданным: в интересах своего престижа он считался с другими, независимыми государствами, в чем сказалось влияние европейской государственной системы. Гаагское соглашение о нейтралитете от 31 марта 1710 г. ставило вне борьбы, происходившей на Севере, только шведские провинции в Германии. Тогда вместо принципа равновесия на Севере двух держав, Дании и Швеции, был выдвинут новый принцип „покоя Севера", который постулировался морскими державами в реакционном духе, потому что они исходили из пройденного уже исторического этапа.

Периодический орган „Europäische Fama", задававший тон в Европе, стал после Полтавской победы понимать под термином „северные короны" Польшу, Москву, Данию, Швецию, часть Нижней Саксонии; этот термин проник и в Англию, перед которой стал вопрос о вмешательстве в северные дела. Рупором ее статс-секретаря Болингброка был Джонатан Свифт, писавший об опасностях, которые могут возникнуть для Англии из поражения Швеции. „Что станется тогда с великой поддержкой протестантских интересов в Германии...? Может быть, мы

ответим, что эти государи, разрешив по своей воле северные проблемы, не повернутся на юг и не заставят нас заключить мир с Францией согласно своим собственным планам?" Тут приводится оценка положения современником событий, очень хорошо информированным и отчетливо понимавшим связь обоих театров войны. В октябре 1711г., за месяц до появления памфлета Свифта, эта же концепция официально сообщается Болингброком послу в России Витворту, и выражается опасение, что Северный союз, унизив Швецию и нарушив равновесие сил на Балтике, помешает войне с Францией. Общественное мнение, считавшее, что Северная война происходит „по ту сторону Европы" (that side of Europe), нужно было информировать о необходимости бороться на Севере с Францией, этим южным врагом, что и отразилось в памфлетной литературе вигов. Таким образом, говорит Дёррис, под флагом привычных политических концепций главенствующие европейские державы, вместо локализации северных дел, повели борьбу на этом плацдарме. Балтийские события, рассматривавшиеся раньше как второстепенные, приобрели значение высокой политики; толчком к этому был „взрыв восточной — русской — державой северного пространства". Это — краткое резюме кропотливых разысканий Дёрриса в современных Северной войне брошюрах, памфлетах, периодических изданиях и ученых сочинениях. Нам пришлось дать именно краткое резюме, потому что его работа заслуживает специального отдельного обсуждения, причем его метод и выводы, как видно отчасти из вышесказанного, вызывают серьезные возражения. Ценность работы Дёрриса — в громадном привлеченном им литературном материале начала XVIII в. и более позднего периода, который позволяет поставить и рассмотреть ряд второстепенных, остававшихся до сих пор в тени, проблем петровской эпохи, о Нейгебауере, Гюйссене, Гравина, Паткуле и др. Эти лица были связаны с широкими политическими и литературными кругами Германии и Италии; по следам их мы могли бы восстановить ранние культурные сношения Петра с Геттингеном, Гаагой, итальянскими центрами и т. д.

Почетное место среди иностранной научной литературы последнего 25-летия о Петре Великом должно быть отведено книге Хинца „Peters des Grossen Anteil an der wissenschaftlichen u. künstlerischen Kultur seiner Zeit". Это строго научное исследование анализирует внешние стимулы, полученные Петром, преимущественно за границей, в их взаимодействии с его общим ростом, подготовившим его к активному творческому восприятию художественной и духовной культуры Запада.

Оставив в стороне путешествия Петра за границу в 1711 и 1712—1713 гг., интересные с точки зрения автора только вслед-

ствие встреч царя с Лейбницем, Хинц изучает второе большое путешествие Петра через призму первого. Он устанавливает для 1717 г. значительное расширение духовного кругозора Петра, охватившего почти все области западной культуры начала XVIII в. В 1697—1698 гг. культура Западной Европы только коснулась Петра в своих низших технических и „кунсткамерных" формах. В 1717 г. Петр был уже настолько подготовлен к более глубокому восприятию ее высших проявлений, что знакомство с ними стало для него самоцелью.

Первоначальная собирательная, „кунсткамерная" деятельность Петра настолько изменилась после его второго большого путешествия и непосредственного общения с живой творческой культурой Франции, что тут приходится уже сделать ударение на внутреннем его созревании, на большом приобретенном им внутреннем опыте.

Беседы царя с Лейбницем и затем с французским придворным географом Г. Делилем и другими членами Академии в Париже дали ему, конечно, много стимулов, например, для попыток разрешить вопрос, соединяется ли Азия с Америкой или их разделяет море. Отношение Петра к географическим наукам и картографии, однако, не может быть объяснено одними полученными за границей стимулами. Научные экспедиции 1719 и 1725 гг., без сомнения, были задуманы, как указывает Хинц, под влиянием Парижской академии, а также Лейбница, и попытка разграничить эти влияния и значение правительственного опыта царя представляется автору тщетной.

Очень ценны те страницы книги Хинца, где он исследует историографическую деятельность Петра, расширение задач, ставившихся им русской историографии, и его собственного кругозора. Он считает развитие Петра столь самостоятельным и индивидуальным, что отказывается установить для отдельных моментов внешние стимулы и влияния, признавая решающую роль за его эволюцией, но допуская, впрочем, влияние Лейбница и Парижской академии.

Наконец, в области архитектуры Хинц устанавливает постепенное освобождение царя от узкого практицизма и его значительное личное участие после 1717 г. в создании больших художественных сооружений, что само собой заставляет сравнивать его с Людовиком XIV. Отношение последнего к Мансару и Ленотру имеет свою параллель в отношении Петра к Леблону и Николо Микетти, а Версалю и Марли достойно противостоят Петергоф и Стрельна.

В Париже Петр, согласно выводу Хинца, внутренно переработал основные принципы искусства барокко в архитектуре и отдал в живописи предпочтение стилю Людовика XIV перед стилдм Регентства. Пальму первенства он отдал картинам, которые принадлежали уже тогда по

своему стилю ко вчерашнему дню. То, что он не воспринял Ватто, говорит об его выраженном чувстве стиля. Утрата ощутимых форм, нежный мерцающий колорит в картинах Ватто были чужды жизнеутверждающей сущности Петра.

Очень бегло данное нами резюме тщательного научного анализа всех сторон деятельности великого преобразователя в различных сферах науки и культуры, проделанного Хинцом, позволяет сделать следующие общие выводы.

Хинц считает, что отношение Петра к высшим проявлениям культуры гораздо глубже и шире, чем это обычно признается даже в новейшей историографии. Петр отнюдь не был „чернорабочим" или „гениальным мастеровым". Неправ С. Ф. Платонов, утверждавший, что необычайная любознательность и восприимчивость Петра выводят его за рамки технических знаний и к подлинной культуре. Фактически Петр стал активным участником научной и художественной культуры своего времени. Посещение Франции было потому столь плодотворно, что Париж, бывший еще во время Регентства подлинным центром западноевропейской культуры, дал царю множество научных и художественных впечатлений, упавших на вполне подготовленную к тому времени почву.

По возвращении из последнего путешествия деятельность Петра распространилась на многие науки и большинство отраслей искусства, что наглядно показало гениальность царя.

Этот вывод Хинца, основанный на внимательном анализе доступного ему материала, обработанного тщательно и без предвзятости, на основе широкого культурно-исторического кругозора, а не просто прокламированный, делает его книгу прекрасным вкладом в историографию петровской эпохи и европейских культурных связей начала XVIII в.

Проблема выхода России на широкую европейскую арену, как она отразилась в истории признания императорского титула Петра Великого, т. е. в одном только узком ее аспекте, рассматривается в небольшом, но очень хорошо построенном исследовании Лукинича „Der Kaisertitel Peters d. Grossen u. der Wiener Hof", опубликованном в Jahrbücher für Kultur u. Geschichte der Slaven (1929, Neue Folge, B. V, H. III), издававшихся Бреславльским институтом Восточной Европы.

Это сжатое по форме, совершенно конкретное исследование, дающее весь дипломатический фон изучаемого вопроса, представляет собой контраст с тяжеловесным трудом Дёрриса, богатый научный аппарат которого не оправдывается бедными научными выводами.

На основании изучения фондов Венского государственного архива Лукинич дает историю попыток Петра Великого получить императорский

титул не односторонним актом, как это случилось фактически, а путем соглашения с европейскими державами. Уже к 1687 г. относятся первые шаги русского правительства в этом направлении, сделанные в Вене, когда Леопольд I сослался на то, что признание русского императорского титула может быть сделано только курфюршестской коллегией. В 1710 г. искания со стороны России возобновились в неблагоприятных для Австрии условиях, когда договорные отношения Петра с семиградским князем Францем Ракочи II представлялись Вене угрожающими. По этому частному вопросу автор воспроизводит всю международную ситуацию, напоминает о готовности Англии титуловать Петра желательным ему титулом и приводит слухи о согласии на это Пруссии, опровергнутые, впрочем, ее венским послом. Граф Вилачек, аккредитованный при царе, сообщал в Вену о невыгодном положении, в каком может очутиться Австрия, и о возможности сближения царя с Францией, т. е. использования им европейских дипломатических коллизий.

Смерть в апреле 1711 г. Иосифа I ничего не изменила в вопросе о титуле, а Петр ответил на известие о смерти императора титулованием королевы-регентши Элеоноры только „Serenissime", что вызвало возмущение при венском дворе и специальную конференцию министров; они опасались в случае ответных репрессий с их стороны войны с Россией. Царь был настойчив, но неблагоприятная для него международная обстановка в связи с событиями на Пруте была учтена в Вене, и царскому послу Урбиху вернули ноту с неправильным титулом Элеоноры. Турецкая война, потребность Петра в карлсбадском лечении отодвинули временно вопрос. Все же в Карлсбаде при помощи таких мер, как увеличение своего конвоя и т. д., царь добился титулования его „Величеством", но вопрос в целом оставался открытым и только через 10 лет разрешился односторонним актом.

Это небольшое частное исследование, основанное на архивных и литературных материалах, заслуживает, по методу постановки и решения вопроса, высокой оценки.

Группа немецких исследований, посвященных церковно-религиозной политике государства Петра Великого, должна быть отмечена особо. Это, в первую очередь, книга Коха „Die russische Orthodoxie im Petrinischen Zeitalter. Ein Beitrag zur Geschichte westlicher Einflüsse auf das ostslavische Denken." Она отражает специфический интерес послеверсальской Германии к истории русской церкви и православного вероучения. Как показывает уже подзаголовок книги, она изучает всю проблему с точки зрения западных влияний на восточно-славянскую религиозную мысль и потому останавливается исключительно на теологии Феофана Прокоповича, в лице которого русская ортодоксия всего больше приблизилась к про-

тестантизму, и на учении Стефана Яворского, составившем вершину католико-схоластического влияния. В борьбе этих двух течений Кох видит важнейший момент русской теологии при Петре Великом. Между тем, ни в русской, ни в немецкой литературе автор не нашел анализа теологических систем и литературных влияний, питавших учения Прокоповича и Яворского. Сила первого заключалась в системе, второго — в полемике. Корни системы, якобы критически созданной Прокоповичем на основании протестантской схоластики, и пытается исследовать Кох. Он считает, что, исходя из православной догмы, пользуясь протестантским методом, Феофан преодолел свои методологические образцы и выступил, как самостоятельный мыслитель, больше, однако, в качестве евангелиста, чем провославно-русского вероучителя, так как для него Священное писание является откровением. Но Феофан критически воспринял свои лютеранские и кальвинистские источники и не побоялся критически толковать отдельные места Библии. Прокоповичу, отказывавшемуся от „свидетельства" святого духа для обоснования авторитета Священного писания, как ему предписывалось его протестантскими образцами, еще легче дался такой отказ в отношении церкви, которая являлась для греческой ортодоксии не менее весомым свидетельством авторитета Священного писания.

Интерес к церкви, как пишет Кох, носил не только чисто догматический, но и полемический и политический характер. С этой точки зрения характерно учение Стефана Яворского, для которого церковная власть стоит над государственной. Если греческая ортодоксия всегда была противницей монархического епископата без опоры в Синоде, то Яворский придерживался противоположного, т. е. латинизирующего, учения.

Особо останавливается Кох на учении об оправдании, которое представляет собой у Прокоповича гораздо более стройную систему, чем у Яворского; якобы в явном противоречии с интеллектуальными требованиями официального православия находится у первого определение веры как преимущественно этической категории, составляющей религиозное ядро человеческой души и не исчерпываемой построением философии бога рациональным путем. Протестантский историк с интересом устанавливает, что Прокопович отрицает свободу воли во всех вопросах религии и спасения и признает оправдание грешника не вследствие его дел, а только из „божественного милосердия". Вопрос же о том, нужны ли вообще добрые дела, Феофан разрешает сходно с лютеранским вероучением, признавая их естественным плодом живой веры.

Это чисто историко-богословское исследование Коха, очень кратко резюмированное нами, предшествует рассмотрению им вопроса о лите-

ратурных источниках обеих школ. Он отрицает за научно-богословской литературой старого русского православия всякую оригинальность и считает, что многовековая греческая опека над ней сменилась зависимостью ее от систем западной схоластики, созданных римско-католической и протестантской богословской наукой. Отражением первой являются для него сочинения Яворского, якобы дословно списывающего или ловко компилирующего чужие работы — Беллармина, Бекануса и других неустановленных Кохом учителей католической церкви.

Совсем иначе подходит к своим источникам Прокопович, зависимость которого от его учителей нигде не принимает форму дословного заимствования. Среди этих источников Кох называет, помимо реформатов Полануса и Молинеуса, лютеран Гергардта и Мейснера, также римско-католических богословов Беллармина, Фому Аквинского, Дунса Скотта и др. По мнению немецкого ученого, не дающего, впрочем, подлинного исследования текстов для установления их источников, Прокопович, этот восточный ученик западного богословия, как его называет Кох, объединил в славяно-греческую систему плоды романо-германского духа, причем он черпал из всех доступных ему источников — греческих и римских, папистских и соборных, лютеранских и реформатских. Хотя две последние группы явно перевешивают, но не они вызвали в русском богослове его связанные с протестантизмом взгляды, а это сделало личное общение Прокоповича с представителями протестантизма в Польше и Швейцарии. К сожалению, этот путь воздействия западного богословия на Прокоповича детальнее нигде не исследуется Кохом. Считая учение Прокоповича в целом не оригинальным, реферируемая нами работа все же признает за ним фундаментальное значение для позднейшего русского богословия. „Если же это так, то возрождение русско-украинской церкви, связанное с именем Прокоповича, нельзя назвать иначе, как победой протестантской мысли в славянском мире", — так довольно неубедительно заканчивает свою книгу Кох.

Формализм исследования, неполнота его и методологически неправильное расположение материала по кругу вопросов, интересовавших Яворского и Прокоповича, не позволили автору исчерпать основные проблемы тогдашней русской теологии. Догматико-систематическое рассмотрение вопроса суживает всю проблему, требующую для получения действительно полной картины состояния русского церковного вероучения при Петре историко-догматического исследования; оно позволило бы вернее судить о размерах влияния, оказанного церковными учителями петровского периода на православное богословие. Наконец, литературные источники Прокоповича и Яворского недоста-

точно исследованы для обоснования широких выводов о роли Прокоповича в победе, как говорит Кох, или хотя бы в усилении протестантского вероучения в славянском мире. В этой работе опять формализм немецкого ученого, догматико-систематический метод суживают его исследовательские возможности; главные достоинства реферируемой книги — богатая библиография и исчерпывающий указатель источников — также роднят ее с рядом других немецких работ.

Работа Штуппериха „Staatsgedanke u. Religionspolitik Peters des Grossen" представляет собой серьезное исследование об отношениях церкви и государства в России до Петра и о церковной реформе — учреждении Синода — при Петре Великом. Отмечая отсутствие в петровское время точного разграничения сферы деятельности духовной и светской власти и влияние этого условия на петровскую реформу, автор констатирует, что абсолютистское государство перевесило церковный авторитет. Предпосылкой петровской реформы церковного управления Штупперих считает восточные начала, не допускавшие разграничения государства и церкви и в конце концов поставившие государство над церковью. Достоинством работы является очень большой литературный и документальный (печатный) материал, исчерпывающий все изданное по исследуемому вопросу.

Чтобы полнее характеризовать группу иностранных монографических исследований об эпохе Петра Великого, надо остановиться еще на двух работах 30-х годов XX в.: одной немецкой, другой американской, специально посвященных связям России с Англией, хотя и в разных сферах русского исторического процесса.

Немецкая работа Гергарда „England u. d. Aufstieg Russlands", изданная в 1938 г. в Мюнхене — Берлине и очень обстоятельно трактующая о русско-английских, главным образом, экономических, связях в XVIII в., лишь отчасти касается интересующего нас периода. Но она широко ставит вопрос о выдвижении России и Пруссии в XVIII в. на авансцену истории и вопрос о том, как старая Европа, распространившая в эту эпоху свое влияние на весь земной шар, относилась к подъему молодой русской державы.

К сожалению, по вопросу о взаимной связи двух великих столкновений начала XVIII в. — войны за Испанское наследство и Северной — Гергард приходит, по нашему мнению, к неправильному выводу, точнее — исходит из неверной предпосылки. Он считает, что две эти войны, преобразившие к концу первой четверти XVIII в. лицо Европы, почти не взаимодействовали и что современные им государствоведы только догматизировали существовавшее положение, когда строго различали обе системы государств — северную и южную.

Между тем, анализ конкретных международных отношений, проводимый Герхардом отчасти на материале большого новейшего труда Вольфганга Михаэля (Wolfgang Michael), о котором мы скажем ниже, опровергает эту посылку.

Гергард отмечает тесное сплетение к концу Северной войны английских и ганноверских интересов, крайне затрудняющее анализ английской политики этого периода. Личная уния Англии и Ганновера была заключена, по мнению Гергарда, в такой момент, когда Англия была склонна, успешно разрешив свои задачи в антибурбонской лиге, отвернуться от Европы и опасалась, что Георг I втянет английский народ в континентальные конфликты, задевавшие ганноверские интересы. Постоянную ссылку английских историков на ганноверское влияние в английской дипломатии XVIII в. автор рецензируемой работы считает, между тем, только выражением недоверия англичан к своей короне, сказывающегося в историографии до сегодняшнего дня. Он не проводит полного разделения ганноверских и английских интересов и признает именно в Северной Европе известную общность интересов обеих стран, выясняемую, в частности, исследованиями В. Михаэля. Всё более антирусский характер балтийских экспедиций английского флота к концу Северной войны вызывался, по его мнению, не только страхом Ганновера перед укреплением России в северной Германии, но и отсутствием торгового договора между Англией и Россией и уклонением последней от его заключения. Однако, признавая стремление Англии вытеснить Россию с южно-балтийского побережья, Герхард должен был бы установить и основную причину этого стремления, коренившегося далеко не только в узко торговых интересах Англии. Это стремление английской дипломатии стимулировалось боязнью нового сближения Швеции с Францией, с одной стороны, и воздействия русской дипломатии на исход борьбы с Бурбонами в случае окончательного укрепления России на Балтике, с другой; т. е. вся позиция английской дипломатии на Севере непосредственно связывается с ее задачами на Юге, на плацдармах только еще завершавшейся борьбы с Францией Людовика XIV. Посылка Гергарда опровергается его же анализом английской политики, не доведенным, однако, до конца.

После данного мною краткого анализа нескольких немецких монографических исследований и более детального анализа работы Дёрриса следует остановиться на работе американского ученого Симмонса „English Literature and Culture in Russia (1553—1840)". Хотя мы отказались от классификации рассматриваемых работ по языковому или национальному признаку, все же мы должны остановиться на специфических англо-саксонских достоинствах этого прекрасного, строго научного иссле-

дования о взаимодействии английской и русской культуры преимущественно в области литературы. Исследование истоков и путей культурных связей, без которых неполноценным остается и всякое исследование в области дипломатических отношений, представляется нам особенно актуальным и своевременным теперь, после опустошительных следов, оставленных в этой сфере нашего исторического познания группировкой Покровского; эта брешь в области изучения культурных связей до сих пор не заполнена, а работа Симмонса дает нам некоторые вехи, которые не следует игнорировать.

Очень конкретная, написанная легким, точным языком, снабженная библиографическими указателями и комментариями к каждой главе, не перегружающими текста и не отодвигающими его на второй план, книга Симмонса посвящает Петру Великому и Англии специальную главу, на которой мы и остановимся. Отмечая роль иностранцев в реформе Петра, автор рецензируемой книги перечисляет представителей известных шотландских фамилий (Гамильтон, Лесли, Гордон и Брюс), действовавших в России. Он подчеркивает влияние сестер Гамильтон на семью А. С. Матвеева и Нарышкиных, а через Наталью Кирилловну Нарышкину — на юного Петра. Убежище, найденное в России шотландскими сторонниками Стюартов после казни Карла I в Англии, увеличило число их еще при дворе Алексея Михайловича; в частности, врач Роберт Арескин (Erskine) начал собой целую плеяду шотландских врачей при русском дворе, игравших иногда известную роль и в иностранных делах.

Автор останавливается особо на известном предпочтении, которое Петр оказывал английским судостроителям перед голландскими, на значении, которое он придавал своему знакомству с английским судостроением, — знакомству, без которого он, по его собственным словам, навсегда остался бы только плотником. Не забывает Симмонс и роли привлеченного Петром профессора Эбердинского университета Фаркварсона в создании русских военно-морских кадров: как известно, почти весь офицерский состав петровского военного флота прошел через руки этого ученого.

Следует особо остановиться на роли Англии в дипломатических отношениях России с европейскими странами при Петре, на чем останавливается и Симмонс, изучающий, однако, преимущественно русско-английские культурные и литературные связи. Симмонс не отрицает естественного, как он говорит, желания Англии, чтобы русское оружие действовало в Северной войне менее успешно, но он устанавливает ее готовность, считаясь с фактом выхода Петра на Балтику, поддержать его, очевидно в период еще до появления русских войск в Северной Германии, чтобы устранить опасность сближения России с Францией.

В этом пункте, оставаясь на почве фактов, американский исследователь культурных связей Англии и России оказывается на более правильном пути, чем некоторые историки дипломатических и международных отношений. Симмонс намекает на то, что Северная война была лишь одним из секторов общеевропейской борьбы первой четверти XVIII в. По его словам, царствование Петра было началом сильного английского влияния на русскую дипломатию, и, в частности, Б. И. Куракин, в отличие от прежних русских дипломатов, интересовался английским государственным устройством. Традицию русской дворянской англомании Симмонс возводит к дипломатам Петра, намечая для дальнейшего линию исследования, до сих пор почти не разработанную. Таким образом, от изучения культурных связей Симмонс приходит к дипломатической истории и дает правильную постановку проблемы петровской дипломатии, рассматривая ее как часть сложного комплекса, какой представляет собой европейская дипломатическая история первой четверти XVIII в. Между тем, наши исследователи до сих пор касались ее только мимоходом и не рассматривали Северную войну как один из флангов борьбы европейских держав за преобладание.

Симмонс указывает и на то, что не только Россия поняла преимущества, которые она могла извлечь из контакта с Европой, но что, в результате громадного значения, приобретенного Россией при Петре в мировых делах, и западноевропейские страны оказались жизненно заинтересованными в сближении с Россией.

В ясной, конкретной постановке проблем, в разрешении их на базе документальных и научно-литературных данных — основное достоинство этой книги; в ней много ценного найдут, главным образом, исследователи истоков нашей журналистики при Екатерине II. Но это выходит уже за пределы нашей темы.

Особое место в иностранной научной историографии о Петре Великом принадлежит Е. Ф. Шмурло, выпустившему в 1929 г. в Праге, в издательстве архива Министерства иностранных дел, свою работу „Вольтер и его книга о Петре Великом".

Труд этот имеет свою длинную предъисторию, так как еще в конце 80-х годов прошлого века автор его опубликовал статью об историографии эпохи Петра Великого, изданную затем в переработанном виде в 1912 г. Но рецензируемая нами последняя его работа далеко ушла от предыдущих как по методу рассмотрения материала, так и по самому его пониманию.

В прежних работах Е. Ф. Шмурло еще нередко можно было встретить суждения, характеризующие антиисторический стиль мышления автора, как, например: „Старая Русь не знала уважения к личности

и силой физической сплошь и рядом заменяла воздействие моральное", или: „Истинный сын своего века, Петр не уважал личности, далекий от мысли, что и у нее есть свой мир законных желаний, привычек, понятий и убеждений". Эти приведенные нами из ранних работ Е. Ф. Шмурло суждения об эпохе Петра I характеризуют не столько ее, сколько время, в какое жил и автор, дававший такие оценки.

Работа над текстом книги Вольтера, над всеми перипетиями ее возникновения, блестяще проведенная в рецензируемой работе, была начата Е. Ф. Шмурло еще в 1911 г. в статье „Петр Великий в оценке современников и потомства", где он остроумно сравнивает двух историографов Петра, писавших при Елизавете Петровне, — Крекшина и Вольтера, столь несхожих между собой: „Один едва ли даже умел правильно держать перо в руках, другой этим самым пером прогремел на всю Европу". В самой уродливости сопоставления этих двух имен Е. Ф. Шмурло видит наилучшую иллюстрацию положения, в каком находилась в ту пору историография петровской эпохи: „Крекшин и Вольтер сходились в одном, но зато в самом существенном — в полной неподготовленности к своей задаче".

Взгляды Вольтера сложились в противоположность господствовавшему до него пониманию истории как изображения преимущественно деяний героев. Вольтер не придавал большого значения истории личности. Поэтому история Петра должна была у него превратиться, в отличие от Крекшина, в историю страны. Недаром он писал, что уважает труса, выигрывающего сражения. Вольтер понимал значение переворота, происшедшего при Петре в жизни Московского государства, которое вышло на мировую сцену настолько сильным материально, что к его голосу надо было внимательно прислушиваться. Причину этого переворота Вольтер видел в неутомимой энергии Петра, в котором он и ценил великого культурного деятеля.

Вольтер не решался прямо оспаривать Фридриха Прусского, который осуждал Петра с моральной точки зрения, но он хотел найти оправдание для царя, опасаясь, впрочем, что это не всегда окажется возможным; особенно смущала его смерть царевича Алексея. Выбранный им прием — изображение не человека, а государя — позволял Вольтеру оставить в тени темные пятна, которые, по его словам, не смогла бы смыть с личности Петра самая расположенная к нему рука, — в этом Вольтер сходился со своим прусским корреспондентом и советчиком, принцем Фридрихом.

Если в истории Карла XII, написанной Вольтером, на первый план выступала героическая личность, то в книге о Петре Великом эта роль принадлежит государству, стране под могучим воздействием личности

Главным объектом сочинения становится не Петр, а его творение, не то, что делал царь, а что он сделал. За пределами личности от Карла не осталось ничего, и это превратило его историю в простую биографию; имя Петра, наоборот, неразрывно связано с его творением, которое оказалось настолько грандиозным, что даже поглотило в себе самого творца.

„Все государи, — писал Вольтер, — вели дипломатические переговоры, осаждали города, давали сражения, но только Петр Великий был преобразователем нравов, творцом искусств, флота и торговли. Благодаря этому, главным образом, потомство с восторгом будет относиться к нему".

Ставя себе задачу так изобразить Петра, Вольтер, по словам Е. Ф. Шмурло, прекрасно понимал, насколько он уменьшает интерес своей книги для законодательниц парижских салонов — дам, которых не может привлекать описание успехов далекой Московии. „Парижанка не может интересоваться сражениями на Азовском море и мало заботится о новостях касательно Великопермии или самоедов. Эта книга — не развлечение, а исследование", — писал Вольтер маркизе дю-Дюффан.

Но Фридриху эти доводы казались неубедительны, и он ворчал на Вольтера, который, по его понятиям, взялся писать историю сибирских волков и медведей. Вольтер, с присущей ему иронией, возражал после взятия русскими войсками Берлина, что „между тем, эти медведи оказались в Берлине очень благовоспитанными медведями".

Е. Ф. Шмурло останавливается на судьбе царевича Алексея и роли в ней Петра, составлявших для Вольтера один из тех подводных камней, которые надлежало обойти с особой осторожностью и которые и для современной иностранной историографии, посвященной Петру, представляют особую трудность.

По этому вопросу Вольтер писал И. И. Шувалову: „Очевидно, что, если бы царевич царствовал, он уничтожил бы грандиозное дело своего отца и что благо целого народа надо предпочесть одному человеку. Вот что, кажется мне, делает Петра Великого почтенным в этом несчастии; можно, не искажая истины, побудить читателя уважать монарха, который судит, и жалеть отца, который осуждает своего сына".

Но, несмотря на все старания Вольтера заслонить творением Петра темные, с его точки зрения, стороны его личной биографии, Е. Ф. Шмурло признает, что во многом книга Вольтера о России при Петре Великом, уступает „Истории Карла XII". В ней нет той стройности и цельности, нет стержня, вокруг которого группировались бы события. Вольтер хочет написать историю России, а из-под его пера выходит все же история Петра. Вольтер неизменно имеет в виду „творение" Петра,

но его заслоняют его деяния; постоянные напоминания, что Петр насадил просвещение, создал новое государство и новую нацию, остаются сами по себе, органически не связываются с остальным содержанием книги. Ни расцвета, ни новой нации, говорит Е. Ф. Шмурло, у Вольтера не видно, и ему приходится верить на слово. По недостаточному знакомству с предметом, от Вольтера ускользнул ход событий, процесс реформы, и ему видна лишь показная сторона, законченные факты.

Е. Ф. Шмурло очень метко замечает различие между живым образом Карла XII и ходульной фигурой Петра Великого у Вольтера. Первый жил, в представлении Вольтера, реальным человеком, второго автор отличает от других по наклеенному на него ярлыку. Карла он видел глазами, Петра — одним разумом. Шмурло объясняет нежизненность, ходульность Петра у Вольтера тем, что русский царь был ему гораздо более чужд; он превозносил его как государя и, будучи вынужден, согласно с желаниями заказчика книги, скользить по его отрицательным сторонам, уже одним этим лишил себя возможности нарисовать цельную фигуру Петра; между тем, в шведском короле, выделив и положительные и отрицательные его стороны, он открыл именно человека.

Как это ни странно, говорит Е. Ф. Шмурло, но образ Петра, даже как государя, обрисовался в „Истории Карла XII“ нагляднее и полнее, чем в „Истории России при Петре“.

Е. Ф. Шмурло, несмотря на эти недостатки, отмечает и заслуги Вольтера в историографии Петра. Основанная на документальных данных и легко написанная, его книга нашла многочисленных читателей и вкореняла в сознание западноевропейской публики представление о высокой цивилизаторской роли русского царя, о праве России на место среди европейских народов; она показывала, до какой высокой степени дошло влияние России на международную жизнь Европы в последние годы Северной войны. События русского прошлого впервые изложены в книге Вольтера исторически; она первая, по словам Е. Ф. Шмурло, открыла на Западе ряд действительно исторических сочинений о России. Благодаря книге Вольтера читатель впервые начал понимать одну из главных причин успехов России и ее торжества, увенчанного Ништадтским миром. Если образа Петра Вольтер воссоздать не сумел, то все же энергия, железная воля, деятельный, неутомимый дух Петра выпукло выступают в его описании. Стараясь отыскать смягчающие обстоятельства в пользу Петра там, где приходилось касаться его личной суровости, Вольтер заботится о том, чтобы удержаться на уровне требований, предъявляемых к добросовестному историку. Он решительно отбрасывает обвинение Алексея Петровича в намерении убить отца, но

признает, что благо государства требовало смерти царевича, и ставит в заслугу Петру, что свои отцовские чувства он сумел подчинить долгу государя.

Е. Ф. Шмурло не ограничивается, однако, возвращением к одной из первых исторических работ о России при Петре Великом, написанных на Западе. Он дает тщательный анализ ее текста и приводит в приложениях все замечания петербургских ученых (М. В. Ломоносова, Г. Ф. Миллера и др.), присланные Вольтеру во время его работы и после опубликования его труда, а также его собственные возражения на них. Обширные выдержки из переписки Вольтера с друзьями, с И. И. Шуваловым и, особенно, с Фридрихом Прусским, приведенные в примечаниях, воссоздают ту атмосферу западноевропейского и русского общественного мнения, в которой создавалась эта не забытая еще до сих пор книга об одной из самых ярких страниц истории России.

Мы исчерпали как научно-популярные биографические работы, так и строго исследовательские монографии по петровской эпохе, вышедшие в период между двумя мировыми войнами в западноевропейских странах и Северной Америке и оказавшиеся доступными для нас. Работы эти, очень разного уровня и научной ценности, различного объема и на различном материале построенные, бесспорно говорят об одном: о большом интересе к нашей родине за рубежом, интересе к ее прошлому, к поворотным, переломным его моментам.

Мы хотели бы в заключение отметить еще группу новейших работ западноевропейских исследователей, работ синтетического характера, которые касаются истории России в начале XVIII в. лишь попутно, но которые все же игнорировать не следует. На первом месте среди них — многотомное исследование фрейбургского историка Михаэля „Englische Geschichte im 18. Jahrhundert“, первый том которого — „Die Anfänge des Hauses Hannover“ („Начало Ганноверской династии“) вышел вторым изданием в 20-х годах нашего века одновременно со следующими томами, озаглавленными: „Das Zeitalter Walpols“ („Век Вальполя“). Михаэль пишет на основании громадного актового материала лондонского Public Record Office, Британского музея, ряда английских частных архивов, Берлинского, Венского и Ганноверского государственных архивов; некоторыми своими разделами его работа непосредственно касается России первой четверти XVIII в.

Михаэль дает новое освещение дипломатическим отношениям конца Северной войны на основании материалов, между прочим, Ганноверского государственного архива, которые позволяют ему проследить различные течения английской дипломатии, игравшей руководящую роль на севере к концу войны.

После его работы нам надо проверить схему развития русско-английских отношений, принятую в нашей историографии еще со времени С. М. Соловьева.

Известно, что весной 1714 г. Фридриху-Вильгельму I было сделано Францией предложение заключить союз с Карлом XII, во избежание чрезмерного усиления России, причем ему был предложен Штеттин. Старая союзница Швеции Франция надеялась привлечь к этому союзу и Англию, которая при правительстве Оксфорда-Болингброка сблизилась с Францией и стала дружественнее относиться к Швеции. Фридрих-Вильгельм находился тогда в выгодном положении: за ним ухаживали одновременно Франция, Англия, начавшая переговоры с ним, и Россия, предлагавшая тот же желанный для Пруссии Штеттин. Фридрих-Вильгельм предпочел гарантийный договор с царем; перспектива вмешательства Англии в Северную войну отпала. Вскоре умерла королева Анна; в Англии произошла перемена династии, и ее северная политика при Ганноверском доме получила новое направление, основанное отчасти не на английских, а на ганноверских интересах; впрочем, в этом вопросе нужна осторожность: нельзя следовать целиком за английскими политиками, подозревавшими ганноверские интриги за всеми выступлениями английской дипломатии при Георге I. Между тем, привлечение Ганновера к Северному союзу представлялось особенно ценным для последнего вследствие личной унии Англии и Ганновера и возможности получения помощи от английского флота. Это ослабило бы зависимость Фридриха-Вильгельма от выросшей на Балтике русской мощи и, безусловно, обеспечило бы за ним Штеттин. Тенденции английской дипломатии, связанные с личной политикой Георга I и его ганноверского правительства, не получили в английской дипломатической переписке полного отражения, так как они скрывались от английского парламента. Именем Георга I, стремившегося приобрести для Ганновера Бремен и Верден, в Берлине были даны устные заверения о помощи английским флотом. Нейтральная Англия предоставляла воюющей стороне свою военную поддержку, не выходя из нейтралитета. Адмиралу Норрису были даны, кроме официальных инструкций, предназначенных для парламента и предлагавших ему защищать английское торговое мореплавание, устные инструкции, записанные Норрисом под диктовку ганноверского министра Бернсторфа. Эти устные указания прямо нарушали английский закон о престолонаследии, воспрещавший вовлечение страны в войну для защиты владений, не принадлежащих английской короне. Георг I дал адмиралу тайные указания о поддержке противников Швеции и о том, что его задачи не ограничиваются официальными инструкциями.

В конце мая 1715 г. 20 английских военных судов вышли в Балтийское море конвоировать 10 торговых судов. Под Ревелем произошла в конце июня демонстрация англо-русской дружбы, встреча русского и английского флотов в присутствии самого царя. Это уже новая нотка, невозможная при королеве Анне и целиком вытекающая из ганноверской политики Георга I, который в качестве курфюрста стал еще в 1710 г. союзником России, а осенью 1715 г. заключил с ней новый союз, вопреки всем опасениям, которые усиление России вызывало в Англии. Борьба ганноверских и английских интересов достигла высокой точки в связи с вопросом об уходе эскадры Норриса из Балтийского моря по окончании ее официального задания. Решение вынес сам король, и на Балтике было оставлено 8 английских военных кораблей для совместных операций с датскими. Это дало союзным флотам определенный перевес над шведским, который перестал быть опасен для операций против Штральзунда и Рюгена.

Когда в начале 1717 г. стал известен проект шведских дипломатов свергнуть с английского трона Георга I и возложить корону на представителя династии Стюартов, казалось, Англия официально вступит в антишведскую коалицию. Этого, правда, не произошло, но английский флот снова вышел в Балтийское море для прикрытия русских операций против Швеции. Между тем, в Лондоне был арестован шведский посол граф Гилленборг, а в Голландии — барон Гертц, доверенное лицо Карла XII; они надеялись вырвать из рук ганноверского курфюрста распоряжение английским флотом, возведя на английский трон Стюарта.

Таким образом, как устанавливает Михаэль, северная политика Англии в годы перед Аландским конгрессом была тесно связана с ганноверскими интересами. Великобритания посылала свой флот, чтобы курфюршество Брауншвейг-Люнебург получило шведские владения в Германии, Бремен и Верден, ускользнувшие от него в 30-летней войне.

Из обширного исследования Михаэля мы приводим этот небольшой раздел для характеристики непосредственного интереса, который иностранные работы, основанные на архивных материалах, могут представлять для русской историографии в частях, смежных с русской историей и часто недостаточно еще у нас исследованных.

Специального упоминания заслуживает также вышедший в 1935 г. в Париже в серии Peuples et Civilisations, редактируемой Халфеном (Louis Halphen) и Саньяком (Philippe Sagnac), том, посвященный веку Людовика XIV (1661—1715) и названный „La Prépondérance Française“ („Французское преобладание“); авторство его принадлежит Сен-

Леже и Филиппу Саньяку, объемистый труд которых, носящий, правда, не исследовательский, а синтезирующий характер, дает основные контуры развития Франции при Людовике XIV. Интересно в этой работе ударение, неукоснительно делаемое на истории международных отношений и культуры Франции, вследствие чего ее история с 1661 по 1715 г. тесно связывается с общеевропейским развитием и с теми перемещениями европейского международно-политического и культурного центра тяжести, которые имели место в начале в конце этого периода. Специальная глава, посвященная войнам — Северной и за Испанское наследство — подчеркивает теснейшую внутреннюю связь между борьбой, которая велась одновременно на севере и юге Европы, на Балтийском и Средиземном морях и на Атлантике за господство в Европе, торговлю с Новым Светом, морское и экономическое господство. Для исхода войны за Испанское наследство, умаления политической роли Франции и перехода преобладания в Европе к Англии громадное значение, как показывают авторы книги, имела происходившая в тот же период Северная война, лишившая Францию поддержки ее шведского и польского союзников. Людовик XIV питал, правда, иллюзии о возможном нападении Карла XII с тыла на Бранденбург и императора, но одновременность борьбы за преобладание на севере и юге ослабляла на севере международные позиции Карла XII; она разрушила надежду Франции на австро-шведский конфликт, ликвидированный в 1707 г. в Альтранштедте дипломатическими усилиями герцога Мальборо и наступлением русских войск в Польше, куда Карлу XII пришлось направить все свои усилия. После Полтавской победы уже не могло быть и речи о получении Людовиком XIV шведской поддержки, а затем Утрехтский и Ништадский договоры только зафиксировали утрату двумя крупнейшими союзными европейскими державами, Францией и Швецией, преобладающего влияния в Европе.

С точки зрения историка эпохи Петра Великого, эта книга представляет интерес, как сделанная широкими мазками картина культурного и политического состояния Европы, в которой в ближайшее же время крупнейшим международным фактором предстояло сделаться России, пока только пробивавшейся на Запад через шведский заслон.

Ценны для русского читателя в этой книге библиографические сноски, содержащие многочисленные указания на новейшую историческую литературу, далеко не всегда известную у нас. К сожалению, научная ценность книги снижается встречающимися в ней кое-где легковесными попытками дать историко-философские обобщения, вроде следующего суждения о Западе и Востоке и роли Петра Великого: „Он (Петр. — *С. Ф.*) поставил себе цель организовать свою империю, преобразовать ее по за-

падному образцу, но, впрочем, без общего плана, потому что логика, рациональный порядок являются плодами Запада, которые нельзя приобрести сразу, к которым часто даже не стремятся, обитая на Востоке".

В заключение, надо сказать еще несколько слов о большом труде Леклерка (Dom K. Leclercq) — „Histoire de la Régence pendant la minorité de Louis XV", вышедшем в Париже в 1922 г.

Трехтомная работа, посвященная истории Франции 1715—1723 гг., много говорит о внешней политике этой бурной эпохи и, касаясь отношений регента с Петром Великим, отмечает на севере Европы преобладающую роль Англии и России, находившихся в отношениях соперничества и взаимного недоверия. На основании обширного архивного материала, привлеченного автором, устанавливается чрезвычайная острота русско-ганноверских или русско-английских отношений в конце 1716 г., когда представитель императора в Амстердаме завел речь о выводе русских войск из империи, а Петр пригрозил эвакуировать их из Мекленбурга, чтобы занять Ганновер. Необходимость найти опору против Англии и Австрии будто бы направила Петра во Францию. Беседа, происходившая 13 января 1717 г. у Б. И. Куракина с французским представителем Шатонеф (Châteauneuf), не оставляет сомнений на этот счет, так как царь обещал гарантировать Утрехтский и Баденский договоры за мирное посредничество Франции и прекращение ею субсидий Швеции. В этот момент могла произойти перемена ориентации всей французской политики на Севере, сближение с Россией, однако без разрыва со Швецией. Но этой политике, воскресавшей известную тенденцию Людовика XIV, противостояли личные планы регента и его доверенного — аббата Дюбуа, которые, как показывают архивные материалы, привлеченные Леклерком, ориентировались в этот период на Англию. Автор говорит о тех, „которые ничему не научились и ничего не поняли в громадных усилиях, делавшихся на берегах Невы... в тот момент, когда истощение Швеции, анархия в Польше и распад Турции превратили его (Петра. — *С. Ф.*) в арбитра Севера".

Победив шведов и поляков, Петр стремился консолидировать свое государство при помощи системы союзов, для чего он и обратился к Франции, не сумевшей, впрочем, выйти из своей старой дипломатической колеи.

Впрочем, эта точка зрения Леклерка не самостоятельна, а в значительной мере навеяна известными „Мемуарами" Сен-Симона, который был с аббатом Дюбуа в личной вражде, наложившей свою печать на его политические суждения. Недооценив мотивы английской ориентации регента, Сен-Симон задолго до автора реферируемого исследования писал, что Франции пришлось длительно расплачиваться за „роковые

соблазны со стороны Англии и безумное презрение, проявленное к России".[1]

Отмеченные нами большие новые синтетические труды по истории ряда европейских государств конца XVII и начала XVIII вв. неизменно вовлекают в свой обзор Россию Петра Великого, которая была уже в этот период крупнейшим фактором международных отношений. Ограничиваясь, правда, только историей ее международных и, реже, культурных связей, в первую очередь борьбой на Балтике, они во многих случаях используют свежий материал и подают его под новым углом зрения; в частности, Северную войну они связывают с той борьбой за преобладание на Западе, которая именуется обычно войной за Испанское наследство и вне связи с которой невозможно правильное понимание сложного клубка событий, завязавшегося в течение первой четверти XVIII в. на Балтийском море и в прилегающих к нему странах; там Швеция навсегда расставалась со своей ролью первоклассной державы, и на авансцену выходила молодая Россия.

[1] Mémoires de Saint-Simon, édites par A. de Boislisle, T. XXXI, Paris, 1920, стр. 390.

А. И. Андреев

Памяти Ивана Афанасьевича Бычкова

23 марта 1944 г. скончался в Ленинграде, в возрасте 85 лет, член-корреспондент Академии Наук СССР Иван Афанасьевич Бычков. Ушел из жизни один из крупнейших наших специалистов в области вспомогательных исторических наук и, бесспорно, лучший знаток источников эпохи Петра Великого.

70-е годы XIX в., когда И. А. Бычков (род. 19 августа 1858 г.) учился на юридическом факультете С.-Петербургского университета, были весьма примечательны в историографии петровской эпохи. На смену оживленным спорам о значении этой эпохи в нашем прошлом и настоящем, спорам, которые велись западниками и славянофилами, пришло изучение той же эпохи, основанное на архивных материалах, в изобилии сохранившихся в отечественных и заграничных архивах. Уже с середины 50-х годов XIX в. можно отметить появление целого ряда документальных публикаций о петровской эпохе: походных журналов Петра Великого, его писем, бумаг и других материалов. Н. Г. Устрялов и С. М. Соловьев поднимали тогда впервые драгоценные архивные материалы о петровской эпохе, хранившиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, Государственном архиве и других центральных архивах того времени. М. П. Погодин немало способствовал тому же делу в своих изданиях и исследованиях.

Одним из научных центров, где происходило изучение архивных материалов петровской эпохи, стала Публичная библиотека в Петербурге; в ее отделениях — Рукописном, Русских и старопечатных книг и Rossica —

шла уже не первый год большая работа по собиранию и изучению рукописных и печатных источников об эпохе Петра Великого. К 1872 г., году 200-летия со дня рождения Петра, многие из начинаний 50—60-х годов XIX в. по выявлению, научному описанию и изданию материалов петровской эпохи получили уже завершение: кроме упомянутых выше походных журналов Петра I за 1695—1725 гг., вышедших в 1853—1855 гг. с историческими и географическими примечаниями А. Ф. Бычкова, отца И. А. Бычкова, в издании Публичной библиотеки, под редакцией А. Ф. Бычкова, появились „Первые Русские ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703 г." (1855), „Описание С.-Петербурга и Кронштадта в 1710-м и 1711-м годах" (1860); А. Ф. Бычков напечатал также в 1855 г. свои замечания на „План и образцы библиографического обозрения русских книг петровского времени" П. П. Пекарского, которые и нашли отражение в „Каталоге хранящимся в имп. Публичной библиотеке изданиям, напечатанным гражданским шрифтом при Петре Великом" (1867). Интерес к эпохе Петра был и в военных кругах, и том первый „Материалов Военно-ученого архива Главного штаба" (1871) оказался целиком посвященным царствованию Петра Великого; он вышел под редакцией А. Ф. Бычкова.

Пришедший в 1844 г. в Рукописное отделение Публичной библиотеки в Петербурге на смену знаменитому А. Х. Востокову, ученик М. П. Погодина по Московскому университету, Афанасий Федорович Бычков являлся уже в 50—60-е годы нашим крупнейшим археографом — редактором издававшихся в те годы Воскресенской, Никоновской, Тверской, Лаврентьевской, Новгородских и других летописей, а также „Дворцовых разрядов", „Камер-фурьерских журналов" за 1726—1777 гг. и многих других исторических источников.

В 1872 г. А. Ф. Бычков выпустил „Письма Петра Великого, хранящиеся в Императорской Публичной Библиотеке, и описание находящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования". В этой небольшой книжке он напечатал, по всем правилам тогдашней археографии документов XVII—XVIII вв., все хранившиеся в Публичной библиотеке в начале 70-х годов указы и письма Петра и дал образцовое описание рукописей библиотеки, содержащих материалы для истории Петра Великого. В том же 1872 г. Публичная библиотека выпустила другой ценный труд, необходимый для всякого, изучающего эту эпоху, труд Р. Минцлова „Pierre le Grand dans la littérature étrangère", для которого использованы богатейшие материалы отделения Rossica той же библиотеки, уже тогда являвшегося одним из лучших наших собраний иностранных книг о петровской эпохе. В ряду других изданий, вышедших к юбилею 1872 г. (том „Русской старины", изд. под редакцией М. И. Семевского, том XI „Сборника Русского историче-

ского общества", под редакцией А. Ф. Бычкова и др.), оба издания библиотеки явились наиболее ценным вкладом в историографию петровской эпохи и убедительно говорили вместе с тем о настоятельной необходимости произвести пересмотр всех наших архивов, библиотек, музеев и собраний частных лиц, для извлечения из них материалов о той же эпохе. Несомненный инициатор подобного пересмотра, А. Ф. Бычков писал в мае 1872 г.: „В современной России везде и на всем еще видна зиждительная рука Петра Великого; повсюду еще слышно биение жизни, вызванное в ней творческим гением Преобразователя, который тесно связал наше отечество с Западною Европою и ввел его в плодотворный мир науки... Между тем Петр весь, каким он был, с своими достоинствами и заслугами, но в то же время и с недостатками, неизбежными в каждом человеке, сохранился в своих указах, письмах, наставлениях, резолюциях, заметках. В них он является самым правдивым глашатаем о своих подвигах, верным слугою России, начавшим ей службу солдатом и плотником, ревнивым оберегателем ее достоинства и выгод, мечтающим лишь о том, чтобы свет увидел Россию таковою, каковою он желал бы сам ее видеть: русскою по духу и европейскою по образованию. Важность для отечественной истории всего, написанного Петром Великим, несомненна... Нельзя не пожелать, чтобы приступлено было к изданию такого собрания писем и бумаг Петра Великого, которое совместило бы в себе все, что вышло из-под пера его. Подобный памятник, „металлов тверже он и выше пирамид", вполне достойный торжественного дня, празднуемого Россией, будет напоминать отдаленнейшим потомкам величественный образ того, которому Россия была дороже жизни, который смело повел ее, несмотря на тысячи препятствий, из тьмы неведения в свет знания и которому она обязана своим настоящим..."

Так зародилось большое научное предприятие — издание переписки Петра Великого, которому отец И. А. Бычкова — Афанасий Федорович Бычков — посвятил более 25 лет своей жизни. Рукописное отделение Публичной библиотеки и квартира семьи Бычковых были тем местом, где протекала основная работа образованной 30 декабря 1872 г. Комиссии по изданию переписки Петра Великого. Во главе Комиссии, ее председателем был назначен граф Д. А. Толстой, проявлявший несомненный научный интерес к русскому прошлому, особенно XVIII в.; в Комиссию вошли профессора русской истории университетов: Московского — С. М. Соловьев и Н. А. Попов и С.-Петербургского — К. Н. Бестужев-Рюмин и Е. Е. Замысловский, директор Архива Министерства юстиции Н. В. Калачов, хранитель отделения рукописей Московского Публичного и Румянцевского музеев А. Е. Викторов и ординарный академик Академии Наук А. Ф.

Бычков. На последнего была возложена переписка и ведение всего дела.

Душой нового научного предприятия с первых же дней его был и оставался все время А. Ф. Бычков, неизменно продолжавший его даже в те годы, когда (в 1880—1884 гг.) Комиссия временно приостановила свою деятельность. Занятый в Академии Наук (где он был экстраординарным академиком с 1866 г., ординарным академиком и председательствующим в Отделении русского языка и словесности с 1893 г.), а также в Русском историческом, Русском археологическом и других научных обществах и учреждениях Петербурга, с 1882 г. директор Публичной библиотеки, А. Ф. Бычков, естественно, не мог лично проводить всю ту большую и сложную работу по подготовке переписки Петра Великого, результаты которой напечатаны в первых четырех томах (в 5 книгах) „Писем и бумаг императора Петра Великого", вышедших в 1887—1900 гг.

В них около 275 печатных листов, заключающих 1 486 номеров писем и бумаг, изданных по единому плану и однообразным правилам, которые в основном приняты были еще в начале работы, в 1873 г., и сохранялись до конца редакторства А. Ф. Бычкова, умершего в январе 1899 г.

Имя И. А. Бычкова не упомянуто ни разу в первых четырех томах „Писем и бумаг императора Петра Великого", но именно он-то и был главным помощником своего отца, когда тот, в силу обстоятельств своей научной и служебной деятельности, не мог с начала 80-х годов XIX в. посвящать и Рукописному отделению Публичной библиотеки и Комиссии по изданию „Писем и бумаг императора Петра Великого" много времени. В обоих случаях Иван Афанасьевич являлся не только помощником, но и верным продолжателем работ своего отца, до конца своих дней сохранявшего властное и твердое руководство обоими научными предприятиями.

Иван Афанасьевич Бычков поступил в Рукописное отделение Публичной библиотеки в 1881 г. и с тех пор до конца своих дней, свыше 63 лет, оставался хранителем этого драгоценнейшего собрания старинных рукописей на многих языках, прежде всего на русском, созданного трудами и стараниями обоих Бычковых, отца и сына, неизменно собиравших письменные памятники прошлого в течение столетнего периода их работы в Рукописном отделении. А. Ф. Бычков поступил в Рукописное отделение 15 марта 1844 г., его сын и непосредственный преемник по работе—И. А. Бычков продолжал ее там же до 23 марта 1944 г.

Рукописное отделение Публичной библиотеки, превратившееся в последние годы в одно из хранилищ рукописных памятников, которыми по справедливости гордится наша страна, по количеству и научной ценности хранящихся в нем рукописей ставится специалистами наряду с Британским музеем и Парижской национальной библиотекой; это наше

национальное хранилище рукописей создавалось в последние сто лет трудами двух лиц — славных представителей семьи Бычковых — Афанасия Федоровича и Ивана Афанасьевича, посвятивших ему всю свою жизнь. Случай такой беспрерывной столетней работы в одном учреждении двух лиц, отца и сына, является очень редким.

В заботах о пополнении Рукописного отделения, приведении в порядок многочисленных старых коллекций и новых поступлений и издании их проходили все дни и годы И. А. Бычкова. После 1881 г. вышло более 30 отчетов Публичной библиотеки, в которых неизменным участником являлся И. А. Бычков, дававший в них подробные описания новых поступлений рукописей с точными сведениями не только о внешних и внутренних признаках рукописей — их палеографических, дипломатических и иных характерных особенностях, но также с перечнем всех входящих в рукописные сборники статей; письма и некоторые произведения известных лиц были сообщаемы в отчетах в обстоятельных извлечениях или печатались полностью. Читая составленные И. А. Бычковым описания отдельных рукописей и ценных их коллекций [епископа Порфирия Успенского (1883 г.), П. Д. Богданова (1890 г.), Ф. И. Буслаева (1893 г.), П. И. Савваитова и др.], приходится удивляться не только высокой научной технике его описаний, ставящих их в ряд с лучшими образцами в этой области, но и тем большим и разнообразным сведениям в разных науках, и прежде всего в истории древнерусской письменности, литературы, истории, которые делают его описание необходимым пособием при изучении этих наук.

Иван Афанасьевич сам нередко выступал с публикациями отдельных текстов и иногда целых коллекций, снабжая их необходимыми комментариями. В „Русской старине“ 900-х годов можно читать, например, подготовленную им переписку М. П. Погодина, в „Чтениях Общества истории и древностей российских“ — „Новые материалы о первом русском докторе П. В. Постникове“; такой же характер комментированных публикаций носят его издания отдельных писем и трудов Жуковского, Батюшкова, Одоевского, Вяземского, Загоскина, Языкова, Гнедича и многих других. Эти издания носят печать обширных знаний их редактора и умения подать материал научно и обстоятельно.

Но этот неиссякаемый живой источник в области истории литературы и истории особенно был ценен и дорог при личном общении с ним. Мало кто из людей моего поколения, работавших в последние 30 лет по истории и истории литературы, не бывал в Рукописном отделении Публичной библиотеки. Каждый из нас мог сразу же убедиться в той большой и деятельной помощи, которую оказывал исследователю И. А. Бычков, этот единственный в своем роде живой путеводитель

по всем богатствам Рукописного отделения: память Ивана Афанасьевича и исключительная осведомленность его в громадных по количеству и разнообразных по содержанию собраниях рукописей Публичной библиотеки были поразительны. И. А. Бычков нередко вручал исследователю такие рукописи, о которых молчали старые печатные отчеты библиотеки и о наличии которых в Рукописном отделении трудно было предполагать. Многие „открытия", сделанные в области русской литературы и русской истории разными лицами, обязаны нередко своим появлением незабвенному хранителю Рукописного отделения И. А. Бычкову. Приходится удивляться, как этот человек находил время для своих кропотливых и точных разысканий в области изучения рукописей, учитывая большое число обращавшихся к Ивану Афанасьевичу за научной помощью в прежние годы. Во всяком случае, в основе больших познаний И. А. Бычкова, нашедших лишь частичное отражение в его печатных трудах, лежит глубокое и основательное знакомство со всем тем циклом наук, которые принято называть вспомогательными историческими. Большие знания и опыт Ивана Афанасьевича в области археографии уже в 1887 г. послужили основанием к его избранию в члены Археографической комиссии.

По поручению Археографической комиссии им подготовлены и напечатаны в т. XVI „Русской исторической библиотеки" — „Русские акты Копенгагенского архива"; в „Летописи занятий Археографической комиссии", в вып. 22-м, издан отрывок из записной кабальной книги дьяка Алябьева 1597 г., а в предпоследнем выпуске той же „Летописи" (в. 34, Л., 1927) И. А. Бычков опубликовал „Воспоминания П. П. Пекарского об его службе в Государственном архиве", снабдив их, как обычно, краткими примечаниями.

После смерти А. Ф. Бычкова, в январе 1899 г., встал, естественно, вопрос об его преемнике по редактированию „Писем и бумаг императора Петра Великого"; Афанасий Федорович до своей кончины успел отпечатать текст писем и бумаг самого Петра Великого, вошедших в четвертый том, и вполне приготовить к печати все к ним примечания, а частью и их напечатать, приступил и к составлению указателя, окончание которого и печатание было „закончено посторонней рукою". Так написано в предисловии к четвертому тому, вышедшему в 1900 г. В том же предисловии читаем: „Более четверти века А. Ф. Бычков с любовью трудился над собиранием писем и бумаг Петра Великого и над подготовительными работами к их изданию; напечатанные под его редакцией, с обширными примечаниями, четыре больших тома „Писем и бумаг императора Петра Великого", содержащие в себе драгоценнейший материал для истории царствования державного Преобразователя

России, занимают одно из самых видных мест среди многочисленных трудов покойного академика".

Издание „Писем и бумаг императора Петра Великого", при том положении, которое занимал в Академии Наук А. Ф. Бычков, в последние годы велось как его личное научное предприятие и числилось как издание Отделения русского языка и словесности; о ходе работ по подготовке дальнейших томов „Писем и бумаг императора Петра Великого" А. Ф. Бычков сообщал в печатных отчетах этого отделения.

Но, кроме „Писем и бумаг императора Петра Великого", в Академии Наук шла с 70-х годов XIX в. подготовка и издание „Докладов и приговоров Правительствующего Сената в царствование Петра Великого". Начатое в 1872 г. по предложению академика А. А. Куника, оно велось как издание Историко-филологического отделения Академии Наук, главным образом силами Архива Министерства юстиции под редакцией сначала акад. Н. В. Калачова, при жизни которого вышел (в 1880 г.) только один том (доклады и приговоры 1711 г.), а второй был им только подготовлен. По смерти Н. В. Калачова в 1885 г. редакция этого издания была поручена Н. Ф. Дубровину. Участие Академии в издание „Докладов и приговоров Правительствующего Сената" сводилось, в сущности, лишь к общему руководству работой архива над этими материалами.

После смерти в 1899 г. А. Ф. Бычкова и А. А. Куника в Академии был поставлен вопрос о дальнейшем издании ею исторических источников. На основании выработанного А. С. Лаппо-Данилевским и принятого Академией „Плана издания архивных документов XVI—XVIII вв." дальнейшее печатание „Докладов и приговоров Правительствующего Сената" было приостановлено, а общее руководство изданием „Писем и бумаг императора Петра Великого" взял на себя президент Академии Наук, поручивший в 1909 г. заведывание этим важным научным предприятием Постоянной исторической комиссии при Историко-филологическом отделении Академии Наук, во главе которой стоял тогда акад. А. С. Лаппо-Данилевский. В 1909—1910 гг., по представлению президента, была отпущена в законодательном порядке сумма, потребная на издание следующих трех томов (VI—VIII) „Писем и бумаг императора Петра Великого". Как издание, находящееся в ведении Постоянной исторической комиссии, „Письма и бумаги императора Петра Великого" продолжали выходить в 1912—1918 гг.; в эти годы появились томы шестой и выпуск первый седьмого тома.

Когда выяснилось положение издания в ряду других научных предприятий Академии, редакция пятого тома, в основном подготовленного еще А. Ф. Бычковым, была поручена президентом И. А Бычкову,

который 26 декабря 1903 г. был избран членом-корреспондентом Академии. После смерти отца он продолжал попрежнему ту работу, которой занимался уже много лет. Как и в прежние годы, редактору приходилось всю основную работу проводить одному. Средства на подготовку издания отпускались в Академии небольшие, и затраты на него нередко шли из скромных средств нового редактора. Ничего не изменилось в характере издания, во все последующие годы сохранялись неизменно и те правила издания, которые были приняты еще в 1873 г. и неуклонно применялись в последующие 45 лет. Иван Афанасьевич находил, вместе с тем, время для поездок в Москву с целью работы в б. Московском главном архиве Министерства иностранных дел, б. Московском отделении архива Главного штаба и др., где, как и в петербургских архивах, не только отыскивались дополнения к уже напечатанной переписке, но и снимались копии, которые затем просматривались редактором для будущих томов „Писем и бумаг императора Петра Великого".

Как хранитель Рукописного отделения И А. Бычков неутомимо продолжал во все эти годы приобретать у частных лиц письма Петра Великого и рукописи, содержащие материалы для истории его царствования, с особой тщательностью описывая их в очередных „Отчетах Публичной библиотеки". Эти описания могли бы составить солидное дополнение к упомянутой выше книге 1872 г., составленной А. Ф. Бычковым.

В последние 25 лет И. А. Бычков целиком был занят обычной работой по Рукописному отделению, все реже и реже отвлекаясь от нее для других научных трудов и продолжая оставаться, как всегда, ценным советником и руководителем молодых и старых ученых, которым приходилось работать в Рукописном отделении. Забота о пополнении этого отделения не покидала Ивана Афанасьевича и в последние годы, как о том свидетельствуют ценные поступления того времени, сделанные при непременной его консультации.

Другое дело его жизни — издание переписки Петра Великого — после 1918 г. надолго было приостановлено. Когда в 1940 г. появилась небольшая надежда на возобновление его, Иван Афанасьевич живо откликнулся на сделанное ему предложение. Но война помешала этому делу, и только в мае 1943 г. создалась бо̀льшая уверенность, что издание переписки будет действительно возобновлено. Трудные условия жизни в блокированном городе отрицательно повлияли на здоровье старого ученого. В 1942—1943 гг. Иван Афанасьевич уже не выходил из дому и, оторванный от любимого им дела, работы в Рукописном отделении, сокровища которого пришлось увезти из Ленинграда, медленно угасал.

Еще в декабре 1943 г. Иван Афанасьевич все же продолжал твердо верить и надеяться, что весной 1944 г. он вернется в Рукописное отде-

ление, где хранились материалы очередных томов „Писем и бумаг императора Петра Великого“, и закончит сам работу над ними с тем, чтобы передать их для печатания в Академию, которая наметила издание очередного тома в плане 1944 г. Несмотря на все дружеские предложения помощи и содействия в окончании работы под его руководством, Иван Афанасьевич так и не решился возглавить работу того небольшого коллектива, который удалось образовать еще при его жизни для продолжения подготовки очередных томов „Писем и бумаг императора Петра Великого“. Для них сделано было И. А. Бычковым очень много: подготовлен вчерне прежде всего текст писем Петра I за вторую половину 1708 г., в значительной мере закончены „Примечания“ к письмам первой половины 1708 г., не напечатанные в „Примечаниях“ первого выпуска тома (к №№ 2350—2460), собраны копии писем за 1709-й и следующие годы, а равно материалы для „Примечаний“ к ним, которые потребуют еще большой работы. Часть этого литературного наследия — „Примечания“ к письмам первой половины 1708 г., не напечатанные в первом выпуске седьмого тома, и письма Петра Великого за вторую половину 1708 г. ныне закончены подготовкой и выйдут, к сожалению, уже без Ивана Афанасьевича, много и плодотворно поработавшего над ними, как и над всей перепиской Петра до 1709 г.

Лучший памятник А. Ф. и И. А. Бычковым, много сделавшим для научного издания одного из важнейших источников петровской эпохи, — это изданные семь томов „Писем и бумаг императора Петра Великого“, общий объем которых — около 350 печатных листов действительно драгоценных материалов, изданных по всем правилам археографической техники тех лет.

Воспоминания о работе И. А. Бычкова хочется закончить словами В. О. Ключевского в приветствии А. Ф. Бычкову по случаю его 50-летнего юбилея в 1890 г., которые, как мне кажется, могут быть повторены и в отношении И. А. Бычкова:

„Не могу отказать себе в высоком удовольствии приветствовать вас, — писал А. Ф. Бычкову В. О. Ключевский, — приветствовать труд ученого, без шума веденный в продолжение [63 лет]... посвященный наиболее тяжелому делу в историографии: описанию и критической обработке источников. Сколько нужно было напряженного внимания, терпения, тонкой наблюдательности и любви к делу, чтобы вести его так, как вел его [Иван Афанасьевич]... Сказанные мною слова — бледная и неполная характеристика этой деятельности. Такой труд не только у нас, но и везде — редкое явление...“.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Н. А. Бакланова. Великое посольство за границей в 1697—1698 гг. (Его жизнь и быт по приходо-расходным книгам посольства) 3

А. И. Андреев. Петр Великий в Англии в 1698 г. 63

Т. К. Крылова. Полтавская победа и русская дипломатия. 104

П. П. Епифанов. Воинский устав Петра Великого 167

Е. И. Заозерская. Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв. 214

В. Г. Гейман. Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени 246

А. И. Андреев. Основание Академии Наук в Петербурге 284

Б. Б. Кафенгауз. Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки 334

С. А. Фейгина. Иностранная литература о Петре Великом за последнюю четверть века 390

А. И. Андреев. Памяти Ивана Афанасьевича Бычкова. 424

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

■

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская*

Технический редактор *Е. Н. Симкина*

Корректор *С. Ю. Эттингер*

Оформление книги
художника *Г. М. Рифтина*

*

РИСО АН СССР № 2253. А-09674. Тип. заказ № 340.
Подписано к печати 20/VII 1946 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆.
Печ. л. 27¹/₄. Уч.-издат. 28,25. Тираж 4000.

1-я типография Издательства Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

СКАНИРОВАНИЕ
ЭДД

ордер 412 - 416

С. 3-103, 390-

423

26.03.13

ЭДД

Опол. 290313 - 3, с. 214-245

01 АПР 2013

Ilpm 25 p.